Онлайн Библиотека **http://www.koob.ru**

Карл Леонгард

Акцентуированные личности

Предисловие

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга К. Леонгарда «Акцентуированные личности» на русском языке первым изданием вышла в 1981 г. Она была с большим интересом встречена советским и зарубежным читателем. Об этом свидетельствуют рецензии, опубликованные в специальной периодической печати («Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1982, No 6; болгарский журнал «Неврология, психиатрия и неврохирургия», 1984, No 1), откликнулись на ее выход и общественно-публицистические издания. В частности, рецензия на книгу К. Леонгарда была опубликована в журнале «Новый мир» (1983,.;No 1), автор ее режиссер московского театра Ю. А. Мочалов. Читатель, письмо которого опубликовал журнал «Огонек» (1988, No 17), называет ее настольной книгой учителя и врача. Это неудивительно. Разработанная К- Леонгардом концепция акцентуированных личностей позволяет широкому кругу читателей углубленно познавать природу человеческой личности.

Издательство получило множество писем с просьбой переиздать книгу, результатом чего и явилось настоящее издание. Заключен также договор о поставке книги на русском языке в Польскую Народную Республику.

Конечно, особенный интерес эта книга представляет все же для специалистов, в первую очередь — для психиатров. Концепция акцентуированных личностей излагается в некоторых руководствах по психиатрии и медицинской психологии, привлекается для изучения ряда проблем пограничной психиатрии. Исследуется роль акцентуации личности в генезе неврозов, психопатий и психосоматических заболеваний (язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, бронхиальной астмы, ишемической болезни сердца).

Любое новое исследование, тем более зарубежного автора, в области пограничной психиатрии представляет интерес не только в познавательно-клиническом аспекте, но и в сравнении с уже имеющимися у нас работами этого плана и, в первую очередь, с классическим трудом П. Б. Ганнушкина «Клиника психопатий, их статика, динамика и систематика» (1933).

Сравнение взглядов П. Б. Ганнушкина и К. Леонгарда по вопросам пограничной психиатрии могло бы послужить предметом специального исследования. Остановлюсь лишь на нескольких тезисах П. Б. Ганнушкина, перекликающихся с положениями К- Леонгарда. Это, во-первых, положение о том, что психопатическая личность со всеми ее особенностями не может рассматриваться как данная уже в момент рождения и не изменяющаяся в течение жизни; во-вторых, указание на редкость однотипных психопатий и большую частоту переходных, смешанных форм, отличающихся чрезвычайным полиморфизмом проявлений и богатством оттенков; в-третьих, подчеркивание в динамике психопатий значения количественной стороны их

изучения, т. е. определения степени психопатии.

П. Б. Ганнушкин указывал, что при количественной оценке динамики психопатии речь может идти не только об интенсивности всей клинической картины в целом, но и в ряде случаев о выпячивании отдельных психопатических черт, особенностей, зависящих от внешних условий.

В связи с этим П. Б. Ганнушкин выдвинул положение о латентных, или компенсированных, психопатиях. Разницу между ними и клинически явными психопатиями он видел в жизненном (!) проявлении последних, т. е. в том синдроме, который в современной психиатрии обозначается как социальная дезадаптация.

Книга П. Б. Ганнушкина посвящена клинике психопатий, в ней подвергнуты специальному изучению проявления латентных психопатий, являющихся не чем иным, как проявлением акцентуации личности в понимании К. Леонгарда.

Концепция акцентуации личности была использована А. Е. Личко и его сотрудниками при изучении характера подростков, особенно отклонений в их поведении. Автор этих строк с сотрудниками на основе данной концепции изучал особенности пациентов, страдающих психосоматическими заболеваниями, их преморбидное состояние, возможность выявления путем скрининга лиц, подверженных психосоматической патологии.

В книге К. Леонгарда читатель найдет исключительно тонкие клинические описания акцентуированных личностей, познакомится с анализом сложных и имеющих большое практическое значение случаев комбинированных акцентуаций, проследит динамику акцентуации личности как в сторону психопатии, так и в положительную сторону, не приводящую к явлениям социальной дезадаптации. Эта книга дает возможность проникнуть в исследовательскую лабораторию К. Леонгарда, в которой на первом плане оказываются наблюдение (я бы сказал наблюдательность) и клинико-психологическое исследование, оцениваемое автором выше каких бы то ни было опросников и анкет.

В процессе подготовки второго русского издания пришла печальная весть: профессор К. Леонгард в апреле 1988 г. скоропостижно скончался на 85 году жизни. Он прожил большую жизнь ученого и труженика. Книги, написанные К. Леонгардом, переведены на другие языки — итальянский, английский, японский, русский, румынский. В настоящее время издательство «Выща школа» подготавливает перевод на русский язык последнего, шестого, издания книги о систематике эндогенных психозов (в этом издании она будет называться «Систематика эндогенных психозов и их дифференцированная этиология»).

Мне довелось в течение 10 дней близко общаться с проф. К. Леонгардом в январе 1988 г. Однажды, говоря о своих исследованиях, он произнес слова: «моя психиатрия». Я подумал, что он имел для этого все основания: нет ни одного раздела психиатрии, который бы К. Леонгард не осветил по-своему, не обогатил оригинальной творческой концепцией.

Он был настоящим ученым-клиницистом, сочетавшим огромное

теоретическое знание предмета с умением исследовать больного, анализировать ход заболевания.

Я присутствовал на его клинических разборах. Думаю, что сами эти разборы, а их обстоятельно, почти стенографически записывала многолетняя сотрудница проф. К. Леонгарда З. фон Тросторфф (читателям его книг она известна по многочисленным ссылкам на ее работы и приведенным для иллюстрации основных положений клиническим наблюдениям), могли бы составить интереснейшую книгу. Книгу, которая учила бы врачей-психиатров тому, как исследовать больного, изучать течение болезни у него, проводить дифференциальную диагностику, устанавливать заключительный диагноз. Книгу, которая бы учила психиатрической прогностике.

Каждого больного К. Леонгард смотрел не менее часа, не обнаруживая при этом усталости и не утрачивая интереса к личности больного. Больные, которых он смотрел повторно, воспринимали его уже как близкого им человека, все о них знающего и все помнящего. Поражала тонкость, я бы сказал — отточенность, клинико-диагностического метода. Я наблюдал проф. К. Леонгарда в общении со своими молодыми коллегами в психиатрической клинике Шарите, которой он много лет руководил, и в центральной берлинской психиатрической больнице им. В. Гризингера — их отношение к нему определялось не разницей в возрасте: это был авторитет Учителя, в нем чувствовалось то уважение, которое сам К. Леонгард испытывал к своему учителю — Карлу Клейсту.

К. Леонгард не был человеком, замкнувшимся в своей высокой профессиональной компетентности. Он проявлял глубокий интерес к общественной жизни, был большим знатоком искусства. Впрочем, в последнем читатель легко убедится, знакомясь со второй частью книги «Акцентуированные личности». Мне было особенно приятно убедиться в том, насколько глубоко знал и высоко ценил К. Леонгард творчество Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Несомненно, эта книга представит большой интерес не только для специалистов, занимающихся вопросами психиатрии и пограничных с ней наук, но и для студентов медицинских и педагогических институтов, всех интересующихся проблемой психологии личности.

В. М. Блейхер

Предисловие к русскому переводу

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Ряд моих книг уже переведен на другие языки, но я полагаю, что перевод на русский язык моих «Акцентуированных личностей» обеспечит особенно тесный контакт автора с другим народом. Мысль эта станет понятной читателю, когда он ознакомится с содержанием II части данного труда, в которой я обращаюсь к великим писателям-психологам. К величайшим среди них принадлежат русские писатели Толстой и Достоевский. Толстой доносит

до нас своеобразие таких душевных реакций, которые без психологической глубины его подхода вряд ли оказались бы вообще раскрытыми в художественной литературе, хотя они глубоко человечны и играют существенную роль в поведении личности в целом. У Достоевского с исключительной силой показаны различия в поведении разных людей. Акцентуированные личности, представляющие при деловом профессиональном описании не более, чем чисто научный интерес, благодаря Достоевскому делаются близкими нам, мы воспринимаем их более непосредственно, зримо.

Некоторым критикам персонажи Достоевского представлялись патологическими. Однако это мнение основано на недоразумении: именно в силу того, что Достоевский изображал психологию и поступки людей столь образно, столь захватывающе, им и приписывался патологический характер. На самом же деле поведение всех его героев есть поведение людей совершенно нормальных. В моей книге цитируется следующая мысль Достоевского, который касался и данного вопроса: «Писатели в своих романах и повестях большею частию стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно,— типы чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком, хотя они тем не менее еще действительнее самой действительности».

В I части книги я не мог говорить с читателем, создавая художественные образы, ибо я только ученый, не более. И все же я постоянно стремился и здесь не быть голословным, конкретно подтверждать теоретические рассуждения наглядными примерами, взятыми из жизни. Лишь при таком методе читатель способен полностью охватить все, сказанное автором. Эта наглядность изложения представляется особенно важной. при переводе на другой язык. Теоретические положения не всегда могут быть адекватно переведены на иностранный язык, иногда они несколько отходят от оригинала, зато описания конкретных лиц и ситуаций в переводе недвусмысленны и сразу всем понятны, они от оригинала ничем не отличаются.

Я придаю большое значение исходному определению своей темы: данный труд посвящен личностям не патологическим, а нормальным, хотя и акцентуированным. Если изображение их порой так ярко и выразительно, что создается впечатление патологичности описываемых людей, то это связано лишь с намерением того или иного автора как можно более резко подчеркнуть анализируемые личностные черты. Именно это и дает мне право сослаться на вышеприведенную мысль Достоевского.

Радует меня тот факт, что в своих научных поисках я не одинок, что я солидарен с советскими учеными, преследующими те же цели анализа и определения личности.

Надеюсь, что благодаря опубликованию перевода этой книги наши контакты с советскими учеными станут еще теснее, чем были до этого. Этим пожеланием я и хотел бы закончить предисловие к русскому переводу «Акцентуированных личностей».

Карл Леонгард

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Концепция акцентуированных личностей, излагаемая в данном труде, основана на монографии «Нормальные и патологические личности», написанной мною вместе с моими сотрудниками и изданной в 1964 г. (VEB, Издательство «Volk und Gesundheit»). Из этой монографии заимствовано и много отдельных описаний нормальных и патологических личностей, в связи с чем я выражаю своим сотрудникам искреннюю благодарность.

Во второе издание внесен ряд исправлений и дополнений. В частности, книга дополнена описанием тех акцентуированных личностей, образы которых созданы в художественной литературе; за счет этого значительно расширена ее вторая часть.

Берлин, март 1975

Карл Леонгард

ВВЕДЕНИЕ

При оценке данной книги, пожалуй, скорее всего можно упрекнуть меня в том, что, говоря об основных чертах человеческой личности, я не привлекаю случаев из существующей обширной литературы по психиатрии и психологии. В свое оправдание приведу два момента. Первый из них чисто внешний: когда объем книги заведомо ограничен, то, вероятно, целесообразнее приводить материал, полученный и отобранный автором в результате личных наблюдений, а не те общеизвестные факты, на которых основывали свои выводы другие исследователи. Любому психиатру известны имена ученых, занимавшихся диагностикой личности, в первую очередь Кречмера, Эвальда, Курта Шнайдера, Петриловича. Каждый психолог знает наперечет все выдающиеся труды по психологии, а также и случаи, использованные в них в качестве примеров. Едва ли необходимо заниматься реферированием уже известного.

Кроме этого соображения существует и сугубо внутренняя причина. Моя методика изучения личности, на которой дальше я остановлюсь подробнее, отличается от других методик. Правда, и я исхожу из обычного в психиатрии обследования поступающих в клинику лиц путем расспроса, однако мои вопросы сориентированы иначе, так как преследуют особую цель. Из-за своеобразия методики мне трудно было бы подвести результаты своих исследований под один знаменатель с результатами, полученными другими авторами. Я был бы вынужден постоянно оговаривать, что я имею в виду то же, что и цитируемый ученый, или, наоборот, что его оценку полученных данных я не совсем разделяю. Такое постоянное внесение коррективов было бы не только утомительным, но и малоплодотворным.

Полагаю, что возможные недочеты изложения, связанные с недостаточным привлечением материалов других специалистов, будут компенсированы широким привлечением литературы другого плана: я намереваюсь

проиллюстрировать и подкрепить свои соображения о структуре личности образами художественной литературы. В связи с этим будут процитированы многие произведения художников слова. Здесь я позволю себе небольшой упрек в адрес других специалистов. В художественной литературе мы в изобилии находим замечательные описания психологии человека, которые следовало бы уже давно использовать и в нашей науке. Великие писатели одновременно являются и великими психологами. Особенно убедительные результаты дает изучение психологии героев литературных произведений при анализе человека как индивидуальности. Таким образом, используя описания психологии человека в художественной литературе, я в какой-то мере наверстываю упущенное и в то же время получаю возможность значительно расширить реальную основу для выдвигаемых мной положений.

Конечно, большая часть публикуемых здесь материалов — это непосредственные наблюдения, собранные автором и его коллегами в книге «Нормальные и патологические личности». Из случаев, наблюдавшихся моими коллегами, в настоящую книгу включены лишь те, с которыми я знаком; форму описания я при этом не менял. В книге описан также ряд новых, еще неопубликованных, случаев.

Я убежден, что мы не достигнем должной глубины при изучении структуры личности, если будем основываться на одних теоретических рассуждениях или на экспериментальных исследованиях. Необходимо обследовать человека как такового, каким он предстает в жизни,— это позволит проверить данные и теории, и эксперимента. Поэтому особую свою задачу я усматриваю в том, чтобы дать как можно больше примеров из жизни, т. е. заняться описанием таких людей, которые в силу особой структуры личности постоянно вступают в конфликт со своим окружением. Только то, что может быть выведено из непосредственных наблюдений над живыми людьми и их поступками, следует считать психологически достоверным. И в первую очередь здесь имеется в виду психология личностей, называемых мною акцентуированными.

Введение

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

Часть I

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Люди различаются между собой не только акцентуированными чертами. Даже не обнаруживая черт, выделяющих личность на фоне среднего уровня, люди все же несходны между собой. Имеются в виду те особенности, которые придают человеку как таковому индивидуальные черты. Если мы задались целью понять, что же такое акцентуация личности, необходимо познать эти отличительные черты.

Часть I. Типология личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЧЕЛОВЕК КАК ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КАК

АКЦЕНТУИРОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Людей отличают друг от друга не только врожденные индивидуальные черты, но также и разница в развитии, связанная с течением их жизни. Поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, кто он по профессии, в каком кругу вращается. Два человека с натурами, первоначально сходными, могут впоследствии иметь весьма мало общего между собой, а, с другой стороны, сходство жизненных обстоятельств может выработать сходные черты и реакции у людей, в корне различных.

Так называемые жизненные типы, например тип служащего, офицера, коммерсанта, ученого, учителя, официанта, формируются благодаря тому, что определенное положение или должность накладывают отпечаток на образ жизни. Конечно, этому часто способствует тот факт, что заложенная в человеке природой тенденция взаимодействует с избранной профессией, более того, человек и определенную профессию часто избирает именно потому, что она соответствует его индивидуальным склонностям. Отпечаток, о котором идет речь, у взрослого человека не может серьезно отразиться на диагностике личности, ведь внешние формы поведения в гораздо большей степени определяются благоприобретенными привычками, чем проявлением внутренней направленности. Так, например, у учителя известная уверенность в себе, самоуверенность естественны, поскольку он привык играть важную роль в детском коллективе. Совсем другое впечатление производит человек, самоуверенность которого не обусловлена его профессией. Кстати, наряду с уверенностью в себе учитель может обладать безусловной скромностью. Или возьмем офицера, отличающегося исключительной дисциплинированностью, аккуратностью. Такая черта в военном более оправдана, чем из ряда вон выходящий педантизм, заложенный в самой натуре человека.

Обычно поведение, связанное с профессиональной привычкой, не смешивают с поведением, отражающим внутреннее своеобразие человека. Иное дело, если черты большого своеобразия проявились уже в раннем детстве. Тут бывает трудно установить, насколько глубоко это своеобразие отразилось на структуре личности взрослого.

Я должен оговориться, что вопрос происхождения акцентуированных черт личности не является в данной работе предметом особого внимания: эти черты занимают нас лишь в том виде, в каком мы непосредственно наблюдаем их у обследуемых лиц. Например, можно считать установленным, что у любого человека в натуре заложено желание заслужить похвалу, одобрение, что любой человек не чужд чувства жалости. Вполне возможно, что впечатления детского возраста наложили определенный отпечаток на особенности проявления этих черт у взрослого. Однако бесспорно одно: и склонности, и направленность интересов человека исходят извне. В какую сторону направлены честолюбивые помыслы человека, зависит исключительно от внешних стимулов. Двое одинаково честолюбивых людей могут быть злейшими врагами в силу того, что ставят себе прямо противоположные цели. По-разному может быть направлено и чувство долга. Какое именно

направление избирается человеком, во многом зависит от общества, в котором он живет. Точно так же врожденная направленность интересов и склонностей ни в коей мере не препятствует воспитательному воздействию. Более того, именно врожденная направленность и есть основа воспитания, без нее воспитание вообще невозможно. Если бы в человеке не была заложена тенденция к формированию чувства долга, то при помощи воспитания нельзя было бы побудить его делать одно и не делать другого.

Люди отличаются друг от друга независимо от того, каким путем такое отличие возникает. Точно так же, как по внешности один человек всегда отличается от другого, так и психика каждого человека отлична от психики других людей.

И все же, говоря об индивидуальных чертах, мы не представляем их себе как какой-то необозримый ряд возможностей, вдобавок еще и с множеством переходов: не может быть и речи о бесконечности неповторимых индивидуальных черт. Можно выдвинуть следующий тезис: основные черты, определяющие индивидуальность и характер человека, весьма многочисленны, но все же их число нельзя считать неограниченным.

Черты, определяющие индивидуальность человека, могут быть отнесены к различным психическим сферам.

Назовем прежде всего сферу, которую правильнее всего было бы обозначить как сферу направленности интересов и склонностей. Некоторые интересы и склонности носят характер эгоистический, другие, напротив, альтруистичны. Так, один человек может все подчинять жажде наживы или обладать непомерным тщеславием, другой — отзывчив, добр, у него высоко развито чувство гражданской ответственности. К этой же сфере относятся и чувство справедливости, боязливость или ненависть к человеку. Если одно из этих свойств психики очень ярко выражено или, напротив, мало развито, то есть основания говорить о них как об индивидуальных чертах человека, т. е. яркую выраженность описываемых индивидуальных черт еще нельзя считать основной причиной акцентуации личностей, которые неизменно чем-то выделяются на фоне людей среднего уровня.

Легко установить, что отклонения в ту или иную сторону у личностей неакцентуированных всегда находятся в пределах общечеловеческих норм. Эти черты, заложенные в человеке от природы, именно вследствие своей общечеловеческой значимости составляют настолько крепкий остов, что особого индивидуального «разнобоя» обычно не наблюдается. Не исключены, конечно, вариации человеческого реагирования: бывают люди более или менее эгоистичные или альтруистичные, более или менее тщеславные, более или менее сознательно относящиеся к своему долгу. Таким путем, т. е. на фоне вариаций в сфере направленности интересов и склонностей, возникают различные индивидуальности, но их еще нельзя отнести к акцентуированным личностям.

Вторую сферу можно обозначить как сферу чувств и воли. Характер

внутренней переработки явлений также определяет значительные индивидуальные различия. В результате возникают модификации индивидуальности и характера. Речь идет о самом процессе протекания эмоций, о скорости, с которой они овладевают человеком и затем ослабевают, о глубине чувства. Сюда же входят и виды волевых реакций, к которым мы относим не только слабость или силу воли, но также и внутреннюю волевую возбудимость в плане холерического или флегматического темперамента. Свойства этой эмоционально-волевой сферы также в той или иной мере обусловливают различные вариации поведения, наделяя людей специфическими индивидуальными чертами. Однако и они не определяют сами по себе личность, которая отчетливо выделялась бы на среднем фоне.

Третья сфера связана с интеллектом, который обычно не включают в понятие личности. Существует, однако, область ассоциативных чувств (цит. соч., с. 117—140) , в которых заложено начало таких черт личности, как заинтересованность, стремление к упорядоченности. Данная сфера может быть названа ассоциативно-интеллектуальной. Такую черту человека, как любовь к порядку, нельзя сразу же категорически определять как потребность ананкаста в упорядоченности. Сплошь и рядом эта черта является лишь одним из индивидуальных проявлений ассоциативно-интеллектуальной сферы, которое отнюдь не должно связываться с чертами акцентуации личности.

Чтобы понять сущность человека, необходимо пристально присмотреться к свойственным ему различным чертам названных выше психических сфер. Я попытаюсь проиллюстрировать в данной книге особенности акцентуированных личностей конкретными примерами из жизни. Точно так же следовало бы поступить и в отношении перечисленных вариаций человеческой индивидуальности. Но даже при желании это нелегко сделать. Специфические свойства, о которых здесь говорилось, не так бросаются в глаза, чтобы их можно было убедительно подтвердить соответствующим материалом. Ни наблюдения, ни беседы с людьми не помогают однозначно описать и определить упомянутые выше вариации. Зато их можно очень явственно представить себе, если посмотреть на человека изнутри. Именно такую возможность дают нам писатели. Они не только изображают чисто внешние поступки героев, передают их слова и даже высказывания о себе самих, но нередко сообщают нам и то, о чем их герои думают, что чувствуют и чего желают, показывая внутренние мотивы их поступков. У персонажей художественных произведений легче выявить весьма тонкие индивидуальные вариации. Если человек проявляет боязливость или самоуверенность, сострадание или чувство справедливости, либо даже не проявляя этих качеств сам себе их приписывает, то трудно с уверенностью сказать, перешагнул ли он границы нормальных реакций. Но когда мы встречаем у писателя персонаж, у которого проявляются названные черты, выписанный талантливо, со всеми его мыслями и чувствами, это в большинстве случаев дает возможность безошибочно распознать проявление одной из сфер индивидуальности. Итак, персонажи художественной литературы дают нам любопытнейшие примеры индивидуальных вариаций человеческой психики.

Не всегда легко провести четкую грань между чертами, формирующими акцентуированную личность, и чертами, определяющими вариации индивидуальности человека. Колебания здесь наблюдаются в двух направлениях. Прежде всего, особенности застревающей, или педантической, или гипоманиакальной личности могут быть выражены в человеке столь незначительно, что акцентуация как таковая не имеет места, можно лишь констатировать отклонение от некоего «трафаретного» образца. Особенно ярко это выражено при определении тех или иных свойств темперамента, представляющих все промежуточные ступени его видов вплоть до почти нейтральной. Акцентуация всегда в общем предполагает усиление степени определенной черты. Эта черта личности, таким образом, становится акцентуированной.

Многие черты невозможно строго дифференцировать, т. е. трудно установить, относятся они к ряду акцентуаций или лишь к индивидуальным вариациям личности. Например, если говорить о честолюбии, то следует прежде всего определить, относится оно к сфере интересов и склонностей или является чертой акцентуированного застревания. Последнее определение возможно при яркой выраженности данной черты: твердолобый, слепой карьеризм вряд ли можно отнести к сфере направленности интересов. Кроме того, застревание никогда не проявляется одним только честолюбием, к нему присоединяются повышенная чувствительность к обидам и сильно выраженная злопамятность.

С подобным же положением мы сталкиваемся, наблюдая яркие проявления чувства долга. Его можно отнести к сфере направленности интересов и склонностей, но можно усматривать в нем и черту, свойственную ананкастам. Дифференциация должна учитывать следующие моменты: в случаях, когда чувство долга — просто характерологическая особенность, человек отличается ровным, спокойным поведением, его преданность долгу лишена напряженности и является чертой как бы само собой разумеющейся; у ананкаста же чувство долга сопряжено с беспокойством, постоянными вопросами о том, достаточно ли самоотверженно он поступает.

Весьма интересно и существенно с психологической точки зрения то, что застревающие личности обнаруживают проявления эгоистических чувств (честолюбия, болезненной обидчивости), а педантические — проявления альтруистические, в частности чувство долга. Следует подчеркнуть, что черты застревания взаимосвязаны в основном с эгоистическими чувствами, а черты сомнения, постоянных колебаний (ананкастические) — с чувствами альтруистического порядка. Чем больше человек колеблется в своих решениях, тем сильнее альтруистические чувства завладевают сознанием и воздействуют на принятие решения.

Еще больше бросается в глаза контраст при сравнении ананкастической личности не с застревающей, а с истерической, поскольку истерики еще в большей мере склонны к эгоизму. Они часто принимают необдуманные решения, редко взвешивают свои поступки, оставаясь в эгоистическом

кругу направленности интересов, который им ближе (см.: цит. соч.).

Ананкастические и истерические черты пересекаются и с другими чертами индивидуальности. Я уже и прежде занимался вопросом о том (см.: цит. соч., с. 218—219), не является ли длительное раздумывание при принятии решения легкой формой ананкастической предрасположенности или же это просто одно из свойств сферы чувства и воли. Параллельно с этим я пытался также установить, является ли готовность к необдуманным действиям выражением слегка истерического уклона или же ее следует расценивать как самостоятельное проявление свойства из сферы чувства и воли. Имеются и другие неясности такого рода.

Сильно развитая область эмоций у человека активизирует альтруистические чувства — чувство сострадания, радости за чужую удачу, чувство долга. В гораздо меньшей мере в подобных случаях развиты стремление к власти, алчность и корыстолюбие, возмущение, гнев в связи с ущемлением самолюбия. Для эмотивной натуры особенно характерно такое свойство, как сочувствие, но оно может развиться и на другой почве.

Не обнаруживает единой генетической основы и такая черта личности, как тревожность (боязливость). В нормальной степени боязливость свойственна многим людям, но она может стать господствующей, накладывая свой отпечаток на все поведение человека. В этих случаях нередко обнаруживается и физическая основа данного состояния в виде повышенной возбудимости вегетативной нервной системы, которая, воздействуя на сосудистую систему, может привести к физическому чувству стесненности, страха и тоски. Вероятно, лишь в последнем случае констатируется тенденция перешагнуть границы средних проявлений боязливости и вызвать акцентуацию личности.

Из-за большого количества пересечений некоторые специалисты полагают, что, рассматривая индивидуальные черты людей, следует отказаться от всяких классификаций и лишь в общем виде описывать наблюдаемое. Я придерживаюсь иной точки зрения, а следовательно, могу ожидать упрека в попытках втиснуть в схему то, что не поддается четкому определению. И все-таки я убежден, что существуют основные черты человеческой индивидуальности, существуют объективно и что в силу этого наука должна стремиться к их выделению и описанию. Естественно, это связано с большими трудностями, ведь речь идет не о том, чтобы приспособить разрозненный материал к более или менее приемлемой схеме, а о том, чтобы вскрыть объективно существующие, лежащие в основе понятия «личность» черты, несмотря на наличие их многочисленных пересечений.

Акцентуированные черты далеко не так многочисленны, как варьирующие индивидуальные. Акцентуация — это, в сущности, те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние. Ананкастические, паранойяльные и истерические черты могут быть присущи в какой-то мере, собственно, любому человеку, но проявления их так ничтожны, что они ускользают от

наблюдения. При большей выраженности они накладывают отпечаток на личность как таковую и, наконец, могут приобретать патологический характер, разрушая структуру личности.

Личности, обозначаемые нами как акцентуированные, не являются патологическими. При ином толковании мы бы вынуждены были прийти к выводу, что нормальным следует считать только среднего человека, а всякое отклонение от такой середины (средней нормы) должны были бы признать патологией. Это вынудило бы нас вывести за пределы нормы тех личностей, которые своим своеобразием отчетливо выделяются на фоне среднего уровня. Однако в эту рубрику попала бы и та категория людей, о которых говорят «личность» в положительном смысле, подчеркивая, что они обладают ярко выраженным оригинальным психическим складом. Если у человека не наблюдаются проявления тех свойств, которые в «больших дозах» дают паранойяльную, ананкастическую, истерическую, гипоманиакальную или субдепрессивную картину, то такой средний человек может безоговорочно считаться нормальным. Но каков в таком случае прогноз на будущее, какова оценка состояния? Можно сказать, не колеблясь, что такого человека не ожидает неровный жизненный путь существа болезненного, со странностями, неудачника, однако маловероятно и то, что он отличится в положительном отношении. В акцентуированных же личностях потенциально заложены как возможности социально положительных достижений, так и социально отрицательный заряд. Некоторые акцентуированные личности предстают перед нами в отрицательном свете, так как жизненные обстоятельства им не благоприятствовали, но вполне возможно, что под влиянием других обстоятельств они стали бы незаурядными людьми.

Застревающая личность при неблагоприятных обстоятельствах может стать несговорчивым, не терпящим возражений спорщиком, но если обстоятельства будут благоприятствовать такому человеку, не исключено, что он окажется неутомимым и целеустремленным тружеником.

Педантическая личность при неблагоприятных обстоятельствах может заболеть неврозом навязчивых состояний, при благоприятных— из нее выйдет образцовый работник с большим чувством ответственности за порученное дело.

Демонстративная личность может разыграть перед нами рентный невроз, при иных обстоятельствах она способна выделиться выдающимися творческими достижениями. В целом при отрицательной картине врачи склонны усматривать психопатию, при положительной — скорее акцентуацию личности. Подобный подход в достаточной мере оправдан, поскольку легкая степень отклонений связана чаще с положительными проявлениями, а высокая — с отрицательными.

Обозначение «патологические личности» следовало бы применять лишь в отношении людей, которые отклоняются от стандарта и тогда, когда внешние обстоятельства, препятствующие нормальному течению жизни, исключаются. Однако необходимо учитывать различные пограничные

случаи.

Жесткой границы нет и между нормальными, средними людьми и акцентуированными личностями. Здесь также не хотелось бы подходить к этим понятиям слишком узко, т. е. неверно было бы на основании какой-либо мелкой особенности человека тотчас же усматривать в нем отклонение от нормы. Но даже при достаточно широком подходе к тому, какие качества можно называть стандартными, нормальными, не бросающимися в глаза, все же существует немало людей, которых приходится отнести к акцентуированным личностям. Согласно обследованиям, проведенным в Берлинской клинике Зитте среди взрослых и Гутьяром среди детей, население нашей страны, во всяком случае население Берлина, это на 50 % акцентуированные личности и на 50 % — стандартный тип людей. В отношении населения какого-либо иного государства данные могут оказаться совершенно другими. Немецкой национальности, например, приписывают не только такую лестную черту, как целеустремленность, но и довольно неприятную — карьеризм. Может быть, этим можно объяснить, что Зитте нашла среди обследованных ею людей много застревающих и педантических личностей.

Ниже я подробно излагаю свое понимание акцентуированной личности. Однако, поскольку при этом я все время обращаюсь и к личностям патологическим, следовало бы детально изложить сущность моих расхождений во мнениях с некоторыми известными учеными, занимающимися идентичными проблемами. Предварительно укажу, что Бергман, занимаясь комбинированными патологическими чертами, отмечала, насколько наши взгляды совпадают со схемой, предлагаемой К. Шнайдером. В небольшой книжке «Детские неврозы и личность ребенка» я изложил свои взгляды по этим вопросам более полно, поэтому здесь ограничусь несколькими краткими замечаниями.

Педантические, или ананкастические, личности, которых К- Шнайдер вообще не выделяет, представляют собой, на мой взгляд, особо важную группу как в силу своей распространенности, так и в связи с очень широким масштабом отклонений от среднего уровня.

То же можно сказать и о демонстративных, или истерических, личностях, которых в последнее время ряд ученых тоже отказываются выделять в особую группу. Между тем, ананкастические и истерические черты способны сильно отражаться на личности человека.

Понятие «параноический» я трактую несколько иначе, чем было принято до сих пор, так как наиболее существенной стороной его считаю склонность к застреванию аффекта.

Я не ввожу в свою систематику нестойких, неустойчивых личностей, так как в описании их не нахожу единства структуры личности: когда читаешь о таких людях, видишь перед собой то истерических, то гипоманиакальных, то эпилептоидных личностей. Даже если бы под нестойкостью понималось одно лишь слабоволие, все равно я не смог бы отнести эту черту к акцентуации, а отнес бы ее только к вариациям

индивидуальности: ведь слабоволие никогда не может достигнуть такой степени, при которой можно было бы говорить о накладывании отпечатка на личность в целом. Следует отметить, что в условиях применяемой ныне диагностики неустойчивость является наиболее распространенной формой психопатии. Это связано с тем, что в понятие неустойчивости включают дополнительно еще множество патологических черт личности, в то же время собственно слабоволие сплошь и рядом к этому понятию не относят.

В главах об акцентуации личности я не рассматриваю и бесчувственность, которую иногда обозначают термином гебоид.

В этих случаях речь идет, судя по последнему термину, о латентном душевном заболевании. Что же касается обычной холодности чувств, то с нею мы сталкиваемся только при вариациях характера, а не при его акцентуации.

Гипертимические, дистимические и циклотимические личности различаются мной по Кречмеру, однако надо оговорить, что я расцениваю их как личностей, обладающих лабильным темпераментом, а поэтому постоянно колеблющихся между гипертимическим и дистимическим состоянием. Синтонными я считаю, напротив, таких людей, которые обладают, как правило, средним уравновешенным настроением. Из общей массы циклотимических личностей я выделяю аффективно-лабильных, склонных к постоянным чрезмерным колебаниям настроения как бы между двумя полюсами.

За счет области мышления и психомоторики следовало бы увеличить количество специальных групп акцентуации темперамента, так как некоторые лица обнаруживают особое возбуждение или торможение именно в процессе мышления, с чем связана и их психомоторика, в частности оживленность или вялость мимики. Эти явления подробно описала Тросторфф.

Более детально здесь следует заняться интровертированными и экстравертированными личностями, поскольку в цитируемых мной работах такой информации нет. В эти понятия я также вкладываю смысл, несколько отличный от общепринятого, хотя они и без того лишь частично сохранили содержание, которое в них в свое время вкладывал Юнг.

В моем представлении эти понятия тесно связаны с периодом переходного возраста, т. е. с периодом формирования у ребенка психики взрослого человека (см.: цит. соч., с. 228—237). Вкратце изложу свои взгляды по данному вопросу.

Ребенок экстравертирован: он обращен к процессам, воздействующим на его чувства, и реагирует на них соответствующим поведением, мало раздумывая. Взрослый, по сравнению с ребенком, интровертирован: его гораздо меньше занимает окружающее, внешний мир, реакции его гораздо менее непосредственны, он имеет обыкновение предварительно размышлять над поступком. При экстравертированности в мыслях и в

поведении преобладает мир восприятий, при интровертированности — мир представлений. У экстравертированного взрослого человека радость принятия решения гораздо интенсивнее, ибо он больше сосредоточен на внешнем, окружающем его мире и поэтому в

значительно меньшей степени рассуждает, взвешивает различные возможности; у интровертированного — преобладает тенденция предварительно обдумывать и оценивать решения. Для экстравертированного человека характерно проявление чисто внешней активности, не зависящей от мыслительных процессов, т. е. значительно большая импульсивность поведения: эта черта также сродни детской психологии. Нерешительность интровертированного человека связана с усиленной работой мысли, но, несмотря на это, он менее способен ощутить радость в связи с принятием решения.

В детском возрасте экстравертированность у обоих полов имеет одинаковую форму выражения. В отроческом возрасте поворот к интровертированности у мальчиков носит значительно более резкий характер, чем у девочек. Поэтому женщина всегда больше связана с объективными событиями жизни, больше зависима от них и в большинстве случаев обладает более практическим умом. Однако принять необдуманное решение, навеянное моментом, и действовать, не взвесив последствий,— это всегда реальная опасность для нее. Мужчина лучше понимает взаимосвязь явлений и истинные, не всегда очевидные причины их, он больше склонен к обобщениям, его мысль работает в соответствующем направлении более эффективно. Опасность же для мужчины заключается в том, что он пускается в теоретические рассуждения и упускает те возможности, которые требуют незамедлительных действий. Вследствие этого различия нельзя одинаково расценивать акцентуированную экстравертированность и интровертированность у мужчин и у женщин. То, что для женщины является нормой, для мужчины — экстравертированность, и наоборот, то, что у мужчин следует считать нормой, у женщин надо рассматривать как интровертированность.

Решение в экстравертированном плане может быть менее реалистичным и менее объективным, чем в интровертированном, поскольку последнее, принимаемое после основательного и всестороннего взвешивания, всегда бывает более здравым, трезвым. Я согласен с Юнгом, когда он говорит: «Экстравертированные натуры ориентируются на данные конкретные факты, интровертированный человек вырабатывает собственное мнение, которое он как бы «вдвигает» между самим собой и объективной данностью».

Остановлюсь на том, о чем Юнг пишет дальше: «Говоря об интровертированности, нужно иметь в виду еще и другой тип мышления, который, собственно, еще скорее может подойти под данную рубрику, а именно тип, который не ориентируется ни на непосредственный объективный опыт, ни на общие идеи, полученные посредством объективных выкладок».

Итак, Юнг здесь приходит к выводу, что не только конкретная

ориентация на объект исключает интровертированность, но и такие идеи, которые «отталкиваются от объекта». Вначале Юнг говорил, что экстравертированный человек приемлет объективную действительность такой как она есть, интровертированный же внутренне перерабатывает ее; в последующем он выдвигает положение, согласно которому интровертированный человек вообще все объективное воспринимает под субъективным знаком: «Я применяю термин «субъективный фактор» по отношению к тем психологическим акциям и реакциям, которые, испытывая воздействие объекта, порождают новый факт психического порядка».

Далее еще яснее излагается, что именно представляет собой мышление в интровертированном плане: «Нельзя отрицать в подобных случаях, что идея берет свое начало в неясном и сумрачном символе. Такой идее присущ некий мифологический характер: в одном случае эту идею истолковывают как проявление оригинальности, в другом, худшем,— как чудачество. Дело в том, что архаический символ для специалиста (ученого), незнакомого с мифологическими мотивами, всегда кажется завуалированным». Конкретно это означает, что немалое количество идей можно связать только с экстравертированностью. Кроме того, читаем: «В процессе практического мышления у коммерсанта, техника, естествоиспытателя мысль не может не быть направлена на объект. Не столь ясной представляется картина там, где речь идет о мышлении философа, занимающегося областью идей. В этом случае необходимо прежде всего установить, не являются ли данные идеи лишь абстракциями, возникающими в процессе познавания некоего объекта. Если это так, то соответствующие идеи представляют собою не что иное, как общие понятия высшего порядка, включающие в себя некую сумму объективных фактов. Если же идеи не есть абстракции из непосредственно полученного опыта, то также следует установить, не переняты ли они откуда-либо по традиции и не заимствованы ли из окружающей интеллектуальной среды. Если да, то и эти идеи относятся к категории объективной данности, а тем самым и это мышление надо будет признать экстравертированным».

Я считаю мыслительную работу естествоиспытателя экстравертированной лишь в тех случаях, когда его деятельность носит характер собирания, коллекционирования. Чем больше он мысленно перерабатывает наблюдаемое, тем более его мозговая деятельность приближается к плану интроверсии. Философу же, разрабатывающему определенные идеи, я приписываю только интровертированный характер умственной деятельности даже в тех случаях, когда ход его мысли основывается на объективных источниках или фактах.

Если я, несмотря на расхождения во мнениях с Юнгом, пользуюсь его терминологией, то это происходит по двум причинам. Во-первых, в медицинской психологии эти термины укоренились больше в том значении, которое приписывается им мною. Во-вторых, при практическом подходе к вопросу не наблюдается столь большого расхождения, как в области теории. Чем конкретнее примеры, приводимые Юнгом, тем больше я склонен с ним согласиться. Например, Юнг пишет: «Один человек, только услышав, что на улице холодно,

тотчас же бросается надевать пальто, другой считает это излишним из тех соображений, что «нужно закаляться»; один восхищается новым тенором по той причине, что все «на нем помешаны», другой вовсе им не восхищается, но не из тех соображений, что он ему не нравится, а потому, что глубоко убежден: если все чем-то восхищаются, то это совсем еще не значит, что данное явление заслуживает восхищения; один покоряется существующим обстоятельствам, ибо, как показывает его опыт, что-либо другое все равно невозможно, другой же уверен, что пусть такой результат был уже тысячу раз, но тысяча первый случай может повернуться по-иному». Эти противоположные типы поведения я рассматриваю под тем же углом зрения, что и Юнг.

Иногда специалисты недостаточно четко разграничивают экстравертированность и интровертированность поведения с чертами темперамента. Например, гипоманиакальные личности постоянно отвлекаются, они целиком ориентированы в сторону происходящих вокруг событий, готовы в любой момент включиться в них. Их можно обозначить и как экстравертированный тип, однако их поведение лишено специфики экстравертированности.

Айзенк, у которого в диагностике личности экстравертированность и интровертированность играют первостепенную роль, на мой взгляд, не избежал вышеупомянутой опасности и вовлек в число признаков также и гипоманиакальный темперамент. Об экстравертированном человеке Айзенк пишет: «Он любит пошутить, очень находчив, постоянно ищет развлечений, разнообразия; он оптимист, много и охотно смеется. Чрезвычайно деятельный человек, склонен к агрессии, часто им овладевает нетерпение. Не следит за сдержанностью в проявлении чувств; на него не всегда можно положиться». В этом описании явно слышатся нотки гипоманиакального темперамента, который принципиально отличается от темперамента экстравертированной личности. Всегда серьезный, не склонный к оптимизму, не любящий смеяться человек может точно так же проявлять признаки экстравертированности, но только его экстравертированность не так резко бросается в глаза. С другой стороны, гипоманиакальная личность может обладать чертами интровертированности. В дальнейшем мы проиллюстрируем это соответствующими примерами.

Существует еще один фактор недостаточного разграничения типов, проявляющийся в сфере контактов между людьми. Так, человек, живущий преимущественно в мире восприятий, легко устанавливает контакт с другими людьми; тому, кто больше углублен в себя, труднее устанавливать отношения с окружающими. Однако такая зависимость наблюдается не всегда. Человек интровертированный не проявляет большой готовности включаться в общение, и все же он может быстро сдружиться с кем-нибудь, тогда как другой человек, всегда ориентирующийся на окружение, живущий «нараспашку», при установлении контактов может испытывать трудности. В чем же причина этого? Очевидно, в установлении непосредственного понимания между двумя людьми, связанного в большой мере с областью выразительности, экспрессии поведения. Несомненно, у некоторых людей существует особый дар действовать на других выразительной, располагающей

манерой общения, чутко понимать тончайшие оттенки чувств и настроения других. Но есть и люди, лишенные такого дара, такой чуткости. В первом случае контакт устанавливается быстро даже при наличии интровертированности, во втором — даже у экстравертированных людей установление контакта с другими происходит туго. Способность к установлению контактов и ослабленную контактоустанавливающую функцию часто рассматривают как нечто идентичное экстравертированности и интровертированности соответственно. Особенно часто термины аутизм или шизоидный характер расшифровываются как интровертированность плюс слабость контактов. Четкую грань между тем и другим удалось провести Тросторфф.

После сделанных мною предварительных замечаний я могу обратиться к диагностике акцентуированных личностей. Даже там, где моя методика диагностики ничем не отличается от методик других авторов, описание ее все же не будет излишним: оно покажет, каким образом можно конкретно отграничить одну акцентуированную личность от другой.

Курт Шнайдер говорил, что его схему психопатии трудно применить на практике, так как ряд отдельных черт слишком незаметно переходят друг в друга. В силу этого он в большинстве случаев предпочитает такое общее обозначение, как «психопатия». Я не раз возражал против такого подхода. В данной работе я хотел бы конкретно показать, что те акцентуированные личности, которых я предлагаю отличать друг от друга, в большинстве случаев могут быть распознаны вполне отчетливо независимо от того, идет ли речь об одной акцентуированной черте или о нескольких. Диагностика личности должна проводиться по надлежащей методике.

Человек как индивидуальность и как акцентуированная личность Методика диагностики личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ

К сожалению, у нас нет пока перечня обязательных вопросов, с помощью которых можно было бы определить акцентуированные черты личности. Это объясняется тем, что задавая вопросы, мы всякий раз должны применять индивидуальный подход, проверяя, правильно ли нас понял обследуемый, постоянно пристально наблюдая его, контролируя полноценность его ответов. В этих условиях схематическая игра в вопросы-ответы бессмысленна, а тесты можно использовать лишь с большими оговорками.

Шмишек и Мюллер составили перечень вопросов, многие из которых я применяю при диагностировании личности. Необходимо, однако, делать поправку на возможные ошибки, так как понятия, связанные с установлением акцентуации личности, можно истолковывать совершенно по-разному. Так, например, на определенный вопрос, заданный дважды, один и тот же обследуемый дает противоположные ответы в зависимости от того, как он воспринял это понятие. Можно, конечно, большим количеством

наводящих и поясняющих вопросов постепенно свести такие недоразумения к минимуму, но однозначное заключение сделать нельзя, ибо невозможно предвидеть заранее сопровождающую ответ мимику, способную придать разное значение двум идентичным ответам. В другой работе («Выражение лица человека») я подробно осветил, какую важную роль играют наблюдения за мимикой обследуемого при диагностике личности. Мне еще придется коснуться этого вопроса позднее.

Важнейшими средствами диагностики личности являются наблюдение и обследование. Если у врача есть возможность наблюдать человека непосредственно, изучать его поведение на работе и в домашней обстановке, в семье, среди друзей и знакомых, в узком кругу и при большом количестве собравшихся, то, несомненно, можно составить представление о его личности. Впрочем, многое и в этом случае остается скрытым и познается лишь при длительном тесном контакте с наблюдаемым. Однако провести тщательное наблюдение над пациентами едва ли возможно даже в условиях стационара, поскольку здесь люди находятся не в том окружении, в котором обычно проявляются особенности их личности.

Иначе обстоит дело с больными детьми, которые не связаны постельным режимом. Как только такой ребенок привыкнет к обстановке, он начинает «проявлять себя» гораздо выразительнее, чем взрослый больной. Вначале и ребенок стесняется новой обстановки, считая, что она обязывает к непривычному поведению, и испытывая также известную боязнь. Но проходит всего несколько дней, и ребенок начинает чувствовать себя в обстановке стационара как дома. На своих товарищей по палате ребенок смотрит не как на больных, вместе с которыми он проходит курс лечения, а просто как на других детей, с которыми он сталкивался и дома, и на улице, и в школе, с которыми можно играть, ссориться и снова мириться. Общая игра в обстановке детского психиатрического отделения вряд ли отличается от любой другой детской игры. Распорядок в клинике, точное время подъема, еды, отхода ко сну расценивается маленькими пациентами не как обстановка больницы, а как несколько видоизмененный домашний режим. Поэтому наблюдения в клинике над детьми дают гораздо более богатый материал, чем над взрослыми. Кроме того, если врач не может сам заняться наблюдениями над маленькими больными, он может получить сведения у психолога или у сестры-воспитательницы, которые находятся с детьми постоянно. Еще больше дает наблюдение в тех случаях, когда непосредственно при отделении есть школа, так как очень важно наблюдать детей и в школьной обстановке. Отношение взрослого человека к труду, к трудовой деятельности, столь важное для суждения о личности в целом, во время пребывания в клинике, естественно, не может выявиться; трудовая деятельность ребенка — это его отношение к школьным занятиям, его работа над домашними заданиями. Таким образом, можно определить, как ребенок справляется с поставленной перед ним задачей, как он относится к обязанностям, насколько важным стимулом является для него соревнование.

Но если у ребенка можно многие данные получить путем наблюдения, то вторая сторона диагностики, т. е. обследование, у взрослого проходит безусловно успешнее, чем у ребенка: у детей еще недостаточно выработана способность к самонаблюдению, поэтому они о себе, о своих внутренних

переживаниях в состоянии дать лишь весьма поверхностные сведения. В таких случаях могут помочь расспросы родителей и воспитателей.

Один тип наблюдения в одинаковой мере важен и у детей, и у взрослых — это наблюдение над мимикой, жестикуляцией и интонациями обследуемого. Если мы, например, хотим установить, действительно ли обследуемый испытывает чувство печали, радости, воодушевления, надежды, опасения, разочарования и т. д., как он нас в том заверяет, то одни его слова не могут служить гарантией. Но по мимике можно определить, соответствует ли то, что говорится, истине. Ничего не выражающее лицо свидетельствует о равнодушии обследуемого, вопреки его утверждениям о том, что он полон печали или надежды. Даже в тех случаях, когда при собеседовании говорят о, казалось бы, давно забытых чувствах, эта тема обязательно находит отражение в мимике, ибо чувства оживают вновь, когда о них вспоминают. Даже если в правдивости рассказа пациента можно не сомневаться, то и тогда по мимике можно определить, насколько глубоко затронуло человека описываемое им чувство, например, действительно ли потеря близкого родственника так сильно потрясла его, как он уверяет. Или наоборот, человек хочет скрыть огорчение или досаду и заявляет, что «все это давно забыто». В таких случаях по мимике нередко можно определить, что огорчение не прошло, что оно мучает человека и поныне.

Интонации также часто позволяют судить о том, что говорится, более верно, чем сами слова. Выражение, с которым произносятся фразы, модуляции голоса играют существенную роль. Иногда удается «подслушать» вздох или даже стон, которые выдают то, что словами показать не хотят. Большое значение имеет и подчеркивание мимикой и голосом того или иного слова (слов). Иногда из рассказа обследуемого мы извлекаем гораздо меньше, чем из сопровождающей рассказ мимики. О чем бы ни шла речь, мимика и интонация могут усилить или ослабить сказанное. Они же могут помочь разобраться в том, уверен ли полностью обследуемый в сообщаемом или кое в чем сомневается. Любое «да», любое «нет» в плане чисто словесного материала как будто однозначны, но тон и мимика позволяют предполагать и другое значение, даже противоположное. Если человек говорит чуть-чуть нерешительно, если он почти незаметно растягивает слова, то это может служить знаком, что глубоко в его сознании живет сомнение в сказанном. Неуверенность выражается и мимически — мы видим вопрошающий, ищущий взгляд, иногда полуоткрытый рот, свидетельствующие о том, что вопрос или высказывание еще не доведены до конца. Тут даже не требуется особого предварительного изучения мимики, она как бы сама заявляет о своей диагностической силе, а мы включаем полученные сведения в общее суждение об обследуемом.

Таким образом, наблюдения за мимической, жестикуляционной и фонической системой выразительных средств можно считать важным подспорьем при диагностике личности. Найдутся, конечно, врачи, которые сочтут эту методику малодостоверной. Я же, напротив, хотел бы подчеркнуть, что наблюдения за мимикой — наиболее достоверный из всех методов, которые можно привлечь для диагностирования человеческой личности, ибо здесь чисто духовное содержание находит непосредственное внешнее выражение, которое также непосредственно может быть воспринято другим человеком, о чем я уже писал в своей монографии. Если,

например, человек в какой-либо ситуации проявляет страх, то это ни в чем не найдет столь отчетливого выражения, как в его мимике. Пусть он даже пытается подавить выражение страха, но мимически это у него получится гораздо хуже, чем попытка скрыть страх словами или какими-либо действиями. Если повод для страха незначителен, то по мимике почти безошибочно можно сделать заключение о тревожности, боязливости обследуемого. Разумеется, нельзя точно установить и математически доказать, что определенная мимика человека свидетельствует о переживании им минут радости, печали, сомнения и т. п., но все же этот признак достоверен более, чем всякое иное проявление.

Нам хорошо известно из повседневного опыта, что человека можно принимать именно таким, каким он познается нами по мимике и жестикуляции: человек с печальным выражением лица едва ли думает о чем-то веселом, а человек, выражение лица которого обнаруживает раздражение, никогда не окажется в мирном и приятном расположении духа. Поскольку мы приходим в таких случаях к выводам непосредственно и иногда очень быстро, то бывает, что о личности человека, просидевшего напротив врача всего каких-нибудь две минуты, можно узнать гораздо больше, чем после тщательного обследования его с применением тестов и анкет. Следует, однако, учесть, что даже после прохождения отличной умственной «зарядки» живость ума со временем все более бледнеет (приходит в упадок), если стимулы — пусть в иной форме — не продолжают поступать.

Можно сказать следующее: за единицу времени у человека, привыкшего активно мыслить, рождается больше мыслей, чем у другого, не привыкшего мыслить, независимо от того, у кого из обоих выше интеллект.

Достаточно посмотреть на лицо человека, чтобы составить себе суждение о том, насколько он умственно подвижен. При собеседовании, нацеленном на анализ личности, этот момент весьма важен, ибо, независимо от того, какие вопросы мы задаем и какие ответы получаем, нужно отчетливо представлять себе внутреннюю позицию человека. Особую роль она играет при определении экстра- или интровертированности личности. Например, у человека с высшим образованием, привыкшего постоянно оценивать окружающие его объекты, об интровертированности может свидетельствовать ярко выраженная склонность к продуцированию собственных идей. У человека же, не прошедшего достаточной интеллектуальной школы, особенно бросаются в глаза черты экстравертированности.

И все же необходимо признать, что мимика при детальном исследовании черт личности является не более чем превосходным вспомогательным средством. Конкретные констатации отлично подтверждаются выражением лица, но более полная картина личности выявляется при определении всевозможных реакций обследуемого.

Прежде всего, можно попросить обследуемого высказаться о собственном отношении к своему характеру. Мы предлагаем ему набросать свой психологический портрет, спрашиваем, как он смотрит на жизнь, как справляется с ее сложностями. Уже при одном таком самоописании можно

выявить важные моменты: одни не могут смотреть на жизнь просто, другие отличаются чрезмерной чувствительностью и возбудимостью, у третьих жизнь протекает спокойно, они любят общество, веселье. Если по мимике и по модуляции голоса мы замечаем, что обследуемый чего-то не договаривает, можно остановиться на этом и расспрос вести детальнее. Если нам кажется, что мы столкнулись с определенной чертой личности, то можно углубить эту тему. Даже если мы окончательно убедились в наличии данной черты, она должна быть подтверждена не общими фразами обследуемого, не утвердительным «да», а фактами из жизни, поступками. Всякий охотно ответит утвердительно на поставленный вопрос (за исключением тех случаев, когда возможно установочное поведение), если положение соответствует истине, но такой ответ приобретает ценность только при подтверждении его объективными фактами. Обследуемый может отрекомендовать себя как человека старательного, целеустремленного, серьезного, живого и т. д., но все эти заявления ничего не стоят, если он не сможет рассказать, в чем именно проявляется его старательность или серьезность. Примеры должны быть выразительными, яркими, ведь речь идет о качествах, которые выделяют данного человека на фоне людей среднего уровня. Примеры должны свидетельствовать, что в аналогичной ситуации поведение обследуемого существенно отличается от поведения других. Утверждать нечто такое, что объективно не соответствует истине, возможно, но никто не сможет в подтверждение привести конкретные случаи и факты, если их не было в действительности, разве что одаренный богатым воображением актер, но актера сразу можно распознать. Итак, заявления обследуемого могут служить лишь ориентиром, критерий же определения личности — это особенности поведения человека в конкретных ситуациях. Я сказал бы, что это, пожалуй, важнейший методический пункт в анализе личности.

Рассмотрим, как в беседе с обследуемым та или иная акцентуированная черта, определяющая структуру акцентуированной личности, выделяется с достаточной четкостью.

Если мы предполагаем, что перед нами личность застревающая, то прежде всего выясняем вопрос о ее чувствительности. Некоторые люди не совсем верно подходят к понятию «чувствительность», они толкуют ее как «впечатлительность». В таких случаях следует разъяснить пациенту, что имеется в виду чувствительность к личной обиде. Обследуемого спрашивают, что он чувствует, когда к нему относятся несправедливо, может ли он принять это спокойно. Многие не хотят признаваться в чувствительности такого рода, опасаясь обвинения в нетерпимости, неуживчивости; возможно, им приходилось уже выслушивать упреки подобного рода. Реакция сразу же отразится в мимике, и обследуемому необходимо тут же разъяснить, что имеются в виду вовсе не агрессивные проявления, а то, как он внутренне переносит нанесенную ему обиду,— иными словами, снять с данного качества отрицательный налет. В таком случае застревающие люди обычно признаются, что их легко задеть и обидеть. Но любопытно, что такое свойство, как злопамятность, многие продолжают отрицать до конца. Впрочем, отрицая, такие люди имеют в виду лишь одно: что внешне они в определенный момент уже не проявляют враждебности, так как «свое уже отыграли». Это верно лишь в той мере, в какой происшедшее перестало быть для них актуальным; причиненное же

зло они продолжают помнить. Некоторые обследуемые прямо так и говорят: «Я могу простить обиду, но не забыть ее». В плане акцентуации личности достаточно доказательным является то, что причиненная когда-то несправедливость постоянно остается в памяти, хотя другие черты той же личности могут тормозить проявления этой давней оскорбленности.

От многих приходится слышать, что они внутренне глубоко страдают от обид и несправедливости, хотя внешне этого не проявляют.

При более высокой степени чувствительности внешние проявления (реакции) обиды редко отсутствуют. Хороший результат дают следующие вопросы к обследуемому: бывали ли у него конфликты в связи с тем, что он не выносит несправедливости?

Можно сказать следующее: за единицу времени у человека, привыкшего активно мыслить, рождается больше мыслей, чем у другого, не привыкшего мыслить, независимо от того, у кого из обоих выше интеллект.

Достаточно посмотреть на лицо человека, чтобы составить себе суждение о том, насколько он умственно подвижен. При собеседовании, нацеленном на анализ личности, этот момент весьма важен, ибо, независимо от того, какие вопросы мы задаем и какие ответы получаем, нужно отчетливо представлять себе внутреннюю позицию человека. Особую роль она играет при определении экстра- или интровертированности личности. Например, у человека с высшим образованием, привыкшего постоянно оценивать окружающие его объекты, об интровертированности может свидетельствовать ярко выраженная склонность к продуцированию собственных идей. У человека же, не прошедшего достаточной интеллектуальной школы, особенно бросаются в глаза черты экстравертированности.

И все же необходимо признать, что мимика при детальном исследовании черт личности является не более чем превосходным вспомогательным средством. Конкретные констатации отлично подтверждаются выражением лица, но более полная картина личности выявляется при определении всевозможных реакций обследуемого.

Прежде всего, можно попросить обследуемого высказаться о собственном отношении к своему характеру. Мы предлагаем ему набросать свой психологический портрет, спрашиваем, как он смотрит на жизнь, как справляется с ее сложностями. Уже при одном таком самоописании можно выявить важные моменты: одни не могут смотреть на жизнь просто, другие отличаются чрезмерной чувствительностью и возбудимостью, у третьих жизнь протекает спокойно, они любят общество, веселье. Если по мимике и по модуляции голоса мы замечаем, что обследуемый чего-то не договаривает, можно остановиться на этом и расспрос вести детальнее. Если нам кажется, что мы столкнулись с определенной чертой личности, то можно углубить эту тему. Даже если мы окончательно убедились в наличии данной черты, она должна быть подтверждена не общими фразами обследуемого, не утвердительным «да», а фактами из жизни, поступками. Всякий охотно ответит утвердительно на поставленный вопрос (за исключением тех случаев, когда возможно установочное поведение), если

положение соответствует истине, но такой ответ приобретает ценность только при подтверждении его объективными фактами. Обследуемый может отрекомендовать себя как человека старательного, целеустремленного, серьезного, живого и т. д., но все эти заявления ничего не стоят, если он не сможет рассказать, в чем именно проявляется его старательность или серьезность. Примеры должны быть выразительными, яркими, ведь речь идет о качествах, которые выделяют данного человека на фоне людей среднего уровня. Примеры должны свидетельствовать, что в аналогичной ситуации поведение обследуемого существенно отличается от поведения других. Утверждать нечто такое, что объективно не соответствует истине, возможно, но никто не сможет в подтверждение привести конкретные случаи и факты, если их не было в действительности, разве что одаренный богатым воображением актер, но актера сразу можно распознать. Итак, заявления обследуемого могут служить лишь ориентиром, критерий же определения личности — это особенности поведения человека в конкретных ситуациях. Я сказал бы, что это, пожалуй, важнейший методический пункт в анализе личности.

Рассмотрим, как в беседе с обследуемым та или иная акцентуированная черта, определяющая структуру акцентуированной личности, выделяется с достаточной четкостью.

Если мы предполагаем, что перед нами личность застревающая, то прежде всего выясняем вопрос о ее чувствительности. Некоторые люди не совсем верно подходят к понятию «чувствительность», они толкуют ее как «впечатлительность». В таких случаях следует разъяснить пациенту, что имеется в виду чувствительность к личной обиде. Обследуемого спрашивают, что он чувствует, когда к нему относятся несправедливо, может ли он принять это спокойно. Многие не хотят признаваться в чувствительности такого рода, опасаясь обвинения в нетерпимости, неуживчивости; возможно, им приходилось уже выслушивать упреки подобного рода. Реакция сразу же отразится в мимике, и обследуемому необходимо тут же разъяснить, что имеются в виду вовсе не агрессивные проявления, а то, как он внутренне переносит нанесенную ему обиду,— иными словами, снять с данного качества отрицательный налет. В таком случае застревающие люди обычно признаются, что их легко задеть и обидеть. Но любопытно, что такое свойство, как злопамятность, многие продолжают отрицать до конца. Впрочем, отрицая, такие люди имеют в виду лишь одно: что внешне они в определенный момент уже не проявляют враждебности, так как «свое уже отыграли». Это верно лишь в той мере, в какой происшедшее перестало быть для них актуальным; причиненное же зло они продолжают помнить. Некоторые обследуемые прямо так и говорят: «Я могу простить обиду, но не забыть ее». В плане акцентуации личности достаточно доказательным является то, что причиненная когда-то несправедливость постоянно остается в памяти, хотя другие черты той же личности могут тормозить проявления этой давней оскорбленности.

От многих приходится слышать, что они внутренне глубоко страдают от обид и несправедливости, хотя внешне этого не проявляют.

При более высокой степени чувствительности внешние проявления (реакции) обиды редко отсутствуют. Хороший результат дают следующие

вопросы к обследуемому: бывали ли у него конфликты в связи с тем, что он не выносит несправедливости? не случалось ли так, что пришлось и с работы уволиться, потому что он не мог примириться с тамошними обстоятельствами? а может быть, обследуемый был уволен по инициативе администрации, потому что он проявлял резкость и неуступчивость в любом споре?

Если поставить вопрос не о чувствительности, а о склонности вступаться за других, когда к ним несправедливы, то застревающие личности сразу отвечают утвердительно. Они считают такую черту ценным качеством и не видят оснований скрывать его. Впрочем, обычно их все же больше задевает несправедливость по отношению к ним самим.

Если конфликты все больше нагромождаются, если мы сталкиваемся со все растущей вздорностью и неуживчивостью, то здесь приходится констатировать (если, конечно, исключить крайне неблагоприятную ситуацию) уже не акцентуированную черту личности, а паранойяльную психопатию, при которой застревание переходит в патологическую стадию.

Однако застревание проявляется не только в чувствительности, лица этого склада весьма честолюбивы. Взаимосвязь обеих черт особенно хорошо заметна в случаях, когда обида вызвана ущемлением личного престижа. Тот, кто претерпел несправедливость по ошибке, в силу стечения обстоятельств, но при этом его личный авторитет не пострадал, вряд ли будет особенно этим задет. Стремление утвердить себя, добиться высокого положения может проявиться и вне связи с чувствительностью. Профессиональная деятельность застревающего человека подтверждает сказанное. Такие люди часто достигают весьма высокого служебного положения, хотя оно и не всегда соответствует их образованию. Если недостаточные интеллектуальные данные этих людей препятствуют занятию такого поста, все равно, пусть в узких рамках их деятельности, чувствуется беспрерывное желание выдвинуться. При значительной степени акцентуации личности честолюбивые устремления часто претерпевают срывы. Должному признанию, должной оценке таких людей постоянно мешают их конфликты с окружающими, из-за которых они не только не продвигаются вверх по служебной лестнице, но сплошь и рядом их понижают в должности. Такие люди обычно обвиняют в этом других, но иногда осознают и собственную вину. Они своенравны и не терпят возражений, они настолько бестактны в своих честолюбивых замыслах, что вызывают своим поведением искреннее возмущение коллег. Приходится иногда опрашивать сослуживцев, так как сами обследуемые не могут объективно отобразить события. Развитие чувствительности и честолюбия, взятых в комплексе, неблагоприятно, но фактически угрожает лишь в тех случаях, когда застреваемость приобретает характер паранойяльной психопатии. Если акцентуация не переходит известных границ, то достижения застревающих личностей обычно бывают выше среднего уровня.

Если мы предполагаем, что обследуем личность педантическую, лучше всего начинать опрос с вопросов о профессии пациента. Мы спрашиваем, как он относится к своим служебным обязанностям, старателен ли. Поскольку никому не может быть приятно обвинить самого себя в

небрежном отношении к работе, то от большинства людей мы получаем положительный ответ. Однако, если утвердительный ответ носит более или менее формальный характер, то, как правило, это можно определить уже по мимике и интонации. Путем дальнейших расспросов мы выясняем, не относится ли обследуемый к некоторым рабочим процессам чересчур серьезно, не перепроверяет ли себя по многу раз, хотя это и не вызывается необходимостью, не случается ли, что по дороге с работы домой он мысленно возвращается к рабочему дню, спрашивая себя, все ли им было сделано как следует. На этот вопрос большинство людей дают отрицательный ответ. Однако педантические личности тут понимающе кивают головой и дают понять, что мы коснулись их ахиллесовой пяты. Мы узнаем, что они по 2—3 раза себя проверяют, прежде чем сдать работу. Они рассказывают и о том, что с концом рабочего дня для них вовсе не кончаются служебные заботы, что, улегшись спать, они еще долго обдумывают, «как все сегодня получилось», а иногда, забегая вперед, начинают заранее «переживать» и завтрашний день. Бывает и так, что такие люди с полдороги возвращаются в учреждение: им показалось, что они забыли сделать что-то важное, хотя это почти никогда не подтверждается.

Если такого человека спросить конкретно, добросовестен ли он в работе, можно ли на него положиться, то в большинстве случаев он ответит, что себя хвалить считает неудобным. Но если продолжать настаивать на ответе, то мы узнаем то, что хорошо известно всему производству или учреждению: человек этот невероятно скрупулезен, на него можно положиться как ни на кого другого. Может быть, именно из этих соображений ему поручают такую работу, при исполнении которой недопустимы ошибки. Правда, ему часто требуется больше времени, чем другим людям, чтобы довести работу до конца. Такие люди поэтому сплошь и рядом работают сверхурочно, не требуя никакой оплаты.

Для педантических личностей трудности начинаются там, где особая точность оказывается известной помехой в работе, так как бывают ситуации, когда в интересах работы в целом можно не стремиться к совершенству в отдельных деталях. Эти люди могут в связи со своим характером дойти в таких случаях даже до конфликтов. Вообще такие лица очень серьезно страдают под бременем ответственности: невозможность все выполнить так, как требует их добросовестность, делает их несчастными. Вследствие этого они не только не стремятся к повышению по службе, но даже отказываются, когда им предлагают более ответственную высокооплачиваемую должность.

В дальнейшей беседе мы касаемся домашней жизни обследуемого, узнаем, царят ли и там тщательность, пунктуальность. Нередко при этом устанавливаем, что педантичность распространяется не на все области жизни. Мужчины, озабоченные тем, чтобы на работе все шло идеально четко, часто в быту оказываются не слишком аккуратными. Это можно приписать определенной внутренней установке, например, что за порядок в доме отвечает жена. Любопытно, что для педантических личностей нередко более приемлемо вовсе снять с себя ответственность за порученное дело, чем пытаться справиться с ним неполноценно.

Женщины больше чувствуют себя ответственными за дом. Но поскольку и

на работе педантичность их дает о себе знать, то они предпочитают работать на должностях минимально ответственных. Если же у женщин чрезмерная аккуратность выражается только в быту, то с выводами приходится быть осторожнее, ибо нередко женщины соблюдают образцовую чистоту и чрезмерный порядок в доме лишь потому, что гордятся своим очагом и всегда хотят видеть и показывать его в безукоризненном состоянии. Обыкновенная любовь к порядку — это следует иметь в виду — к болезненным проявлениям педантической акцентуации не относится.

Наконец, определив педантичность личности, мы предлагаем ряд стандартных вопросов, на которые не во всех случаях получаем утвердительный ответ (не все области психики вовлекаются в соответствующие проявления), но все же часто в ответ обследуемый смущенно утвердительно кивает головой. Под стандартными я имею в виду вопросы о постоянных перепроверках, закрыты ли газовые краны, хорошо ли заперта дверь, не оставлен ли где-нибудь не выключенным свет, действительно ли опущено важное письмо в почтовый ящик и т. д.

До тех пор пока педантичность не выходит за пределы акцентуации личности, ее следует оценивать как положительную черту характера, хотя педантичные люди зачастую теряют много сил зря на никому не нужные перепроверки. Но если акцентуация достигает степени, свойственной ананкастической психопатии, отрицательное начинает проступать все более отчетливо. Постоянная неуверенность, постоянный последующий контроль могут достигнуть такой степени, при которой всякая работа продвигается вперед черепашьим шагом. Предусмотрительное взвешивание превращается в бесплодные раздумья. Некоторые представления могут приобретать навязчивый характер. Это уже сигнал навязчивых идей, которые не являются предметом настоящего исследования.

При обследовании демонстративной личности нужно действовать очень осторожно, поскольку в беседе с такими людьми очень легко «попасться на удочку». Получаемым ответам в большинстве случаев нельзя доверять: обследуемые рисуют себя не такими, какими являются на самом деле, а такими, какими им хотелось бы казаться. Многие демонстративные личности, например, характеризуют себя как добросовестных и даже — сверхдобросовестных, являясь при этом иногда абсолютно ненадежными людьми. Они улавливают любую возможность представить себя с наилучшей стороны и с удовольствием ее используют. Поэтому здесь особенно важно требовать подтверждения ответов конкретными примерами. На этот случай у демонстративных личностей не припасены фактические иллюстрации, как это наблюдается у личностей педантических, которые и здесь, как и во всем, отличаются аккуратностью. Демонстративные личности вообще склонны приписывать себе разные весьма положительные качества даже и тогда, когда о них не спрашивают.

Кроме того, в процессе диагностики демонстративных личностей существует один весьма характерный момент: следует учитывать не только сообщаемые фактические данные, но также и манеру обследуемого держать себя во время беседы. Свою истерическую сущность такие люди, как правило, выдают всем своим поведением: все у них преувеличено —

выражение чувств, мимика, жесты, тон. Всегда чувствуется отсутствие настоящего внутреннего фона всех этих проявлений. Вот где может особенно пригодиться способность к непосредственному восприятию и соответствующему истолкованию мимики и жестов. Обладая такой способностью, можно всегда отличить показное от искреннего. Впрочем, еще и еще раз следует подчеркнуть, какую большую роль здесь играет опыт: молодых врачей такие личности постоянно вводят в заблуждение. Молодые коллеги считают их ответы и заявления объективными, хотя по картине в целом сразу можно определить, что обследуемый хитрит. В этих случаях врачи также не всегда делают правильные выводы из самовосхваления и самосожаления этих людей, часто столь обманчивых. Мы полагаем, что в реальной жизни демонстративные личности благодаря своему упорству имеют немалый успех, ибо они бы давно отучились от своих манер, если бы каждый видел этих хитрецов насквозь.

Некоторые демонстративные личности с врачом ведут себя иначе, чем с окружающими их людьми. Бывает, что по объективным описаниям членов семьи или сослуживцев такие люди предстают весьма упорными, но при врачебном обследовании оказываются столь выдержанными, что всему, что они говорят начинаешь невольно верить. Однако все это лишь еще раз свидетельствует о приспособляемости таких людей: они показывают себя не такими, какими есть на самом деле, а такими, какими им в данных обстоятельствах выгодно себя показать. Например, многие патологические мошенники умышленно прячут назойливые манеры демонстративной личности, ибо хорошо знают, что с помощью спокойного поведения можно снискать больше доверия.

Демонстративные личности, если расспрашивать их осторожно, охотно признаются в своем актерском даровании. Они с удовлетворением подчеркивают, что в обществе всегда чувствовали себя уверенно, что еще в школе выразительно декламировали стихи, с успехом участвовали в детских театральных постановках, а позже — в любительских спектаклях. Из этой области своей жизни им легко черпать вполне конкретные примеры.

В способности играть сказывается и положительный характер данной акцентуации: подобно тому как они играют, чтобы выставить себя в выгодном свете, они весьма успешно играют и на сценических подмостках. Демонстративные личности вообще часто одарены фантазией, столь важной и в других областях искусства. В большинстве своем они охотно признаются в полетах фантазии. Например, мне неоднократно приходилось слышать, что обследуемому «ничего не стоит придумать славные рассказики». При тактичном проведении обследования можно добиться у пациента и подтверждения, что ему легко «выкрутиться» при помощи ловко придуманной небылицы.

При обследовании демонстративной личности важнее, чем при других видах акцентуации, охватить весь ее жизненный путь. Поскольку у таких людей явно выражена склонность избегать трудностей, они часто меняют не только место работы, но и профессию. Чем больше акцентуация приближается к истерической психопатии, тем больше насчитывается на работе срывов, внезапных отказов от работы, которая якобы слишком тяжела; наблюдается также и бегство в болезнь. «Истощение нервной

системы», которое на самом деле является ни чем иным, как демонстрацией, и «переутомление», о котором объективно не может быть и речи, играют в подобных случаях немалую роль. Многие больные, которых при неточном анализе относят к слабохарактерным, на самом деле являются истериками. Рассказ о своей жизни истерические психопаты обычно пересыпают самовосхвалением и выражением жалости к себе. При определенной степени акцентуации эти психопаты лгут и хитрят бессознательно, что всегда следует учитывать при обследовании. Дело может дойти до патологической склонности к обману и до pseudologia phantastica. Наряду с этим у демонстративных личностей встречаются и такие черты, которые способны компенсировать истерическую склонность к отлыниванию от работы.

У возбудимых личностей также часто констатируется весьма неровное течение жизни, однако не потому, что они постоянно избегают трудностей, а потому, что часто высказывают недовольство, проявляют раздражительность и склонность к импульсивным поступкам. Достаточно того, чтобы им что-либо не понравилось, как они сразу же отворачиваются и, не утруждая себя взвешиванием последствий, берутся за новое. Если спросить таких людей о причинах перемены места работы или профессии, то редко услышишь ответ о трудности самой работы, зато выдвигаются другие мотивы: начальник не хотел пойти на уступки, коллега относился не так, низкая зарплата и т. д. Работа как таковая, в частности физический труд, этим акцентуированным личностям приносит радость, поэтому они здесь достигают успехов. Особенно отчетливо их возбудимость проявляется при глубоких аффектах. Неприятные события, расстроенные чувства могут привести этих людей к необдуманным поступкам, иногда к попытке самоубийства. Но особенно характерна для них необузданная возбудимость со вспышками ярости. Многие из обследуемых прямо подтверждают, что в состоянии запальчивости они не способны сдержаться, другие говорят об этом не так откровенно, но самих фактов не отрицают. Для определения степени возбудимости целесообразно опросить родных.

Возбудимые личности нередко производят впечатление людей примитивных, т. е. уже по их мимике можно судить о невысокой интеллектуальной подвижности, они замечают только то, что сразу бросается в глаза. В беседе такие люди угрюмы на вид, на вопросы, отвечают крайне скупо. Они, собственно, как показывают некоторые реплики, отнюдь не желают проявить недружелюбие, им просто не нравится, что приходится давать такое количество ответов и поэтому реагируют очень раздраженно. Одним словом, и здесь они не умеют держать себя в руках; может быть, им и хотелось бы показаться воспитанными людьми, но мимика и манеры выдают их с головой.

Впрочем, явная угрюмость и недовольство при обследовании обнаруживаются лишь тогда, когда развитие акцентуации прогрессирует и можно говорить уже об эпилептоидной психопатии или о переходе к ней. Недостаточность управления собой нередко ведет к конфликтам в общении с людьми. Нередко у этих лиц мы сталкиваемся с хроническим алкоголизмом, так как и в приподнятом, и в подавленном настроении они охотно прибегают к алкоголю как возбуждающему средству. У девушек

отмечается также сильное сексуальное влечение.

Гипертимическая личность легко распознается в обычной беседе. Разговорчивость и жизнерадостное настроение сразу обращают на себя внимание. Умственная подвижность находит свое отражение в мимике. Такие люди любят господствовать в обществе. Здесь они выделяются своим повышенным тонусом, весельем, находчивостью и остроумными выходками. В трудовой деятельности их отличительные качества — изобретательность и богатство идей. Иногда они бывают раздражительны, что особенно заметно в семейном кругу, где нет ни отвлекающего оживленного общества, ни сдерживающего влияния начальства. Если мы задаемся целью определить, не являются ли нарушения чем-то более серьезным, чем только лишь акцентуированной структурой личности, то в первую очередь должны подумать о гипоманиакальной психопатии. Мы выясняем, не слишком ли беззаботно отношение человека к жизни, не «витают» ли его мысли, не отклоняются ли они от принятых норм. А может быть, в связи с живостью такого человека наблюдается и распыленность его деятельности? Проявлением гипоманиакальной психопатии может явиться общее беспокойство, суетливость. Все это сопровождается частой сменой места работы, а иногда и профессии.

Дистимическая личность также может быть легко распознана в обыкновенной беседе уже по одному застенчивому и безрадостному виду. Мимика у таких людей маловыразительная. При расспросах они обычно подтверждают, что всегда серьезны, а чувства свободной и приятной веселости вообще никогда по-настоящему не испытали. Если серьезность достигает патологической степени, т. е. при субдепрессивной психопатии, это может привести к полной утрате жизнерадостности и общей замедленности реакции.

Как при гипертимическом, так и при дистимическом поведении необходимо предварительно убедиться, что это поведение присуще обследуемому постоянно. Если одно из них периодически сменяется другим, то перед нами аффективно-лабильный темперамент. Люди этого типа, в зависимости от направления и общего тона беседы, могут представляться в одном случае оживленными и веселыми, в другом — тихими и скромными, возможна и средняя позиция темперамента.

Следует отметить, что и многие гипертимические личности в сложной ситуации могут проявить признаки глубокой депрессии, так что, по сути, и их темперамент должен быть отнесен к аффективно-лабильному типу.

Если в момент обследования человек показывает себя ровным и выдержанным, все же при опросе иногда можно довольно быстро убедиться в лабильности его темперамента. Для этого можно привести в разговоре известную антитезу Гете о настроениях — «то возносящийся, ликуя, до небес, то опечаленный смертельно» — и зафиксировать реакцию. В таких случаях при установлении диагноза нужно, кроме того, исключить аффективно-экзальтированный тип темперамента, к которому мы ниже перейдем. Нелегко определить, что именно вызывает колебания в настроении людей с аффективно-лабильным темпераментом — внешние или внутренние причины, поэтому зачастую, несмотря на данную

специфику темперамента, следует исключить внешние стимулирующие моменты. Впрочем, и внешние причины могут иногда вызвать такие колебания настроения. И лишь при яркой выраженности аффективно-лабильного темперамента преобладают колебания, связанные с сугубо внутренними мотивировками, но в таких случаях перед нами уже не аффективно-лабильный темперамент, а циклотимия как вид психопатии.

Поскольку колебания поведения при аффективно-лабильном темпераменте могут быть вызваны и внешними причинами, необходимо исключить эмотивный темперамент. Дифференциацию следует проводить по следующим признакам: эмотивные личности бывают глубоко потрясены самим событием, а люди аффективно-лабильного темперамента еще некоторое время после события-стимула продолжают «вибрировать» на струне радостного возбуждения или серьезности, хотя само событие уже давно «снято с повестки дня».

Легче всего убедиться в эмотивности темперамента данного обследуемого, получив утвердительный ответ на вопрос не слишком ли он мягкосердечен. Под этим подразумевают, что тяжелые переживания чересчур глубоко задевают обследуемого, что он не может «выключиться», его легко растрогать, события, происходящие в романе или в фильме, часто вызывают у него слезы. Такие люди предельно жалостливы, детских слез они не выносят и часто начинают плакать вместе с обиженным ребенком. Мужчины стесняются сознаться в чрезмерной слезливости, но они знают свою слабость и признают, что легко поддаются глубокой растроганности. Необходимо спрашивать у людей эмотив-ного темперамента также и о том, какое впечатление на них оказывают приятные переживания: вызывают ли глубокую реакцию радостные события, счастливые переживания, семейное счастье, красота природы, ощущают ли они трепет перед великими произведениями искусства. Эмоциональные реакции сильнее захватывают таких обследуемых, когда речь идет о печальных событиях, но они необычно сильны также и при радостных. Стоит лишь заговорить о событиях, мало-мальски связанных с эмотивными переживаниями, мимика таких людей всегда выражает мягкосердечие или жалость.

В патологических масштабах эмотивный темперамент перерастает в реактивно-лабильную психопатию. Нередко у таких лиц сталкиваемся с реактивной депрессией, иногда со склонностью к самоубийству.

Переходя к аффективно-экзальтированному темпераменту, заметим, прежде всего, что отчасти он сродни аффективно-лабильному темпераменту, а отчасти — эмотивному. Такие личности склонны к глубокому реагированию на отдельные события, но также и к депрессивным или эйфорическим состояниям в широком общем плане. От лиц, которым присущи эти типы темперамента, они отличаются избытком эмоциональных колебаний. Они с такой же легкостью впадают в безутешное отчаяние, как и погружаются в восторженное блаженство. Человеку, у которого мы предполагаем данный тип темперамента, нужно задавать примерно следующие вопросы: склонен ли он воодушевляться, может ли глубоко и горячо отдаться какому-нибудь делу, испытывать в связи с этим особенно приподнятое настроение; чувствует ли он себя подавленным неприятными переживаниями, склонен ли сразу в таких случаях считать, что «все

погибло», смотрит ли на будущее с безнадежностью.

В процессе самой беседы обследуемые также могут занимать то восторженно-радостную позицию по поводу того, что их трогает, то выражать взволнованными словами горестные реакции по поводу печальных событий. Поскольку проявляемые реакции весьма патетичны, легко прийти к заключению о наличии истерических черт характера. Но по ходу беседы мы постепенно убеждаемся в том, что тут имеют место не только яркие внешние проявления, но также и несомненная искренность чувств, т. е. об игре, столь свойственной истерикам, не может быть и речи. Проявляемые экзальтированной личностью чувства внутренне трогают нас, в то время как в беседе с личностью истерической мы постоянно ощущаем, что дальше «фасада» здесь дело не идет. Именно сам характер выражения чувств наводит на эти мысли. Если в подобных случаях профессия обследуемого не связана с артистической деятельностью, то всегда надо специально расспросить его об отношении к искусству, так как артистический вкус, эстетизм часто является характерной чертой этих людей.

Чрезмерное проявление чувств возможно в направлении и радостных, и горестных эмоций, но может быть и так, что эмоциональные переживания касаются в основном одного какого-либо полюса, а уклон в другую сторону возможен лишь в результате особо сильного стимула. При уклоне преимущественно в эйфорическую сторону наблюдаем легко воодушевляемых личностей, в депрессивную — личностей, постоянно готовых впасть в отчаяние,— я предложил бы называть их так.

При избыточных степени и темпе аффективно-экзальтированных реакций, т. е. в тех случаях, когда перед нами аффективно-экзальтированная циклотимия, наблюдается патологическая зависимость от эмоций с тенденцией к реакциям типа короткого замыкания. При психопатии у больных могут также наблюдаться преимущественно противоположные уклоны то к легкому воодушевлению, то к отчаянию.

Тревожность, боязливость может быть как результатом аффективной экзальтации, так и первичным свойством личности. У детей частично отмечается акцентуация личности в плане тревожности, боязливости, у взрослых такая отличительная черта чаще присуща женщинам. При предположении об акцентуированной тревожности рекомендуется расспросить, замечался ли в детстве страх перед темнотой, грозой, животными, особенно собаками, перед старшими детьми и учителями. Таким путем можно получить нужные данные. Если же на подобные вопросы мы не получаем утвердительного ответа, хотя страх и находит подтверждение в анамнезе, то это значит, что его происхождение связано с навязчивым неврозом. Такая дифференциация при наличии у человека навязчивого страха обычно не проводится, но она имеет существенное значение для более точной диагностики личности. Возникновение фобии обычно связано не с первичной боязливостью, тревожностью, а с ананкастическими чертами. Акцентуированная боязливость у ребенка может достигать патологической степени, у взрослых же это наблюдается лишь в случаях угрозы чего-либо извне.

Наконец, чрезвычайно важно не проглядеть отчетливую экстра- или интровертированность. Предположим, что мы определяем, не является ли обследуемый экстравертированной личностью. В таком случае следует задавать вопросы, связанные с контактностью данного человека: хорошо ли он устроен в жизни, обладает ли хорошей приспособляемостью к обстоятельствам, легко ли заводит знакомства, вступает в дружеские отношения. К контактности относится и вопрос об отношениях с противоположным полом. Ответы на все эти вопросы не ведут еще к однозначной оценке. Более однозначную оценку можно дать, лишь проверив, соответствует ли мнение обследуемого о социальных, политических, религиозных взглядах, семейных отношениях общераспространенному мнению. Далее спрашиваем, как он проводит свободное время, общается ли с другими людьми (беседа, общие занятия чем-либо с друзьями), а если обследуемый коллекционер, то делится ли он с другими коллекционерами информацией о новых приобретениях. Если обследуемый много читает, спрашиваем, какого рода книги он предпочитает, приемлет ли он читаемое бездумно или размышляет над произведением, что именно интересует обследуемого при чтении книги, просмотре телевизионной программы, сосредоточено ли его внимание на конкретных фактах. Если вопросы не слишком суггестивны, то можно получить вполне достоверные ответы, так как зачисление в категорию экстравертированных людей обследуемые отнюдь не считают для себя постыдным.

Если мы предполагаем интровертированную личность, расспрос нужно также прежде всего начать с вопроса о контактах с людьми. Можно, например, спросить, не трудно ли обследуемому завязывать отношения с окружающими, особенно с лицами противоположного пола. Но и тут важнее другие вопросы: любит ли обследуемый быть один, чтобы подумать, сосредоточенно поразмышлять; любил ли он в детстве коллективные детские игры или предпочитал мастерить что-либо один. Интересно провести с таким человеком беседы на социальную, общественно-политическую и эстетическую темы, чтобы установить, есть ли у него собственное мнение по этим вопросам. Иногда можно поинтересоваться, не возникают ли у него оригинальные идеи. Целесообразно также спросить, как обследуемый проводит свободное время — в кругу семьи, с друзьями или, может быть, за чтением или любимым занятием, в которое вкладывает много творческой фантазии, любит ли он одинокие прогулки, во время которых предается думам и размышлениям.

Если поставить такие, а возможно, и другие вопросы, возникающие по ходу обследования, можно с достоверностью определить экстра- или интровертированную акцентуацию. Это подтверждается и поведением обследуемого во время приема.

Экстравертированные личности всегда готовы отвечать на вопросы и очень охотно сообщают сведения о себе. При этом они не долго раздумывают, «выдают» о себе информацию очень быстро, а иногда отвечают с изяществом, в том же тоне и ритме, в котором был задан вопрос. Если, судя по вопросу, ожидается положительный ответ, то они отвечают «да»; если врач невольно предвосхищает отрицательный ответ, то он его и получает. Нужно очень следить за собой, чтобы не дать обследуемому почувствовать,

какого ответа от него ждут. В этом отношении интровертированные личности оказываются более самостоятельными и всегда ведут свою линию. Если экстравертированному пациенту дать какой-нибудь совет или врачебную рекомендацию, он сразу готов всему последовать. Если данное качество выражено очень ярко, обследуемый проникается доверием к врачу и все его предписания готов выполнить с детской готовностью. Он сразу начинает видеть во враче друга и чувствовать в нем непререкаемый авторитет.

Интровертированные личности в беседе отличаются сдержанностью, разговорчивыми становятся лишь тогда, когда сообщают о своих идеях или пристрастиях. Вообще часто для ответов таких людей характерна нерешительность: они еще не дали себе отчета в собственной установке.

Акцентуированные черты личности. Демонстративные личности.

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ

Ниже рассматриваются различные черты характера и темперамента, формирующие человека как личность в тех случаях, когда он представляет собой отклонение от некоего стандарта.

ДЕМОНСТРАТИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Сущность демонстративного или, при более выраженной акцентуации, истерического типа заключается в аномальной способности к вытеснению. Этим понятием пользовался Фрейд, который, собственно, и ввел его в психиатрию, где оно получило новое содержание, далеко отошедшее от буквального значения этого слова. Смысл процесса вытеснения убедительно иллюстрируется в приведенном ниже отрывке из Ницше («По ту сторону добра и зла»): «Я сделал это — говорит мне память. Я не мог этого сделать — говорит мне гордость, остающаяся в этом споре неумолимой. И вот приходит момент, когда память, наконец, отступает».

Механизм вытеснения нашел свое отражение и в поступках героев Льва Толстого. Ниже мы вернемся к тому, насколько он глубоко — и как художник, и как психолог — описывает подобные внутренние конфликты.

По теории Фрейда, в связи с вытеснением уже в раннем детстве возникает подсознательный психический мир, чрезвычайно действенный, предрасполагающий к возникновению впоследствии невроза. Мы не присоединяемся к соображениям Фрейда, хотя и исходим из аналогичного положения: человек может в определенный момент или даже на очень длительное время вытеснить из памяти знание о событиях, которые не могут не быть ему известны. По сути, каждый из нас обладает способностью поступать подобным образом с неприятными для себя фактами. Однако это вытесненное знание обычно остается у порога сознания, поэтому нельзя полностью игнорировать его. У истериков же эта способность заходит очень далеко: они могут совсем «забыть» о том, чего не желают знать, они способны лгать, вообще не осознавая, что лгут. Лица, вовсе чуждые способности к

демонстрации, не поймут разницы и сочтут неправду истерика самой обыкновенной ложью; отсюда и тенденция толковать истерическое притворство как симуляцию.

Никто не станет отрицать, что между «неправдой» истерика и обыкновенной ложью существуют известные переходы, скажем больше: даже истерики в большинстве случаев не столь уж неосознанно лгут и притворяются. И все же стоит обратиться к крайним типам реагирования, наблюдаемым у истериков, как различие сразу бросится в глаза. Истерик способен к вытеснению даже физической боли. Например, вкалывая себе в тело иглы, он может не испытывать при этом болезненных ощущений.

Представим себе истерика, который, находясь в заключении, поставил перед собой цель попасть в тюремную больницу. Для этого он решил проглотить черенок ложки или какой-либо другой предмет, что ему и удается, так как он «выключил» неизбежный в подобном случае рвотный рефлекс. Истерик, следовательно, умеет подавлять даже физиологические рефлексы. Человек без такого умения не проглотит обломок ложки даже под страхом смерти, ибо рвотный рефлекс помимо его воли задержит ложку в глотке. Если учесть такого рода факты, нетрудно понять, что истерическая неправдивость существенным образом отличается от сознательной лжи. Подтверждением служит следующее сопоставление. Сознательная ложь чаще всего сопровождается угрызениями совести, боязнью разоблачения. Такая ложь связана со смущением, иногда с замешательством, нередко лжец заливается краской. То ли дело истерики! Они лгут с невинным выражением лица, говорят с собеседником дружелюбно, просто и правдиво. Непринужденность их поведения объясняется тем, что отъявленная ложь для истерика в момент общения становится истиной.

Человек не в силах заведомо лгать, ничем не выдавая себя. Кто способен так искусно управлять мимикой? Она всегда выдаст лгуна. Необходимо преодолеть нечестность внутренне, чтобы начисто ликвидировать ее внешние проявления.

В дальнейшем, при анализе темы «Авантюристические личности», мы увидим, что залогом успеха людей этой категории является доверие, внушаемое их кажущейся искренностью, возможной благодаря тому, что внутренне они своей лжи не чувствуют.

Несколько иное положение в тех случаях, когда ложь с умыслом становится привычной, когда человек «входит» в нее. Например, человек, несмотря на враждебную внутреннюю настроенность к угнетателю, может проявить по отношению к нему раболепную покорность, для чего отнюдь не обязательно быть истериком. Случаи, когда скромные и робкие люди в процессе общения выражают с собеседником согласие, хотя на самом деле нисколько не разделяют его мнения, общеизвестны. Ложь, продуманная заранее, подготовленная для конкретной ситуации, может быть преподнесена весьма убедительно. Постоянно внушаемое себе обретает в психике людей определенную рельефность, вплоть до превращения в стимул, руководящий их поступками, между тем они ни на минуту не забывают о том, что лгут.

Предположим, кто-то решил обмануть врага. Человек этот может настолько удачно разработать тактику обмана, что и без вытеснения усвоит правдоподобную манеру поведения, тон высказываний. Или другой пример. У

могилы завещателя наследник демонстрирует глубокую печаль, хотя внутренне он рад и торжествует. Стоит, однако, событиям сложиться иначе, чем предполагал обманщик, стоит ему попасть в ситуацию непредусмотренную, для которой схема поведения им заранее не разработана, как появятся неуверенность и смятение. Прежде всего это проявится в мимике, а затем и в высказываниях.

В то же время истерик, полностью вжившийся в роль, не нуждается в том, чтобы судорожно приспосабливать свое поведение к неожиданно изменившейся ситуации. Он реагирует всей личностью в плане той роли, которую он в данный момент играет. Это вживание в роль может зайти настолько далеко, что истерик на время перестает принимать в расчет свою конечную цель.

Авантюристические личности порой делают грубейшие «ошибки» в глазах объективного наблюдателя: на какой-нибудь непредвиденный поворот в событиях они, войдя в роль, реагируют импульсивно, ничего не взвешивая, и тем самым выдают себя с головой. Нередко такие срывы облегчают розыскную работу полиции. И если вопреки этим «ошибкам» авантюристические личности все же добиваются своих целей, то тем самым лишь подтверждается известная истина, что окружающих легче убедить уверенной манерой держать себя, чем логическими рассуждениями.

Если же авантюристические личности настолько увлекаются своей ролью, что вредят себе, то это происходит потому, что состояние, вызванное вытеснением, лабильно, неустойчиво.

Истерические лгуны выступают под вымышленными именами и титулами лишь до тех пор, пока в этом есть необходимость. Они никогда не сохраняют фальшивых титулов себе во вред, не появляются под вымышленными именами перед людьми, которые их знают.

Демонстративные личности в любое мгновение могут вытеснить из своей психики знания о каком-либо событии, а при необходимости «вспомнить» о нем. Не исключено, однако, что эти личности полностью могут забыть то, что они длительное время вытесняли из своей психики.

Особенность демонстративных реакций заключается в том, что их начало связано с осознанным или хотя бы частично осознанным стремлением к чему-либо. Ни одно желание не может возникнуть абсолютно неосознанно; не может появиться неосознанно и уверенность, что есть способ приблизиться к осуществлению этого желания. Лишь после того как цель проведена через сознание, дальнейшее может протекать уже неосознанно.

Конечно, намерения могут и не быть сформированы в виде четких положений, они нередко оказываются стертыми вытеснением. И все же факт, что в какой-то мере, хотя бы частично, сознание истерика участвует в постановке цели, учитывается даже в судебной психиатрии: за проступки истерических обманщиков и аферистов судом предусматривается примерно та же мера наказания, что и за нарушения закона вполне нормальными аферистами. Такой судебный подход не мог бы считаться правомерным, если бы возникновение

желаний и целей совсем не контролировалось сознанием.

Истерик хочет того же, чего повседневно пытаются добиться, о чем хлопочут и некоторые неистерические личности: он ищет, например, выход из затруднительного положения, пробует разрешить досадный конфликт, отлынивает от трудоемкой работы, добивается материальных средств для осуществления своих планов, для наслаждения радостями жизни, и ему, как и всем, хотелось бы пользоваться авторитетом в своем окружении.

Надо сказать, что пресловутая «потребность в признании» как одна из мотивировок истерического реагирования часто переоценивается: ведь многие полагают, что именно в ней заключается наиболее характерная особенность истерического типа. Мне трудно понять, как могло укорениться это мнение, которое отстаивает, между прочим, и такой ученый, как К. Шнайдер. Любому врачу хорошо известны, например, так называемые больные рентным истерическим неврозом, которые зачастую не придают ровно никакого значения признанию, а добиваются лишь одного — материальной обеспеченности. Истерические мошенники также чаще всего исходят лишь из соображений корыстных, из денежных интересов. Некоторые истерики действительно стремятся лишь к завоеванию признания. Возможно, в таком случае следует говорить о различиях психического поведения, лежащих вообще за пределами истерии как таковой.

Потребность в признании окружающих существует у множества людей, однако она подвержена значительным индивидуальным колебаниям. Не чужды этого и представители демонстративного типа. Не все истерики жаждут признания в большей степени, чем неакцентуированные личности. Быть может, первые отличаются от вторых не столько наличием данной потребности, сколько упорством, с которым они добиваются своего. Они и здесь вытесняют, т. е. подавляют, тормоза, проявляющиеся обычно у человека, когда он впадает в соблазн выдвинуться, почувствовать себя на первом плане. Так, например, неакцентуированные личности, как правило, сами себя не расхваливают; многие из них, и даже часто, были бы не прочь это делать, однако они опасаются всеобщего неодобрения: ведь известно, что похвала ценна тогда, когда она объективна. Личность демонстративная может вытеснять такие нормальные тормоза и получать удовлетворение от собственного бахвальства. Таким образом, истерик обладает в общем не большей потребностью в признании, чем большинство людей, но тем не менее создается именно такое впечатление, поскольку он более других самонадеян и кичлив.

К словесному самовосхвалению присоединяется тщеславное поведение, стремление всячески привлечь к себе внимание присутствующих. Проявляется это уже в детстве: ребенок в школе рассказывает различные истории, читает стихи и, обладая способностью всех истериков «вживаться» в роль, верно нащупывает нужный тон. То же можно наблюдать, когда маленький «артист» разыгрывает сценки перед сверстниками или взрослыми. Как правило, человек обычно стесняется выделяться, чувствует неловкость, становясь центром внимания; даже в тех случаях, когда его выделяют заслуженно, он смущается. Подобного рода смущение демонстративной личности чуждо, а повышенный интерес со стороны она принимает с величайшим удовольствием и стремится «испить чашу до дна». Любопытно, что если внимание собравшихся, как бывает иногда, носит недоумевающий или даже неодобрительный характер, то

истерик легко закрывает на это глаза: лишь бы быть заметным.

Чаще всего именно эту потребность истериков находиться в центре внимания принимают за пресловутую жажду признания. Действительно, многие демонстративные личности отличаются упорным стремлением вызвать к себе внимание окружающих, хотя это тоже свойственно не всем истерикам. Данные черты могут быть связаны не с повышенной потребностью в признании, а с недостатком выдержки, с отсутствием торможения. Поэтому у таких истериков то же свойство выдвигает на передний план иные, хотя также сугубо эгоистические, устремления, например безудержную жажду наживы.

То же следует сказать и о жалости к себе как проявлении демонстративной личности. Человек часто склонен считать, что по отношению к нему совершена несправедливость, что его незаслуженно постиг удар судьбы. Общество не может одобрить в подобных случаях такую субъективную позицию: насколько обоснованны жалобы пострадавшего, судить не ему самому, для этого требуется объективная оценка ситуации со стороны. Зная это, истерикам следовало бы быть сдержаннее в сетованиях и обвинениях. Но и здесь «срабатывает» вытеснение, истерик разражается целыми тирадами о своей горемычной доле, и врач безошибочно распознает, что кроется под страдальческим видом, под позой мученика. Ведь он повседневно наблюдает то же самое у других своих больных, которые «спасаются бегством в болезнь», выдуманными страданиями стараются произвести впечатление на окружающих, разжалобить их. Приходится выслушивать преувеличенные описания болезненных явлений. Каких только подробностей не выслушивает врач! О безумных мучениях, о катастрофе, когда жизнь больного висела на волоске (впрочем, угроза еще не миновала). Все это излагается в спокойной обстановке, в тихом врачебном кабинете, а самое любопытное, что и посетитель не производит впечатления тяжело больного человека: пространные словесные излияния поддерживаются активной жестикуляцией и мимикой. Жалость к себе переплетается с самовосхвалением: уж как больной старался терпеть молча, какую силу духа выказывал, какое самообладание, и все же в конце концов болезнь подкосила его.

В подобных случаях речь идет не всегда о патологии: людей, тяжело страдающих от болезней, немало. Но у личностей демонстративного типа жалобы носят подчеркнутый, назойливый характер, так как у них вытеснено нормальное торможение.

Следует упомянуть еще об одной характерной для истерика черте — о необдуманности его поступков.

Как известно, истерики весьма озабочены впечатлением, которое они производят. Однако обдумать линию поведения заранее они не способны. Они хитры на выдумки, но эту хитрость легко разоблачить, так как, стремясь к цели, такие люди без разбора пользуются любыми средствами. Если у истерика и мелькает мысль о возможности разоблачения, то он тут же ее вытеснит, ведь будущее туманно, а демонстративный тип всегда живет моментом. Именно поэтому истерики часто больше теряют, чем выигрывают. Следует отметить, что необдуманность линии поведений является признаком выраженной истерической акцентуации личности.

Такая необдуманность прекращается лишь вместе с переоценкой самой цели, когда у демонстративной личности развивается истерический невроз. Так, если желание добиться пенсионного обеспечения или страх его потерять овладевают всеми помыслами человека, то поведение определяется исключительно «пенсионным комплексом». И в случае, когда под угрозу поставлена самая главная цель, истерик уже не разменивается на минутные вспышки удовлетворения.

Впрочем, в этих случаях он часто попадает «из огня да в полымя». Предположим, что для получения пенсии по инвалидности человек вынужден постоянно симулировать хромоту или в течение длительного времени вовсе не подниматься с постели. Разве он не обрекает себя тем самым на большие неудобства, чем если бы регулярно ходил на работу? Появление сверхценных идей знаменует добавление параноических черт к истерическому типу — положение, к которому мы еще вернемся.

Многие из описанных фактов и черт характера не могут не насторожить врача. Однако не следует односторонне подходить к демонстративному типу. В быту многие характерные черты истерической психики не без оснований оцениваются положительно. Так, в тех профессиях, где требуется проникновение в психику человека, умение приспосабливаться к другим относится к положительным особенностям этого типа. Например, в сфере обслуживания люди демонстративного типа работают особенно успешно. Возьмем хотя бы продавцов: они превосходно «чувствуют» покупателя и к каждому нащупывают верный подход. Эта способность связана с даром демонстративной личности «отрекаться» от себя, играя ту роль, которая особенно импонирует партнеру. Так, с покупателем уверенным, властным эти продавцы становятся скромными, даже робкими; с покупателем застенчивым держат себя активно и энергично. Как правило, реакции продавца не акцентуированного носят на себе отпечаток его собственной личности, что далеко не всегда приятно покупателю. Зато демонстративные натуры у прилавка способны к полному подавлению своего «я».

Демонстративная личность способна сбалансировать отношения при тяжелых ситуациях и с тяжелыми людьми. Брак, например, может быть удачным именно в силу того, что один из супругов обладает умением приспосабливаться. Но главной положительной особенностью людей истерического типа являются их артистические способности, на которых мы детальнее остановимся ниже.

Так же можно объяснить и особый дар демонстративной личности внушать к себе чувство симпатии, любви. Часто ребенка с выраженными истерическими чертами считают «паинькой», «примерным», а уж если случится, что он нашалит, то как не простить его, ведь с кем не бывает… Шалости таких детей не столь уж редки, хотя они никогда не шалят на глазах у воспитателя. Отношение к воспитателю неизменно вежливое, выдержанное, ребенок с полуслова подчиняется требованиям. Зато среди своих сверстников или других взрослых такое дисциплинированное дитя нередко слывет маленьким эгоистом. К одноклассникам «паинька» относится враждебно, готов очернить их в глазах учителя, действуя нечестными методами, а воспитатель охотно выслушивает «примерного» ученика и верит ему. Демонстративный ребенок лжет, не сознавая себя лгуном. В соответствии с особенностями возраста вытеснение у детей происходит еще легче, чем у взрослых. Маленькие сплетники и

клеветники чаще всего принадлежат к личностям демонстративным.

То же поведение сохраняется и у взрослых. Благодаря умению приспосабливаться люди демонстративного типа быстро находят друзей, которых привлекает их общительность, готовность услужить, к другим же чертам новые друзья не присматриваются. Любопытно, что в то время как объективно у больной констатируется отсутствие воли к труду, коллеги по работе нередко хвалят ее за трудолюбие. Они настолько ослеплены ее обходительностью, что не могут даже подумать о ней плохо. Впрочем, обходительность проявляется истериками лишь там, где она им выгодна. В отношениях с другими сотрудниками, занимающими, допустим, менее высокую должность, проявляются их эгоистические устремления. Конкурент подвергается нападкам исподтишка, против него плетутся интриги. Встречается и двойная игра, когда стремятся «снести» сразу двух соперников,— сначала одного, затем другого. Истерик начинает с того, что льстит и вкрадывается в доверие первого, исподволь начиная чернить в его глазах второго; затем происходит обратное—устанавливается контакт со вторым, которому клевещут на первого. Описанное уродство поведения показывает, как мало развит у демонстративных личностей этический комплекс. Что же касается самих форм поведения в данном случае — бессовестного и беззастенчивого притворства,— то они характерны для истерического типа. Умение приспосабливаться, следовательно, может приводить и к отрицательным результатам.

Перейдем к описанию ряда демонстративных личностей, прежде всего тех, материал о которых был собран во время пребывания обследуемых в клиниках, на приеме у врача, в процессе бесед с ними. Приведу два случая, подробно описанных Отремба в нашем коллективном труде («Нормальные и патологические личности»). Я также наблюдал этих обследуемых.

Ева В., 1919 г. рожд., младшая из семи детей, любимица всей семьи. В детстве была живой, веселой, в школе училась хорошо. По окончании школы некоторое время нигде не работала, якобы не позволяло слабое здоровье. В 17 лет пошла ученицей в магазин, желая приобрести профессию продавца. Учения не закончила. В 19 лет вышла замуж за инженера на 12 лет старше ее. В. характеризует свое замужество как «брак для обеспечения существования». Через 8 лет, имея двоих детей, развелась с мужем якобы из-за его измен. Ей выделяется денежная поддержка, немного она подрабатывает сама. По просьбе родителей переходит к ним, но очень скоро начинает жалеть об этом: ее не устраивают «стесненные обстоятельства» в родном доме. К этому времени она вступает в связь с женатым человеком, беременность ее заканчивается выкидышем. В 1950 г. у нее начинаются психогенные приступы, первый— после знакомства с человеком, за которого родители хотят выдать ее замуж. Она рассказывает об этом: «В голове вдруг все помутилось, а руки начали производить какие-то вращательные движения». Со временем, по мере накопления «разочарований», как она сама выражается, приступы учащаются. Один ее ребенок умирает от воспаления мозговых оболочек, в 1951 г. В. теряет мать. Продолжительная (более двух лет) интимная связь не приносит счастья, так как ее избранник оказывается алкоголиком.

В 1952 г. В. впервые поступает в больницу по поводу приступов. Выписавшись, живет у своей сестры, устраивается на работу садовником, но удовлетворения эта деятельность не дает, поскольку она «постоянно хочет •сделать больше, чем

может». В 1957 г. вновь поступает на должность продавца, и опять учащаются приступы. В. снова попадает в клинику. Основные •ее жалобы: утомляемость, повышенная чувствительность и дурное настроение. Внешне приступы проявляются на этот раз следующим образом: она вдруг останавливается, вперив взор в пространство, сжимает кулаки и делает автоматические движения руками. Припадки начинаются чаще всего, когда ей в чем-либо отказывают. «У меня такое чувство, будто жить не могу больше,— так описывает приступ В.,— из меня уходит вся жизненная энергия». После приступа она не знает, где находится. Нередко В. делится с окружающими, что хочет перейти на инвалидность. В клинике ей это не удается. Однако позднее домашний врач устанавливает ей диагноз «нарушение кровообращения», и ей все же оформляют инвалидность. Теперь В. живет вместе с дочерью (дочь — парикмахер), якобы хорошо уживается с ней.

В 1958 г. снова попадает в больницу в связи с жалобами на упадок сил и депрессивное состояние. Предпринимается попытка психотерапевтического лечения. Поведение В. неровное: то она приветлива, предупредительна, подчеркнуто вежлива, то начинается демонстративное недовольство, нескончаемые потоки жалоб на свое состояние. Она с восхищением говорит об оздоравливающем действии спорта, но категорически отказывается пройти курс реабилитации. Психогенные приступы продолжаются.

На этом примере можно проследить развитие демонстративной личности с раннего детства. То, что В. была младшей в семье, несомненно, объясняет ее избалованность. В то же время она отлично знала, как вести себя, чтобы сохранить влияние на родителей. Может быть, она относилась к категории вышеописанных «примерных» девочек. Когда позже начались жалобы на утомляемость, слабость, то в этом, помимо всего прочего, сказалось и нежелание трудиться. Оно-то и определило все дальнейшее течение ее жизни. То она старалась найти себе мужа, не заинтересованного в ее зарплате, чтобы стать его иждивенкой, то добивалась денежной помощи по болезни, по инвалидности. Если же ее желания так и оставались неосуществленными — особенно много неудач и срывов было в отношениях В. с мужчинами,— то и это в немалой степени результат ее истерического поведения.

У второй обследуемой на первый план выступает потребность в признании. Отчасти эта потребность давала и положительные результаты, поскольку работу, позволявшую ей находиться в центре внимания, она выполняла с большой старательностью.

Хедвиг Б., 1908 г. рожд., после окончания средней, а затем торговой школы стала конторщицей. Она хорошо «прижилась» на первом же месте работы. Сотрудники относились к ней, как младшей в коллективе, особенно внимательно. Однако у Б. вскоре началось заболевание кишок, некоторое время она не работала. Вторую и третью должность Б. теряет из-за ликвидации учреждений. В 22 года она пошла работать на кондитерскую фабрику, в отдел рекламы. В течение 12 лет она работала здесь с успехом. «На этой работе,— говорит она,— важно производить на людей впечатление. Одеваться надо аккуратно и со вкусом, а я всегда это любила». Нравились ей и выступления перед людьми, поездки, во время которых появлялись новые знакомства, множество интересных впечатлений. Вскоре ее назначили заведующей отделом

рекламы.

В 1942 г. эту должность также ликвидировали в связи с военным режимом. Б. стала работать в городских административных органах. Работа по приему посетителей вначале приносила ей удовлетворение, но вскоре оказалось, что надо пройти курс полувоенной подготовки и быть готовой к отправке в оккупированные области, от чего больная всячески пыталась уклониться. В результате — конфликты с начальством. На этот раз Б. слегла с диагнозом «невроз сердца» и «истощение нервной системы». Затем присоединились приступы лихорадки. «У меня с детства периодически бывают непонятные заболевания,— рассказывает Б.,— они сопровождаются очень высокой температурой—до 40°, сильным ознобом. После этого дня три чувствую большую слабость». В эти «приступы лихорадки» ее начальство не верило, но все же ей удалось уволиться, после чего состояние улучшилось. В 1945 г. она была привлечена к работе в районном жилищном управлении. Здесь отдавалась своим обязанностям с большим рвением и чувствовала себя вполне довольной, хотя в 1946 г. и развелась с мужем («муж часто ездил в командировки, заводил любовниц»).

В 1947 г. Б. получила в городском управлении («за трудовые заслуги») ответственное поручение, с которым отлично справилась. По этому поводу она сообщила, что всю жизнь любила «овладевать новым», если же ей удавалось достичь цели, то передавала данный участок работы другим, а сама стремилась получить другое новое задание и отдать ему «все силы». В 1948 г. ей вновь поручили ответственный участок. Там, увы, приходилось, по ее словам, работать по 18 ч в сутки, так что на этот раз она поручение не выполнила. В результате переутомления — болезнь, но, выйдя на работу, она снова вынуждена заниматься трудом, требующим напряжения «всех сил». Б. чувствует себя все более слабой, становится вялой, и однажды она вовсе не смогла подняться с постели, все у нее «болело и ныло». Всестороннее медицинское обследование не выявило органических заболеваний. В 1950 г. Б. уволилась окончательно. До 1951 г. она была надомницей, выполняла различные кустарные работы, затем устроилась регистратором на биржу труда, где из-за постоянных конфликтов с посетителями опять почувствовала себя плохо. Начались знакомые симптомы болезни, а при больших волнениях — «обмороки». По совету врача Б. через год снова оставляет работу и временно переходит на пенсию.

В 1952 г. Б. вторично выходит замуж. Муж ее сначала работает в городском управлении, а с 1954 г. начинает трудиться в сельском хозяйстве. Вначале Б. выполняет в деревне лишь бесплатные общественные поручения. Она трудится активно, добивается высоких показателей. После того как срок инвалидности истек, становится членом сельскохозяйственной артели. Пока приходится осваивать новое, организовывать, Б. добросовестна, отлично справляется с делом. Но всякое физическое усилие вызывает знакомое болезненное состояние. Когда заболел и муж Б., оба они окончательно оставляют работу в сельскохозяйственной артели.

С 1957 г. Б. начинает работать в канцелярии Дома инвалидов и вскоре становится его заведующей. Своей деятельности она отдается целиком, энергична, предприимчива, первое время чувствует полное удовлетворение. Но Б. старается «вырвать для своего Дома» побольше выгод, что приводит к

конфликтам с вышестоящими учреждениями, и тогда ее заведование делается ей в тягость. Снова появляются признаки болезни: депрессивные состояния, боль в спине.

Она переходит на совсем легкую работу в другой канцелярии. Но н здесь ее вскоре, учитывая заслуги, выдвигают на пост начальника. И опять все идет, как и прежде: некоторое время Б. — дельный, активный организатор, но не может преодолеть даже незначительных трудностей, сразу «опускается». К тому же тяжело заболевает муж-инвалид, страдающий болезнью почек. И вот снова Б. теряет работоспособность. Муж ее умирает в 1962 г. после операции. Между тем Б. хлопочет об инвалидности для себя, но получает отказ, так как при тщательном обследовании органическое заболевание не выявлено. Тяжелое разочарование в подруге, которая поселилась у нее после смерти мужа, усугубляет болезнь Б. После этого последнего фиаско она соглашается пройти стационарный курс психотерапевтического лечения.

Во время пребывания Б. в клинике всем бросалось в глаза ее демонстративное поведение. Она всегда говорила громко, в повышенно оживленном тоне, сопровождая речь мимикой и жестикуляцией, а иногда просто разыгрывала целые сценки, как настоящая артистка. Неприятное впечатление производило неумеренное самовосхваление Б. и ее тирады о своей несчастливой судьбе. Так, например, она рассказывала персоналу и больным, что во время семейных торжеств постоянно выступала с небольшими речами и вообще всегда находилась в центре внимания.

На протяжении всей жизни Б. мы отмечаем колебания между хорошими результатами работы и несостоятельностью, срывами. Работая на должностях, обеспечивающих авторитетное положение, что, возможно, было связано и с рационализаторскими идеями Б., она трудилась охотно и весьма эффективно. Так, в течение 12 лет, будучи вначале рядовым работником, затем заведующей рекламного отдела кондитерской фабрики, она выступала перед людьми и привлекла немало новых потребителей. В данном виде деятельности ей, несомненно, оказывало помощь свойственное истерикам умение приспосабливаться, способность вникать в психологию окружающих. Такого рода работа всесторонне удовлетворяла Б., компенсируя неизбежные «издержки» — потерю сил, истощение нервной системы. Торможения такой самоуверенной особе были, конечно, чужды. Надменность и чванство, которых другие постыдились бы, оказались ее вторым «я». Надо полагать, что и напряжение, приводившее к срывам, было не столь уж велико, что она преувеличивала его в своих жалобах врачу, желая показать себя в выгодном свете. Когда слышишь о 18-часовом рабочем дне, невольно думаешь об истерическом преувеличении Б. как своих заслуг, так и способностей. Но после каждого подъема у этой больной наступал спад. Когда она бралась за работу, в которой оказывалась «одной из многих», где требовалось просто подчинение и четкое выполнение служебного долга, она всякий раз «заболевала»: демонстрировала физическое недомогание, слабость, обмороки, рассказывала о таинственных ознобах, которые почему-то ни разу не удалось наблюдать врачам. У этой обследуемой мы констатируем две характерные формы истерических реакций: самоуверенность, связанную частично с трудовыми достижениями, и бегство в болезнь. В трудовой деятельности она проявляла также и умение приспосабливаться.

Как мной уже отмечалось («Детские неврозы и детские личности»), акцентуированные черты характера легко распознаются уже в детском возрасте. Правда, вследствие особенностей детской психики, они получают особую окраску, но в принципе это те же черты, что и у взрослых. Почему у ребенка черты демонстративного типа, пожалуй, более заметны, чем у взрослого? Потому, что дети вообще быстрее все забывают, не способны заранее наметить линию поведения и реагируют, не обдумывая последствий. Правда, ряд физиологических симптомов взрослых истериков детям чужд в силу их возрастных особенностей, зато они чаще хитрят, обманывают, занимаются мелким воровством. Приведу пример демонстративного ребенка, описанного Рихтером в нашем совместном труде.

Мануэла Ст. поступила на лечение в нашу клинику, когда ей было 8 лег. Отец девочки, нервный, импульсивный человек, любит ее, защищает от своей второй жены. Мать ребенка была легкомысленным, эгоистичным существом. Вскоре после рождения М. она отдала ее на попечение тетки. Отец, между тем, повторно женился на женщине молодой и энергичной, однако общего языка с девочкой она так и не нашла.

От тетки девочка перешла жить к отцу и мачехе в возрасте 2,5 года. Отец упрекал жену, считая, что она относится к М. необъективно, во всем предпочитая ей своего собственного сына, брата М. В школе М. всегда была неаккуратной девочкой, грязнулей. Она не следила ни за собой, ни за вещами, постоянно, например, теряла авторучки. Но хуже всего было то, что она постоянно лгала и тайком забирала у соучениц вещи. Так, она стащила чужой. завтрак, хотя у нее был принесенный из дому бутерброд. При этом она вместе со всеми старательно разыскивала ею же украденный завтрак, упорно отрицая то, что это она его взяла. У другого ребенка она забрала деньги и пенал. В магазине похитила пакетик жевательной резинки. Кражи она совершала незаметно и так ловко, что ее никто и никогда в этом не заподозрил. В дальнейшем М. с совершенно спокойным и невинным выражением лица все начисто отрицала. Несколько раз она убегала из школы, но для учительницы и родителей у нее всегда было наготове вполне приемлемое объяснение. Дома она забрала копилку у младшего брата, вынула деньги и накупила себе лакомств. Если, бывало, М. сломает хорошую игрушку, то спрячет ее так искусно, что родителям никогда ее не найти. При этом она сама с готовностью включалась в поиски игрушки. Однажды отец, возвращаясь домой, видел, как девочка выбрасывала за окно две булочки. Придя домой, отец спросил, вкусные ли были купленные утром булочки. «Да, очень вкусные,— ответила М.— Я съела свои и еще булочки братика придачу». Пищу, не нравившуюся ей, М. попросту засовывала под диван. Вообще же ее все считали ребенком послушным, ласковым, никто бы и не подумал обвинить ее в воровстве, хитрости, скрытности. На наказания она почти не реагировала. С братом М. ладила, но бросалось в глаза отсутствие контакта с другими детьми в школе.

В нашем отделении М. быстро освоилась и без труда приспособилась к детскому коллективу. Она старалась быть приветливой, произвести впечатление спокойной, честной, внимательной девочки. Это не мешало ей дразнить детей из других отделений, задираться с ними. Когда ее спрашивали о причинах этих ссор со сверстниками, она недоумевала, кричала и отрицала свою вину. Вскоре после таких объяснений она снова искала общения, была приветлива и настроена весьма дружелюбно. Сначала за обследуемой в клинике

замечали незначительные кражи. Но под конец пребывания они прекратились, девочка стала более аккуратной и подтянутой. До самого конца лечения приходилось регулярно контролировать выполнение ею школьных заданий, однако с самими заданиями М. справлялась без труда.

Через 4 года состояние М. опять было прежним. Среди ее вещей родители все еще обнаруживали украденные предметы, «а если спросишь, откуда они, все равно соврет». Учителя постоянно жаловались на ее неопрятность, родители предпринимали попытки сдать ее в интернат.

В случае Мануэлы мы сталкиваемся с резко выраженной способностью к вытеснению. Ее ничуть не смущали обвинения в нечестности. Если прямых улик совершения кражи не было, она с невинным взором отрицала факты. Если учесть, что детей в общем легко смутить, то можно полагать, что невинное выражение лица Мануэлы было непритворным, что девочка внутренне не чувствовала себя ни лгуньей, ни воровкой. Четко проявляется у обследуемой и типичная для истериков способность разыгрывать «примерную девочку» и клеветать на других детей. Хотя в поведении Мануэлы социальные нормы резко нарушены, однако нельзя на этом основании прогнозировать, что в дальнейшем она превратится в истерическую психопатку. Прежде всего следует учесть отрицательное влияние воспитания. Взрослые вели себя по отношению к ребенку без нужной твердости, часто непоследовательно. Надо полагать, что неискренностью в словах и поступках она могла добиваться известных «выгод». В дальнейшем Мануэла может развиться в акцентуированную личность с хорошим умением приспосабливаться. Но в принципе она навсегда сохранит характерные черты демонстративного типа, так как они заложены в структуре ее личности.

Приведем еще один пример, причем заранее укажем, что у описываемой обследуемой отнюдь не обязательно должны были появиться асоциальные поступки. Ее сотрудники и начальство обнаружили, как увидим, незнание человеческой психики, слишком ей доверяли, и это оказало на Б. вредное воздействие. Не исключено и то, что она была «удобна» коллективу: она предлагала услуги, ими охотно и бездумно пользовались.

Гертруду Б. я впервые увидел, когда ей было 33 года. Благодаря хорошо развитому умению приспосабливаться она пользовалась популярностью в тех учреждениях, где работала. Ее приветливостью и готовностью услужить все готовы были воспользоваться, не замечая самодовольства Б., ее стремления выдвинуться, постоянно быть в центре внимания, скрывавшихся за обаятельной улыбкой. Она — до момента разоблачения — присваивала, являясь доверенным лицом, деньги всевозможного назначения, например деньги, выделенные на прием гостей предприятия, приехавших знакомиться с его работой; деньги, полученные из касс для выплаты сотрудникам; деньги на устройство небольших персональных празднеств в конторе или цехах и, наконец, даже суммы, сданные на приобретение траурных венков для похорон. Чтобы не отвечать за хищения, она подделывала подписи на документах, подтирала и изменяла суммы на денежных переводах и чеках. Кончилось тем, что она утаила и присвоила 1200 марок, собранных ею для уплаты профсоюзных взносов. Она систематически присваивала деньги мужа, тратя их по своему усмотрению. 1500 марок она «потеряла», 300 марок у нее «украли». Она занимала солидные суммы для ремонта своей квартиры, для приобретения

вещей в дом, жалуясь, что «муж денег не дает». Одолженные деньги она тратила на личные расходы.

Я беседовал с обследуемой несколько раз. Во время первой беседы ее поведение было весьма демонстративным, она недоумевала, что слышит такие упреки, плакала, сваливала вину на других, в особенности на мужа. Позднее умение приспосабливаться одержало верх, она уже не отрицала своей вины, а изображала раскаявшуюся грешницу, заверяя, что такое никогда в жизни не повторится. Характерно следующее: она признавалась только в том, что удавалось установить следователю, за этими пределами для нее все было «покрыто мраком». На глазах у следователя она изображала крайнее удивление, когда розыск обнаруживал новые хищения.

Можно сказать с уверенностью, что человек, так долго, а главное, безнаказанно совершающий преступления, может быть только демонстративной личностью. Ведь Б. могла ежечасно ожидать, что стеклянный дворец, который она себе соорудила, рухнет; убедилась она и в том, что мужу все яснее становятся ее проделки, и все же держит себя с вызывающей самоуверенностью, невозмутимо продолжая обманывать и присваивать чужое. Б. постоянно жила лишь тем, в чем сама хотела себя убедить, а те моменты, которые могли бы ее изобличить, вытесняла. Так она и продолжала существовать, ничего не боясь, не зная угрызений совести. И все же я не отнес бы данную обследуемую к истерическим психопатам, перед нами явно выраженный случай демонстративной личности. Ее умение приспосабливаться несло в себе положительное начало, несомненно, она была бы способна и на хорошие поступки, если бы условия жизни благоприятствовали этому.

Моя оценка станет яснее после того, как мы сравним Б. с другим обследуемым. Склонность к асоциальному поведению была у него выражена куда более ярко, а медицинское обследование позволило установить типичную картину тяжелой истерической психопатии.

Альфред Ц., 1906 г. рожд., в школе учился хорошо. По окончании школы постоянно менял работу. Был санитаром, рабочим-строителем, железнодорожником, разнорабочим, но последнее время жил только на деньги, приобретенные нечестным путем.

В 1959 г., только что выйдя на свободу после очередного тюремного заключения, он украл велосипед и тут же его продал, украл одежду, получил пенсию за пожилую женщину, доверявшую ему, и присвоил эту сумму. Выклянчивая деньги «взаймы» у разных людей, он затем исчезал. Знакомой старушке он пообещал оказать помощь при переезде на другую квартиру, получил от нее доверенность и 100 марок, после чего исчез. Несколько раз Ц., разыгрывая экскурсовода, собирал у туристов деньги на «культпоход» в театр, но билетов ни разу не купил. Вероятнее всего, многие его обманы и правонарушения до суда так и не доходили, так как постоянного места жительства у Ц. не было. Большей частью он находил пристанище у одиноких женщин, но брачным аферистом не являлся.

Во время моих бесед с Ц. я не слышал от него признания в своей виновности. Когда я перечислил все известные мне наказуемые действия, совершенные им, Ц. воскликнул в патетическом тоне: «Устроили бы меня на приличную работу,

тогда я до такого ни за что в жизни не дошел бы!» Когда ему возразили, что все началось с его проступков, что после них-то и появились трудности с приисканием работы, он снова патетически выкрикивал, впав в состояние длительного возбуждения: «Дайте мне трудиться, я молю вас об этом, вы увидите результат!». Он жестикулировал, вставал, снова садился, кулаками стучал по бедрам, бил себя по голове. После этой вспышки он продемонстрировал отчаяние, стал всхлипывать. Ц. до такой степени взвинтил себя жалостью к самому себе, что начал рыдать. Весь в слезах, он выкрикивал: «Ну, да, ну, совершал я проступки, все знаю, но надо ведь и спросить человека, как он дошел до жизни такой». Этот взрыв аффекта неожиданно был прерван смирным: «Разрешите закурить». Внезапный спад возбуждения, переход к спокойному «бытовому» разговору произвел поистине комическое впечатление. Впрочем, возбуждение Ц. почти тут же вернулось снова: теперь он требовал дать ему какое-либо поручение в клинике и при этом все всхлипывал. Ему указали, что перед ним, собственно говоря, была вся жизнь, но систематически он почему-то никогда не работал. Тут он вдруг как бы осознал свои проступки и заблуждения: «Все так! А ведь прежде я работал! Если бы мои бедные мать и отец знали, до чего я дошел, они бы в гробу перевернулись!». На это Ц. возразили, что большинство проступков он совершил еще при жизни родителей.

Своей самоуверенностью и пафосом Ц. убедительно показал, что в его лице мы столкнулись с истерическим психопатом и что, следовательно, он подлежит судебной ответственности. Точно так же, как на приеме у меня он проливал слезы над своей горемычной долей, он мог и красть, и обманывать, и утаивать, и растрачивать, не осознавая полностью порочности своего поведения.

Пафос истериков вообще типичен как форма поведения. Патетические слова, мимика, жесты кажутся им заслуживающими особого доверия. У неспециалистов они нередко добиваются успеха, но даже и эти «непосвященные» интуитивно чувствуют, что за столь назойливой и даже бесцеремонной формой не могут скрываться искренние чувства, подлинность содержания. На приеме у врача демонстративные личности еще усугубляют аффектированную манеру поведения, чтобы взвинтить себя, лучше войти в роль. Патетически описывая, например, свою боль, они лишний раз убеждаются в тяжести собственных страданий. Если же дать понять истерику, что ему не верят, то аффектация доводится им до крайности. Некоторые больные полагают, видимо, что чем больше они эмоционально возбуждены, тем легче убедить врача в своем тяжелом состоянии. Другие пытаются убедить в своих страданиях себя самих. В жалости к себе они находят удовлетворение, а мысль о том, что врач не верит им, подстегивает их, заставляет чувствовать себя истинными мучениками.

Если истерик в своих реакциях теряет контроль над тем, приведут ли эти реакции к цели, то это свидетельствует об аномальных психических явлениях. Получается следующая картина: истерик добивается того или иного результата, для чего искусно пускает в ход различные приемы, способствующие его достижению, однако он настолько входит в роль, что приемы превращаются в самоцель, а ведущее намерение, которое стоит за ними, бледнеет и теряет четкие очертания.

Я склонен усматривать в этом критерий, с помощью которого можно

определить, относится ли данная личность к истерическому типу или же у нее отмечается патология психики. Некоторые больные настолько хорошо владеют собой, что их умение приспосабливаться к ситуации сохраняется, а демонстративное поведение не носит грубо гипертрофированного характера в случае, если для их же пользы совершенно очевидно преимущество спокойной манеры поведения. В таком обследуемом следует усматривать демонстративную личность, а не истерического психопата.

Обследуемую Б., в отличие от Ц., не покидало умение приспосабливаться. Лишь во время первой беседы она проявила некоторую назойливость, в дальнейшем же полностью отказалась от нее: очевидно, осознала нецелесообразность такого поведения в данной ситуации.

Отсюда можно сделать вывод, что большинство патологических мошенников, в частности авантюристы,— лишь демонстративные личности, а не истерические психопаты. Редко столкнешься у них с грубо-назойливым поведением, напротив, они обычно спокойны и деловиты. Да так оно и должно быть у преуспевающих мошенников, иначе никто не считал бы их людьми, заслуживающими полного доверия. Нужно добавить, что не только поведение, но и прочие элементы структуры личности, в первую очередь ум, играют в таких случаях важную роль. Слабость интеллекта, отсутствие привычки мыслить ухудшают положение. Все же, пока контроль над истерической готовностью сохраняется, обследуемые, как правило, не утрачивают умения приспосабливаться, а отсюда наличие у них социальных контактов. Правда, патологические мошенники — это тип асоциальный. Нередко они идут по скользкой дорожке лишь потому, что слишком хорошо осознают свои возможности и замечают, как легко им ввести в заблуждение людей. При правильном общественном воздействии, разумном направлении их сил большинство патологических мошенников могли бы стать социально полноценными гражданами. Что же касается истерических психопатов, то их возврат к социальной норме может быть обеспечен лишь чрезвычайно интенсивной психотерапией.

Приведу пример патологического мошенника, который был описан в нашем коллективном труде.

Хельмут К-, 1920 г. рожд., всю жизнь занимался мошенничеством. Систематически никогда не трудился; учился на автослесаря, но экзамена не сдал.

В 1962 г. он, наконец, «определился» как брачный аферист. В ответ на помещенное в газете объявление он получил 200 писем от женщин, создав себе большую возможность выбора. Сначала он писал своим корреспонденткам письма, затем встречался с ними, жил у них сутками, охотно позволяя содержать себя, затем исчезал, а вместе с ним исчезали деньги и вещи. Однажды он оставался у одной женщины до самого дня объявленного вступления в брак и лишь в этот день ушел бесследно. Нередко он на некоторое время оставлял женщину, с которой был помолвлен, чтобы временно соединиться с другой, поскольку, как правило, поддерживал отношения с несколькими женщинами одновременно. Случалось, что К. упускал «денежную особу», за которой охотился, так как перебрасывался на другую «операцию» и попросту не находил времени вернуться к первой. Так получилось, что

некоторые его жертвы вовсе не пострадали материально. Некоторых женщин он вообще содержал сам, эти особы вспоминают о нем с искренней симпатией. Вообще те приятельницы К., которые не презирали его за обман, отзывались о нем положительно, хвалили его воспитанность, чуткость. Никогда он не забывал, по их словам, прислать цветы, купить сладости. К. умел произвести выгодное впечатление своими изысканными манерами, со вкусом одевался, к дому «подруги» он обычно подъезжал на такси.

Во время войны К. некоторое время практиковал «бегство в болезнь». В связи с несчастным случаем он на длительное время потерял речь и еще долгое время после этого заикался. В больнице он временами объявлял голодовку и тогда его, по его словам, кормили через зонд. Заикаться он продолжал и в дальнейшем, особенно заметно тогда, когда попадал в неприятные ситуации. Во время обследования у меня в кабинете он тоже говорил отрывисто, запинаясь.

При обследовании К. был неразговорчив, несколько вял. Правда, он свободно и бегло отвечал на вопросы, но по собственной инициативе ничего не рассказывал. Мимика и жесты его были весьма скупы. Лишь когда я вторично завел разговор о его правонарушениях, о безответственности его поступков, К. начал проявлять черты демонстративности. Плачущим голосом он стал просить прощения, заверять, что не мог найти подходящей работы, что после тюремного заключения никто не шел ему навстречу. И голос его звучал патетически, когда он, наконец, произнес: «Попади только в чуждый тебе круг, и тебя вытолкнут без жалости. Не намерен снимать с себя вину, но это так». На протяжении беседы К. несколько раз начинал заикаться. Мы также отметили в нем склонность напряженно раздумывать над нашими вопросами, изображать неведение и недоумение тогда, когда он несомненно знал, о чем идет речь.

К. при обследовании оказался менее назойливым, чем вышеописанный Ц. Нам пришлось стыдить его и засыпать упреками, прежде чем в его речи зазвучали патетические нотки. Не зная предыстории К., можно было бы лишь с трудом установить, что он вообще принадлежит к истерикам. Поэтому, несмотря на его наказуемые деяния, я определил его как демонстративную личность, а не как истерического психопата. Способность вытеснения проявилась у него в «бегстве в болезнь». В обманах и в мошеннических сделках демонстративный тип можно безошибочно установить по его уверенной манере. К. избрал себе амплуа честного человека, который больше печется о благе окружающих, чем о своем собственном. Это способствовало тому, что он снискал доверие своих партнеров.

Выше я упоминал, что истерические черты личности способствуют развитию артистического дарования. В первую очередь это связано, конечно, со сценическим искусством, с профессией актера. Да это и понятно: патологические мошенники — прирожденные актеры, правда, играют они не для того, чтобы давать людям радость, а для того, чтобы их обманывать. Ясно, что человек, играющий роль в жизни настолько хорошо, что окружающие ему безоговорочно верят и доверяют, хорошо сыграет порученную роль и на сцене. Правда, нередко бывает, что, несмотря на природный дар, актер-истерик не справляется с ролью, так как сценическое искусство требует огромного труда, если актер хочет добиться подлинного успеха. Поэтому наиболее удачный результат получается в тех случаях, когда черты демонстративной личности актера сочетаются с другими акцентуированными чертами, им

противодействующими. Например, необдуманности и непостоянству истерика противостоят черты параноической личности, благодаря которым повышается упорство и настойчивость устремлений.

Зайге в нашем коллективном труде описал нескольких актеров, у которых проявлялись демонстративные черты характера. На одном из них я остановлюсь более подробно.

Эрнст С., 1909 г. рожд., уже с юности выступает в театре. Очень способный, убедительно создает на сцене образы различных персонажей. Играет не столько эмоционально, сколько профессионально, берет техникой игры и опытом. По натуре бодр, весел, но яркими проявлениями темперамента не отличается. С молодых лет одержим страстью к наркотикам. Только артистический талант удержал его от окончательного падения. В молодости употреблял морфий, принимал много снотворных средств и без конца курил. В 1938 г. из-за злоупотребления алкоголем перенес белую горячку. В послевоенные годы пил, принимал барбитураты.

В 1959 г. вследствие неумеренного образа жизни и злоупотребления алкоголем попал в больницу. Попытки провести курс лечения воздержанием ни к чему не привели: С. два раза покидал больницу и возвращался туда в состоянии тяжелого опьянения. В 1960 г. он снова изъявил готовность лечиться воздержанием, так как «в театре на него стали косо смотреть». Жена С. рассказала, что удержать его от употребления спиртных напитков невозможно. В состоянии опьянения он пышет злобой, избивает жену; будучи трезв, говорит с нею рассудительно, но бесчувственно. Жена не раз приходила в ужас от его дрожащих рук. С. заявлял, что алкоголь тут не при чем, и как доказательство приводил тот факт, что и в трезвом состоянии дрожь не проходит.

В отделении он сразу вступил в контакт с больными, шутил, рассказывал анекдоты из театральной жизни, был приветлив со всеми, очень общителен. Больные жаловались: слишком много циничных анекдотов, неприятно слушать. С. был неумеренно хвастлив, расхваливал свой талант, отрицал, что являлся на спектакли в пьяном виде, и вообще отрицал, что страдает запоями. Вскоре было установлено, что в больнице он принимает снотворные средства. В моче его были обнаружены следы алкоголя. Во время очередного контроля он подменил свою мочу мочой другого больного. Больничный контроль все усиливали, и С. все больше впадал в раздражение. Он требовал выписки из больницы, спокойно заявляя, что в больнице не пил и снотворных средств не принимал, хотя был пойман с поличным. Через четыре недели он ушел из клиники самовольно.

В 1962 г. С. попадает в терапевтическую больницу по поводу нарушения кровообращения. Врач-психиатр объясняет его головокружения злоупотреблением алкоголем. В 1963 г. мы встречаемся с ним вновь уже в психиатрической больнице. Здесь С. искажает факты истории своей болезни, уклончиво отвечает на неприятные вопросы; в том, что он злоупотребляет алкоголем, обвиняет жену, которая, по его словам, горькая пьяница. Сам же он ни в чем не признает своей вины. Через несколько дней С. заявил, что вообще к алкоголизму не имеет никакого отношения и что он совершенно здоров, а попал сюда по ошибке. Несколько раз С. уходил из больницы и возвращался в нее пьяным. Он был переведен в строго изолированное отделение, но и отсюда ему удалось два раза уйти. В конечном итоге курс лечения все же удалось

довести до конца.

В 1964 г. С. снова в нашей клинике: из-за алкогольных эксцессов он не может работать в театре. Сам он вновь не чувствует за собой вины, на 9-й день пребывания в клинике заявляет, что здесь «морально погибает». С. выписывается, так и не признав себя алкоголиком. По слухам, он еще некоторое время выступал в театре, но всерьез рассчитывать на него театральный коллектив не мог, поскольку не всегда можно было предугадать его поведение. Многое дирекция ему прощала, так как играл он превосходно. Однако в конце концов положение стало нестерпимым: С. был постоянно пьян, а выходя на сцену, забывал и слова роли, и мизансцены. Еще несколько раз его безуспешно подвергали лечению воздержанием, но здоровье его было уже окончательно разрушено, и в 1968 г., в возрасте 59 лет, он умер в состоянии полного функционального истощения.

Возмущенные возражения С. и его упорное отрицание своих систематических запоев переходят границы, наблюдаемые обычно у хронических алкоголиков. Несмотря на тяжелейшие эксцессы, он все же считал, что пьет умеренно или даже что вообще не пьет, и приступал к лечению лишь тогда, когда этого категорически требовало начальство или когда он уже буквально не стоял на ногах. Во время лечения больной постоянно жульничал, приносил в палату спиртные напитки и таблетки снотворного, подменял мочу для анализов, а в ответ на справедливые упреки лгал. Можно сказать, что не только на сцене, но и в жизни он был выдающимся актером. Когда С. с открытым взглядом и приветливой улыбкой плел свой лживый вздор, то искушение поверить ему было очень велико. Судя по манере поведения, он действительно не осознавал своего падения, усугубляемого обманом. И если С., несмотря на всю неустойчивость, в основе которой лежала истерическая способность вытеснения, мог десятилетиями успешно выступать на сцене, то это можно объяснить только все той же способностью, поддерживающей и его профессиональную форму.

Не менее эффективно принадлежность к истерическому типу сказывается и на представителях других областей искусства. Во-первых, для любого художника очень важна способность отдаться творческому порыву без остатка, т. е. умение полностью перевоплощаться в своего героя, жить его жизнью. Во-вторых, демонстративная личность обладает повышенной фантазией, чему способствует специфическая раскованность мысли, присущая истерику. Психологически активное поведение вырабатывает строго логическое и при этом отвлеченное мышление; раскованность, легкость поведения, напротив, ведет к свободе, к возникновению конкретных картин, образов, из которых создается воображаемый мир. Свободная игра представлений, «сны наяву» характерны для людей с раскованной психикой. В таких «снах» счастливые, радостные представления преобладают над печальными и неприятными. «Он строит воздушные замки» — так говорят о мечтателях. В этом определении отражен и конкретный характер мечты, и ее мажорная тональность. Демонстративные и истерические личности склонны вытеснять неприятные мысли, которые могли бы побудить их к активным раздумьям, так как они не желают ничем отягощать себя. Свободная игра светлых, приятных представлений дается именно такой раскованностью мысли. Истерик обладает богатейшей фантазией, которая становится одним из доминирующих компонентов в структуре демонстративной личности. Фантазия проявляется даже при самом

примитивном надувательстве. В таких случаях истерик действует не по заранее намеченной схеме, а опирается на конкретные слова и ситуации, возникающие в ходе мошеннической операции. Четкие контуры эта операция приобретает лишь в момент «исполнения». Именно конкретность, материальность фактов, которыми обманщик оперирует, придают убедительность действиям истерических аферистов.

Точно так же и у писателя, обладающего чертами демонстративного типа, фантазия работает с особой живостью: конкретные образы, порождаемые раскованностью мысли и необходимые ему в процессе творчества, могут нахлынуть потоком. Художникам и композиторам фантазия приносит новые идеи, без которых и они не могут плодотворно творить.

Можно привести яркий пример сочетания богатой фантазии и истерической структуры личности. Быть может, многие не признают Карла Мея настоящим писателем, но нельзя отрицать, что этот автор обладал огромной фантазией.

До начала писательской деятельности Карл Мей более семи лет отсидел в тюрьме, отбывая наказания за кражи, грабежи со взломом и различные жульнические махинации. В 38 лет он в последний раз был в тюремном заключении. Все, что можно сказать отрицательного о Карле Мее, изложено в некрологе Альфреда Кляйнберга, напечатанном в журнале «Kunstwart». Друзья Карла Мея считают этот некролог злостным пасквилем, хотя и они не могут отрицать объективных фактов. Гурлитт пытается объяснить и смягчить отрицательные моменты некролога, но достоверность фактов вынужден признать и он.

Мей, став уже писателем, продолжал свои авантюристические выходки, правда, теперь в них не было уголовного элемента. Например, к своему литературному псевдониму он присоединял громко звучащие имена с дворянскими титулами. Эти псевдонимы он увенчал званием доктора наук, которое впоследствии даже, так сказать, материализовал, приобретя за деньги диплом доктора в одном из американских университетов. Он выдавал себя за Old Chatterhand (Старого Болтуна), т. е. идентифицировал себя с одним из персонажей своих романов. О Виннету он говорил как о своем реально существующем друге. Все описанные в его книгах путешествия Мей квалифицировал как истинные события, между тем большинство из них получили литературное воплощение еще до его первых поездок за границу. В одном из писем он упоминает о персонажах своих произведений: «Хоббль еще жив, Хаукенс, Файрхенд и Хаверфилд уже умерли». На его визитных карточках было напечатано: «Карл Мей, по прозвищу Old Chatterhand». В письма он вкладывал свои фотографии, где был снят на фоне разных экзотических пейзажей. Гурлитт не оспаривает этих фактов, но пишет: «Вопрос о том, совершал ли он в действительности те или иные путешествия, где он приобрел свой знаменитый карабин — в Америке или у старьевщика в Дрездене, каким путем он попал на фотографию в самую гущу индейцев,— все это не затрагивает его порядочности… Тяга к самоутверждению — вот что заставило его купить докторское звание и увиливать, когда потребовались объяснения».

Особенное возмущение у противников Мея вызывает одновременное опубликование им благочестивых рассказов («Рассказы о богоматери») и бульварных романов с непристойным содержанием. Ему предъявили обвинение

в том, что он пишет безнравственные произведения. Мей объявил на суде во всеуслышание, что неприличные места написаны не им, а вставлены позднее издателем. Но можно ли верить такому оправданию? Ведь книги такого содержания Мей писал на протяжении почти пяти лет, а между тем уверенно заявлял, что этих «вставок никогда не замечал». К тому же в благочестивых рассказах заметно отсутствие искренности, напротив, в них чувствуется поза, они отдают ханжеством. Это, однако, замечают не все. Многих людей Карл Мей сумел покорить своим ложным благочестием. Так, Штольте, который, как и Гурлитт, поддерживал эту артистическую личность (оба они издавали его книги), пишет о «Географических проповедях» Мея: «Они являются попыткой охватить всю космическую и культурную жизнь в едином молитвенном порыве для восхваления высшей божественной воли». Вот несколько заглавий из «Проповедей»: «Молись и трудись», «Кто честно живет, тот долго проживет» и т. д. Несмотря на лицемерие, заметное в «Проповедях», Карл Мей имел успех, многие годы он пользовался огромным уважением в кругах католического духовенства.

Вершиной наглого обмана Мея можно считать цитируемое Бемом письмо. В нем после сообщения о смерти на 32-м году жизни его друга Виннету сказано: «Я говорю и пишу: по-французски, английски, итальянски, испански, гречески, латински, еврейски, румынски, по-арабски — на 6 диалектах, по-персидски, по-курдски — на 2 диалектах, по-китайски — на 6 диалектах, по-малайски, на языке нанакуа, на нескольких наречиях сиу, апашей, команчей, суаки, ута, киова, а также кечумани, затем на трех южноамериканских диалектах. О лапландском упоминать не стану. Сколько рабочих ночей мне это стоило? Я и сейчас не сплю по 3 ночи в неделю: с 6 часов вечера в понедельник до 12 во вторник, точно так же со среды на четверг и с пятницы на субботу. Кому бог дал один фунт разума, тот должен приумножать его, ибо «с него спросится». Здесь с полной уверенностью можно говорить о pseudologia phantastica в психиатрическом смысле слова.

Бем описывает также следующий эпизод: «Графиня И. из Кабуны в Славонии, читавшая романы Мея запоем, не могла перенести мысли, что Виннету умер язычником, и обратилась к автору с укоризненным вопросом: почему он не описал обряда крещения, совершенного хотя бы перед смертью Виннету. Мей совершенно серьезно написал в ответ, что упрек ее несправедлив: обряд крещения был совершен самим же Меем, т. е. Old Chatter-hand, но в романе об этом умалчивается, ибо Мей опасался, что последуют нападки иноверцев». Мей парировал упрек читательницы заведомым обманом, чтобы выставить себя в благоприятном свете. Он вообще охотно переписывался с читателями, но, кроме того, создавал себе рекламу, публикуя читательские письма, которые сам же сочинял. Письма эти издавались в виде брошюр под названием «От благодарных читателей». Карл Мей в них представал воспитателем, пастырем, а его противники ниспровергались.

Из всего сказанного видно, что Мей, пользуясь поэтической свободой, сочинял и лгал беззастенчиво, не брезгуя никакими средствами, пускал пыль в глаза, а дешевые выдумки выдавал за истину. Таким образом, творческая деятельно

ПЕДАНТИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

На уровне явной патологии личности педантическому типу соответствует ананкастическая психопатия. У лиц педантического типа, в противоположность демонстративному, в психической деятельности исключительно мало представлены механизмы вытеснения. Если поступки истериков характеризуются отсутствием разумного взвешивания, то ананкасты «тянут» с решением даже тогда, когда стадия предварительного обдумывания окончательно завершена. Они хотят, прежде чем начать действовать, еще и еще раз убедиться, что лучшее решение найти невозможно, что более удачных вариантов не существует. Ананкаст не способен вытеснять сомнения, а это тормозит его действия. Таким образом, необдуманности истериков противопоставляется нерешительность ананкастов. Разумеется, решения, с которыми связаны колебания педантичного субъекта, должны быть в какой-то мере важны для него: оказывать сопротивление естественному вытеснению трудно лишь тогда, когда неверный поступок грозит либо вызвать неприятности, либо воспрепятствовать приятному. То, что для человека не имеет серьезного значения, сознание вытесняет без всякого труда, для этого не нужно принимать особого решения даже ананкасту.

При развитии у лиц педантического типа невроза важность решения не снимается с повестки дня, но в этом случае предполагаемая угроза, тормозящая принятие решения, может оказаться ничтожной. Если мать-ананкаст прячет в комнате, где находится младенец, все колющие и режущие предметы, то ее действия в известной мере оправданы страхом, что ребенок может пораниться. Но если та же мать, вообще боится прикоснуться к младенцу, «чтобы не повредить ему», то она страдает неврозом навязчивых состояний.

Так, например, навязчивое умывание может с натяжкой быть оправдано тем, что даже после тщательного мытья на теле все же остаются мельчайшие частицы грязи, часто невидимые (бациллы). В случаях, когда минимальная возможность опасности сопровождается резким, бурным аффектом, можно говорить о том, что стадия психологической нормы развития истекла, т. е. приходим к закономерности, описанной в цит. соч. (с. 191). Это можно образно представить как основной закон развития человеческих чувств, согласно которому эмоции, раскачиваемые между двумя полюсами, все «набирают высоту» и таким образом из незначительных реакций перерастают в глубокие аффекты. С этой закономерностью мы столкнемся еще при анализе развития параноических состояний.

При неврозах навязчивых состояний сильный страх, заставляющий видеть в пустяковом обстоятельстве зловещую угрозу, возникает из-за длительной неуверенности в том, оправдан ли данный страх. Мать в нашем примере сначала хотела лишь убедиться, нет ли острых предметов вблизи ее ребенка. Но успокоиться окончательно не могла, подозревая, что упустила из виду еще какой-то опасный предмет, и вновь гнала от себя мрачные мысли, и вновь они возвращались. Вследствие таких постоянных, разъедающих душу сомнений возникает болезненный страх, снедающий невротиков с навязчивыми идеями. При этом их же собственный разум считает страхи необоснованными, но преодолеть их они не в силах. Уже в периоде развития аффекта ананкаст борется с навязчивыми представлениями; но поскольку его способность к вытеснению заведомо недостаточна, то именно эта борьба усиливает

навязчивые представления, ведя к тому самому «раскачиванию», которое взвинчивает страх до-предела. Последуй женщина в нашем примере первому импульсу, унеси она из комнаты свои иголки, булавки, ножницы, прежде чем войти туда с младенцем, прекрати она размышлять в данном направлении — и навязчивая идея не развилась бы. Женщина забыла бы о чрезмерных предосторожностях, если бы не продолжала упорно о них думать, страх ее улетучился бы сам собой. Но ей не удается «поставить точку», всплывают новые опасения, и, борясь с ними, она невольно способствует их развитию, создает для них питательную среду.

Но не только такие колебания склоняют людей к патологическим сомнениям; толчком, способствующим «раскачиванию» чувств, могут быть и внешние обстоятельства. Ипохондрический невроз чаще всего возникает в связи с медицинским обследованием, консультациями, предписаниями; больной начинает колебаться между надеждой и опасениями, и в конечном итоге — появляется патологический страх перед тяжким заболеванием. Осознание необоснованности страхов у ипохондриков еще менее вероятно, чем при навязчивых сомнениях, поскольку легче убедиться в необоснованности бреда сомнения, чем в несерьезности физического заболевания, причина которого нередко неясна и самому врачу.

В данной монографии речь идет не о психическом развитии. Мы привели эти вступительные замечания лишь с целью облегчить понимание типа ананкаста, так как сведения о психопатиях, развивающихся у акцентуированной педантической личности, облегчат читателю правильное суждение о ней. Легче будет раскрыть и отрицательные стороны акцентуации этого типа.

При отсутствии невроза педантичность наносит ущерб личности только тогда, когда она приобретает болезненный характер. Способность принять решение в этих случаях настолько-резко нарушена, что человек не в состоянии нормально работать. Обуреваемый сомнениями, он вновь и вновь проверяет, удовлетворителен ли результат его труда, можно ли считать работу законченной. Он начинает отставать от других, от коллектива. Это в известной мере (но далеко не полностью) компенсируется старательным и добросовестным выполнением порученного дела. Ананкаст часто добровольно работает сверхурочно, чтобы наверстать потерянное время. Немалый вред приносит педантичность и в личной жизни. Например, рабочий день закончился, но ананкаст все никак не может «расстаться» с рабочим местом; уходя, неоднократно возвращается, чтобы проверить, заперты ли ящики, закрыты ли все двери, все ли оставлено в полном порядке. Если он сдерживает себя, отказывается от многократных самопроверок, то по дороге домой все равно его изводят мысли о прошедшем рабочем дне, тревожат разные мелочи. Особенно усиливаются его сомнения, когда порученная работа ответственна. Беспокойство не покидает ананкаста и дома: время засыпания, являющееся для другого периодом «выключения», становится для педантической личности тяжелым испытанием. Ананкаст еще раз подвергает скрупулезному анализу все, что было сделано сегодня, погружается в мысли о планах на завтра и не находит лишь одного — покоя.

Бытовые обязанности также не могут выполняться спокойно и гладко. Женщины больше мужчин подвержены чрезмерной, навязчивой аккуратности. Уборка в комнате производится дотошно и основательно, да и куда чаще, чем

нужно. Особая чистота должна царить на кухне. Приготовление пищи отнимает у. ананкастов много времени, ибо мытье продуктов, их очистка, перебирание овощей, крупы выполняются с предельной тщательностью. Посуду ананкасты моют по три-четыре раза, меняя всякий раз воду. Если ожидаются гости, уборка производится особенно интенсивно. Трудоемкой оказывается и забота о предотвращении бытовых несчастных случаев. Женщина, которая ни разу в жизни не забывала закрыть газовый кран, обязательно многократно проверяет себя, поднимаясь для этого с постели даже ночью. То же самое проделывается и с входной дверью. А днем опять повторяется знакомая картина: покидая дом, ананкаст возвращается проверить, аккуратно ли заперта дверь, тянет — ее, трясет; между тем еще ни разу не случалось, чтобы он не закрыл дверь. Выключение утюга и света при уходе из дому также перерастает в проблему. Таким образом, для педантических личностей и выполнение трудовой деятельности, и бытовые заботы протекают настолько усложненно, что радости жизни, возможность ими наслаждаться как бы проходят мимо них.

Если педантичность выступает лишь как акцентуированная черта характера, то описанные выше отрицательные моменты не проявляются. Поведение педантической личности не выходит за пределы разумного, и в этих случаях часто сказываются преимущества, связанные с тенденцией к основательности, четкости, законченности. Так, в области профессиональной деятельности педантическая личность проявляет себя положительно, так как выполняет работу очень добросовестно. Другие подумают: да что тут возиться, и так сойдет! Такая установка людям описываемого типа чужда. На производстве хорошо знают работника с этой стороны, знают, что на него можно положиться безоговорочно: ему всегда доверяют работу, при выполнении которой необходима большая точность, тщательность. Любопытно следующее: на ананкаста ответственное задание может оказать угнетающее действие, так как вызовет множество тревог и опасений, в то же время педантическая личность возьмется за работу без особых раздумий и выполнит ее четко. Если учесть, что педантичность, сверхаккуратность это одновременно и сверхдобросовестность, то сразу становится понятным положительное значение такой черты характера. Позитивное начало педантической личности проявляется и в том, что такой человек любит свое производство, хорошо осознает обязательства по отношению к нему и не меняет место работы без веских оснований. Нередко такие люди много лет, а иногда и всю жизнь работают на одном и том же предприятии. С мелочным педантизмом скрупулезность такой личности не имеет ничего общего, а любовь к порядку тоже еще не говорит о том, что обладатель этого качества — ананкаст (на этом подробно остановимся ниже). В быту для лиц педантического типа также характерна добросовестность. Муж в таких случаях нередко, пасуя перед бытовыми трудностями, перекладывает ответственность на жену. Иногда из-за чрезмерного усердия такие лица, которых еще нельзя отнести к ананкастам (они обнаруживают только черты педантичности), могут серьезно осложнить себе жизнь. Однако для общества они очень ценны.

Педантическая скрупулезность, впрочем, выражается не только в высоких деловых качествах. Она чревата тем, что акцентуированная личность начинает усиленно печься о собственном здоровье. При умеренных проявлениях это положительное качество. Сверхаккуратный человек осторожен, не увлекается курением, не слишком много пьет. Однако при неблагоприятных обстоятельствах такая установка служит толчком к развитию ипохондрии.

Поясню свою мысль выдержками из описаний этих личностей, но прежде приведу описание Шмишеком трех лиц, упоминаемых в нашем с ним общем труде.

Вернер К., 1922 г. рожд., слесарь по ремонту машин. С детских лет жизнь его шла ровно. Рос в спокойной семье, посещал восьмилетку, учился средне. Затем 3,5 года осваивал профессию слесаря, получил аттестат с хорошими оценками. С 1939 г. работает по специальности в одной и той же фирме. Вот уже год как стал бригадиром. В 1956 г. женился, жена на 4 года моложе его. Имеет двоих детей, 8 и 5 лет.

И как работник, и как семьянин К. всегда был на высоте. Его семейная жизнь складывалась гармонично. С товарищами по работе неизменно хорошие деловые отношения, полное взаимопонимание. На производстве о К. самого высокого мнения, его ценят за трудолюбие и солидный опыт. Человек он дельный, всегда готовый помочь товарищу.

Черты анализируемого типа особенно ярко выявлялись в беседах с К. Выяснилось, что с самого детства его считают старательным и добросовестным мальчиком. К любому заданию он относится серьезно: не бывает так, чтобы поручение выполнил поверхностно,— все заранее продумано тщательным образом. Намечается явная тенденция к последующему контролированию проделанной работы. Прежде чем сдать обработанную деталь, К. непременно «подтянет винты». При сборке машин всегда убедится, не попала ли стружка в подшипники. Уходя из квартиры, проверяет, закрыт ли газовый кран, выключен ли свет, всегда лишний раз должен убедиться, не оставлены ли на видном месте спички, опасаясь, что до них могут легко добраться дети, а заперев квартиру, он несколько раз дергает дверь за ручку. Настроение К. преимущественно ровное. Он охотно проводит время в обществе, без труда налаживает контакты с людьми. К. активно реагирует на неприятности, при которых бывает заметно внутренне раздражен, но долго он ни на кого не сердится.

Перед нами человек, выгодно выделяющийся на фоне многих других. Его добросовестностью объясняется редкая тщательность при выполнении работы. У него высокие трудовые показатели.

Следующий случай также подтверждает, что аккуратность и добросовестность ведут к трудовым достижениям, обеспечивают авторитет на работе. Одновременно мы убедимся и в том, что чрезмерная добросовестность чревата страхом перед ответственностью.

Конрад Н., 1929 г. рожд., директор школы. Детство протекало нормально, серьезных заболеваний не было. В течение шести лет посещал начальную основную школу, а затем до 1945 г.— расширенную среднюю школу-интернат. Закончил ее, учился всегда хорошо. Позднее поступил на педагогические курсы, окончил их успешно. С 1948 г. работает учителем, с 1952 г. — директором школы. Некоторое время (1954—1955) был школьным инспектором. В 1949 г. женился, имеет двоих детей.

В целом жизнь Н. сложилась благополучно. С женой — также педагогом — у него полное взаимопонимание. Возглавляемая им школа считается одной из

лучших. С товарищами по работе отношения хорошие. Объясняется это характером Н., человека весьма добросовестного, у которого во всем «ажур». Он основательнейшим образом готовится к урокам. Многочисленные сверхплановые дела по школе, которые можно было бы поручить кому-либо из коллектива, он выполняет сам, чтобы быть уверенным в своевременном и четком исполнении. При выставлении оценок Н. остерегается поспешных суждений: не хочет быть несправедливым. Вообще ему нелегко критиковать других. Сам он, будучи юношей, во время экзаменов чувствовал себя неуверенно, всегда очень волновался. Должность инспектора школ округа его никак не устраивала, так как была связана с частым посещением школ и контролированием коллег. Поэтому он отказался от нее. В истекшем году он всячески сопротивлялся, когда его за хорошие показатели решено было перевести на более ответственную должность. Ему приятнее его скромная школа, где и ответственность куда меньше. Впрочем, и этот маленький участок целиком поглощает его. Отчеты учителей областному отделу просвещения Н. прочитывает сам по нескольку раз. Перед сном обходит все помещения школы (он и семья живут при школе), проверяя, все ли в порядке. Н. легко сходится с людьми, настроение у него всегда ровное. Не обидчив, не любит ссор, скандалов, объяснений, при любом конфликте предпочитает уступить, стремится избежать столкновений по работе.

У вышеописанных обследуемых педантичность проявляется в области профессиональной, в труде. Ниже описана женщина, на примере которой мы видим, как подобные акцентуированные черты характера проявляются в бытовой обстановке.

Эльза Ш., 1925 г. рожд., домохозяйка. Детские годы ничем не примечательны. Закончила начальную школу. После года практики стала работать в хозяйстве отца, пока в 1949 г. не вышла замуж. У нее двое детей. Ш. очень добросовестна, всякую работу выполняет основательно. Соседи часто отмечают, что она чересчур аккуратна, без нужды усложняя этим себе жизнь. Ш. никогда не отдыхает, она работает с утра до вечера не покладая рук, добиваясь во всем образцового порядка, безукоризненной чистоты. Случается, что она работает далеко за полночь, хотя намеченное без всякого ущерба можно было бы выполнить и на следующий день. Но она попросту не находит покоя, пока не переделает всего, что намечено. Еще работая в поле на участке отца, Ш. славилась образцовой исполнительностью, и родители очень сожалели об утрате такой помощницы. Когда она позже приезжала погостить и отдохнуть у родных, то неизменно включалась в работу по дому и доводила все до блеска. Кроме работы по хозяйству для семьи Ш. еще возделывает садик. Грядки в нем прямые как стрелки, ни единого сорняка не найти. Утром она всегда поднимается в назначенное время, но это не мешает ей заводить два будильника, «чтобы вовремя разбудить мужа». Ш. часто проверяет выполненную ею работу: вытрет пыль — и сразу начинает гладить рукой мебель, чтобы установить, не осталось ли пыли. Она обязательно дергает дверную ручку, заперев за собой входную дверь. Бывает и так, что возвращается домой убедиться в том, что газ и утюг выключены. Правда, ей никогда еще не случалось забыть выключить тот или иной прибор, но все же она из-за этого беспокоится. По натуре она тихая, замкнутая женщина, поглощена семьей, для которой живет. Настроение у Ш. всегда ровное, она избегает неприятных объяснений, вообще человек очень уживчивый, со всеми

ей хотелось бы жить в мире.

Сверхаккуратность этой женщины, по существу, является положительной чертой. Ее можно считать образцовой хозяйкой, хотя иногда она и «перебарщивает».

Ни в одном из трех описанных случаев не приходится говорить о психопатии. Конечно, все эти личности по-своему акцентуированные, но все же абсолютно нормальные. Следующее описание ананкаста с уклоном в психопатию продемонстрирует степень его отклонения от нормы.

Освальд Г., 1927 г. рожд., по профессии слесарь. В школе был очень усердным, старательным учеником. Окончил курс слесарного дела, был призван в армию, попал в плен. С 1945 г. работает по специальности. В 1950 г. женился, имеет сына. Г. в работе всегда был аккуратным, но это как-то не бросалось в глаза, пока в 1950 г. ему не поручили ответственный участок. Постепенно Г. становится все более и более неуверенным в себе. Его постоянно преследует лишь один вопрос: нормально ли подтянуты винты в изготовляемых им изделиях. В результате он подтягивает их столь основательно, что иногда они не выдерживают нагрузки. На производстве стали говорить: «Г. срывает все винты». По совету врача Г. изменил место работы — на том же заводе стал начальником цеха. Как начальник он обязан подтверждать своей подписью, что различные работы по цеху выполнены согласно нормам. Прежде чем поставить подпись, Г. многократно проверяет качество всех выпускаемых деталей, что невероятно затягивает процедуру сдачи. Поэтому он снова меняет должность (на том же заводе): становится ответственным за картотеку по запасным частям. Но и здесь Г. проверяет и перепроверяет запчасти без конца. Его переводят в отдел ремонта. Сначала все идет гладко, но вот снова начинаются затяжные проверки. На этот раз Г., не доверяя самому себе, привлекает для консультаций по контролю еще и сотрудников. В результате постоянные срывы графика.

Дома также не легче. Когда Г. по возвращении с работы отправляется поставить велосипед в подвальное помещение, то потом долго не может отойти от двери, ведущей в подвал, проверяя, на месте ли его «конь». Долго не может он «оторваться» и от висячего замка на двери, шепча про себя: «Да запер я его, наконец, или нет?» Выключив свет, Г. тут же возвращается проверить, выключен ли он. В ящик для писем заглядывает по 10 раз… Из-за навязчивых проверок у него совсем не остается свободного времени, и все же он не может себя сдержать. К этому присоединяются опасения за жену и сына. Например, Г. преследуют картины пожара, при котором гибнет его семья, он стремится обезопасить дом и близких от угрозы пожара.

Г. был не только педантически аккуратен и добросовестен: преследуемый навязчивыми самопроверками, он ни одного дела не мог довести до конца. Г. с облегчением вздыхал, переходя на новое место работы,—мучительный участок оставался позади! Но не успев вкусить полностью чувства освобождения, он оказывался снова во власти все тех же навязчивых самопроверок, только «пересаженных» в другой цех, на новые объекты.

Обследуемый прошел курс психотерапевтического лечения, был подробно проинструктирован, как бороться со своей одержимостью. Мы внушили ему, что как бы ни были велики его сомнения и нерешительность, ни при каких

обстоятельствах недопустимо на них задерживаться, а напротив, нужно без промедления переходить к следующему действию или к мысли, связанной с ним. Именно таков путь возвращения ананкаста к нормальной жизни и трудовой деятельности, несмотря на то, что сама аномальная тенденция больного радикально не ликвидируется. Надо сказать, что на военной службе большинство ананкастов чувствуют себя лучше, чем на гражданской, поскольку строжайшая военная дисциплина не оставляет места для нерешительности и колебаний. Вообще же важным моментом у ананкастов является воспитание самодисциплины. Консультации в таких случаях дает психотерапевт. Наш обследуемый Г. после курса лечения мог беспрепятственно выполнять рабочие обязанности. Но слабость в принятии решений осталась и по-прежнему значительно ограничивала свободу его действий. Такая слабость может быть квалифицирована как психопатическая.

Педантичность как черта характера может проявляться даже в детстве, хотя в этом возрасте она и не бывает резко выраженной. Ей препятствует естественное возрастное отсутствие собранности, откуда и часто встречающаяся у детей необдуманность поступков. Поэтому детей, принадлежащих к педантическому типу, сразу можно отличить от других: они выделяются своей добросовестностью, дисциплинированностью. Как пример приведу описание ребенка, сделанное в нашем совместном труде врачом Линдер.

Петер Ш., 10 лет, лечился в стационаре нашей клиники в 1962 г. по поводу тика мышц лица. Его родители придавали огромное значение успехам детей в школе. Как только ребенок получал невысокую оценку, мать начинала дополнительно заниматься с ним по данному предмету. Наш маленький пациент уже и прежде был склонен к физическому переутомлению. Ему приходится заметно напрягаться, чтобы не отставать от ровесников, хотя он отнюдь не является «отсталым» ребенком. Мальчик болезненно реагирует на плохие оценки, хотя и старается не показывать этого, скрывая свое огорчение. Петер нередко бывает близок к слезам из-за обиды, из-за завышенных требований. Но мальчик не хочет, чтобы его жалели, он самолюбив. Учится он всегда старательно, отдавая подготовке все силы, стремясь выполнять школьные задания безукоризненно. Что бы ни поручить Петеру из бытовых дел, на него можно безусловно положиться. Это подтверждают и родители. Мальчик тщательно выполняет любое домашнее поручение даже в тех случаях, когда родители уезжают, т, е. никто его не контролирует. Из всех братьев и сестер Петер самый исполнительный.

Тик начался у мальчика в возрасте 4—5 лет, т. е. еще до посещения школы. Немалую роль в этом сыграл его единоутробный старший брат, постоянный «соперник» нашего пациента. По рассказам матери, ее сыну от первого брака — здоровому настойчивому крепышу — доставляло удовольствие дразнить менее выносливого брата, задираться с ним. Вскоре после выписки Петера из клиники родители отправили старшего брата в интернат. Тик удалось вылечить, теперь он появляется у Петера только в моменты волнения, напряженного нервного ожидания или при переутомлении.

Установить, что этот мальчик — маленький представитель педантического типа, нетрудно. В выполнении порученных заданий он отличается необычайной добросовестностью. Можно сказать, что ему чужды характерные для любого ребенка беспечность, легкомыслие. В связи с тем что одно время Петер

занимался с чрезмерным напряжением сил, он вновь стал невротиком, снова усилился тик. Появление тика, возрастание его интенсивности при этом весьма характерны — тик и у взрослых представителей педантического типа чаще всего появляется тогда, когда большие перегрузки сопровождаются повышенным вниманием к процессам, происходящим в собственном организме.

На почве ананкастической психопатии возможно развитие невроза навязчивых состояний.

Провести четкую границу между обычными реакциями ананкаста и развитием невроза навязчивых состояний вряд ли возможно. Иногда уже первое колебание при ситуации, требующей определенного решения, может оказаться предпосылкой для развития невроза. Следующее затем колебание по аналогичному поводу может заметно усилить торможение, поднять его выше исходной точки. Но о развитии собственно невроза следует говорить лишь тогда, когда обследуемый утрачивает способность совершать разумные поступки. При этом не имеет значения, как именно он поступает: то ли не совершает нужного действия, то ли, напротив, совершает его там, где оно излишне. Описываемое развитие как бы щадит все области деятельности, кроме одной, следовательно, устанавливается односторонняя навязчивость. Часто именно эта ограниченность нарушения особенно бросается в глаза. Бывает, что человек не решается выйти из дому на улицу, боясь сразу «свалиться замертво», и в то же время он, не обнаруживая и тени торможения, садится в машину, которую вдобавок сам же ведет. Чем однозначнее намечающееся развитие в сторону невроза навязчивых состояний, тем явственнее эти состояния сужаются, сводясь к одной определенной области психики. У человека, навязчиво сосредоточенного на одной какой-либо теме, просто не остается времени для того, чтобы колебаться в нерешительности также и в отношении других областей жизни. В ситуациях, лежащих за пределами невроза, он либо поступает нормально, как всякий другой человек, либо вообще не включается ни во что вне сферы своего заболевания. Например, домохозяйка может часами мыть руки, нигде не убирая,, запустив свое хозяйство, так как времени на него «не остается». Именно такого рода черты (парадоксы) отличают обследуемую, к описанию которой я перехожу.

Элизабет Т., 1913 г. рожд., по профессии педиатрическая медсестра. Помнит, что уже в 13 лет страдала навязчивыми представлениями: считала, что если переведет глаза с особы, одетой в черное, на другого человека, то последний вскоре умрет. Ее постоянно мучила совесть, она часто бегала исповедоваться. В восемнадцатилетнем возрасте из лекций на курсах медсестер Т. узнала о том, что бациллы туберкулеза труднее поддаются уничтожению, чем в любые другие. В этот период она как раз ухаживала за детьми, болевшими туберкулезом кишок и желез. К тому же отец часто рассказывал о своем брате, болеющим туберкулезом. У Т. появился навязчивый страх туберкулезных бацилл. Она уволилась с должности педиатрической сестры и до 1939 г. работала частной сиделкой. В 1939 г. вышла замуж, стала матерью троих детей.

Во время войны Т. долгое время работала медсестрой в госпиталях, в этот период навязчивые представления у нее не возобновлялись. В 1945 г. во время бомбардировки погибли две дочери Т. После этого ее снова обуял навязчивый страх перед бациллами. Болезнь прогрессировала, в 1959 г. стала угрожающей. Круглые сутки ее преследовали навязчивые состояния. С утра до вечера она

занималась стиркой, но все же не могла добиться желаемой чистоты. Дом у нее был полон всевозможных тряпок и тряпочек, каждая из которых имела специальное назначение. К дверным ручкам Т. иначе как через тряпочку не прикасалась. Ложилась спать очень поздно. Особенно скверно на нее влияла хорошая погода: в солнечные дни она считала необходимым уничтожать бациллы туберкулеза, которые могли находиться на белье, при помощи солнечных лучей. Уже с ночи она начинала собирать все белье, чтобы при появлении первых же лучей солнца развесить его на дворе. Состояние обследуемой особенно ухудшалось, когда ей нужно было выйти на улицу, страх прийти в соприкосновение с бациллами в эти моменты возрастал во много раз. Увидя где-либо пятна крови, Т. на большом расстоянии обходила это место, и тем не менее страх, что бациллы «перешли на нее из крови», не удавалось подавить. Ее преследовали воображаемые картины кровавой мокроты больных туберкулезом, и все чаще ей мерещились на асфальте и на стенах домов видоизменения в окраске, вызванные якобы кровью. В конце концов она стала выходить на улицу лишь в случае крайней необходимости. Обследуемой, пришедшей на прием в наше психотерапевтическое отделение, была предписана интенсивная терапия отвлечением и привыканием. Основная цель — избавить ее от навязчивого страха перед бациллами туберкулеза и кровью. Одновременно она работала над усвоением разработанных и рекомендованных ей нами правил поведения, которые в конечном счете должны были освободить Т. от господства навязчивых состояний, не покидавших ее в силу присущих ей особенностей личности. После прохождения курса лечения Т. стала вновь работать в качестве педиатрической медсестры. Она была направлена на прежнюю работу с целью сохранения выработанного нами в процессе лечения жизненного ритма. Вот уже несколько лет как Т. работает по специальности (педиатрической медсестрой) и образцово ведет домашнее хозяйство. Сравнительно недавно мы справлялись о ней: она все еще работает на старом месте в детских яслях. Мы получили от нее письмо с выражением благодарности. Все же Т. должна чрезвычайно внимательно следить за собой, чтобы уберечься от возобновления навязчивых представлений. Ведь сама болезненная педантичность обследуемой лечением устранена не была.

Развитие ананкастического невроза предполагает упорную стойкость аффекта, поэтому данный невроз в детском возрасте не встречается. Исключение представляет собой ребенок, описанный нашей сотрудницей Линднер в нашем совместном труде. Развитие заболевания стимулировалось неврозом матери, который отражался и на ребенке. Сама же возможность заболевания обусловлена особенностями личности ребенка, если не ананкастическими, то по меньшей мере педантическими.

Марио Р., 9 лет, лечился в нашем стационаре по поводу категорического отказа посещать школу. Этому предшествовал случай, когда Марио, вернувшись из школы немного позднее, чем обычно, не застал дома маму, которая обычно всегда его ждала.

Марио — единственный сын. До школы лишь короткое время был в детском саду, все детство провел в родительском доме. Его мать вот уже несколько лет находится под наблюдением психотерапевтов по поводу всевозможных фобий. В нашу клинику она поступила одновременно с сыном. Выходя из дому, мать часто брала с собой мальчика «для поддержки» при переходе через улицу или через мост, так как сама ходить по городу боялась. Мальчик обычно держал ее

за руку. Отец всегда очень занят на работе, он производит впечатление человека выдержанного, осторожного, надежного.

Марио с раннего возраста боязлив. Его никогда нельзя оставлять одного дома — ни вечером, ни днем. Он боится засыпать в темноте. Это живой развитой ребенок, он не скоро забывает нанесенные обиды, очень ценит, когда выполняют данные ему обещания. Протест против посещения школы связан с тем, что он боялся «не застать маму» по возвращении из школы. Родители сначала пытались сами отводить его на занятия, но при первой же возможности Марио убегал домой. Если же на него оказывалось давление и он был вынужден присутствовать на уроках, то все время нервничал, был сам не свой и никак не мог дождаться момента ухода «к маме». На основании этих болезненных реакций Марио (учился он легко и хорошо) был освобожден от посещения занятий до поступления в наш стационар.

В стационаре Марио производил впечатление ребенка скорее рассудительного и озабоченного, чем боязливого. При психологическом обследовании он всегда довольно долго обдумывал ответ. Казался ребенком не по годам умным. Кроме того, бросалась в глаза его неизменная аккуратность в одежде, даже после шумных игр с другими детьми в больничном саду. С детским коллективом клиники он без труда нашел общий язык, товарищи уважали его и слегка побаивались. Очень пугали Марио взятие крови для анализа и другие подобные процедуры. Несдержанность поведения заметна была только в тех случаях, когда он ждал посещения родителей: волновался, что они не придут, хотя они ни разу не пропустили приемного дня и часа.

Рассудительность маленького Марио позволила нам сделать попытку посылать его прямо из стационара в его старую школу на занятия, чтобы понаблюдать, повторятся ли прежние срывы. Две недели он совершенно нормально посещал школу, а когда начались каникулы, включился в спортивные игры при школе. Мы выписали Марио, предложив ему, чтобы он ходил на спортивные игры из дому.

На амбулаторном приеме через несколько месяцев мы выявили, что и дальнейшие посещения регулярных занятий после каникул шли без перебоев.

Если мальчик, страдавший, судя по его состоянию, неврозом навязчивых состояний, в клинике за необыкновенно короткий срок от него излечился, то в первую очередь причину такого состояния следует искать в детском складе психики, для которого стойкость аффектов не типична. Педантический склад характера Марио неизменно проявлялся в его стремлении к чистоте, аккуратности, в любви к порядку. В плане того же педантического склада следует трактовать и его настойчивость в требовании выполнения данных ему обещаний. Можно, конечно, задаться следующим вопросом: не возник ли невроз навязчивых состояний и не сформировался ли сам склад характера этого ребенка под влиянием болезненного состояния его матери? В данной книге я не занимаюсь проблемой того, в какой мере структура характера родителей (матери) может передаваться ребенку уже в детстве. Прежде всего, подобные констатации пришлось бы делать в самом раннем возрасте, так как, например, в школьном возрасте мы сплошь и рядом уже обнаруживаем сложившимися те черты характера, которыми обладают взрослые люди. Между тем таких

сопоставлений никто пока не проводил.

Следует повторить еще раз, что в данной работе я преследовал цель проанализировать сами черты личности; вопрос о том, каким путем эти черты возникают, мной не рассматривался.

Особенно часто встречается ананкастический ход развития заболевания ипохондрического типа, при котором в картине болезни преобладают чрезмерные опасения о своем состоянии здоровья.

Ниже описаны два случая ипохондрического невроза. Первый из них наблюдался у больного, который отличался выраженными педантическими чертами характера, к тому же мог быть определен как ананкаст.

Герберт Ф., 1936 г. рожд., в средней школе всегда хорошо учился. Уже ребенком он с трудом вступал в контакт с другими школьниками, был неуверен в себе, заторможен. Всегда страдал предэкзаменационной лихорадкой. Вообще в школе его всегда отличала робость. Таким остался и по окончании школы. Несправедливые замечания воспринимает весьма болезненно, в то же время не умеет постоять за себя. «А может быть, все же в чем-то виноват?» — думает Ф. в таких случаях. Его нельзя назвать честолюбивым, основное его стремление — чтобы никто не нашел недочетов в выполненной им работе. Ф. не способен отогнать от себя мысли о «плохом», склонен к самокопанию. В работе аккуратен, исполнителен; если приходится прерывать трудовой процесс, не доведя его до конца, Ф. очень нервничает. Часто поэтому уходит домой позже остальных сотрудников. Постоянно мучается сомнениями, все ли он сделал как следует, неоднократно проверяет себя. Дома проверяет газовые краны, выключатели.

Как-то после очень душного дня—это было в 1964 г.— Ф. никак не мог заснуть, ему «не хватало воздуха», он чувствовал боль в области сердца, его лихорадило (температура была 37,6°). Врач дал Ф. больничный лист с диагнозом «грипп» и через несколько дней выписал его на работу; предложил, однако, сделать на всякий случай электрокардиограмму. Ф. это сильно обеспокоило, он неотступно думал: «Плохо дело, что-то происходит с сердцем». У него обнаружили повышенное артериальное давление назначили лабораторные исследования. Врач обронил фразу о «пороке сердца». Обследуемый был потрясен: «Это оказалось ужасным ударом, прямо катастрофой, я понял, что моя жизнь висит на волоске». Боль усугублялась, все больше чувствовалась стесненность дыхания. «Это конец»,—думал Ф. Однажды, когда ему показалось, что сердце сжалось в последней судороге, он с диким воплем вскочил с постели. Исследования продолжались, хотя органических изменений сердца установить так и не удалось.

В 1965 г. Ф. пришел на прием в наше психотерапевтическое отделение в тяжелом состоянии: его преследовали мысли о близкой смерти. Ему было назначено психотерапевтическое лечение. Разъясняющими беседами удалось прервать «самокопание» Ф. Терапия заключалась в организации отвлечений и нагрузок. В результате больного удалось избавить от страха перед болезнью. Мы научили его также правилам поведения на будущее: как ему бороться с навязчивыми мыслями о смертельном заболевании. Самой склонности к подобным мыслям нам ликвидировать не удалось. При повторном

обследовании Ф. отмечено нормальное самочувствие.

У следующего обследуемого ананкастические проявления значительно менее заметны. Здесь, видимо, нужно говорить не о психопатии, а лишь об акцентуации личности.

Рольф Г., 1924г. рожд., воспитывался очень строгим, пунктуальным отцом. Очевидно, отец обладал педантическими чертами характера. Г. учился хорошо, по окончании школы стал торговцем. Всякую работу Г. выполняет добросовестно и аккуратно. При малейшей неточности в балансе торгового предприятия он места себе не находит, пока не обнаружит в бухгалтерских книгах ошибку. Он постоянно проверяет все сделанное, возвращается проверить, заперт ли гараж, выключены ли фары. Дома этого делать не приходится, здесь его отец все проверяет «от уголька в очаге до чердачного окошка». Но Г. и сам во всем строго соблюдает порядок: «Если ночью, случится, разбудят, я должен ощупью в темноте найти все нужное». Г. долго раздумывает перед любым решением.

В 1943 г. Г. был ранен в спину, ас 1947 г. у него часто отмечалась боль в крестце, впрочем, он не чувствовал себя серьезно больным. Но боль продолжалась, и в 1951 г. Г. решил проконсультироваться у врача, который направил его на рентгенологическое исследование и назначил водолечение (ванны). Боль и после курса лечения не прекращалась. Вот тогда Г. испугался: «Что же это может быть? — спрашивал я себя. Я думал, что, вероятно, при ранении оказался размозженным какой-то нерв, что это приведет к параличу». Интенсивность жалоб и опасений в последующие годы изменялась, но недомогание не оставляло Г. В 1956 г. он был определен в больницу и одновременно направлен на аутогенную тренировку, оказавшуюся безуспешной. Позже была предпринята терапия сном, но также безрезультатно; скорее, наступило даже ухудшение. На состояние больного повлиял еще и психогенный фактор: его соседом в палате оказался парализованный больной, который вскоре умер, но незадолго до смерти он рассказывал, что у него тоже «все началось с боли в спине».

В последующие годы Г. продолжал лечиться. Когда врачи при осмотре не обнаруживали повода для опасений, это не успокаивало его: «Я был уверен, что я безнадежен, поэтому они ничего мне не говорят». Между тем боль распространялась по всему телу. Вот примерный перечень жалоб, которые мы услышали во время приема больного в нашей клинике: «Боль я ощущаю между лопатками, она тянется до самой головы, до правого глаза, а иногда и до правой половины носа. Я чувствую жжение, потом наступает полная одеревенелость. Спина болит вдоль всего позвоночника; я как бы вовсе теряю опору. Боль в крестце переходит в правое бедро, вся правая рука от плеча тоже болит. Осенью и зимой у меня ощущение холода и влажности в ногах, точно у меня мокрые кальсоны. Сердце? Да, Сердце тоже болит. Иногда такое чувство, словно его прищемили или отдавили».

Боль во всем теле после лечения утихла под действием отвлекающего и нагрузочного лечения. Осталась лишь незначительная боль в крестце, вероятно, действительно связанная с перенесенным ранением; впрочем, она мала беспокоила обследуемого.

Г. оставался здоровым до 1967 г. В этом году у него была особенно напряженная работа, в связи с чем усилилась боль в крестце, а вслед за ней вновь начался болезненный страх, который с помощью психотерапевтического лечения удалось на сей раз быстро ликвидировать.

Несмотря на то что Г. страдал неврозом много лет, мы не можем констатировать в этом случае аномалию личности. В связи с систематически повторяющимися врачебными осмотрами и назначением всевозможного лечения, касавшегося, к сожалению, только физической стороны заболевания, обследуемый находился в состоянии постоянного беспокойства. Стоило аффекту страха хоть немного снизиться, как в данной обстановке он возникал вновь и вновь. Приходится, к великому огорчению, признать, что врачебные мероприятия, не учитывающие психического состояния пациента, способны вызвать, более того, поддерживать его невротические реакции. До заболевания и довольно долго во время него Г. был весьма положительным деловым человеком, который выгодно отличался по складу характера от ряда других владельцев торговых предприятий. Боль в крестце, которая объективно имела место, первоначально отнюдь не вызывала у него реакций невротика; эта боль продолжалась несколько лет, прежде чем он, наконец, обратился к врачу.

Особый интерес представляет то, что обследуемый жаловался на множественность болевых ощущений, выходивших далеко за пределы первоначальной локализации.

Следует отметить, что если человек — в связи со страхом болезни—не только сообщает о неопределенных соматических симптомах, но и жалуется на конкретные, четко локализованные неприятные ощущения,— это уже свидетельствует о предрасположении к невротическому развитию.

Возникают не «идеоипохондрические» состояния, как я предлагаю их называть, а «сенсоипохондрические», при которых появляются не только болезненные опасения, но и явственные болезненные ощущения без конкретной телесной основы. При подобном предрасположении опасность невротического развития возрастает, так как боль воспринимается как подтверждение органического заболевания. Если момент опасений, страха перед болезнью отсутствует, то описываемое предрасположение не проявляется, следовательно, в нем нет ничего патологического. У Г. в начальной стадии невроза предрасположение к невротическому развитию не проявило себя ничем. И лишь совпадение таких факторов, как нервное и физическое переутомление и выраженные черты личности педантического типа, вызвали невроз, а вслед за ним и разветвленные болевые ощущения.

Ипохондрический невроз не всегда легко отличим от невроза навязчивых состояний. Люди, страдающие кардиофобией, т. е. болезненной мнительностью в отношении заболеваний сердца, могут одновременно бояться выходить на улицу, опасаясь, что именно там произойдет инфаркт. Такая фобия ситуации — она также должна быть отнесена к неврозам навязчивых состояний — есть не что иное, как следствие нозофобии, т. е. ипохондрической мнительности. В других же случаях это вообще страх перед чем-то роковым и зловещим, но он не содержит представлений о конкретном заболевании своего собственного организма.

Застревающие личности

ЗАСТРЕВАЮЩИЕ ЛИЧНОСТИ

Основой застревающего, параноического, типа акцентуации личности является патологическая стойкость аффекта.

Чувства, способные вызывать сильные реакции, обычно идут на убыль после того, как реакциям «дать волю»: гнев у разгневанного человека гаснет, если можно наказать того, кто рассердил или обидел его; страх у боязливого проходит, если устранить источник страха. В тех случаях, когда адекватная реакция почему-либо не состоялась, аффект прекращается значительно медленнее, но все же, если индивидуум мысленно обращается к другим темам, то в норме аффект через некоторое время проходит. Даже если разгневанный человек не смог отреагировать на неприятную ситуацию ни словом, ни делом, то тем не менее не исключено, что уже на следующий день он не ощутит сильного раздражения против обидчика; боязливый человек, которому не удалось уйти от внушающей страх ситуации, все же чувствует себя через некоторое время освобожденным от страха. У застревающей личности картина иная: действие аффекта прекращается гораздо медленнее, и стоит лишь вернуться мыслью к случившемуся, как немедленно оживают и сопровождавшие стресс эмоции. Аффект у такой личности держится очень долгое время, хотя никакие новые переживания его не активизируют.

Как уже говорилось, патологическим последействием чреваты в первую очередь эгоистические аффекты, так как именно им присуща особая сила. Вот почему застревание аффекта наиболее ярко проявляется тогда, когда затронуты личные интересы акцентуированной личности. Аффект в этих случаях оказывается ответом на уязвленную гордость, на задетое самолюбие, а также на различные формы подавления, хотя объективно моральной ущерб может быть ничтожным. Оскорбление личных интересов, как правило, никогда не забывается застревающими личностями, поэтому их часто характеризуют как злопамятных или мстительных людей. Кроме того, их называют чувствительными, болезненно обидчивыми, легкоуязвимыми людьми. Обиды в таких случаях в первую очередь касаются самолюбия, сферы задетой гордости, чести.

Однако и ущерб, наносимый интересам другого плана, например жажде материальных благ, страсти к приобретательству, также болезненно воспринимается людьми, которые отличаются чрезмерной стойкостью аффекта. Чувство возмущения общественной несправедливостью у личности застревающего типа наблюдается в более слабой степени, чем аффекты на уровне эгоистических побуждений. И если среди представителей данного типа все же встречаются иногда борцы за гражданскую справедливость, то лишь в той мере, в какой эти люди отстаивают одновременно справедливость в отношении себя; обобщением они стараются придать больше веса своим личным претензиям.

Черты застревания сказываются не только при нанесении ущерба акцентуированной личности, но и в случае ее успеха. Здесь мы часто наблюдаем проявления заносчивости, самонадеянности. Честолюбие — особенно

характерная, яркая черта у лиц с чрезмерной стойкостью аффекта: честолюбие сопровождается самоуверенностью, а поощрений таким людям всегда бывает мало.

Поскольку помехи эгоистическим целеустремлениям исходят от окружающих людей, то при высокой степени застревания, т. е. у личностей параноического типа, наблюдается такая характерная черта, как подозрительность. Человек болезненно чувствительный, постоянно страдающий от мнимого «плохого отношения» к себе, точно так же теряет доверие к людям, как и человек, недоверие которого объективно обоснованно. Ведь подозрительность вполне обоснованна, например, у ревнивца, которого действительно обманывают. Но в то время как оправданная подозрительность не идет дальше данного случая, подозрительность застревающей личности носит всеохватывающий характер, поскольку болезненная подозрительность порождается не определенными внешними обстоятельствами, а коренится в психике самой личности. Поэтому о подозрительности как свойстве психики можно говорить только при наличии общей настроенности недоверия, распространяющейся на любые области и отношения.

Повторение нескольких однотипных случаев может послужить толчком к началу параноического развития, но объяснять последнее только суммированием подобных случаев было бы неверно.

Если какое-то лицо постоянно чувствует себя мишенью для обидных замечаний, допустим, со стороны своего начальника, то, с одной стороны, будет постоянно расти ненависть к этому человеку, а с другой — появится притупление реакций на систематически действующий раздражитель, т. е. произойдет постепенное ослабление аффекта. Такой результат наблюдается обычно в тех случаях, когда вступить в борьбу с обидчиком невозможно, но параноического развития такие ситуации не дают.

Постоянное нарастание аффекта вызывается появлением описанного выше длительного чередования успехов и провалов. Представим себе, что есть возможность должным образом прореагировать на обиду, однако успех этот будет лишь частичным, так как вскоре за ним вновь последует новый выпад со стороны обидчика. Такая непрерывная смена удовлетворений и новых поражений и ведет к возникновению параноического аффекта. Подобное развитие может иметь место — при описанных предпосылках — даже у лиц, не отличающихся застреваемостью аффектов. Часто встречается такое положение в быту, скажем, в «борьбе» невестки со свекровью возможно развитие реакций типично параноических. При этом сам аффект бывает неизмеримо сильнее, чем вызвавший его повод.

Особенно велика опасность тогда, когда в вышеописанное «раскачивание» вовлекаются аффекты, обладающие тенденцией к стойкости. В этом случае толчок в обратную сторону не дает достаточного снижения силы аффекта.

Аффекты, достигающие большой силы и обнаруживающие тенденцию к застреванию, постепенно все больше поглощают мысли больного, что приводит к возникновению сверхценных или даже бредовых, параноических идей.

Вне области психиатрии такого рода развития почти бредового порядка мы

наблюдаем в первую очередь в связи с ревностью. В области эротики больше, чем во всех других, человек постоянно колеблется между надеждой и опасениями, в силу чего аффект все усиливается. Это усугубляется тем, что любовные проявления обычно держат в тайне, так что судить о том, есть ли измена или нет, бывает затруднительно. Добавим к этому, что кокетливые женщины нередко специально дразнят партнера двойственным поведением, чтобы он терзался ревностью, ибо известно, что с ревностью усиливается любовь.

При такой смене чувств страдание от мысли о возможной неверности любимой достигает апогея, но ему тут же противостоит захватывающее ощущение счастья, связанное с надеждой, что, может быть, она все-таки верна. В другой работе (Monatschr. f. Kriminologie, 1966, s. 92) я детально описал этот процесс, который ведет к «любви, исполненной ненависти». Ревность может охватить не только мужчину, но и женщину. Правда, ревность женщины обычно не доходит до столь опасных финалов, как у мужчин, так как последние воспринимают факт, что их «предали», не только эротически. У них в гораздо большей мере, чем у женщин, страдает самолюбие.

Кроме эротической сферы человека могут «раздирать на части» также судебные тяжбы. Они безжалостно выматывают сутягу, который как бы раскачивается, то поднимаясь на вершину, то стремительно падая вниз. В конечном итоге аффект достигает наивысшей точки и настолько овладевает мыслями, что для благоразумия уже не остается места. Ведь «путь» тяжбы усеян сильными аффектами, а человек постоянно находится во власти противоречивых умозаключений: то он в отчаянии, что проиграет процесс, то полон надежды, что все же выиграет. Даже если дело не доходит до подобных крайностей, то параноически настроенный человек может просто упереться, считая себя правым, хотя факты свидетельствуют об обратном. В таких случаях мы имеем дело с индивидуумом несговорчивым, не терпящим ни в чем возражений, упрямо настаивающим на своем. Преобладающие черты несговорчивости часто проявляются у людей и в быту.

При экспансивно-параноическом развитии заболевания на переднем плане также стоит аффект. Для человека, который поставил перед собой большую цель и которого постоянно «шатает» между успехом и фиаско, уже сама цель начинает таить в себе магическую привлекательность, не терпящую объективной критической оценки. В ходе развития такого психоза человек, например, может возомнить себя крупным изобретателем, хотя объективно об этом ничто не свидетельствует. Так как подобные радужные ощущения обнаруживают тенденцию к стойкости, ибо человек вообще охотно погружается в оптимистические грезы, то экспансивного пути развития акцентуации следовало бы ожидать чаще, чем персекуторного (бреда преследования). Однако при перевесе радужных чувств резко снижается активность, необходимая для постоянного поддержания описанных падений и взлетов, а их смена и есть основной механизм патологического развития.

Идеи, возникающие в результате параноического развития, часто не носят бредового характера, однако они должны быть отнесены к сверхценным (название предложено Вернике), т. е. всецело овладевающими мышлением человека. Например, человек до такой степени может быть захвачен мыслями о своей ущербности, которые появились у него на почве ревности, или своей

идеей грандиозных достижений, что все другие интересы и цели для него не существуют. В этом поведении выявляется такая характерная черта, как твердолобость параноической личности.

На процессе психического развития этих состояний мы уже остановились, описывая акцентуированных личностей ананкастического типа. У последних, например, мысли о своем тяжком недуге или навязчивое представление, что нечто важное упущено,— по сути, те же сверхценные идеи, хотя психиатры их так и не называют. Сходство параноического и ананкастического развития еще больше бросается в глаза в тех случаях, когда у застревающих личностей потенцируется страх. Страх может лежать в основе как ананкастического, так и параноического развития. При колебаниях между надеждой выздороветь и опасением умереть страх в большей или меньшей мере овладевает и застревающими личностями. В результате — картина ипохондрического развития протекает у акцентуированных личностей и педантического, и застревающего типа примерно одинаково, хотя у последних она встречается значительно реже.

Застревающий тип личности интересен тем, что он в равной мере таит в себе возможность как положительного, так и отрицательного развития характера. Как известно, человек лишь в том случае может добиться уважения и авторитета, если он в чем-то достигает положительных результатов, выделяясь на фоне других. Поэтому всякий честолюбивей стремится достичь высоких показателей в любом виде деятельности.

Истерики, впрочем, могут обойтись и без этого, они часто бывают довольны собой без видимой причины. Объяснение простое: путем вытеснений истерики могут субъективно продемонстрировать тот престиж, которым объективно вовсе не обладают.

Паранойяльные личности, не обладая склонностью к самовнушению, должны завоевать реальное признание других людей, чтобы иметь основания гордиться собой. Таким образом, честолюбие может стать важной движущей силой на пути к отличным трудовым или творческим показателям. Но честолюбие может оказаться и отрицательным фактором, например, когда честолюбец бесцеремонно подавляет и оттесняет своего коллегу, в котором видит конкурента. В таких случаях честолюбец обычно наталкивается на протест общественности, и выход может быть двояким: либо он образумится и снова попытается добиться признания самоотдачей в труде, либо победит вторая особенность такой личности — ее подозрительность, враждебность.

В приводимых ниже примерах мы познакомимся с тем, как застревание может отразиться на поведении личности и в положительную, и в отрицательную сторону. У первого обследуемого, который ранее уже был описан Зайге в нашем коллективном труде, до 60-летнего возраста преобладали положительные черты акцентуации, а вместе с ними и позитивная жизненная установка. Позднее положение резко изменилось; стала преобладать подозрительность, а не честолюбие. Именно подозрительность и толкала больного на бесплодную борьбу с окружением и окружающими.

Такое положение встречается нередко: застревающие личности в юные годы отличаются выдающимися достижениями в различных областях, так как они

искренне и с увлечением ищут удовлетворения в осуществлении своих честолюбивых замыслов, но с возрастом превзойти других бывает нелегко, и застревающая личность, характеризующаяся чрезмерной стойкостью аффектов, с возрастом уже не чувствует былого удовлетворения своей деятельностью. Признание ее достижений становится теперь весьма умеренным, и возникает параноическая готовность взвалить вину за создавшееся положение на других, на тех, которые якобы враждебно к ней настроены. Со временем такая личность окончательно становится на отрицательный путь, вредный для общества.

Эрнст Б., 1900 г. рожд., из буржуазной семьи. Отец Б. возглавлял крупное предприятие, был добросовестным, энергичным, справедливым человеком, большое значение придавал безукоризненному исполнению обязанностей, высоким трудовым показателям. Мать обладала тихим и мягким нравом. Следует отметить, что один из родственников был основателем религиозной секты.

Б. с юного возраста отличался чрезвычайным честолюбием; в школе стремился всегда к высоким оценкам, плохую оценку долго не мог забыть. Такое отношение к той или иной «несправедливости» по отношению к нему осталось на всю жизнь. Так, например, Б. удается доказать свою правоту, он решительно требует, чтобы перед ним извинились, иначе «противник» перестает для него существовать. Большое значение придает исполнительности, к работе относится скрупулезно-добросовестно и требует такого же отношения от подчиненных. К новым знакомствам неизменно относится настороженно. К раздумьям, колебаниям не склонен. Своих собственных действий по многу раз не контролирует.

По окончании начальной школы и реальной гимназии Б. изучал экономику народного хозяйства в различных университетах. Диплом защитил с отличием. В 1926 г. стал работать в президиуме научно-исследовательского учреждения и вскоре за отличную работу был выдвинут на должность персонального референта председателя. В 1929 г. Б. было предложено стать руководителем научно-исследовательского института экономики, так как к этому времени, благодаря многочисленным публикациям, он уже завоевал популярность в научном мире. По финансовым соображениям он от этого поста отказался. В 1933 г. нацистские заправилы сняли Б. с поста, который тот занимал 8 лет, поскольку он был противником фашистского режима. Некоторое время он работал по управлению секвестрированными предприятиями, затем стал доверенным лицом одного из крупных торговых предприятий, а впоследствии главным ревизором по балансу всех крупных немецких торговых фирм. Эту должность, пользуясь неизменным авторитетом, занимал до 1945 г.

К концу второй мировой войны Б. оказался в английской оккупационной зоне. Он чувствует внутренний долг принять активное участие в восстановлении Германии, «искупить вину нацистов» перед родиной и в связи с этим развивает политическую деятельность. Вместе с другими антифашистами различных политических направлений он организует специальную комиссию, представителем которой его избрали. Поскольку Б. не был согласен с рядом мероприятий английских оккупационных войск, у него возникает конфликт с комендантом города. В июле 1945 г. английские оккупационные войска сменяются советскими. Б. становится председателем одного из окружных советов ГДР. На свою старую должность главного ревизора по балансу фирм он

уже не возвращается. Своей активностью и упорством Б. добивается вместе с прекрасно организованным коллективом блестящих показателей во вверенном ему окружном совете. Экономическая подготовка Б. облегчает ему эту задачу. Честолюбие зовет его к тому, чтобы сделать свой окружной совет лучшим в республике, и в этом он преуспевает.

В 1951 г. Б. приглашают, учитывая его большие заслуги как специалиста по экономике народного хозяйства, работать в министерстве с тем, чтобы организовать здесь новый, важный отдел. Эта новая должность глубоко удовлетворяет Б., поскольку его всегда влекла руководящая работа с большой ответственностью. Отдел министерства, организованный Б., обеспечивал огромный объем нужной работы, через 3 года число его сотрудников выросло до 1000 (вначале было 6 человек). Управляемый им сектор государственного аппарата Б. жаждал поднять на самый высокий уровень. Но поскольку он ставил перед всеми сотрудниками непомерно высокие требования (такие же, впрочем, как и перед самим собой), у него начались столкновения с коллективом, особенно с молодыми кадрами. Вот тогда-то у Б. и зародилась мысль, что под него «подкапываются», что от него хотят избавиться. Со своими подозрениями он обратился в самые высокие инстанции, ища здесь поддержки, но надежды его не оправдались.

К этому времени Б. предложили профессуру в новоорганизованной Академии наук ГДР. От этой должности он не отказывается: во-первых, она открывает большие научные перспективы, во-вторых, дает самому Б. возможность «развернуться» как руководителю важной области науки в масштабе республики. Теперь его честолюбивые устремления сосредоточились в области науки.

В 1960 г. у Б., как и у всех научных сотрудников институтов Академии наук ГДР, потребовали представить подробный отчет о проделанной научной и лекционной работе. Это сильно его задело. Он почувствовал над собой «опеку», чем был очень озлоблен. Но >в возрасте 62 лет Б. уже трудно было перестраиваться. Впервые в жизни он ощутил серьезное физическое недомогание. Во время обследования нами было обнаружено массивное накопление аффекта, направленного против его сотрудников, которым Б. предъявлял резкие обвинения. К предписанному нами лечению он вначале относился скептически, это распространялось даже на медикаменты. Б. высказывал опасения, что его заболевание — не что иное, как злокачественная опухоль мозга, и все думал, что от него скрывают диагноз. Но позже, когда Б. под влиянием лечения почувствовал себя лучше, он стал относиться к лечащим врачам с гораздо большим доверием.

В описанном случае перед нами типичная застревающая личность со всеми характерными для нее чертами. С самого детства Б. был весьма честолюбивым мальчиком, чувствительным к любого рода порицанию. Уже в начальной школе он добивался только лучших оценок, диплом защитил с отличием. Затем он десятилетиями заметно выделялся на общем фоне своей эрудицией, энергией, строгой требовательностью к себе и к другим, а также исключительно высокими достижениями в разных областях. Не раз ему приходилось начинать с нуля, но трудности всегда влияли на него лишь положительно, побуждая к еще большей активности, и он с молниеносной быстротой вновь выдвигался на высокие руководящие посты. Причем этих постов он добивался отнюдь не знакомствами

и очковтирательством, напротив, его считали специалистом с конкретными творческими проявлениями.

И лишь в возрасте 60 лет, когда начали угасать творческие силы, проявили себя другие черты этой акцентуированной личности, оборотная сторона застревающего характера. Видимо, известную роль сыграло и то, что обстоятельства складывались неблагоприятно для самолюбивого характера Б.: он никак не мог вернуть себе былого престижа, столь важного для людей этого типа.

Теперь позиция Б. в отношении его начальства, а также коллег становится все более враждебной. Он чувствует несправедливое отношение к себе. Застревающие черты личности, дававшие прежде на редкость положительный результат, растрачиваются теперь на бесплодную борьбу с коллегами и начальством. У второго обследуемого чувствительность и уязвимость даже в годы достижений не всегда благотворно компенсировались честолюбием. Даже периоды подъема были у него сопряжены с трудностями и с большими осложнениями.

Генрих Н., 1910 г. рожд., по профессии музыкант (скрипач). Отец его, по словам больного, был «фанатиком справедливости». Школу Н. посещал неохотно, но честолюбие не позволяло ему получать плохие оценки. И действительно, он всегда был первым учеником. В 8 лет Н. попросил подарить ему скрипку, в 12 лет он ее получил, а в 15 добился приема в музыкальную школу. И в дальнейшем во всем чувствовалась у него целеустремленность, большое упорство. На заключительных экзаменах Н. по всем предметам получил наивысшие оценки. Как музыкант он прошел блестящий путь, и все же у него постоянно были столкновения с начальством, с администрацией, ибо он упрямо настаивал на каких-то своих особых правах и ни в чем никогда не шел на уступки. После бурных объяснений он часто менял место работы. Мотивы были самые различные: то ему якобы несправедливо снизили гонорар, то направили работать в не соответствующий его данным коллектив. С одним, возможно несколько нетактичным, директором дело у Н. дошло до жестокого скандала. Оба кричали друг на друга, директор ожидал, что вот-вот со стороны Н. последует оскорбление действием. Позднее директор попытался пойти на мировую, пригласил Н. к себе, но Н. категорически отказался пойти, настолько неприятен стал ему этот человек. Он рассказывал и о других «интригах», например, однажды другого музыканта незаслуженно поощрили, а его ничем не отметили. С женой у него отношения прекрасные, но она, надо полагать, женщина весьма уступчивая.

В возрасте 51 года у Н. вследствие перегрузок развился спазм музыкантов, т. е. профессиональный невроз. В нашем психотерапевтическом отделении курсы лечения этого заболевания всегда протекают успешно, но лечение Н. было неэффективным, ибо он недостаточно внимательно прислушивался к нашим объяснениям и не всегда следовал предписаниям. Всем нашим усилиям он противопоставлял свое собственное мнение. Из клиники он выписался, так и не долечившись.

Мы говорили о том, что этот обследуемый считал себя поборником справедливости, но боролся всегда только за свои собственные права. Начальники Н. часто вступали с ним в спор, не разделяя его взглядов. Если он

все же добился творческого признания, то основной причиной было его недюжинное музыкальное дарование. Впрочем, не будь такого стимула, как честолюбие, он едва ли достиг бы высокого уровня. Честолюбие всегда подталкивало его, было движущей силой как его отличной учебы, так и больших профессиональных успехов на поприще музыки.

Оба обследуемых не являются психопатами, они лишь при неблагоприятных обстоятельствах сталкивались с трудностями, а в общем всегда проявляли исключительное трудолюбие, деловитость и целеустремленность. Но оба они, несомненно, должны быть отнесены к акцентуированным личностям.

Как видим, такой тип людей упорно идет к цели, добивается незаурядных успехов. Однако эти личности очень уязвимы и, наталкиваясь на препятствия, реагируют враждебно.

У обоих обследуемых иногда констатировались признаки начинающегося психического заболевания, но ни разу не было фиксации болезненных состояний в одной четко определенной сфере переживаний. Аналогичное различие можно провести между акцентуированной педантической личностью и личностью, у которой наблюдаются тяжелые проявления невроза навязчивых состояний.

При параноическом развитии человек направляет борьбу не в разнообразные случайные точки, он охвачен одной-единственной идеей, которая всецело завладевает им.

Привожу пример параноического развития, также описанный Зайге в нашей коллективной работе.

Иозеф Н., 1913 г. рожд., горнорабочий. Натура очень общительная, веселая. Обладает чувством юмора, неизменно весьма активен. В школе учился хорошо, честолюбивым не был, но требования учителей выполнял добросовестно. С 24 лет работает горнорабочим, на работе он на хорошем счету. Правда, Н. не согласен был кое с чем в организации приисков, но несправедливостью он возмущался еще будучи мальчиком. Н. участвовал во второй мировой войне. По окончании войны опять пошел в горнорабочие, где вновь добился отличных трудовых показателей. Его 5 раз представляли к премии, но администрация не соглашалась ее выплатить, так как Н. был с нею не в ладах. Дело в том, что он часто защищал сотрудников, боролся против несправедливости в оценке их труда. Он критиковал и начальство, и профсоюзных деятелей и кое в чем был, видимо, прав. Но он так резко подчеркивал свою критическую позицию, что в конечном итоге прослыл склочником. В последние годы Н. чувствовал себя обойденным и полагал, что некоторые из руководителей предприятия стремятся избавиться от него.

В 1958 г. при устройстве новой штольни на Н. обрушилась угольная стена выше человеческого роста. В результате — сотрясение мозга, ушиб спины, сопровождающийся жесткой болью. Некоторое время Н. пролежал в постели, лечился, затем вышел на работу, но через несколько дней снова слег, жалуясь на боль.

В последующие полгода улучшение не наступило несмотря на упорное лечение.

Н. считал, что его лечат и неправильно, и недостаточно интенсивно, и воспринимал такое отношение как жестокую несправедливость. Когда через 5 месяцев курс лечения был окончен и Н. выписали на работу, он расценил это как интриги предприятия, полагал, что хотят «затушевать» несчастный случай. Н. потребовал пенсии по увечью. Он чувствовал себя инвалидом из-за постоянной головной боли, боли в затылке и спине, но при хирургическом, неврологическом и ортопедическом обследовании оснований для назначения пенсии не было обнаружено. Особенно существенно, что не был установлен посттравматический органический психосиндром. Однако Н. и здесь заподозрил неверный диагноз. Он подал иск на комиссию за отказ в пенсии и потребовал стационарного лечения в клинике университета. Этот иск был отклонен комиссией округа, и тогда Н., в обход последующей инстанции, подает иск в рабочий суд на организацию социального страхования за ее неправильные действия. Н. теперь уже твердо убежден, что за всем этим стоит уполномоченный по соцстраху его предприятия, с которым у него бывали серьезные трения. Вообще он приходит к выводу, что предприятие и соцстрах объединились, совместными усилиями хотят лишить его законных прав.

По просьбе рабочего суда Н. в 1960 г. пришел к нам в клинику для прохождения экспертизы по поводу несчастного случая и проверки своих жалоб. Н. предложил уплатить положенные за экспертизу деньги из своего кармана, «лишь бы добиться справедливости». Детальное стационарное обследование не показало остаточных травматических явлений, но был обнаружен явный ипохондрический синдром. Н. был уверен, что в результате травмы страдает тяжелым недугом, что здоровье никогда уже не вернется к нему, он мечтал доработать хотя бы до 50 лет. Во время пребывания Н. в стационаре мы попытались освободить его от параноического состояния, подробно осветив больному природу его невротических жалоб. Он как будто бы понял нас и изъявил готовность пройти у нас стационарное психотерапевтическое лечение. Но вскоре после того, как Н. поступил в нашу клинику, произошла «схватка» между ним и одним из врачей, когда врач начал говорить с Н. о невротическом характере его теперешних жалоб. Лишь после того как призванному на место «схватки» старшему консультанту удалось успокоить его, Н. отказался от решения немедленно выписаться из клиники.

В последующие недели интенсивная психотерапия отвлечением и нагрузками до некоторой степени избавила больного от комплекса ипохондрических жалоб. Мы уже полагали, что наш больной на пути к выздоровлению, однако подавить его резкую озлобленность по отношению к своему предприятию ничем не удавалось. Через 4 недели мы снова наблюдали жесточайший аффект. На сей раз Н. не щадил ни свои штольни, ни наш медперсонал, и вскоре после этого он покинул клинику.

Спустя несколько недель Н. сообщил главврачу, как было договорено, о состоянии своего здоровья. Он вновь пошел работать, но врач предприятия, несмотря на наши серьезные предупреждения, заявил ему открыто, что для работы под землей он «непригоден». Это заявление тяжело уязвило Н. и стало толчком к новым ипохондрическим опасениям. Теперь у него появился новый страх — потерять зрение, так как при обследовании окулист заявил, что у него несколько ослабело зрение. Сообщив в письме все это, Н. снова переходил к наболевшей теме — пережитой травме. Письмо заканчивалось сообщением о том, что Н. готовит новые жалобы. Позднее мы узнали, что больному снова

предстоит экспертиза.

Перед нами характерное развитие параноического состояния. Обследуемый, который будоражит все предприятие своими спорами и может быть определен как параноический психопат, после несчастного случая начинает борьбу «за свои права». По мере возрастания препятствий борьба становится все ожесточеннее. Психотерапевтическое вмешательство ведет к временному улучшению, но затем болезнь продолжает развиваться, так как Н. уже слишком прочно погрузился в болезненные переживания. Правда, в борьбе его преследовали неудачи, но все же основную роль в развитии заболевания сыграла все та же сложная картина — смена взлетов и падений, связанных с последствиями несчастного случая. Болезненное состояние Н. оказалось предметом все новых обследований, новых экспертиз, а они-то и поддерживали изменчивую игру, шараханье из стороны в сторону, обеспечившее прогрессирование параноического состояния.

Мы видим на примере Н., что у застревающих личностей также может развиться ипохондрический симптомокомплекс. В первую очередь он боролся за свои права, но параллельно шла борьба и за излечение недуга, который был плодом его фантазии.

Как показывает следующий случай, развитие заболевания может проходить и в чисто ипохондрических формах.

Герберт П., 1919 г. рожд., по профессии кочегар на заводе. В детстве ничем примечателен не был. Работал на земельном участке отца. Кочегаром работает с 1946 г., женился в 1958 г., двое детей — 8 и 5 лет.

На производстве постоянно восставал против ущемления в правах как его самого, так и товарищей. Очень легко уязвим. Когда чувствует себя задетым, становится возбужденным, импульсивным: «Я кому угодно в глаза скажу, что думаю». Но в то же время П. честолюбив, не прочь превзойти любого трудовыми показателями. В общем на работе к нему относятся хорошо ценят за хорошую работу, а зная его обидчивость, щадят его.

В нашей клинике П. появился в 1960 г., вел себя сначала весьма самоуверенно, но в то же время проявлял подозрительность.

Предложил нам целый список своих жалоб, на основании которых мы определили его как сенестоипохондрика: в правой верхней половине живота сильная давящая боль, при лежании отдает в спину; в прохладную погоду — колющая боль в крестце; головная боль, ригидность затылка; колющая боль в сердце, пульс учащен, усиленное сердцебиение. Жалуется на озноб, старается «утепляться» и с этой целью носит на животе кроличью шкурку. Даже при незначительном напряжении его бросает в пот. Многого не может есть — «усиливается боль в печени». Жалуется на ощущение, будто «все в кишках мертвое».

Болезнь П. началась в декабре 1957 г. Жена его в то время болела инфекционной желтухой, 2,5 месяца пролежала в больнице. Примерно через неделю после начала болезни жены П., поев свинины, почувствовал, «будто внутри что-то лопнуло». Боль не прекращалась, исчез аппетит, ощущалось

«набухание печени». Жена настаивала на консультации у врача, говорила, что печень «сначала затвердеет, а потом будет рак». Врач при обследовании ничего в печени не нашел, боль объяснил заболеванием желудка. Лечение успеха не дало. В 1958 г. врач в очередной больнице все «свалил» на печень, а желудок признал здоровым. При выписке из этой больницы П. был в еще более тяжелом состоянии, чем при поступлении. В этом же году умер от желтухи его бывший сосед по палате. Теперь П. начинает соблюдать строжайшую диету; он продолжает работать, но очень быстро устает, часто вынужден садиться, чтобы отдохнуть. В 1959 г. наступило незначительное облегчение, но потом снова боль возобновилась с прежней силой. Теперь она концентрировалась не в области печени, а распространялась по всему животу, грудной клетке, вплоть до головы. Снова П. госпитализируют, снова не устанавливают причины заболевания, снова улучшения нет. Однако теперь было окончательно установлено нервное происхождение заболевания, и П. направили к нам для прохождения курса психотерапевтического лечения.

В начале лечения П. был настроен весьма скептически. Он не верил, что к его болезни можно найти «подход» со стороны психической. Когда мы, применяя нагрузочную терапию, предложили ему помочь перенести шкаф, он тут же решил, что подорвался, лег на койку, не хотел вставать, отказался участвовать в спортивных упражнениях. Снова последовали длительные беседы. П. постепенно становился благоразумнее и даже согласился снять с живота кроличью шкурку, с которой не расставался и в стационаре. В (течение нескольких дней после этого он жаловался на «озноб в животе». Скепсис П. пришлось преодолевать долго, но постепенно он стал принимать участие и в играх, заниматься спортом,— видимо, осознал, что лечение приносит ему

пользу.

В момент выписки П. (через 8 недель после поступления) мы не отметили почти никаких жалоб. Дополнительно ему был назначен амбулаторный курс лечения, который и привел к окончательному выздоровлению. Теперь наш обследуемый вот уже несколько лет работает, время от времени появляется у нас на приеме. В 1967 г., в возрасте 48 лет, он начал посещать курсы усовершенствования, желая приобрести более высокую квалификацию: «Не хочу отставать профессионально».

Это пример типичной застревающей личности, которую в силу неблагоприятного стечения обстоятельств преследовал всевозрастающий страх. Результатом его оказалось ощущение множественных телесных недомоганий. Во время лечения параноический компонент в развитии заболевания не мог не броситься в глаза, ясно обозначились черты застревающего характера. Вначале П. был крайне недоверчив к врачам, с озлоблением заявлял, что он сам лучше всех разбирается в своей болезни. Упорно сопротивлялся лечению. Но когда благоразумие одержало верх, он сам активно включился в лечение. Последний момент также характерен для застревающих акцентуированных личностей. Если уж они убедились в правильности назначенного лечения, то преследуют поставленную цель так же четко, с такой же последовательностью, как это вообще свойственно их натуре. В своеобразном стремлении быть образцовым в борьбе за здоровье сказывается честолюбие этих больных. Как только П. выздоровел, он так же целеустремленно снова включился в жизнь, в труд, взял на себя дополнительную нагрузку, чтобы не отставать

профессионально. У нас нет оснований отнести его к психопатам, но он, несомненно, является акцентуированной личностью.

Итак, отец одного из вышеописанных обследуемых был «фанатиком справедливости», среди родственников другого был религиозный сектант, что опять-таки наводит на мысль о параноической структуре личности. Основываясь на этих фактах, можно высказать предположение, что соответствующие черты характера являются наследственными. С другой стороны, встает вопрос: не послужили ли поведение отца, его моральный облик образцом для сына? Подобный случай невроза навязчивых состояний нами описан выше — речь идет о матери и сыне. Во всяком случае, такая черта, как застревание, распознается уже в детском возрасте.

В нашем детском отделении мы наблюдали много маленьких обследуемых застревающего типа. Иногда эти черты у детей проявляются очень ярко. Но если они ведут в конечном итоге к патологическим явлениям, то чаще всего это результат неправильного воспитания. Особенно часто плачевные последствия дает «маятниковое» воспитание, как я предлагаю его назвать. Оно заключается в постоянных колебаниях между преувеличенной строгостью и мягким, ласковым обращением. Это и служит почвой для тех самых колебаний, которые ведут к параноическому аффекту. Ребенка обрекают на постоянные метания между исполнением его желаний и наложением на них запрета, в конце концов у него вырабатывается враждебное отношение к тому из воспитателей, который в его детском мире представляет строгость. Если один и тот же воспитатель «качается», подобно маятнику, между теми и другими мероприятиями, то у ребенка возникает чувство, подобное вышеописанной ненависти-любви, т. е. к этому взрослому проявляются и большая привязанность, и одновременно озлобленная замкнутость.

Взрослые люди в процессе своей «борьбы» с окружением часто создают сами себе обстановку «раскачивания» между успехом и провалами. Дети, конечно, не способны на подобную активность; естественно, что они, в основном, подчиняются влиянию взрослых, поэтому и «раскачивание» их приходит извне.

Ниже описана маленькая девочка, у которой параноический аффект возник как из-за акцентуации застревающих черт характера, так и вследствие «маятникового» воспитания.

Ева Э., 7 лет, поступила в наше детское психиатрическое отделение. Отец — целеустремленный, честолюбивый человек, из-за напряженной работы воспитанию детей не уделяет никакого внимания. Мать — работник торговли, но не работает по специальности, так как целиком посвятила себя воспитанию троих детей и домашнему хозяйству. Восьмилетняя сестра Евы прилежна, добросовестная; трехлетний братик — очень живой ребенок.

Мать лишь недавно оставила работу, поэтому Ева в течение ряда лет жила то у бабушки с дедушкой, то у родителей, испытывая на себе совершенно разные воспитательные влияния. Дед и бабушка во всем девочке потакали, мать была строга, часто снимала туфлю и шлепала Еву. Через некоторое время мать, жалея Еву, осыпала ее ласками и лакомствами, пытаясь компенсировать причиненное зло добром. Но успеха не приносили ни строгости, ни поблажки. Ева была необыкновенно упряма, постоянно пыталась поставить на своем и часто даже

бросалась на пол. Когда мать за дело журила девочку, это вызывало в ней только раздражение и злость. Однажды Ева целую неделю не разговаривала с матерью из-за того, что та сделала ей замечание за плохо вытертую посуду. Когда Ева злится на мать, она не обращается к ней с просьбами непосредственно, а передает их через старшую сестру, пытаясь добиться своего. Ева очень любит похвалу и, если в чем-нибудь проявит старание, всегда ждет ее как лучшей награды.

Однажды, разозлившись, Ева неделю не вставала с постели, не поднималась даже поесть, требуя, чтобы кушанья ей подавали в постель. Мать сначала не соглашалась на такое «обслуживание», но в конце концов уступила. «Не буду же я морить ее голодом»,— заявила она в свое оправдание. Итак, мать и девочка постоянно спорили друг с другом, при этом в споре обычно побеждала Ева, так как она оставалась непреклонной, а мать всегда уступала.

Патологические проявления начались у Евы в 3—4 года и особенно ярко начали сказываться, когда родился младший братик. Ева с самого начала отнеслась к его появлению отрицательно, бросала разные предметы в колясочку, где он лежал. Когда малютке было 14 дней, она с силой уткнула его личико в подушку, а подбежавшей матери сказала: «Это я для того, чтобы он заснул». В последующие годы Ева также относилась к маленькому братику враждебно. Когда мальчику было 2 года, она вздумала заставить его взобраться на перила балкона — мальчик легко мог упасть вниз. Ева специально подставила стул и продемонстрировала ему, как надо ставить ножки и как повернуться. Матери она сказала: «А пускай падает, по крайней мере он тогда умрет».

Когда Еве было 6 лет, отец за столом рассказывал, что прочитал в газете статью о вредной привычке брать в рот и жевать цветочные лепестки; в статье подчеркивалось, что это может привести к опасным последствиям. Ева весьма внимательно слушала. Через два дня ее поймали на том, что она запихивала брату в рот кучу цветочных лепестков.

В детском отделении клиники Ева постоянно предъявляла свои требования, а если к ним не прислушивались, становилась озлобленной. В игры с другими детьми включалась с трудом. Любопытен один фотоснимок, сделанный в клинике: Ева смотрит исподлобья, выражение лица у нее характерное — полное затаенной злобы. Мы добивались того, чтобы обращение с ней было предельно ровным. Девочка приспособилась к этому режиму и особых трудностей мы в связи с ее поведением не ощущали. Она даже старалась произвести хорошее впечатление.

Несомненно, что у этой девочки «маятниковое» воспитание сказалось в ее постепенном сопротивлении матери, олицетворявшей в воспитательном процессе строгое начало. Впрочем, и мать была непоследовательна: внезапно становилась доброй, начинала жалеть дочку. Ровное, постоянное мягкое отношение девочка привыкла всегда встречать только со стороны бабушки. С другой стороны, следует учесть и необычность для шестилетнего ребенка таких реакций как, например, молчание по 3—4 дня или упрямое лежание в постели в течение недели с тем, чтобы противопоставить матери свою волю. Вспомним также, что во многих «поединках» с матерью ребенок оказывался сильнее и побеждал. Все подобные моменты трудно объяснить одним лишь неправильным воспитанием, приходится привлечь при анализе и характерные черты

застревающего типа. То же относится: и к тяжелым, даже опасным реакциям ревности, связанным с младшим братом. Известно, что дети часто ревнуют родителей к младшим братьям и сестрам, например, нарочно мочатся в штанишки, чтобы вызвать заботливое отношение матери к себе. Но ревность такой глубины и длительности, как у Евы, все же надо считать из ряда вон выходящей. Особенно это застревающее напряжение аффекта бросается в глаза в эпизоде с цветочными лепестками. Застревание аффекта — основной механизм описываемых реакций — сказалось и во время пребывания в клинике. Положение нормализовалось благодаря применению последовательного режима и лечения. Это не могло не отразиться положительно на психике семилетнего ребенка. Возможно, Ева впоследствии станет лишь типичной акцентуированной личностью и паранойяльная психопатия не разовьется.

Параноический аффект, проявляющийся во враждебности, может при большей глубине стать крайне опасным. Подтверждением могут служить случаи убийства на почве ревности. В нашем коллективном труде мной описан убийца, ревность которого достигла степени бреда. В дальнейшем я имел возможность наблюдать его в клинических условиях. Проявление застревающих черт характера приобретало у него выраженные формы, происходили постоянные конфликты с врачами и медперсоналом, так как он считал, что без всяких оснований определен в клинику и что вообще окружающие относятся к нему несправедливо. Месяцами он отказывался отвечать на вопросы врачей, временами не хотел принимать пищу. Об этом обследуемом я не привожу здесь детальных данных, поскольку наблюдения показали в структуре его личности примесь истерического компонента. В его реакциях протеста было нечто утрированное, наигранное, позерское. Вероятно, в жестокости совершенного им преступления сыграло известную роль и то, что параноический аффект выступил в сочетании с реакцией типа короткого замыкания, свойственной личностям истерического типа.

Ниже я описываю другого параноического убийцу, который стал жертвой рабской любви к одной женщине и из-за этого убил другую, отношения с которой препятствовали соединению с любимой.

Хорст В., 21 года, из семьи деловых, серьезных людей. Отец вначале был каменщиком, со временем стал специалистом по калькуляции. Мать в войну была кормилицей семьи. Сестра больного — хороший специалист. В. не был в семье исключением: работая каменщиком, он учился, стал техником. Черты застревания—до совершения убийства — проявлялись всегда как положительное начало.

В. влюбился в женщину с не очень хорошей репутацией и, по его собственному выражению, «пошел к ней в кабалу». В плохую репутацию ее В. не верил. Судя по описаниям, предметом этой любви была женщина с демонстративной акцентуацией личности, которая, несмотря на свой богатый сексуальный опыт, разыгрывала из себя невинность, воспылавшую страстным чувством к нашему больному. Чувство В. к этой женщине не могло протекать спокойно: он влюбился в нее, будучи уже обрученным с другой женщиной, у которой был ребенок от него. В. метался от одной женщины к другой, раздираемый противоречиями: с одной стороны — чувство ответственности перед матерью ребенка, с другой — безумная страсть. Он искренне хотел жениться на той, с которой был обручен, но мысль об отказе от другой была для него невыносима.

Он думал и о разлуке с матерью своего ребенка, но испытывал сильный стыд перед собственной семьей, особенно перед отцом, которого считал образцом морали. Кончилось тем, что он договорился с женщиной, с которой был обручен, о встрече на пустынном морском берегу и здесь ее утопил.

Когда я столкнулся с этим больным, он уже вошел в состояние депрессии и понимал, что совершил нечто непоправимое. Хотя он с ужасом говорил о своем страшном преступлении, в его депрессивном тоне все же моментами звучали ноты заносчивости, самовосхваления. Из этого можно сделать вывод, что патологическое развитие у данного больного шло в сторону экспансивную, а не персекуторную, т. е. что В. больше отличался чрезмерно раздутым честолюбием, чем преувеличенной уязвимостью. Возможно, именно в силу такой надменности и сознания своего превосходства над другими В. вообще был способен закрыть глаза на то, что на карту поставлена человеческая жизнь.

У В., человека весьма целеустремленного, развился жесточайший аффект в связи с тем, что он постоянно разрывался между любовью к одной женщине и чувством долга по отношению к другой. Одна обещала ему осуществление заветных желаний, другая воплощала горечь разочарования. Раскачиваясь и поднимаясь в высоту, оба чувства — «безумная любовь» к одной и ненависть к другой — все больше взвинчивались. Только лишь любовь к одной женщине никогда не толкнула бы его на убийство другой. Толчком к тяжкому преступлению оказалась ненависть к той, которая, взывая к долгу, мешала осуществлению мечты, счастью. Не обладай В. чертами застревания, он не стал бы убийцей. Следует подчеркнуть, что в принципе этот тип акцентуации личности не имеет ничего общего с преступностью. Прежняя жизнь, склад характера В. заставляют предположить, что жизнь его как гражданина сложилась бы вполне нормально, если бы он не стал жертвой событий, которые оказались толчком к развитию заболевания.

Возбудимые личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ВОЗБУДИМЫЕ ЛИЧНОСТИ

Весьма существенны черты характера, вырабатывающиеся в связи с недостаточностью управляемости. Они выражаются в том, что решающими для образа жизни и поведения человека часто являются не благоразумие, не логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые побуждения. То, что подсказывается разумом, не принимается во внимание.

Само понятие влечения можно трактовать обобщенно, усматривая в нем, главным образом, стремление к разрядке в большей мере физического, чем морального (духовного) свойства. Вот почему в таких случаях можно говорить о патологической власти влечений. При повышенной степени реакций этого типа мы сталкиваемся с эпилептоидной психопатией, хотя прямая связь с эпилепсией отнюдь не обязательна. Возможно, в данном случае существует известное сходство с психическим складом больного эпилепсией, но внутреннего родства нет никакого.

Реакции возбудимых личностей импульсивны. Если что-либо им не нравится, они не ищут возможности примириться, им чужда терпимость. Напротив, и в мимике, и в словах они дают волю раздраженности, открыто заявляют о своих требованиях или же со злостью удаляются. В результате такие личности по самому пустячному поводу вступают в ссору с начальством и с сотрудниками, грубят, агрессивно швыряют прочь работу, подают заявления об увольнении, не отдавая себе отчета в возможных последствиях. Причины недовольства могут оказаться самыми разными: то им не нравится, как на данном предприятии с ними обращаются, то зарплата мала, то рабочий процесс их не устраивает. Лишь в редких случаях речь идет о тяжести самого труда, ибо возбудимые личности, как правило, имеют склонность к занятиям физическим трудом и могут похвастаться тут более высокими, чем у другим людей, показателями. Раздражает их чаще не столько напряженность труда, сколько моменты организационные. В результате систематических трений наблюдается частая перемена места работы.

По мере возрастания гнева личности с повышенной возбудимостью от слов обычно переходят к «делам», т. е. к рукоприкладству. Бывает, что рукоприкладство у возбудимых личностей опережает слова, так как такие люди вообще не очень склонны обмениваться мнениями, если не считать отборных ругательств. Ведь обмен мнениями равнозначен обмену мыслями, а уровень мышления таких людей довольно низок. Да они и не ощущают потребности в объяснении — ведь причина гнева и так ясна. И все же не скажешь, что поступки и действия этих импульсивных людей опрометчивы, скорее наоборот, их досада подспудно растет, постепенно усиливается и ищет выхода, разрядки. Уже одна их неповоротливость, тяжеловесность, о которой речь пойдет ниже, несовместима с быстротой реакций. Наблюдается скорее непомерное наращивание аффекта, чем его вспышка, поэтому внезапные взрывы гнева менее характерны для таких людей, гораздо типичнее его массированные проявления. Впрочем, часто и в тех случаях, когда реакция характерна именно своей интенсивностью, тоже употребляют обозначение вспыльчивость. Раздражительность, которая свойственна также и холерическим натурам, у последних не отличается подобными массированными реакциями, она более быстротечна. Когда сердится холерик, у него сразу же проявляется возмущение, протест; возбудимая личность в подобном случае бывает не столько возбуждена, сколько сосредоточена на аффекте, и то, что этот человек расстроен, часто можно определить по одной лишь мимике. На приеме у врача — а обстановка приема возбудимым личностям обычно неприятна — они чрезвычайно скупы на слова, сидят,, угрюмо глядя перед собой, на вопросы почти не отвечают.

Импульсивность патологического характера относится также и к влечениям в узком смысле слова. Возбудимые личности едят и пьют все подряд, без разбору, многие из них становятся хроническими алкоголиками. Когда хочется выпить, они не думают об опасности внезапного острого опьянения и о пагубных последствиях для служебного престижа, для семейной жизни, здоровья. Среди хронических алкоголиков можно найти немало возбудимых личностей.

Импульсивны их проявления и в сексуальной сфере, однако у мужчин это не очень бросается в глаза, так как они, будучи неумеренными в половых потребностях, часто длительное время не меняют партнершу, более того —

довольно прочно к ней привязываются. Впрочем, это не имеет никакого отношения к верности, просто с данной женщиной инстинкт удовлетворяется наиболее полно. Если же таких людей охватывает влечение к другой женщине, то они без раздумья ему следуют. Они неразборчивы в половых связях, особенно в юные годы, и часто становятся отцами множества внебрачных детей. У женщин также часто наблюдается постоянство в отношении избранного партнера, у немолодых женщин подобным путем нередко устанавливаются длительные половые связи. Однако возбудимые личности — молоденькие девушки, а также эпилептоидные психопатки в юном возрасте нередко полностью лишены моральных устоев и легко отдаются многим мужчинам. Некоторые эпилептоидные психопатки вступают на путь проституции.

Вообще, моральные устои в жизни возбудимых личностей не играют сколько-нибудь заметной роли. При «благоприятных» обстоятельствах они нередко совершают нечестные поступки, например берут то, что «плохо лежит». Уголовные преступления эпилептоидных психопатов-мужчин чаще всего связаны с грубыми актами насилия. У подростков наблюдаются случаи изнасилования девушек.

У возбудимых личностей обоих полов в юности нередки импульсивные побеги из дому. Нередко возбудимых подростков что-либо дома не устраивает, а простейшим выходом им кажется удрать, порвать всяческую связь с домом. Иногда это способ избежать на некоторое время посещения школы, а что будет дальше — для них не имеет значения. Девочки во время таких побегов, попадая в бедственное положение, часто завязывают сексуальные отношения с мужчинами. Мальчики совершают взломы либо для того, чтобы чем-нибудь поживиться, либо просто в поисках ночлега.

Наблюдаются также немотивированные побеги, чаще всего тоже у подростков с легковозбудимым, импульсивным характером. Высказывания об этом в литературе мы встречаем у Ширмера. Подростки или дети часто уезжают в таких случаях далеко от дома и задерживаются в местах, «где есть на что посмотреть», но в момент побега такой цели у них могло и не быть. Поскольку лица с эпилептоидными чертами характера обладают примитивными импульсами, то возможно, что в них просыпается древний инстинкт к бродяжничеству, проявляется извечная жажда переживаний, принимающая опять-таки свою древнейшую форму. Эта жажда побуждала, возможно, когда-то людей искать все новые переживания и тем самым накапливать жизненный опыт. В своей книге «Инстинкты и первичные инстинкты» я прихожу к заключению, что примитивные (древние) инстинкты проявляются преимущественно в детском возрасте.

Когда преступность возникает на почве неудержимого инстинкта, она носит не совсем обычный характер. Хотя возбудимая личность, совершившая грубое насилие, часто характеризуется как бессердечная, бездушная, а причиной преступления считается жестокость, такая оценка основана на непонимании этих людей. Акты насилия у них вызываются не бездушием, а аффективным напряжением (стрессом). В спокойном состоянии эти люди отличаются привязчивостью, заботятся о своих детях, любят животных и нередко готовы оказать любую помощь. Эти добрые чувства социального порядка у них точно так же, как и дурные, не испытывают торможения.

Однако социальный долг высшего порядка—для них в общем чуждое понятие. Они не осознают, что нельзя прогуливать уроки, что нельзя до безобразия напиваться, что пропустить хотя бы один день на работе разрешается только по весьма уважительной причине, что перед начальником работник обязан отчитываться.

Сходство проявлений эпилептоидной психопатии с изменениями характера эпилептического порядка проявляется еще и в тяжеловесности мышления. У возбудимых личностей констатируется замедленность мыслительных процессов. Затруднено даже восприятие чужих мыслей, так что часто приходится прибегать к долгим и детальным объяснениям, для того чтобы быть правильно понятым ими. Особенно бросается в глаза замедленность мышления тогда, когда обследуемому нужно хотя бы немного задуматься над ответом. Задавая простейшие вопросы, приходится подолгу ждать ответа. Если же предоставить такому человеку возможность говорить, не перебивая его, то замедленность проявляется в чрезмерной обстоятельности. Они рассказывают о мелких подробностях, «размазывают» их, а на информацию по существу их все равно приходится «наводить».

Интеллектуальную тяжеловесность эпилептоидных психопатов можно, как правило, распознать в самом простом разговоре, но особенно ясно она видна при опросах с целью проверки интеллектуального уровня. Так же убедительно доказывается тяжеловесность мышления и пробой на продуктивность. Испытуемому предлагают в течение 3 мин назвать как можно больше предметов. Нормальный человек называет не менее 60 понятий, эпилептоидный психопат значительно от него отстает.

Тяжеловесность мышления, затрудняющая и внутреннее переключение психики, может проявиться и в педантичности, которая, однако, далеко не так четко проявляется у эпилептоидных психопатов, как у большинства эпилептиков.

Более или менее четко проявляющиеся признаки возбудимой личности могут несколько сглаживаться наличием природного ума, однако не настолько, чтобы снять движущую силу инстинкта. Решение, которое импульсивными людьми принимается в нормальном состоянии, «в здравом уме», следующий же приступ эмоционального возбуждения может свести на нет. Особенно заметно это у возбудимых детей. Можно прилагать любые усилия, взывать к благоразумию, неотступно вести намеченную тактику — и все же воспрепятствовать проявлению импульсивных реакций невозможно. Ни в одном из случаев акцентуации другого рода воспитательное воздействие не является столь труднодостижимым. Возможно, это происходит в силу того, что сама сфера инстинктов, которая порождает импульсы, остается недоступной для воспитательных мероприятий. Впрочем, по мере созревания личности наблюдается некоторое улучшение. При различных возбуждениях и «соблазнах» повседневной жизни у этих людей оказывается достаточно самоконтроля, чтобы удержаться от безрассудства. И лишь при необычных, острых аффективных напряжениях самоконтроль исчезает.

Общие черты у эпилептоидных психопатов и эпилептиков наблюдаются не только в психике. Часто у них отмечается атлетическое телосложение. Отличаясь большой физической силой, возбудимые личности в состоянии

аффекта могут становиться зверски жестокими — ведь уже под влиянием одного лишь аффекта физическая сила возрастает.

Чтобы представить картину как можно более четко, я в изложении касался пока не столько возбудимых личностей, сколько эпилептоидных психопатов. Поэтому как первый пример я описываю обследуемого, которого нельзя безоговорочно отнести к психопатам, несмотря на наличие у него характерных для них черт.

Хельмут Х., 1921 г. рожд., по профессии историк. В школе учился хорошо. По окончании вуза получил специальность германиста и историка, работает в научно-исследовательском институте. Женат с 1955 г., имеет двоих детей. У Х. уже давно намечается склонность к импульсивным реакциям, но в присутствии посторонних лиц он обычно сдерживается. Очень груб в обращении с женой, с детьми, сорит ругательствами, но до насилия дело не доходит.

Если ему не удается «сильно отреагировать», то он все равно ищет способа «разрядиться»: стучит кулаками по столу, рвет и разбрасывает свои деловые бумаги, выбегает из дому. Любая мелочь способна вызвать у Х. состояние аффекта. В магазине, например, совсем короткое ожидание в очереди доводит его до такого раздражения, что он не способен сдержаться. При конфликтах дело нередко доходит до истошных криков. Х. осуждает свое недостойное поведение, но не может держать себя в руках. Несколько раз пытался подавлять возмущение алкоголем. Во время длительных конфликтов раздражительность Х. увеличивалась еще и в связи с тем, что он лишался сна. В состоянии возбуждения и после него нередко впадал в депрессию, таил мысли о самоубийстве.

В клинике, во время приема, обследуемый полностью осознавал свою патологическую возбудимость, был подавлен ею. Склонность к самоубийству оказывалась то своеобразным выражением возбуждения, так как последнее проявлялось не только в гневе, но и в депрессии, то носила характер реакции. Х, прилагал много стараний, чтобы стать сдержанным. Он неоднократно подавлял ругательства, готовые вот-вот сорваться с языка. Несмотря на высоко развитый интеллект Х., в беседах с ним сказывалась замедленность, заторможенность. Его мысли часто упорно и непродуктивно кружились вокруг какой-то побочной темы, переключиться на главное ему было нелегко. При выписке из клиники Х. твердо верил, что ему удастся в будущем справиться с собой. И действительно, после выписки Х. из стационара конфликтов в институте стало значительно меньше.

Перед нами обследуемый, сочетающий легкую возбудимость со склонностью к аффективным взрывам. Если что-либо противоречит его желаниям, его все сильнее охватывает внутреннее раздражение, требующее разрядки. То, что параллельно со вспышками гнева проявляются черты депрессии,— явление обычное. У некоторых возбудимых личностей состояние психического расстройства нередко носит депрессивный характер, что толкает их в конечном итоге к самоубийству. Депрессивная настроенность требует разрядки в такой же мере, как и возбуждение.

Медлительность мышления у Х., несмотря на развитость интеллекта,

подтверждает наличие акцентуации. С другой стороны, у него намечается и возможность компенсации аномальной готовности к определенным реакциям. Обследуемый все же не был полностью во власти своих эмоций. Пока не прибавилась дополнительная нагрузка в виде конфликтов, он способен был владеть собой. Эмоциональная возбудимость Х. не послужила препятствием также и к продвижению по службе. После лечения он вернулся на прежнее место работы.

У следующего обследуемого психическая зависимость от эмоций и влечений выражена более ярко, но и его состояние, в основном, не выходит за пределы нормы.

Клаус Ш., 1928 г. рожд. В школе учился хорошо, но часто менял место учебы, что сказывалось на успеваемости. По профессии он преподаватель экономики, хотя в свое время не смог довести до конца дипломный проект. Перегрузка по месту работы, тщетные поиски квартиры — все это доводило его до отчаяния. В порыве отчаяния он однажды выбил оконное стекло, в другой раз швырнул в стену тяжелую чернильницу. Когда жена заговорила о клинике, он вначале очень возмутился, но позднее согласился.

В клинике Ш. рассказал, что к своей профессии он пришел не прямым путем. Сначала думал стать художником, но затем в нем заговорили педагогические склонности. Однако и на этом поприще он успел уже несколько раз изменить уклон. В 18 лет он убежал из дому, чтобы поступить в иностранный легион, но через несколько дней вернулся в семью. В браке — постоянные столкновения (может ударить жену по лицу). Однажды избил пожилого прохожего за то, что тот якобы неуважительно обратился к его теще. После подобных выпадов всегда испытывает глубокий стыд. Преподавателем считается хорошим, но несколько педантичным. Во время беседы часто останавливается, подыскивая нужное слово, формулировку.

В клинике отличался особой медлительностью. В пробе на продуктивность назвал 56 понятий. Несколько раз обнаруживал резкую раздражительность, однако после разъяснения и увещеваний Ш. признавал свою неправоту. При выписке верил в то, что обретет самообладание.

Мы видим и на примере Ш., как трудно таким людям справляться с обуревающим их возбуждением. Медлительность мышления подтверждает наличие акцентуированной возбудимости. Однако последняя в целом не мешает нормальному ходу жизни.

Приведем теперь пример обследуемого, злоупотребляющего алкоголем, описанного Ширмером в нашем коллективном труде.

Вилли П., 51 год, слесарь по ремонту машин. Из семьи пьяниц: отец пьет пиво, легко возбуждается, неумеренно пил слабоумный брат матери, дед по матери — алкоголик, отличающийся пароксизмами гнева.

С момента окончания обучения П. работает по специальности, место работы меняет редко.

После полового созревания, которое наступило в 16 лет, резко изменился его

характер. До этого П. был приветливым и спокойным, теперь стал легко приходить в ярость, сделался грубияном.

П. всегда молчалив — ив будни, и праздники. Любит, чтобы кругом царил локой, «тогда и работается хорошо». Ложится не позднее 19 ч, встает в 4 ч 30 мин. Любит в свободное время выполнять разные домашние работы, в чем проявляет большую сноровку. Охотно помогает соседям нарубить дров, сложить их, денег за это не берет. По окончании работы, молчаливый и угрюмый, отправляется домой. «Его никогда не увидишь веселым»,— говорит мать.

П. легко раздражается и тогда ругается, кричит, приходит в бешенство. •«Отреагировав» таким образом, молча продолжает работать. На заводе пока до эксцессов не доходило, но во время приступа он «весь дрожит», работать нормально не может, хотя и молчит. Его начальник сообщил, что примерно недели три П. «держится», а затем словно специально ищет повод для ссоры. Случается, что в припадке гнева бьет жену, а потом очень жалеет об этом.

Пить начал в 1944—1950 гг. В этот период он был военнопленным во Франции и работал у крестьянина-виноградаря. «Там с утра до ночи пили, как встанут, так и начинают». Здесь П. привык к вину. Вернувшись на родину, он год не пил, затем начал пить водку и пиво (вино в ГДР трудно было достать). Вначале пил в трактире, изредка, а затем стал пить дома в одиночку. В состоянии опьянения П. более легко возбудим, чем будучи трезвым. Его называют «быком». Он ругается нецензурными словами, избивает жену. Жена об этом рассказала нам с опаской: «Не узнал бы, а то убьет».

У П. возбудимый характер проявляется весьма ярко. Его склонность к сильным взрывам гнева сочетается с общей тяжеловесностью. Угрюмое поведение характерно у П. для периодов «затишья». Однако угрюмость не обязательна: в клинике, например, П. был спокоен и доволен; с удовольствием работал он у соседей, оказывая им помощь в хозяйстве по собственной инициативе. Благодаря старательности в физическом труде, явно доставлявшем ему удовольствие, в асоциальном поведении П. многое сглаживалось. Поскольку проявления насилия у П. обычно были связаны со злоупотреблением алкоголем, можно полагать, что при отсутствии этого возбуждающего средства он был бы вполне уравновешенным человеком.

В детстве способность управлять влечениями и эмоциями понижена даже у нормальных детей, осознанный контроль поступков у них еще отсутствует. Вследствие этого особенности возбудимых личностей и эпилептоидных психопатов в детстве проявляются особенно резко.

Привожу пример ребенка, описанного Рихтером в нашем совместном труде.

Рената М. поступила в наше детское отделение в 8,5 года. Рената — внебрачный ребенок. Мать, вполне добропорядочная и аккуратная женщина, сдала ее в интернат, потом вышла замуж, сейчас имеет двоих детей. Когда Ренате было 1,5 года, ее удочерил родной отец, человек легкомысленный, с яркими сексуальными проявлениями. К этому времени он успел жениться, и мачеха очень привязалась к Ренате: когда появились трудности с

воспитанием девочки, она даже оставила работу.

Рената родилась нормальным ребенком, но развивалась несколько замедленно. Особенно это ощущалось в развитии речи. С четырех лет посещала детский сад. Несмотря на то что к ней относились дома очень заботливо, она несколько раз убегала в город, вместо того чтобы играть в доме или во дворе. Рената неряшлива, с игрушками обращалась небрежно. Это очень ласковая девочка, любит проявления нежности, но временами бывает угрюма.

Уже через две недели после поступления в школу начались жалобы учителей. Рената не подчинялась никаким правилам, во время уроков расхаживала по классу, пела, шалила, убегала в коридор. Но во всем этом как-то не ощущалось естественной для детей живости, шалости ее были какие-то неуклюжие. Иногда Рената вообще не поддавалась никакому воздействию. В такие периоды она убегала из школы или из дому. Девочка не объясняла своих побегов, говорила только, что думала скоро вернуться. Иногда она опаздывала на занятия или вообще не появлялась в школе. Неоднократно полиция доставляла ее домой. Уходя из дому или из школы, Рената бродила по городу, рассматривала витрины магазинов.

Будучи во втором классе, она начала воровать небольшие суммы из кошелька мачехи, порой и у посторонних людей. Деньги уходили на воздушные шарики, мороженое, молочный коктейль. В магазине самообслуживания она стащила пирожные. В проступках никогда не сознавалась. Только угрозой тяжелого наказания можно было вынудить у нее признание вины.

Вообще Рената много лгала. На замечания девочка реагировала упрямо и даже возмущенно, наказания на нее не действовали. Вскоре после очередного скандала она начинала вести себя так, словно ничего и не было. С детьми она ладила, у нее было несколько подружек.

Положение становилось все хуже, девочку, наконец, отправили в клинику. Рената в момент поступления была высокой стройной девочкой. Ее поведение не отличалось постоянством. Обычно она была услужлива, приветлива, но порученное дело выполняла медленно и крайне небрежно. Умственное развитие ее несколько ниже среднего. Иногда становилась угрюмой, необщительной. В такой момент могла побить окружающих ребят, однажды ударила больную девочку в живот. В это время в играх не участвовала, никаких поручений не выполняла.

В детской группе искала контактов со старшими мальчиками, старалась привлечь их внимание, показываясь перед ними полураздетой. Если же мальчики подходили к ней, она пускалась наутек с криком, что они хотели «подсмотреть».

Не могло быть и речи о том, что отрицательные стороны характера Ренаты являются результатом неправильного воспитания. Мачеха искренне любила девочку, очень заботилась о ней. Поведение Ренаты не изменилось и тогда, когда она попала в ровные воспитательные условия нашего детского отделения. Если Ренату ничто не злило и особо не соблазняло, она казалась милым ребенком с мягким, добрым характером. Это характерно для всех

эпилептоидных детей. Мы уже упоминали о том, что при данной структуре личности не исключены социальные контакты, вполне человечные эмоциональные реакции. Однако гораздо ярче представлена обратная сторона — Рената порой оказывалась всецело во власти асоциальных побуждений. Она убегала из дому и из школы, когда ей вздумается, по самому пустяковому поводу. Она воровала, чтобы полакомиться сластями, и при этом лгала безапелляционно, лишь бы отвести от себя подозрение. За наказанием следовали упрямство и гневные реакции. Злясь на других детей, она, не задумываясь, избивала их. Этот восьмилетний ребенок не был чужд и сексуальных устремлений (эпизод со старшими мальчиками).

Эпилептоидные черты характера у детей встречаются нередко. В нашем детском отделении, куда поступает множество детей с резким отклонением в поведении, встречались, далеко не к радости воспитателей, и возбудимые личности. Импульсивные упрямые реакции детей способны вызвать добрую и снисходительную улыбку лишь тогда, когда эти дети значительно младше Ренаты. Чем старше ребенок, тем сложнее бороться с его распущенностью.

В отношении детей с таким характером, как у Ренаты, встает вопрос о дальнейшей их судьбе. Воспитательное воздействие на эпилептоидов вообще затруднено. Кроме того, отец Ренаты относится к той же психической категории (возбудимых личностей), что и дочь. Учитывая все это, мы не можем дать обнадеживающего прогноза.

В период полового созревания, когда на человека с особой силой обрушивается волна физических влечений, асоциальные проявления возбудимых личностей усиливаются. Те лица, которые в детстве казались более или менее уравновешенными, становятся теперь вызывающе грубыми.

Обе девушки, описываемые ниже, после полового созревания стали отличаться вульгарностью и преступными склонностями.

Маргот Г. появилась у меня на приме впервые в 25 лет. Отец — пьяница, склонный к припадкам возбуждения (во время опьянения, например, бьет посуду). Мать в такие периоды запирает от него детей. Впрочем, она и сама выпивает. Сестра обследуемой тоже алкоголичка. Двое ее братьев, как и отец, уже несколько раз отбывали наказание за нанесение побоев.

Сама обследуемая — особа крепкая, грубо сколоченная, охотно берется за тяжелый физический труд. Пьет с 15 лет. Когда спиртного у нее нет, хорошо и успешно трудится. В детстве один раз убегала из дому, но вернулась сама; дважды уводила чужой велосипед и оставляла в незнакомом месте. Уже будучи взрослой, дважды воровала велосипеды, объясняя это тем, что украли ее собственный. У мужчины, искавшего с ней интимного сближения, вытащила из пиджака бумажник с деньгами. Обвиняется в краже портфеля. В сексуальной области патологические инстинкты не проявляются.

Особым развитием интеллект Маргот не отличается, но и дебильной ее назвать нельзя. Во время обследования она показала себя неприветливой, угрюмой, скупой на слова, что типично для эпилептоидов. Еще больше она замкнулась, когда речь зашла о нарушениях ею закона. Насилия она не совершала, видимо, пол спасал ее от такого рода эпилептоидных реакций, в

то время как отец Маргот и оба брата обвинялись именно в насильственных преступлениях (избиение, нанесение увечий).

Герда Р., 21 год, занималась профессиональным воровством, уже шесть раз была задержана с поличным. Кражи совершала обычно у мужчин, с которыми была в интимных отношениях, а также при других обстоятельствах. Нередко ночевала в гостинице, затем уходила, не заплатив за номер. Во время собеседования выражала крайнее неудовольствие. О наказуемых деяниях ничего не хотела говорить. Умственное развитие Герды в норме.

Эпилептоиды часто встречаются среди проституток. Поскольку влечения у эпилептоидов преобладают над разумом, они часто рано начинают половую жизнь. Легко, без особых колебаний они соглашаются на то, чтобы их сексуальные похождения стали источником материального обеспечения. Совершение ими кражи — явление такого же характера, как и беспорядочная половая жизнь.

У эпилептоидов-подростков мужского пола импульсивные поступки бывают еще опаснее.

Ханс-Иоахим Ц. в 16 лет, когда я познакомился с ним. имел уже немалый жизненный опыт. С одиннадцатилетнего возраста часто убегал из дому, затем доставлялся через полицию. Часто пропускал занятия в школе. На выговорах за плохое поведение, на расписках за получение библиотечных книг подделывал подписи родителей. Нередко хвастался вещичками, которые он якобы где-то нашел, на самом же деле он их крал. В 15 лет совершил нападение с целью ограбления (деньги ему нужны были, чтобы купить билеты в кино). Это было на улице в отдаленной части города. Ц. набросился сзади на одиноко идущую женщину, повалил ее на землю и отнял сумочку. После этого его поместили в интернат, откуда он скоро сбежал к бабушке, у которой украл несколько сот марок. На эти деньги он приобрел радиоприемник и башмаки. Затем снова интернат, а в 16 лет — снова побег оттуда с товарищем. Вдвоем они взломали гараж, украли два мопеда и на них вновь отправились к бабушке. На этот раз Ц. украл у нее 1800 марок, на которые накупил всякой всячины: портфель, будильник, два топора, шесть стрел, нож, карты, бумажник. По 250 марок он раздал школьным товарищам, остаток — 460 марок — спрятал в туалете. Примерно в это же время он украл велосипед и разъезжал на нем по городу.

Когда я обследовал Ханса, он был в угнетенном состоянии, на вопросы отвечал неохотно. Не хотел говорить четко, хотя я просил его об этом несколько раз. Фразы произносил очень медленно, строил их громоздко. В пробе на продуктивность он за 3 мин назвал всего 36 предметов. Интеллект Ханса в норме.

Объясняя причину множества своих уголовно наказуемых выходок, он твердил лишь одно: пребывание в школе ему не нравилось, дома он тоже «не мог больше выдержать», а деньги ему были нужны. Когда я попытался разбудить его эмоции, спросил, что же в жизни ему милее всего, он сначала еще больше насупился: никого он не любит и ничто его не интересует—таков был ответ. Но по ходу дальнейшего разговора им все больше овладевала депрессия. Что уж ему теперь говорить! Теперь все кончено. Он прежде очень

интересовался химией, но ведь если сейчас вновь угодит за решетку, то для специального образования, отбыв срок, будет уже слишком стар. В словах его чувствовалось сильное внутреннее волнение, в эти минуты Ханса никак нельзя было назвать бесчувственным, черствым.

Мы видим, что этот подросток совершенно безвольно поддавался тем соблазнам, с которыми его сталкивала жизнь. Следует отметить, что у ребенка и подростка сфера желаний вообще исключительно активизирована. Что же говорить о таких подростках, у которых присоединяется патологическая подверженность влечениям, как у взрослого человека с возбудимым типом личности. Преступное действие может быть вызвано только глубоким аффективным напряжением, предельно сильным раздражением.

У Ханса эпилептоидный механизм поведения подтверждается и тяжеловесностью мышления. Существенно то, что у него удалось вызвать нормальные эмоции, которые лишь прикрывались сферой инстинктов.

Эпилептоидных преступников во время врачебной экспертизы часто признают «бесчувственными». Эти выводы чересчур прямолинейны: исходя из жестокости, с которой было совершено преступление, заключают, что преступник лишен нормальных человеческих чувств. Это впечатление еще усиливается, когда эпилептоид недовольно реагирует на опрос и с раздражением отвечает тогда, когда следовало бы демонстрировать глубокое раскаяние. В таких случаях нужно уметь найти подход — лишь тогда удастся приподнять завесу над эмоциональной жизнью пациента.

А человеческого облика не был лишен даже тот убийца, к описанию которого я перехожу.

Хорст Д., 1936 г. рожд. впервые подвергался врачебной экспертизе после того, как в семнадцатилетнем возрасте едва не стал опасным преступником, покушаясь на жизнь старика. Медицинский эксперт дал следующее заключение: «Интеллектуальный уровень Д. невысок, но он не дебилен. Бросается в глаза бездушие, отсутствие хотя бы намека на раскаяние в своем преступлении; он жалеет лишь об одном — что навсегда попадет «за решетку».

В школе обследуемый дважды оставался на второй год. Отец был на войне, матери справиться с Д. было не под силу. Вместо того чтобы ходить в школу, он воровал продукты, белье, часто все это перепродавал. Попал в интернат для малолетних преступников, бежал оттуда. Однажды в пылу драки Д. схватил железные грабли и нанес ими удар по голове одному из своих противников. Тот с тяжелым ранением был отправлен в больницу. Работал Д. частично в сельском хозяйстве, частично на производстве. Часто менял место работы, много пил. В 16 лет украл из сумочки, стоявшей в магазине, кошелек с деньгами. В 17 лет пытался растлить малолетнюю.

Когда Д. было 17,5 лет, он проживал в комнате совместно с 73-летним стариком. У них происходили крупные ссоры. Однажды старик обвинил Д. в краже его перчаток, которые сам же и положил куда-то. Такие необоснованные обвинения Д. слышал от забывчивого старика часто и затаил

на соседа злобу. Однажды Д. увидел в руках у старика 50 марок. Войдя вскоре после этого в комнату, Д. заметил, что старик дремлет у печки. Он схватил стоявшую поблизости кочергу и с силой ударил ею старика по голове. Старик потерял сознание. Д. перетащил его в кладовку, нанеся еще несколько ударов по лицу, «для верности». В момент, когда он хотел удалиться с 50 марками, его задержали. Тяжело раненный им старик выжил, а Д. в течение 5 лет отбывал наказание в тюрьме.

В 24 года он женился, а в 25 лет предстал перед судом за нанесение тяжелых телесных повреждений жене. В 26 лет Д. развелся. Драку, особенно под действием алкоголя, он затевал довольно часто.

В 27 лет Д. в пьяном состоянии начал избивать собутыльника, который, зная о его судимостях, глумился над ним. Собутыльник в долгу не остался. Д. нанес ему несколько ударов связкой тяжелых металлических ключей, а когда тот упал, стал бить его по голове сапогами. Когда раненый мог уже только стонать, Д. удалился. Изувеченный умер там же, на месте преступления.

Д. объяснил свой поступок яростью против обидчика, назвавшего его «уголовником и растлителем». Вначале он не собирался так расправиться с «этим типом». Но «когда он начал мне угрожать, мне стало безразлично, что с ним будет, и я затоптал его ногами».

Во время обследования Д. показал себя человеком весьма ограниченным, но не дебильным. Был подавлен, говорил мало — ронял отдельные слова. О совершенных им ранее преступлениях не хотел говорить. Мы спросили: раскаивается ли он. Д. ответил: «К чему? Что же я сейчас могу сделать? Ведь мертвого не разбудишь…» Из этого можно было заключить, что он вообще не понимает всего ужаса совершенного им преступления.

Независимо от всего содеянного им я попытался выяснить этическую позицию Д. Тут на его лице появилась тень улыбки. Он рассказал, что очень любит сестер и братьев, что младшего брата даже часто выручал из беды. Любит родителей. Очень жалеет животных — коров, которых ему приходилось доить, лошадей, на которых ездил, за которыми смотрел. Он никогда не ударил ни одной лошади, а те каждый его приход встречали трогательным ржаньем. Д. привлекал других кучеров к ответу за жестокость в обращении с животными. К детям он тоже всегда хорошо относился. Детям сестры постоянно привозил сладости, и они его очень любили.

Даже говоря о приятном для себя, обследуемый оставался безрадостным, скупым на слова, тяжеловесным.

В пробе на продуктивность повторилась характерная для эпилептоидов замедленность — Д. насчитал всего 28 предметов. Зато он обладал практической смекалкой, работал быстро, был, по словам его начальника, «парень с головой». Сам Д. говорил, что с заданиями по работе справляется быстрее других.

И у этого обследуемого мы наблюдаем черты возбудимой личности или, точнее, эпилептоидной психопатии. Он пропускает занятия, становится вором, убегает из интерната, защищается при драке граблями и наносит

тяжелое ранение сверстнику. Д. напивается до бесчувствия, ему безразлично, где работать, он часто меняет место работы, постепенно превращается в хронического алкоголика. Попытки растления связаны с полной деградацией в сексуальной сфере. В 17 лет Д. чуть не убил человека, поведение которого его раздражало, и присвоил себе его деньги. Наконец, в 27 лет он зверски избивает человека, вызвавшего перед тем его безумное раздражение. Когда этот человек стал угрожать, что донесет на него полиции, аффект Д. возрос непомерно, в результате чего он растоптал своего противника ногами.

Однако нельзя ограничить рассмотрение психики Д. только этими фактами. Его оценка как жестокого, бессердечного человека не дает полной характеристики. Он становится бездушным лишь тогда, когда аффект полностью овладевает им. Когда Д. спокоен, его не назовешь холодным и бесчувственным. Об этом свидетельствует его любовь к детям, к животным. В состоянии аффекта он, конечно, куда более груб и страшен, чем товарищи по работе, которые не совершают насилия. Однако многие из них в спокойном состоянии более черствы и злы, чем Д.

Не должен вводить в заблуждение и тот факт, что эпилептоиды не раскаиваются в своих преступлениях. Если непоправимое произошло, они стараются предать его забвению. Ведь истинное раскаяние предполагает взвешивание, анализ, в результате чего можно осознать значение проступка и представить себе его возможные последствия. Эпилептоидам такой анализ не свойствен. Если их расспрашивать о факте преступления, то они выразят лишь мрачную досаду по поводу того, что им «напомнили», но не проявят никакого желания «копаться» в прошлом. Последнее особенно характерно для детей, у которых вообще аффект быстрее улетучивается из памяти. Поэтому у экспертов в отношении Д. вначале сложилось ошибочное мнение, что у него нет «ни намека на раскаяние» в своем преступлении.

Д.— типичный эпилептоид. Это проявляется и в тяжеловесных реакциях, и в замедленности пробы на продуктивность. Об этом же свидетельствует и невысокий уровень его интеллектуального развития. С физической стороны диагноз подтверждается тем, что обследуемый — человек плотный, явно атлетического сложения.

Если внимательно вдуматься в приведенные выше описания, особенно убийцы, то можно прийти к выводу, что у этих примитивных личностей эпилептоидного типа отсутствует («выпадает») тот участок развития психики, в ведении которого находятся этические общественные нормы. Эта филогенетически новая сфера человеческой психики, на уровне которой благоразумие обретает господство над инстинктами и неконтролируемыми побуждениями, у таких личностей вообще не развита.

Каждый психический слой обладает сложной природой, поэтому, безусловно, возможны случаи, в которых компоненты того или иного слоя представлены лишь частично. Например, существуют лица, тяжеловесные и медлительные в своих реакциях, не склонные, однако, к вспышкам гнева или к частой перемене места работы. Лица эти, если данные черты их характера четко обрисованы, реагируют вяло и медленно, как и эпилептоиды, и при самом тщательном опросе нельзя установить у них проявлений раздражительности или импульсивности. Эти люди добились хорошего положения, не

собираются менять место работы, вполне удовлетворены занимаемой должностью. Создается впечатление, что благодаря своей тяжеловесности, они и профессионально как бы малоподвижны, а поэтому скорее представляют свойства, прямо противоположные «летунству».

У некоторых людей сходной с эпилептоидами чертой является скрупулезность мышления, его педантичность. В своем поведении они не медлительны, не обнаруживают и признаков моральной инертности. Нередко мы видим их на высоких постах. Такие люди не способны рассказать о чем-либо без упоминания абсолютно несущественных деталей, они не могут не начать издалека, вплетают в свое сообщение разные несущественные моменты, имеющие к сути дела лишь косвенное отношение. Часто они повторяются, чтобы «сформулировать поточнее». Полагаю, что многим, присутствовавшим на дискуссиях, различных заседаниях, знаком этот тип. Уже в момент, когда они просят слова, знаешь, что надо запастись терпением, чтобы выслушать их до конца. Психиатру легко установить, что при четком выраженин данной акцентуации перед нами открывается как раз та картина, которую мы наблюдаем при эпилептоидной педантичности. Правда, при углубленном обследовании можно выяснить, что у некоторых лиц их реакции в аффекте отмечаются какой-то неуправляемостью, однако у многих акцентуация ограничивается лишь своеобразным мыслительным педантизмом.

Таким образом, резкие, ярко выраженные проявления общей тяжеловесности или скрупулезной педантичности мышления акцентуированных личностей дают основание говорить об эпилептоидной психопатии.

Сочетание акцентуированных черт характер

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

СОЧЕТАНИЕ АКЦЕНТУИРОВАННЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА

Если в структуре человеческой личности различать свойства характера и темперамента, то в вышерассмотренных типах акцентуации личности преобладают свойства характера. Свойствами характера определяются направленность интересов человека и форма его реакций, в то время как от темперамента зависят темп и глубина эмоциональных реакций. Четкой границы между темпераментом и характером, однако, не существует. Кречмер и Эвальд также по-разному подходили к их разграничению.

Например, у возбудимой личности, у которой доминируют патологические импульсивные и аффективные реакции, можно усматривать в какой-то мере преобладание черт темперамента. С другой стороны, глубина эмоциональных восприятий у эмотивных личностей (см. ниже) сильнее отражается на альтруистических чувствах, чем на эгоистических, обусловливая и некоторые черты их характера. В силу этого я не считаю, что предлагаемое мной деление личностей по характеру — на демонстративных, педантических, застревающих и возбудимых — является чем-то абсолютным, точно так же как и черты, анализируемые в ряде последующих глав, определяют отнюдь не один лишь темперамент

человека.

Зная отдельные черты, несложно проследить и их сочетаемость. Однако именно в области характера сочетания некоторых черт отличаются столь явственными особенностями, что их необходимо обсудить подробнее.

Усиление, ослабление или варьирование одной черты можно проследить. Предсказать же характер преломления, например возбудимости у застревающей, импульсивной (возбудимой) или педантической личности, невозможно. Правильно судить об этом можно только на основании практических наблюдений и опыта. Вот почему я считаю целесообразным начать с конкретных наблюдений над некоторыми сочетаниями описанных черт характера.

Сочетание демонстративных и педантических черт у акцентуированных личностей не встречается, поскольку демонстративные и педантические личности противопоставлены друг другу в одной и той же сфере реакций. Для демонстративной личности в состоянии аффекта показательны внезапные действия по типу короткого замыкания, в то время как педантические личности исключительно медлительны, объективного наблюдателя их нерешительность повергает в полное недоумение. Способность вытеснять из сознания эмоциональные вопросы, не сразу поддающиеся психологическому решению, у демонстративных личностей повышена, у педантических — резко понижена. Если бы в психике человека имелись черты и те и другие, то неизменно возникало бы нечто нормальное, среднее. Наши наблюдения, проведенные на весьма большом количестве пациентов, подтвердили, что людей, обладающих одновременно обеими упомянутыми чертами характера, не существует.

Особый интерес вызывает сочетание черт характера демонстративной и застревающей личности. Результат при этом бывает различный. Слабость истерика может в известной степени компенсироваться стойкостью и упорством реакций паранойяльной личности, но иногда возможны и деформации психики. Причина заключается, видимо, в социальной двойственности паранойяльной акцентуации, при которой возможны как высокие трудовые и творческие показатели, так и бесплодная трата времени на бессмысленную борьбу. При таком сочетании последняя тенденция нередко особенно ярко проявляется у упорных рентных невротиков, которые не только симулируют симптомы заболевания по типу истерического вытеснения, но еще и борются с чисто паранойяльным упорством за признание этих симптомов истинными болезненными явлениями.

Привожу историю болезни, которую Бергман описала в нашем коллективном труде.

Фрида В., 55 лет, по профессии была сначала модисткой, а затем подборщицей мехов. В 26 лет вышла замуж за подборщика мехов. Работает то в мастерской мужа, то на стороне с аккордной оплатой. Трудиться, по свидетельству дочери, никогда особенно не любила. Правда, начинала любую работу с большим рвением и с удовольствием, но вскоре заявляла, что работа оказалась трудной или что ее безбожно эксплуатируют. После

замужества большую часть времени не работала, а занималась домашним хозяйством, но и здесь сама не справлялась. Муж страдал от ее сварливости и вечного нытья. После очередного скандала она ложилась в постель и разыгрывала больную. Муж часто покидал дом, в конце концов у него появилась связь на стороне. В 50 лет В. подала заявление о разводе. Уже после развода судилась с мужем из-за шубы, которую тот якобы отказывался ей отдать. Постоянные волнения и переутомление вызывали у В. головокружение. Она почувствовала себя нетрудоспособной, начала хлопотать о пенсии, но в пенсии ей отказали. В. обжаловала отказ, ей снова отказали. Однако В. не возвратилась на работу, она живет на алименты, получаемые от мужа.

Однажды В. ехала в поезде. Поезд резко затормозил, и она ударилась головой. Об этом «несчастном случае» и его последствиях имеется много противоречивых показаний самой В. Объективным можно считать лишь свидетельство медицинской сестры, которая видела В. в медпункте на главном вокзале: сестра сообщила, что у больной на голове было несколько шишек. Когда больная показалась врачу (через 2 дня после происшествия), он никаких наружных травм не обнаружил, но высказал предположение, что головная боль В. связана с пережитой «встряской». «Ослабление зрения», на которое жаловалась В., при офтальмологическом осмотре не подтвердилось. В. считала, однако, что она пережила тяжелейшую травму, и подала в суд заявление о денежном возмещении за нанесенные увечья.

За это время «история травмы» успела обрасти новыми подробностями: во время резкого торможения тяжелый чемодан угодил В. в голову, мощным толчком ее отшвырнуло к стене, она ощутила тошноту, изо рта и из носа хлынула кровь, но полностью она сознания не потеряла; сестра из медпункта вокзала провожала В., у которой все тело болело и ныло, до трамвая.

Во время врачебного осмотра у нас В. утверждала, что пережитая травма сделала ее калекой. Все жалобы ее были расплывчаты, неконкретны. Единственным объективным болезненным явлением можно было считать воспаление кожи около левого глаза.

Больная все время держалась напряженно и очень враждебно; показывала папку с документами, где были поощрения по работе, различные справки о состоянии здоровья. Она предъявляла претензии не только к железной дороге, но и к бывшему мужу, который «всех настраивает против нее».

Историю «несчастного случая» В. освещала столь же подробно, как и противоречиво. Несколько раз ей указывали на то, что последующая фраза ее рассказа никак не согласуется с предыдущей, на что она вообще не обращала внимания.

Стоило заговорить с В. о районных врачах, о железной дороге, о муже, как она впадала в состояние сильнейшего аффекта, обвиняла всех в непризнании ее прав, грозила подать жалобу в более высокие инстанции с требованием возмещения за потерю работоспособности. Иногда В. всячески старалась произвести на врача выгодное впечатление, заявляя, что все врачи, проводившие обследование до него, ничего не понимали и

наконец-то ей посчастливилось говорить с квалифицированным специалистом.

На протяжении всей жизни В. мы констатируем у нее истерические черты характера, сопровождающиеся склонностью уйти от жизненных трудностей, особенно от трудовой деятельности. Сначала ее недовольство обрушилось на мужа, затем, когда муж ушел, она искала поддержки у государства. Вечные ссоры в семье, жалобы в суд на мужа после развода — эти и другие факты биографии свидетельствуют о наличии у В. паранойяльных черт характера. При хлопотах о пенсии объединились черты обоих типов. В. усиленно демонстрировала симптомы заболевания и с упорством добивалась их признания. Вначале речь шла о пенсии по инвалидности. Затем на помощь пришел довольно безобидный случай на железной дороге, став поводом для требования пенсии по увечью. Положительных проявлений застревания у данной больной мы совсем не наблюдаем: возможно, свойственная истерикам слабость, с самого начала препятствовала трудовым достижениям. Можно предположить также, что В. не представилась конкретная возможность удовлетворения своего честолюбия в трудовой деятельности. Возможно, в молодые годы, когда пациентка с энтузиазмом бралась за ту или иную работу, хорошие трудовые показатели являлись результатом честолюбивого порыва.

Благоприятное развитие личности при определенном сочетании черт характера наблюдается, в основном, тогда, когда стремление к самоутверждению, которое свойственно застревающим личностям, осуществляется по демонстративному типу.

Если эти лица добиваются признания, если им удается найти такую работу, которая не только им нравится, но и обеспечивает возможность находиться в центре внимания, то демонстративно-застревающие личности могут быть на высоте в течение длительного времени.

Следующая пациентка также была описана Бергман, которая в нашем коллективном труде дала описание ряда комбинированно-акцентуированных личностей.

Лизбет Х., 56 лет, еще в детстве отличалась недоверчивостью и злопамятностью. Она не могла наладить контакт с соученицами, постоянно чувствовала себя обойденной. С возрастом у нее все больше развивалось честолюбие. Став продавцом, она пользовалась уважением, продвигалась по службе. Директор магазина поручал ей ответственные участки работы, но с коллегами дело обстояло хуже, многие недолюбливали ее из-за сварливого, своенравного и злопамятного характера.

В возрасте 24 лет у Х. наблюдались типичные истерические реакции по поводу разочарования в любви: она разыгрывала тяжелобольную, позволяла матери баловать, жалеть себя. Но вскоре она снова приступила к работе и в последующие годы (они проходили без конфликтов) достигла весьма высоких профессиональных показателей. Связей с мужчинами у нее все эти годы не было. Лишь в возрасте 50 лет она еще раз полюбила, но снова все кончилось глубоким разочарованием. Два года спустя умерла ее

мать.

В климактерическом периоде у Х. часто отмечалось недомогание. Она не могла уже выполнять свою работу так безукоризненно, как прежде. Несмотря на это, Х. не в силах была отказаться от авторитетной должности закупщика оптовых товаров, чтобы заняться работой более легкой. Когда новый директор назначил в помощницы Х. молодую женщину, она восприняла эту помощь как знак недооценки ее многолетней работы в торговом предприятии. Х. прореагировала на назначение помощницы грубо-демонстративно — упала с громким криком. После этого у нее появилось нарушение координации движений при ходьбе. Домой с работы она уехала на такси, а позже постоянно и с большим удовольствием демонстрировала симптомы своего заболевания.

При поступлении в нашу клинику Х. предъявила перечень своих болезней на восьми страницах. При ходьбе пользовалась в качестве опоры то палкой, то зонтом, то детской колясочкой. В психотерапевтическом отделении выяснилось, что Х. очень хочет получить пенсию. Постепенно нам удалось снять симптомы истерии, но преодолеть до конца ее внутреннее сопротивление мы не смогли. В конце концов Х. почувствовала себя намного лучше и даже снова заговорила о работе. К сожалению, мы не смогли обеспечить ей место работы, на котором обследуемой удалось бы выдвинуться, как раньше.

У Х. в течение многих лет паранойяльные черты преобладали над истерическими. Уже ребенком она чувствовала себя обойденной, а став взрослой, отличалась несговорчивостью и злопамятностью. Честолюбивые устремления обеспечили ей продвижение по службе и хорошую должность. В 24 года Х. проявила типичные истерические реакции при разочаровании в любви. В пятидесятилетнем возрасте все явственнее наблюдается «бегство в болезнь».

Сочетание у акцентуированной личности застревающих н демонстративных черт часто ведет к честолюбивым устремлениям, особенно в расцвете лет. При таком типе акцентуации реакции несостоятельности, «осечки» не имеют места. Благодаря хорошим трудовым показателям такие люди завоевывают авторитет на работе, что, в свою очередь, является стимулом на пути к дальнейшим достижениям. С возрастом, когда работать становится труднее и авторитет работника падает, у застревающих личностей наблюдается крутой поворот к сверхчувствительности. Они сваливают вину за отсутствие прежних трудовых успехов то на коллег, то на болезнь. Тем самым эта черта личности перекликается теперь с истерической тенденцией к игнорированию неприятного. Таким образом можно объяснить эту позднюю несостоятельность демонстративно-застревающих личностей. Мы показали это на примере честолюбивой женщины, которая преуспевала в работе и у которой в пожилом возрасте развилась картина рентного невроза. Разумеется, не во всех случаях наблюдается поздняя несостоятельность. Некоторые истерически-паранойяльные личности к началу преклонного возраста обеспечивают себе столь прочное служебное положение, что удерживают его несмотря на слабеющие физические силы. В таких случаях психическое равновесие

обеспечивается удовлетворенным честолюбием.

При наблюдении над демонстративными чертами характера чаще всего отмечается склонность истериков к «бегству в болезнь». И действительно, такая форма истерической реакции — очень типична для всех истериков. Всякое затруднение, всякий конфликт, даже простое желание немного облегчить себе жизнь наводят их на мысль о том, что выходом из создавшегося положения является болезнь. Больного нельзя ни к чему обязать, его все жалеют, о нем заботятся, более того, при длительном заболевании можно рассчитывать и на социальное обеспечение, на получение пенсии. Если бы этих форм государственного обеспечения не существовало, таких истериков стало бы гораздо меньше, однако все равно многие из них спасались бы «бегством в болезнь», рассчитывая на жалость и заботливость добрых людей. В большинстве же случаев основные истерические реакции приняли бы в таком случае иные формы.

Другой формой истерического реагирования является непорядочность по отношению к окружающим людям; истерические реакции идут окружающим во вред, а истерику — на пользу.

Анита Б., 1907 г. рожд., уже в школе была весьма честолюбива. Избрав специальность делопроизводителя-секретаря, она быстро и уверенно поднималась по служебной лестнице. Начальник учреждения был высокого мнения о Б. и давал ей ответственные поручения. Выражением особого доверия было и то, что Б. была избрана профсоюзным казначеем. В то же время коллеги недолюбливали Б.: она вечно кичилась своими организаторскими способностями, подчеркивала, что начальство ценит ее как никого другого. Но так как в общем это соответствовало действительности, против такой позиции Б. и возражать-то было нечего.

В быту она была человеком с большими претензиями, старалась, чтобы в доме у нее все было добротнее, комфортабельнее и красивее, чем у других. Это требовало больших расходов.

В 1962 г. произошла техническая реорганизация процедуры сдачи профсоюзных взносов и временно не было ясности в том, куда именно сдавать деньги. Б. нашла выход сама — она вообще перестала их сдавать. Деньги держала в шкафу в своей рабочей комнате и использовала для личных расходов. Систематическое присвоение Б. профсоюзных денег было раскрыто лишь через 4 года.

Во время обследования Б. держалась напряженно, недоверчиво. При упоминании о ее уголовно-правовых нарушениях отвечала злобно, заявляя, что все это не более чем недоразумение. Затем Б. начинала разыгрывать оскорбленную невинность, спорила и отрицала все, что значилось в судебных актах.

Врачи предложили подвергнуть проверке ее интеллектуальные данные, ссылаясь на то, что у обследуемой возможны психические нарушения. Б. живо ухватилась за это предложение. Хотя предыдущие обследования свидетельствовали о вполне нормальном интеллекте, теперь она стала демонстрировать картину типа псевдодеменции. При простейших

вопросах Б. долго раздумывала над ответом, с большим трудом отвечала, сколько будет «3Х3» и «5Х5». Часто Б. говорила: «На этот вопрос ответить не могу», хотя до этого на аналогичный вопрос давала верный ответ.

Характерно, что во время проверки интеллектуальных возможностей полностью исчезла ее раздражительность, враждебность. Теперь Б. старалась вызвать жалость отчаянием по поводу своей умственной неполноценности, часто начинала рыдать. Новая попытка напомнить Б. о ее вине вновь вызвала отрицание вины, сильное раздражение и злость.

Перед нами женщина, достигшая высокого служебного положения. Будучи отличным работником, она с готовностью брала на себя дополнительные нагрузки. К этому ее, несомненно, толкало честолюбие, что подтверждается и ее заносчивостью по отношению к сослуживцам. В истории болезни также бросаются в глаза демонстративные черты личности. Все поведение Б. говорит о желании выделиться, быть заметной. Именно в связи со второй чертой данной акцентуированной личности стали возможны и уголовные нарушения. Ведь авантюристка не могла не знать, что рано или поздно присвоение ею государственных денег будет обнаружено. Естественно предположить, что страх не давал ей ни минуты покоя. Но, обладая свойством вытеснять все неприятное, она оставалась в превосходном настроении и продолжала свои уголовно наказуемые действия.

При обследовании черты и того и другого порядка проявились чрезвычайно ярко: черты застревания — во враждебном отрицании вины, демонстративные черты — в картине псевдодеменции. В зависимости от того, с какой стороны подходить к обследуемой, ее можно расценивать то как паранойяльную, то как демонстративную личность.

Сочетание застревающих и демонстративных черт распознается уже в детстве и может развиваться в нескольких различных направлениях. Дети такого склада в школе часто бывают весьма честолюбивы и старательно учатся, хотя у них, видимо, вполне возможны были бы истерические реакции игнорирования неприятного. Признание со стороны учителей и воспитателей оберегает этих детей от срывов. Иногда можно наблюдать, как честолюбие у ребенка с истерическими чертами перерождается в пустое тщеславие, для удовлетворения которого он прибегает к нечестным средствам.

Ниже в качестве примера приводится описание ребенка, у которого развитие такой сложной акцентуации проходило именно во втором направлении. Целлер уже описывал этот случай в нашем совместном труде.

Рольф Г. в 9 лет поступил в наше детское отделение. Родители разведены, мать — натура явно тщеславная, отец отличается своенравием, большой спорщик. Рольф уже в детском саду стремился быть в центре всеобщего внимания, рассказывал ребятам разные небылицы.

Дома его держали в большой строгости, которой он подчинялся весьма неохотно. В школе учился на «хорошо» и «отлично», но дисциплина была неудовлетворительной. Получая выговор от учителей, нередко цедил сквозь

зубы: «Скотина ты…» Часто Рольф своими проделками смешил детей, некоторые дети возмущались, что он своими клоунскими выходками мешает заниматься. В спорах Рольф нередко доходил до бешенства и бросался беспощадно избивать товарищей. Во время уроков постоянно бегал по классу.

Рольф очень хитер, любит дразнить и злить товарищей. Так как своим наглым поведением он «прославился» на всю школу, ему стали приписывать вину за все скандальные выходки в школе, в которых он и не принимал участия. В конце концов все ученики стали враждебно к нему относиться. Особенную антипатию Рольф испытывал к девочкам, так как 12 девочек, объединившись, всякий раз, когда Рольф нарушал спокойствие в классе, били его. Они называли его «Рольф-дурак». Он дружил только с такими же отъявленными нарушителями дисциплины, как сам.

В нашем отделении Рольф пытался занять среди детей «первое место» и играть роль вожака. С этой целью он отчаянно лгал. Однажды, после выходных дней, Рольф заявил, что побывал в эти дни в СССР и в доказательство продемонстрировал набор советских цветных карандашей, делился впечатлениями о своей «поездке». Как позже выяснилось, нигде Рольф не был, а карандаши привез его отчим, ездивший в СССР. Рольфу указали, что нельзя быть таким вралем, но он оставил эти слова без внимания. Перед взрослыми Рольф в клинике рисовался, стараясь произвести хорошее впечатление, с детьми же постоянно ссорился, бранился и лез в драку.

Перед нами весьма честолюбивый девятилетний мальчик. Честолюбие стимулировало его успехи в школе. Кроме того, он стремился всегда быть в центре внимания, быть вожаком. Его недисциплинированное поведение, разные шалости, вплоть до хамских выходок,— это не что иное, как попытки выделиться. В этом угадываются истерические черты. Они подтверждаются также хитростью и безудержной ложью. Однако если у Рольфа намерение «утвердить» себя срывалось, появлялись параноические реакции: он начинал драться. Любопытно, что такое поведение было свойственно Рольфу еще в детском саду. Уже тогда он старался быть в центре внимания, часто обманывал. Возможно, были допущены какие-то ошибки в воспитательном процессе. Возможно, однако, и другое: мальчик мог унаследовать черты застревающей личности от отца, а черты демонстративности — от легкомысленно-тщеславной матери.

Весьма опасно сочетание черт застревающей и возбудимой личности. Ведь уже каждая из этих черт в отдельности ведет к сильным вспышкам аффекта.

Ниже приведем пример, описанный Бергман в ее монографии. Этого обследуемого наблюдал и я.

Вилли В, поступил в клинику в январе 1957 г. как социально опасный.

Отец отличался сильной вспыльчивостью. По малейшему поводу он избивал своих троих детей кнутом, в припадках ярости ломал мебель. Ни в чем не терпел возражений. Однажды, когда один из сыновей улыбнулся в ответ на его замечание, он запустил ему в голову тарелкой. Братья В. также

очень раздражительны,

В. с юности легко возбудим, подозрителен и с момента вступления в брак очень ревнив. После шести лет супружеской жизни возникла сложная ситуация. В. посещал вечернюю школу, готовясь к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Жена к концу занятий часто подходила к зданию школы, чтобы встретить мужа и вместе идти домой, но В. при этом пользовался другим выходом из школы. Жена, воспылав ревностью, подала в 1955 г. заявление о разводе. Накануне бракоразводного процесса супруги помирились, суд был отложен на 5 месяцев. Вскоре после этого жена уехала к родным. Когда она вернулась, разразился скандал, жена сыпнула В. в глаза целый пакетик перца, В. нанес ей сильный удар в переносицу. После этого 9 мая 1955 г. последовал развод. 10 мая В. разгромил спальню жены, после чего явился с повинной в полицию и был арестован. Суд приговорил его к тюремному заключению. За образцовый труд по месту заключения его освободили досрочно (19 декабря 1955 г.). В. предполагал вернуться к бывшей жене, однако она выехала в ФРГ. В. отправился к ней, состоялось примирение, оба вернулись в ГДР. В ноябре 1956 г. В. вступил в связь с другой женщиной, но через три недели порвал с ней. Немедленно после этого он отправился к бывшей жене и умолял ее вернуться к нему. Жена наотрез отказалась. Он стал ежедневно подстерегать ее у детского сада, в котором она работала. В канун рождества он с улицы разбил стекла в окне спальни. На следующий день снова тщетно валялся у нее в ногах, заклиная вернуться. 4 января 1957 г. опять разбил окна на кухне. 5 января 1957 г. В. тайком пробрался в подвал дома жены, и когда она возвращалась с работы, жестоко избил ее. Наконец, 7 января жена В., заметив, что он снова поджидает ее возле детсада, обратилась в полицию и В. был задержан.

По словам жены, В. абсолютно нетерпим к самому пустячному возражению. Сексуально он легко возбудим и очень груб. Уже через 3 недели по возвращении из ФРГ начались отчаянные скандалы, хотя бывшие супруги жили еще порознь. Она постоянно наблюдала, как В. с 8 ч утра и до окончания рабочего дня околачивался у детского сада. Иногда ей удавалось, улизнув от него, вскочить в трамвай, тогда В. некоторое время бежал рядом с трамваем, угрожая ей и выкрикивая похабные ругательства.

В клинике В. заявил, что жену свою он обожает, безумно ревнует и что он, как и все родственники по отцовской линии, страшно раздражителен, вспыльчив и обидчив. Он не хотел жить на свободе без жены, уж лучше отсиживать в тюрьме, все равно любимая женщина от него отвернулась. Мимолетную связь с другой женщиной он считает неизгладимой своей виной перед женой, ведь теперь она навеки отвернется от него. Но в то же время это бесит его до такой степени, что он готов убить жену: «Когда я дохожу до бешенства, мне все безразлично».

В. можно расценить как застревающую личность. Этот тип акцентуации всегда склонен к подозрительности и ревности. Описанная ситуация послужила для В. толчком к параноическому развитию, которое в силу неровного поведения жены породило «полную любви ненависть», столь характерную для подобных случаев. Частично так и следует объяснить его акты насилия. Преднамеренные насильственные действия перемежались у

него с совершенно бесконтрольными взрывами аффекта.

Здесь, очевидно, паранойяльные черты личности послужили толчком к насилию, а эпилептоидный характер породил ход действий, т. е. поступки. Свою зависимость от влечений В. проявил и в том, что, несмотря на сильную привязанность к жене, вступил во временную связь со случайной женщиной. Его разумная манера поведения во время бесед в клинике очень ясно показывает, до какой степени аффекты человека, особенно при сочетании паранойяльной и эпилептоидной акцентуации, властны вести его совсем не по тому пути, по которому он сам намерен идти. Очевидно, приступы безудержного возбуждения В. унаследовал от своего отца.

Неблагоприятные состояния напряжения при аффектах, возникающие при сочетании застревающих и возбудимых черт характера, проявляются уже в детстве. Очень явственно это следует из примера, который приводим ниже. Речь идет о мальчике, описанном Бергман в нашем коллективном труде.

Вольфганга Д., 8 лет, родители привели в нашу поликлинику по поводу бешеных вспышек ярости, наступающих, когда ему в чем-либо перечат.

Школьные учителя жалуются на упрямство, агрессивные поступки. Все плохие оценки он считает несправедливыми; получая их, швыряет книги и тетради на пол, топчет их ногами, потрясая при этом кулаками. Он уже не раз срывал ярость на соучениках, а однажды пригрозил учительнице: «Если я получу плохую оценку, то Виктору В. не сдобровать». Учительница не в силах справиться с этим ребенком. Он сопротивляется требованиям других учителей, бросается на пол, царапается, кусается, воет.

В октябре 1962 г. в связи с состоянием возбуждения, длящимся несколько дней, и невозможностью содержания Вольфганга в домашних условиях мальчик был госпитализирован в нашу клинику. Во время стационарного лечения были собраны дополнительные сведения: в школе мальчик в самом начале прохождения темы понятлив и способен успешно работать, но вскоре появляются припадки ярости, подрывающие дисциплину всего класса. Вольфганг «подкалывает» соучеников перьями, карандашами, а если отнять у него эти предметы,— попросту бьет их по голове башмаком.

Мать и отец реагировали на выходки мальчика бурно, нередко били его. Защищаясь, Вольфганг всегда настаивал на своем. Однажды он схватил отца за горло и стал душить его.

В клинике мальчик держался вначале напряженно, был враждебно настроен. Постоянно жаловался на свою школу, особенно на одну учительницу. Детей младше себя старался подчинить своему влиянию. С другой стороны, он радовался всякому поощрению.

По возвращении в школу Вольфганг некоторое время вел себя нормально и неплохо учился. Но такие периоды всегда были недолгими. Вскоре он вновь терял самообладание, начинал кричать, избивать товарищей. После лечения в клинике возбудимость обычно снижалась, но достигнуть постоянной уравновешенности нам так и не удалось.

Поскольку родители Вольфганга натуры бурные, воспитание его, несомненно, проводилось без особой последовательности. Но все же тяжелые взрывы аффекта у ребенка не могут быть отнесены лишь за счет воспитания. Наивысшей ступени они достигали в школе, и давали себя почувствовать даже в нашем детском отделении.

Самый пустяковый повод приводил мальчика в ярость, внезапность и безрассудство которой указывают на черты эпилептоидного характера. Но аффект его был не только импульсивным, но и очень длительным, в чем сказывается паранойяльная стойкость. Эта черта проявлялась во враждебности к учителям, отрицательное отношение которых мальчик считал несправедливым. Во время лечения нам удалось активизировать позитивный компонент его паранойяльного характера, мы постарались стимулировать его честолюбие, но все же вспышки возникали снова, полностью подавить их так и не удалось. На паранойяльмое начало в личности этого ребенка было легче воздействовать, чем на эпилептоидное. Честолюбивые моменты на общем фоне застревания были заметны еще в школе, где мальчик, несмотря на отвратительное поведение, все же неплохо учился, в отличие от возбудимых детей, которые, как правило, не только недисциплинированны в школе, но и запускают учебу.

Эпилептоидная взрывчатость может оказаться особенно опасной в тех случаях, когда она сочетается с истерической склонностью к реакциям типа короткого замыкания. Аффективные проявления в этих случаях непосредственно переходят в действия.

Среди личностей с таким сочетанием черт характера мне пришлось наблюдать несколько случаев насилия. Один такой мужчина стал убийцей своего новорожденного ребенка.

Эрнст LLL, 1937 г. рожд., вместе с женой ожидал рождения второго ребенка, который был для него нежелательным. Он считал это несвоевременным: вначале надо купить домик и построить гараж. Сначала он пытался уговорить жену сделать аборт, но она не пошла на это. После появления новорожденного на свет Ш. завернул его в купальный халат и отнес на чердак. Младенец задохнулся, Ш. завернул его в оберточную бумагу, вынес на улицу и положил в сугроб.

Ш. считается хорошим работником, все время работает на одном месте (он специалист по изготовлению автомобильных кузовов). До совершения преступления у него не было судимостей. По свидетельству родных, Ш. обладает весьма бурным темпераментом. Впадая в гнев, может поднять руку на обидчика. Пищу, которая ему не нравится, может швырнуть о стену. На работе его невыдержанность была известна, но агрессивность он здесь никогда не проявлял. Как умелый мастер Ш. зарабатывал больше товарищей. Возможно, данное место работы привлекло его именно хорошим заработком. Деньги на автомобиль он заработал собственным трудом. По словам сотрудников, Ш. охотно разыгрывал из себя клоуна, любил «ломаться».

При обследовании интеллектуальное развитие Ш. оказалось в норме, но он был чрезвычайным тугодумом: говорил медленно, с частыми паузами,

переспрашивал. В движениях также тяжеловесен, малоподвижен. При исследовании интеллектуального уровня в пробе на продуктивность он назвал всего 38 слов. При обсуждении его уголовного преступления бросалась в глаза не столько описанная тяжеловесность (она не препятствовала взаимопониманию), как тенденция проходить мимо ряда вопросов. Кроме того, он вновь и вновь старался так или иначе смягчить перед нами свою вину, но тут же добавлял, что вины как таковой это с него не снимает. На конкретно поставленные вопросы Ш. отвечал заведомой ложью.

Из его рассказа явствовало, что он до самого рождения ребенка надеялся, что жена сделает аборт. Когда начались роды, позвать акушерку он якобы не успел. По другой версии, Ш. подумал, что у жены выкидыш. Его тетка, к которой он в 4 ч ночи привел трехлетнюю дочку, не имела ни о чем понятия. Любопытно, что при подобных описаниях он, несмотря на свою тяжеловесность, становился весьма словоохотливым и как бы «вживался» в эти полупридуманные истории. Когда мы обращали внимание Ш. на грубое искажение фактов в его рассказе, на ряд несовпадений с действительным положением вещей, он смущался лишь на несколько мгновений, а затем опять продолжал свое. При этом он в патетической форме высказывал искреннее удивление по поводу того, что ему не верят.

Поведение Ш. стало совсем иным, когда я спросил о его увлечениях. Да, он держал и почтовых голубей, и кроликов. Большую роль в его жизни играл автомобиль. Он почти нигде не бывал, так как в семье чувствовал себя лучше всего. К жене он искренне привязан, когда же мы заговорили о трехлетней дочурке, на глазах у него появились слезы.

Тяжеловесность и медлительность в сочетании с раздражительностью указывают на возбудимость личности. Этому акцентуированному характеру обследуемого соответствовало плотное коренастое телосложение и грубоватое лицо. Упорная ложь, попытки смягчить свою вину объяснялись, очевидно, не только весьма понятным человеческим желанием как-то оправдать себя, хотя он и не отрицал совершенного им преступления. Однако естественность, с которой он лгал, самоуверенность, которой никакие опровержения не могли поколебать, неспособность признать себя убийцей — все это свидетельствует о том, что Ш. не осознавал до конца своей лжи, что он сам в какой-то мере верил в свою невиновность. В этом мы усматриваем черты демонстративного характера, что подтверждается и патетичностью, и клоунскими выходками его на работе.

Оба эти типа акцентуации соединились, когда он совершил свое страшное преступление. Ш. не хотел ребенка. Гнев по поводу того, что жена не избавилась от беременности, подспудно возрастал. Но все же, несмотря на эпилептоидные черты характера Ш., дело, вероятно, не дошло бы до умерщвления ребенка, если бы истерическая вспышка не отбросила в сторону голос совести и благоразумия.

При сочетании застревающих и педантических черт в социальном плане возможны весьма положительные результаты. Иногда у таких личностей наблюдаются высокие достижения. Эгоистическая тенденция застревания смягчается альтруистическими качествами педантической личности.

Тщеславию хотелось бы убрать с дороги тех, кто мешает, сверхчувствительность заставляет сваливать все на окружающих, однако совестливость вынуждает своевременно подумать о возможности собственной вины. В результате бесцеремонный, ни с чем не считающийся карьеризм подавляется разумной целенаправленностью поступков.

В свою очередь, отрицательные черты педантичности также смягчаются, когда к ним присоединяется другой компонент. Непродуктивные колебания перед принятием каждого решения становятся минимальными в тех случаях, когда честолюбие решительно требует новых достижений. Многие превосходные специалисты в своей области, обладающие одновременно отличной социальной приспособляемостью к окружению, являются акцентуированными личностями, у которых сочетаются черты застревания и педантичности. Продвигаясь по намеченному пути, они стараются не ущемлять интересов других. Работа должна быть на высоте — вот их принцип. Этого требует и целеустремленность застревающей личности, но еще больше — солидность и добросовестность педантичной. Параноическое развитие застревающей личности, вызывающее враждебное отношение к окружающим, также тормозится сдерживающими ананкастическими чертами характера.

Но существует и такое развитие, при котором сочетание обеих черт приобретает отрицательное значение,— это невротическое состояние, в основе которого лежит страх. Как известно, и ананкасты, и в меньшей степени паранойяльные личности склонны к ипохондрическому развитию. Именно поэтому многие ипохондрики обладают одновременно чертами застревания и педантичности. При сочетании этих черт характера возможен отрицательный результат, однако не в плане асоциального поведения. При этом наблюдаются лишь постоянные недомогания и понижение трудоспособности акцентуированной личности. При невротическом развитии такой личности объединяются тенденция ананкастов к «раскачиванию» аффекта и паранойяльная тенденция к его кумуляции.

Привожу историю болезни обследуемого, который был весьма добросовестным и преуспевающим специалистом, но отличался невротическим складом психики. Он был уже описан в нашем коллективном труде Бергман.

Альбин Д., 1918 г. рожд., уже в школе отличался самолюбием и старательностью. По окончании школы сначала работал помощником продавца, постепенно поднялся до должности заместителя директора крупного торгового предприятия. Затем заочно закончил педагогический институт, стал работать учителем. Вскоре стал директором большой школы (1900 детей) и, наконец, начальником областного отдела народного образования. Кроме того, Д. имел много общественных нагрузок, сильно переутомился. Самого себя Д. характеризует как человека чувствительного и легковозбудимого, не выносящего ни малейшей несправедливости. Всюду с жаром он отстаивает свои принципы, но еще чаще защищает интересы окружающих, зачастую приобретая себе врагов. Д.— исключительно добросовестный и исполнительный человек, обладает высоким сознанием долга. При выполнении любой работы он не отступает от намеченной системы и работу непременно доводит до конца. Д. склонен

к самоконтролю. Неоднократно проверяет свои записи к докладам, с которыми выступает, «для гарантии» готов проверить лишний раз, выключен ли свет, газ и т. д.

Когда Д. было 10 лет, он испытал тяжелый стресс: его товарищ, разгоряченный игрой в футбол, с жадностью выпил кружку холодной воды и тут же упал мертвым. С той поры Д. не пьет холодной воды, не пил ее даже в армии, когда на больших маршах сильно страдал от жажды. После этого случая Д. никогда не присутствует на похоронах, не бывает на кладбищах. При разговорах о смерти его охватывает страх. Когда он работал санитаром, просил товарищей избавить его от переноски трупов, не решался входить в инфекционное отделение больницы. Впрочем, на собственные болезни он раньше никогда не жаловался.

С 1960 г. Д. страдает тромбозом вен обеих ног. Последнее резкое ухудшение наступило в 1962 г. Теперь его часто стал «прошибать пот», отмечались ознобы, сердечные приступы. Хотя тяжелые явления закупорки вен были устранены, Д. не решался выходить на улицу, считая, что у него тяжкий сердечный недуг. В результате — потеря работоспособности. С диагнозом «тяжелый ипохондрический невроз» поступил в нашу клинику.

К нашим методам лечения пациент в начале относился скептически. Позже нам удалось найти правильный подход. При выписке у Д. не было никаких жалоб. В хорошем состоянии он снова приступил к своей ответственной работе.

Д. достиг в жизни многого. Его честолюбие, сопровождающееся сильной впечатлительностью, позволяет сделать заключение о том, что перед нами застревающая акцентуированная личность. Однако движущей силой его поступков было не только честолюбие: педантичность «заботилась» о том, чтобы Д. не стал дерзко-самонадеянным, умел всегда сохранять деловые и добрые отношения как с подчиненными, так и со всеми окружающими, В развитии невротического состояния, выбившего его из колеи, участвовали оба компонента его личности. Толчком к развитию послужил страх, внушенный заболеванием.

Особый интерес представляет сочетание черт возбудимой (эпилептоидной) и педантической личности, ибо эти черты в какой-то мере противоречат друг другу. Можно было бы предположить, что здесь должно быть выравнивание, подобное тому, которое наблюдается при совмещении педантических и демонстративных черт характера. Следует, однако, подчеркнуть, что в последнем случае речь шла о противопоставлении в одной и той же психической сфере. Что же касается черт характера возбудимых и педантических личностей, то их следует, напротив, отнести к различным функциональным сферам. Решение вопроса о том, способен ли человек на быстрые или лишь на медленные психические реакции, относится к гораздо более высокой психической сфере, чем вопроса, поддается ли данное лицо своим влечениям или нет. Однако известная осторожность акцентуированной личности в принятии решения может сказаться и в торможении тех действий, на которые толкает влечение; человек с таким сочетанием акцентуаций отличается большим самообладанием, самоконтролем. Наблюдения, сделанные в нашем

психотерапевтическом отделении, подтверждают такое предположение.

В других случаях черты того и другого характера сосуществуют, не взаимодействуя. В результате в некоторых случаях черты одного характера активизируются, а другого — вообще ничем себя не проявляют. Особенно часто этот разобщенный тип реакции встречается у подростков, т. е. тогда, когда ананкастическая скрупулезность не успела еще распространить свое действие на сферу инстинктов.

Фолькмар Э., 1945 г. рожд., по профессии механик. По словам родных, он не унаследовал добросовестности своего отца. Отец был человеком сверхаккуратным, «не успокоится, пока не наладит все как по струнке». Э. в школе выделялся ленью, уроков почти совсем не готовил. Часто не ночевал дома, иногда его разыскивали. Наказания не помогали. Э. был неаккуратен и с личными вещами. В других отношениях проскальзывала, однако, педантичность: Э. следил за тщательной уборкой своей комнаты, перепроверял, хорошо ли запер, уходя, дверь квартиры. «Не могу иначе — меня совесть замучит!» — так он объяснял эту привычку. Со сверстниками Э. постоянно задирался, при этом часто приходил в ярость, дрожал всем телом, наносил удары противнику. В таких случаях Э. мог, потеряв самообладание, поступать совершенно безрассудно: он нападал, например, на ребят старше и сильнее себя, в драке с которыми его поражение было неизбежно. Поэтому его самого нередко избивали.

Когда Э. исполнилось 13 лет, у него появились навязчивые идеи. Так, например, если приближался трамвай или поезд, Э. ставил перед собой задание — успеть перебежать через рельсы, или же ему казалось, что спастись от какой-то якобы грозящей ему опасности он может, только прочитав какое-нибудь объявление, висящее поблизости. Стоя на башне, на большой высоте, Э. представлял себе, как спрыгнув, собьет кого-то внизу. Иногда он вдруг ощущал неодолимое желание дать пощечину постороннему человеку. А то Э. так и подмывало вскочить на радиатор мчащейся навстречу машины, или ему казалось, что он должен «добежать до фонаря, прежде чем машина со мной поравняется, лишь тогда все будет хорошо» и т. д.

С 15 лет Э. начал красть. В школе он нередко присваивал всевозможные мелочи, которые могли пригодиться «в работе» (он любил мастерить). Однажды вломился с товарищем в квартиру знакомых, унес радиоприемник. В последующие годы количество краж все возрастало, но в 18 лет он вдруг прекратил воровство. В 20 лет Э. стал социально уравновешенным человеком. Работал на производстве механиком, вполне добросовестно, хотя по-прежнему отличался возбудимостью. При обследовании Э. подтвердил, что он и сейчас с трудом сдерживается, если что-нибудь выведет его из себя. Но все же эксцессов больше не было. Не замечал уже и навязчивых идей. Вместо этого у него развились черты педантической личности: постоянно — и дома, и на производстве — он теперь проверяет, хорошо ли выполнил то или иное дело.

Будучи подростком, Э., отнесенный нами к ананкастам, начал красть. В этом заключается необычность данного случая, поскольку известно, что непорядочные поступки несовместимы с добросовестностью педантической

личности. Однако импульсивные реакции Э., возникающие на почве внешних соблазнов и раздражителей, соответствуют поведению эпилептоидной личности. Эти реакции могут быть отнесены ко второму «набору» черт характера Э. как возбудимой личности. Итак, обе тенденции «уживаются» в личности юноши независимо друг от друга: если Э. сталкивается с чем-то, что его влечет, он — как личность возбудимая, не способная владеть собой,— безудержно поддается соблазну, если же в аффективном плане он находится в состоянии покоя, им завладевают черты навязчивости, свойственные ананкастам. И лишь по мере созревания личности у таких людей наступает сбалансированность психики.

Правда, с возрастом Э., все еще легковозбудимый, научился вполне владеть собой. С другой стороны, его педантичность уже не ведет к навязчивым представлениям, ее проявления ограничиваются многократным самоконтролем на работе и в быту. В конечном счете Э. стал весьма похожим на своего сверхаккуратного отца, что вначале казалось маловероятным. Проявление ананкастических черт личности Э. в годы отрочества в виде типичных навязчивых представлений можно объяснить тем, что в этом периоде происходит перестройка личности, переход от экстравертированности к интровертированности. Навязчивые представления в период отрочества, как известно, не столь уж редки.

Иногда и у взрослых черты, свойственные возбудимому и педантичному характеру, существуют параллельно, абсолютно не взаимодействуя.

Франц Ф., 1942 г. рожд., по профессии рабочий химической промышленности. Его отец — человек весьма педантичный, но в молодости много пил. Отец в свое время нещадно бил детей и сейчас способен на весьма импульсивные реакции, в припадке ярости орет.

Ф. в школе учился хорошо, но учеба ему давалась нелегко. Окончил 8 классов. В возрасте 10 лет в порыве гнева как-то бежал из дому, но вскоре вернулся. Когда Ф. учился на мастера, он нередко убегал с работы, причем по пустяковым поводам. Однако типичные припадки ярости наблюдались редко: в состоянии раздражения им не только овладевал гнев, но он чувствовал и сильную угнетенность. В это время он предпочитал бегство от людей. В двадцатилетнем возрасте Ф. сохранил привычку попросту уходить или уезжать, если что-либо его «доводило». Однажды он отсутствовал дома несколько дней, его родители, вместе с которыми он жил, очень беспокоились. Оказалось, что он ночевал в каком-то кемпинге.

Когда Ф. не находится в состоянии возбуждения, его считают хорошим работником. На производстве он бывает даже чересчур добросовестен. Отцу порой приходится даже убеждать его, что и в старании не нужно «перегибать палку». Излюбленное занятие Ф.— контролировать, все ли в доме в порядке, хорошо ли заперта дверь, выключен ли газ. В обществе он часто бывает заторможен, всегда боится, что скажет что-нибудь невпопад.

В 18 лет Ф. начал пить, а в 25 лет поступил к нам в клинику для прохождения курса противоалкогольного лечения (у него это был уже третий курс). Каждый раз он приступал к лечению с самыми благими намерениями. Ф. отлично отдавал себе отчет в том, как ему вреден

алкоголь, но после краткого периода воздержания снова начинал пить, мотивируя это тем, что часто впадает в пессимистическое настроение, радости никакой ни в чем не видит и тянется к водке, не думая о последствиях.

После последнего курса лечения Ф. долго оставался под амбулаторным наблюдением. Согласно имеющимся у нас сведениям, рецидив у него не наступил.

Среди алкоголиков ананкасты вообще не встречаются. Ананкасты настолько серьезно относятся к себе и своим обязанностям, что расценивают алкоголь как непосредственную угрозу делу и личному благополучию. Поэтому они отвергают спиртное даже в умеренных количествах, не говоря уже об излишествах.

Если Ф., несмотря на черты педантичности в характере, все же стал хроническим алкоголиком, то это, несомненно, связано со вторым компонентом его личности. С малых лет Ф. был склонен к импульсивным поступкам (побеги из дому), кроме того, был всегда чрезвычайно раздражителен. Как личность возбудимая Ф., конечно, легко мог стать хроническим алкоголиком, но ананкастические черты характера должны были защитить его от данной опасности, потому что такие понятия, как ананкаст и алкоголик, несовместимы даже в тех случаях, когда ананкастические черты комбинируются с другими чертами характера. Возможно, именно поэтому Ф. не выработал в себе нужной самодисциплины (или лишь с годами обрел ее) и наряду с раздражительностью был склонен к депрессивным состояниям. Подавленность еще в большей степени, чем раздражение, требует «поддержки» алкоголем, ведь раздражение может найти разрядку и в другом. Депрессивные черты примешивались к дурному настроению Ф. уже в детстве: вместо того чтобы «перебеситься», он уходит из дому, ищет возможности скрыться. С этой чертой мы нередко встречались у больных эпилептоидной психопатией, у которых реакции на неприятные события могут вылиться как в пароксизмы ярости, так и в глубокую депрессию. Пожалуй, в этом и следует искать объяснение того, почему у данного больного (даже тогда, когда отрочество давно миновало) обе черты характера не вступили во взаимодействие — Ф. всегда реагировал то как чисто возбудимая, то как чисто педантическая личность.

Акцентуированные черты темперамента. Гипертимические личности.

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ЧЕРТЫ ТЕМПЕРАМЕНТА

ГИПЕРТИМИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Гипертимический темперамент, резкая степень проявления которого носит название гипоманиакального состояния, хорошо известен в психиатрии. Как и при маниях, правда, в несколько смягченной форме, приподнятое настроение сочетается при этом с жаждой деятельности, повышенной словоохотливостью и с тенденцией постоянно отклоняться от темы разговора, что иногда приводит к

скачке мыслей. Гипертимическая акцентуация личности не всегда чревата отрицательными последствиями, она может благотворно влиять на весь уклад жизни человека.

Гипертимические натуры всегда смотрят на жизнь оптимистически, без особого труда преодолевают грусть, вообще им нетрудно живется на свете. Благодаря усиленной жажде деятельности, они достигают производственных и творческих успехов. Жажда деятельности стимулирует у них инициативу, постоянно толкает на поиск нового. Отклонение от главной мысли порождает множество неожиданных ассоциаций, идей, что также благоприятствует активному творческому мышлению. В обществе Гипертимические личности являются блестящими собеседниками, постоянно находятся в центре внимания, всех развлекают. Они способны говорить и рассказывать без конца, только бы их слушали. Такие люди не могут наскучить, с ними интересно, они пересыпают свою речь прибаутками, остротами и никогда долго не задерживаются на одной теме.

Однако если данный темперамент выражен слишком ярко, положительный прогноз снимается. Безоблачная веселость, чрезмерная живость таят в себе опасность, ибо такие люди шутя проходят мимо событий, к которым следовало бы отнестись серьезно. У них постоянно наблюдаются нарушения этических норм, поскольку они в определенные моменты как бы утрачивают и чувство долга, и способность к раскаянию. Ярко выраженный гипоманиак легкомысленно ставит на карту свой авторитет, нередко рискует потерять имущество, пускаясь в сомнительные предприятия. Чрезмерная жажда деятельности превращается в бесплодное разбрасывание, человек за многое берется и ничего не доводит до конца. Богатство идей в подобных случаях превращается в пустое прожектерство.

Чрезмерная веселость может переходить в раздражительность. Если такие переходы резко выражены и наблюдаются часто, это наводит на мысль о паранойяльном компоненте, о чем речь будет ниже.

Доля психической вовлеченности гипертимического темперамента в область мыслей, чувств и волевых проявлений не всегда одинакова. Иногда в человеке прежде всего бросается в глаза беспечная веселость, иногда она отступает перед безудержной разговорчивостью, в некоторых случаях мышление, ни на чем не задерживаясь, перескакивает с одной идеи на другую. Однако всегда в большей или меньшей степени наблюдаются все три признака одновременно, представляя единство, подобно тому как это бывает при мании. Иногда удается прямо доказать, что гипертимический темперамент представляет собой не что иное, как некое «разбавление» мании. Иногда выраженная мания может обнаружиться либо у самого обследуемого, либо у одного из его родственников.

В целом гипертимический темперамент отнюдь не обязательно связан с манией. При сравнительно легких проявлениях он представляет собой нормальный вариант акцентуации человеческой личности.

Приведу описание двух обследуемых, сделанное Унгер в нашем коллективном труде. У первой обследуемой повышенная активность, обусловленная гипертимическим темпераментом, сказалась на течении ее жизни

положительно.

Элизабет Н., 1911 г. рожд. Отец весьма контактен, популярен в обществе. Он занимал высокий служебный пост, обладал прекрасным голосом, часто пел. Не терпел несправедливого отношения к людям.

Мать из семьи сектантов, очень религиозна. После смерти мужа отказалась от брака с любимым человеком, так как он был другого вероисповедания. Отличалась, как и муж, юмором, любила петь. Сестра Н. также исключительно живая и энергичная девушка. По словам Н., сестру все «безумно» любят и жаждут попасть к ней на вечеринки, где бывает на редкость весело.

О себе Н. говорит, что ее воспитание противоречило ее природному складу. Она была бойкой, жизнерадостной девочкой, но, обучаясь в монастырской школе, стала религиозной фанатичкой, впрочем, еще будучи подростком, Н. интересовалась философией религии. Все годы проучилась добросовестно, окончила школу с отличием, получила диплом учительницы начальной школы. Вскоре поступила на философско-теологический факультет, здесь также была хорошей студенткой. Одновременно успешно работала учительницей, любила детей. Последнее обстоятельство отразилось и на выборе мужа: она вышла замуж за вдовца, жена которого умерла во время родов. Н. твердо решила заменить младенцу мать. Придя к заключению, что муж ее, музыковед,— выдающийся талант, она взялась пропагандировать его музыкальные теории, налаживая повсеместно необходимые контакты. В трех университетах добилась курса лекций для мужа, типичного ученого, не умеющего постоять за себя. Н. совершала бесконечные поездки, во время которых знакомилась с различными музыковедами, объясняя им теории мужа. После войны она вела переговоры с английскими оккупационными войсками, добилась выделения суммы в 4000 марок на расходы по исследовательской работе в области теории музыки. Н. наладила связи с известными музыкальными критиками, организовывая их отзывы на работы мужа, публикации в прессе. Н. добилась даже того, что известный физик Гейзенберг подтвердил правильность математических формул в теоретических работах ее мужа. Сам супруг очень верно охарактеризовал свою жену: «Не могу представить себе ни одного человека, ни одного учреждения, которые не капитулировали бы перед тобой».

Налаживая обширные контакты в области музыки, Н. познакомилась со множеством интересных людей, с некоторыми из них дружба продолжается и по сей день. Дружеские отношения наладились у Н. с одним писателем, для которого беседы с нею были важным стимулом в его творческой работе. Он даже говорил ей: «Мои произведения — твои произведения, ведь импульсы к ним исходят от тебя». Н. говорила нам, что дружба у нее завязывается преимущественно с людьми, которых надо «активизировать», за которых нужно принимать решения; этих людей она заражает оптимизмом и поддерживает в них мужество.

Мы познакомились с Н. через ее пасынка (к которому она относилась как к сыну), поступившего к нам в стационар по поводу шизофрении. В вопросах лечения сына Н. проявляла такую же напористость, как и при пропаганде искусствоведческих теорий мужа. Она изучила большое количество специальных работ по психиатрии, собрала обширную информацию обо всех когда-либо предлагавшихся способах лечения шизофрении и предлагала их

лечащим врачам сына. Н. исходила из того, что еще не все возможности терапии исчерпаны. Скептическое отношение врачей ее не смущало. Всякий новый метод, заявляла она, сначала принимают в штыки, но в конечном итоге кто-то все же дерзает и вводит его. Н. добралась до известного профессора в Будапеште и добилась из первых рук сведений о новейших данных по лечению шизофрении.

Во время наших многочисленных бесед Н. была слишком многословна, охотно переходила на личные темы, не связанные с сыном, говорила обо всем остроумно, с массой иронических замечаний. Если же мы просили ее сосредоточиться на какой-либо одной теме, она говорила кратко и конкретно. Настроение у Н. всегда было приподнятое, она охотно переводила разговор на веселые темы, сама при этом от души хохотала и просила приглашать ее почаще, чтобы выговориться и посмеяться. Рассказы Н. всегда сопровождала оживленной мимикой и жестикуляцией. Свою жизнь Н. стремилась строить по принципу: «Пережить как можно больше — в этом богатство жизни».

Спустя некоторое время сын Н. умер (острый инфаркт миокарда). Смерть сына была для нее большим горем. Несмотря на свой гипертимический темперамент, Н. была глубоко потрясена. Она все допытывалась у нас, не было ли в чем упущения, страдал ли он перед кончиной.

Перед нами женщина, которая уже в детстве проявляла исключительную активность, сделала много добра мужу и друзьям. Благодаря своей неутомимой энергии, она умела стать твердой опорой в жизни слабых людей. Она горячо заботилась и о сыне, до самой его смерти не теряла надежды на излечение его тяжелого недуга. Живость, словоохотливость, жизнерадостный нрав (лишь смерть сына погрузила Н. в состояние глубокого угнетения) также свидетельствуют о том, что личность Элизабет Н.— типично гипертимическая.

Вторая обследуемая обладает теми же особенностями темперамента, что и Н., однако они достигают у нее степени гипоманиакальной психопатии. Отрицательные проявления у нее резко преобладают.

Анна В., 1898 г. рожд. Отец был веселым, жизнерадостным, находчивым человеком, любил выпить, всегда умел быть душой общества. Много работал, постоянно брал разные приработки. Мать в юности любила петь, танцевать, но она не обладала способностью сеять вокруг себя веселье, к тому же была обидчива. Дедушка В. по отцу тоже отличался жизнерадостностью, был заядлым рассказчиком, слыл остряком, пользовался всеобщей любовью в рабочем коллективе. Сестра матери была женщиной веселой, очень смешливой, в общество всегда вносила живую струю.

В. пошла в школу в 8 лет (в связи с рахитом), училась хорошо. После окончания школы работала на кухне одного трактира, помогала жене владельца обслуживать гостей. За любую работу бралась охотно и уверенно, но работа на фабрике (сначала папиросной, затем по изготовлению мешков) у нее не спорилась. В. объясняет это так: «Мне нужна работа самостоятельная, я люблю работать по обслуживанию людей». Пыталась устроиться домработницей, снова работать в трактирах, но все это было не по ней, долго на этих местах она не могла выдержать.

И вот, наконец, В. нашла подходящее поле деятельности. Она приобретает патент на «торговлю разного рода товарами». Этот патент не связывал ее со специализацией товаров, и В. торговала товарами весьма разнообразного ассортимента. Одно время продавала мороженое, пристроившись между торговцами подтяжек и раков. Когда ее коллеги уходили «пропустить рюмочку», она не только следила за их товаром, но и успешно рекламировала его: «Такая уж у меня натура, я — женщина многосторонняя». Торговала редькой «для пьяных и полупьяных». Затем она организовала игру в кости, во время которой бойко торговала угрями: «Чем больше очков — тем толще угорь!» Некоторое время ходила с нагрудным лотком, торговала в ресторане — конфетами, печеньем, конфитюром. Начальник считал ее самой боевой продавщицей.

Торговала она и цветами на танцплощадках. Цена за букетик была стандартная— 2,5 марки: «Все равно выходило по 3 марки — не потребует же приличный мужчина 50 пфеннигов сдачи!» Мужчинам на танцплощадке охотно раздавала советы — с кем из девушек стоит, а с кем не стоит «связываться всерьез». Шутки были ее подлинной стихией, за шутки и веселый нрав она всегда получала много чаевых. Тем не менее В. вела настоящую трудовую жизнь: уже в 4 ч 45 мин она приходила на рынок, чтобы оптом закупить цветы, затем целый день вязала букетики.

Через некоторое время В. стала торговать газетами, сначала в ресторанах («там больше дают чаевых»), затем на центральном вокзале, где ее вскоре все уже хорошо знали: она не могла не привлечь внимания своими остроумными выкриками о новостях дня и находчивыми ответами. Вечером, по окончании рабочего дня, вокруг нее собирались служащие, здесь всегда стоял хохот: остроты текли несмолкаемым потоком. Люди, смеясь, жаловались, что из-за нее «пропускают последний поезд». В. стала своего рода знаменитостью, по радио о ней передали репортаж под названием «Берлинская оригиналка». Она стала лучшей продавщицей газет столицы. К этой профессии она привлекла своего мужа, но отзывалась о нем с пренебрежением: «Он для нашего дела не годился, оборот у него был никудышный!»

Насколько В. была словоохотлива, рассказывая о своих профессиях и заработках, настолько же сдержанно она говорила о своей личной жизни, в которой ей не очень-то везло. Она была замужем три раза. Первый раз вышла замуж в 21 год. Этого мужа называла «молотобойцем», так как он, когда бывал пьян, из ревности, к которой «в общем-то не было оснований», бил ее молотком. За 4 года брака (через 4 года В. развелась) родила четверых детей, но все они, кроме последнего, умирали вскоре после родов в детдомах, куда она вынуждена была их отдавать, ибо «муж хотел делать детей, но не хотел их иметь».

Второго мужа (второй брак в 37 лет) она называла «выпивохой», он также нещадно бил В. и ей часто приходилось среди ночи уходить из дому, спасаясь от него бегством, и слоняться по улицам, «как проститутке какой-нибудь». Через три года она развелась и со вторым мужем: «Я была рада-радешенька, что от него избавилась. Прокормить я и сама себя прокормлю». Третий брак состоялся, когда ей было 57 лет. Муж умер через три месяца. Она его любила и искренне оплакивала.

После потери мужа В. стала глушить тоску алкоголем, в клинику поступила с явлениями пределирия. Когда ее называли «алкоголичкой», она резко возражала. «Я всегда умеренно выпивала, какой же лоточник не пьет хоть немного?» — говорила она. Мы спросили, не думает ли она еще раз вступить в брак. В. ответила, что последнего мужа ей не забыть. Тут же она заметила, что этот вопрос ее мало волнует, так как «найти партнера» для нее не проблема.

Во время частых обследований в клинике В. всегда была в приподнятом настроении, словоохотлива, речь пересыпала остротами. Со своим врачом она здоровалась, как с хорошей знакомой. Если в комнате кроме лечащего врача присутствовал еще кто-нибудь, она немедленно вступала с этим лицом в контакт, шутила, оживленно разговаривала. Беседа врача с ней обычно тянулась очень долго, только первое предложение В. прямо касалось поставленного вопроса, после чего она перескакивала на информацию, имевшую весьма отдаленную связь с затронутой темой.

Мы продолжали наблюдать В. и после выписки из клиники. Пока она не пила, она была вполне активной работницей, хорошо справлявшейся с порученным делом. Мы предложили ей работу уборщицы в клинике. Вскоре ее все здесь знали, так как она с каждым вступала в беседу. Рецидивы наступали постоянно, и тогда В. не выходила на работу, валялась в пьяном виде дома. Мы в этих случаях вновь помещали ее в клинику на излечение, что она всегда считала необоснованным, поскольку алкоголиком себя так никогда и не признала.

Однажды ее нашли дома мертвой. Ей было 68 лет. Накануне она много пила, причиной смерти была острая недостаточность сердца.

В семье В. были гипертимические личности. Сама В. обладала ярко выраженными гипертимическими чертами: была всегда весела, находчива, искусна в обхождении с людьми, но и деловита. Ее постоянные уклонения в сторону от темы заставляют предположить наличие скачки идей. Торможения морального порядка для нее не были характерны, но все же она старалась скрыть свои сексуальные похождения. В. не сумела воспитать своего единственного ребенка (он воспитывался в детдоме), и дело здесь не только и не столько в недостаточном чувстве материнской любви — она в общем с теплотой вспоминала о детях. Вероятнее всего, несерьезное отношение к детям объяснялось общим отсутствием сосредоточенности, полным неумением жить целеустремленно. Еще до того как В. начала пить, она не могла приспособиться к социальным рамкам, к тем требованиям, которые предъявляет жизнь к нормальным людям. В. почти непрерывно меняла род занятий, трудовых достижений у нее фактически нет.

Злоупотреблять спиртным В. начала из-за своей феноменальной беспечности, безответственности. В какой-то мере это было связано и с тем, что обстоятельства жизни В. постоянно толкали ее к рюмке.

Дистимические личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ДИСТИМИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Дистимический темперамент (при более резком проявлении субдепрессивный) представляет собой противоположность гипертимическому. Личности этого типа по натуре серьезны и обычно сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных. События, потрясшие их глубоко, могут довести эту серьезную пессимистическую настроенность до состояния реактивной депрессии, особенно в тех случаях, когда налицо резко выраженные субдепрессивные черты. Стимулирование жизнедеятельности при дистимическом темпераменте ослаблено, мысль работает замедленно. В обществе дистимические люди почти не участвуют в беседе, лишь изредка вставляют замечания после длительных пауз.

Серьезная настроенность выдвигает на передний план тонкие, возвышенные чувства, несовместимые с человеческим эгоизмом. Серьезная настроенность ведет к формированию серьезной этической позиции. Показательно уже то, что в обоих случаях мы пользуемся определением «серьезный». Это указывает на внутреннюю близость между данными проявлениями. Именно в них мы и усматриваем положительную сторону дистимического темперамента. Пассивность в действиях и замедленное мышление, в тех случаях, когда они выходят за пределы нормы, относятся к отрицательным свойствам этого темперамента.

Субдепрессивный темперамент легко поставить в связь с депрессивным психическим заболеванием, но, как и при гипертимии, эта связь отнюдь не обязательна. Этот темперамент очень часто соответствует психической норме.

Привожу одно из описаний из нашего коллективного труда (врач Унгер).

Хорст Х., 1931 г. рожд. Отец — человек спокойный, замкнутый. Мать более живая по натуре, но постоянно болеет. У Х. два брата, оба — натуры более раскованные, чем Х.

Уже ребенком Х. был весьма замкнут. Учение давалось нелегко, но помогала добросовестность, второгодником Х. не был. Близкого товарища у него в школе не было, как, впрочем, и в последующие годы. Соучеников Х. считал хулиганами и возмущался, когда они несерьезно относились к требованиям учителей. Дома любил мастерить, мечтал стать столяром-краснодеревщиком, но по окончании школы получил место ученика токаря. Через год оставил эту работу, после чего до 1949 г. работал разнорабочим. В 1949 г. начал работать в горной промышленности, стал бригадиром. В выходные дни развлечениям, которым предавались его товарищи по работе, предпочитал одинокие длительные прогулки, зимой ходил один на лыжах. Через полтора года его хотели перевести на другую шахту, но он отказался, поскольку за этой шахтой установилась плохая репутация, и пошел работать подсобным рабочим. Двое товарищей уговорили его подать документы в школу полицейского управления.

Х. окончил школу офицеров полиции (правда, на тройки) и стал начальником звена. Работа его ни в коей мере не удовлетворяла, он не любил командовать, не любил преодолевать чье-то сопротивление. «От работы никакой не было радости,— рассказывал он,— да и сама жизнь казалась бессмысленной». По просьбе Х. его перевели в звено, где было меньше людей. Впрочем, мнение на

работе о нем создалось хорошее. Самым большим желанием Х. было перейти на другую работу, но этого не допускала полицейская дисциплина.

Первые интимные отношения с девушкой продолжались 2 года. Оставил он ее по той причине, что она имела обыкновение рассказывать ему о приглашениях других мужчин. «Особенно меня задевало, что ей это так льстит, что она так этим гордится»,— говорил Х.

В 1962 г. женился на ровеснице, но они с женой «не сошлись характерами». Жена вечно тянула его на танцы, на коллективные загородные прогулки, он же предпочитал оставаться дома с детьми. Если жена приглашала гостей, он весь вечер молчал. Любому приему он предпочитал одиночество и книгу. «Но я ее не осуждаю, у нее натура другая». В 1965 г. «по обоюдному согласию» они подали на развод. Жена предложила ему и после развода жить в одной квартире («вместе легче за детьми присмотреть»), Х. согласился. Он объяснил это так: «Надежды все равно не сбылись, уйду я или останусь — это уже, по существу, не меняет дела». Он решил, что съедет с этой квартиры, если жена найдет нового друга жизни.

Рассказ о себе Х. пересыпал такими замечаниями: «Я всегда вижу во всем плохое», «По-настоящему хорошо мне никогда не жилось», «Я ни с кем не могу контактировать, я какой-то неполноценный». Сначала он вообще отказывался о себе рассказывать: «К чему это?»

У этого человека, несомненно, имеются положительные черты. К обязанностям он относится серьезно, где бы ни работал — им всегда были довольны. Он тактичен, справедлив. Но недостаточная активность помешала ему организовать свою жизнь так, чтобы чувствовать удовлетворение. Постоянная пессимистическая установка усугубляет положение, обследуемый пытается «начать что-то другое», включиться в новую профессию, но радости или даже равновесия не находит.

Особенности темперамента удается, как правило, установить уже в детстве. Гипертимический темперамент у детей определить легко, пожалуй, легче, чем у взрослых, так как к естественной детской живости присоединяется живость темперамента. В своем труде «Детские неврозы и детская личность» я описал таких «сверхбойких», «сверхрезвых» детей. Дистимический темперамент у детей также нетрудно распознать. Такие дети выделяются среди других робостью, нерешительностью. Об этом свидетельствует случай, описанный Целлером в нашей книге.

Карл С., 12 лет. Поступил к нам для прохождения курса стационарного лечения. Мать — женщина неуравновешенная, «то плачет, то смеется», иногда бывает строга и выдержанна. Отец — пекарь, по натуре человек живой, работник добросовестный. Мать постоянно помогает в пекарне, отец очень рано ложится спать (в связи с условиями труда), поэтому дети фактически предоставлены самим себе.

Из шести детей Карл самый тихий и медлительный, хотя его вряд ли можно назвать боязливым. Мальчик всегда очень серьезен, никогда не смеется от души. С незнакомыми Карл робок, застенчив, начинает заикаться. Боится ходить за покупками: «там приходится разговаривать с продавцами».

Аккуратен в одежде. Со старшим братом, которого родители любят больше, чем его, часто ссорится, тогда брат с товарищами избивают его.

В школе Карлу приходилось трудно, он даже один раз остался на второй год. Учился он добросовестно, но времени на подготовку уроков уходило вдвое больше, чем у других детей. В классе все над ним подтрунивали, никто никогда не защищал его. Он дружил с учениками младших классов: «они не такие нахальные и не дерутся».

В отделении Карл был робок, заторможен, постоянно подавлен, часто на глаза у него наворачивались слезы. Детской смешливости, жизнерадостности не было и в помине, говорил очень тихо. Он часто обижался на детей, но легко шел на примирение. За всякое проявление внимания был искренне благодарен. Расспросы о старшем брате приводили его в сильное возбуждение. Наш детский коллектив его «не принял». Карл был счастлив, когда нашелся мальчик, который с ним сдружился. Этому мальчику он покорялся во всем, ради него шел даже на проступки, которые сам же осуждал (пропуски уроков в школе при клинике). Возрастные показатели интеллекта, определяемые специальными тестами, в норме.

У Карла проявляется весь комплекс субдепрессивного темперамента. У него нет детской беспечности, веселости, он производит скорее впечатление подавленного ребенка. К этому присоединяются медлительность, неповоротливость. Вероятно, и мышление у него замедленное, о чем свидетельствует неуспеваемость в школе. Несмотря на нормальный интеллект, депрессивность и медлительность реакций была причиной его отставания от сверстников. Поэтому сверстники над Карлом подсмеивались, он же злился и обижался на них.

Аффективно-лабильный темперамент

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

АФФЕКТИВНО-ЛАБИЛЬНЫЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Аффективно-лабильные, или (при ярко выраженных проявлениях) циклотимические, личности — это люди, для которых характерна смена гипертимических и дистимических состояний. На передний план выступает то один, то другой из этих двух полюсов, иногда без всяких видимых внешних мотивов, а иногда в связи с теми или иными конкретными событиями. Любопытно, что радостные события вызывают у таких людей не только радостные эмоции, но также сопровождаются общей картиной гипертимии: жаждой деятельности, повышенной говорливостью, скачкой идей. Печальные события вызывают подавленность, а также замедленность реакций и мышления.

Причиной смены полюсов не всегда являются внешние раздражители, иногда достаточно бывает неуловимого поворота в общем настроении. Если собирается веселое общество, то аффективно-лабильные личности могут оказаться в центре внимания, быть «заводилами», увеселять всех собравшихся. В серьезном, строгом окружении они могут оказаться самыми замкнутыми и молчаливыми. Этот темперамент также имеет параллель среди

психических заболеваний — маниакально-депрессивный психоз, который также проходит как бы между двумя полюсами. Однако этиологическая связь в этом случае не обязательна.

Можно было бы предположить, что лабильность внутреннего состояния связана с наследственным совмещением гипертимического и дистимического темперамента, т. е. одна черта унаследована от отца, другая — от матери. Однако мои наблюдения (1963) показали, что такое совмещение не вызывает аффективной лабильности. Напротив, в подобных случаях возникает взаимокомпенсация, обусловливающая появление синтонного темперамента, для которого характерно постоянно ровное, нейтральное настроение. При этом наблюдается картина, подобная той, которая встречается при сочетании истерических и ананкастических черт характера. Весьма показательно, что сочетание акцентуированных или психопатических личностных черт в том или ином человеке не усиливает акцентуацию или психопатию, напротив, оно ведет к выравниванию характера, т. е. к норме. Это наблюдение представляет интерес в первую очередь для тех, кто склонен усматривать в психопатиях нечто принципиально отрицательное. Между тем две психопатии, сложенные вместе, могут дать в результате норму. Привожу пример аффективно-лабильной личности (ранее эта личность была описана Унгер).

Христина Ш., 1925 г. рожд. Отец, погибший во время войны, был живым, энергичным человеком, страстным филателистом, любителем футбола и душой общества. Мать и сейчас еще трудится на кондитерской фабрике, она человек деятельный, ударница труда, хотя склонна иногда впадать в «черную меланхолию», очень религиозна. У Ш. три сестры, все три — живые, культурные, предприимчивые особы.

Ш. была очень живым ребенком, в школе возглавляла «разудалую компанию»; школу посещала охотно, училась хорошо, но с 5-го класса стала «сдавать». Родители хотели, чтобы Ш. стала учительницей, она же мечтала стать пианисткой (на рояле играет с семилетнего возраста). Когда Ш. было 12 лет, она вместе с сестрой предприняла попытку побега, но их вскоре вернули домой. В назревавшем конфликте с будущей профессией помогла, как это ни странно, война. В военные годы, чтобы обеспечить себе пропитание, сестрам пришлось работать домработницами. Ш. попала в семью музыкального руководителя театра. «Мне очень повезло»,— говорит она. Директор устроил Ш. на работу в театр концертмейстером. Правда, эта деятельность из-за постоянных интриг в театре мало удовлетворяла Ш., но сама по себе работа с музыкой была для нее радостью. По ночам девушка часто не спала: «вгрызалась» мыслями в тяжелую, «душную» атмосферу интриг в театре.

С 1952 г. Ш. работает пианисткой в оркестре танцевального ансамбля, с 1954 г.— пианисткой в оркестре, затем концертмейстером хора. В этот же период оканчивает школу по работе с кадрами. На протяжении всех этих лет Ш. бодра, оптимистична, предприимчива. Изредка бывали моменты разочарования, тоски, но они быстро проходили.

С 1955 г. Ш. начала работать в активе народных заседателей. Постоянный активный контакт с людьми ее сначала радовал, но затем Ш. стали обуревать мысли об «океане горя», которым представлялся ей мир, и эта работа

показалась Ш. невыносимой.

С 1956 г., закончив краткосрочные курсы, работает на производстве статистиком. В период обучения на курсах она выделялась на семинарах способностями и четкими ответами. В 1959 г. перешла на новую работу — плановиком в системе народного питания. Но эта работа у нее не спорилась, она допускала много ошибок. После рабочего дня Ш. часто охватывало отчаяние. Она снова меняет место работы, занимает должность калькулятора, но на работу ходит с отвращением. Вечером начинаются раздумья, самобичевание и страх перед наступающим днем.

Так продолжалось до 1962 г. Ш. все время была склонна к пессимистическому самоанализу, лишь изредка появлялись просветы. Почувствовав полную неспособность работать, Ш. обратилась к нам. В нашем стационаре она сначала была подавлена, всю вину за многочисленные свои срывы брала на себя. Но постепенно к ней стала возвращаться жизнерадостность, бодрость. «У меня бывают гнусные черные полосы»,— говорила она и добавляла, что монотонная работа губит ее. «Но теперь все прошло»,— радовалась Ш. Она собиралась, выписавшись, организовать вокальный ансамбль.

В интимной жизни у Ш., по ее словам, твердые принципы. В 22 года она познакомилась со своим будущим мужем и по сей день является женой этого «замечательного, глубоко порядочного человека». Но счастливый брак омрачает сознание, что муж из-за нее развелся со своей первой женой. Иногда она думает, что все ее неудачи не что иное, как наказание, ниспосланное ей за то, что разбила семью.

Ребенком Ш., несомненно, обладала гипертимическим темпераментом. Во время войны были периоды угнетенности, когда она сторонилась своих сотрудников. После войны начинается ряд беспечных, безоблачных лет. С гипертимической легкостью она преодолевает сложные препятствия и добивается значительных профессиональных успехов. Жизнь в этом периоде лишь изредка омрачается кратковременными периодами угнетенности. В 1955 г. наступает длительный период подавленности с депрессивными мыслями. В 1956—1958 гг. появляется просвет, а с 1959 по 1962 год Ш. вновь погружается в глубокую депрессию. Работать в это время не может совсем.

В клинике мы довольно детально ознакомились с обеими сторонами ее темперамента: и с дистимической, и с гипертимической. В разговоре на серьезные, тяжелые темы Ш. склонна была подходить к своей жизни критически и винить за все провалы и срывы только себя. На темы радостные она реагировала с живостью, становилась разговорчивой и весьма веселой. Вероятно, ее поведение и в прежние годы колебалось от одного полюса к другому гораздо чаще, чем об этом можно судить по ее рассказам. Такое предположение подтверждается наблюдениями в клинике: здесь мы за сравнительно короткое время оказались свидетелями весьма частой смены ее «циклов».

Аффективно-экзальтированный темперамент

АФФЕКТИВНО-ЭКЗАЛЬТИРОВАННЫЙ ТЕМПЕРАМЕНТ

Аффективно-экзальтированный темперамент, когда он по степени выраженности приближается к психопатии, можно было бы назвать темпераментом тревоги и счастья. Это название подчеркивает его близкую связь с психозом тревоги и счастья, который сопровождается резкими колебаниями настроения. Описываемый темперамент может действительно оказаться ослабленной формой этого заболевания, но такая взаимосвязь не обязательна. В случаях, когда наблюдается чистая аффективная экзальтация, тем более не может быть и речи о патологии.

Аффективно-экзальтированные люди реагируют на жизнь более бурно, чем остальные. Темп нарастания реакций, их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Аффективно-экзальтированные личности одинаково легко приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние от печальных. От «страстного ликования до смертельной тоски», говоря словами поэта, у них один шаг. Экзальтация в незначительной мере связана с грубыми, эгоистическими стимулами, гораздо чаще она мотивируется тонкими, альтруистическими побуждениями. Привязанность к близким, друзьям, радость за них, за их удачи могут быть чрезвычайно сильными. Наблюдаются восторженные порывы, не связанные с сугубо личными отношениями. Любовь к музыке, искусству, природе, увлечение спортом, переживания религиозного порядка, поиски мировоззрения — все это способно захватить экзальтированного человека до глубины души.

Другой полюс его реакций — крайняя впечатлительность по поводу печальных фактов. Жалость, сострадание к несчастным людям, к больным животным способна довести такого человека до отчаяния. По поводу легко поправимой неудачи, легкого разочарования, которое другим назавтра уже было бы забыто, экзальтированный человек может испытывать искреннее и глубокое горе. Какую-нибудь рядовую неприятность друга он ощущает болезненнее, чем сам пострадавший. Страх у людей с таким темпераментом обладает, по-видимому, свойством резкого нарастания, поскольку уже при незначительном страхе, охватывающем экзальтированную натуру, заметны физиологические проявления (дрожь, холодный пот), а отсюда и усиление психических реакций.

Тот факт, что экзальтированность связана с тонкими и очень человечными эмоциями, объясняет, почему этим темпераментом особенно часто обладают артистические натуры — художники, поэты. Артистическая одаренность представляет собой нечто в корне иное, чем научные способности в определенной области, например в математике. В чем заключается причина данного явления?

Во-первых, я полагаю, что сама по себе одаренность еще не обеспечивает возможности создания произведения искусства. Такое произведение рождается лишь тогда, когда творец способен к высокому накалу эмоциональных переживаний. Если человек обладает глубоким умом и практическим здравым смыслом, то ничто не помешает ему развивать свои математические, технические или организационные способности. Но при подобной разумной практической установке данное лицо не пишет стихов и не сочиняет музыку, хотя его природных данных хватило бы на это.

Во-вторых, эмоции сами по себе позволяют создавать верное суждение о возникающем произведении, давать ему верную оценку. Уровень науки измеряется ее прикладным значением, ценность же художественного произведения познается лишь по эмоциональному воздействию. Из этого следует, что неотъемлемым свойством поэта или художника прежде всего должна быть эмоциональная возбудимость. Вторым стимулирующим моментом для артистической натуры может быть наличие демонстративных черт характера. Наконец, с третьим моментом мы столкнемся, рассматривая интровертированность.

Конфликты артистических натур с жизнью часто происходят из-за слишком большой чувствительности, «проза» жизни, ее подчас грубые требования им не по плечу.

Например, избыток чувств у Гельдерлина стимулировал его поэтическое творчество, но одновременно не давал приспособиться к повседневным жизненным требованиям. Возможно, его постоянная эмотивная возбудимость носила болезненный характер, так как во второй половине жизни у него развилось тяжелое психическое заболевание (моя работа на данную тему издана в 1964 г.).

Гельдерлин всю жизнь больше страдал, чем испытывал порывы восторженной радости, но это было связано с большими жизненными трудностями, которые ему пришлось испытать из-за чрезмерной чувствительности. К началу душевного заболевания эта исключительная эмотивная возбудимость еще возросла. В письме к В. Ланге он пишет: «Поверь мне, дорогой! Я боролся до смертельного изнеможения, чтобы сохранить высшую жизнь, в вере и в созерцании, о, да! Я боролся, страдая невыразимо, и полагаю, что мучения мои превышают все, когда-либо испытанное человеком». В подобных жизненных гиперболах мы не только узнаем Гельдерлина, но одновременно получаем представление о силе импульсов, которыми возбудимость питала его поэтическое вдохновение.

Выдающийся немецкий лирик приведен мною как пример.

Подобным же образом, хотя, возможно, и не в такой степени, эмотивная возбудимость является базой создания художественных произведений у многих артистических натур. Добавим к этому закономерное стремление художника отразить в своем творчестве то, что его так сильно и глубоко захватывает.

Негативный полюс аффективно-экзальтированного темперамента можно наблюдать на следующем примере.

Клаус Э., 1928 г. рожд. Мать — экзальтированная женщина, для которой характерно, с одной стороны, чувство восторженности, с другой — подверженность печальным переживаниям. В детстве Э. боялся темноты. В темноте ему постоянно казалось, что кто-то стоит за спиной,— он оглядывался и быстро убегал, сердце его бешено колотилось. Это был молчаливый, замкнутый человек, не любивший выступать публично: при этом он терял голос и сильно потел. Э. не выносил, когда при нем били животных, испытывал при этом «щемящую тоску», но, так как его «душило волнение», не

мог произнести ни звука в защиту бедного четвероногого. Его захватывают различные торжественные мероприятия: «Когда исполняются торжественные гимны, я прямо боюсь заплакать, все от растроганности…» Нечто подобное Э. испытывает и во время посещений театра. Однако сам играть он не может и никогда не мог, у него начинается «сценическая лихорадка» и точно «ком в горле стоит». Он очень любит музыку, нежную, лирическую, подобную «Грезам» Шумана, но и хор из «Летучего голландца» ему нравится. В 25 лет он поступил в вуз, с увлечением занимался 2 года, после чего наступил срыв. Э. заболел. Мать послала ему значительную сумму на покупку продуктов, но он, поддавшись на уговоры товарищей, растратил все эти деньги на спиртное и устроил пирушку. «Бог мой, да я ведь из самых дружеских чувств, надо же помогать друг другу!» Этот случай послужил началом. Теперь после всяких мелких неудач, часто вызывающих у Э. сильное угнетение, он все чаще выпивает. По этому поводу к нам и обратилась его мать.

Можно сказать, что в характере данного обследуемого преобладает «готовность к отчаянию». Уже ребенком он часто находился во власти грустных и тревожных переживаний. Позже он все чаще стал приходить в отчаяние, когда не мог чего-нибудь добиться, часто им овладевал страх. То, что эти колебания были связаны с типичным темпераментом тревоги и счастья, подтверждается умилением Э. при всяких торжественных мероприятиях: в данном случае это состояние символизирует чувство счастья, а слезы его в этот момент — это слезы счастья.

Поэты и художники часто отличаются экзальтированным темпераментом, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры.

Мартин Р., 1901 г. рожд., поэт-лирик. В 62-летнем возрасте, когда он явился на прием ко мне, он больше занимался переводами стихов с иностранных языков. Р, отличался музыкальными способностями, и стихи свои он скорее воспринимал «как песни». Некоторое время он занимался рекламными плакатами. На всей его жизни лежит отпечаток бурных эмоциональных переживаний и волнений. Р. с детства был увлекающейся натурой, в школе он принимал активное участие в общественной работе. Однажды дело чуть не дошло до школьной забастовки, организованной Р. как протест против одного тщеславного и нетерпимого учителя. Позже увлечения в основном касались музыки, поэзии и красивых женщин. Свою нынешнюю жену Р. патетически обрисовал как «чудо-женщину». Для Р. характерны постоянные колебания между воодушевлением и крайним пессимизмом при пустяковых неудачах.

В последнем случае у него появлялись и суицидальные мысли. На встречу с нами Р. пришел угнетенный: почечная колика навела его на мысль о том, что у него рак.

Р.— типичный лирик. В данном случае интересно то, что порывы отчаяния связаны с мыслями о самоубийстве.

Перехожу к характеристике личности художницы, описанной ранее Тросторфф.

Аделе Г., 1901 г. рожд., мать имбецильного ребенка, который именно вследствие своего заболевания стал ее любимцем. Она самоотверженно

ухаживает за ним.

Г. живет ради больного сына и ради искусства. Она увлекается «всем прекрасным». При первом своем визите (ей было тогда 63 года) она заявила мечтательно: «Писать картины — величайшая для меня радость. Я не могу не писать их!» Красота природы служила как бы настроем, и ее начинало тянуть к кисти: «Я пишу лишь мотивы, вызывающие внутреннюю радость. У меня потребность излить в красках ощущение счастья, которое дает мне природа. Когда я иду по лугу или по лесу, то чувствую несказанное счастье. И думаю: «Вот это прекрасно, это ты напиши!» Счастья без живописи для меня не существует!» Когда ее спросили, почему она так старается, ведь она никогда своих картин не выставляет, она ответила: «Я не ставлю себе этой цели. С меня достаточно сознания, что я могу нарисовать это…» Интересно и такое ее высказывание: «Когда я вижу цветок, мне хочется проникнуть в его сущность. Вот, например, календула—сколько радости излучают эти лепестки благодаря их желтому сиянию!» Или вот еще: «Трудно нарисовать человеческое лицо. Все хочешь угадать за внешними очертаниями выражение самой души».

Способностью испытывать огромное воодушевление объясняется тот факт, что Г. отдавалась живописи, творчеству с большим вдохновением. Второй полюс представлен у нее трогательной заботой о сыне, глубоким состраданием к этому слабоумному ребенку.

Следующий пример, ранее описанный Зайге.

Мартин Ц., 25 лет, с детства был музыкален, охотно пел. По окончании средней школы стал учеником слесаря. Во время одной радиопередачи у него неожиданно были обнаружены певческие данные. Он стал брать уроки пения, а затем начал выступать с эстрадным оркестром. Поет он на радио и телевидении в развлекательных программах, но мечтает участвовать в ревю и в мюзиклах, так как его интересует не только пение, но и артистическое оформление. Уже и сейчас Ц. пытается сопровождать пение выразительной мимикой, жестами.

Обследуемый характеризует себя как человека весьма темпераментного. Он быстро воодушевляется и в такие минуты чувствует себя «сверхсчастливым». Но так же быстро он может впасть в глубокую меланхолию или в состояние тревоги; в такие моменты он близок к отчаянию. К уравновешенному состоянию он возвращается под влиянием жены. В общем у Ц. преобладает повышенное настроение, он считает себя оптимистом, от радости готов иногда «на столе танцевать». Ц. нетрудно погрузиться в настроение, которого требует эстрадный номер, и тогда его исполнение получается очень убедительным. Он честолюбив, но справедлив, не злопамятен и не умеет постоять за себя.

Однажды Ц., очень встревоженный, прибежал к зубному врачу, который незадолго до этого поставил ему две коронки. Боли не было, но (коронки «безумно мешают»: он не сможет ни петь, ни выступать. Ц. уже видел себя безработным. Врач успокоил Ц., за что тот благодарил его в весьма высокопарном стиле. Через несколько дней певец сообщил, что у него все в порядке.

Глубокая восторженность, связанная у Ц. с профессией эстрадного певца,

объясняется его возбудимостью, склонностью к экзальтации. Случай с коронками свидетельствует о лабильности его психики со склонностью к чрезмерной тревоге.

Тревожные (боязливые) личности

ТРЕВОЖНЫЕ (БОЯЗЛИВЫЕ) ЛИЧНОСТИ

В детском возрасте чувство страха нередко достигает крайней степени. Дети такого склада, обладающие тревожно-боязливым темпераментом, боятся, например, засыпать в темноте или когда в помещении никого нет, заходить в неосвещенные комнаты и коридоры. Боятся собак. Трепещут перед грозой. Наконец, боятся других детей, поэтому те их часто преследуют и дразнят. Они не решаются защищаться от нападений, что как бы провоцирует других, более сильных и смелых, детей поиздеваться над своим боязливым товарищем, ударить его. Это «козлы отпущения», как их обычно называют, или «мишени», как предложил бы их назвать я, ибо они постоянно «вызывают огонь на себя». Любопытно, что сверстники сразу распознают их слабое место. Если, например, ребенок-«мишень» поступает в детское психиатрическое отделение, то и здесь, стоит лишь воспитательнице отвернуться, его сразу же начинают «преследовать». Такие дети испытывают сильный страх перед учителями, которые этого, к сожалению, часто не замечают, усугубляя страх ребенка своей строгостью. Иногда дети при очередной шалости сваливают вину на боязливого ребенка, который действительно становится «козлом отпущения».

У взрослых картина несколько иная, страх не столь полно поглощает взрослого, как ребенка. Окружающие люди не представляются им угрожающими, как в детстве, а поэтому их тревожность не так бросается в глаза. Впрочем, неспособность отстоять свою позицию в споре остается. Достаточно противнику выступить поэнергичнее, как люди с тревожно-боязливым темпераментом стушевываются. Поэтому такие люди отличаются робостью, в которой чувствуется элемент покорности, униженности. Наряду с этим различают еще ананкастическую робость, спецификой которой является внутренняя неуверенность в себе. В первом случае человек постоянно настороже перед внешними раздражителями, во втором — источником робости служит собственное поведение человека, именно оно все время находится в центре его внимания. Эти два типа робости можно дифференцировать при простом наблюдении. В обоих случаях возможна сверхкомпенсация в виде самоуверенного или даже дерзкого поведения, однако неестественность его сразу бросается в глаза. Боязливая робость может иногда перейти в доверчивость, в которой сквозит просьба: «Будьте со мной дружелюбны».

Временами к робости присоединяется пугливость, которая может иметь чисто рефлекторный характер, но может быть и проявлением внезапного страха. Чем ярче выражена пугливость,

тем более вероятна сопровождающая ее повышенная возбудимость вегетативной нервной системы, усиливающая соматическую реакцию страха, которая через систему иннервации сердца может сделать страх еще более

интенсивным.

Привожу описание ребенка, упоминавшегося ранее Целлером.

Эккехард Р., 1951 г. рожд., поступил в наше детское отделение в 1960 г. И у матери, и у отца брак, от которого родился Эккехард, уже третий, поэтому у мальчика 7 сводных братьев и сестер. Его родной сестре 4 года. Кроме того, с ними живут двое сводных детей. У отца часто бывает дурное расположение духа. Родители постоянно ругают детей, часто бьют их. Особенно попадало Эккехарду за плохие отметки в школе. Его избивали и сводные братья и сестры, причем очень жестоко. Эккехард боялся всех, он с ужасом вспоминает о телесных наказаниях, которым его подвергала мать. Одному из сводных братьев он всегда уступал, так как тот был единственным товарищем его детских игр. Дети со всей округи преследовали Эккехарда, крича ему вслед: «Битый!» Он избегал сверстников, играл больше со своей собачкой. Боязливостью Эккехард отличался еще в дошкольном возрасте, засыпал только при свете, очень боялся грозы, по ночам часто мочился в постель.

В школе мальчик сразу стал «козлом отпущения». Товарищей в классе у него не было, на переменах он старался уйти подальше от детей. Почти каждый день дети над ним издевались, избивали его, а он даже не защищался. Его называли «клякса-плакса». Поношенная одежда Эккехарда также вызывала насмешки. Иногда он жаловался на мальчишек учительнице, но только с глазу на глаз. Постепенно Эккехард начал кривляться и гримасничать на уроках, очевидно, с целью привлечь к себе внимание.

В нашем детском отделении страх сопровождал его постоянно, он боялся и обследований, и шприца. Однако во время бесед был понятливым, не по годам сообразительным. По малейшему поводу он рыдал, приходил в отчаяние и сразу прятался в каком-нибудь углу. Даже во сне он видел, как его дразнят и избивают. В детском коллективе Эккехард не проявлял адаптационной способности, иногда выкидывал клоунские выходки, казался не совсем нормальным. Дети не хотели его «принять». При исследовании интеллекта Эккехард, несмотря на нормальные умственные способности, проявил исключительное неверие в свои силы. При решении задач очень старался, но все валилось у него из рук. Как только встречалась пустяковая трудность, он, рыдая, отказывался продолжать свои усилия.

Несомненно, жестокое обращение и взрослых, и детей запугало этого ребенка. Но дело не дошло бы до столь серьезного состояния, если бы мальчик обладал хотя бы минимальной способностью бороться и сопротивляться. В случаях, подобных описанному, беспомощность, являющаяся прямым следствием страха, провоцирует детей на агрессивные выходки, порождающие еще большую запуганность боязливого ребенка. К сожалению, и взрослые часто склоняются к тому, чтобы особенно сурово обращаться с детьми, не способными к протесту. В случае с Эккехардом родители в пылу своих споров часто нападали на сына, который был при этом совершенно безропотен.

Следует отметить, что тревожность, сопровождающая акцентуацию педантического типа, у взрослых делается еще более отчетливой, истинная же тревожность по мере повзросления человека уменьшается. Тревожные личности

нуждаются в психотерапии, о чем не следует забывать.

Ниже приводится описание женщины, ставшей ипохондриком на почве боязливости, тревожности.

Инга Э., 1932 г. рожд., работает в торговом предприятии. С детства чрезвычайно боязлива. Боится темноты, в сумерки предпочитает сидеть дома. Когда однажды вечером Э. возвращалась домой, у нее появилась навязчивая мысль, что за ней медленно следует какая-то легковая машина. Она представила себе, как из машины выскочит человек и нападет на нее, поэтому не вошла в подъезд, а осталась на улице («поближе к пешеходам»). Звонком вызвала своего мужа, который спустился в вестибюль и привел ее домой. Э. безумно боится грозы. «Все во мне сжимается»,— говорит она. Избегает собак. Когда Э. услышала, что в ближнем лесу водятся змеи, она перестала туда ходить. Если же ей все-таки приходилось там бывать, то она непрерывно останавливалась, судорожно сдвинув ноги и глядя перед собой, чтобы узнать, нет ли поблизости гадюк. Иногда Э. просыпается ночью, обливаясь холодным потом от страха, будит своего мужа, ожидая успокаивающих слов. Она испытывает большую робость с незнакомыми людьми и старается заводить поменьше знакомств. В своем муже она видит защитника.

В 1953 г. в доме, в котором проживала Э., по неосторожности одного из соседей произошло массовое отравление жильцов газом. С тех пор ее тревожность возросла. В 1961 г. она однажды по дороге домой почувствовала себя плохо, вся покрылась испариной, началось сильное сердцебиение. Как раз в этот период на работе у Э. двое сотрудников умерли от инфаркта миокарда. После этого у больной начался ипохондрический невроз. Э. боялась тяжело заболеть и умереть. Смерти она страшилась всегда, теперь этот страх дошел до того, что она вообще боялась выйти на улицу: «Может начаться сердечный приступ, я упаду и уже не встану». В клинике Э. боялась всех врачебных мероприятий, дрожала, например, когда у нее брали кровь на исследование, однако, привыкнув, обнаружила хорошую приспособляемость. Нам удалось избавить ее от фобических проявлений страха, однако тревожность у Э. осталась.

Описанная обследуемая с детства страдает явлениями тяжелого страха. Даже ничтожная предполагаемая опасность вызывала у нее потрясение. На почве тревожности развился ипохондрический невроз. Причины его появления — смерть от инфаркта миокарда двух сотрудников Э. и приступ сильного сердцебиения, сопровождающегося испариной. С помощью психотерапии нам удалось оказать воздействие на патологическое развитие, фобии прекратились, однако тревожность осталась.

Эмотивные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЭМОТИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Эмотивность характеризуется чувствительностью и глубокими реакциями в области тонких эмоций. Не грубые чувства волнуют этих людей, а те, что мы связываем с душой, с гуманностью и отзывчивостью. С подобными реакциями мы уже встречались, описывая аффективно-экзальтированный

темперамент, явно родственный эмотивному. Но эмотивные личности не впадают в такие крайности в области эмоций, как аффективно-экзальтированные, эмоции их развиваются с меньшей быстротой. Аффективно-экзальтированных личностей можно охарактеризовать словами «бурный, порывистый, возбужденный», эмотивных — «чувствительный, впечатлительный». Обычно людей этого темперамента называют мягкосердечными. Они более жалостливы, чем другие, больше поддаются растроганности, испытывают особую радость от общения с природой, с произведениями искусства. Иногда их характеризуют как людей задушевных.

Мягкосердечие, задушевность людей этого типа связаны с усиленным внешним проявлением их реакций. В беседе с эмотивными личностями сразу видно, как глубоко их захватывают чувства, о которых они говорят, поскольку все это отчетливо отражает мимика. Особенно характерна для них слезливость: они плачут, рассказывая о кинофильме с печальным концом, о грустной повести. Так же легко у них появляются слезы радости, растроганности. Эмотивным детям нередко нельзя читать сказки, так как при печальных поворотах сюжета они сразу же начинают плакать. Даже мужчины часто не могут удержаться от слез, в чем признаются с немалым смущением.

Особая чувствительность натуры ведет к тому, что душевные потрясения оказывают на таких людей болезненно глубокое воздействие и вызывают реактивную депрессию. Иногда, когда душевный разлад достигает патологической степени, возможны попытки самоубийства. Однако при этом патология развивается несколько иным путем, чем при реактивных депрессиях у дистимических или циклотимических личностей, у которых то или иное переживание как бы «развертывает» заложенную в человеке от природы готовность к депрессии. Это может произойти и без особо тяжелых ударов судьбы; нередко такое состояние вызывается лишь случайным поводом, приводящим в действие некий механизм. У эмотивных же личностей тяжесть депрессии всегда соответствует тяжести события, переживания. У них отсутствует предрасположение к депрессивным реакциям. Они легко поддаются и радости, причем радость также захватывает их глубже, чем других людей.

Здесь мы сталкиваемся с важным различием между эмотивным и циклотимическим реагированием. В обоих случаях наблюдается лабильность эмоционального уровня: нейтральное состояние с одинаковой легкостью может перейти и в радость, и в печаль. Однако в случае циклотимии реакция по характеру и по глубине непрочно связана с переживанием. Незначительный успех может привести такого человека в бурный восторг, а пустячная неудача — в глубокое депрессивное состояние. Как мы видели, пребывание в весело настроенном обществе может нередко вызвать первое, а пребывание с опечаленными, скучными людьми — второе состояние. На эмотивную личность воздействие оказывает только само переживание, вызывая абсолютно адекватную эмоциональную реакцию без преходящих настроений. Поэтому человек эмотивного склада не может «заразиться» весельем в веселом обществе, не может беспричинно сделаться ни смешливым, ни счастливым.

Ниже описывается женщина, впавшая в реактивную депрессию после потери мужа.

Гертруда Ю., 1916 г. рожд., уборщица. Уже в детстве была впечатлительной, часто плакала, никогда не могла отказать в просьбе другим детям. Как-то она подарила сверстнице любимую игрушку, в другой раз отдала нищему мальчику единственную конфетку. Сильно привязана к сестрам и братьям, безутешно рыдала, когда одна из младших сестричек умерла. Крепкая привязанность к семье сохранилась навсегда. Поступив работать домработницей, она с трудом переносила разлуку с близкими. Возвращаясь домой, всякий раз испытывала чувство глубокой радости. Видя плачущего ребенка, не может удержаться от слез. Частенько плачет и в кино. Когда по телевизору показывают сцены человеческих страданий, уходит из комнаты.

Вышла замуж в 22 года, была исключительно привязана к мужу. Мучительно перенесла годы разлуки с мужем во время войны. Горячо любит своих двух детей, страстно привязана к внуку.

В 1966 г. муж в возрасте 60 лет без всякой видимой причины покончил жизнь самоубийством. Незадолго до этого несколько раз говорил, что он «уже не работоспособен». Ю. была глубоко потрясена смертью мужа. Она не могла ни есть, ни спать, думала и сама о самоубийстве, но мысль о детях ее останавливала. Постоянно мучила себя упреками: видно, она недостаточно заботилась о муже, вот он и ушел от нее. Объективно Ю., напротив, была женой чрезвычайно заботливой. Незадолго до кончины муж как-то сказал, что другого такого честного и хорошего человека, как Ю., на свете нет.

Когда Ю. поступила в клинику, со времени смерти мужа прошел почти год. Из-за бессонницы и отсутствия аппетита у нее развилась резкая астения, она похудела на 20 фунтов. Стоило ей напомнить о покойном муже, как она тотчас начинала плакать. Слезы лились и тогда, когда с ней говорили о других печальных событиях ее жизни. В клинике неврастеническое состояние больной удалось преодолеть, вместе с ним прошла и депрессия. Но острую боль потери Ю. все еще ощущала.

Перед нами типичная эмотивная личность, которая любое жизненное событие воспринимает серьезнее, чем другие люди. Особенно легко она поддается чувству жалости, сострадания. Но и радостные чувства она переживает глубоко, особенно радости, связанные с детьми, их воспитанием, успехами. Исключительно предана семье — сначала семье родителей, затем своей. Смерть мужа стала для Ю. крахом всей жизни. Потерю усугубляло терзающее чувство вины: как же это она упустила, не заметила, ведь он страдал, а она так и не пришла на помощь. У нее появлялись даже мысли о самоубийстве. На этой почве началась острейшая неврастения. Именно поэтому так долго продолжалась у Ю. реактивная депрессия, которая обычно, даже у эмотивных личностей, проходит быстрее.

К реактивной депрессии близки случаи, когда мягкосердечные личности под влиянием событий испытывают столь острую угнетенность, что теряют

силу сопротивляться. Протест против нападок других людей или какие-либо действия наперекор судьбе для них невозможны из-за наличия депрессивного состояния.

Привожу описание человека, который стал «мишенью» своих учеников.

Хельмут К., 1911 г. рожд., уже ребенком был боязлив, поэтому дети часто его дразнили, но не били, так как он заранее избегал этого. Он искал Дружбы с детьми спокойными, любил одиночество, природу. В грубых шалостях других детей участия не принимал. Неприятностями делился с матерью. Уже будучи подростком, он нашел сверстников, которые, подобно ему, не хотели принимать участия в грубых выходках, любили совершать прогулки, беседовали о музыке, поэзии. Стал проявлять большой интерес к живописи, с увлечением занимался вопросами, связанными с искусством. В школе у них был строгий учитель, который бил детей, но его эти строгости миновали, особого страха он не испытывал. Однако он часто «плакал за компанию», когда били других детей, что вызывало гнев учителя.

В дальнейшей своей жизни К. оставался таким же мягкосердечным. Часто грустные фильмы, повести вызывали у него слезы.

Много лет К. работал картографом, считался хорошим работником. В 1948 г. сдал соответствующие экзамены и стал учителем по картографии в профшколе. В 1963 г. эта школа была ликвидирована, и он начал работать учителем в общеобразовательной школе. Вскоре выяснилось, что он не умеет наладить дисциплину в классе. Он не требовал, а больше просил у учеников послушания, умолял их вести себя подобающим образом, а класс отвечал на это еще большей распущенностью. Например, географическую карту ученики вывешивали вверх ногами, поворачивались к нему спиной; когда он начинал объяснять урок, многие ученики принимались читать вслух. Иногда К. терял терпение и, схватив ученика за шиворот, тряс его. Один мальчик при этом нарочно растянулся на полу и в дальнейшем постоянно это повторял под хохот всего класса. К. часто приходил в отчаяние, плакал перед учениками. Директор школы обвинил его в недисциплинированности класса (К. был классным руководителем). Некоторые родители хотели подать жалобу на К в суд за то, что он «трясет» детей. «А-а-а, вы уже снова на свободе!» — сказал ему однажды маленький мальчик, которому старший брат рассказывал, будто К. отбывает наказание в тюрьме за то, что повалил своего ученика на пол. Только сердобольные девочки иногда защищали учителя, спорили с классом, а учителю говорили, что он «не должен этого терпеть». Наконец, К. был направлен к врачу для выяснения, может ли он продолжать заниматься преподавательской деятельностью. Так К. попал к нам в клинику.

Он рассказал, что совершенно растерян, не знает, что делать. Его требования к детям почему-то носят характер просьб, а на просьбы дети отвечают издевательством и грубостями. Дело дошло до того, что он плакал перед классом. Надо сказать, что его мягкая и чуть растерянная манера поведения бросилась нам в глаза и при обследовании. Он чуть не плакал, рассказывая нам о своих злоключениях. С другой стороны, К. с глубоким удовлетворением говорил о своей специальности чертежника. С глубоким чувством он рассказал нам и о некоторых других событиях и связанных с

ними переживаниях. Мы подвергли его психотерапевтическому лечению и порекомендовали заниматься со взрослыми: учитель он, видимо, хороший, а во взрослой аудитории трудностей с дисциплиной не будет.

Обследуемый К. еще в детстве отличался большой душевной мягкостью. Он всегда держался вдали от шаловливых и шумливых детей, любил природу, искусство; печальные события очень удручали его. Уже будучи взрослым, тоже нередко плакал. Чувствительность К. была результатом мягкосердечия. В школе он нередко проливал слезы, когда били его соучеников, но сам наказаний не боялся. Сначала его эмотивность не вела к каким-либо жизненным осложнениям, он охотно и успешно работал чертежником. Но когда он начал преподавать и стал не только обучать ребят профессиональным навыкам, но и воспитывать их, все изменилось. Ученики скоро поняли, в чем слабость учителя, и со свойственным детям бездушием стали издеваться над ним. Лишь сердобольные девочки пытались его защищать. Его беспомощность в школе была обусловлена тем, что возмутительное поведение детей подавляло его и он не мог занять энергичную позицию протеста. Бороться с гнусными выходками детей он был не в состоянии, лишь просил пощады, на что дерзкие мальчишки отвечали новой наглостью.

Эмотивность у детей сопровождается боязливостью. При тщательном обследовании обнаруживается, что эта боязливость связана с общей повышенной чувствительностью ребенка. В этом плане ее и следует здесь рассматривать.

Привожу пример эмотивного ребенка, описанного Линднер.

Ханс-Иоахим Р. поступил к нам в клинику в 9 лет. Через длительное время после того, как Ханс начал аккуратно ходить на горшок, он вдруг вновь стал пачкать в штаны. Случилось это как раз к тому времени, когда его младший брат научился проситься на горшок.

У Ханса прекрасные домашние условия. Он старший из четырех детей. Мать не работает, так как полностью посвятила себя детям и хозяйству. Отец серьезный и выдержанный человек, служит главным бухгалтером, много времени и внимания уделяет семье. Все дети развивались нормально. В общем семья вполне благополучная.

Ханс родился на три недели раньше срока, аккуратность в отправлениях пришла с некоторым опозданием — в 4 года. Мальчик мечтателен, чувствителен к наказаниям, после них долгое время бывает подавленным, угнетенным. Трудно привыкает к новой обстановке, поэтому неохотно ходит с матерью в гости. Вообще незнакомых сторонится, контакты с ним устанавливаются туго. Любая разлука с членами семьи (отец уезжает с другими детьми в отпуск, мать уходит в родильный дом) проходит болезненно. Мать, например, уходя в роддом, хотела попрощаться с детьми, но Ханса нигде не было: он оказался у себя в постели и горько рыдал, хотя притворялся спящим. Для Ханса характерна скрытность в чувствах: так, перед отъездом отца он сидел за столом, якобы с интересом углубившись в «Жизнь животных» Брема; он не хотел не только проститься с отъезжающими, но даже посмотреть им вслед из окна, т. е. пытался

игнорировать ситуацию, которая слишком глубоко его трогала.

Во время пребывания Ханса в клинике мы узнали его как тихого, приветливого, очень послушного мальчика. Он охотно и старательно выполнял все поручения и предписания, но на самую незначительную критику реагировал крайне впечатлительно, нередко со слезами. Несмотря на застенчивость Ханса, у него установился хороший контакт с другими детьми. Ему было назначено специальное лечение по поводу энкопреза, и он охотно выполнял все предписания. При выписке из клиники все симптомы заболевания исчезли бесследно.

В том, что ребенок испражнялся в штаны (в дневное время), мы усматриваем желание ребенка вернуть себе заботливость матери. Такой прием явился результатом скрытого «хода» Ханса: младший брат к этому времени как раз научился аккуратно испражняться, у матери «развязались руки», следовательно, она могла «проявить заботу» и о нем, Хансе.

Боязливости у Ханса мы не наблюдали, однако по натуре он был крайне чувствителен, мягок. Подавленность после наказаний, тяжесть разлуки с близкими, стремление избегать людей малознакомых, слезливость — все это типичные реакции эмо-тивной личности. Стараясь подавить эти реакции, Ханс избегал ситуаций, которые могли бы их спровоцировать. Так как все грубое ему было противно, он рос славным, чутким и правдивым ребенком.

У взрослых эмотивный темперамент, как мы видели, нередко является причиной болезненных депрессивных реакций на сильные переживания. У ребенка, чувства которого более преходящи, мы реже сталкиваемся с такими проявлениями: он может быть глубоко потрясен в данный момент каким-то событием, но оно быстро улетучивается из его памяти. Поэтому самоубийства в детском возрасте наблюдаются редко. Возможно, это связано и с предварительным продумыванием, которого требует самоубийство и для которого интеллект ребенка еще не созрел. Случаи самоубийства или попытки к самоубийству в детском возрасте происходят в виде импульсивных действий. Какое-либо тяжелое переживание вызывает глубокую депрессию, возможно, в связи с эмотивным темпераментом и ведет к непродуманной и неподготовленной попытке самоубийства, к счастью, в большинстве случаев неудачной. Попытки самоубийства в детском возрасте встречаются чаще всего в связи с острым и тяжелым страхом перед наказанием.

Сочетание акцентуированных черт характера и темперамента

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

СОЧЕТАНИЕ АКЦЕНТУИРОВАННЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА И ТЕМПЕРАМЕНТА

Я не ставлю перед собой цель показать все возможные сочетания черт характера и темперамента. Если две или даже несколько представленных параллельно черт не слишком заметно взаимно пересекаются, то, зная эти отдельные черты, нетрудно понять и их комбинации. Взаимосвязь

различных черт, которая была проиллюстрирована выше, показала любопытные особенности характера, часто совсем неожиданные. Определенные сочетания черт темперамента между собой и с чертами характера также дают весьма интересные результаты. Мы считаем целесообразным остановиться и на этом вопросе, чтобы восполнить картину акцентуации личности, представить ее исчерпывающим образом.

Можно было бы предположить, что демонстративная склонность к притворству окажется особенно выраженной в сочетании с гипертимической активностью. Но это допущение справедливо лишь в отношении детского возраста, когда, действительно, нередко при такой комбинации жажда активности влечет за собой целый ряд нечестных поступков. Я детально описал в своей цитированной уже работе одного гипертимически-истерического ребенка. Здесь привожу пример, описанный Бергман.

Моника К., 7 лет 11 мес., поступила в клинику по поводу патологического беспокойства. Отец — большой хвастун, вороватый тип. Разыгрывал из себя «большого человека».

Уже в 4 года девочка была дикой, неуправляемой, дезорганизовывала детский коллектив. В школе оказалась невыносимой, родители были вынуждены забрать ее. Она постоянно лгала, забирала у детей вещи, которые ей нравились, прогуливала уроки, класс ее «не принял».

У нас она без всякого стеснения рассказывала о своих выходках, кражах. Никаких признаков стыда, тем более подавленности не было и в помине. Кроме того, Моника все время была неспокойна, ерзала на стуле, говорила возбужденно и без умолку. Вообще настроение у девочки всегда приподнятое.

С игрушками Моника обращалась на редкость неряшливо. Другие дети в клинике не хотели с ней играть, так как она была нетерпима, груба и бесцеремонна. Однако к взрослым она пыталась втереться в доверие, льстила напропалую, старалась им понравиться.

Выходки Моники характерны для всех гипертимических детей. Но она была еще и воровкой и отъявленной лгуньей и при этом совершенно не сознавала, что ведет себя неподобающим образом. Льстивость по отношению к взрослым и бесцеремонность со сверстниками свидетельствуют об истерических чертах. Если учесть асоциальное поведение Моники, напрашивается плохой прогноз. Но все же не исключен и другой путь развития этой девочки, ибо комбинация данных черт у взрослых не исключает противоположных результатов.

Гипертимическая жажда деятельности у взрослых далеко не всегда выражается в совершении непорядочных поступков, наоборот, это свойство темперамента нередко ослабляет аморальные проявления. Открытые натуры, которыми большей частью являются представители гипертимического темперамента, избирают прямые пути. Хитрость, неискренность, притворство не вяжутся с их жизненной установкой. Ребенку менее свойственно торможение побуждений, в том числе и

нечестных, особенно если речь идет об исполнении его желаний. Кроме того, у детей иногда наблюдается безудержное стремление хотя бы в чем-то себя проявить — своеобразное детское тщеславие. Иногда у ребенка неискренность сочетается с открытым, жизнерадостным поведением. У взрослых параллелизм таких разноплановых свойств личности почти не встречается.

Описываемое сочетание весьма часто наблюдается у писателей, журналистов, деятельность которых, можно сказать, прямо стимулируется суммой гипертимического темперамента и демонстративного характера. Например, что в первую очередь важно для писателя, журналиста? Открытость миру, впечатлениям и богатство воображения, дар фантазии. Приведу описание одного из четырех описанных нами ранее писателей, являющихся демонстративно-гипертимическими личностями.

Ханс Ш., 1933 г. рожд. Мать — веселая, словоохотливая, играла в самодеятельном театре. Она хорошо контактировала с окружающими, являлась душой общества, увлекалась музыкой, книгами, живописью. В настоящее время Ш. готовит к изданию дневник своей матери. Обследуемый любит бывать в обществе, где он всегда находится в центре внимания. С детства мечтал стать актером, так как прекрасно умеет вживаться в роль.

По окончании школы пытался поступить в театральное училище и провалился. Затем он пробовал заняться режиссерской работой, даже сочинил за три дня (!) драму, но и на этом поприще не сумел продвинуться. У него был скандал на любовной почве. В поисках работы устроился наборщиком в типографию и здесь начал писать. Писал новеллы, короткие рассказы сатирического содержания. Как писатель пользовался успехом и хорошо зарабатывал. Женился, но в 28 лет развелся.

С двадцатилетнего возраста Ш. пьет, постепенно увеличивая дозы,—» ему кажется, что в состоянии опьянения лучше идет творческая писательская работа. На самом же деле он зачастую так напивался, что вообще ничего не мог написать. После развода он, несмотря на приличный заработок, влез в долги; вел неупорядоченную половую жизнь. Одна из его «подруг» пыталась покончить жизнь самоубийством.

В нашей клинике Ш. всегда был разговорчив, в приподнятом настроении. Всегда у него находилось, что рассказать. Если его не прерывать, он может говорить без конца, постоянно отклоняясь от темы. Он любит покрасоваться своей речью, иногда говорит манерно, вставляя иностранные слова там, где в них нет никакой надобности. Рассказывая автобиографию, он всячески приукрашивал ее, желая показать себя в выгодном свете. Когда его упрекали в злоупотреблении алкоголем, он тут же приводил тысячи оправданий и, но всей видимости, внутренне также не признавал за собой вины. Более того, он считал, что как писатель имеет право претендовать на большее в жизни, чем другие люди. Однако его зазнайство и высокомерие никогда не производили у нас в клинике неприятного впечатления, потому что Ш. любые свои заявления сопровождал улыбкой, веселыми шутками и прибаутками. По окончании лечения он стал снова продуктивно писать и сделался — во всяком случае на некоторое время—социально

уравновешенным человеком.

Безусловно, мы вправе говорить о наличии у этого обследуемого черт демонстративной, даже истерической личности. Он тщеславен, преувеличивает свои способности, хвастается тем, что за три дня написал драму. Свой неупорядоченный образ жизни он либо всячески оправдывает, либо вообще отрицает. Вполне возможно, что жизнь Ш. сложилась бы еще менее удачно, если бы к истерическим чертам у него не присоединились гипоманиакальные. Несомненно, его писательская деятельность без этой активности и «открытости» натуры не удалась бы.

Итак, данную комбинацию черт можно, в общем, считать благоприятной. Однако алкоголизм при таком сочетании представляет особую опасность: гипоманиак постоянно ищет веселого общества, а ведь в таком обществе часто не обходится без алкогольных напитков. Тем самым убивается то гипертимически положительное, что могло бы выровнять некоторые истерические черты личности.

Сочетание демонстративных черт характера с гипертимической живостью темперамента способствует активизации актерских данных в человеке. Зайге в нашей совместной работе описывает трех актеров с такими свойствами личности. Одно из этих описаний я привожу здесь.

Хайнц Г., 42 лет, актер, режиссер, автор пьес. Еще в школе интересовался театром, музыкой, брал уроки музыки. По желанию отца поступил в университет, но лекций не посещал, экзаменов и зачетов не сдавал, а через друзей обманным образом оформлял всю документацию. Сам же он занимался театром, эстрадой, «капустниками». Позже Г. открыл свой театр, но вскоре вынужден был закрыть его, так как переоценил свои экономические возможности и очень скоро начал испытывать финансовые затруднения. Он брался одновременно за разные работы, но многое выполнял недобросовестно. Г. написал несколько пьес для театра и телевидения. Поскольку Г. часто держал себя весьма самоуверенно и даже нагло, он то и дело вступал в конфликты с влиятельными театральными деятелями. Однако вины своей никогда не признавал, сваливал ее на других. Настроение у Г. было всегда приподнятое, он обладал неиссякаемым красноречием, иногда переходившим в скачку идей.

Гипертимические черты у этого обследуемого преобладают над демонстративными. Возможно, именно поэтому театрально-организаторской (административной) деятельностью он занимался больше, чем актерской. С другой стороны, отчетливо видны и демонстративные черты: он часто обманывал окружающих, всегда был готов смошенничать, в споре никогда не признавал своей вины. Наиболее яркая черта Г.— желание произвести впечатление, т. е. выраженное тщеславие.

Особый интерес представляет сочетание демонстративных и аффективно-лабильных черт, так как и те и другие связаны со склонностью к поэтической, художественной деятельности. Демонстративные черты характера стимулируют фантазию, аффективно-лабильный темперамент порождает эмоциональную направленность.

Приведу описание обследуемой, у которой тяга к поэзии обусловлена именно таким сочетанием черт личности.

Бербель Г., 1935 г. рожд., по профессии медсестра, но с детства чувствовала поэтическое призвание. Все свободное время у нее уходило на творческую деятельность. Она писала стихи, рассказы для детей, сказки, иногда сатиры. Погруженная в мир фантазии, она забывала об окружающем. Хотя на успех и признание надежды не было, но вдохновение не покидало ее, и она продолжала сочинять. Депрессивный полюс выражался у Г. в нескольких попытках самоубийства, причем некоторые из них были истерически окрашены, поэтому их нельзя считать серьезными. Наблюдались и другие демонстративные черты. Г. уклонялась от трудной работы, часто спасалась «бегством в болезнь» и была склонна к самосостраданию. В клинику она поступала неоднократно: здесь настроение ее колебалось между кокетливым заигрыванием во время «подъемов» и пароксизмами слез, которыми она пыталась вызвать к себе жалость. Несколько раз ее посещала мать, отличавшаяся патетическими манерами и производившая яркое впечатление демонстративной личности.

После выписки из клиники Г. оставалась под психотерапевтическим наблюдением. И в последующие годы она не изменила своим поэтическим склонностям, сочиняя теперь в основном стихи и рассказы для детей. Нередко ее творчество бывало пессимистически окрашено. Позднее она обращалась и к изобразительному искусству, лепила глиняные фигурки, изготовляла разные кустарные изделия. Она продолжала работать медсестрой, хотя для этого нуждалась в систематической поддержке курсами психотерапевтического лечения.

Обследуемой постоянно грозила опасность полного погружения в мир фантазии и забвения действительности. Впрочем, способность к вдохновению положительно сказывалась и на ее основной профессии медсестры, в которой Г. проявляла немало самоотверженности, несмотря на временные срывы. Как видим, аффективно-лабильный темперамент оказывает смягчающее воздействие на эгоизм истерического плана.

Совершенно очевидно, что и на профессию актера такое сочетание черт оказывает благоприятное воздействие. Глубокие чувства, если они связаны с чертами демонстративного характера, приобретают динамическую силу выражения. Когда актер только истеричен, он может лишь удачно изображать различные душевные состояния, но глубокая эмоциональная передача чувств невозможна, если нет внутренних переживаний.

Привожу наблюдение, описанное Зайге.

Берта Ш., 68 лет, актриса, с молодых лет вместе со своей сестрой работает в одном и том же театре.

С юности Ш. отличается резкой лабильностью настроений, испытывая то безудержную радость, то отчаяние. В театре она всегда работала с полной отдачей, была неописуемо счастлива, когда роль ей удавалась. Но даже независимо от своей непосредственной работы она вообще страстно любила театр, музыку, все прекрасное. Вместе с тем Ш. жила в постоянном страхе

перед заболеваниями, то инфекционными, то легочными. Вначале этот страх был связан с чьей-то конкретной болезнью. Позднее она жаловалась на страх без видимого повода. Ш. всегда отличалась суеверностью. Неоднократно она просила принять ее в нашу клинику, но при этом ставила свои условия. Прежде всего, она не могла отказаться от снотворных порошков, которые в течение многих лет принимала в огромных количествах. Но поскольку на это мы пойти не могли, она лишь один раз была у нас в стационаре, да и то преждевременно прервала курс лечения. После этого она время от времени приходила к нам и с явной аффектацией просила ее лечить по ее собственной схеме. Ш. сильно нервничала, испытывала приступы страха, но когда ей говорили, что причина этих явлений—в злоупотреблении снотворными средствами, она и слушать не хотела. При отказе Ш. пускала в ход всевозможные — театральные приемы: падала перед врачом на колени, протягивала к нему руки, осыпала его похвалами по поводу его врачебного мастерства, чуткости я т. д.

Эту обследуемую всегда отличал аффективно-лабильный темперамент. Но им одним нельзя объяснить такую утрированную демонстрацию чувств. Актрисе легче, чем другим людям, опуститься перед врачом на колени, но в том, как она вела себя в дальнейшем, чувствовались черты демонстративной акцентуации. Режим, система в ее жизни отсутствовали, злоупотребление снотворными средствами, которые ей были запрещены, в какой-то мере можно считать попыткой Ш. к самоутверждению.

Педантический характер смягчается при сочетании с гипер-тимическим темпераментом, поскольку последний несколько поверхностен. И все же истинного выравнивания не происходит. Эти черты личности относятся к слишком различным сферам, чтобы компенсировать друг друга. Например, гипоманиаку ничто не помешает быть добросовестным работником, если он обладает и ананкастическими чертами. Привожу пример обследуемой, ранее описанной Бергман.

Шарлотта К., 44 лет, уже ребенком была очень старательной, трудолюбивой. Позднее всегда намечала себе в жизни некую цель, которой обязательно достигала. Человек предприимчивый, она открыла свой парикмахерский салон. Со времени окончания школы работает ежедневно по 12 ч, почти все это время ей приходится стоять на ногах. Во время войны потеряла мужа, парикмахерская почти не работала. После войны предприятие снова расцвело,: у К/Теперь работали 12 человек. На иждивении К. были ее родители, не чаявшие души в дочери. Она в очень хороших отношениях со своим сыном.

К. — ^ натура веселая, жизнерадостная. У нее масса приятельниц, все ее любят за живость, веселость. Она также образцовая хозяйка, отлично руководит своим салоном. Бухгалтерские книги многократно контролирует, чтобы не допустить ошибки.

К. явилась в клинику, чтобы проверить, может ли она и дальше руководить парикмахерской. Незадолго до этого она простудилась, но перенесла болезнь на ногах, работала, и вот начались физические недомогания. К. жаловалась на сердцебиение, на странное чувство в руках, <точно по ним ток проходит». Кроме того, она ощущала внутреннее беспокойство, стала

раздражительна. После краткого отдыха, к которому мы почти не подключали психотерапию, К. поправилась и вернулась к исполнению своих обязанностей.

Сочетание обеих черт акцентуации у данной обследуемой оказалось в высшей степени благоприятным. С гипоманиакальной неутомимой энергией она пробивалась в жизни, но в то же время ее педантичность служила гарантией того, что все ее дела будут заранее тщательно подготовлены и добросовестно выполнены. Те и другие черты в ней гармонически сочетались, не было их «взаимоуничтожения» и не возникали тяжелые личностные противоречия. Пожалуй, об абсолютно положительном сочетании черт у К. говорить все-таки нельзя; взять хотя бы ее реакции на преходящее неврастеническое заболевание: вместо того чтобы лечиться, К. продолжает работать, частично из-за жажды деятельности, частично из-за редкостной добросовестности.

Гипоманиакальный темперамент не может подавить и навязчивый страх в тех случаях, когда ананкастические черты резко выражены. Правда, навязчивый страх не носит острого характера и не охватывает личность в целом. Вообще гипоманиакальный темперамент оберегает ананкаста от невроза навязчивого страха, но не от фобий, которые появляются временами, хотя серьезно на образе жизни человека и не отражаются.

Ниже описывается человек гипоманиакального темперамента с выраженными явлениями навязчивого страха.

Гюнтер П., 1921 г. рожд., по профессии зубной врач. Уже в детском возрасте проявлял большую нервозность, перед контрольными работами в школе сильно волновался, ничего не ел, испытывал тошноту. Сам о себе заявляет, что он «большой педант», это качество унаследовал от отца, который «по десять раз примерялся» перед тем, как перенести цифру с одной страницы на другую. П. строго соблюдает режим, вечером проверяет, закрыты ли газовые краны, хорошо ли заперта входная дверь. В то же время он очень жизнерадостен, любит бывать в обществе, танцевать.

В 1956 г. после утомительного рабочего дня у него появилась сильная тошнота, рвота, он ничего не мог есть. Установив у себя резко ускоренный пульс, П. очень испугался возможности инфаркта. С тех самых пор уверен, что у него серьезное заболевание сердца. Перестал ходить в кино, в театр, избегал пребывания в тесных помещениях. Утром поднимался с постели с большими предосторожностями, «чтобы не отягощать процесс кровообращения». При этом он продолжал работать и по-прежнему увлекался ездой на своем автомобиле. Часто превышал дозволенную скорость, и лишь личное обаяние и разговорчивость спасали его от штрафа.

Через полтора года после появления жалоб П. поступил к нам в клинику. Он жаловался на тяжкое сердечное недомогание. Нескоро мы убедили его, что ему можно ходить и в театр, и в кино, и в тесное помещение зайти не страшно. В то же время он всегда был весел, разговорчив, обожал шутки. Его охотно слушали, всегда он умел рассказать что-нибудь забавное.

Во время лечения П. удалось избавить его от торможений, но он охотно

оставался и после выписки под нашим наблюдением, потому что к нему постоянно возвращался страх перед сердечным приступом, сопровождаемым потерей сознания. Любопытно, что и после выписки он добегал появляться в тех местах, где в свое время испытывал чувство страха, подавленности.

Мы столкнулись с типичной гипоманиакальной личностью. П. отличался и оптимизмом, и ускорением речевого потока. Все же он сам себя справедливо характеризовал как «педанта», т. е., в нашем понимании, как педантическую личность. Уже в детстве он испытывал различного рода торможения, позже это вылилось в болезненно-строгое соблюдение распорядка дня. Этот второй компонент личности привел в конечном итоге к ипохондрическому неврозу, который был связан с клаустрофобией, т. е. со страхом перед замкнутым пространством. Однако этот страх никогда не охватывал его целиком. С другой стороны, постоянно проявлялся и его гипоманиакальный темперамент. То он испытывал безумный страх перед внезапной остановкой сердца, то совершал рискованные поездки на автомобиле и постоянно вступал в конфликты с дорожной милицией. Лишь гипоманиакальная изворотливость помогла ему найти нужные слова и отделываться от неприятностей. Если бы П. не обладал гипоманиакальным темпераментом, несомненно, невроз навязчивых состояний усугубился бы и вылечить его было бы значительно труднее. И все же обращает на себя внимание, что эти разные свойства личности, лишь до определенной степени уживались рядом в одном человеке и часто проявляли себя как бы независимо друг от друга.

Не наблюдается и простое суммирование при сочетании педантических и дистимических черт. Однако при этом сочетании специфика тех и других усиливается, т. е. отклонение от нормы заметнее. Наш опыт показывает, что ананкастов, отличающихся одновременно субдепрессивностью, гораздо труднее излечить от фобий, чем тех, которые обладают средним темпераментом, а тем более гипертимическим. Обычно сочетание педантичности и дистимии отражается на всем образе жизни.

Ниже описывается обследуемый, которого наблюдала Бергман.

Хайнц С., 30 лет, в детстве испытывал торможения, страдал от чувства неполноценности. По окончании философского факультета стал несколько увереннее в себе, но колебался в избрании поля деятельности. Сначала пытался стать служащим, затем поступил на должность редактора в издательство. С. говорил нам: «Эта работа была не по мне, но другой просто не предвиделось». Чтобы избежать одиночества, С. рано женился на разведенной женщине с ребенком, к которой испытывал больше жалость, чем любовь. Вскоре его жена, вышедшая замуж явно из корыстных соображений, стала изменять ему. Он развелся и в 28 лет женился вторично, вернее, его женила на себе женщина живая, весьма активная, которая в доме единолично «командовала парадом». С. всегда был пассивен и в бытовом, и в сексуальном отношении. Больше всего он любил одиночество и чтение.

С. поступил в клинику для прохождения курса психотерапевтического лечения. Он предполагал у себя заболевание сердца, которому никакие особые переживания не предшествовали. Обследуемый был спокоен,

апатичен, производил впечатление человека, покорного судьбе. С. рассказал, что нередко подумывает о самоубийстве. Сообщил также о своей давней склонности к депрессиям. С. вообще не представляет себе, что такое радость жизни. Меланхолия в его семье является наследственной. Дед в 80 лет покончил жизнь самоубийством из-за того, что два внука один за другим погибли на фронте. Мать —. человек замкнутый, горестных переживании долго не может забыть, знакомых у нее почти нет.

С. сообщил нам, что по натуре он склонен к скрупулезной аккуратности во всем: когда временно работал учителем,— по многу часов готовился к урокам, часто проверял, все ли в течение дня выполнено достаточно добросовестно, об этом нередко думал и по ночам, ворочаясь в постели. Очень любит порядок, всякая книга у него имеет свое, строго определенное место.

Проводить психотерапевтическое лечение С. было крайне сложно, так как его депрессивные черты препятствовали активному включению в процесс лечения. Мешала и педантичность С., поскольку он требовал от нас подробнейших сведений о своем заболевании. В конечном счете его состояние все же значительно улучшилось.

У данного обследуемого следует говорить о наличии психопатии, вернее, о двух психопатиях — субдепрессивной и ананкастической, ибо обе акцентуации весьма выражены и препятствуют нормальному течению жизни. Возможно, сами по себе эти акцентуированные черты не были бы столь серьезны, если бы одна не усиливалась за счет другой. Дистимический темперамент заставлял С. воспринимать жизнь пессимистически, а склонность к навязчивому раздумыванию в связи с этой пессимистической установкой усиливалась и приводила к депрессиям. Недостаток энергии и активности, объясняющийся дистимическим темпераментом, весьма вредно отражался на всем жизненном укладе С. То, что С. все же получил образование, объясняется положительной стороной обеих черт: добросовестностью и вдумчивым, серьезным отношением ко всему.

Психотерапия затруднена и тогда, когда педантическая личность обладает аффективно-лабильным темпераментом: частая смена настроения постоянно сводит на нет наши терапевтические достижения. Решения, принимаемые такими людьми, всегда неустойчивы.

Ниже привожу сведения о Х., описанном ранее Бергман.

Хорст Х., 43 лет. По желанию отца выучился на механика по точным работам, хотя с детства мечтал стать музыкантом. Позднее обучился игре на духовом инструменте. Затем — война, принесшая солдату Х. много тяжелых переживаний: он не мог примириться с бессмысленными и безответственными требованиями фашистских военачальников. После войны играл в разных оркестрах. Как музыканта его ценили, однако он часто менял место работы, так как не уживался в коллективе. До открытых ссор не доходило, напротив, Х. внешне отличался сдержанностью, но он не мог продолжать сотрудничать с людьми, против которых таил в душе глубокую обиду. Х. поступил в клинику как раз после очередной перемены места работы: начальник якобы сказал ему «пару острых слов», хотя тот, как

выяснилось, вовсе и не хотел задеть его. Х. был хорошим семьянином, много помогал жене по дому, но считал, что половой жизнью ему не следует злоупотреблять, так как это вредит здоровью.

Уже в школе Х. испытывал торможения, очень боялся, когда его вызывали отвечать. Настроение вечно колебалось, то он ликовал, то приходил в отчаяние, плакал. Вместе с тем он превыше всего ставил порядок, аккуратность, его жестким правилом было: «каждая вещь должна знать свое место». То же и в работе: он часто собственноручно переписывал партию своего инструмента, чтобы дома «еще потренироваться». Постоянно проверял, выключено ли электричество, газ, закрыты ли замки на дверях.

Х. поступил к нам по поводу боли в сердце, боясь смертельного исхода. До этого нередко вызывал неотложную помощь, один раз врач госпитализировал его с подозрением на инфаркт. Мы попытались разъяснить ему характер его заболевания. Состояние депрессии прошло, Х. обрел веселость, стал активнее. Но стоило ему где-то услышать о заболеваниях сердца, как он начинал ощущать боль. Однажды у Х. появилось кровотечение геморроидального происхождения. Он был в ужасе: боялся заражения крови («каловые массы проникнут в кровь»).

Состояние больного в итоге улучшилось, но лабильный темперамент, частая смена настроения остались. Постоянно, при любом настроении, сохранялись черты педантичности: аккуратность в одежде, скрупулезная подготовка оркестровых партий.

В образе жизни Х. можно прежде всего увидеть проявление циклотимии, которая достигает степени психопатии. Из-за постоянной смены настроений Х. часто менял место работы, хотя объективных причин к этому не было. Педантичность вначале проявлялась не так резко, напротив, она вызывала отрадную добросовестность, однако позднее развился ипохондрический невроз. Боль в области сердца заставила Х. углубиться в поиски ее причин, его начали обуревать опасения. При лечении было нетрудно установить, что страхи обусловлены не только педантичностью обследуемого, но и циклотимией: когда Х. бывал в приподнятом настроении, оказать на него психотерапевтическое воздействие было легко, в плохом настроении он с трудом поддавался лечению.

Педантичность и тревожный темперамент относятся к разным психическим плоскостям. Однако если оба вида акцентуации наблюдаются у одного человека, возможен суммирующий эффект. Это связано с тем, что одним из важнейших признаков ананкастического характера также является страх.

Привожу случай, описанный ранее Бергман.

Вальтер Р., 31 года, сначала слесарь-инструментальщик, затем инженер. Работник хороший, но в обществе всегда неуверен в себе, застенчив, рано уходит домой. До сих пор не имел интимной связи с женщиной. Р. считает, что он, возможно, импотент.

В работе чрезвычайно педантичен, скрупулезен, чаще других коллег контролирует счета. Проверяет газ, запоры в подвале, уходя, возвращается,

чтобы убедиться, все ли им сделано по правилам. Уже в детстве Р. был боязлив, боялся грозы, а собак боится до сих пор. Не выносит вида крови, отворачивается, когда у него берут кровь для исследования. Необыкновенно пуглив, пустяковые неожиданности приводят его в трепет.

После гнойного аппендицита стал испытывать страх перед заболеваниями кишок: часто ему мерещились явления перфорации кишок, рак прямой кишки. При ощущении тяжести в голове боялся психического заболевания. Фактически испытывал страх при мысли о нарушении любой функции организма.

В клинике мы поставили перед собой цель не только излечить Р. от ипохондрического невроза, но и помочь ему в установлении социальных контактов, что в некоторой степени удалось.

Тревожность Р. мешала ему жить. Так, до 31 года он не имел интимных отношений с женщиной. Крайняя заторможенность в социальном плане сочеталась у него с хорошими трудовыми показателями. Тревожность играла отрицательную роль в связях с людьми, но в профессиональном плане она не чувствовалась. Кстати, тревожность «предохраняла» Р. от вступления в споры с начальством. Тяжелые торможения Р. объясняются тем, что его тревожность, боязливость происходили из двух источников: во всех своих поступках он был всегда большим педантом и уже в детстве отличался боязливостью.

Сочетание педантичности и тревожности часто уже в детстве вредно отражается на нервной системе. Заики обычно либо являются ананкастами, либо обладают тревожным темпераментом, но чаще всего у них сочетается и то и другое. У ребенка тревожность часто связана с напряжением, при котором возникают нарушения со стороны артикуляции, но если ребенок к тому же и педантичен, он начинает усиленно следить за речью, что еще больше усугубляет нарушения.

Приведу пример ребенка, заболевшего логоневрозом заикания на почве данной комбинации.

Хельмут К., 12 лет, имеет двух младших братьев. Ходить начал в 1,5 года, аккуратно испражняться—лишь с 5 лет. С малых лет очень боязлив, неохотно уходит из дому, контакта со сверстниками наладить не может. Боится матери (мать раздражительна, плохо слышит). Если о чем-либо хочет попросить родителей, подсылает младших братьев. Боится детей, которые часто бьют его, со взрослыми крайне робок. В школе учится хорошо, он один из лучших учеников класса. Весьма аккуратен в одежде, экономно расходует карманные деньги. Говорить начал в два года, но артикуляция многих слов была неправильной. Позже это перешло в заикание, которое особенно усилилось, когда он поступил в школу: его непрерывно дразнили и сделали посмешищем класса. Когда Хельмута журили,— он плакал.

Хельмут поступил в наше детское отделение по поводу заикания. Мы сразу установили, что он весьма боязлив и заторможен. Над предлагаемыми заданиями думал очень долго. При трудностях у него сразу опускались

руки. Прошло много времени, пока он привык к нашему персоналу. Мы усиленно следили, чтобы дети не смеялись над Хельмутом. Он всегда искал общения с младшими детьми. Когда Хельмут свыкся с обстановкой, лечение пошло хорошо., В процедуры и тренировки Хельмут вкладывал много рвения.

Перед нами ребенок, с одной стороны, весьма пунктуальный, добросовестный в учебе, аккуратный в одежде, с другой — чрезвычайно тревожно-боязливый. Трудности, испытываемые им при овладении речью, перешли в заикание. Несомненно, в тот период многое тревожило его, например раздражительность матери. Поступление в школу, насмешки детей усугубили заикание. Вероятно, только боязливости, тревожности было недостаточно, чтобы вызвать и поддерживать заикание, но вторая акцентуированная черта Хельмута вела к постоянному контролю за своей речью и усугубляла внутреннее напряжение.

Среди сочетаний застревающих черт характера со свойствами темперамента особенно важна застревающе-гипертимическая комбинация, так как она таит в себе опасность кверуляторного развития. Начало состояния обусловливается застревающими чертами, а гипертимическая жажда деятельности усугубляет его развитие. Если бы мы имели дело только с застревающей акцентуацией, то причины постоянных жалоб в конечном счете исчерпали бы себя, но гипертимический темперамент заставляет изобретать все новые поводы жаловаться. В противоположность паранойяльному развитию, кверуляторное отличается хлопотливостью, суетливой деловитостью. Такие люди никогда не находят покоя, у них все время повышенное настроение.

Привожу наблюдение, описанное ранее Зайге.

Рудольф К., 54 лет, печник. Впервые обратился к нам в 1960 г. по специальному отношению Института судебной медицины, где он настойчиво требовал справки о том, что жена его скончалась из-за отравления угарным газом, причиной которого явилось неудовлетворительное состояние дымохода в квартире. Поскольку в институте К. произвел впечатление человека психически неуравновешенного, он был направлен к нам.

К. начал с того, что устроил скандал в регистратуре. Полился нескончаемый поток обвинений в адрес регистратора («наглая особа!»), домоуправления, пожарного управления, судебной медицины и ряда министерств, что весьма затруднило собирание анамнеза.

К. превосходный работник, обладает веселым, общительным нравом, характеризует себя как «оптимиста» и «борца за справедливость». Женился по любви в 1938 г., брак был удачный, но детей не было.

Все началось с небольших разрушений в доме, причиненных бомбардировкой во время войны, в частности трещин в стене возле дымохода, проходящего в спальне.

С 1954 г. у жены К. появилась сильная одышка, что К. объяснял

отравлением угарным газом. По его словам, ремонт в доме после войны был проведен чисто «косметический». Он засыпал жалобами домоуправление, жилищное управление, пожарное управление, но все считали, что дымоход работает нормально. Тогда К. самовольно стал вносить меньшую квартплату, чем положено.

Между тем жене К. становилось все хуже (головокружения, рвота). В 1958 г. у нее был диагностирован порок сердца — тяжелый стеноз митрального клапана. К. продолжал настаивать на отравлении угарным газом. Он подал в суд на городское управление, требуя возмещения жене зарплаты за все время болезни.

Суд привлек в качестве эксперта начальника по очистке дымоходов района, установившего, что если даже попадание ничтожной доли угарного газа возможно, то это не может быть причиной хронических заболеваний сердца у жильцов. Тогда К. подал на начальника жалобу в прокуратуру. Он обвинял его в систематическом отравлении жены, в намерении совершить убийство. Эту жалобу у него не приняли.

На заявления и жалобы К. расходовал четверть своей зарплаты. При отказе обращался во все более высокие инстанции. Между тем домоуправление предприняло весьма солидный ремонт дома.

Однако это не успокоило К. Теперь он уже считал, что отравлен и он. Когда в 1954 г. жену поместили в больницу, он потребовал расследования по установлению хронического отравления угарным газом у жены и у него. Медицинская комиссия экспертов интоксикации не установила.

Вскоре жена умерла. К. продолжал искать все новые пути, «чтобы справедливость восторжествовала». Тогда-то он и попал к нам.

Когда мы попросили его принести всю собранную им по делу документацию, он искренне пришел в ужас: «Бог ты мой, да мне такую тяжесть за один раз не дотащить!» Он принес увесистую папку, в которой, как заявил, содержалось «важнейшее», но оставить ее не захотел: «Ознакомьтесь при мне и верните». Его жалобы пестрели юридическими и медицинскими терминами, усвоенными им во время многолетней тяжбы. Наш врач указал ему на бессмысленность ведения таких судебных процессов, тогда К. заявил, что «врач и они — одна компания», что врач их «покрывает». Лейтмотивом бесед с К. было требование «справедливости». Сам он, по его словам, так основательно отравлен угарным газом, что чувствует себя дурно, с работой в артели уже не справляется и, видимо, «вскоре отправится вслед за женой».

За полгода у нас было 10 собеседований с К. Нам удалось оказать благоприятное воздействие на его психическое состояние и на физическое недомогание. Но от стационарного психотерапевтического лечения К. наотрез отказался. Он продолжал лечение только в своей районной поликлинике и больше у нас не появлялся.

В начале жизни у К. преобладает гипертимический темперамент, но уже в

ту пору он был «фанатиком справедливости».

Может быть, тогда защитой от подозрительности и чрезмерной чувствительности ему служил веселый нрав. Но в дальнейшем стали проявляться паранойяльные черты характера. Его опасения, что через трещины в стене проникает угарный газ, подрывающий здоровье жены, были явно безосновательны. Но они служили питательной средой его маниакального сутяжничества. Это усугублялось ухудшением здоровья жены, и он продолжал неутомимо изыскивать всевозможные новые кляузы. Огромный материал, собранный им по «делу», показывает как упорство К., так и его гипоманиакальную «деловитость».

При менее значительной паранойяльной тенденции, когда гипертимические черты одерживают верх, прогрессирующее развитие не наблюдается. Благодаря «текучести» темперамента в поле зрения таких людей всякий раз попадает что-либо новое. Развитие, начинаясь, всякий раз обрывается, вновь приобретая иную паранойяльную направленность.

Привожу наблюдение, описанное Бергман.

Эмиль Р., 54 лет. После школы начал учиться на механика, стал слесарем. В 1923 г. по совету отца решил на длительный срок уйти в армию. Подписал обязательство на 12 лет, но, прослужив 2 года, ушел. Никто его не удерживал, так как он постоянно высказывал претензии и жалобы. Снова стал работать слесарем. Вскоре начались конфликты с начальством. Позднее Р. открыл собственную слесарную мастерскую; дело шло хорошо, так как он работал всегда охотно. Во время войны был мобилизован, служил ревностно, но и здесь отчаянно ссорился с начальством. Дело дошло до судебного разбирательства. Во время процесса его частично оправдали, но перевели служить в другое место. Р. рассказывал, что многие коллеги его защищали. После войны (с 1945 г.) работал в сельском хозяйстве, затем заготовителем древесного угля. Постоянно жаловался, что его не повышают по службе (не повышали Р. из-за его деятельности при фашистском режиме). Наконец, в 1950 г., благодаря содействию шурина, он получил должность бухгалтера. И здесь вскоре начались конфликты, он заявлял о том, что завален «массой работы», требовал помощника, который по штатному расписанию предусмотрен не был. Тогда Р. перестал выполнять положенный объем работы, ссылаясь на заболевание — писчий спазм. Когда с него сняли часть обязанностей, он снова начал преуспевать. Свои обязанности Р. вообще выполнял легко. Здесь, как и везде, у Р. появились друзья, так как он был «компанейским» человеком, лишь бы ему ни в чем не перечили. Однако стоило смениться начальнику, как трудности появились вновь. Р. чувствовал, что «за ним все время следят», а ведь он знает дело лучше, чем «этот новичок». Снова у него появился писчий спазм. Тогда он и был направлен к нам для психотерапевтического лечения.

Мы сразу установили, что нарушения письма как такового не было: писчий спазм был формой проявления протеста. Как только обследуемый успокоился, у него прошел и спазм.

Р. был человеком самоуверенным, весьма подвижным, темпераментным, с оживленной мимикой, выразительными жестами; во время беседы часто

горячился, был не в меру многословен. У него установились хорошие отношения с другими больными. Он был способен всех развеселить, позабавить. Когда речь заходила о конфликтах, возникавших на протяжении всей его жизни, вину за <жизненные неудачи» он сваливал на других. Необъективность, отсутствие самокритичности — его отличительная черта. Если Р. на это указывали, он с ожесточением возражал, приводил самые различные факты, якобы свидетельствующие о несправедливом к нему отношении, против которого он не мог не протестовать. В эти моменты в нем пробуждался кверулянт, он осуждал не только лиц, связанных с его конфликтами, но брался судить со своей колокольни и о многом другом. Беспечность и жизнерадостность во время бесед на эти темы покидали Р., но одно шутливое слово способно было вернуть ему хорошее расположение духа.

Гипоманиакальный темперамент Р. вызывал его большую активность, отсюда и симпатии окружающих к нему. Трудности его связаны были с конфликтами на почве «несправедливого отношения», в которые он постоянно вступал на любом месте работы или службы. Однако эти споры никогда не носили длительного характера. Поконфликтовав некоторое время, поспорив «за свои права», Р. просто менял место работы. На первых порах к нему нигде не относились враждебно, более того, за общительность многие даже любили его.

Особым качеством обладает комбинация застревания и тревожности. Тревожность связана с принижением человеческого достоинства. Такие лица слабы, беспомощны. Застревающие личности не могут этого вынести, они всячески стараются выделиться, задеть их самолюбие очень легко. Так возникает сверхкомпенсация. Эта компенсаторная реакция наблюдается и при эмотивном темпераменте, но все же чаще всего она сопровождает именно тревожность. Поскольку всякий старается скрыть свои слабости, поведение таких людей характеризуется утрированностью и некоторой настойчивостью. Так можно отличить сверхкомпенсацию от обычного желания произвести впечатление. Дети также могут развивать сверхкомпенсацию, напуская на себя важность, чтобы скрыть трусость.

Привожу описание, сделанное Бергман.

Михаэль Ф. поступил к нам впервые в 9 лет в связи с жалобами на его невыносимое поведение в школе. Он из не очень дружной семьи: мать чрезвычайно ревнива, отец весьма упрям. Аккуратно мочиться Михаэль стал лишь в 4 года. Он очень боязлив: боялся спускаться по лестнице, один оставаться дома, боялся собак, воды (если надо было перейти мост, он пускался бежать по мосту во всю прыть). Младших братьев сильно ревновал к родителям, часто между детьми возникали ссоры. Если мальчику не доставалось наилучшее лакомство или красивая игрушка, он досадовал, злился, считал себя обойденным.

Особенно трудно пришлось Михаэлю в школе. Дети сразу увидели в нем трусишку и начали его отчаянно дразнить, нередко били. Девочки тоже смеялись над ним. Он мстил им, раздавая исподтишка тумаки, пытаясь ущипнуть под скамьей.

Если младшие братья говорили ему резкое слово, он тотчас же бросался их бить.

В школе он лазал по скамьям, бросался апельсинными корками, спорил с учительницей, грозил ей кулаком. Однако стоило поднять на него голос, как он начинал плакать и, всхлипывая, умолкал.

Успеваемость в школе хорошая, но в нашей школе при клинике он не сразу стал хорошо учиться. Михаэль вообще долго привыкает к новой обстановке и вначале производит впечатление замкнутого, сердитого ребенка. Освоившись у нас, он рассказал и о разных своих проделках в школе. Еще чаще, чем на учителей, он злился на соучеников. Но почему именно он злился, Михаэль объяснить не мог. С детьми в нашем отделении он ладил, но больше льнул к взрослым, у которых искал защиты.

Михаэль выписался в удовлетворительном состоянии, но через два года поступил к нам вновь. Причина опять та же — недисциплинированность в школе. Часто отказывался отвечать нам на вопросы, иногда наблюдались приступы необъяснимого гнева. Однажды в наказание за какой-то проступок его во время перерыва оставили в классе. От злости он схватил мусорную корзину и бросил ее вместе с содержимым на играющих во дворе детей. В отделении он дружил теперь с детьми невыдержанными и даже гордился тем, что они его «приняли». С медсестрами бывал груб. Но с другой стороны, как и в первый раз, льнул к взрослым, радовался, когда его хвалили. Грубых нарушений мы у него не наблюдали.

Михаэля в основном характеризует тревожность, боязливость. Но к этому присоединяется еще и повышенная ревность: он ревновал мать к младшим братьям, завидовал им — в этом проявляются черти застревающей личности. В школе трусливость очень вредила мальчику, он стал «мишенью» для сверстников. Но это не заставило его держаться в стороне, чтобы не подвергаться нападкам. Напротив, он искал возможности тайком отомстить и вопреки всему одержать верх. Кроме того, такая тактика открывала возможность выделиться, обратить на себя внимание. Так Михаэль превратился в отъявленного нарушителя спокойствия всей школы. Пусть его дразнят, избивают, пусть не хватает сил защищаться,— но все же он окажется в центре внимания, а быть может, и восхищения. И он позволял себе безобразничать как никто другой. Все его «проделки» были направлены на то, чтобы любой ценой выделиться. Впрочем, подход к ученикам в нынешней школе весьма мягкий, так что последствия Михаэля не особенно пугали.

Переходя к возбудимым акцентуированным личностям, замечу, прежде всего, что здесь новое качество акцентуации в сочетании с чертами того или иного темперамента не возникает, однако возможны любопытные акцентуационные разновидности. Труднее всего дифференциация в тех случаях, когда возбудимый характер сочетается с аффективно-лабильным темпераментом, так как эпилептоидные личности сами по себе склонны к колебаниям в настроении. Правда, в блаженно-приятное состояние эпилептоиды впадают редко.

Вопрос о том, каков же будет результат при сочетании эпилептоидной

тяжеловесности с маниакальной подвижностью, безусловно, заслуживает внимания. Я попытаюсь ответить на него, приведя следующий случай.

Райнхард К., 1939 г. рожд. В школе дважды оставался на второй год, впрочем, не столько из-за недостатка способностей, сколько из-за нежелания заниматься (часто пропускал занятия). К. женился в 24 года, но к тому времени у него уже было двое внебрачных детей. Через 1,5 года он развелся (жена постоянно устраивала сцены ревности, и он ее избивал). От этого •брака тоже был ребенок. Алименты выплачивались всем троим детям весьма нерегулярно. К. отличался повышенной сексуальной возбудимостью. Состоя в браке, он по нескольку раз в день требовал у жены совершения полового акта. Объекты его вожделений часто менялись. Бывшие его любовницы утверждали, что он груб и склонен к насильственным действиям. Если, например, женщина отказывалась от совершения полового акта, он жестоко ее избивал.

В работе К. показывал себя с хорошей стороны. Если, однако, что-либо ему было не по вкусу, то он попросту оставлял рабочее место и уходил. Кроме того, в рабочее время он часто болтал всякий вздор, любил смешить товарищей.

С домашними животными обращался заботливо, но, разозлившись, жестоко их избивал. Предметы домашнего обихода в припадке злости швырял куда попало. Если коллеги, разыскав К., просили его вернуться на рабочее место, это вызывало потоки нецензурной брани.

В 1958 г. К. судили по поводу кражи со взломом. И в дальнейшей биографии за ним числится несколько краж. Наконец, в 1964 г. он предстал перед судом по обвинению в попытке изнасилования и убийстве. Когда женщина, которую он побуждал к сожительству, ему отказала, он ее задушил.

С этим обследуемым я познакомился, когда ему было 26 лет. Когда с ним говорили о его судимости, он реагировал очень бурно, заявляя, что это не имеет отношения к следствию. Но злость скоро проходила, и тогда он становился весел, смеялся, шутил. Тест на продуктивность нам провести не удалось, так как К. с ироническими замечаниями отказался. Результаты проверки интеллекта вполне удовлетворительные. По физическому развитию К. крупный, грубовато сколоченный мужчина с очень грубыми чертами лица.

У К. наблюдается патологическая раздражительность со склонностью к насильственным действиям. В сфере труда проявлял большую недисциплинированность. В насильственных действиях был крайне несдержан. К этому присоединялись безудержные половые влечения. Даже если исходить из диагноза эпилептоидной психопатии, все равно возбудимость и неустойчивость психики К. выражены чрезвычайно резко. Последнее объясняется тем, что у К. одновременно были и гипертимические черты. Он был склонен шутить во время работы, пытаясь развлечь и рассмешить сотрудников. Во время обследования, проводившегося мною, он был весел, отпускал юмористические замечания. Но в мыслях и поступках у него не было живости: она полностью перекрывалась

эпилептоидной тяжеловесностью.

Надо полагать, что податливость влечениям объяснялась у К- эпилептоидным началом, которое усиливалось гипоманиакальными чертами.

Отрицательно, видимо, сказывается сочетание возбудимого характера и дистимического темперамента. Это подтверждается одним из моих наблюдений.

Герхарду Ш., когда я с ним познакомился, было 31 год. Он уже привлекался к судебной ответственности по поводу кражи, вымогательства, обмана, злоупотребления служебным положением и растраты. Щ. отличался интеллектуальной тяжеловесностью, на простейшие вопросы отвечал очень медленно, с большими паузами. Во время испытания на продуктивность назвал за 3 мин всего 25 предметов. С тестом по сравнению понятий он справился удовлетворительно, но в тесте на комбинаторику потерпел фиаско, так как не мог составить простейшего предложения из трех слов. Характерно то, что именно комбинаторные интеллектуальные данные у Ш. отставали.

Во время обследования Ш. был очень неприветлив, угрюм, но раздражительности не замечалось. Напротив, он говорил о том, что склонен к навязчивым размышлениям, тяжелым депрессивным расстройствам, когда вспоминаются разные печальные события, как, например, кончина отца, долгая разлука с ребенком или его, Ш., преступные деяния. Когда речь заходила о последних, Ш. впадал в состояние депрессии: он был близок к слезам, при попытке сдержать слезы рот искажался гримасой, он долго сидел, опустив голову. Эпилептоидная замедленность у Ш. усиливалась депрессивностью. Именно последним компонентом его психической структуры можно объяснить, что степень наказуемости проступков обследуемого была не столь высока, как у других эпилептоидов. Многосторонность его преступных склонностей можно было бы сравнить с картиной эпилептоидных подростков, однако, в отличие от них, у Ш. отсутствовали проявления насилия. Мне думается, что субдепрессивность темперамента Ш. действовала ослабляюще на вспышки гнева и это «предохраняло» его от совершения актов насилия. Однако «готовность к преступности» этим не ослаблялась, она лишь направлялась в другое русло. Обследуемый, возможно, еще больше, чем эпилептоиды, был склонен к совершению наказуемых действий, так как он больше ощущал неудовлетворенность отрицательными сторонами жизни. Таким образом, можно предположить, что зависимость от эпилептоидных влечений привела Ш. к уголовным проступкам, которые совершались импульсивно, будучи навязанными ситуацией, но субдепрессивный компонент темперамента определил особый характер его преступных действий.

У одного обследуемого с такой же комбинированной структурой личности (описан Ширмером в нашем совместном труде) меньше был выражен возбудимый характер, но в большей степени проявлялись дистимические черты. Вероятно, этим можно объяснить, что в данном случае не наблюдалось такой ярко выраженной зависимости обследуемого от влечений и что депрессивное начало не только снижало возбудимость, но и

оказывало некоторое благоприятное воздействие, например обусловливало серьезное отношение к обязанностям.

Хельмут Ц., 22 лет, связист. Обладает спокойной, медлительной психомоторикой.

Бабушка с материнской стороны страдала сильными приступами мигрени, больше о болезнях в семье никаких сведений нет.

Появился на свет при помощи кесаревого сечения. В возрасте 11 лет перенес несколько приступов «глазной мигрени». Во время приступов всякий раз примерно в течение часа терял зрение на один глаз. Учился в начальной школе отлично, позднее —• удовлетворительно, всегда был дисциплинированным, спокойным ребенком. Профессию связиста приобрел в железнодорожной спецшколе связи, экзамены сдал на «отлично». Школа даже направила его в вуз, на факультет инженеров связи, однако он по материальным соображениям вынужден был отказаться. С 1955 г. Ц. служит в армии, где работает по специальности. Через 4 года после поступления в армию Ц. обратился в нашу клинику.

Ц.— медлительный, малоподвижный мужчина. Без особого внешнего повода он не ищет общества, но даже и при наличии стимула включается в общение весьма туго. Ц. очень любит детей, животных, собственными усилиями еще подростком смастерил себе аквариум, который существует и по сей день. Ц. нельзя характеризовать как человека, оторванного от коллектива, хотя он, безусловно, очень мало контактен, а на тесные контакты вообще неспособен. Самый ничтожный повод вызывает у него возбуждение, стресс, хотя он отлично отдает себе отчет в том, что сам повод «выеденного яйца не стоит».

Когда Ц. обнаружил, что невеста его обманывает, он впал в бессильную ярость. С этого момента он и начал пить, впрочем, выпивка долгое время не выходила за рамки дозволенного. Но и в этой начальной стадии его нередко преследовали мысли о самоубийстве. Однажды в состоянии опьянения он схватил с туалетного столика бритву, собираясь перерезать себе вены. Когда бритву у него отняли, он стал выдергивать пружины из матраца, чтобы ими ранить себя. Но его удалось привести в чувство. На следующий день он начисто забыл о происшедшем и был ошеломлен, когда мать рассказала ему о подробностях.

Все неприятности кончались у Ц. походом в пивную. Пиво нередко было ему противно, вызывало тошноту, но он продолжал пить: «ничто меня так не успокаивало». С другой стороны, опьянение действовало на него деприми рующим образом, он чувствовал себя «всеми покинутым», часто появлялись мысли о самоубийстве.

Родители Ц. в конце концов обратились к офицеру его воинской части, хотя он здесь ни разу еще не был замечен в злоупотреблении алкоголем. Он пришел к нам на прием в сопровождении двух офицеров: оба они расхваливали честность Ц., его скромность, готовность помочь товарищу, трудолюбие и отличную профессиональную сноровку. Начальство планировало отправить его в вуз, для усовершенствования знаний, но Ц., по

неизвестным причинам, наотрез отказался. Товарищи по воинской части поделились с нами, что потерять такого работника им было бы очень жаль, просили нас его непременно вылечить.

Злоупотребление алкоголем у этого медлительного, тяжеловесного мужчины объясняется его возбудимостью. Наряду с этим следует отметить и положительные стороны его личности: весьма добросовестное отношение к своим обязанностям, дружеский контакт с товарищами по части. Последние черты мы склонны приписывать депрессивному началу. Оно способствовало и тому, что во время исполнения служебных обязанностей он всегда способен был совладать с тяжелым состоянием возбуждения. Но его тяжелые запои, попытки самоубийства свидетельствуют о том, что депрессивное начало у Ц. является не только благоприятным фактором.

Я располагаю еще рядом интересных фактов. Например, тревожный темперамент не может действовать нейтрализующим образом на возбудимую личность. Так, тревожность обследуемого, описываемого ниже, лишь повернула его преступные склонности в другую сторону.

Иоахим Р., 19 лет. Уже ребенком испытывал страх перед более сильными товарищами, случалось, что был для них «мишенью». Р. боялся также собак, темноты. Спускаясь в погреб, начинал петь, чтобы прогнать страхи. Р. было 15 лет, когда он днем зашел в квартиру знакомой семьи и украл там 9 марок, электробритву, автоматический карандаш, ручные часы и лупу. В том же году он обокрал домики на пяти пригородных дачных участках, брал там в основном продукты. Пропускал занятия в профучилище. Когда мать потребовала, чтобы он принес справку о своих посещениях за подписью учителя, Р. подделал подпись, что, кстати, проделывал неоднократно. Во время занятий в училище он разъезжал по городу на велосипеде. Р. подделал дату рождения в ученическом билете, чтобы его пускали в кино на сеансы для взрослых. В 16-летнем возрасте Р. снова похитил из квартиры ручные часы, опять разъезжал на чужом велосипеде по городу (велосипед он, впрочем, вернул владельцам). Пришло время поступать учиться, чтобы приобрести специальность. Вначале он решил стать пекарем, но вскоре бросил эту идею: в цехах было чересчур жарко. Затем он перепробовал множество профессий, но едва попробовав, беспричинно исчезал с работы. В возрасте 17—18 лет у него было зарегистрировано 7 краж, в 19 лет —еще 6. В квартиры он входил либо с помощью отмычки, либо когда хозяева оставляли в замочной скважине ключ. Крал деньги, продукты.

Р. сообщил, что когда ему представлялась возможность обокрасть квартиру, он не раздумывал, а тут же действовал. Лишь позднее приходило сознание, что он снова совершил непорядочный поступок. К насилию Р. не прибегал никогда. В детстве, когда его били, в нем закипал гнев, но он не отвечал обидчикам. Он и сейчас быстро возбуждается, готов в эти минуты швырять на пол все, что попадается под руку. Проигрывая в карты, он так злится, что не может продолжать игру. Во время беседы Р. в общем был скуп на слова, неохотно отвечал на вопросы. Интеллект его оказался ниже нормы, но все же о дебильности не могло быть и речи. В пробе на продуктивность за 3 мин назвал 27 предметов.

Преступность Р. объясняется тем, что он как эпилептоид не способен

бороться со своими влечениями. Отсутствие насильственных действий связано с наличием черт тревожности. Поэтому он позволял избивать себя, поэтому позже его коллеги стали называть его «трусом». Гнев закипал в нем мгновенно, в порыве гнева он бросал на пол предметы, но никогда (из-за страха) не становился агрессивным. Можно предположить, что импульсивность Р. реализовалась в кражах, так как он не мог отреагировать в открытых схватках со своими недругами.

До сих пор я рассматривал сочетания различных характеров и темпераментов, так как они дают гораздо более заметные результаты. Сочетание тех или иных свойств темперамента ничего существенно нового не дает, получается скорее смешанный тип акцентуации, при котором трудно отделить один темперамент от другого. Например, реакции, с которыми мы сталкиваемся при тревожности и эмотивности (сильное восприятие тяжелых переживаний, слезливость и т. д.), могут также наблюдаться при дистимическом и циклотимическом темпераментах. Если акцентуация сводится к одной яркой особенности темперамента, то все реакции представляют собой единую, весьма четкую картину. При сочетаниях же соотношения реакций становятся зыбкими. Однако новые реакции при этом не возникают. Вот почему не обязательно в этих случаях определять поведение человека исходя из сочетаний черт разных темпераментов. Следует напомнить также, что гипертимия и дистимия, например, обладают свойством взаимно уничтожаться.

Я приведу лишь одну комбинацию темпераментов, дающую довольно характерную картину.

Дело в том, что можно было бы считать родственными «счастливый темперамент», т. е. один из полюсов аффективно-лабильного темперамента, и гипоманиакальный темперамент. На самом же деле речь идет о чертах, в корне различных. Четко разграничиваются они и тогда, когда встречаются в сочетании.

Приведу описание обследуемого, сделанное Ширмером в нашем коллективном труде.

Руди М, 38 лет, популярный артист эстрады. Невысокий, крепкого сложения, с густой длинной шевелюрой, речь свою сопровождает размашистыми патетическими жестами.

Дедушка и бабушка были людьми веселыми и беспечными. Мать колебалась между двумя полюсами — веселости и серьезности. Отец — жизнерадостный, предприимчивый человек. Таков и младший брат М. Пятнадцатилетняя дочь — девочка тихая, серьезная, не очень приветливая. Другая дочь, 12 лет, настроена чаще всего оптимистически.

Сам обследуемый всегда весел, невероятно активен, разговорчив, увлекается сам и всех вокруг увлекает. В обществе он всегда в центре внимания, добродушен, добр, заботливый муж и отец. Иногда им овладевает возбуждение по совершенно ничтожному поводу. В подобном состоянии он может даже побить жену.

Детство и юность М. ничем не примечательны. Успеваемость в школе средняя. Соученики любили М., он пользовался у них уважением и авторитетом, умел всех увлечь.

По окончании школы М. пошел по торговой части (изучал экономику зернового хозяйства). Затем — война. По окончании войны, после демобилизации, открыл мастерскую бытовых изделий, где занимался переработкой военного имущества на предметы домашнего обихода. Он занимался также изобретением игр для детей и различных игрушек со сложными механизмами. Одновременно М. разрабатывал усовершенствованный язык для глухонемых, так как после войны было много глухонемых-инвалидов. Этот язык должен был заменить обычный язык глухонемых, знаки-жесты которого малоэстетичны. О своей новой системе М. издавал на свои средства брошюры. Однако правительство не проявляло никакого интереса к его новому мимическому языку. Тогда М., не долго думая, решил применить его для своих собственных нужд. На основе изобретенного им языка он разработал систему эстрадных трюков и за короткое время стал у себя на родине и за рубежом знаменитым «ясновидящим». М. тщательно собирает и хранит свою «прессу». Его артистическое имя стало символом особых способностей, и многие солидные газеты печатали обширные восторженные рецензии о его выступлениях. Некоторые периодические издания задавали даже осторожный вопрос: не следует ли демонстрации М. считать доказательством того, что существует мир сверхъестественного.

Выступления М. продолжаются по сей день. Он неиссякаем в смысле новых идей, задался целью включить свой номер в программы кино и телевидения.

Единственное, чем иногда прерывается серия блестящих успехов М.,— это эксцессы, связанные со злоупотреблением алкоголем. Еще юношей он начал пить пиво в довольно больших, со временем всевозрастающих количествах. Не проходило и недели, чтобы он не напивался один-два раза до бесчувствия. Во время опьянения он становился агрессивным, приставал к присутствующим, пытался затеять драку. Жена болезненно реагировала на его поведение в пьяном состоянии. По ее настоянию М. явился к нам на прием.

Мы поместили его в стационар, где он сразу же «прижился»: собирал вокруг себя больных, отпускал грубоватые шуточки, демонстрировал фокусы и во все вмешивался. Тонус в нашем стационаре сразу резко повысился, смешливое настроение овладело даже тяжелобольными. Со временем дело дошло и до неприятных ситуаций. Например, М. решил в один прекрасный день взять на себя руководство всем нашим отделением. Он был склонен и к сильным проявлениям аффекта, связанным с событиями в стационаре: делал громкие замечания, наблюдал того или иного сложного больного, с неестественным возбуждением прощался с теми, кто выписывался из клиники. Когда сообщили, что один известный государственный деятель серьезно заболел, М. стал восклицать полным отчаяния голосом: «Увы, мой бедный… (имя) заболел, у него наверняка рак. А-ах, такой чудесный человек!»

После выписки он отказался от дальнейшего наблюдения, но все же время

от времени в клинике появлялся. Это происходило тогда, когда его поведение в состоянии опьянения приводило к конфликту с законом: с помощью клиники он рассчитывал добиться поблажки. При всякой новой встрече с врачами он вел себя очень театрально, устраивал очередной спектакль, пытался захватить в свои руки инициативу, предлагая врачам принять участие в его новых грандиозных планах.

Наши советы воздерживаться от чрезмерных возлияний он вначале выслушивал весьма серьезно и вежливо, после чего принимался весело подмигивать и подмаргивать, чем дело обычно и кончалось.

Принимая во внимание большую предприимчивость обследуемого, его обычно веселое и беззаботное настроение, мы можем определить его как представителя гипертимического темперамента. Однако его значительные успехи нельзя объяснить одной лишь гипоманиакальной деловитостью, они достигались углублением М. в соответствующие проблемы. Вынашивая планы, М. целиком, вдохновенно отдается идеям. В свои замыслы он вкладывает много труда, вот почему его изобретения интересны и оригинальны. Подтверждением аффективно-лабильных черт этой смешанной акцентуированной личности является не только патетика, с которой он говорит обычно о своих идеях, но и искренность чувств, испытываемых М. к тяжелобольным, глубокая жалость к ним. Иногда в манере поведения М. чувствовалась даже некоторая истерическая театральность, но сами чувства были глубоки и правдивы. Кроме того, истерик и вдобавок гипоманиак никогда не обнаружил бы выдержки, необходимой для того, чтобы довести идею до успешного конца.

Экстравертированная акцентуация личности и ее комбинации

ЭКСТРАВЕРТИРОВАННАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ КОМБИНАЦИИ

Я уже отмечал, в чем усматривают своеобразие экстравертированной личности. Экстравертированный человек больше обращен в сторону восприятий, чем представлений. Такой человек легко поддается влиянию окружения, стимулам извне, постоянно ищет новых переживаний, любит ходить в кино, смотреть телевизионные передачи. Он отлично чувствует себя в оживленном обществе, где получает сразу множество впечатлений и богатую информацию, и с удовольствием проводит время с приятелем, болтая о том, о сем. Среди любимых занятий таких людей следует отметить спорт, в котором они либо активно участвуют сами, либо с увлечением отдаются спортивному зрелищу. Попадаются и экстравертированные коллекционеры, однако в собирании ими тех или иных предметов не чувствуется внутренней заинтересованности. Коллекционирование не служит для них определенным интеллектуальным толчком. Во время путешествий Экстравертированная личность нацелена прежде всего на занимательные переживания, а вовсе не на то, чтобы обогатить свои знания и свой внутренний мир впечатлениями нового.

При некоторой поверхностности мышления все, поступающее извне, не

подвергается особому анализу. Это обусловливает подверженность чужому влиянию и легковерие. Любое сообщение, последовавшее в категорическом тоне, для экстравертированного лица — бесспорный факт, даже в том случае, когда достаточно хотя бы немного задуматься и сопоставить факты, чтобы возникли сомнения в достоверности информации. Поэтому часто описываемый тип людей становится просто рупором своего окружения. Все, что они слышат от других, читают, слышат по радио (а для женщин — очень часто высказывания мужа), является для них неопровержимой истиной. Однако их мнения не отличаются стойкостью, поскольку внутренне не перерабатываются. Поэтому новое сообщение, заключающее иное освещение фактов, легко может все опрокинуть в их сознании.

Явной обращенностью к тому, что приходит извне, обусловлена непосредственность реакций на внешние раздражители. События, привлекающие внимание в данный момент, легко становятся для таких людей господствующими и приводят к поступкам, подсказываемым сугубо внешней ситуацией. Мысли, которые могли бы притормозить подобную необдуманность реакций, отсутствуют. Вот почему экстравертированная акцентуация влечет за собой импульсивность поступков.

Приведу, прежде всего, пример одной экстравертированной обследуемой с законченным высшим образованием, что свидетельствует о том, что экстравертированность отнюдь не связана с недостаточностью интеллекта.

Раугильда М., 1913 г. рожд., домохозяйка. В школе училась хорошо, в 19 лет закончила среднее образование, после чего начала изучать английский язык и историю. Занятия в вузе были прерваны, когда М. в 22 года вышла замуж. Муж погиб на войне. После войны М. решила возобновить прерванные в свое время занятия в вузе, который благополучно закончила, получив диплом учительницы. Некоторое время преподавала в школе. В 33 года М. вторично вышла замуж и окончательно оставила профессиональную деятельность. Она просто не чувствовала педагогического призвания. Гораздо охотнее она занималась домашним хозяйством и детьми (их у нее двое: один от первого, другой — от второго брака). Хотя оба ее мужа и по профессии, и, судя по ее рассказам, интеллектуально находились на более низком уровне развития, чем сама М., однако они решали в семье все, кроме вопросов приготовления пищи и уборки. Социально-политические взгляды ее мужей становились ее собственными взглядами. Как же ей удалось получить высшее образование? Училась она легко, очень легко все воспринимала. Собственных мыслей, как и собственных проблем, у М. никогда не было. С обязанностями учительницы, с дисциплиной в классе она отлично справлялась. Она, в основном, придерживалась материала программы и учебников, не внося ничего своего, оригинального. Свободное время в одиночестве М. проводила неохотно, но общество всегда находилось: у нее было несколько близких подруг. Ей всегда было нетрудно завязывать близкие отношения с людьми, в частности с мужчинами. Больше всего на свете М. любила развлекаться. Она занималась и спортом — легкой атлетикой, плаванием, обожала смотреть спортивные состязания: с большим волнением следила за тем, кто победит, но никогда не ставила прогнозов. М. любила и путешествия, туристические походы, но относилась к ним несколько беспорядочно, просто радовалась, что увидит что-то новое…

Во время бесед с нами М. вела себя доброжелательно и приветливо, у нее был прямой и открытый нрав. Когда мы объяснили ей отличие экстравертированности от интровертированности и спросили, к какой бы категории она себя отнесла, она, не задумываясь, ответила: «Конечно, я экстравертированный человек».

Этот случай подтверждает, что экстравертированность или интровертированность человека отнюдь не зависит от его интеллектуального уровня. У описанной обследуемой интеллекта вполне хватило на окончание и средней школы, и вуза (правда, в два приема) Однако она никогда не отличалась умением самостоятельно мыслить. Она полагалась во всем на суждения своих мужей. О профессиональном совершенствовании думала мало. Хотя М. и умела в общем передавать своим ученикам знания, но ничего своего не добавляла. Вообще, жизнь эта обследуемая принимала легко, занималась спортом, развлекалась, путешествовала, но не задумывалась глубоко над жизненными проблемами.

Следует отметить, что М. постоянно испытывала большую радость от общения с людьми. Благодаря своему открытому нраву, отсутствию торможений, она легко находила друзей обоего пола. Однако экстравертированность не всегда сопровождается усиленными поисками контактов с людьми.

Ниже приводим случай заметной экстравертированности обследуемого, у которого общение налаживалось с трудом.

Вольфганг Г., 1945 г. рожд., каменщик по профессии. В детстве был живым, разговорчивым ребенком, но с детьми не дружил. Учился хорошо, на работе он на хорошем счету. В свободное время постоянно ищет развлечений. Любит спорт, занимается футболом, плаванием, катается на велосипеде. Выезжая на велосипеде за город, всегда берет с собой транзистор, слушает музыку. Дома постоянно слушает пластинки, имеет приличную фонотеку. По телевидению особенно любит смотреть остросюжетные фильмы или оперетты. Г. читает, хотя и не много. Излюбленные жанры — приключенческие романы, спортивные рассказы. Книгам он предпочитает иллюстрированные журналы, потому что в них не только прочтешь, «но и увидишь что-нибудь новенькое». У него есть коллекция открыток с видами различных городов и стран. Но особенно радует его возможность куда-нибудь поехать, чтобы увидеть «все это» собственными глазами. Кроме открыток, коллекционирует почтовые марки. Живет без проблем; о религии, политике не задумывается.

В целом он хорошо проводит время, но — один: не дружит ни с юношами, ни с девушками. Связей с женщинами Г. не имеет. Нет у него и потребности в дружеском участии, переживаниями он делится обычно с родными. У знакомых всегда чувствует себя немного стесненно, не находит темы для беседы. Не участвует, как правило, ни в совместных играх, ни в танцах. Вообще любит быть один, со своим транзистором, с пластинками и не испытывает потребности в обществе приятелей.

Во время наших бесед Г. всегда был вежлив, охотно отвечал на вопросы. Однако говорил он монотонно и не сопровождал свои слова ни оживленной

мимикой, ни жестами. Уже по одной слабой эмоциональной окрашенности речи можно было прийти к выводу, что ему нелегко вступать в контакт с людьми.

Итак, перед нами типичный случай экстравертированной структуры. Об этом говорит направленность интересов Г. в целом и частные склонности и увлечения: спорт, экскурсии на велосипеде с транзистором, чтение приключенческих романов и т. п. Но при этом контакты с другими людьми сведены к минимуму. «Развлекательные мероприятия» Г. предпочитает проводить в одиночку.

Любопытно, что даже его манера включаться в беседу с нами подтверждает и даже иллюстрирует его своеобразный индивидуализм: присущая ему слабая способность контактирования подтверждается скудностью выразительной моторики.

В общем же характер акцентуации личности Г. свидетельствует о типичной экстравертированности, но ввиду наличия торможений при установлении контактов с людьми эта особенность психики проецируется не на людей, а на вещи и на разнообразные внешние впечатления.

Направленность человека на людей и внешние события наблюдается также и при гипо-маниакальном темпераменте. Человек с таким темпераментом захвачен происходящим вокруг, он постоянно отвлекается. Гипо маниакальный темперамент нетрудно спутать с экстравертированностью личности. Дальше мы покажем, что их разграничение, безусловно, возможно, ибо существуют гипоманиакальные личности с типичными интровертированными чертами. Так, тихого серьезного человека, который мало «проявляет» себя, мы чаще всего относим к несомненно интровертированным личностям. Однако нередки случаи, когда субдепрессивный темперамент сочетается с явно выраженной экстравертированностью поведения. Ниже приводится такой случай.

Хелена В., 1934 г. рожд., работница. В школе эта тихая, привязчивая девочка училась хорошо, была одной из лучших учениц класса. Дети ее любили, у нее всегда было много подруг, с некоторыми она поддерживает отношения по сей день. Печальные события всегда заметно угнетают В., она дольше других помнит о них. Вообще она выделяется своим пессимизмом, склонна видеть все в мрачных тонах, хотя сплошь и рядом зловещие предчувствия не оправдываются. С незнакомыми В. несколько робка, неуверенна в себе, но с близкими общается легко и охотно. Не любит быть одна, сильно привязана к семье. Своими невзгодами чаще всего делится с родными. Любит проводить время с матерью, с сестрой или с подругой, хождению в гости предпочитает длинные прогулки. Иногда читает что-нибудь занимательное, но редко: предпочитает болтать с близкими. Других проблем, кроме бытовых, В. не знает. Никогда не задумывается над вопросами религии, политики, технического прогресса, попросту принимает к сведению то, что передают по радио, или присоединяется к мнению родных, подруг. С мужчинами вообще не контактирует, хотя ей уже за тридцать.

Во время наших бесед В. была тиха, серьезна, почти не смеялась, но все же

ощущалась в ней какая-то душевность, что весьма облегчало общение. Если мы касались тем, выходящих за пределы узкобытовых интересов, она высказывала мнения близких, которые легко принимала.

Это описание создает впечатление, что перед нами несколько недоразвитое, отсталое существо. Не надо, однако, забывать, что в школе В. хорошо успевала. Интеллект позволял ей и мнение составить, и иметь широкий кругозор. Последнего следовало бы ожидать в особенности потому, что В. обладает несколько депрессивным темпераментом, следовательно, она должна быть, склонной к раздумьям, самоанализу. Но для В. это не характерно, экстравертированность у нее проявлялась не в поисках новых знакомых, общества, не в стремлении увидеть побольше новых отдаленных объектов, а в том, что ее внимание целиком поглощено было родными и близкими подругами. Что касается более далеких знакомых, то контакты с ними тормозились ее субдепрессивными чертами.

Интровертированная акцентуация личности и ее комбинации

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНТРОВЕРТИРОВАННАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ КОМБИНАЦИИ

Интровертированная личность живет не столько своими восприятиями и ощущениями, сколько своими представлениями. Поэтому внешние события как таковые влияют на жизнь такого человека относительно мало, гораздо важнее то, что он о них думает. В большинстве случаев интровертированный человек приходит к объективно правильным умозаключениям: он не связан впечатлениями момента, он учитывает то, что ему подсказывают его прежние представления, его жизненный опыт. Известная степень интровертированности вырабатывает способность к правильным суждениям. Но если данная акцентуация сильно выражена, то личность все более отдаляется от действительности и в конечном итоге, настолько погружается в мир своих представлений, что объективно принимает в расчет воспринимаемое все меньше. В силу этого идеи не подвергаются достаточной коррекции, в результате они могут формироваться, расширяться и приобретать субъективную значимость, у которой отсутствует всякая объективная подоплека. Таким образом, в то время как разумная степень интровертированности способствует выработке самостоятельного суждения, сильно Интровертированная личность живет большей частью в мире нереальных идей.

Куда именно заводят подобные идеи интровертированного человека, в какой степени идеи теряют связь с действительностью, — зависит от интеллекта. Однако преобладание «внутренней жизни» распознается во всех случаях. Профессиональная деятельность интровертированного работника, например, постоянно сопровождается размышлениями, он вводит всякие усовершенствования, которые представляются ему целесообразными, хотя на самом деле это может быть и не так. В свободное время он ищет для себя занятий, которые будят мысль. Содержание книг он воспринимает не пассивно, а создает о них собственное мнение. Он подбирает для себя такую литературу, которая дает ему возможность углубиться в ту или иную область.

Если интровертированные люди имеют любимое занятие, увлечение, то оно поддерживается постоянным внутренним интересом, это не может быть, например, механическое накопление экспонатов для коллекции. Если они занимаются спортом, то также постоянно исходят из каких-то расчетов, взвешиваний, которые практически, возможно, значения не имеют. Однако ощущение удовольствия, которое доставляет чисто физическая деятельность, лежит за пределами как экстравертированности, так и интровертированности личности.

Интровертированные личности нередко предпочитают другим играм шахматы, которые ставят перед партнерами большое количество умственных задач. Ручная работа (у тех, кто любит ею заниматься) связана у таких людей с оригинальными замыслами, изобретениями. Немало интровертированных людей являются настоящими изобретателями, у других же дело не идет дальше пустых выдумок. Нередко эти личности носятся с идеями «исправления жизни на земле». Особенно их волнуют всякие загадки окружающего мира и трудноразрешимые вопросы. Излюбленная пища для мышления — проблемы религии, политики, философии. По многим из этих проблем они способны выработать вполне обоснованное собственное суждение, в других случаях их позиция весьма далека от жизни, ибо мало учитываются реальные факты.

Действия, поступки следуют за идеями отнюдь не обязательно или, во всяком случае, не сразу. С одной стороны, попытки действовать у интровертированных личностей неоднократно приводят к столкновению с действительностью, которая не принималась во внимание при созревании идеи, с другой стороны, сильная сосредоточенность на идеях не располагает к конкретной деятельности и даже чужда ей. Действия людей в норме всегда направлены на объект. Если этот объект все время находится в центре внимания, как это бывает у экстравертированных личностей, то он становится стимулом к началу действий, если же внимание больше направлено на внутренние процессы, то начало действий затягивается. В последнем случае то побуждение, которое исходит от объекта, слабеет, теряет эффективность. Таким путем возникает связь между подчеркнутой склонностью к раздумьям и слабой готовностью к поступкам. Интровертированные люди, как правило, медлительны и нерешительны в поступках. Само собой разумеется, что такую медлительность могут обусловливать и другие факторы, например, определенные черты темперамента, которые подталкивают или сдерживают включение в активные действия.

Ярко выраженная интровертированность ведет к изоляции личности от других людей, которые не в состоянии понять ее подчас чудаковатых идей. С другой стороны, связи с людьми могут быть слабыми также из-за первичной слабости контактов. Дифференцировать первый и второй случаи не так уж сложно, нужно только внимательнее понаблюдать за этими «одиночками». В первом случае мы обнаруживаем наличие у обследуемого странных, необычных идей, во втором общение затруднено даже тогда, когда оно касается обыденных бытовых тем. Во втором случае особенно бросается в глаза бедность мимики, застывшее выражение лица и отсутствие модуляции голоса. Если человек, несмотря на явную интровертированность личности, обладает хорошей способностью контактирования, он сам будет искать

общения, но ему постоянно будет трудно найти отклик на свои идеи, понимание их. Однако стоит интровертированному человеку установить контакт, как он будет искренне рад общению с понимающим его партнером, между ними установятся теплые отношения.

Некоторые из наблюдаемых нами интровертированных людей в прошлом перенесли невроз или психоз. Оценка их состояния складывалась из собственных рассказов обследуемых и описаний их родных.

Мне представляется, что мы, безусловно, имеем право привлекать для характеристики интровертированных личностей обследуемых, перенесших психоз, из следующих соображений: 1) не всегда эти лица болели шизофренией, иногда это был фазовый психоз; 2) мы имеем в виду исключительно поведение данных лиц уже после перенесенного психоза. Известно, что шизофреники нередко с юности, за много лет до начала заболевания, являются интровертированными личностями. Наиболее яркие случаи интровертированности я наблюдал в поведении шизофреников до заболевания и, насколько это было возможно, уже во время ее течения. Каково конкретное соотношение между данной особенностью личности и шизофренией, — пока неизвестно. Я склонен думать, что, по сути, здесь нет ничего общего. Просто интровертированные люди более восприимчивы к этому заболеванию, чем другие, поэтому у них процесс носит более ярко выраженный характер, так же как, например, некоторые особенности конституции человека явно способствуют заболеванию туберкулезом. Замечу, что особого различия между интровертированными здоровыми людьми и интровертированными людьми, перенесшими психоз, я не замечал. Возможно и такое положение, когда «готовности» к шизофрении способствует не столько интровертированность, сколько затруднение в контактах с людьми, а также оба фактора, вместе взятые. Этим вопросом детально занималась Тросторфф.

Ниже приводится описание интровертированного человека, для которого характерна способность легко контактировать с окружающими.

Мартин Ш., 1925 г. рожд., управдом. Ребенком был скромен, робок с малознакомыми людьми, однако с друзьями, которых было у него немало, жаждал «задавать тон». Подростком в школе любил ставить в тупик учителей вопросами, что приводило в восторг его соучеников. В 12 лет Ш. был направлен на несколько месяцев в санаторий. Здесь приходилось постоянно находиться среди многих мальчиков, что раздражало Ш.: он хотел контактировать лишь с небольшим количеством избранных им товарищей. Кроме того, он стеснялся вместе с другими принимать душ. К счастью, один из воспитателей его хорошо понимал и взял под свое покровительство. Во время войны Ш. постоянно искал пути, как бы не попасть на передовую. Затем — пребывание в плену. Его очень отталкивали разговоры пленных на сексуальные темы. Много играл в шахматы. Образование Ш. закончил лишь после войны.

В области эротики у Ш. были особые взгляды. В 17-летнем возрасте он выбрал себе девушку, соответствовавшую его тогдашним представлениям об идеальной жене. Он посещал ее родителей, но физического сближения с девушкой не искал. После освобождения из плена Ш. отыскал эту девушку.

Однако она почувствовала, что у него к ней какое-то рационалистическое отношение, что он вернулся к ней «из принципа», и отказала ему. Вскоре после этого Ш. женился на другой, но развелся с ней: она ему изменила. По его словам, у них не было общих интересов, а главное — жена не понимала его идей.

Своеобразной чертой Ш. было то, что, избегая общества, он в то же время не хотел быть один, страдал от того, что не с кем поделиться, что его считают «одиночкой». Это объяснялось тем, что почти никто не понимал его личных взглядов и идей. Еще в школьные годы он глубоко задумывался над философскими вопросами, которыми и ставил в тупик учителей. Он очень любил анализировать поступки людей, чтобы понять их характер, делал попытки разобраться даже в психологии и характере животных. Ш. интересовали также вопросы жизни и смерти. В 17 лет он прочитал много книг по биологии, чтобы приблизиться к загадке жизни, подолгу размышлял по поводу прочитанного. В плане социальном он создал свое собственное «учение», установив, что и как следует изменить в существующем общественном порядке. Прежде всего, он предлагал компромисс между капитализмом и коммунизмом, затем — отмену всех государств, переход всех народов на один общий язык. Позднее он серьезно изучал буддизм, в котором видел наиболее совершенную религию. Христианство он считал своего рода бизнесом, так как оно обещает награду «за хорошее поведение», буддизм же основан на чистом стремлении к совершенству, без всяких наград. Он не соглашался ни с одним политическим направлением, противопоставляя им собственные теории. Ш. дружил с людьми, отстаивавшими политические взгляды, в корне несходные с его собственными, спорил с ними, но дело никогда не доходило до возмущения, ссоры.

Во время наших бесед Ш. был приветлив, охотно отвечал на вопросы, излагал свои взгляды всегда вдумчиво, тщательно подбирая выражения. В общем, был вполне контактен.

Не подлежит сомнению, что Ш. — личность интровертированная. Он с детства склонен к созданию различных теорий и идей, довольно далеких от действительности. В то же время он постоянно ищет интеллектуального общения с людьми. В любой среде он находит одного-двух друзей, с которыми делится своими мыслями. Его считают «одиночкой», индивидуалистом не потому, что он с трудом вступает в контакт с окружающими, а потому, что людям трудно проникнуть в суть его идей, его внутренний мир для окружающих был обычно непонятен, чужд. О конфликте между идеями и действительностью свидетельствует его фиаско с избранным им «женским идеалом». Ориентированный отвлеченно на данный «идеал», он забыл о горячем искреннем чувстве. Пытаясь со временем «из принципа» приблизиться к избранной им девушке, он натолкнулся на ее естественный протест против такого схематического решения личных вопросов. Все «принципы» Ш. смела новая страстная любовь, но финал «любви» оказался плачевным. Итак, перед нами личность, склонная к интровертированности, идущая по индивидуалистическому пути, хотя стремление к человеческим контактам здесь налицо.

Явная интровертированность бросается в глаза и в тех случаях, когда жажда

общения особенно подчеркнута благодаря гипоманиакальному темпераменту.

Эвальд К., 1908 г. рожд., парикмахер. В школе учился хорошо. Всегда чувствовал желание обучаться музыке, но финансовое положение семьи не позволило этого. Как парикмахера его ценили, но ему самому эта работа через несколько лет наскучила. Он хотел испытать «что-нибудь новенькое», сменил несколько профессий, затем стал работать на почтовой автомашине. По этой специальности был мобилизован и работал всю войну. После войны снова стал парикмахером. Женился. Поздняя женитьба объясняется постоянными колебаниями в выборе будущей жены.

К. был человеком веселым, живым, в обществе всегда играл роль «верховода». Часто развлекал собравшихся имитированием популярных эстрадных артистов. Разговорчивость была очень кстати в его профессии, с каждым клиентом он сразу нащупывал тему для общения. К. охотно музицировал и когда бывал один, и в обществе. Он играл на цитре — вальсы, народные песни. Во время бесед с нами К. был всегда в хорошем настроении, разговорчив, часто отклонялся от темы.

Однако К. любил побыть и один. В такие часы он много размышлял, много читал, преимущественно книги по технике и по физике, где больше всего интересовался различными физическими закономерностями. Часто читал и фантастические романы. Увлекался астрономией, жизнью звезд. Думал о том, что на них происходит, населены ли они разумными существами, попадут ли на них когда-нибудь земляне. Пытался определить место человеческого индивидуума по отношению ко вселенной: человек живет до 90 лет, а ведь Земле уже миллионы лет! Он прослушал множество докладов по астрономии, записался в астрономический кружок. С астрономией связывались и его мысли о религии. Ручных работ К. не любил, но он выращивал цветы, пользуясь справочной литературой. Охотно решал кроссворды.

Перед нами достаточно выраженный гипоманиакальный тип — общительный, жизнерадостный человек, умеющий организовать людей в обществе, на вечеринке. И все же его мысли обращены в основном не на внешнюю сторону жизни, его занимают различные проблемы. Часто он уносится в неведомые дали, отходя от насущных жизненных задач. Таким образом, гипоманиакальность, которая, как кажется на первый взгляд, порождает экстравертированность, отнюдь не препятствует интровертированному образу мыслей. Однако следует четко отличать случаи, когда человек обращен к внешним впечатлениям благодаря своему темпераменту, от тех случаев, когда это происходит в связи с экстравертированной акцентуацией, т. е. когда он живет только миром восприятий. Обе эти черты личности уживаются в одном человеке параллельно. То, что К. имел склонность с увлечением менять профессии, можно отнести за счет гипертимического темперамента, а его «переборчивость» в выборе невесты из-за неуверенности в правильности сделанного выбора была результатом интровертированной акцентуации.

Если интровертированность менее заметна при наличии хороших контактов с людьми или при гипертимическом темпераменте, то, там где контакты с

окружающими слабые, она очень бросается в глаза.

Герхард Д., 1935 г. рожд., чертежник. С детства был тихим, замкнутым ребенком. В школе всегда проявлял себя старательным учеником, получал хорошие оценки. Без особого труда прошел курс в профессионально-техническом училище. Работал добросовестно. Свободное время у Д. было всегда поглощено его собственным внутренним миром. Он издавна много читал, мог ночами просиживать над книгами. Особенно интересовали его Ницше, Шопенгауэр и Гете. «Фауста» (I часть) он знал наизусть. Увлекался астрономией, психологией. Обе эти науки занимаются «вечными вопросами» — о сущности вселенной и о смысле человеческой жизни. Некоторое время Д. пробовал свои силы в поэзии, но результатов так и не достиг. В соответствии с профессиональной направленностью Д. очень любит рисовать, старается постоянно совершенствоваться в черчении, рисовании. Всем играм он предпочитает шахматы: постоянно покупает литературу о партиях чемпионов мира, штудирует ее, анализирует, пытаясь установить, что именно привело противника чемпиона к поражению. Иногда Д. играет со своим братом, но чаще сам с собою.

Своими удачами и невзгодами он делится в семье и больше фактически ни с кем не контактирует. Уже ребенком он сидел дома и читал, когда другие дети играли. В школе, правда, был какой-то мальчик, с которым Д. вместе готовил уроки, но позже у него никогда не было друзей. В кино, в театр Д. всегда ходит один. Впечатлениями, порою критическими, он делится дома со своими родными. С девушками он никогда не контактировал: торможения Д. в основном и относились к женскому полу.

При обследовании перед нами предстал человек с весьма скупой мимикой, отвечавший на все вопросы с запинкой. По свидетельству родных, Д. всегда был крайне замкнут, трудно было понять, что у него происходит внутри. Сестра его выразилась о Д. так: «С ним не расчувствуешься».

В этом случае одновременно с интровертированностью наблюдается и крайняя скупость в контактах. Д. жил только в мире своих идей. В результате он все больше отдалялся от окружающих, у него не было ни эмоциональных проявлений, ни эмоциональных потребностей, ни друзей. Дома хотя он и делился с родными, между ними всегда словно стоял невидимый барьер.

Весьма характерная картина наблюдается при сочетании интровертированности с ананкастическими чертами характера. Множество мыслей, возникающих при интровертированной акцентуации, рождают проблемы, которые требуют ответа, решения. Если найти решение не удается, интровертированный человек смиряется с этим, нерешенные вопросы не становятся для него причиной постоянных терзаний. Иначе бывает в тех случаях, когда речь идет о личности педантической, о натуре, которая не может не довести дело до конца. Ананкаст не может отодвинуть от себя ни проблему, ни тягостную думу, он должен «до конца все взвесить», еще и еще раз пытаясь все понять. Освободиться от вопросов, на которых сконцентрировано его внимание, он не способен. Он пробует отыскать ответ даже на те философские вопросы, которые пока еще не решены мировой наукой. В этих случаях мы сталкиваемся с картиной навязчивого мудрствования. Ниже мы приводим случай, где сочетаются одновременно

черты интровертированности и педантичности.

Манфред С., 1937 г. рожд., слесарь. В детстве был всегда спокойным, уроки готовил на совесть, с тетрадями, учебниками обращался аккуратно, сразу же по окончании занятий садился готовиться «на завтра». Никогда не пропускал школьных занятий. Так же пунктуален до педантичности он был позднее и в работе. Навязчивыми мыслями страдал, еще будучи ребенком: то ему хотелось уколоть иглой незнакомого человека, то он еле сдерживался, чтобы не побить школьного врача, когда тот обследовал школьников. В дальнейшем он страдал агорафобией, боялся иногда пересекать площади, даже улицы.

С. всегда был «одиночкой». Хотя и было у него 2—3 товарища, но особенно он любил проводить время один за разными ручными работами: смастерил возок для братика, вечно чинил свой велосипед, занимался старой радиоаппаратурой, хотел усовершенствовать радиоприемник. Однажды еще ребенком он попробовал устроить в комнате красивый фонтан, используя для этого таз, и, конечно, все залил водой. Он вообще постоянно тянулся изобретать что-нибудь. Дома у себя он был «первым специалистом» по технике, исправлял электропроводку, пылесосы, миксеры. Всегда много читал (в основном техническую литературу), иногда до глубокой ночи. Он постоянно сомневался в, правильности написанного, думал: «А не могу ли я внести в эту теорию что-нибудь новое?» Он мечтал о больших собственных изобретениях. Иногда появлялись и навязчивые мысли. Например, он долго раздумывал над вопросом о правильности гороскопа, хотя и знал, что верить ему бессмысленно. При чтении книг он часто задумывался над тем, прав ли автор в том или в другом, и вообще, «что он за человек, этот автор». Иногда им овладевало желание научно определить тип, структуру личности какого-либо человека, но иногда его занимали и бессмысленные вопросы, к примеру: куда идет сейчас этот прохожий? о чем он думает?

С. мало общался с людьми, но и не страдал от этого: слишком он был занят своими мыслями. В 20 лет он начал ухаживать за девушкой, но почти никуда не ходил с ней, за что она на него обижалась. Перед каждым поцелуем он усиленно размышлял. Полового сближения у них не произошло, так как С. проявил себя импотентом. Второй попытки он не стал и делать, а вместо этого изводил себя мыслями о причинах такой тягостной сексуальной аномалии. Девушка вскоре с ним рассталась.

Во время бесед с нами С. был словоохотлив, вежлив, охотно делился своими идеями. У нас установился хороший, непосредственный контакт с ним. Он прислушивался к нашим советам о том, как преодолеть трудности налаживания контактов с людьми, как бороться с тенденцией подпадать под власть навязчивых идей.

Перед нами человек ананкастического склада, с раннего возраста страдавший навязчивыми идеями и влечениями. Интровертированностью он, видимо, также отличался с раннего детства, ведь он издавна любил размышлять, его занимали мысли о прочитанном, возня с «техникой», а не игры с товарищами. Интерес к технике сохранился и позже, появилась масса книг по технике, много мыслей по этому поводу, надежда сделать свои изобретения, быть может, даже открытия. Даже в его ручных работах чувствовалась большая самостоятельность и стремление к оригинальности. Свою работу в

училище на звание мастера он выполнил с отклонениями от тех стандартов, которым его обучали, внеся в нее свои собственные усовершенствования. Размышления часто переходили в навязчивые мысли. Он ставил перед собой вопросы заведомо неразрешимые, может быть, сам где-то сознавая, что ими заниматься бессмысленно.

Навязчивые идеи обусловлены, несомненно, обоими компонентами его личности. Благодаря интровертированности С. отличался изобилием мыслей и нескончаемыми вопросами. В силу же характерных черт ананкаста возникали навязчивые идеи. Избавиться от них обследуемый не мог, хотя разум и подсказывал ему, что эти мучительные вопросы неразрешимы.

Трудности общения с женщинами также связаны были с обоими компонентами структуры его личности: из-за интровертированности он вообще мало контактировал с людьми, характер ананкаста вызывал торможения, особенно в эротической области, т. е. там, где и у обычных натур бывает достаточно колебаний и нервозности.

Особенно любопытную картину дает сочетание интровертированности и застревающих черт характера. Можно было бы предположить, что у человека в таких случаях появляются предпосылки для развития «сверхценных идей»; при этом «сверхценность» коренится в паранойяльных чертах, «идеи» же исходят от интровертированности. Однако наш опыт, основывающийся на фактах, показывает, что такие проявления при данном сочетании не обязательны.

Вольф К-, 1939 г. рожд., радиомеханик. В школе не отставал от сверстников. Участвовал во всех их проделках, а порой даже верховодил, почему и вступал в конфликты с учителями. Со времени наступления половой зрелости контактирует с соучениками гораздо меньше. На вечеринки не ходит, алкоголя не признает принципиально. Теперь он после занятий чаще всего остается дома, читает книги и предается философским раздумьям. Контакт с родителями тоже стал гораздо слабее, чем раньше, о волнующих его вопросах К. говорит редко и с немногими. Конфликты с учителями бывают и теперь, но уже по другому поводу: он упорно отстаивает свое мнение. Он часто не соглашается с господствующей точкой зрения, особенно по политическим вопросам. Несмотря на это, его постоянно повышали по службе, так как К. обладает незаурядными способностями. И все же во время выпускных экзаменов он сорвался. Он не желал писать сочинение по немецкой литературе в духе общепринятой трактовки: «Если бы я стал излагать такие мысли, то они шли бы вразрез с моими убеждениями». Поэтому К. вообще не написал выпускного сочинения. С ним говорили, его убеждали, предлагали перенести срок написания экзаменационной работы — ничто не помогло. К., самый способный ученик в классе, в результате не получил аттестата зрелости. Он выучился на радиомеханика, стал работать. Впрочем, и на работе он нередко спорил с начальством. Однажды дело чуть не дошло до рукопашной. Родителям часто приходилось вмешиваться и «мирить» его.

Призыв в армию К. воспринял более спокойно, чем ожидали родные. К. добросовестно выполнял служебные обязанности, но от товарищей по части держался в стороне и по поводу своих личных взглядов не высказывался. С

женщинами в интимных отношениях не состоял. Одно время он был влюблен в девушку (на своем предприятии), однако так и не заметил, что она дружит с другим, пока не было объявлено о ее помолвке.

После работы он занимался собственными делами и никогда не скучал. Читал научные, технические книги, два научных журнала по своему профилю, которые систематически выписывал. С увлечением занимался различными ручными работами — строил усовершенствованные громкоговорители по своим схемам и т. д. К. охотно совершал длинные прогулки, учась при этом различать голоса птиц. Часто он делал магнитофонные записи птичьих голосов, а затем проигрывал их, находясь поблизости от птиц, чтобы приманить их и записать другие, новые голоса. Он постоянно читал книги по орнитологии. По-прежнему К. интересовался вопросами политики, но с малознакомыми вообще никогда не говорил на эти темы, а с близкими — лишь намеками. Его мнения отличались своеобразием.

В начале наших бесед К. всегда был сдержан, но постепенно становился все приветливее, а под конец был даже рад возможности «выговориться» с людьми, которые его понимали. Несмотря на готовность включиться в разговор, он всегда немного колебался, прежде чем дать ответ: К. было неприятно «выпаливать» ответы, не продумав. Мимика его также была сдержанной, но при общем стиле поведения воспринималась как нечто естественное. В общем с К. нам всегда удавалось наладить «эмоциональный» контакт.

Паранойяльные склонности у К. вырисовывались уже в детстве, когда он бывал зачинщиком школьных шалостей. Позднее они ярко проявляются в его непримиримости, в упорстве. Наиболее выразительно эти качества проявились во время экзамена на аттестат зрелости, когда он оказался готовым пожертвовать будущим, лишь бы не писать сочинения, противоречившего его убеждениям. Интровертированность до полового созревания еще не удается констатировать, — ведь К- тогда среди других в этом плане ничем не выделялся. Следует подчеркнуть, что в то время как все черты темперамента или характера личности проявляются уже в детстве, с интровертированностью это далеко не всегда так. Как уже говорилось выше, в период полового созревания у человека происходит переход от экстравертированности к интровертированности. Вероятно, во многих случаях речь идет о склонности, которая имелась и раньше, однако полностью проявилась лишь теперь. Но не исключено и другое положение: интровертированность возникает там, где в детстве не было и намека на нее. Мы полагаем, что у К. мы столкнулись именно с таким случаем. До периода полового созревания он был личностью экстравертированной, контактной, но после полового созревания стал интровертированным человеком. Он отдалился от людей, жил только своими интересами, обо всем имел свое индивидуальное, нестереотипное мнение, вследствие чего и превращался в одиночку.

Предположение, что сочетание застревающей и интровертированной сторон личности особенно благоприятствует паранойяльному развитию, у данного обследуемого не подтвердилось. Мы не наблюдали у него постоянного углубления аффекта с идеями нанесения ущерба в какой-то определенной области. Хотя идеи интровертированного человека и могут дать пищу для

усиленных проявлений застревания, но это еще не значит, что эти идеи стимулируют развитие застревания. Опыт психиатров показывает, что параноическое развитие чаще всего встречается у гипертимических личностей, темпераментом значительно больше напоминающих экстравертированных людей.

Рассмотрим в качестве примера кверуляторный бред, который представляет собой наиболее частую форму параноического развития. Несомненно, дело здесь связано с той самой активностью, которой не хватает интровертированной личности. Следовало бы провести специальное исследование, чтобы выяснить, как часто среди кверулянтов встречаются люди, у которых гипертимия сочетается с экстравертированностью.

Не исключено, что наличие интровертированности может «прикрываться» определенным темпераментом. Но активность при всех условиях остается решающим фактором; без активности не могут поддерживаться те постоянные колебания чувств, которые лежат в основе развития. Нам, например, не раз приходилось констатировать, что кверулянты «неисчерпаемы» именно благодаря своей гипертимической деловитости, создающей все новые конфликты. Описанного же обследуемого К. никак нельзя назвать «активным» человеком. Если при сдаче выпускных экзаменов он еще предстает перед нами борцом за свои убеждения, то позднее он уже совсем не пытался защищать идеи, хотя всегда был принципиальным и оставался при своем мнении.

Мы полагаем, что если разделить всех параноиков на скрытых и явных, то скрытые параноики, которые противостоят окружающей действительности, но не делают из этого прямых выводов и не проявляют своей позиции в поступках, обладают изобретательской одаренностью, но довольствуются тем, что изобретают «для себя». Они могут сочетать в себе паранойяльность и интровертированность. У явных, открытых параноиков, такое сочетание невозможно.

Важную роль играет сочетание интровертированной и демонстративной акцентуации, так как оно стимулирует поэтическое дарование.

Маргит В., 1944 г. рожд., почтовый работник. В школе училась неровно; ее всегда очень стимулировали хорошие оценки, получив плохую, она сразу опускала руки. Иногда В. без причины пропускала школьные занятия. Соученики не любили ее, так как она постоянно и во всем стремилась играть первую роль. В 15 лет В. начала учиться в интернате. Обстановка в нем настолько ей не понравилась, что она через 4 недели убежала оттуда. Впрочем, в дальнейшем она чувствовала себя, как писала в дневнике, «и дома, как в тюрьме». В. начала вести дневник с 16 лет. У этого дневника был исключительно неаккуратный вид, масса зачеркнутых мест, записи разным почерком, с разным наклоном букв, с разным нажимом. В дневнике кроме описания событий дня имеются довольно высокомерные замечания о родителях, есть картинки настроений, несколько, правда, патетические, но впечатляющие.

Примерно в этот период В. начала писать стихи. Она очень любила музыку и хорошо играла на аккордеоне. Рисовала В. также неплохо. Подруг у нее

почти не было, большую часть времени она проводила «с самой собой». В. долго не могла выбрать себе профессию. Вначале она работала помощником стоматолога, затем устроилась на почту. Она много раз меняла и место работы: успела поработать уже в нескольких поликлиниках и в нескольких почтовых отделениях. В. меняла место работы, аргументируя это тем, что «здесь тяжело работать». В 22 года вышла замуж.

Контакт с мужчинами В. устанавливала без всякого труда. Могла бы выйти замуж и раньше, если бы замужество представляло для нее интерес. Она хорошо, с пользой для себя и с полным удовлетворением умела проводить время одна: интересовалась педагогикой и психологией, читала книги по этим вопросам и серьезно задумывалась над их содержанием. Еще до этого увлекалась химией, говоря, что «в химических процессах чувствуется жизнь». Физика ей не импонировала, она считала ее «мертвой» наукой.

В. воспринимала все повышенно эмоционально. Некоторые фильмы ее очень волновали. По телевидению она предпочитала смотреть пьесы и телефильмы проблемные, ставящие перед зрителем всевозможные вопросы. По этим вопросам она любила дискутировать с матерью, с мужем, нередко отстаивала свое, оригинальное мнение. Ее политические взгляды весьма резко отличались от взглядов ее среды, родителей. Ее коньком была тематика религиозного и философского порядка. Читая книги, она задавалась «проклятыми» вопросами — как образовался наш мир, наша планета, есть ли бог — и способна была часами обсуждать их с близкими.

В. нравились и фильмы «о заморских странах». Ее живое воображение дорисовывало детали увиденного, она испытывала большое удовольствие. В. признавалась нам: «У меня фантазия на редкость богатая, фильмы словно внутри меня самой демонстрируются». Не только фильмы, а вообще разные жизненные события она часто переживала вторично — в своем воображении. С детства В, склонна была к снам наяву, к мечтаниям. Она представляла себе, что станет великим исследователем вечно актуальных вопросов жизни, что сделает важные открытия. Очень сожалела о том, что из ее исследовательской карьеры так ничего и не получилось. Впрочем, на неприятных и печальных мыслях В. задерживаться не любила, она умела «сбросить их с себя, как змеиную кожу». В. никогда не испытывала скованности и при публичных выступлениях. Выступая с докладом или с небольшой речью, была спокойна, уверена в себе. Для нее не существовало «предстартовой лихорадки», при сдаче экзаменов она совсем не волновалась.

Контакт с В. во время бесед у нас наладился превосходный. Она нисколько не была скованной, говорила свободно, охотно давала ответы на вопросы. Мимика, жесты ее были оживленными, но иногда явно утрированными.

У этой обследуемой явственно распознаются черты демонстративной акцентуации. С детства она стремилась быть в центре внимания, стараясь в то же время избегать неприятных переживаний, связанных со школой. Она сама говорит о способности «сбрасывать с себя» докучливые, тягостные мысли. В. обладает даром вытеснять из сознания вещи, которые заставляют ее нервничать, расстраиваться.

С такой же четкостью проявляется у В. интровертированность. В. не

относится к жизни нейтрально-спокойно, все переживания ее глубоко затрагивают, она активно думает об увиденном и прочитанном, вступает в спор с собеседником. Хотя по образованию В. не имеет отношения ни к педагогике, ни к психологии, однако она проявляет интерес именно к этим областям, так как здесь много близких ей нерешенных проблем. Из тех же соображений она обращается к философии и религии.

Сочетание демонстративной акцентуации с интровертированностью лежит в основе склонности В. к снам наяву. Истерики вообще склонны к раскованному, образному мышлению. Если к этой склонности присоединяется интровертированность, то роль воображения, фантазии в жизневосприятии человека подчеркивается еще в большей мере. Все вместе взятое может оказаться почвой для развития поэтического дарования. Оно проявилось и у нашей обследуемой.

Я уже выделил в данной книге два типа акцентуации, которые способствуют развитию артистических данных у человека: это возбудимость эмоций у застревающих личностей и «демонстративная готовность» демонстративных личностей. Теперь к этим двум типам акцентуации я могу добавить в качестве фактора, стимулирующего творческую направленность личности, еще и третий тип: интровертированность. Выдвигаемый тезис не ограничивается одним лишь поэтическим даром, а в равной мере относится к изобразительным искусствам и созданию музыкальных произведений: для всех этих видов творчества фантазия и образное мышление являются насущной необходимостью.

Часть II. Личность в художественной литературе

Часть II

ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Многие писатели, как известно, являются превосходными психологами. Будучи весьма наблюдательными, они обладают способностью проникновения во внутренний мир человека. К тому же их литературный дар помогает облечь увиденное и воспринятое в прекрасную языковую форму. Перед нами предстают не отвлеченные рассуждения, а конкретные образы людей с их мыслями, чувствами, поступками. Писатели не всегда, конечно, предлагают решения поставленных проблем, предоставляя свободу для различных толкований. Порой причины поведения того или иного персонажа так и остаются нераскрытыми. И все же мотивы какого-либо поступка или поведения, хотя бы приблизительно, должны возникнуть в сознании читателя, в противном случае действия героев могут показаться странными, надуманными и потерять всякий психологический интерес.

Обращаясь к творчеству писателей, я, прежде всего, ищу не «проблемных личностей», требующих особой расшифровки и не всегда раскрывающихся однозначно. Пусть такие персонажи и представляют особый психологический интерес, пусть даже будят мысль, однако я не

стремлюсь ни анализировать известные образы, ни предлагать их новую трактовку. Напротив, я стараюсь лишь извлечь из художественного творчества материал для собственного исследования, обогатить его примерами, подтверждающими мои соображения, придающими им наглядность. Я останавливаюсь лишь на тех художественных образах, которые позволяют легко определить, каким путем человек пришел именно к данным реакциям. Иногда писатель сам достаточно тщательно изображает мотивы поведения героев, иногда же эти мотивы сквозят непосредственно в речах и поступках действующих лиц. Правда, определяющие поведение мотивы (конечно, не исключено наличие и нескольких мотивов, иногда даже прямо противоположных) еще не свидетельствуют о тех или иных чертах личности, однако они объясняют позицию человека в данной ситуации. По содержанию произведения всегда можно установить, свойственны ли реакции, изображенные писателем при данных обстоятельствах, натуре человека или же эти реакции нетипичны, вызваны исключительными событиями, а может быть, просто надуманы.

Таким образом, многие образы художественной литературы, которые представляют особый психологический интерес, не могут служить материалом для нашего исследования, ибо поступки персонажей сложны и требуют специального толкования. С шекспировским Макбетом мы знакомимся в момент совершения им убийства, мы слышим его последующие слова, но как именно дело дошло до преступления — судить об этом Шекспир предоставляет нам самим путем собственных умозаключений. О характере Макбета, который, несомненно, сказывался еще за много лет до злодеяния, не сообщается почти ничего. Для нас ясно, что немаловажную роль в этом характере играли честолюбивые мотивы. Однако ясно и то, что в личности Макбета преобладают черты тревожности. В решающий момент страх, видимо, удержал бы его от убийства, если бы не подстрекательство леди Макбет. Опять-таки из-за постоянного страха перед чьей-то местью он впоследствии становится кровавым тираном. С нашей точки зрения, именно так следует понимать поведение Макбета, но задумал ли сам автор эволюцию его характера именно в таком плане, — этот вопрос остается открытым.

Поведение Гамлета также можно попытаться объяснить исходя из структуры его личности. В лице Гамлета перед нами личность безусловно интровертированная. Он даже друзьям весьма скупо приоткрывает свой внутренний мир. Этой чертой определяется линия его поведения, его постоянные колебания: с одной стороны, намерение отомстить за отца, с другой, его нежелание предпринять конкретные шаги в этом направлении. Об этических соображениях Гамлета едва ли приходится говорить, если уж он не задумываясь отдает в руки палача Розенкранца и Гюльденстерна. Бросается в глаза склонность принца датского постоянно предаваться раздумьям. Ярче всего это представлено в знаменитом монологе Гамлета из 3-го акта, который начинается словами: «Быть или не быть — таков вопрос». Далее следует:

Так трусами нас делает раздумье,

И так решимости природный цвет

Хиреет под налетом мысли бледным,

И начинанья, вознесшиеся мощно,

Сворачивая в сторону свой ход,

Теряют имя действия.

Великая склонность мыслить, взвешивать служит Гамлету помехой к принятию решений, которые диктуются конкретными фактами, иными словами, «налет мысли бледной» препятствует его активности. По-английски это место звучит так: «And thus the native hue of resolution/Is sicklied oer with the pale cast of thought». Интровертированность не только Гамлета, но и многих людей лишает радости принятия решения.

Многие проблемные образы мировой художественной литературы могут быть раскрыты при помощи анализа структуры их личности. Однако такой цели я перед собой не ставлю, для меня представляют интерес лишь те образы, которые не требуют особого толкования, которые достаточно раскрыты самим писателем.

Если искать в художественной литературе иллюстрации акцентуированных личностей, то речь может идти лишь о персонажах, вполне жизненных, хотя некоторые их черты и не лишены известного поэтического преувеличения. Наряду с ними в художественных произведениях встречаются и характеры совсем иного типа, например, личности идеальные или персонажи, представляющие собой воплощение какого-либо принципа — зла, добра, возвышенного начала, справедливости, насилия; иногда герои книг являются попросту глашатаями той или иной идеи. По этому поводу интересно высказывание Достоевского в его романе «Идиот» (с. 521):

Есть люди, о которых трудно сказать что-нибудь такое, что представило бы их разом и целиком в их самом типическом и характерном виде; это те люди, которых обыкновенно называют людьми «обыкновенными», «большинством» и которые действительно составляют огромное большинство всякого общества. Писатели в своих романах и повестях большею частию стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно,— типы чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком, хотя они тем не менее еще действительнее самой действительности. Подколесин в своем типическом виде, может быть, даже и преувеличение, но отнюдь не небывальщина. Какое множество умных людей, узнав от Гоголя про Подколесина, тотчас же стали находить, что десятки и сотни их добрых знакомых и друзей ужасно похожи на Подколесина.

Итак, по Достоевскому, в художественной литературе отнюдь не обязательно должны изображаться люди из реальной жизни, достаточно, чтобы они представляли какую-нибудь характерную жизненную черту. Будучи преувеличенной, эта черта особенно бросается в глаза, но

персонаж из-за этого не перестает быть для нас подлинным, живым и чем-то близким нам человеком. Достоевский имеет в виду не только образы, созданные им самим. Он упоминает Подколесина из комедии Гоголя «Женитьба». Подколесин хочет жениться, но никак не может решиться на этот шаг. Друг убеждает его в необходимости вступить в брак, а он то приближается к решению, то скоропалительно отступает от него. В конце концов Подколесин перед самой свадьбой выпрыгивает из окна, чтобы избавиться от сей перспективы.

Конечно, многие мужчины робеют, говорит Достоевский, перед вступлением в брак, они пытаются отодвинуть окончательный шаг или даже вовсе его не делать. Но такое отношение к женитьбе остается в данном случае тем единственным обстоятельством, которое дает нам возможность почувствовать в Подколесине настоящего живого человека. Судить по этому моменту о структуре его личности едва ли возможно, ибо читателю совершенно неясно, почему он так трепещет перед женитьбой. Да и остальные черты его личности остаются в тени. Считать героя произведения типичным вполне возможно даже тогда, когда известна лишь одна его характерная черта, встречающаяся в психологическом плане у многих людей. Но в случае с Подколесиным мы имеем дело не с личностью,— ведь кроме одной этой живой черты, все остальное в нем — пустая оболочка.

То же можно сказать и о другом примере, приведенном Достоевским. Писатель указывает на Жоржа Дандена из комедии Мольера, цитируя его слова: «Ты этого хотел, Жорж Данден!».

«Но боже, сколько миллионов и биллионов раз,— пишет Достоевский,— повторялся мужьями целого света этот крик отчаяния после их медового месяца, а кто знает, может быть, и на другой день после свадьбы!»

Безусловно верно, что некоторые мужья после медового месяца с ужасом замечают, что они попали впросак, потому что в основу будущего брака ими были положены только соображения сугубо материального порядка, но эта жизненная мудрость в комедии Мольера не связана с индивидуальностью персонажа. Данден вынужден покорно сносить насмешки жены и ее родителей, ибо ему дают понять, что брак с особой дворянской крови расценивается как оказанная ему милость. Жена нагло обманывает его. Когда же Дандену кажется, что вот она, наконец, попалась, жена в который раз изворачивается и ведет себя как ни в чем не бывало. В конце концов Дандену приходится униженно просить прощения у жены и ее любовника за якобы несправедливые обвинения в их адрес. Если бы Данден в психологическом плане был представлен как личность, читатель (или зритель) узнал бы, в силу какой внутренней позиции Данден очутился в столь плачевном положении и почему он, теряя чувство собственного достоинства, продолжает терпеть. Но об этом драматург ничего не говорит. И снова наблюдаем ту же картину,— характерные реакции в характерной жизненной ситуации как бы не принадлежат живому реальному человеку, а попросту помещены в пустую оболочку.

Остановимся теперь на образах художественной литературы, которые

психологически выписаны более тщательно, а, может быть, и задуманы как специальные психологические этюды. В этих случаях усиливается не одна какая-либо жизненная черта с ее проявлениями, а изображается человек в целом, который мыслит, чувствует и действует. Однако те или иные индивидуальные черты данных героев не только гиперболизированы, они резко искажают действительность. Если необычная линия поведения героя выходит за пределы жизненных реакций, мы не можем ни прочувствовать такого поведения, ни сочувствовать такому герою: его поведение несовместимо с объективной действительностью, и мы психологически отрицаем его.

Например, в «Ироде и Мариамне» Геббеля Ирод дважды отдает распоряжение о том, что Мариамна должна быть убита, если он не вернется живым, так как она не должна стать женой другого мужчины. Между тем Мариамна, еще ничего не зная об этом распоряжении, поклялась покончить жизнь самоубийством, если узнает о гибели Ирода, которого глубоко любит. Узнав о его распоряжениях, она до такой степени возмущена и оскорблена, что возводит на себя ложное обвинение. Когда Ирод возвращается, она притворяется, что изменила ему, с тем чтобы тот приговорил ее к смерти.

Если бы такая ситуация в принципе была возможна, она, несомненно, представляла бы огромный интерес. Но едва ли можно вообразить себе нечто подобное: невинная любящая женщина идет на смерть, чтобы в такой форме сохранить свое достоинство и наказать мужчину, который попрал его. Ведь к смерти тут ведет принцип женской чести и женского достоинства, но принцип отвлеченный: мы не видим гнева живого человека, самолюбие которого задето.

Точно так же в «Брэнде» Ибсена принцип оказывается превыше всяких уз человеческих. Ригоризм такого масштаба, как у Бранда, его принцип «все или ничего», выходит за пределы психологически мыслимого. Изображение столь крайних позиций для психолога едва ли приемлемо еще и потому, что чувства, существующие у любого человека помимо этих крайностей, не принимаются писателем в расчет или, во всяком случае, недооцениваются. Бранд отрекается от матери, жертвует женой и ребенком. В «Кукольном доме» Ибсен как бы не замечает того, как привязана каждая женщина к дому, особенно к детям. Если Нора покидает мужа и троих маленьких детей, которых горячо любит, потому лишь, что на нее всегда смотрели как на женщину-куклу — это опять-таки можно понять исключительно как принцип, но не с точки зрения психологии. Правда, тот факт, что муж в час ее испытаний думает только о себе, о своей чести, тогда как Нора в тяжелые для него минуты в мыслях всегда была с ним, проливает некоторый свет на ее решение. Однако даже при этих условиях о материнской любви, о долге матери не так уж просто женщине позабыть.

Назову еще один пример — Ифигения из одноименной драмы Расина. Драматург может сколько угодно убеждать нас, что Ифигения с глубочайшей любовью и с необыкновенно развитым чувством долга относится к своему отцу, но психологически невозможно себе представить, чтобы девушка, которая по приказу отца должна быть

зарезана на алтаре одного из богов, могла говорить (с. 180):

Отец, предательства не бойся;/Ты повелишь, и буду я послушна. /Жизнь моя принадлежит тебе. И если смерть / Избрать должна я, то достаточно тебе / лишь приказать. Спокойно и с удовлетворением во взоре, / Как было, когда меня соединял с супругом ты,/Я положу главу на камень жертвенный/И не испугаюсь, когда Калхаса меч ее отрубит. / Я буду благодарна за удар, / ведь нанесут его по твоему веленью / И так исполнится мое предназначенье.

Когда читаешь эти слова, понимаешь, что драматург изображает не живого человека, а опять же принцип, принцип безоговорочного повиновения детей отцам, проповедовавшийся в древности. Прообразом Ифигении Расина служит Ифигения Еври-пида. У Еврипида Ифигения произносит такие же высокопарные и психологически неправдоподобные слова, но они здесь в меньшей мере относятся к отцу, они обращены прежде всего к богам и к родине — Элладе (с. 187):

Ради отечества и всей Эллады / Себя готовно в жертву приношу. Пусть поведут меня / К богини алтарю и там как жертвенного агнца / Заколют. Ибо того потребовали боги.

Художественные произведения с психологической основой без выделения индивидуальности личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ БЕЗ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Часто писатели меньше уделяют внимания психологии своих героев, чем событиям, которые должны быть необыкновенными, напряженными, эмоциональными, поучительными и т. п. Случайности и невероятности психологического порядка в определенные литературные эпохи совершенно не смущают читателя и воспринимаются им как вещи самые обыкновенные. Так, например, «Новеллы» Сервантеса, который показал себя выдающимся психологом в «Дон Кихоте», изобилуют грубейшими психологическими натяжками и неправдоподобными деталями, нисколько, видимо, не удивлявшими читателей его эпохи. Неправдоподобные психологические ситуации нередко встречаются и у Лопе де Вега.

Когда в художественной литературе стали господствующими новые течения — реализм и натурализм, положение несколько изменилось, но натяжки психологического порядка все еще представлены в изобилии. Внешние перипетии сюжета продолжают играть немаловажную роль. По сравнению с необычностью самих событий индивидуальность героя как бы отступает на второй план, ни его характер, ни поступки не отличаются своеобразием. Если даже герой и вмешивается в происходящее, то его реакции ничем особенным не примечательны. Это реакции, свойственные в подобном положении любому человеку: герой страдает, борется с тяготами жизни, ищет выхода из создавшегося положения, когда к нему

приходит счастье, старается удержать его, насладиться им сполна.

В других случаях реакции персонажей художественного произведения не столь общи. Герои могут оказаться, с моральной точки зрения, людьми добрыми или недобрыми, могут быть целеустремленными, обладать выдержкой, но могут обнаружить и малодушие, нерешительность; могут быть замкнутыми и, напротив, очень откровенными, некоторые предстают перед нами резкими и бесцеремонными, другие чутки, всегда готовы протянуть руку помощи и т. д. Но линии поведения каждого из них не разрабатываются авторами, читателю предлагается как бы готовый образец доброты, энергичности и т. п. Истинную психологическую основу повествование обретает лишь в том случае, когда писатель более четко обосновывает особенности поведения героя, т. е либо всесторонне показывает нам необычную человеческую индивидуальность, либо изображает эволюцию — своеобразие процесса развития данной индивидуальности.

Однако обычно писатели оставляют открытым вопрос, почему люди ведут себя именно так, а не иначе, отражается в поступках определенная структура личности или попросту так сложились обстоятельства, как принято говорить, такова судьба. Даже при крайних однозначных проявлениях характера может быть неясно, как и по какой причине они возникают. Например, герой новеллы Сервантеса «Ревнивый эстремадурец» невероятно ревнив. Он принимает всевозможные меры, чтобы изолировать свою юную жену от внешнего мира. Остается, однако, неясным, почему он стал таким ревнивым, ибо кроме этого голого факта о нем почти ничего не известно. Конечно, поскольку он стар, а жена его молода, можно понять, что он склонен к ревности, тем более, что ревнивцем был всегда и именно поэтому слишком поздно женился. Но почему именно он был всегда столь склонен к ревности и почему по отношению к жене дело дошло до того, что он запер ее, как в гробнице, в доме, где велел замуровать все окна, Сервантес ничего не говорит. Он задался целью изобразить до крайности ревнивого человека, который, несмотря на все свои варварские ухищрения, все-таки оказывается обманутым, только лишь это интересует автора, а вовсе не психологический вопрос — как человек доходит до таких поступков.

Поскольку психологические подробности остаются в тени, часто бывает неясно, не мог ли этот герой оказаться совсем другим, т. е., возможно, он лишь в данной частной ситуации реагирует подобным образом. Так, например, почему Альбрехт, сын герцога в романе Геббеля «Агнесса Бернауэр» ведет себя иначе чем другие аристократы? Лишь потому, что он полюбил благородную девушку из бюргерского сословия? Быть может, позднее, уже не будучи влюбленным, Альбрехт станет таким же, как и его отец, для которого положение в обществе значит больше, чем жизнь ни в чем не повинной женщины? А может быть, он по натуре другой человек? Мы этого так и не узнаем, ибо писателя интересует лишь фактическая, а также социальная сторона вопроса, т. е. конфликт между человечностью и государственной необходимостью, влияние такого конфликта на душу человека. Реакции личности не занимают его. Что касается Агнессы, то ее реакции вообще не представляют особого интереса. Она без ума влюбляется в Альбрехта, соглашается стать его

женой,— все это более чем понятно с человеческой точки зрения. В дальнейшем к драматическому финалу Агнессу толкают обстоятельства, в которых она сама ничего не в силах изменить: она является не более чем любящей женщиной, которая, не будучи ни в чем виновной, должна взойти на эшафот.

Нередко писатели описывают внутреннее душевное состояние своих героев, возникающее как реакция на те или иные события. Такое описание носит взволнованный характер, и читателей глубоко трогает судьба литературных героев. Рассматривая развитие фабулы под «внутренним» углом зрения, писатель может свести фактические события к одной лишь рамке, в которую как бы вставлено основное — мысли, желания и чувства человека. Так построена большая часть произведений Хемингуэя, особенно его описания настроений. Писатели показывают тем самым, что они способны к сопереживанию, но назвать этот род изложения психологическим в истинном смысле слова у нас нет оснований, поскольку внутренняя жизнь действующего лица изображена здесь в общем плане, в ней не находят отражения реакции сугубо индивидуального характера.

Писатели, изображая душевную жизнь героя, склонны обращаться к его глубоким чувствам — показать его в большом горе, в радости. Цель их — вызвать искреннее сочувствие к своему герою. Но они часто не стараются убедить нас в том, что герой, действительно, испытал столь тяжкие страдания или что он был в самом деле несказанно рад. А между тем изображенные им объективные события часто не объясняют подобного накала чувств. И читатель лишен возможности сопереживать с героем, наоборот, относится к нему скептически: нет, право, для такой бури эмоций вроде и не было достаточных оснований! Массе бытовых романов, обращенных к «чувствам», присущ именно этот недостаток, в силу чего они становятся сентиментальными и слащавыми. Следует заметить, что чем более возбудимы эмоции читателя, тем меньше он воспринимает данный дефект, тем искреннее он захвачен чувствительными картинами такого рода. Поэтому такие романы и рассказы гораздо охотнее читаются в юности (особенно в отрочестве), чем в более зрелом возрасте. Бывает, что рассказ, который сильно растрогал нас, когда мы читали его в молодости, способен вызвать даже раздражение, когда приходится читать его через много лет. Существенную роль играет чрезмерная читательская чувствительность в детском возрасте, когда ребенок до слез захвачен трогательной историей о детях. Впрочем, в последнем случае следует учитывать и недостаточную развитость критического подхода к прочитанному в детском возрасте.

Порой не чувства, а мысли героя, связанные с событиями, становятся самодовлеющими: этими мыслями выражаются то общепринятые суждения, то личные взгляды героя, а иногда и личные взгляды самого писателя. Последнее особенно ярко сказалось у Толстого. Вторая часть эпилога к роману «Война и мир» содержит свыше 50 страниц подобных рассуждений писателя. У Музиля в рассуждениях буквально утопает само действие. В его романе «Человек без качеств» действующие лица ведут нескончаемые разговоры о всевозможных проблемах, интересных,

позволяющих понять события той эпохи, однако не имеющих ровно никакого отношения к развитию сюжета. Иногда это даже не разговоры, а лишь мысли главного героя романа Ульриха, мысли о морали, религии, свободе, любви, счастье, экстазе, политике, национализме, либерализме, пацифизме, преступлении, гениальности, душевной болезни. Безусловно, можно утверждать, что те герои художественных произведений, которые постоянно и интенсивно мыслят, относятся к интровертированным личностям, но все же правильнее было бы отнести эту характеристику к самому писателю. Он часто даже не старается вложить свои мысли в уста героя, а предлагает их как свои собственные. Поэтому ниже, там, где речь будет идти об интровертированности, я не стану анализировать музилевского Ульриха; я предполагаю использовать для анализа лишь таких героев, которые своей интровертированностью существенно влияют на ход повествования.

Во многих литературных произведениях можно наблюдать, как различные повороты событий вызывают неожиданные и своеобразные реакции героев. Они внезапно начинают вести себя совершенно не так, как можно было бы ожидать по их предыдущему поведению. Лицо, поступавшее непорядочно, вдруг обнаруживает добрые стороны своей натуры, человек мягкосердечный оказывается выдержанным, сильным, человек грубый и бесцеремонный — нежным, и все эти метаморфозы происходят потому, что того требуют неумолимые повороты сюжета. Например, герои Вальтера Скотта постоянно преподносят нам неожиданные речи и поступки. Так, Равенсвуд, главный герой «Ламмермурской невесты», преисполнен неумолимой гордыни и думает лишь об одном,— как бы сохранить честь рода Равенсвудов и отомстить за отца. Однако это не мешает ему с интересом следить за охотой, которую устроили его враги на тех самых полях, которые еще до недавнего времени принадлежали ему. Столкнувшись со своим злейшим врагом — лордом-хранителем печати, Равенсвуд смотрит на него с таким мрачным гневом, что окружающие даже опасаются, как бы он не застрелил лорда. Но проходит немного времени, и Равенсвуд приглашает лорда к себе в гости, а затем и сам отправляется к нему. Иногда резкие повороты следуют у Вальтера Скотта друг за другом необыкновенно быстро. Так, у одних и тех же персонажей жестокая вражда внезапно переходит в искреннюю дружбу, мужчины выхватывают мечи из ножен и в одно мгновение убеждаются в том, что ярость их была необоснованна. Отношение Равенсвуда к своему верному слуге Калебу (тот постоянно придумывает всякие небылицы, чтобы скрыть, что его господин обеднел) какое-то двойственное: с одной стороны, он видит обман слуги (да его невозможно не увидеть), с другой стороны, он позволяет ему весьма примитивным образом водить себя за нос. Так, Равенсвуд верит, слуге, утверждающему, что родовой замок Равенсвудов объят пламенем, на самом же деле это пылает костер во дворе замка. Когда Равенсвуд хочет приблизиться к замку, слуга удерживает его очередной ложью: погреба замка якобы завалены порохом, и каждую минуту все вокруг может взорваться.

Изменения в реакциях героев у Вальтера Скотта мы наблюдаем и там, где фабула вовсе не требует таких психологических поворотов.

Чрезвычайно изменчивой, например, представлена Эффи из романа «Эдинбургская темница». Сначала это избалованная девица, которая позволяет овладеть собой грубому и жестокому человеку. Когда ее новорожденный ребенок вдруг «исчезает», ей, разумеется, грозит смертная казнь. К казни Эффи выявляет весьма противоречивое отношение: то она умоляет свою сестру дать ложное показание, которое могло бы спасти Эффи от смерти, то она намерена стойко принять кару, отказавшись от подготовленного ее возлюбленным бегства из тюрьмы. Во время суда она сначала испытывает отчаянный страх, и когда в зале суда появляется ее сестра, кричит: «О, Дженни, спаси, спаси меня!» Но дальше Эффи держит себя с достоинством, а после объявления приговора суда о смертной казни через повешение даже обращается к присяжным заседателям с чем-то вроде наставления: «Да простит вас бог, господа. И не сердитесь за то, что скажу вам: все мы нуждаемся в прощении. Что касается меня, то вправе ли я упрекать вас? Вы вынесли такой приговор, какой совесть вам подсказала». Через много лет мы встречаем Эффи светской дамой, утопающей в роскоши.

Непоследователен и образ соблазнителя Эффи, пресловутого бандита и убийцы Робертсона. Он слывет на редкость ловким жуликом, но так нелепо ведет себя во время рождения ребенка, что новорожденного похищают у него из-под носа, хотя он и дал слово «все устроить». После смертного приговора, вынесенного Эффи, Робертсон готов пожертвовать жизнью, чтобы добиться ей помилования. Однако приносимая в жертву жизнь — это жизнь преступника, за поимку которого назначено вознаграждение. «Пожертвовать жизнью» Робертсону мешает падение с лошади, но, по всей видимости, травма ноги не столь уж серьезна, так как во время разговора, происходящего в тот же день с его отцом, он живо вскакивает с постели. Казалось бы, что невозможность спасти Эффи от страшной смерти должна была бы потрясти ее возлюбленного, однако он вообще не заводит об этом речи, хотя при разговоре присутствует ее сестра. Вместо этого он начинает пространно рассказывать о своей жизни, о том, как он докатился до бандитизма. Это свидетельствует о полной бесчувственности Робертсона, который должен был бы испытывать и жалость к Эффи, и горькое раскаяние за причиненные ей страдания. Позднее происходит моральное перерождение Робертсона, после которого он становится сэром Джорджем Стаунтоном. Впрочем, по слухам, он, став пэром Англии, по-прежнему весьма груб, жена дрожит при одном его взгляде. Но вот он посещает Эдинбург, где было в свое время совершено самое тяжкое его преступление. Внезапно он приходит в ужас от своих прежних деяний, от вида тюрьмы, которую некогда хладнокровно штурмовал. Во время посещения тюрьмы он испытывает приступ острой слабости, головокружение. Спутники вынуждены отвести его в соседний дом, чтобы он пришел в себя и успокоился. На обратном пути он несколько раз возвращается мыслями к визиту в Эдинбург и всякий раз почти теряет сознание, так что приходится делать в пути одну остановку за другой.

Отец Эффи, Девис Дине, религиозный сектант, непоколебимо предан своей секте. Его отношение к Эффи двойственно: оно колеблется между искренним сочувствием и резким осуждением. Упомянем также Лэрда Дамбедайка, влюбленного в Дженни. Из-за беспомощности и робости он

никак не может признаться ей в любви, хотя и не спускает с нее влюбленных глаз. Это повторялось изо дня в день, из года в год, но смелости объясниться он так и не обрел никогда. Во всем остальном он также неловок и нелеп. Дженни про себя называет его «болваном». Однако этот застенчивый и даже не совсем как будто умственно полноценный человек одновременно превосходно наладил хозяйство в своем имении и умудрился сколотить приличное состояние.

Все это говорится для того, чтобы показать, как свободно иногда обращаются писатели с таким понятием, как цельность личности. Такой недостаток мы наблюдаем даже у мастера описания акцентуированных личностей, Иеремии Готхельфа. Примером может служить образ дядюшки Ганзли из его романа «Ганс Иоггели, кум с наследством», к которому мы еще вернемся. Дядюшка Ганзли, этот грубый, не владеющий собой горлан, вдруг предстает перед нами в личине лицемерного льстеца (с. 390):

Братец Ганзли, этот барин с ног до головы, грубый и ограниченный, но умелый, наглый и хитрый там, где речь шла о крупных денежных кушах, приближался к усадьбе с лицом, дышащим злобой, как у самого дьявола.

Тяжело топая, он направился к конюшням, где приказал немедленно закладывать лошадей, и при этом сбрую взять нарядную. Затем он с грохотом проследовал в дом, где схватил кнут и выездной кафтан. Погоняя лошадей, он стал вдруг усиленно думать, что случалось с ним не часто. Дело в том, что ему пришло в голову — раньше он над этим как-то не задумывался — что ведь он не женат, а Бебели не замужем, и что Бебели стала теперь богатой наследницей, и что если уж с завещанием ничего сделать не удается, то зато быть может дело выгорит с самой девушкой. И в конце концов, не все ли равно, каким путем, лишь бы прийти в итоге к имению Недлеболен. Недлеболен — да, да, вот что главное! И вдруг дядюшка Ганзли весь вывернулся как перчатка, с известной элегантностью открыл дверь в гостиную, где он надеялся увидеть Бебели и в самом деле увидел ее. И с бесстыдством человека, для которого не существует то, о чем он сам же заявлял всего несколько часов тому назад, он подошел к ней, протянул руку и от всей души пожелал ей счастья. Тут же он вставил, что считает ее достойной наследницей и что покойный братец уж точно знал, в чьи руки отдает свое добро, а Бебели, конечно, заслужила нежданное свое счастье терпением и кротостью.

Так Ганзли относится теперь к девушке, которую он раньше поносил последними словами. И текут сладкие речи, которыми он надеется завоевать расположение Бебели.

Что ж, понятно, что человек старается загладить впечатление, вызванное его грубым поведением. Представ в невыгодном свете, он изо всех сил пытается смягчить ситуацию и для этого внутренне перестраивается. Однако эпилептоидный психопат не может внезапно стать психопатом истерическим, даже если этого требуют соображения личной выгоды. Не может он вдруг обнаружить незаурядные актерские способности, не дано ему «вывернуться как перчатка». Но, может быть, у нас есть основания

усмотреть у Ганзли обе упомянутые черты личности? Нет, и такое предположение не решает проблемы: те возбудимые личности, которые одновременно являются демонстративными, все же остаются тяжеловесными и проявляют даже в истерических реакциях известную грубоватость. Эти люди могут при желании показать себя и добродушными, и заслуживающими доверия, но никогда не разыграют роль льстеца так тонко, с таким мастерством, с таким изяществом, как это описано у Готхельфа.

Человек не может всегда быть одинаковым. Однако в основе некой принципиальной перестройки поведения всегда лежат глубокие причины. Речь, например, может идти о психическом развитии, которое вызвано течением внешних событий. Такое развитие для психиатра представляет особый интерес. Но, например, в «Тимоне Афинском» Шекспира мы не можем говорить о развитии личности, а лишь о ее надломе, который с психологической точки зрения непонятен. Вначале Тимон кажется нам человеком, щедрее и добросердечнее которого трудно себе представить. У него постоянно полон дом гостей, он готов одарить всякого, кто об этом попросит. Получая подарок, он воздает подарившему сторицей. Так постепенно он растрачивает огромное состояние. Друзья, прежде увивавшиеся вокруг него, покидают обедневшего, погрязшего в долгах Тимона, и никто не хочет одолжить ему ни гроша. Понятно, что такая неблагодарность возмущает до глубины души, но объективно немыслимо, чтобы столь великодушный человек, как Тимон, стал бы неистовым кликушей, презирающим не только фальшивых друзей, но и всех афинян, посылая на их головы страшные проклятья (с. 283):

В последний раз взгляну на город свой! Стена, раз ты волкам оградой служишь, Рассыпься и не защищай Афин! Матроны, станьте шлюхами; вы дети, Почтение к родителям забудьте. Рабы и дураки, с постов свергайте Сенаторов морщинистых и важных И принимайтесь править вместо них. Цветущая невинность, окунись В грязь и разврат, распутницей бесстыдно В присутствии отцов и матерей. Банкрот, держись, не возвращай долгов, Хватай свой нож — режь глотку кредитору! Слуга надежный, грабь своих господ; Хозяин твой надежный — тоже вор, Но покрупней и грабит по закону! Ложись в постель к хозяину, служанка: Его жена распутничать пошла. Ты, сын любимый, вырви у отца Увечного и дряхлого костыль, И голову ему разбей…

Такое коренное изменение личности, конечно, нельзя объяснить превратностями судьбы, которые пришлось испытать Тимону. Причиной могло быть только душевное заболевание. А может быть, Шекспир хотел создать образ душевнобольного человека: не зря философ Апемант, который, судя по его репликам, сам не совсем умственно здоров, говорит Тимону: «Да ты глава всех Дураков на свете».

С весьма характерной картиной параноического развития личности героев мы встречаемся в «Отелло» Шекспира, а также в повести Клейста «Михаэль Кольхаас». К этому вопросу мы еще вернемся.

Здесь вкратце остановимся на двух персонажах из повести «Деньги и душа» Готхельфа, которые являются примером развития, но говорить

здесь о параноическом синдроме нет никаких оснований. Двое супругов после ряда материальных потерь и всевозможных разногласий начинают все больше чуждаться друг друга. До этого они вели довольно мирную совместную жизнь, теперь же изводят друг друга явными и скрытыми упреками, затем оба начинают раскаиваться, доводя таким образом друг друга до состояния аффекта. Взаимная вражда, которая лишь кое-как прикрыта внешне, все нарастает. Такое развитие можно сравнить с распространенным бытовым явлением, с так называемым комплексом тещи, при котором за начальным этапом довольно мирного сосуществования следует нарастающая враждебность сторон. Аффект возникает в силу того, что повседневные разногласия, которые чаще всего связаны с вмешательством тещи в дела молодых супругов, постепенно переходят во враждебные отношения, в которых обе стороны поочередно то побеждают, то терпят поражение. Эти «колебания маятника» ведут к постепенному нарастанию аффекта, в конечном итоге появляется глубокая ненависть. Человек, настроенный в общем-то мирно, может стать воинствующим спорщиком. Развитие не имеет места в тех случаях, когда при разногласиях одна из сторон полностью доминирует, так что борьба как таковая вообще немыслима. У стороны угнетаемой — независимо от того, будет ли это теща или невестка — спор не порождает ситуации аффекта, даже если эта сторона испытывает настоящие страдания. То, что в психиатрии называют патологическим развитием всегда возникает на почве «эффекта раскачивания». Впрочем, развитие в широком смысле слова можно усматривать в тех случаях, когда человек все больше приспосабливается к внешним воздействиям, например, в зависимом положении становится все более робким или, наоборот, добившись большой власти, делается надменно-неприступным.

Когда по ходу повествования в поведении героя наблюдаются принципиальные изменения, мы впадаем в соблазн усмотреть наличие развития, в узком или широком смысле слова, но вдумавшись глубже, убеждаемся, что основания для этого отсутствуют.

Например, образ Нана из одноименного романа Золя. Вначале у нас создается впечатление, что Нана — падшая женщина, которая под влиянием развития ведет себя все более необузданно-распутно. Однако, присмотревшись внимательнее, мы убеждаемся, что между различными стадиями ее поведения нет связующих психологических мостиков. Начинается все с того, что Нана — актриса, и актриса бездарная. На публику она воздействует преимущественно своей наготой. Она становится любовницей крупного банкира, он дарит ей особняк с роскошным садом. Нана приходит в восторг от свалившегося на нее богатства, с благоговением женщины «из низов» она взирает на старую герцогиню, живущую по соседству. Вскоре она знакомится с семнадцатилетним юношей, в котором принимает близкое участие, вначале сугубо материнское, затем между ними возникает сексуальная связь. Одно время она живет в крошечной квартирке вместе с каким-то новым другом, тот постепенно становится ее сутенером. Она боготворит его, безропотно сносит брань и любые издевательства, после побоев любит «друга» еще сильнее. В этом периоде жизни Нана является проституткой самого низкого пошиба, из тех, что стоят на углу и зазывают мужчин. Между прочим она попадает и в круг

гомосексуалистов. Проходит немного времени, — и вот мы уже видим Нана любовницей графа Мюффа. Она живет в великолепном дворце с массой слуг, с собственным выездом. В блеске окружающего ее богатства Нана становится на некоторое время властительницей дум светского Парижа. Если раньше в ней было хоть какое-то добродушие, искренность, то теперь она ведет себя крайне бесцеремонно, ни с кем и ни с чем не считаясь. Она изменяет графу со множеством других мужчин, заставляя его мириться с этим. Она, как вампир, высасывает деньги из Мюффа (а попутно и из других мужчин). Те же, у которых деньги кончились, подлежат изгнанию. Несмотря на бешеные доходы, Нана всегда в долгах: ей нужно все, что может сделать ее блеск еще более ярким. Одно время Нана находится в вихре гетеросексуальных и гомосексуальных страстей. В конце концов она становится бесчувственной и беспощадной фурией, которая обращается с мужчинами, как с рабами, с собаками, избивая их, попирая ногами и бесстыднейшим образом заставляя их отдавать ей последний грош. Несколько человек из-за нее разорены, один попадает в тюрьму: чтобы удовлетворить ее прихоти, он присвоил банковские вклады. Семнадцатилетний юноша из ревности закалывается ножом на ее глазах. Под конец она на некоторое время становится содержанкой русского князя. Вернувшись в Париж, она погибает от оспы.

Трудно было бы усмотреть во всех этих личинах, в которых Золя заставляет пройти перед нами свою героиню, цельную структуру личности, эволюция которой представляет собой психологически подкрепленное развитие. Впрочем, Золя и не ставит перед собой цель показать путь такой личности: он изобретает Нана такой, какой она, по его замыслу, должна представать в различных стадиях своей биографии.

Другие персонажи романа не столь изменчивы, как его главная героиня, но они и не проявляют никаких индивидуальных реакций. Они, пожалуй, могут быть примером того, как часто в художественной литературе «судьба играет человеком», сам же он остается инертным в ее «лапах».

Золя задумал проиллюстрировать своим романом определенный психологический тезис: если сексуальные потребности в человеке развиваются до патологической степени, то они способны сломить любые социальные и личные преграды. Все люди, покоренные эротичностью Нана, являются лишь пассивными жертвами ее страсти. Золя недоучел, на мой взгляд, что различные индивиды, даже охваченные влечением одинаковой силы, все же по-разному поддаются или вступают с ним в борьбу, по-разному реагируют на грозящую им опасность. У Золя же все любовники Нана покоряются ей безоговорочно, внешние проявления угнетения оказываются одинаковыми. Конфликт между личностью и влечением у большинства мужчин вообще не возникает. Правда, в душе графа Мюффа мы наблюдаем внутреннюю борьбу, но она связана не с особенностями его личности, а с его религиозными убеждениями.

Как заметно страдает психологическая убедительность художественного произведения, когда развитие персонажей лишь кажущееся и не коренится в цельности личности, я хотел бы показать на примере романа, который подтверждает эту мысль гораздо убедительнее, чем «Нана» Золя.

Я имею в виду один из романов Бальзака. Бальзака часто причисляют к романистам-психологам, да он, возможно, и хороший психолог, поскольку хорошо понимает людей и способен блестяще описать отдельные их характерологические черты. Однако образы его не обладают цельностью личности, героев отличает чистая смена реакций. Реакции же представлены такими, какими нужны автору для осуществления его сюжетного замысла, для того, чтобы помочь созданию придуманных им ярких ситуаций, а не глубокому показу психологии. Собственно, автора мало трогает, насколько поступки героев оправданы, как они согласуются с их предшествующими реакциями. Проанализируем детально одно из самых знаменитых произведений Бальзака роман «Тридцатилетняя женщина».

Жюли, главная героиня романа,— девушка очень жизнерадостная, даже в день своей свадьбы она шалит напропалую. В сцене, которую я имею в виду, Бальзак несомненно хочет подчеркнуть все еще свойственную его героине детскую резвость. Однако трудно себе представить, чтобы даже совсем юная девушка, полуребенок, выходя замуж, в день свадьбы могла допускать такие нелепости, как Жюли. Разве что в структуре ее личности содержится элемент веселости не совсем нормальной:

— Отец не раз пытался поубавить мою веселость, потому что я слишком уж бурно выражала свою радость, а это считается неподобающим, и мою болтовню истолковывали в дурную сторону именно оттого, что в ней не было ничего дурного. Чего только не вытворяла я с подвенечной фатой, с платьем и цветами. Вечером меня торжественно повели в спальню и оставили одну, а я стала придумывать, как бы мне ко всему еще посмешить и подразнить Виктора.

Через год после свадьбы Жюли становится совсем другим человеком. Она восклицает:

— Чувства мои застыли, мысли мертвы, жизнь стала невыносимо тяжела. Душу наполняет страх, он замораживает чувства, парализует волю. Нет у меня голоса, чтобы пожаловаться, нет слов, чтобы выразить мои мученья.

Когда Жюли пытается передать свои страдания в письме к подруге, «голова ее падает на грудь, как у умирающей». Ее тетка, которой она поверяет свои тайные муки, говорит ей: «Бедное дитя, брак был для тебя цепью непрерывных страданий…» Читателю хочется узнать, что же произошло с молоденькой женщиной за год брака, и вновь ему приходит на помощь тетка:

— Короче, ангел мой, ты обожаешь своего Виктора, но ты предпочла бы быть его сестрой, а не женой; брак для тебя оказался сплошным разочарованием.

Можно предположить, что Виктор в сексуальном отношении показал себя грубым пошлым развратником, но это едва ли возможно, так как он любит свою Жюли «до безумия». Очевидно, причина кроется в чем-то ином. Виктор не удовлетворяет Жюли как человек. Еще до брака отец так

характеризовал его:

— Виктора я знаю: он весел, но не остроумен, весел по-казарменному, он бездарен и расточителен. Это один из тех людей, которых небо сотворило для того, чтобы они четыре раза в день плотно ели и переваривали пищу, спали, любили первую попавшуюся красотку и сражались. Жизни он не понимает. По доброте сердечной — а сердце у него доброе — он, пожалуй, отдаст свой кошелек какому-нибудь бедняку или приятелю; но он беспечен, у него нет той чуткости, которая делает нас рабами счастья любимой женщины; но он невежда, себялюбец…

Теперь мы можем понять, что Жюли была жестоко разочарована, но и это опять-таки странно — ведь она любила именно тот чисто внешний блеск, который был характерен для Виктора. Возможно, она потеряла вкус к этому блеску? Но тогда, видимо, все ее реакции коренным образом изменились, -— ведь она тяжко страдает из-за наличия того, что раньше ей так нравилось. Однако печаль Жюли, носящая несколько болезненный характер, была недолгой. Узнав, что муж ей изменяет, она опять становится совершенно другим, новым человеком:

И она решила бороться с соперницей, обольстить Виктора, вновь появляться в свете, блистать там, притворяться, что преисполнена любви к мужу, любви, которой она уже не могла чувствовать, затем, пустив в ход всевозможные уловки кокетства и подчинив мужа своей воле, вертеть им, как делают это взбалмошные женщины, которым приятно мучить своих любовников.

Она вдруг постигла, что такое вероломство, лживость женщин, не ведающих любви, постигла, как обманчиво и как чудовищно их коварство, которое порождает у мужчины глубокую ненависть к женщине и внушает ему мысль, что она порочна от рождения.

По Бальзаку, впавшей в глубокую меланхолию женщине достаточно принять подобное решение, чтобы превратиться в кокетливую светскую львицу. Внезапность такого превращения специально подчеркивается Бальзаком.

Затея Жюли увенчалась полным успехом:

Она словно внезапно овладела всеми пошлостями, которые применяют существа, неспособные любить: тут и кокетливо-томная покорность, и обман, и притворство, словом, целая система отвратительных приемов, которыми достигается лишь ненависть мужчин к подобным женщинам и возмущение такой врожденной, как они считают, порочностью.

В гостиных, наполненных изысканными и красивыми дамами, Жюли одержала победу над графиней. Она была остроумна, оживлена, весела, и вокруг нее собрался весь цвет общества. К великому неудовольствию женщин туалет ее был безупречен; все завидовали покрою ее платья и тому, как сидит на ней корсаж,— это обычно приписывается изобретательности какой-нибудь неведомой портнихи, ибо дамы предпочитают верить в мастерство швеи, нежели поверить в изящество и

стройность женщины.

Психологически вряд ли мыслимо, чтобы тонкая, склонная к меланхолии женщина вдруг стала отчаянной кокеткой, лишь потому, что она так решила. Так же психологически несовместимы страстная любовь Жюли к лорду Гренвилю и ее патетический отказ стать его возлюбленной: при истинной любви так не бывает:

— Милорд,— сказала Жюли, притрагиваясь к его руке,— прошу вас, сохраните ту жизнь, которую вы мне вернули, чистой и незапятнанной. Наши дороги расходятся навсегда.

Величественно глядя на лорда, она заверяет его, что останется верной женой своего мужа. Преданность ее мужу отныне будет безгранична, но все же она всегда будет жить при нем «вдовой». Пафос Жюли представляется тем более неискренним, лживым, что мы впоследствии узнаем о ее нарушении столь торжественного обещания. Следует подчеркнуть еще раз, что притворный пафос и искреннее чувство психологически несовместимы.

После смерти лорда Гренвиля, пожертвовавшего жизнью ради спасения Жюли, с нею происходит очередное превращение. Она вновь напоминает нам маленькую Жюли после первого года супружеской жизни. Правда, теперь для глубокой печали есть все основания, однако эта печаль принимает болезненные формы и длится слишком долго. Уезжая в свое имение, Жюли сидит, откинувшись на спинку тарантаса, «как смертельно больная». Она живет в полном одиночестве, отказывается принимать пищу. Жюли решает ждать конца здесь, в этой комнате, где некогда умерла ее бабушка.

Чувства ее не увяли, не зачахли, а словно окаменели под влиянием невыносимой и нескончаемой боли. Местный священник после нескольких бесед с нею убедился в том, что состояние ее в самом деле ужасающее. Несмотря на весьма доброжелательное отношение к Жюли, он роняет разительную фразу: «Да, сударыня, вы правы: для вас лучше было бы умереть».

Но если здесь еще можно почувствовать цельность личности, хотя бы в «цельности страдания», то в отношении Жюли к ребенку мы сталкиваемся с новым вариантом ее личности. К своей девочке она холодна и абсолютно равнодушна, даже видеть ее не хочет. Когда ребенок обращается к ней с вопросом или с просьбой, Жюли прогоняет ее прочь. Как же объясняет это Бальзак? Никак. Он ограничивается тем, что несколько раз задает читателю риторический вопрос: «Не страшны ли, не чудовищны ли мучения, что заглушили голос материнства в женщине столь молодой?»

Под влиянием еще одного мужчины, который становится ее возлюбленным, с Жюли снова происходит полнейшая метаморфоза. Она переживает идиллию на лоне природы с другом и двумя детьми, из которых первая — нелюбимая дочь — от мужа, вторая же — горячо любимая — от друга. Куда девалась женщина, отличавшаяся столь

строгой моралью? Теперь она беззаботно резвится и нежничает со своим возлюбленным у всех на виду. Кажется странным, что муж ничего не подозревает, хотя восьмилетняя дочь все замечает и смотрит на мать со скрытой враждебностью.

По ходу дальнейшего повествования мы с Жюли уже почти не сталкиваемся. Она изображена в кругу семьи, все с тем же мужем и уже с четырьмя детьми. Но продолжение ее истории изображается уже в сугубо приключенческом духе, видимо, в духе «бульварных» романов, которые автор писал в юности. Тут есть и убийца, ищущий убежища от преследователей в доме Жюли, и роковая любовь с первого взгляда к нему старшей дочери Жюли, и пиратское судно, начальником которого становится убийца, и сцены жестокой расправы с пленниками на палубе, в то время как молодая жена, дочь Жюли (у нее тоже уже четверо детей), идиллически прохлаждается в каюте, и нападение пиратов на корабль, на котором путешествует Жюли с мужем и с детьми, и уничтожение всех пассажиров, кроме Жюли с любимой дочерью. Апофеозом романа является полная резиньяция Жюли.

Разумеется, психологический роман не обязательно должен представлять на своих страницах акцентуированных личностей. Но все же цельность личности должна быть хоть в какой-то мере соблюдена. В анализируемом романе эта цельность нарушена грубейшим образом. Поведение Жюли в разное время не только варьирует, что еще можно было бы объяснить изменившимися обстоятельствами, а, возможно, и патологическим развитием, но в ее реакциях отмечаются психологически несовместимые противоречия. У Нана еще можно было сделать попытку отыскать «психологические мосты», которые могли «связывать» ее внутренние изменения. У Жюли это вообще исключено. Сначала она столь тонко чувствительна, что повседневная супружеская рутина доводит ее до болезни, до отчаяния. Непосредственно после этого она показана как одна из самых блестящих и уверенных кокеток большого света, с которой не может сравниться ни одна женщина. На смерть близкого друга она реагирует чрезвычайно чувствительно, в то же время не проявляет никакой чуткости к собственному ребенку, неестественно холодна к нему. Под конец она безмятежно наслаждается жизнью, открыто обманывая мужа с любовником. Хотя в романе есть много ценных наблюдений над тогдашним обществом, хотя его страницы свидетельствуют о знании людей, однако думается, что такое пренебрежение к цельности личности психологически недопустимо.

Вместо «Тридцатилетней женщины» я мог бы привести и ряд других романов Бальзака, чтобы продемонстрировать резкие перемены в структуре личности его персонажей. Особенно показателен в этом смысле Вотрен, который изображается в нескольких произведениях; нередко на протяжении даже одного романа Вотрен несколько раз предстает иным человеком.

С кузиной Беттой (из одноименного романа) такие метаморфозы на первый взгляд не происходят: вся ее жизнь подчинена одному-единственному страстному желанию — отомстить сестре, к которой она постоянно испытывает ревность и зависть. Однако метаморфозы

личности имеются и здесь, только Бальзак придал им особую форму, как бы объединив в кузине Бетте две различные личности. Она тайком принимает меры к тому, чтобы бросить тень на честь семьи своей сестры, чтобы пустить эту семью по миру, но одновременно является добрым ангелом семьи, ее спасительницей. Когда Бетта умирает, сестра с детьми и внуками стоят у ее смертного одра, все присутствующие в слезах, они скорбят о ней, как о благодетельнице и святой. Не исключено, что особенно талантливый истерик и мог бы в течение долгого времени играть в жизни такую двойную роль, но, судя по описанию, Бетта полностью лишена истерических черт. Однако и это еще не все. Бетта предстает перед нами еще и в третьем облике: девушка из простой семьи, работающая в Париже много лет швеей и зарабатывающая этим на жизнь, она умудрилась отпраздновать помолвку с маршалом Франции и вот-вот станет графиней. Только неожиданная смерть графа препятствует взлету Бет-ты на вершину тогдашнего светского общества. Между тем ничто в ее поведении не говорит об утонченном расчете, об интригах, напротив, кузина Бетта ведет себя достаточно грубо, прибегая к самым неуклюжим маневрам.

С большим правом, чем Бальзака, можно назвать психологом немецкого писателя Жана Поля (1763—1825), который нередко глубоко проникает в особенности человеческих реакций. Но и у Жана Поля не всегда бывает соблюдена цельность личности. Позволю себе несколько подробнее коснуться его известного романа «Зибенкэз». Здесь мастерски показано, как на почве материальной нужды и бытовых трудностей полностью распадается брак. Мы видим, что супруги, в силу различного отношения к бытовым неполадкам, все чаще ссорятся друг с другом по поводу ничтожных мелочей, постепенно начинают друг друга невыносимо раздражать и после очередной ссоры испытывают всевозрастающую взаимную ненависть.

В это развитие вплетается весьма любопытный, с точки зрения психиатра, факт: внешние раздражения воспринимаются часто с особой силой по той причине, что человек сосредоточен на их покидании. Так, шум на улице и на лестнице не раздражают Зибснкэза, но малейший шорох, производимый женой при уборке квартиры, выводит его из себя. Жан Поль пишет: «Достаточно было ей сделать пару шагов, чтобы он уже почувствовал приступ бешенства: этот звук всякий раз душил пару его хороших свежих мыслей» (с. 179). После разговора с мужем жена выполняет домашнюю работу почти бесшумно: «Она перелетала из одного помещения в другое неслышно, как паучок» (с. 160). Но хотя Зибенкэз почти не улавливает звуков, остается напряженное ожидание того, когда же «послышится шум»: «Вот уже час я слушаю, как ты ходишь на цыпочках; лучше уж топай в деревяшках, подбитых железом, право, лучше не старайся, ходи как обычно, душа моя!» (с. 160). Жена выполняет и эту его просьбу, ходит обычной походкой. Но как бы она ни ходила, Зибенкэз все равно сосредоточен на ее шагах, а не на своей работе. Тогда «Линетта приспособилась не делать никакой работы по дому, пока Зибенкэз, сидя за столом, пишет; дождавшись паузы в работе мужа, она с удвоенной энергией принимается орудовать щетками и вениками» (с. 194). Но Зибенкэз вскоре раскусил эту тактику «посменной работы». И ожидание Линеттой пауз в работе мужа делало его больным, а

его идеи — бесплодными. Ситуация достигает кульминации в тот момент, когда Зибенкэз кричит Линетте, чтобы она не выжидала его «интервалов», а лучше сразу убила бы его.

Именно так, как это описано у Жан Поля, возникает обычно невроз ожидания. Непрерывное ожидание чего-либо обостряет напряжение. Общеизвестно раздражающее действие капающей воды, когда хочется спать. Если бы засыпающий начал считать падающие капли, то он сначала включился бы в «результативное» слушание и постепенно уснул бы. Подобный же ход намечается и тогда, когда человек примиряется с фактом: все равно капли будут падать всю ночь. Но когда ожидаешь, что капание прекратится, когда, неспокойно ворочаясь, надеешься на это, каждая очередная капля приносит новое разочарование, именно такие смены способствуют возрастанию эмоционального напряжения. Эмоциональное напряжение может усиливаться и по другому поводу, например человек понял, что капанье не прекратится, но борется с собой: встать ли, чтобы закрутить кран, или уж махнуть рукой на все и остаться в постели. Подобным образом Зибенкэз прислушивается к тому, что будет делать его жена. Жан Поль превосходно описал в своем романе течение данного развития. Для наивной Линетты поведение мужа, конечно, непонятно. Она спрашивает его, почему живущий по соседству мальчик, который так утомительно пиликает весь день на скрипке, не мешает ему своими пронзительными диссонансами, в то время как она, Линетта, мешает даже тихонько подметая пол.

Жан Поль неплохо разбирается в различных типах поведения людей, а еще лучше знает самих людей. Линетту он называет ходячей стиральной машиной и механической метлой. Ее сугубо практический ум не покидает ее и тогда, когда речь идет о чувствах тонких и благородных. Никогда Зибенкэзу не удается заразить ее «лирическим энтузиазмом любви» — так, чтобы она забыла все на свете; под градом его поцелуев она считает удары часов на городской башне или прислушивается, не выкипает ли на кухне суп. Она способна прервать пение псалма вопросом, что подогреть на ужин. А однажды, когда Зибенкэз читал ей прочувственную свою проповедь о смерти и вечности, она вдруг перебила его фразой: «Левый носок не надевай, пока я не заштопаю, там дырка».

Что и говорить, образ Линетты весьма характерен, такого типа женщин много. На редкость пластичной делают эту молодую особу не акцентуированные черты характера или темперамента сами по себе, а мастерство Жана Поля как художника слова.

Сам Зибенкэз обнаруживает во многих ситуациях чрезвычайно любопытные с психологической точки зрения реакции, но одновременно мы наблюдаем у него и ту совершенно необоснованную изменчивость поведения, о которой я говорил выше. С одной стороны, он — чувствительный мечтатель, жестоко страдающий из-за примитивности эмоциональной сферы своей жены, с другой стороны, он сварливый, вечно раздраженный супруг, отношение которого к жене далеко от чуткости и теплоты. Его чувство к Натали чрезмерно сентиментально, даже экзальтированно, в то же время он способен на грубый обман и жульничество (история, когда он притворился умирающим, а затем и

мертвецом, с последующими ложными похоронами). Вряд ли один человек может носить столько личин. Справедливости ради следует отметить, что в роли, исполняемой в данный момент, — будь то сварливый супруг, романтический любовник или наглый обманщик — Зибенкэз абсолютно правдив и искренен. Можно утверждать, что по глубине, которая свойственна Жану Полю при описании человеческого поведения, он безусловно писатель-психолог. Однако некоторые персонажи его не совсем реальны.

Отвечая на вопрос о том, есть ли среди персонажей Жана Поля акцентуированные личности, мы должны были бы назвать прежде всего своеобразного «практикующего врача и анатомического профессора Каценбергера», если бы только существовали подобные люди в действительности. Однако этот образ порожден, собственно, юмором Жана Поля или, как писатель сам когда-то выразился, он попросту решил в этом случае «поозорничать». Увлечением профессора являются всякого рода уродства: зайцы с восемью ногами, шестипалые руки. Ему хотелось бы, чтобы даже у родной дочери было какое-либо уродство (с. 49):

— Но,— говорит он, обращаясь к ней,— к сожалению, прости, я хотел сказать к счастью, твоя мать последовала тезису Лафатера, авторитетно заявившего, что обычно те матери, которые во время беременности больше всего боятся произвести на свет уродца, рожают самых красивых детей.

Каценбергер пошел бы и на то, чтобы вступить в брак с уродом, если его нельзя приобрести для коллекции за более дешевую цену. Чрезвычайно странные вкусы у профессора по части еды. В подвале одной гостиницы, где ему пришлось заночевать, он усиленно ищет пауков, чтобы полакомиться ими. Он рассказывает, что его разрыв с невестой произошел из-за того, что он на ее глазах «разделал и съел» майского жука.

В обществе он блещет дикими и дурашливыми высказываниями. Например, одной старой деве он советует «не застудить грудь», но тут же добавляет: «Впрочем, все это вы знаете, вы же кормили? Признавайтесь, — скольких выкормили?» Любимое занятие профессора — во время еды заводить речь об уродах: то ли о человеке с обезьяньим хвостом, то ли о женщине, на спине которой «расположился» двенадцатипалый мужчина. В компании он мог рассказывать о женщине, у которой стул был возможен при одном условии: для этого ей надо было начать безудержно хохотать. На банкетах профессор любил говорить обо всем, что вызывает физическое отвращение. Например, он пространно разглагольствовал о чистоте слюны, указывая, что, несмотря на это, никто не в состоянии выпить даже пол чайной ложки слюны.

Таков портрет профессора Каценбергера. Бесспорно, он — личность акцентуированная, но лишь в разрезе фантазии писателя, а никак не в рамках действительности, реальной жизни. Можно ли говорить о психологизме анализируемого произведения? Несомненно, в романе нашли отражение и жизненная мудрость, и большое знание Жаном Полем людей, несмотря на шуточные и смешные преувеличения. Но не такой

психологизм в центре внимания во второй части моей книги.

Остановлюсь подробнее на другом образе Жана Поля, несомненно, представляющем собою акцентуированную личность, на образе проповедника Шмельце.

Говоря об акцентуированных личностях, не могу обойти молчанием и такого художника слова, как Вильгельм Раабе, у которого немало общего с Жаном Полем. Однако странности, бросающиеся в глаза у многих чудаковатых персонажей Раабе, не вытекают органически из тех или иных черт личности, а прилагаются к действующим лицам без внутренней связи, иногда как бы искусственно пристегиваются к ним. Например, тетушка Шлотербек из романа «Голодный пастор», ничем не выделяясь, являясь вполне жизненной и даже практичной особой, на улице постоянно «встречается с покойниками». Сам «Голодный пастор» в молодости якобы был мечтателем, в чем походил на своего отца, сапожника, но мы сталкиваемся с ним в тот период, когда он лишен уже всякого романтического ореола, напротив, строит свою жизнь на весьма практичных началах. Что касается лейтенанта Геца, то можно было бы вначале принять его за грубого гипоманиака, но позднее мы видим, как он заботливо относится к племяннице, как он чувствителен и даже сентиментален с нею (а эти качества гипоманиаку вовсе не свойственны). Гипоманиакальный темперамент Геца сказывается, пожалуй, в постоянных отступлениях от основной, логической линии в его рассказах, в манере подробно останавливаться на никому не нужных подробностях.

Последняя особенность свойственна, впрочем, многим персонажам Раабе, а отчасти и его собственной манере повествования. Например, Мастер Автор в одноименной повести на протяжении 12 страниц рассказывает о своем младшем брате, прежде чем перейти к непосредственной цели своего визита — посоветоваться насчет завещания брата. Его рассказ то уводит в сторону, то изобилует излишними деталями, хотя в складе Мастера не заметна ни гипоманиакальная, ни эпилептоидная акцентуация.

Многих чудаковатых персонажей Раабе можно было бы отнести к интровертированным, но чудачества их связаны не столько со своеобразным ходом мыслей, сколько со странным поведением. В особенности это относится к Квериану из повести «Госпожа Саломея», о мыслях которого читатель так ничего и не узнает, однако поражается его более чем странному поведению. Сам Мастер Автор несомненно является интровертированной личностью, у него мы встречаем много философских рассуждений о жизни, о смерти, однако бросается в глаза, что он не развивает конструктивных концепций, а главным образом критикует образ жизни окружающих.

Вероятно, основной целью Раабе было просто создать галерею людей необычных, ибо он весьма охотно говорит о своих персонажах как о глупых чудаках или блаженных, иногда даже там, где для этого как будто нет оснований. Вельтен Андрее из повести «Летописи Птичьей слободы» после смерти матери ведет себя, пожалуй, как душевнобольной: он немедленно сжигает и раздаривает кому попало все ее вещи, к которым

был всей душой привязан. Но Раабе наделяет его эпитетами «глупец», «невменяемый чудак и фантазер», «идиот Андрее», «сумасшедший» и т. п. еще в период его пребывания в школе, когда он проявлял не более чем мальчишескую шаловливость или отсутствие интереса к занятиям.

В своих высказываниях многие персонажи Раабе часто обнаруживают глубокую мудрость, которая трудно вяжется с их родом деятельности. Например, в «Шюдерумпе» самым мудрым из персонажей оказывается Яна Варвольф, занимающаяся торговлей галантереей вразнос. Крестьянин, по прозвищу «Фаршированный пирог», говорит как филолог с классическим образованием. Он смутно помнит, что во время оно окончил гимназию (правда, оставшись несколько раз на второй год), однако уже много лет крестьянствует, и это вряд ли могло не отразиться на строе его речи. Его жена Валентина тоже ничем не напоминает крестьянку, а говорит, как образованная дама из высших кругов.

В общем следует сказать, что многие обладающие известными странностями герои художественной литературы, у которых можно было бы предположить акцентуацию, все же не позволяют создать о себе четкого суждения, ибо писатели не показывают, в чем же корни их своеобразных черт.

Возьмем Карло Гольдони. В своей комедии «Господа в доме» он выводит двух мужчин, тип которых не столь уж редко встречается в реальной жизни. Оба в семье чувствуют себя неограниченными владыками, требуют, чтобы жены постоянно их обслуживали, но сами нисколько не интересуются желаниями своих жен, считают зазорным их стремление принарядиться, надеть драгоценности. Они категорически запрещают всем членам семьи даже самые скромные развлечения вне дома, посещение театра считают для порядочного человека позором. Детей они держат на положении рабов, они не только сами решают, с кем дочь или сын должны соединиться узами брака, но не разрешают им до бракосочетания даже посмотреть на своих суженых.

Получая одну лишь голую информацию о таком поведении героев, не зная его истоков, мы лишены возможности отнести действующее лицо к определенному типу акцентуированных личностей: может быть, перед нами своеобразные черты застревания, а может быть, изображаются личности педантические, полагающие, что они одни знают, каким путем, какой тщательно разработанной системой можно уберечь членов семьи от распутства. Возможно, речь идет о лицах совершенно бесчувственных, холодных и равнодушных к переживанию близких, о лицах, не знающих иных ценностей, кроме как поесть и поспать, а может быть, такие герои просто люди крайне консервативные и ограниченные, погрязшие в патриархальных «домостроевских» традициях. Сам материал произведения не позволяет нам провести нужную дифференциацию, поэтому о данных персонажах мы не можем говорить как об акцентуированных личностях, хотя их поведение и отличается рядом любопытных особенностей.

В комедиях часто встречается еще и другой тип людей — высокомерные себялюбцы, которые всю жизнь только и делают, что любуются собой.

Всем бросается в глаза их напыщенное чванство. В качестве примера можно назвать графа де Роккамонте из комедии Гольдони «Веер». Хотя граф является обедневшим аристократом и, собственно, сам нуждается в помощи, однако он повсюду назойливо рекламирует себя как «влиятельное лицо», протекцию которого всем было бы полезно себе обеспечить. Обращение «ваше благородие» Роккамонте не преминет исправить на «ваше высокоблагородие»; к другим аристократам граф обращается со словами «достойный коллега по сословию» и очень любит говорить «мы, дворяне…». Приглашение пойти вместе в трактир он охотно принимает, но заплатить за себя позволяет с таким видом, словно оказывает особую милость пригласившему.

Однако и здесь драматург не касается корней поведения персонажа, опять-таки остается проблемой, чем руководствуется граф: может быть, он охвачен типичной для истерика потребностью самопроявления? Или он чрезмерно честолюбив и просто избрал дешевую цель для удовлетворения честолюбия? Возможно, он крайне ограничен интеллектуально и поэтому не замечает, как смешны его напыщенные манеры. Наконец, быть может, виной всему нелепое воспитание, сделавшее Роккамонте надменным, спесивым человеком? Все эти вопросы остаются открытыми, поведение графа не выходит за рамки сюжета комедии и это не позволяет отнести его к тому или иному типу акцентуированной личности. Само по себе поведение Роккамонте комично, что и нужно автору, причины же его не интересуют.

Выше говорилось, что существует немало хороших психологических романов, в которых вообще не выведены акцентуированные личности. Это положение убедительно подтверждается творчеством величайшего психолога среди романистов, Л. Н. Толстого.

Герои романов Толстого отличаются друг от друга не как индивидуальности, а как типы. Типичный чиновник, типичный офицер, типичный кутила, типичная мать, типичная светская дама — вот что в первую очередь можно сказать о действующих лицах его больших романов. В «Анне Карениной» Кити является типом молодой, только что вышедшей замуж женщины, которая подходит к вставшим перед нею задачам с практическим оптимизмом. Ее сестра Долли — тип заботливой многодетной матери, считающей, что удел ее как женщины — увядание, в то время как ее муж остается цветущим, вечно моложавым Стивой Облонским. Мать Кити и Долли — тип матроны, озабоченной лишь тем, как бы пристроить дочерей. Каренин, муж Анны,— тип сухого чиновника, чувства которого спрятаны под непроницаемым панцирем. Сводный брат Левина — тип одностороннего ученого: у него отсутствует объективное восприятие мира, все события расцениваются в свете предложенной им самим искусственной научной схемы. Второй брат — опустившийся в социальном и моральном отношении человек, но читателю ничего не сообщается о том, как он дошел до такого состояния.

Впрочем, в этом же романе выведены и две явно акцентуированные личности, обе отличающиеся гипоманиакальностью. Это уже упомянутый Степан Аркадьевич Облонский и — еще в большей степени — его друг Васенька Веселовский, который сначала ухаживает за Кити, а

потом и за Анной. Оба они жизнерадостные весельчаки, всегда готовые посмеяться, пошутить, беспечные, добродушные и несколько бестактные. Видимо, Толстой задумал воплотить в обоих тип прожигателя жизни, а с этой целью обратился именно к гипоманиакальным личностям, среди которых прожигателей жизни весьма много.

Сам Левин, кстати, представляет собой весьма своеобразную индивидуальность. Его отличают глубокая искренность и стремление к справедливости. К этому присоединяется наличие собственного мнения по любому поводу, особенно по вопросам религиозного характера. Все это позволяет усматривать в нем черты интровертированности. Однако, попадая в Москву, Левин ведет такой же поверхностный образ жизни, как и все лица, принадлежащие к его общественному кругу. В деревне он является образцовым помещиком. Толстой и здесь отнюдь не задается целью показать мир идей человека, исходя из структуры его личности. Видимо, он стремится изложить сами идеи, их первоначально этическое, а позднее подчеркнуто религиозное содержание. Но эти идеи берут свое начало не в личном духовном мире Левина, а механически приписываются ему писателем. В сущности же речь идет об идеях самого Толстого.

Нет оснований относить к акцентуированным личностям даже главных героев этого романа. Анна Каренина, которая в наиболее тяжелых конфликтных ситуациях изображена с величайшей психологической глубиной, как личность ничем особенно не примечательна. Это типичная представительница тогдашней элиты, которая до зарождения чувства к Вронскому не выделяется среди других представительниц своей среды, хотя она, несомненно, и обаятельнее их, и более непреклонна в решениях. Нагромождение конфликтов в жизни Анны объясняется не особенностями ее личности, а скорее тем, как чисто объективно сложилась ее судьба. Что касается Вронского, то он был человеком, который прекрасно «вписывался» в повседневный ритм молодых людей высшего света. Вначале он испытывает чувство мужской гордости: ведь он соблазнил очаровательную женщину, да еще замужнюю. Позднее он достаточно достойно держит себя в тяжелых конфликтных ситуациях, на которые жизнь и для него не поскупилась, но черты акцентуации личности у него также не наблюдаются.

Весьма типичны члены семьи Курагиных из романа «Война и мир». Князь Василий — это яркий тип светского человека. Ловкий, хитрый, не без доли лукавства, он в любом кругу нащупает не только правильную линию поведения, но и обеспечивающую ему прямую выгоду. Уверенная манера «лавировать» в большом свете роднит его с Анной Павловной Шерер. Все помыслы сына князя Василия, Анатоля, устремлены непосредственно к радостям бытия. Толстой определяет его как «прожигателя жизни». Его называют также «Магдалиной мужского пола», которой «много простится, ибо она много любила». Дочь князя Василия Элен — тип светской львицы. Своей красотой, самоуверенностью и поверхностной болтовней она прикрывает собственную глупость. Типичны также и другие образы романа. Борис Друбецкой — офицер, карьерист, посвятивший жизнь тому, чтобы преуспевать на военной службе. Ханжество его матери, Анны

Михайловны, связано, пожалуй, с известной истеричностью, но в целом она все же типичная вдова, для которой единственный сын стал и единственным смыслом жизни. Графиня Ростова — воплощение образа матери. Она, как птица, распростерла крылья над детьми, причем постоянно питает более сильную любовь к тому из двух своих сыновей, который в данный момент больше нуждается в ее заботах и сочувствии. Княжна Марья, дочь чудаковатого князя Болконского, оказывается довольно выразительным типом. Мужчины на эту некрасивую девушку вообще не смотрят. Чтобы заполнить зияющую пустоту жизни, она ищет утешения в религии, набожность ее доходит порой до фанатизма. После смерти отца и с началом ее любви к Николаю Ростову Марья как личность становится совершенно бесцветной. Отца ее, старого князя Болконского, безусловно, следовало бы отнести к категории ярко акцентуированных личностей, если бы его поведение не выходило за пределы психической нормы. Старый князь фактически находится на грани тяжелого психического заболевания, на что неоднократно указывает и сам Толстой.

Его сына, князя Андрея, одного из главных героев «Войны и мира», трудно определить, так как его поведение на протяжении романа неоднократно меняется. Вначале он «хочет славы», что, впрочем, проявляется лишь в словах; позднее князь начинает философствовать в глубоко пессимистических тонах. Некоторое время он думает навсегда остаться в деревне, но затем у него снова пробуждается интерес к большой политике. Страдая от неверности Наташи, он держит себя сухо и с чувством превосходства, а мысль простить ее «холодно и зло» отвергает. Возвратившись в армию, князь Андрей приветлив со своими офицерами и солдатами, но полон ненависти, пренебрежения к людям, в кругу которых вращался раньше. Совершенно не вяжется с его обычной замкнутостью и сдержанностью то, что он перед великим сражением прямо кричит о своих взволнованных чувствах, даже его голос при этом становится «тонким, пискливым». Князь Андрей предъявляет целый ряд тяжелых обвинений войне, считает, что к врагам, развязавшим эту войну, нельзя проявлять рыцарские чувства, что пленных брать вообще не надо, а захваченных в плен солдат «убивать и идти на смерть». С этими аффективными реакциями князя Андрея на события на фронте военных действий трудно согласуется тот факт, что незадолго до этого он принимал действительность, смиренно покоряясь судьбе, а вся жизнь казалась ему бессмысленной. Невольно вспоминаешь об описанных Кречмером шизоидных личностях, которые постоянно находятся между полюсами эмоциональной холодности и чрезмерной чувствительности. Однако, если подходить с такой точки зрения, то. князя Андрея, точно так же, как и его отца, старого князя Болконского, придется отнести к людям с психическим отклонением. В недели, предшествующие смерти князя Андрея от ранения, мы еще раз сталкиваемся с этими крайностями его поведения: он испытывает блаженство от сознания «любви к ближнему, любви к своим врагам», но в то же время свою сестру, которая приехала, полная тревоги, навестить его, он встречает отчужденно, смотрит на нее «холодным, почти враждебным взглядом». Холоден он и к Наташе, к которой незадолго до этого вновь устремился было с любовью в душе. Толстой объясняет эту холодность князя Андрея все усиливающейся

отрешенностью от жизни.

Типическим среди персонажей «Войны и мира» является также образ «немца» Барклая де Толли, который появляется на страницах романа несколько раз. Упомянув о четкости и последовательности тех немецких генералов, которые находятся на службе в русской армии, Толстой приводит чрезвычайно тонкое в психологическом отношении сравнение, которое показывает что хваленая немецкая основательность для русского человека не всегда приемлема. Князь Андрей говорит (с. 185):

—Барклай де Толли не годится теперь именно потому, что он все обдумывает очень основательно и аккуратно, как и следует всякому немцу. Как бы тебе сказать… Ну, у отца твоего немец-лакей, и он прекрасный лакей и удовлетворяет всем его нуждам лучше тебя, и пускай он служит: но ежели отец при смерти, болен, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцом, и лучше успокоишь его, чем искусный, но чужой человек. Так и сделали с Барклаем. Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой, родной человек.

Большое впечатление производит изображение Толстым не только типических персонажей, но и типических ситуаций — вечернего приема в высшем свете Петербурга или Москвы, обеда в кругу семьи, веселой пирушки беспечных молодых людей, сражения, совещания офицеров, беседы солдат у лагерного костра и т. п. О психологизме Толстого свидетельствует то, что он меньше внимания уделяет самим событиям, чем поведению людей на их фоне, тому, как эти люди ходят, жестикулируют, как разговаривают между собой. Типично в таких ситуациях, во-первых, некоторое единообразие поведения, проявляющееся, например, в том, что все действующие лица принимают одинаковое уча

Индивидуальность в художественной литературе. Индивидуальные особенности в сфере влечений.

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Некоторые черты личности, не являясь акцентуированными, все же отличаются в плане индивидуальном, в таких случаях наблюдаются вариации различных реакций человека. Такие индивидуальные вариации реакций мне не удалось проиллюстрировать на клиническом материале, однако я располагаю возможностью проанализировать их у некоторых персонажей художественных произведений.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СФЕРЕ ВЛЕЧЕНИЙ

В формировании структуры личности человека могут участвовать и всевозможные влечения. Так, при обжорстве помыслы человека постоянно устремлены к удовлетворению ненасытного аппетита, соответственно с

этим складывается весь его образ жизни. Не подлежит сомнению, что среди полных людей есть немало таких, которые отличаются ненасытностью. Многие из них медлительны в действиях и поступках (о них часто говорят «тяжелый на подъем»). Возникает порочный круг: полнота ограничивает активность человека, и как следствие на передний план выступают примитивные телесные потребности. Вспоминаются слова Цезаря из драмы Шекспира:

— Пусть я буду окружен мужчинами плотного телосложения и с полными лицами, которые хорошо спят по ночам.

Должен заметить, что влечениями этого рода я не занимаюсь, так как изучение акцентуированных черт личности не связано с анализом качеств, имеющих, в основном, физиологические проявления.

Сексуальные влечения также могут оказывать влияние на образ жизни в целом. При большой силе этих влечений человек видит главный смысл жизни в их удовлетворении. Правда, здесь сексуальный инстинкт играет более значительную роль, чем влечение. Если сексуальный инстинкт чрезмерен, то он может выйти и за пределы сферы чисто сексуальной. Женщина, охваченная сексуальным влечением с такой силой, как, например, Кетхен фон Хайльброн из одноименной драмы Клейста, становится рабой мужчины. Граф фон Штрель обращается с нею иногда буквально, как с собакой. При таком положении вполне нормальная умная женщина начинает во всем безоговорочно покоряться мужчине и в быту. Рыцарь Миракля Лузман, обладающий инстинктом женщины и «предлагающий» себя желающим, как женщина (мы еще встретимся с ним в главе об истериках), неописуемо тщеславен: патетическими словами он расхваливает свое красивое тело; главное для него заключается в том, чтобы это красивое тело было одето так, «как ему подобает».

Самым сильным человеческим влечением следует считать «жажду переживаний». От этого влечения зависит степень активности, с которой человек использует возможности, предлагаемые ему жизнью. С одной стороны, мы сталкиваемся с поиском переживаний у неодолимо стремящегося к ним человека, с другой стороны — с тупой удовлетворенностью, примитивной бытовой повседневностью. Меня хорошо поймут, если я для раскрытия понятия «жажда переживаний» приведу знаменитый классический образец. В «Госпоже Бовари» Флобер показывает, как человек, который доходит положительно до головокружения из-за вечного «голода по переживаниям», может подчинить этому весь свой образ жизни, ибо все его чувства и помыслы устремлены к одной цели.

Еще ребенком Эмма испытывает потребность пережить что-то значительное, особенное, прекрасное. Когда ее отдают учиться в школу при монастыре, она сначала видит много нового и испытывает удовлетворение. Но вскоре у нее развивается пристрастие к сенсационным романам (с. 65—66):

Там только и было, что любовь, любовники, любовницы, преследуемые дамы, падающие без чувства в уединенных беседках, почтальоны, которых

убивают на всех станциях, лошади, которых загоняют на каждой странице, темные леса, сердечное смятение, клятвы, рыдания, слезы и поцелуи, челноки при лунном свете, соловьи в рощах, кавалеры, храбрые, как львы и кроткие, как ягнята, добродетельные сверх всякой меры, всегда красиво одетые и элегичные как какая-нибудь плакучая ива,— здесь можно найти все, чего жаждала се душа.

Несмотря на наличие столь сильных возбуждающих эмоции средств, Эмме в монастыре становится все скучнее, но обстановка дома ей еще менее по душе (с. 68):

Вернувшись домой, Эмма с удовольствием начала командовать слугами; но скоро провинция надоела ей, и она стала скучать по монастырю.

В браке для госпожи Бовари тоже все представляется слишком пресным (с. 68—69):

Возможно, что в некоторых уголках земли счастье возникает само собою,— думалось Эмме,— подобно тому, как иные растения требуют известной почвы, плохо принимаясь на всякой другой. Почему не могла она облокотиться на перила балкона швейцарского домика или заключить свою печаль в шотландском коттедже, укрыться там вместе с мужем, и чтобы на нем был черный камзол с длинными фалдами, мягкие сапожки, остроконечная шляпа и кружевные манжеты.

Однако напрасны мечты о счастье, разочарование все усиливается (с. 71—72):

Мысли Эммы сначала были беспредметны, цеплялись за случайное… Потом они понемногу прояснились, и, сидя на земле, Эмма повторяла, тихонько вороша траву зонтиком:

— Боже мой! Зачем я вышла замуж!

Существование ее холодно, как чердак, выходящий окошком на север (и скука, как молчаливый паук, плетет в тени свою сеть по всем уголкам ее сердца.

Будучи приглашена к некоему маркизу, живущему поблизости, Эмма попадает в светское общество. С этих пор она находится в плену мечты — жить в светском кругу, и постоянно тоскует (с. 85):

Но в глубине души она ждала какого-то события. Подобно матросу на потерпевшем крушение корабле, она в отчаянии оглядывала пустыню своей жизни и искала белого паруса в туманах дальнего горизонта. Она не знала, какой это будет случай, какой ветер приготовит его, к какому берегу он ее унесет; она не знала, будет ли то шлюпка или трехпалубный корабль, будет ли он нагружен страданиями или до самых люков полон радостей. Но, просыпаясь по утрам, она всякий раз надеялась, что это случится в тот же день,— и прислушивалась ко всем шорохам, вскакивала с места, удивлялась, что все еще ничего нет. А когда заходило солнце, она грустила

и желала, чтобы поскорее наступил следующий день…

Эмма поднималась в свою комнату, запирала дверь, начинала ворошить угли в камине и, слабея от жары, чувствовала как тяжелеет гнетущая скука…

Но особенно невыносимо было во время обеда, внизу, в крохотной столовой с вечно дымящей печью и скрипучей дверью, с промозглыми стенами и влажным от сырости полом. Эмме казалось, что ей подают на тарелке всю горечь существования, и когда от вареной говядины шел пар, отвращение клубами подымалось в ее душе. Шарль ел долго; она грызла орешки или, облокотившись на стол, от скуки царапала ножом клеенчатую скатерть.

Чувствуя свою вину, госпожа Бовари старается сдерживать себя при муже, которого презирает, но иногда она все же не в силах собой владеть (с. 148):

Она переносила на него всю ненависть, возникавшую на почве невыносимой скуки, а попытки бороться еще усугубляли ненависть, ибо из-за бесплодных попыток отчаяние возрастало и все больше отдаляло ее от Шарля.

Окруженная одними лишь буднями, мучимая бесконечной скукой, Эмма приходит в конце концов к эксцессам в поведении.

Ее личность испытывает, собственно, обычные торможения; Эмма оказывается несостоятельной не в результате слабости, а под влиянием сильных внутренних желаний и потребностей, которые как бы «перерастают» эту личность, обладающую средней силой воли. Речь идет в первую очередь о сексуальных переживаниях. Кроме этого, госпожа Бовари обладает таким пороком, как расточительность; она безудержна в расходах, накупает красивую мебель, дорогие ковры, роскошные наряды — все это для того, чтобы создать иллюзию пребывания в богатом утонченном окружении. Любовные приключения особенно утоляют жажду острых переживаний. Так было и у Эммы. Однако в конечном итоге к гибели ее приводят не эти эксцессы, а финансовые затруднения.

Несомненно, писатель, описывая переживания Эммы, несколько сгущает краски, но, несмотря на это, дает представление, в какой мере неутоленная жажда переживаний, оборачивающаяся невыносимой скукой, может воздействовать на поведение человека. Если бы такое своеобразие личности, как у Эммы Бовари, встречалось чаще и было так же ярко выражено, как у нее, то можно было бы таких «жаждущих переживаний» людей отнести к акцентуированным личностям. Однако в действительной жизни их своеобразное поведение никогда не приобретает таких масштабов, если только оно не усиливается другими акцентуированными чертами.

Господин Бовари представляет собой резкий контраст по сравнению с женой. У него нет избытка жажды переживаний, как у Эммы. Напротив, он страдает явным недостатком жажды переживаний. Шарль всегда трезв,

повседневен, банален. Вот что видит его жена вскоре после брака (с. 69):

Разговоры Шарля были плоски, как уличная панель, общие места вереницей тянулись в них в обычных своих нарядах, не вызывая ни волнения, ни смеха, ни мечтаний. Он сам вспоминал, что, когда жил в Руане, ни разу не полюбопытствовал зайти в театр, поглядеть парижских актеров. Он не умел ни плавать, ни фехтовать, ни стрелять из пистолета, и когда однажды Эмма натолкнулась в романе на непонятное слово, относившееся к верховой езде, он не мог объяснить его значение.

Когда Шарль возвращался домой после посещения больных, он «… снимал сюртук и начинал обедать в свое удовольствие. Переберет всех людей, с какими встретился, все деревни, в каких побывал, все рецепты, какие прописал и, довольный сам собой, доест остатки жаркого, поковыряет сыр, погрызет яблоко, прикончит графин вина. А потом уйдет в спальню, ляжет на спину и захрапит» (с. 70).

Любовь его также была крайне будничной. Попытки жены внести в нее хоть каплю романтики никак не удавались (с. 71):

Порывы Шарля приобрели регулярность: он обнимал ее в определенные часы. То было как бы привычкой среди других привычек, чем-то вроде десерта, о котором знаешь заранее, сидя за монотонным обедом.

Приглашение к маркизу, которое наполнило госпожу Бовари столь искренним восторгом, тяготило господина Бовари. На приеме он чувствовал себя ужасно и не мог дождаться возвращения домой (с. 78):

Шарль еле тащился, держась за перила,—у него подкашивались ноги. Пять часов подряд простоял он за столами, глядя на игру в вист, но ничего в ней не понимая. И, сняв ботинки, он глубоко и облегченно вздохнул.

Так Флобер изображает Шарля. Шарль — обыватель с головы до пят. Он не знает ничего, кроме обыденности, и вполне этим доволен. С такой же мещанкой-женой, как он сам, они бы составили отличную супружескую пару и прожили бы вместе счастливую жизнь. Надо полагать, что в образе Шарля писатель вообще ничего не преувеличил. В действительной жизни существуют такие невзыскательные люди, которые не стремятся познать, увидеть что-нибудь, кроме повседневных, банальных вещей. Подобное поведение обусловлено отсутствием человеческого влечения высшего уровня — жажды разнообразных переживаний.

Индивидуальные особенности в сфере направленности интересов и склонностей

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СФЕРЕ НАПРАВЛЕННОСТИ ИНТЕРЕСОВ И СКЛОННОСТЕЙ

Значительное количество индивидуальных черт личности относится к психической сфере направленности интересов и склонностей. Говоря о характере человека, мы в первую очередь имеем в виду качества именно этой

сферы. Важнейшие из них можно проиллюстрировать, анализируя некоторые образы художественной литературы.

Среди акцентуированных черт личности мы сталкиваемся с боязливостью, или тревожностью; последняя связана с вегетативной нервной системой. Однако тревожность может иметь и другие корни: некоторые люди находятся при определенных обстоятельствах как бы на интенсивной «волне страха». Это свойство накладывает на человека некий особый отпечаток, хотя по сути резко не отличает его от средних людей. Таким боязливым человеком является господин Паран — персонаж одноименной новеллы Ги де Мопассана. Рассказ так и начинается с описания данной черты господина Парана. Выйдя на прогулку в парк со своим сынишкой, он все время озабочен тем, как бы не опоздать домой, т. е. как бы не вернуться с прогулки позднее жены. Он берет малыша на руки и, с трудом переводя дыхание, этот полный сорокалетний мужчина поспешно поднимается в гору по крутому переулку. Да, Паран боится, что его забранит жена, которая и сама-то систематически опаздывает к обеду. Тревожность доходит до предела, когда Паран замечает, что он, погруженный в свои мысли, слишком долго переодевался. А между тем уже бьют часы… Семь часов… Паран в ужасе хватает чистую рубаху… Паран трепещет и перед своей прислугой, грубоватой коренастой особой, которая вечно бранится, что «обед снова перестоял». На этот раз она собирается устроить скандал хозяйке, а Паран пытается утихомирить недовольную Жюли. Он, собственно, не сердится ни на опаздывающую Генриетту, ни на Жюли, он просто боится, безумно боится их обеих, да и вообще любого возможного происшествия в его доме. Он так боится, что конечности его делаются «мягкими, как тряпка».

Позднее служанка «просвещает» Парана насчет поведения жены, годами обманывающей его с любовником. Но автор ничего не пишет о гневе Парана, а говорит лишь о его «душераздирающих» всхлипываниях. В довершение всего жена приходит домой вместе с любовником и открыто издевается над мужем. Узнав от служанки, что вдобавок ко всему и сыну своему он вовсе не отец, что это ребенок от того же любовника, он за столом пытается отыскать сходство между мальчиком и любовником. Однако Паран до такой степени боится посмотреть прямо в глаза «этому субъекту», что все время опускает взор. Тревожности, боязливости не противоречит и то обстоятельство, что Паран со временем доходит до состояния злобного бешенства. В этом случае мы имеем дело с острым проявлением долго тормозившегося аффекта, который созревал постепенно. Повод для такого проявления был достаточно серьезным: однажды, возвратясь домой, Паран застал Генриетту в объятиях любовника.

Продолжение рассказа психологически вполне последовательно. Порвав с женой, Паран жестоко страдает и от вечной тревожности, и от одиночества: он боится пустой темной квартиры, боится пустынных, почти неосвещенных улиц с редко размещенными газовыми фонарями, боится одиноких пешеходов, в каждом из которых готов увидеть бродягу и грабителя.

Характерно, что здесь писатель упоминает такой фактор, как темнота: на боязливых людей она действует устрашающе. Боязливые люди также всегда съеживаются при виде незнакомых людей, «от них хорошего не жди!» Зато присутствие людей близких, привычных наполняет их чувством

защищенности. Паран под конец ограничивает себя весьма узким кругом хорошо знакомых людей, проводя большую часть времени за столом завсегдатаев в своей пивной; тут его знают и официантки, и почти все посетители.

Так проходит 20 лет. Однажды, будучи уже старым человеком, Паран случайно встречает на улице свою жену, ее любовника и взрослого сына. Негодование и горечь по поводу разбитой жизни готовы прорваться у Парана наружу, но и здесь он не находит в себе мужества высказать свое возмущение людям, сделавшим его несчастным. Паран догоняет их, но его охватывает «необъяснимый» страх, и он проходит мимо, так и не заговорив с ними, хотя и пытался себя «растравить».

Тревожность, боязливость Парана столь велики, что они накладывают отпечаток и на его образ жизни, и на его судьбу. Мы испытываем большой соблазн причислить его к тревожным акцентуированным личностям, однако следует учесть, что Паран, видимо, мало чем отличался бы от человека обычного, среднего уровня, если бы не сложная жизненная ситуация, в которую он попал и которая оказала на него пагубное влияние.

Тревожных субъектов нередко изображает Лопе де Вега, у него это преимущественно слуги, которые должны составить как бы контраст со своими господами. Например, слугу Марина из драмы «Кастельвины и Монтези» (своеобразные «Ромео и Джульетта» этого драматурга) уже в самом начале драмы действующие лица характеризуют как труса, что и подтверждается ходом действия. Так, сцена гибели героев в усыпальнице из-за трусости Марина разыгрывается скорее как комедия, чем как трагедия.

Если же, с другой стороны, склонность к тревожности, боязливости, как таковая, отсутствует, мы встречаемся с мужественным человеком, порой просто с отчаянным смельчаком. Подобная черта личности ярко проявляется в «Вильгельме Телле» Шиллера.

Далее остановимся на таком чувстве, как сострадание, которое при известных обстоятельствах овладевает человеком о огромной силой. Если кто-нибудь очень легко поддается жалости, это опять-таки нюансирует такую личность особым образом. В отличие от мягкосердечия, которое наблюдается у многих эмотивных личностей, эмоции в таких случаях проявляются исключительно именно в чувстве жалости, сострадания, которое возникает с необыкновенной легкостью.

Состраданием охвачен Ваня из романа «Униженные и оскорбленные» Достоевского. Оно сильнее всего проявляется по отношению к Наташе, которая говорит ему (т. 3, с. 122):

— Ах, Ваня, друг ты мой дорогой! Вот если я буду опять несчастна, если опять горе придет, ведь уж ты, верно, будешь здесь подле меня; один, может быть, и будешь! Чем заслужу я тебе за все! Не проклинай меня никогда, Ваня!

Ваня, безусловно, любит Наташу, но если бы он не был столь жалостлив, его любовь не выражалась бы в такой взволнованной заботливости, нежности,

ведь Наташа-то любит другого! Иногда, когда девушка чем-то опечалена, Ваня доходит прямо до отчаяния; он способен часами успокаивать, утешать ее. Сердце его «сжимается от горя», когда он думает о тяжелой ситуации, в которой бедняжка оказалась. Всякую беду Наташи, всякую несправедливость, причиненную ей, Ваня близко принимает к сердцу.

Дело в том, что Ванино отношение к Наташе объясняется не одним только его чувством к девушке — он вообще крайне чувствителен. Это сказывается, например, и в сердобольном отношении к родителям Наташи: Ваня прилагает все усилия к тому, чтобы хоть немного смягчить боль, которую дочь причинила им своим уходом. Величайшим сочувствием и самоотверженным стремлением помочь наполняет Ваню судьба подростка Нелли. Нередко Ваню охватывает желание помочь сразу всем своим друзьям. То, что это физически невозможно, так как нельзя одновременно находиться в нескольких местах, глубоко удручает его. Так, заботясь о Нелли, он мысленно все время с Наташей, а находясь у Наташи, неотступно думает о ее матери, которая уже с нетерпением ждет его.

Благодаря тому что эгоистические черты в характере Вани совсем отсутствуют, его можно определить как доброго человека. Ниже, однако, мы увидим, что доброта обладает различной степенью проявления: бывают люди, которые вообще не способны ни к кому испытывать враждебное отношение, они не способны ненавидеть даже своих врагов. У Вани, однако, это не так: он охвачен гневом, видя коварство князя, дрожит от бешенства, когда говорит с ним.

От жалостливых людей исходит особая душевная теплота. Говоря же о душевной холодности, неэмоциональности человека, мы имеем в виду не отсутствие эмоций как таковых, а именно недостаток сострадания. Сюда относится также и неспособность разделять чью-то радость. Душевно холодные люди не могут ни сочувствовать чужому горю, ни радоваться чужой радости.

Типичную холодность чувств изображает Тургенев в романе «Отцы и дети». Базаров, молодой врач, по замыслу писателя является ярким представителем модного в то время течения — нигилизма. Его друг Аркадий дает следующее определение нигилиста (с. 21):

— Нигилист, это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип.

Базаров ценит естественные науки, особенно физику и химию, однако презирает искусство и поэзию. Читать Пушкина он находит смешным. Квинтэссенция его суждений об искусстве заключена в следующих словах (с. 49):

— По-моему,— возразил Базаров,— и Рафаэль гроша медного не стоит, да и остальные не лучше его.

Поскольку особенных положительных идеалов у самого Базарова нет, он, являясь представителем революционного направления среди тогдашней

русской молодежи, не способен показать привлекательные стороны этого направления. Однако уже сама манера изложения своих взглядов, иногда с «холодной усмешкой» на лице, явственно говорит о том, что он никому и нисколько не способен сочувствовать. Надо полагать, что симпатии писателя целиком на стороне старшего поколения, иначе зачем бы он стал наделять столь несимпатичными чертами представителя более молодого?

Прибыв в гости к отцу друга, Николаю Петровичу, и к его дяде, Павлу Петровичу, Базаров недоволен старомодными манерами этих пожилых людей, особенно злится он на аристократически-высокомерные речи и манеры дядюшки. Для человека с нормальными эмоциями это вряд ли стало бы поводом к тому, чтобы вести себя в гостях столь бесцеремонно. Уже в день приезда он называет дядю друга «чудаком», а его отца «архаической фигурой». Он весьма резко спорит с обоими, а в ответ на несколько нерешительный укор друга заявляет (с. 25):

— Да, стану я их баловать, этих уездных аристократов! Ведь это все самолюбие, львиные привычки, фатовство!

Звуки виолончели, услышанные Базаровым в доме, крайне удивили его (с. 40):

— Это что? — произнес с изумлением Базаров.— Это отец.

— Твой отец играет на виолончели? — Да.— Да сколько твоему отцу лет? — Сорок четыре.

Базаров вдруг расхохотался.

— Чему же ты смеешься? — Помилуй. В сорок четыре года человек, pater familias, в… м уезде — играет на виолончели!

Николай Петрович случайно подслушивает разговор о себе (с. 41):

— Ты отца недостаточно знаешь,— говорил Аркадий. Николай Петрович притаился.

— Твой отец добрый малый,— промолвил Базаров,— но он человек отставной, его песенка спета.

Николай Петрович приник ухом… Аркадий ничего не отвечал. «Отставной человек» постоял минуты две неподвижно и медленно поплелся домой.

— Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает,— продолжал между тем Базаров.— Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик, пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать.

Сын поддерживает ту обидную ситуацию, что сложилась между другом и отцом: он отнимает у Николая Петровича томик Пушкина и подсовывает вместо него какую-то книгу по естествознанию. В дальнейшем Базаров

своим бесцеремонным поведением продолжает нарушать мирную обстановку, царящую в семье Кирсановых.

Однако, если, допустим, можно простить поведение Базарова по отношению к отцу и дяде друга, то уже вовсе непростительно его отношение к своим родителям. Его с нетерпением ждут дома после трехлетнего отсутствия, но он отнюдь не торопится туда вернуться. Когда он, наконец, приезжает, простодушная радость родителей оставляет его безучастным. Вскоре после приезда домой он обращается к Аркадию со словами (с. 106):

— Вот тебе на! Презабавный старикашка и добрейший,— прибавил Базаров, как только Василий Иванович вышел.— Такой же чудак, как твой, только в другом роде. Много уж очень болтает…

О матери же Базарову нечего сказать, кроме как: «Да, она у меня без хитрости. Обед нам, посмотри, какой задаст».

Во всепоглощающей любви родителей к единственному сыну, возвращения которого они так долго ждали, есть нечто чрезмерное, но очень трогательное. Не трогает она только самого Базарова, он явно сторонится ее, так что отец и мать одного лишь боятся,— как бы не помешать сыну (с. 123):

Арина Власьевна по-прежнему сидела возле сына (в карты она не играла), по-прежнему подпирая щеку кулачком; и вставала только затем, чтобы велеть подать какое-нибудь новое яство. Она боялась ласкать Базарова, и он не ободрял ее, не вызывал ее на ласки; при том же и Василий Иванович присоветовал ей не очень его беспокоить…

Но глаза Арины Власьевны, неотступно обращенные на Базарова, выражали не одну преданность и нежность: в них виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор. Впрочем Базарову было не до того, чтобы разбирать, что именно выражали глаза его матери; он редко обращался к ней, и то с коротеньким вопросом.

А вот слова, произносимые Базаровым уже на следующий день по приезде домой (с. 124):

— Нет,— говорил он на следующий день Аркадию,— уеду отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здесь нельзя. Отправлюсь опять к вам в деревню; я же там все свои препараты оставил. У вас по крайней мере запереться можно. А то здесь отец мне твердит: «Мой кабинет к твоим услугам — никто тебе мешать не будет», а сам от меня ни на шаг. Да и совестно как-то от него запираться. Ну и мать тоже. Я слышу, как она вздыхает за стеной, а выйдешь к ней — и сказать ей нечего.

Когда Аркадий заявляет, что испытывает жалость к матери друга, Базаров цинично говорит ему в ответ (с. 124):

— Что так? Ягодами, что ли, она тебе угодила?

На следующий день родители глубоко потрясены: сын и в самом деле уезжает. Старикам хочется утешить друг друга. Сначала необходимо

поддержать Арину Власьевну, которая совершенно вне себя (с. 126):

Василий Иванович суетился больше, чем когда-либо: он, видимо, храбрился, громко говорил и стучал ногами, но лицо его осунулось, и взгляды постоянно скользили мимо сына. Арина Власьевна тихо плакала; она совсем бы растерялась и не совладала бы с собой, если бы муж рано утром целых два часа ее не уговаривал.

Но потом она начинает утешать мужа (с. 127):

«Бросил, бросил нас! — залепетал он,— бросил, скучно ему стало с нами. Один, как перст, теперь, один!» повторил он несколько раз и каждый раз выносил вперед свою руку с отделенным пальцем. Тогда Арина Власьевна приблизилась к нему и, прислонив свою седую голову к его седой голове, сказала: «Что делать, Вася! Сын—отрезанный ломоть. Он, что сокол: захотел — прилетел, захотел — улетел…»

Образ Базарова ярко показывает, что собой представляет холодность чувств. Сострадание к людям, которых он оскорбляет, которым он причиняет порой глубокое горе, для Базарова не существует. Неведомо ему и чувство радости за другого, сопереживание. Счастье, наполняющее его родителей, когда он к ним приехал, так же мало его трогает, как и их страдания в дальнейшем.

Возможно, Базаров умышленно демонстрирует бессердечие, выступая с протестом против всех и всяческих чувств, считая их ненужной романтикой. Возможно, писатель поставил перед собой цель создать именно такое впечатление о Базарове. И все же душевные движения такого рода, как, например, чуткость к собственным родителям, вряд ли легко стереть доводами разума. К концу романа наблюдается «самокоррекция» Базарова. Хотя он любовь тоже считает романтическими бреднями, однако его самого охватывает глубокое чувство к Анне Сергеевне Одинцовой, и никакие доводы рассудка ему не в состоянии помочь. Я позволю себе высказать соображение, что и сочувствие горю близких людей, даже если пытаться подавить его разумом, не может не оставить следа в душе.

В целом Базаров в мастерском изображении Тургенева представляет собой весьма своеобразную личность. Однако от других людей его отличают не столько чувства и поступки, сколько мысли и идеи. Можно с уверенностью сказать, что на основе одной лишь холодности чувств Базаров никогда бы не выделился до такой степени на фоне людей среднего уровня, как выделяется он благодаря оригинальности своих идей. К тому же необходимо отбросить то художественное преувеличение, которое неизбежно возникает у каждого крупного писателя, изображающего сферу чувств. Подобное преувеличение несомненно распространяется и на область «холодности чувств».

Вследствие эмоциональной холодности поведение Базарова является нередко грубым, бесцеремонным, даже циничным, но все же оно не становится в узком смысле слова асоциальным. Если бы этот герой Тургенева не только холодно проходил мимо искренних эмоций других людей, но и бездушно преследовал бы свои эгоистические интересы, получилась бы другая конфигурация: у Базарова отсутствовало бы сознание долга. Однако идеи Базарова — отнюдь не его личное дело. Он считает, что

обязан насаждать их для блага общества!

С чувством долга переплетается теснейшим образом чувство стыда. Чувство стыда неизменно охватывает человека во всех тех случаях, когда он не выполняет своего долга.

В художественной литературе чувство долга нередко вступает в конфликт с каким-либо сильным желанием персонажа.

В драме «Сид» Корнеля героиню Химену отличает очень сильное чувство долга. Ее возлюбленный Родриго убивает в поединке отца Химены, однако она не может ставить это в вину Родриго: чувство собственного достоинства требовало, чтобы он принял вызов. Но Химена знает и свой дочерний долг (с. 127):

Химена:

Увы, хотя вражда нас развела далеко,

Родриго, я к тебе не обращу упрека;

И, дань страдания платя моей судьбе,

Тебя я не виню, я плачу о себе.

Я знаю хорошо, что если честь задета,

Бесстрашье требует достойного ответа,

То, что ты выполнил, был только долг прямой;

Но выполнив его, ты мне открыл и мой.

Победа мрачная твоя была по праву;

Отмщая за отца, свою соблюл ты славу;

И я свой трудный долг исполню до конца;

Я славу соблюду, отмщая за отца.

Хотя Химена и сейчас любит Родриго ничуть не меньше, ею руководит одно лишь сознание дочернего долга. И она восклицает перед королем (с. 114):

Вслед горю, государь, спешит чрезмерность чести… Так вот, он не дышал, он был убит на месте; Зияла грудь его, он навсегда умолк, Но кровью на земле начертывал мой долг.

Ни одно слово, ни один жест Химены не выдают, однако, того, что она все еще любит Родриго. Она только требует возмездия за отца (с. 120):

Неотомщенная кончина храбреца Погасит рвение вернейших слуг венца. Да, мой отец убит, я требую отмщенья, Скорей для пользы вам, чем мне для утешенья.

Подобного отцу вы не найдете вновь.

Воздайте ж смерть за смерть,

Пролейте кровь за кровь.

Пусть жертвою падет, не мне, но вашей славе,

Но вашему венцу, и скиптру, и державе,

Пусть жертвою падет на благо всей стране

Гордыню черплющий в неслыханной вине.

Только своей воспитательнице Эльвире признается Химена в любви к Родриго (с. 124):

Ты говоришь — люблю; боготворю, Эльвира; Страсть борется во мне с законною враждой; Все так же дорог мне мой недруг молодой; И хоть в моей душе есть гневное упорство, Родриго в ней с отцом ведет единоборство; Он ломит, он теснит, он гнется перед ним, То яростен, то слаб, то вновь неодолим; Но грозная борьба, и жгучая, и злая, Терзает сердце мне, души не разделяя; И хоть моей любви могущественна власть, Я без раздумия свою избрала часть; Я неколеблемо спешу на голос чести. Родриго дорог мне, я с ним душою вместе, Я сердцем за него, но долг мне говорит: Ты знаешь, чья ты дочь, и твой отец убит.

Позднее, когда Химена считает своего возлюбленного мертвым, она, охваченная порывом страстного чувства, признается дону Санчо, мстителю за ее же отца, в том, что любовь к Родриго все еще пылает в ее груди (с. 151):

Химена:

Чтоб кровь передо мной дымилась дорогая?

И ты еще прийти осмелился сюда,

Ты, счастие мое отнявший навсегда?

Рыдай, моя любовь, забудь свой плен суровый:

Отец мой отомщен, ты можешь снять оковы,

Отныне честь моя вовек вознесена,

Душа растерзана, и страсть моя вольна.

Дон Санчо:

Когда спокойнее…

Химена:

Молчи, злодей, ужасный, Чьей гнусною рукой убит герой прекрасный! Ты взял предательством, не мог боец, как он, Таким противником открыто быть сражен. Уйди; ты видишь сам своей услуге цену: Пытаясь защитить, ты умертвил Химену.

Дон Санчо, между тем, собирается всего лишь сообщить ей, что он сам, хотя и был сражен Родриго, однако не был убит, а лишь обезоружен этим благородным воином. Но Химена, которую при его появлении охватывает отчаяние (она убеждена в гибели Родриго), не дает сказать ему ни слова. Глубина любви Химены открывает нам всю глубину ее сознания своего долга. Конечно, драма Корнеля написана в возвышенной, патетической, манере. Но все же анализ ее бросает свет и на мотивы поведения тех встречаемых нами в жизни «негероических» людей, которые отличаются сильным сознанием долга.

Еще более жестокую борьбу с самим собой переживает император Тит в «Беренике» Расина, где долг в конце концов одержал верх над любовью. Существует римский закон, запрещающий императору жениться на иностранной королеве (Береника — королева Палестины). Тит, властелин, исполненный благородства, постоянно вспоминает о произволе своих предшественников, ему очень не хотелось бы начинать свое правление нарушением закона. Но к Беренике он испытывает страстное чувство. Он восклицает (с. 100):

О, сколь несчастен я!

О, Рим! О, Береника!

Как тяжело любить

И быть страны владыкой!

И, может быть, Тит в конечном счете, преступил бы закон, если бы сама Береника не пришла ему на помощь, разрешив борьбу своим собственным сознанием долга: она отказывается от любви Тита с тем, чтобы все свои чувства император отдал своим страждущим соотечественникам.

О конфликте между любовью и долгом пишут многие авторы, но нигде, пожалуй, он не показан с такой силой, как у Корнеля и Расина. Часто любовь подавляется не только долгом. В «Заире» Вольтера запрет на чувство к султану-магометанину налагает христианское вероисповедание героини. Отец и брат убедили Заиру, что одни лишь христиане способны познать истинное блаженство, поэтому долг христианки — отказаться от возлюбленного другой веры. Но в отречении Заиры участвует еще и страх перед наказанием, грозящим вероотступникам в потусторонней жизни.

Впрочем, если в конфликте побеждает любовь, как например, в «Анне Карениной» Толстого, где героиня ради любви оставляет не только мужа, но и ребенка, то это еще не обязательно свидетельствует о недостаточном сознании долга: чувственная любовь может оказаться сокрушительной силой, которую человек не в силах преодолеть.

Отсутствие сознания долга мы наблюдаем в «Федре» Расина,. Федра, охваченная страстью к пасынку Ипполиту, допускает, чтобы ее наперсница оклеветала перед отцом юношу, который не шел навстречу любовным домогательствам Федры, т. е. фактически мачеха становится виновницей смерти Ипполита. А в Трагедии Еврипида «Ипполит» Федра идет еще дальше: перед тем как покончить с собой, она в письме к мужу сама клевещет на Ипполита.

В ином плане решается конфликт между тем, чего бы человеку хотелось, и тем, что ему велит долг, в драме «Принц Гамбургский» Генриха фон Клейста. Борьба в душе курфюрста происходит между долгом по отношению к родине и чувством отцовской любви к принцу: курфюрст подписывает смертный приговор принцу, которого любит, как сына. Его племянница Натали говорит о жестокости, бесчеловечности этого решения. На ее слова курфюрст отвечает, что он не в праве отменить приговор суда, что это повлекло бы за собой невосполнимые потери для отчизны.

Сознание долга в одних случаях связано с общепризнанными понятиями, в других оно более односторонне и распространяется лишь на некую частную область, например, сугубо профессиональную. В своем романе «Отверженные» В. Гюго иллюстрирует такое преувеличенное сознание долга у чиновника. Полицейский инспектор Жавер безгранично честен в отношении своих обязанностей, поэтому следить за порядком во вверенном ему департаменте — его священный долг. Ночью на одной из улиц Парижа он становится свидетелем того, как какая-то женщина с кулаками набрасывается на элегантно одетого мужчину. Жаверу и дела нет до того, что женщина действует в порядке самозащиты. Он собственными глазами видел, как «эта проститутка» налетела на приличного господина, значит, она подлежит аресту.

Мысли о том, что «отверженные» заслуживают не только наказания, но и сострадания, Жаверу совершенно чужды, не только задача, но дело его жизни — блюсти порядок.

И все-таки он не может оградить себя от глубокого человеческого сочувствия, однако это обозначает для него жизненную катастрофу, и он приходит в отчаяние. Он не задержал человека, которого считает тяжким преступником, но который спас ему, Жаверу, жизнь. И Жавер не может простить себе такого своеволия, такого «уклонения от законных предписаний». Он «подчинил общественные интересы личным». Когда он окончательно осознает, что в жизни существует нечто высшее, чем долг чиновника, это приводит его в полное замешательство: для него утрачен критерий оценки собственных действий! Выхода, очевидно, быть не может: Жавер бросается в Сену и гибнет в ее водоворотах.

Наряду с чувством долга особое внимание следует уделить чувству дружбы.

Чувство дружбы или взаимной симпатии возникает обычно между людьми непосредственно.

Такую дружбу изображает Шиллер в драме «Дон Карлос». Конечно, столь глубокое дружеское чувство едва ли может встретиться в жизни, и все же Шиллер дал нам ярчайшее изображение того, как преданность в дружбе способна выработать в человеке особые черты и качества.

Маркиз Поза жертвует собой ради друга, дон Карлоса. Несмотря на страх перед смертью, он радостно идет ей навстречу. Из его уст мы слышим, как он был счастлив, когда ему пришла мысль спасти друга, взять на себя предъявленное Карлосу обвинение (с. 143):

—… Но вот теперь: / Луч солнца озаряет мрак. / Что, если короля я обману? / Что, если мне удастся на себя взять Карлоса вину? / Правдоподобно это или нет — /Значенья не имеет; ведь для короля/Всегда правдоподобно то, что дурно. / Итак, смелей вперед! Цель стоит риска, / Пусть известие ошеломит Филиппа Как гром средь неба, ясного. / А мне одно лишь нужно:/Чтоб выиграл время Карлос / Бежать в Брабант.

Другой прославленный дуэт друзей воспел Шиллер в балладе «Порука», сюжетом которой служит известное предание.

Вторая черта личности маркиза Поза, о которой следует упомянуть,— это его стремление к свободе. Но оно в гораздо меньшей степени выражается в призыве к борьбе против грубой тирании, чем жалости к угнетаемому тираном народу. Поза не борется с тираном, он лишь заклинает его «божественно» распорядиться своей властью, предоставив людям «свободу мысли», даруя им тем самым новую жизнь. Вторая черта личности маркиза Поза свидетельствует, таким образом, не о готовности к социальной борьбе, о которой речь пойдет ниже, а лишь о силе сострадания к несчастному народу.

Не лишено поэтического преувеличения изображение дружеских чувств также и у Лопе де Бега. В пьесе «Три брильянта» Энрике самоотверженно любит Лизардо. Когда Лизардо попадает в плен, Энрике ищет его по всем морям и океанам; единственно преданность другу толкает его на эти бесконечные странствия. Во время поисков Энрике сам попадает в плен и, находясь в тюрьме, мысленно заверяет Лизардо, что его «сердце, жизнь и честь принадлежат другу».

Несколько слов о знаменитых со времен античности друзьях Оресте и Пиладе. Гете изображает их дружбу в «Ифигении в Тавриде» как искреннее чувство, правда, без особой эмоциональной восторженности. Дружба началась еще в раннем детстве, с тех пор мальчики делили друг с другом радость и горе. В минуту величайшей опасности для обоих Орест думал только о Пиладе. Пилад же произносит следующие слова: «Жизнь для меня началась в тот миг, когда я тебя полюбил». У Еврипида в изображении этих друзей нет такой задушевности, как у Гете. В драме Еврипида «Орест» изображены скорее совместные действия друзей, чем их духовная близость. В драме же «Ифигения в Тавриде» оба готовы умереть друг за друга, но руководит этим порывом не одна дружба. Орест, преследуемый Эринниями,

ищет смерти, независимо от своих дружеских чувств к Пиладу, Пилад же боится быть обвиненным в предумышленной смерти Ореста, так как он женат на сестре Ореста Электре и мог бы рассчитывать унаследовать его имущество. У Эсхила («Орестейя») и Софокла («Электра») оба друга упоминаются лишь вскользь.

Дружба обозначает привязанность к тому, с кем дружишь. Из привязанности рождается верность в мыслях и поступках, особенно в тех случаях, где к ней присоединяется чувство долга. Особенно ярко изображается такая комбинированная черта личности при описании верности вассалов. Примером может служить Кент в «Короле Лире». Кент одновременно и обязан своему господину многим, и искренне привязан к нему. Одно лишь чувство долга не могло бы заставить его последовать за королем, которым он был изгнан, но к долгу здесь присоединяется глубокая привязанность. Кстати, в этой же трагедии Шекспира и Глостер проявляет к королю трогательную верность, в которой смешались и чувство долга, и привязанность.

Не следует, конечно, отождествлять верность другу с верностью начальнику, господину. Верность в дружбе основана на взаимной привязанности и на взаимных обязательствах. Такова была верность Ахиллеса его другу Патроклу, продолжавшаяся и после смерти последнего; именно верность — как результат его преданности другу и долга по отношению к его памяти — толкает Ахиллеса на месть Гектору.

/С психической сфере интересов и склонностей мы причисляем и враждебное отношение к людям, которое порой доходит до ярко выраженной ненависти. Нередко возникает воинствующая нетерпимость к сопернику. Особенно характерны проявления данных чувств в тех случаях, когда в них преобладают тщеславие и жадность, здесь наблюдается бестактность поведения, доходящая до грубости. Впрочем, при нетерпимости этические нормы нарушаются не обязательно.

Последнее находит яркое выражение в образе Варвары Петровны Ставрогиной («Бесы» Достоевского). Перед нами женщина, титанически навязывающая всем свою волю. Со своим многолетним другом Степаном Трофимовичем она говорит «строго и резко», полностью подчиняя его себе. Даже когда Варвара Петровна заявляет ему, что намерена женить его, человека 53-х лет, на своей двадцатилетней воспитаннице, он возражает очень робко, растерянно (с. 84):

Степан Трофимович был удивлен. Он заикнулся было, что невозможно же ему так, что надо же переговорить с невестой, но Варвара Петровна раздражительно на него накинулась:

—Это зачем? Во-первых, ничего еще, может быть, и не будет…

— Как не будет! — пробормотал жених, совсем уже ошеломленный.

— Так. Я еще посмотрю… А впрочем, все так будет, как я сказала, и не беспокойтесь, я сама ее приготовлю. Вам совсем незачем. Все нужное будет сказано и сделано, а вам туда незачем. Для чего? Для какой роли? И сами не

ходите, и писем не пишите. И ни слуху, ни духу, прошу вас. Я тоже буду молчать.

Итак, когда жених хочет обменяться несколькими словами с невестой, это расценивается как «вмешательство» в дело Варвары Петровны. Подобным образом она ведет себя и с другими действующими лицами романа. Например, к одной подруге юности она относится, «как деспот», друга своего в конце концов выставляет из дому, ибо тот ее «разочаровал». Но это отнюдь не говорит о бессердечии: стоит ей узнать о том, что Степан Трофимович серьезно болен, она тотчас же мчится к нему со всех ног — помочь, поддержать. У него она застает мало знакомую, ухаживающую за больным женщину. Тут же в ее душу закрадывается подозрение, что женщина втерлась в дом друга из корыстных целей, и на ни в чем не повинную Софью Матвеевну извергается поток брани (с. 682):

— Я по твоему бесстыжему лицу догадалась, что это ты. Прочь, негодяйка! Чтобы сейчас духа ее не было в доме! Выгнать ее, не то, мать моя, я тебя в острог навеки упрячу. Она уже в городе сидела раз в остроге, еще посидит. И прошу тебя, хозяин, не сметь никого впускать, пока я тут. Я генеральша Ставрогина и занимаю весь дом. А ты, голубушка, мне во всем дашь отчет.

С подобными же словами она обращается и к другу, тяжелого состояния которого она сначала не осознает. Впрочем, вскоре вновь подтверждается, что хотя Варвара Петровна и нетерпима, но способна и на внимание, и на сочувствие. Такое отношение пробуждается у нее к Соне, стоит ей убедиться в бескорыстии девушки, а ведь за пять минут до этого она ругала Соню последними словами! Нет, Варвара Петровна займется ею сама. Соня не будет больше зарабатывать на жизнь жалкие гроши, продавая «Евангелие». Однако в самой заботливости генеральши Ставрогиной звучат властные повелительные нотки. Никаких возражений Сони, ужасно испуганной предложением (вернее приказанием) поселиться навеки в Скворешниках, она не хочет слушать (с. 688):

— Все вздор! Я сама буду с тобой ходить продавать «Евангелие». Нет у меня теперь никого на свете!

— У вас, однако, есть сын,— заметил было Зальцфиш.

— Нет у меня сына! — отрезала Варвара Петровна и — словно напророчила.

По отношению к своему сыну Варвара Петровна, наоборот, не только не отличается нетерпимостью, но ведет себя весьма робко и смирно, и все же противоречия здесь нет: ведь речь идет о материнской любви, о постоянной тревоге матери за единственное дитя.

Когда нетерпимость сочетается с положительными этическими чертами характера, данное обозначение, пожалуй, не совсем уместно; такие люди не выносят возражений и приходят в состояние аффекта при всяком критическом замечании в их адрес.

Нетерпимой женщиной, ставящей, однако, перед собой благородные цели, является у Готхельфа Лизи, жена крестьянина Бенца (роман «Дух времени»).

Уже в начале романа мы узнаем о том, что если мужа Лизи собираются избрать в муниципалитет, то прежде всего необходимо спросить саму Лизи. Одно влиятельное лицо заявляет (с. 41):

— Я не возражаю против избрания Бенца, но тут прежде всего надо бы с его женой договориться. Жена у него уж больно решительная женщина. Она ему такое запоет, если он даст согласие без ее ведома, что ему, бедняге, не поздоровится.

Ту же тему обсуждает с самой Лизи один из друзей Бенца, тоже член муниципалитета (с. 174):

— Так ты ему не разрешила? — спросил Ханс.— Знаешь, дорогая, хорошо еще, что не каждый муж должен спрашивать разрешения у жены по поводу всякого пустяка.— Вот как? А ведь многим, ох, как многим мужьям это бы не повредило! Другой, бывает,—ну, просто ни ума не хватает, ни меры не знает, а вот посоветовался бы с женой,— и себе, да и детям была бы польза…

Лизи обладает драгоценным качеством — сочувствием. Тем не менее в стремлении добиться своего она крайне нетерпима. Она не выносит людей, не прислушивающихся к ее словам, стремится всех поучать. Лизи взрывается, когда муж говорит ей о необходимости быть терпимей. Именно нетерпимость является ее характерной чертой. Она и ведет к тому самому «решительному поведению», которое подчеркивает Готхельф.

Весьма характерна картина поведения там, где борец по натуре обладает к тому же резко выраженным чувством справедливости. Потребность в справедливости составляет одну из важных черт в сфере направленности интересов. Подкрепляемая воинственными задатками, она приводит к поступкам, напоминающим параноическое развитие, именно те его случаи, когда человек «борется за свои права». Но в то время как паранойяльные акцентуированные личности борются за то, чтобы достичь узко личной цели, а не за объективную справедливость, люди, целью которых является борьба за правду, ищут именно объективной справедливости. Существуют люди с сильным чувством справедливости, но не отличающиеся одновременно большой социальной активностью. Этих людей знают в узком кругу друзей или семьи, но в общем они мало бросаются в глаза и вряд ли дадут писателю или поэту повод изобразить их в галерее личностей героических. Совсем иное положение в тех случаях, когда человек отстаивает справедливость социальную.

Герой с подобной комбинацией черт представляется Шиллером в лице Карла Моора в драме «Разбойники». У Моора обостренное чувство справедливости, одновременно в нем живет и боевой дух, готовый смести с пути все преграды. Так он становится атаманом шайки разбойников. Случилось же это именно тогда, когда отец оттолкнул его, низко оклеветанного собственным братом. В Мооре пробуждается ненависть мятежника, близко стоящая к «инстинкту борьбы» (с. 44):

— О, если бы я мог протрубить на весь мир в рог восстания и воздух, моря и

земли поднять против этой стаи гиен!

Однако позднее Карл борется не столько за собственные права, сколько за попранные права других людей. Правда, иногда члены его банды действуют бесконтрольно, но он сам уничтожает только тех людей, которые обидели других, а поэтому и заслуживают справедливого возмездия. Один из разбойников говорит о нем (с. 66):

— Он убивает не для грабежа, как мы. О деньгах он, видно, и думать перестал с тех пор, как может иметь их вволю; даже ту треть добычи, которая причитается ему по праву, он раздает сиротам или жертвует на учение талантливым, но бедным юношам. Но если представляется случай пустить кровь помещику, дерущему шкуру со своих крестьян, или проучить бездельника в золотых галунах, который криво толкует законы и серебром отводит глаза правосудию, или другого какого господинчика того же разбора, тут братец ты мой, он в своей стихии. Тут словно черт вселяется в него, каждая жилка в нем становится фурией.

Вслед за этой тирадой идет описание конкретного случая, когда граф Регенсбург выиграл миллионную тяжбу благодаря плутням своего адвоката. Людей такого склада, сумевших обойти закон с помощью коварного обмана, Карл Моор наказывает. При этом он ориентируется не на то, что дозволено или запрещено законом, а на то, что подсказывает ему собственное чувство справедливости. Его преосвященство патер пытается внушить Моору, что следует понимать под «правом» и «недозволенностью». Моор сознается в том, что он бандит, убийца и поджигатель, заявляя одновременно, что отнюдь не чувствует за собой вины. Указывая на перстни на своих пальцах, он говорит (с. 75):

— Видите эти четыре драгоценных перстня у меня на руке? Ступайте же и пункт за пунктом изложите высокочтимому судилищу, властному над жизнью и смертью, все, что вы увидите и услышите! Этот рубин снят с пальца одного министра, которого я на охоте мертвым бросил к ногам его государя. Выходец из черни, он лестью добился положения первого любимца; падение предшественника послужило ему ступенью к высоким почестям, он всплыл на слезах обобранных сирот.— Этот алмаз я снял с одного финансового советника, который продавал почетные чины и прогонял от своих дверей скорбящего о родине патриота.— Этот агат я ношу в память гнусного попа, которого я придушил собственными руками за то, что он в своей проповеди плакался на упадок инквизиции.

А как же расценивает Моор «справедливость» государства сильных? Вот что он говорит патеру (с. 76):

Из поднебесной выси грозным голосом проповедуют они смирение и кротость, богу любви, словно огнерукому Молоху, приносят человеческие жертвы. Они поучают любви к ближнему — и с проклятьями отгоняют восьмидесятилетнего слепца от своего порога; они поносят скупость — и они же в погоне за золотыми слитками опустошили страну Перу и, словно тягловый скот, впрягли язычников в свои повозки.

Так Карл Моор раскрывается Шиллером как страстный борец за истинную

справедливость. Ущемления его самого в драме не преувеличены, ведь личный протест Карла Моора является реакцией на несправедливость, разрушившую всю его жизнь, отнявшую у него и отца, и невесту, и состояние. Естественно, что известное место в драме отведено и борьбе Моора за собственные интересы,— в конце концов, присущая ему нетерпимость против любой несправедливости. Но борьба за «личную справедливость» безусловно отступает на задний план перед борьбой за социальную правду.

Нетерпимости как индивидуальной черте человеческой психики можно противопоставить такую черту, как миролюбие. Миролюбивые люди не могут чувствовать враждебности даже там, где это было бы полностью обосновано. Эта черта присуща Натану Мудрому Лессинга. Он всегда против конфликтов. Он убежденно выступает против религиозной нетерпимости. Любая религия не только считает, что она одна способна дать вечное блаженство, но не понимает и не хочет понять никакой другой религии, фанатически ее преследуя, а Натан желал бы видеть мирное сосуществование трех великих религий Европы и Малой Азии — христианской, иудейской и магометанской. Для него это не только сугубо теоретическая идея, она отвечает сущности его характера, есть проявление его самовыражения. Его взгляды совпадают с поведением в жизни, что особенно ярко показывает его реакция на страшное несчастье, причиненное ему христианами (с. 327—328):

Натан:

Дитя, от Вас я получил в Даруне,/ А перед тем… Едва ли вам известно,/ что в Гате христиане перебили / От мала до велика всех евреев; / Едва ли вам известно, что при этом / Лишился я жены и семерых / Цветущих сыновей; у брата в доме/ Я спрятал их — и все они сгорели. Послушник:

О боже праведный! Натан:

Перед вашим / Прибытием лежал я трое суток / В золе, в пыли,— лежал и плакал. Плакал? / Нет, мало: бесновался, проклинал,/И господа хулил, и к христианству / В непримиримой ненависти клялся. Послушник:

Ах, верю вам! Натан:

Но, наконец ко мне / Рассудок постепенно возвратился, / И услыхал его я кроткий голос: / «Ведь есть над нами бог! И в этом только / Исполнилось его определенье! / Теперь — на новый путь! Яви в делах, / Что уже давно постигнуто тобою: /Кто хочет, для того осуществить / Что-либо не труднее, чем постигнуть. / Вставай, иди!» Я встал и произнес: «Иду,/Коль божья воля такова.

Такая страшная судьба вызывает ненависть к совершившим злодеяние даже у Натана. Но в то время как другой человек сохранил бы ненависть к злодеям на всю жизнь, Натан вскоре преодолевает ненависть и гнев. Он искренне привязывается к девочке-сироте, христианке. В этой посланной ему небом «дочери», он видит компенсацию за своих умерщвленных христианами

сыновей, т. е. ненависть совершенно чужда натуре Натана.

Возможно, Лессинг трактовал своего Натана несколько иначе: драматург задался, пожалуй, целью утвердить примат разума, именно разумом он стремился обосновать терпимость своего героя. Но ведь разумные поступки возникают не на голом месте. Ни интеллект, ни добрая воля не способны победить там, где все остальное, особенно аффекты личности выступают против.

Критика называет Натана не только умным, но и добрым. Однако особого альтруизма мы в нем не видим. Он раздает, конечно, милостыню, но на его огромном богатстве это нисколько не отражается. «Добрый» в этом случае не значит «щедрый». Натан добр, потому что движущей пружиной его поступков является миролюбие, стремление к миру между людьми. Но, как мы увидим, эта индивидуальная особенность человека и оказывается существенным компонентом такого понятия, как доброта.

В романе «Идиот» Достоевского одним из главных героев является эпилептик князь Мышкин, идеально добрый человек, добросердечие которого вызывает всеобщее удивление. Князь Мышкин обладает всеми качествами, побуждающими человека защитить ближнего. Его отличительная черта — очень сильное сочувствие людям. Князь ко всем испытывает жалость. Это проявляется еще во время пребывания в Швейцарии, когда он принимает участие в бедной девушке, от которой все окружающие отвернулись. В этот же период проявляется и его склонность к сопереживанию радости — он искренне любит детей и, забавляясь с ними, испытывает чистосердечную радость. Достоевский неоднократно описывает поступки Мышкина, продиктованные сочувствием, жалостью. Любовь к Настасье Филипповне уже с самого начала окрашена жалостью, а впоследствии от любви, кроме жалости, ничего и не остается. Князь испытывает жалость даже к своим противникам, например, к Рогожину, настроенному к нему враждебно. Рогожин вынашивает некоторое время мысль об убийстве князя и однажды даже замахивается на него ножом. От верной смерти князя спасает только эпилептический припадок, начавшийся как раз в тот момент. Мышкин ни разу не поддается на провокации Рогожина, хотя оба они постоянно сталкиваются как соперники на почве любви к Настасье Филипповне.

В этом сказывается вторая особенность личности, отличающая князя Мышкина и добрых людей вообще,— отсутствие враждебности, ненависти к людям, отсутствие духа борьбы, сметающего зло с пути. Эта черта роднит князя с Натаном Мудрым. Князь склоняется даже к тому, чтобы уступить Настасью Филипповну Рогожину, он не делает шагов в этом направлении только потому, что жалеет девушку. Князь хорошо знает, что Рогожин в свое время отомстит Настасье Филипповне, и месть эта будет ужасна.

Впрочем, князь имеет основания испытывать ненависть не только к Рогожину, но и ко многим героям романа: люди часто задевают его, насмехаются над ним, открыто называют его идиотом. Мышкин ни к кому не испытывает враждебных чувств, никем не возмущается; более того, анализируя поведение своих обидчиков, князь нередко склонен винить себя. В тех случаях, когда у него должны просить прощения, он сам его просит,

ибо полагает, что проступок был спровоцирован чем-то в его поведении. Когда другим следовало бы устыдиться, Мышкин сам чувствует себя пристыженным. Это третья индивидуальная особенность, отличающая князя, — преувеличенное чувство стыда. Некий молодой человек оказал Мышкину незначительное одолжение. В знак благодарности Мышкин готов заплатить «благодетелю» десять тысяч рублей, но после этого великодушного предложения начинаются угрызения совести: князь жестоко корит себя за то, что предложил деньги в «грубой, неосторожной форме» и позднее просит простить его. Когда он впервые делает предложение руки и сердца Настасье Филипповне, в то время еще обыкновенной содержанке, а она бормочет что-то об оказываемой ей чести, князь говорит: «Я полагаю, что вы мне оказываете честь, а не я вам». Князь часто краснеет от стыда, хотя объективно для этого повода и нет. Вспомним, что мы отмечали выше доброту Вани и Натана Мудрого, но идеально добрый человек должен обладать сочетанием всех трех названных особенностей.

Идеальный образ доброго человека, созданный в этом романе Достоевским, едва ли может существовать в действительности. Князь — своего рода Христос, готовый полюбить своих врагов и подставить правую щеку, когда его бьют по левой. Достоевский сам говорит о его «христианском смирении». И все же Мышкин — не схема, не оболочка, внутри которой заключен голый принцип, с чем мы выше сталкивались у других авторов. Достоевский — настолько совершенный психолог, что даже идеальный образ остается у него человеком, т. е. он не превращает его в условную фигуру, в действующую маску. Несмотря на некоторое неизбежное преувеличение всех черт личности, обычное в романе, мы вправе сказать, что можно особенно хорошо проникнуть в психологию реального доброго человека, если знакомиться с нею по «преувеличению» Достоевского. Следует заметить, что добрые люди в действительности не являются акцентуированными личностями. Конечно, в них больше чем в недобрых людях сочувствия к окружающим, они — за мирное разрешение любого конфликта, они обладают и большим сознанием долга, но все эти качества не проявляются в чрезмерной степени, так что в целом тип не выходит за рамки человека среднего уровня.

Сходную с князем Мышкиным идеальную фигуру представляет собой Алеша из романа Достоевского «Братья Карамазовы». И здесь Достоевский изображает человека, который всегда все прощает и каждого готов полюбить. Только свойственная князю стыдливость у Алеши развита в значительно меньшей мере. Однако сталкиваясь со страданием, с болью, Алеша испытывает и жалость, и неодолимое желание, даже потребность помочь. Если помочь не удается, Алеша озабочен, опечален. Например, его доводит почти до отчаяния тяжелый конфликт между братьями Иваном и Дмитрием, ведь один обручен с женщиной, которую любит другой, а к чему может привести такая ситуация (с. 235):

Не новые ли поводы к ненависти и вражде в их семействе? А главное, кого ему, Алеше, жалеть? И что каждому пожелать? Он любит их обоих, но что каждому пожелать среди таких страшных противоречий? В этой путанице можно было совсем потеряться, а сердце Алеши не могло выносить неизвестности, потому что характер любви его был всегда деятельный.

Любить пассивно он не мог, возлюбив, он тотчас же принимался и помогать.

Ко всему Алеше, точно так же, как и Мышкину, неведомо чувство вражды и тем более ненависти. Он всегда настроен кротко, миролюбиво. Он никогда не нападает на другого, как бы его ни оскорбляли.

Особенно характерно поведение Алеши в сцене его случайного вмешательства в драку школьников, когда один из них избивает его камнями, а затем до крови прокусывает ему палец.

Хотя Алеша знает, что нападение на него совершено без всякой причины, он тем не менее не испытывает гнева к злобному мальчишке (с. 226):

Алеша закричал от боли, дергая изо всей силы палец. Мальчик выпустил его, наконец, и отскочил на прежнюю дистанцию. Палец был больно прокушен, у самого ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь. Алеша вынул платок и крепко обернул в него раненую руку. Обертывал он почти целую минуту. Мальчишка все это время стоял и ждал. Наконец Алеша поднял на него свой тихий взор.

— Ну, хорошо,— сказал он,— видите, как вы меня больно укусили? Ну, и довольны ведь, так ли? Теперь скажите, что я вам сделал?

Мальчик посмотрел на него с удивлением.

— Я хоть вас совсем не знаю и в первый раз вижу,—все так же спокойно продолжал Алеша,— но не может быть, чтобы я вам ничего не сделал,— не стали бы вы меня так мучить даром. Так что же я сделал; и чем виноват перед вами, скажите?

В лице Алеши Достоевский также создал нечто вроде фигуры Христа. На это есть непосредственные указания и в самом романе. Между Алешей и Ракитиным происходит следующий разговор (с. 447):

Ракитин не выдержал:

— Что же, обратил грешницу? — злобно засмеялся он Алеше.— Блудницу на путь истины обратил? Семь бесов изгнал, а? Вот они где, наши чудеса-то давешние, ожидаемые совершились!

— Перестань, Ракитин,— со страданием в душе отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешних «презираешь»? Продал, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда.

Доброму человеку Алеше Ракитин противопоставлен как злое начало, как Иуда. Он всюду сеет раздор, из которого жаждет извлечь для себя выгоду. В дальнейшем мы столкнемся с персонажами, злоба которых гораздо более жестока, чем у Ракитина.

Не лишен некоторого романтического преувеличения и «добрый» человек,

изображенный Байроном в драме «Сарданапал». Ассирийского царя Сарданапала все считают недостойным потомком предков-воителей, так как он настроен против кровопролитных войн, против завоеваний. В бредовых снах ему является могучая владычица, его прабабка Семирамида. Сарданапал называет ее «чудовищем средь царственного рода»; «целомудренной бабкой-ведьмой, воинствующей Семирамидой». Позднее он обращается к ней так: «Прочь ты, прабабки тень, пятой кровавой/, Там в Индии, ступавшая по трупам». Посылать людей на смерть, покорять себе целые народы? Нет, у него другие идеалы: «Лучше было б, / Чтоб, сидя во дворце, она соткала / Десятка два одежд, чем так бежать / С двумя десятками солдат, оставив / Волкам и воронам и вражьей злобе/Тьмы тем своих рабов…» Сарданапал знает себя: он склонен любить, творить добро и прощать безрассудство. Он восклицает: «С меня довольно, / Коль я могу снять с подданных своих / Нужду и страх и дать им умереть спокойно». Когда брат его жены, ассирийской царицы, нарушает границы этикета, Сарданапала лишь на мгновение охватывает гнев, а затем он произносит: «Я снисходителен и терпелив, / Ты знаешь это. Чем же ты встревожен?»

Он не может быть жестоким и к своим скрытым противникам — придворным, хотя не сомневается в их вине: он оставляет им оружие, обрекая себя на гибель. Мирра, его возлюбленная рабыня-гречанка, так говорит об этом поступке (с. 360):

— Он сбил его ударом крепким с ног, / И негодяй спастись пытался бегством, / Но, пожалев о нем в последний миг, / Царь спас его, своим венцом рискуя.

Сарданапал заставляет страдать свою жену, полюбив гречанку-рабыню, но и сам он страдает, видя скорбь царицы Зарины. Будучи уже близок к гибели, он организует бегство ее и детей, хотя Зарина не хочет покидать его, она все еще любит мужа. Попрощавшись с нею и оставшись один, он горестно восклицает (с. 350):

— Мне ль так страдать, / Не причинявшему мучений людям! / Неправда! С ней любили мы друг друга. / О, роковая страсть! Зарина, / Я дорого расплачиваюсь за твои мученья…

Его возлюбленная, рабыня Мирра, достойна столь самозабвенного чувства, она предана царю и говорит о своем унижении (с. 353): Сарданапал:

Ты ведь говорила о позоре. Мирра:

Да, и лишь моя любовь сильней его.

Несмотря на все старания царя спасти Мирру, она идет с ним на смерть.

Создавая образ Сарданапала, Байрон основывался на рассказе Диодора Сицилийского, который отмечает в царе «женственные черты». Может быть, этим объясняется то, что Байрон наделяет своего героя, наряду с мужественностью и благородством, некоторыми сугубо женскими качествами. Так, перед тем как отправиться в бой, Сарданапал смотрит на себя в зеркало; к лицу ли ему военные доспехи. А возможно, Байрон

приписывает царю собственные черты характера. Как известно, поэт был тщеславен и всегда старался блеснуть изысканностью одежды.

Сарданапал, можно сказать, идеал добродетели: это миролюбивый человек, владыка, испытывающий искреннюю жалость и сочувствие к своим подданным.

Вообще мы не так уж редко встречаем в художественной литературе описания людей добрых, хотя они и не всегда настолько колоритны. В «Войне и мире», например, большой добротой отличается Соня, которая сама всегда остается в тени. Она «сопереживает» все радости и горести семьи Ростовых, в которой выросла; никогда она не забывает о долге в отношении Ростовых, почти без борьбы отказывается от своих прав на молодого Ростова, несмотря на горячую к нему любовь и на обещание, которым он себя с нею связал. Конечно, на разрыве настаивает старая графиня, и Соня почти не оказывает сопротивления.

Подобной фигурой, несколько тщательнее выписанной в деталях, является Врени из романа Готхельфа «Ули-арендатор». Она тоже воспитывается в чужой семье, но привязана к ней всей душой. Она также не «борется» за возлюбленного, который полюбил ее сводную сестру, не достойную Ули, и вообще не стоящую доброго слова (с нею мы еще познакомимся подробнее). У Врени есть все основания относиться к ней враждебно, но она ничего не предпринимает против соперницы. К концу романа Врени все же становится женою Ули и «навсегда остается его. путеводной звездой».

Не менее редко встречаются в художественной литературе к персонажи, воплощающие злое начало, такие как Ричард III,, Яго («Отелло»), незаконный сын Эдмунд («Король Лир»), старшие дочери короля Лира Регана и Гонерилья, секретарь Вурм («Коварство и любовь» Шиллера). У всех этих лиц нет сочувствия к окружающим, к близким, они причиняют им жестокие мучения, нисколько не стыдясь своих поступков. К тем, кто стоит им поперек дороги, они относятся враждебно, с ненавистью; ненависть вносит активную ноту в присущую им злобность. Таким образом, в любой их черте мы находим прямую противоположность доброте. Доброе или злое начало проявляется в человеке там, где оно «накладывается» на определенную ситуацию. Например, злоба Реганы и Гонерильи носит сначала довольно пассивный характер, но, охваченные ревнивой любовью к Эдмунду, они становятся желчны, исполнены ненависти и даже как-то дьявольски активны.

В реальной жизни злобность (как и доброта) в подобных; масштабах не свойственна людям. Такого мнения, видимо, был и, например, Шекспир — Яго говорит своей жене, когда та описывает сходство с ним самим негодяя: «Фу, Эмилия, оставь!; Таких людей не бывает! Право, это невозможно».

Блестяще показана скверна и низость действительности & другом образе художественной литературы, Жорже Дюруа,— герое романа «Милый друг» Мопассана. «Милый друг» — так называют этого пожирателя женских сердец. Но лишь единицы знают, что Дюруа, или барон Дю Руа де Кантель, мультимиллионер, обязан своими успехами холодному расчету и что добился он их, потеряв не только элементарное сочувствие к людям, но-и

всякий стыд и совесть.

С характером этого типа, которого мы с полным правом можем определить как законченного подлеца, мы знакомимся уже в самом начале романа, когда Дюруа вспоминает о своей солдатской жизни в Африке (с. 5—6):

Дюруа невольно пришли на память два года, которые он провел в Африке, в захолустных крепостях на юге Алжира, где ему часто удавалось обирать до нитки арабов. Веселая и жестокая улыбка мелькнула на его губах при воспоминании об одной проделке: трем арабам из племени улед-алан она стоила жизни, зато он и его товарищи раздобыли двадцать кур, двух баранов, золото, и при всем том целых полгода им было над чем смеяться.

Читатель в самом начале может предположить, как в дальнейшем будут складываться отношения Дюруа с женщинами, так как Мопассан и здесь слегка приоткрывает занавес прошлого:

Гарнизонная служба благоприятствовала его сердечным делам; помимо мелких побед у него были связи с женщинами более высокого полета,— ему удалось соблазнить дочь податного инспектора, которая готова была бросить все и идти за ним, и жену поверенного, которая пыталась утопиться с горя, когда он ее покинул.

Пока Дюруа удается снова «развернуться» в Париже, проходит некоторое время, поскольку вначале ему приходится бороться с денежными и профессиональными (овладение профессией журналиста) трудностями. Первый порок Дюруа, с которым мы знакомимся по ходу развития фабулы,— это отсутствие стыда. Он не только не отказывается от денег, которые его возлюбленная тайком сует ему в карман, но даже расплачивается этими самыми деньгами с какой-то проституткой. Однако его бессердечие в этом периоде еще не проявляется. Более того, он так ласково обращается с маленькой Лориной, дочерью своей возлюбленной, что все считают его добрым, чувствительным человеком. Но и эти забавы с малышкой построены на голом расчете. Во всяком случае она, та самая девочка, которая придумала ему прозвище «Милый друг», впоследствии упорно уклоняется от игр с ним; ее отталкивает от Дюруа здоровый инстинкт. По мере развития действия мы все чаще убеждаемся в том, что герой полностью лишен сочувствия к тем людям, которым он наносит моральный или материальный ущерб. Нет у Дюруа даже элементарной порядочности. Он глубоко потряс возлюбленную сообщением о своей предстоящей женитьбе, сначала он делал вид, что сожалеет об этом, но на самом деле (с. 133):

Он чувствовал себя так, точно сбросил с себя невероятную тяжесть, да, он был свободен, спасен, мог начинать новую жизнь.

Дюруа из расчета женится сначала на госпоже Форестье, вдове своего друга. Некоторые детали наводят его на мысль, что Мадлена, состоя в первом браке, обманывала своего мужа; и вот отныне он называет покойника (своего лучшего друга!) только «этот рогоносец Форестье». Он заявляет жене, которую это оскорбительное выражение всегда коробит (с. 206):

Так ведь это правда, дорогая! А кому вредит правда теперь, когда этот рогоносец Форестье уже отошел к праотцам?

Дюруа считает, что ему выгодно будет вступить в интимную связь с госпожой Вальтер, женой своего шефа. Несколько раз, беседуя с ней, он вворачивает в разговор лестные замечания о ее глазах, а затем почти силой вынуждает ее к сожительству с ним (с. 224):

Заперев за собой дверь, он бросился на нее, как хищный зверь на добычу. Она отбивалась, боролась, шептала: «Боже мой!.. Боже мой!..»

Вскоре после этого он отталкивает от себя полюбившую его мадам Вальтер самым грубым образом, так как нащупал более реальные возможности обеспечить свои деловые интересы.

На этот раз он начинал ухаживать за молоденькой дочерью того же шефа. Этот союз обещает куда больше, чем сомнительная выгода связи с мамашей, ведь Вальтер назначил за дочерью колоссальное приданое. Правда, чтобы загрести эти капиталы, необходимо освободиться от жены, брак с которой в свое время тоже принес ему и деньги, и почет,— но все же куда скромным капиталам Мадлены до миллионов дочери Вальтера!? Дюруа добивается оснований для развода бессовестным и наглым образом. Плевать ему на то, что он сам, женатый мужчина, постоянно имеет любовницу, а то и двух; он устанавливает слежку за женой. В сопровождении полицейского инспектора он проникает в комнату, в которой находится Мадлена со своим любовником. Мотив для развода, так нужный Дюруа, он держит теперь в руках! После этого он окончательно покоряет дочь шефа и увозит ее. Отчаяние матери, которая теряет не только дочь, но и любовника (а она все еще безумно его любит), оставляет Дюруа совершенно холодным. Он и на этот раз демонстрирует полное бездушие.

Дюруа совершает еще не одну гнусность. Выходки Дюруа сопровождаются его «злорадным смехом»: он хохочет всегда, когда добивается своего.

Госпожа Вальтер очень долго не может поверить в его низость (с. 290):

Она долго думала о том, замешан или не замешан в интригу этот человек. Нет, Милый друг, наверное, ничего не знает о выходке Сюзанны… Но если он подбил ее на это, то какой же он негодяй!

Госпожа Марель, его возлюбленная, находит правильные слова для оценки его поведения (с. 295):

— Значит, ты, как только разошелся с женой, тут же начал закидывать удочки, а меня преспокойно держал в качестве временной заместительницы? — глядя ему в лицо проговорила она злобным шопотом.— Какой же ты негодяй!.. Как же это я не раскусила тебя с самого начала? Да нет, я никогда не думала, что ты такая дрянь.

Когда же Дюруа просит ее быть поосторожнее в выражениях, она окончательно взрывается (с. 295):

— Как? Ты хочешь, чтобы я разговаривала с тобой в белых перчатках? Все время ты поступаешь со мной по-свински, а я не смей слова сказать? Ты всех обманываешь, всех эксплуатируешь, всюду срываешь цветы наслаждения и солидные куши и после этого хочешь, чтоб я обращалась с тобой, как с порядочным человеком?

В финале этой сцены грубость Дюруа достигает апогея. Когда госпожа Марель бросает в его адрес, наряду со справедливым, также несколько ложных обвинений, он жестоко избивает ее (с. 296):

Он бросился на нее, подмял ее под себя и принялся избивать ее так, точно это был мужчина.

Эта сцена подтверждает, что Дюруа обрушивает на тех, кто стоит ему поперек дороги, яростную ненависть. В начале романа это свойство было не столь заметно, но по

Индивидуальные особенности в сфере чувств и воли

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СФЕРЕ ЧУВСТВ И ВОЛИ

Человеческую личность мы определяем по направленности, а также по внутренней форме реакций и по внутренней переработке впечатлений. Эта сфера находится в ведении воли человека, с которой непосредственно связаны эмоциональные проявления, ибо волевые реакции развиваются из чувств и выливаются снова в чувства. На этом основании я и говорю о сфере чувств и воли. В этой сфере чувства носят несколько иной характер, чем в сфере интересов и склонностей. Здесь отсутствует органичность чувств, они гораздо теснее связаны с интеллектом.

К явлениям сферы чувств и воли принадлежит и способность человека перерабатывать те внутренние процессы, которые не нашли своего завершения, т. е. в состоянии ли человек быстро «освободиться» от той эмоционально-волевой проблемы, которая требует решения, или он долго еще будет на ней сосредоточен, будет заниматься рефлексией и самоанализом. Людей, постоянно возвращающихся к своей страсти, можно считать людьми, обладающими эмотивным интеллектом.

В «Избирательном сродстве» Гете один из персонажей, Эдуард, своим поведением постоянно препятствует приемлемому для всех участников решению конфликта. Он принадлежит к людям, которые мало взвешивают свои поступки, они дают увлечь себя страстному чувству. В отличие от волевого мышления, которое ориентируется на объективную ситуацию, у них преобладает «мышление раскованное», в котором все определяется эмоциональными порывами. Если Эдуард счастлив в данный момент, он совершенно не думает о том, что положение вскоре может измениться. Если же он несчастен, то не ищет разумного выхода: он предается надеждам, легко переходящим в уверенность счастливого исхода. Подобные эмоциональные реакции больше свойственны ребенку, чем взрослому, поэтому, вероятно, Гете пишет об Эдуарде: «Годы шли, но

Эдуард сохранял во всем своем облике нечто детское, что особенно импонировало юной Оттилии».

После того как Оттилия впервые позволила Эдуарду прикоснуться к себе, он думает только о своем счастье; будущее, которое представляется сложным и во многом сомнительным, не существует для него (с. 219):

Луна поднимается над лесом. Теплая ночь влечет Эдуарда на лоно природы; у него потребность побродить, он сейчас самый взволнованный и счастливый среди смертных. Он ходит по парку, но ему в нем слишком тесно, спешит в поле — оно оказывается чересчур просторным. Его тянет обратно в замок, и вот уже он под окном Оттилии, опускается на каменные ступеньки террасы. «Нас разделяют каменные стены и железные засовы» говорит он сам с собой, «но наши сердца вместе». Если бы она стояла сейчас предо мной, мы упали бы друг другу в объятия, а что еще нам нужно?

Счастье переполняет Эдуарда, он решает сделать возлюбленной сюрприз ко дню рождения, устроив грандиозный фейерверк. Друзья уговаривают его оставить эту идею, так как подготовка фейерверка небезопасна, но Эдуард остается глухим к предостережениям. Между тем опасения оправдались; несколько человек во время приготовлений упали в воду, один мальчик чуть не погиб (с. 230):

Шарлотта решила немедля оказать помощь потерпевшим и кивнула Оттилии, которая присоединилась к ней. Но Эдуард крепко сжав ее руку, воскликнул: «Неужели мы закончим этот день в лазарете! Право, ты слишком хороша для роли сестры милосердия! Эти мнимо умершие очнутся и без нашей помощи, а живые постараются обсохнуть».

Когда позднее Эдуард узнает из разговора с Шарлоттой, что Оттилия не может стать его женой, он немедленно отправляется добровольцем на войну. Сначала он жаждет одного — смерти. Но вот снова просыпаются надежды и вера в то, что ему все же еще удастся завоевать Оттилию. Он описывает свое состояние капитану (с. 346):

— Оттилия, вот кто должен бы стать мне наградой за борьбу; ее я старался завоевать в каждом вражеском построении, в каждой траншее, в каждой осажденной крепости. Я жаждал творить чудеса, подталкиваемый одним лишь желанием: остаться в живых, чтобы соединиться с Оттилией. Эти чувства завладели мной целиком, они охраняли меня от опасности. Теперь же я чувствую себя человеком, достигшим цели, преодолевшим все преграды; дорога к счастью открыта! Оттилия моя: ничто не может помешать осуществлению моей мечты.

Однако объективно препятствия никоим образом не были устранены. Когда Оттилия, став старше, а может быть и вследствие перенесенных печальных переживаний, обретает более зрелый взгляд на вещи и хотя бы внешне старается владеть собой, Эдуард полон любовных ожиданий, он не изменился ни в чем (с. 352):

Ибо Эдуард, жаждавший быть только с нею, был убежден, что его желание

полностью ею разделяется, а поэтому он ожидал от нее скорейшего согласия, потому что других желаний не было у него самого.

Так Эдуард на протяжении всего романа живет одним лишь своим чувством. Порой он, в силу сложившихся обстоятельств, понимает безнадежность своего положения, но лишь на короткое время, затем он снова охвачен необоснованными мечтаниями, которые его внутренний взор видит уже осуществленными. Люди с подобным эмотивным мышлением опрометчивы в своих решениях. Поскольку критерием их поступков является чувство, то решения нередко ведут к гибельным последствиям. Такая опрометчивость, необдуманность постоянно чувствуется в действиях Эдуарда.

Эмотивным мышлением обладает и другой герой Гете — Эгмонт. Вначале может показаться, что он акцентуированная личность, отличающаяся экстравертированностью. Но в дальнейшем убеждаемся, что это не так: дело в том, что Эгмонт вполне способен самостоятельно мыслить. Во время долгих бесед с Альбой он обнаруживает и мужество, и разумные идеи, а в ряде случаев может оценить будущее не хуже своего противника. Не поддается он и различным влияниям со стороны, что столь характерно в случаях экстравертированности. Его друг Вильгельм Оранский настойчиво отговаривает его принять приглашение Альбы, которое может повлечь за собой его гибель, но Эгмонт все же не отказывается от своего решения.

Однако многое роднит Эгмонта с Эдуардом. Как и Эдуард, он отказывается от неприятных, тяжелых мыслей: Эдуард не желает верить в то, что ему никогда не завоевать Оттилию, Эгмонт не верит, что его счастливой свободной жизни что-то угрожает, И обоих эта позиция приводит к опрометчивым поступкам: у Эгмонта это бросается в глаза еще больше, чем у Эдуарда, который все же испытывает на себе влияние и умницы-жены, и деловитого друга. У Эгмонта же на протяжении всей драмы наблюдаются реакции короткого замыкания. Поскольку опасность, угрожающая ему со стороны Альбы, ни в чем конкретно не проявляется, он предается своим чувствам и, несмотря на предостережение Вильгельма, попадает в ловушку. Уже в присутствии Альбы он еще раз поступает опрометчиво. В то время как ворота за ним закрылись и путь назад уже был отрезан, он ведет крайне неосторожный разговор со своим врагом, в результате которого у Альбы в руках оказываются как бы четко сформулированные им самим пункты обвинения против него же. Альба прямо заявляет ему, что он слишком неосторожно раскрывает свое сердце, что он сам обвиняет себя еще более жестоко, чем это сделал бы злобный и коварный противник.

Его почтенный друг Олива, которого он называет «стариком»,— человек серьезный и вдумчивый. Эгмонт спрашивает его, всегда ли он так взвешивал свои поступки? Неужели он, Олива, никогда не совершал рискованного восхождения на вершину? Неужели ни в одной битве он не терял рассудочности? Разве он не знает, что тот, кто постоянно опасается за свою жизнь, уже мертвец.

Своими словами Эгмонт противопоставляет порывистость, эмотивность как основную черту своей натуры трезвому взвешиванию, размышлениям. Этим резко подчеркивается антагонистичность обеих черт. Когда сын

Альбы вручает Эгмонту смертный приговор, он принимает его без протеста: «К чему раздумывать тем, кто действовать не может?» Между тем раздумья и анализ в положении Эгмонта были бы естественны: может ли человек не размышлять о том, как он по своей неосторожности попался на удочку смертельному врагу?

Опрометчивость Эгмонта характеризует особый индивидуальный склад героя, но не дает оснований отнести его к акцентуированным личностям. Что выделяет его на фоне прочих людей? Прежде всего трагическая судьба. Не занимай он столь высокого положения, он никому не бросался бы в глаза и, возможно, благополучно и счастливо прожил бы жизнь. Однажды он спрашивает Оливу, для чего человеку жить? Оливе чуждо наслаждение мгновением, но ради чего тогда жить? Ради уверенности в следующем мгновении? Ведь следующее мгновение снова будет заполнено опасениями, анализом, мрачными мыслями!

В качестве контраста с Эгмонтом Гете выводит Вильгельма Оранского как осторожного, вдумчивого аналитика, всегда взвешивающего в мыслях будущее. В драме содержится несколько замечаний по поводу натуры Вильгельма, друга Эгмонта, который так на него непохож. Вот, например, слова о нем Маргариты Пармской, правительницы Нидерландов (с. 230):

— Сказать откровенно, я боюсь принца Оранского и мне страшно за Эгмонта. Не о хороших делах думает принц Оранский, замыслы его вдаль простираются; он скрытен; как будто все принимает; никогда не возражает; и с глубочайшим почтением, с великой осторожностью делает, что ему угодно.

Вильгельм Оранский сам так высказывается о себе (с. 251):

— Эгмонт, уже много лет мне гнетет сердце создавшееся вокруг нас положение вещей. Я стою все время как бы над шахматной доской и ни одного хода противника не считаю маловажным. И как досужие люди с величайшей осторожностью доискиваются тайн природы, так я считаю первой заботой, обязанностью каждого князя — проникнуть в воззрения и намерения всех партий.

Особенно ярко это сказывается в диалоге, содержащем настойчивое предостережение Эгмонту: мы видим, как тщательно все обдумано принцем. Эгмонт же ставит Вильгельму в вину его чрезмерную склонность к глубокому анализу, ненужное копание в идеях. И все же жизнь показывает, что Эгмонт был неправ, так как опасения Вильгельма Оранского сбылись. Принц не мизантроп, он просто разумно осторожен.

Позднее, когда мы будем рассматривать два характернейших образа Сервантеса, Дон Кихота и Санчо Пансу, первого — с его интровертированностью, второго — как типичную экстравертированную личность, мы убедимся, что ни Эгмонт, ни Вильгельм Оранский нисколько не похожи на них.

Названные индивидуальные качества, опрометчивость и осторожность, находятся в тесной связи с опосредованными чувствами. Эти чувства также

участвуют в формировании личности.

Особо следует упомянуть о чувствительных, или впечатлительных личностях. Такой личностью является юный Ганно из романа «Будденброки» Томаса Манна. Еще будучи маленьким ребенком, он видел страшные сны, от которых просыпался весь в холодном поту. Он сочиняет мелодии, сидя за роялем, и это доставляет ему куда больше радости, чем игры на площадке со сверстниками. В школе ему неприятно все бездуховное, в спорте Ганно видит грубое начало. Своих физически сильных соучеников, всегда готовых вступить в драку, Ганно систематически избегает. Отец пытается — не совсем удачно — приучить сына к столкновениям с суровыми сторонами жизни. Однажды он поручает Ганно прочитать на семейном празднике стихи, но не успел мальчик произнести при гостях заглавие, как отец резко перебивает (с. 363):

— Э-э, друг, мой! Это ни на что не похоже! Руки ты зачем-то сложил на животе, навалился на рояль. Прежде всего — стой свободно! Говори свободно! Поди-ка встань там, между портьерами! Голову выше! Опусти руки!

Далее отец вновь неоднократно перебивает его своими замечаниями и поучениями: ведь юноша должен стать твердым, настоящим мужчиной. Ганно же под конец весь охвачен страхом и уже не в состоянии произнести ни слова.

Чистую радость он способен испытать только во время каникул, на берегу моря. Здесь он забывает о жестокостях жизни и может полностью отдаться общению с природой (с. 472):

Но всегда умнее вернуться к морю, сесть на конце мола, лицом к открытому горизонту, махать платком большим судам, скользящим мимо, и слушать, как маленькие волны лепечут что-то, плескаясь о подножье мола, и вся необъятная даль полнится этим величавым и ласковым шумом, кротко нашептывая что-то маленькому Иоганну и заставляя его блаженно жмуриться.

Наряду с впечатлительностью Ганно, видимо, свойственна также интровертированность. Позднее мы подробнее опишем эту комбинацию компонентов личности, анализируя психологию героини романа Мопассана «Наше сердце» в ее эротическом развитии.

Когда чувства не только быстро воспламеняются, но дают и глубокие реакции, то возникает эмотивность. Это качество в чистом виде встречается у акцентуированных личностей, поэтому детально о нем говорится ниже. Мы не имеем оснований констатировать у Ганно акцентуированную эмотивность. Если чувствительность и накладывает на его личность известный характерный отпечаток, то это говорит не столько об акцентуированности, сколько о патологии, связанной с физической слабостью и болезненностью Ганно.

Замедленность эмоциональных реакций при нормальной глубине чувств

свидетельствует не о тупости эмоций, а скорее о их грубоватости.

В произведениях Лопе де Вега, Мольера и других писателей того же времени важную роль в развитии сюжета часто играют слуги. В отличие от своих хозяев они сплошь и рядом отличаются грубостью реакций, выдающей, как правило, их «низкое» происхождение. Хотя слуга часто и искренен в своих чувствах, но сами чувства его обладают той упрощенностью, о которой только что говорилось. В качестве примера можно привести Эр-нандо из пьесы «Умная влюбленная» Лопе де Вега.

В то время как хозяин Эрнандо молодой Люциндо весь охвачен пылкой любовью, причем любовь эта постоянно подогревается ревностью, сам Эрнандо смотрит на вещи весьма трезво. Его грубоватые реплики показывают, что он никак не одобряет избытка чувств своего господина. В самом начале комедии куртизанка Жерарда покидает Люциндо. Терзаемый ревностью, он охвачен «адским пламенем». По поводу этого состояния хозяина слуга отпускает замечание: «Что ж, значит надо раздобыть побольше воды…» Далее он философствует: «Неужели так уж некого и полюбить, кроме как шлюх?»

Вскоре после этого следует взволнованный монолог Люциндо (с. 18):

У ревности свои заботы, / Попал я в топкое болото, / И зря лишь буду силы тратить, / Коль засосет, так нет возврата.

Любить развратницу — беда: / Чуть ей твои немилы ласки, / Она любому строит глазки, / Ей нужно вызвать ревность, да!

Пусть чувство — волей подавлю; / Но ей со мной разрыва мало! / Вчера лишь мне клялась «люблю», / А нынче пляшет с кем попало. Ее бесстыдство — вот что бесит, / Поэтому я так невесел…

Этот поток эмоций прерывает реплика Эрнандо (с. 19):

Жерарда — хитрая лиса,— / Ей в вас ревнивца зреть — потеха, / А вы — влюбленный простачок, / И вам, конечно, не до смеха.

Но поживите вы с мое, / И плюнете на все бабье.

Люциндо продолжает сетовать, а Эрнандо — вставлять свои «репризы», вроде «До чего все это глупо!», «Мне бы ваши заботы…» и т. п. По отношению к возлюбленной Люциндо Эрнандо полон скепсиса, пренебрежительно называет ее «ведьмой» и с удовольствием описывает вымышленную сцену ее похорон, «со звоном колоколов, погребальной пеленой и факелами».

На этот раз уже Люциндо прерывает своего слугу полными экспрессии вставками: «О, Жерарда, любовь моя!», или «Взгляни, как страстно жду тебя я!», или «О, сжалься, чудо красоты!..»

В дальнейшем грубость Эрнандо все возрастает. Так, на возглас Люциндо «Никто не знает, как страдаю я!» следует спокойный ответ: «Что, уже

начались потуги?» Любовную сцену, где Люциндо целует и обнимает любимую, он прерывает словами: «Не пора ли прекратить скучные излияния?» Любопытна сцена, в которой Эрнандо, по требованию своего хозяина разыгрывая влюбленного в некую особу, вдруг просит закусить (с. 117):

Ну, хватит, голод страшный вдруг Желудок мой нещадно гложет: Коль пылко я в любви клянусь,— Он пополненья тотчас просит! Красотка, окажи мне честь, Дай хоть чего-нибудь поесть…

Очень часто действующие лица художественных произведений, обладающие упрощенными чувствами, всячески стремятся способствовать добру, чем подтверждается, что они отнюдь не лишены глубины эмоций. Горничная Дорина в «Тартюфе» Мольера служит тому превосходным примером. Грубыми, но меткими замечаниями ей удается вмешаться в ход событий. Великолепна сцена, в которой Дорина решила примирить поссорившихся Ма-риану и Валера (с. 608—609):

Дорина (оставляя Мариану и догоняя Валера):

Опять? О, боже мой! Да бросьте, господа!

Прошу обоих вас пожаловать сюда.

(берет Валера и Мариану за руки и приводит их назад). Валер (Дорине): Ты что затеяла? М а р и а н а (Дорине): Какая польза в этом? Дорина:

Хочу вас помирить и вам помочь советом. (Валеру):

В своем ли вы уме? Вдруг этакий задор! Валер: Ведь ты же слышала, какой был разговор? Дорина (Мариане): А вы с ума сошли? С чего надули губки? М а р и а н а: Ведь ты же видела сама его поступки? Дорина:

Все это глупости. (Валеру):

Она весь пламень свой

Вам дарит одному, ручаюсь головой.

(Мариане): Он любит вас одну и

никого другого

Не хочет, кроме вас; я присягнуть готова.

М а р и а н а (Валеру): Зачем же мне тогда такой давать совет? Валер: (Мариане): Зачем же спрашивать, коли сомнений нет? Дорина: Вы сумасшедшие. Давайте руки!

Простые натуры охотно вмешиваются и там, где нужно в грубой форме выразить правду. Сильно впечатляет противопоставление ханжи и

лицемера Тартюфа грубо откровенной Дорине в следующей сцене (с. 614):

Тартюф (доставая из кармана платок):

Но только, бога ради,

Пожалуйста, сперва возьмите мой платок. Дорина:

Зачем? Тартюф:

Прикройте грудь, чтобы вас слушать мог.

Нам возмущают дух подобные предметы,

И мысли пагубным волнением согреты.

Дорина:

Ужели вам соблазн так трудно побороть

И столь чувствительно на вас влияет плоть?

О вашей пылкости не мне иметь сужденье, «

Но я не так легко впадаю в вожделенье,

И, даже если б вы разделись догола,

Всей кожей, что на вас, прельститься б не могла.

Кухарка Мартина в «Ученых женщинах» Мольера — тот же тип, что и Дорина. Несмотря на кулинарные таланты Мартины, хозяйка выгоняет ее из дому, потому что кухарка недостаточно изысканно изъясняется по-французски. Кризаль, хозяин, полностью под башмаком у жены, поэтому он не протестует, хотя в глубине души и не согласен с женой. Позже он все же приглашает Мартину на старое место. В споре хозяина с женой Мартина его теперь поддерживает, пересыпая свою речь юмористическими замечаниями: «Да где это видано, чтобы курица закудахтала раньше, чем петух запоет..?»; «Мадам, верно, забыла изречение: да убоится жена мужа…»; «Когда супруга щеголяет в брюках, то это означает, что муж у нее шляпа…»; «Простите, но я так понимаю, что первый хозяин в доме — мужчина, т. е.

муж…» и т. п.

Мартина также борется за то, чтобы добро восторжествовало: она хочет оградить дочь хозяев, Генриетту, от брака с человеком, который заинтересован исключительно, в ее/приданом.

Впрочем, у людей с упрощенными чувствами манеры часто мало приятны. Примером может служить Долль из драмы Шекспира «Генрих IV».

Достаточно послушать, как она умеет ругаться (с. 164):

Долль: Прочь, дрянной карманный воришка! Шелудивый мошенник, прочь! Клянусь этим вином, я всажу нож в твою поганую глотку, если ты посмеешь со мной озорничать. Пошел прочь, ты пивная бутыль! Истасканный фехтовальщик! С каких это пор, сэр, вы набрались подобной прыти? Подумаешь нацепил себе шнурки на плечи! Эка невидаль!

Долль: Капитан! Ах ты, окаянный проклятый обманщик, и тебе не стыдно, что тебя величают капитаном? Будь я на месте капитана, я бы тебя отдула за то, что ты берешь на себя чужое звание, не дослужившись до него. Ты-то капитан? Такая-то мразь? Да с какой это стати? За то, что ты рвешь оборки у бедных потаскушек в публичных домах? Это он-то капитан? Повесить его, мерзавца! Он питается прокисшим черносливом да черствыми пирогами. Капитан! Убей меня бог! Эти негодяи скоро так же испоганят слово «капитан», как испоганили слово «обладать», которое раньше было отменным словечком, а потом стало непристойным. Настоящим капитанам следовало бы положить этому конец.

Анализируя такое качество, как чувствительность, мы упоминали о возбудимости эмоций. Под возбудимостью эмоций мы понимаем не столько чувства, сколько горячий нрав, т, е. свойство, относящееся к сфере воли. Долль характерен холерический темперамент.

Человека с холерическим темпераментом находим также в драме Шекспира «Генрих IV». Это Генри Перси, по прозванию Хотспер. Холерическая натура сказывается у Хотспера как в поединке с врагом, так и в словесном поединке. Когда король требует выдачи пленных, он отказывается подчиниться приказу, а под конец восклицает (с. 21):

Хотспер:

Когда б, рыча, стал требовать их черт,

Я не прислал бы их! Пойду к нему и выскажусь.

Все ж облегчу я сердце,

Хотя своей рискую головой.

От возбуждения Хотспер вообще не слышит, что ему говорят. Когда друзья хотят сообщить ему важную весть, он не дает произнести им ни слова, так что под конец они заявляют (с. 25):

Вустер:

Прощай, племянник, мы поговорим,

Когда ты будешь расположен слушать. Нортемберленд:

Ты, что, осой ужален, сумасброд?

Потоком слов по-женски разразился,

Не внемлешь никому, лишь сам себе.

Однако Хотспер, несмотря на предостережения друзей, не в силах сдержаться (с. 25):

Хотспер:

Мне кажется, меня бичами хлещут, Бьют розгами, иль жжет меня крапива, Кусают муравьи, лишь речь зайдет О, хитреце проклятом Болингброке.

Реакцию, охватившую Хотспера, отнюдь нельзя квалифицировать как чрезмерную эмоциональную взволнованность, перед нами скорее сильнейший волевой протест, полный воинственного напряжения.

Хотспер безрассудно рвется в бой, в котором его ждет гибель, а когда любимая жена пытается удержать его, он ее грубо отталкивает: в мыслях у него только борьба (с. 39—40): Хотспер:

Прочь, баловница, прочь!

Любовь? Она сейчас совсем некстати,

Не до тебя мне, Кет; теперь не время

Ни играм в куклы, ни турнирам губ.

Голов пробитых, сломанных носов

Давай побольше! Вот что любо нам!—

Скорее мне коня! — Что скажешь, Кет?

Чего еще ты хочешь от меня?

И Хотспер стремительно мчится в бой, в котором гибнет.

При анализе образа Хотспера мы должны учесть поэтическое преувеличение. Если его отбросить, то объяснения надо искать в комбинированной структуре личности Хотспера, т. е. в таких особенностях личности, которые повышают возбудимость индивида: таковыми могут быть компоненты застревающей или возбудимой личности. Однако, основываясь на описании Шекспира, мы не находим у Хотспера ни тех, ни других. У него нет ни тяжеловесности, ни беспокойства возбудимых, т. е. эпилептоидных, личностей; ничто в нем не указывает и на подозрительность личностей застревающих. Мы не наблюдаем в его психике и застойных аффектов, связанных с возникновением сверхценных идей. Очевидно, Хотспер обладает типичным холерическим

темпераментом, но эта индивидуальность раскрыта Шекспиром не без известного поэтического преувеличения.

Существуют индивидуальности, которым свойственна возбудимость как таковая — она вызывает мгновенные реакции, приходящие и затухающие с одинаковой быстротой. Такого человека изображает Гольдони в комедии «Вспыльчивый добряк». Характеристика господина Жеронта дана уже в названии комедии: он вспыльчив неимоверно. Стоит малейшему пустяку его задеть, как он вскипает гневом и обрушивается на окружающих с оскорблениями, однако вскоре гнев стихает. Нередко при этом возникают забавные ситуации; жалость к людям, которых Жеронт напугал своей грубостью, вступает в конфликт с его же собственным гневом, между этими двумя аффектами идет жестокий поединок. В припадке гнева Жеронт часто бранит своего слугу Пикара, но одновременно он постоянно заботится о том, чтобы его семья (у Пикара — жена и четверо детей) была хорошо обеспечена. Когда слуга однажды в страхе перед разъяренным хозяином падает на пол, Жеронт дает ему денег на лечение ноги, которое, кстати, вовсе не требуется.

Итак, у Жеронта доброе сердце, но гораздо ярче в комедии охарактеризована не доброта его, а возбудимость, она и является главным носителем комизма. Например, когда Пикар робко отказывается от денег на лечение ноги, Жеронт снова набрасывается на него, разозленный отказом: да почему это он отказывается? Он, верно, гордец? Может быть он вообще ненавидит хозяина? Ну, уже не думает же он, что Жеронт подстроил его падение умышленно! «Возьми деньги, друг мой, не надо меня сердить!»

Чаще всего близкие не могут к нему обратиться ни за советом, ни с просьбой: при первых же словах, которые ему чем-то не по вкусу, он грубо обрывает говорящего, не желая выслушивать его до конца.

Жеронт задумал выдать замуж шестнадцатилетнюю племянницу за своего 45-летнего друга. Оба они робко пытаются возражать, но Жеронт не дает им сказать ни слова:

Д о р в а л ь: Позволь мне сказать!

Жеронт (резко): Молчать!

Ангелика: Дорогой дядюшка!..

Жеронт: Молчать! (Меняя тон, спокойно). Я был у нотариуса и привел в ажур все дела. В моем присутствии он составил соответствующий акт и вскоре явится сюда,— нам останется только поставить свои подписи.

Д о р в а л ь: Но соблаговолите выслушать меня, умоляю.

Жеронт: Молчать!

Жеронт, безусловно, человек нетерпимый, но агрессивная манера добиваться своего появляется у него только тогда, когда он приходит в состояние возбуждения. В спокойном состоянии дядюшка Жеронт вполне

доступен и уговорам, и возражениям, Он, например, спокойно выслушивает советы своей домоправительницы Мартон по поводу его обращения с племянницей: «Это правда, месье, ведь я хорошо вас знаю: вы добры, человечны, доброжелательны. Но прошу вас, пощадите это бедное дитя, говорите с ней чуть поприветливее!» И Жеронт даже обещает не быть с племянницей резким.

Если это ему не совсем удается, то не из опасения, что племянница станет противиться его планам — на это Ангелика неспособна, а потому, что его раздражают ее неуверенность и пугливость.

Холерику Жеронту Гольдони противопоставляет флегматичного Дорваля, который, впрочем, обрисован весьма схематично. Домоправительница Мартон заявляет, что Дорваль «самый флегматичный человек на свете».

Для людей холерического темперамента характерно быстрое нарастание волевых проявлений, при флегматическом темпераменте волевые проявления нарастают замедленно.

Человека флегматического типа описывает Томас Манн в своем романе «Волшебная гора». Ганс Касторп, главное действующее лицо романа, сначала производит впечатление бесхарактерного человека. Еще будучи гимназистом, он не умел заставить себя систематически работать и несмотря на способности остался в одном из классов на второй год. Позже он вспоминает «… то несколько постыдное, но приятное ощущение беспризорности, которое испытал, когда в последней четверти как будто сошел с беговой дорожки и мог надо всем этим смеяться» (т. 3, с. 115).

Однако развитие действия не дает оснований констатировать у героя отсутствие выдержки, столь характерное для людей слабовольных. Просто активность его чрезвычайно туго приходит в движение (т. 3, с. 144):

Ибо он был терпелив от природы, мог долго оставаться без всяких занятий, любил, как мы уже видели, иметь досуг и желал, чтобы этот досуг не был вспугнут лихорадочной деятельностью, заполнен ею и разрушен.

Его флегматичность хорошо чувствуется в словах, в которых он проводит параллель между собой и своим двоюродным братом (т. 3, с. 248):

Всегда он стремился к тому, чтобы тело у него было крепкое, гораздо больше, чем я, или во всяком случае иначе: я ведь в душе человек сугубо штатский и заботился о том, чтобы потеплее была вода в ванне, да как бы повкуснее поесть и выпить, а он старался быть мужчиной, добивался чисто мужских успехов.

Вскоре в тексте произносится и само слово «флегматичность». Один из больных санатория, итальянец с живым темпераментом, высказывается о Гансе следующим образом (т. 3, с. 274):

— Отлично! Значит, с этой стороны все в порядке. Флегматичность по всей линии. В вашей стране, наверное, люди вообще флегматики?

Когда Ганс Касторп узнает, что ему не разрешают — после трехнедельного пребывания у брата — вернуться на родину, что его задерживают в санатории, ибо он сам серьезно заболел, он принимает это сообщение спокойно. У него с Иоахимом происходит следующий разговор (т. 3, с. 256—257):

— Ах, они вовсе не ждут меня так уж точно, непременно в назначенный день. Только у них и дела, что ждать меня да считать дни, когда я вернусь. Вернусь и все, и дядя Тинапель скажет: «А, вот и ты!» А дядя Джемс спросит: «Ну, как, доволен?» И если я не приеду, так они еще долго меня не хватятся, можешь быть уверен. Разумеется, со временем их придется известить».

— Ты можешь себе представить, как мне все это не нравится. А что будет дальше? Ведь и на мне лежит ответственность за эту историю. Ты приезжаешь сюда наверх, чтобы навестить меня, я ввожу тебя в нашу жизнь — и вдруг ты тут застреваешь, и никто не знает, когда ты опять вырвешься и сможешь поступить на место. Согласись, что мне это в высшей степени не нравится!

— Позволь,— остановил его Ганс Касторп, все еще лежавший, закинув руки за голову.— Что ты мудришь? Не сочиняй глупостей. Разве я приехал сюда наверх, только чтобы навестить тебя? Конечно, и для этого тоже, но в конце концов, и это главное, — чтобы отдохнуть и поправиться, по совету Хейдекинда. И вдруг выясняется, что я нуждаюсь в гораздо более серьезной поправке, чем он, да и все мы, могли себе представить.

Лечение в санатории, конца которому не видно, Ганс переносит весьма терпеливо. Он не без интереса занимается делами, не имеющими ничего общего с профессией инженера, такими как анатомия и физиология человека, позднее — ботаника и астрономия. Некоторое время он увлечен уходом за товарищами по несчастью — больными, находящимися на излечении в том же санатории.

Ярко проявляется флегматичность Касторпа в том месте романа, где любимая им Клавдия Шоша возвращается в санаторий в сопровождении нового друга. Ганс обращается к ней со следующими словами (т. 4, с. 359—360):

— А поэтому предоставь мне мою флегму. Повторяю: как бы я обошелся без нее? Как бы я выдержал без нее, например, ожидание?..— Ну, ждать было трудновато, Клавдия, даже для человека с флегматическими страстями,— трудно для меня; а с твоей стороны было жестоко приехать вместе с ним, ведь ты, конечно, знала от Беренса, что я здесь и жду тебя. Но я же тебе сказал, что смотрю на ту нашу ночь, как на сон, и признаю за тобой полную свободу.

Ганс Касторп глубоко страдает из-за того, что Клавдия от него отвернулась, но таков уж у него темперамент — горячо, бурно реагировать он не может.

Итак, для возбудимости человека характерно быстрое нарастание волевых проявлений. Что касается силы воли, то она выражается в глубине волевых

реакций, проявляющихся чаще всего там, где воля человека как бы подстегивается различными препятствиями. Поэтому сила воли больше познается не в отдельных поступках, а в стойкой и длительной активности. Если мы задались целью наблюдать проявления истинной силы воли, то искать ее придется вне острых аффектов, ибо последние «вздувают» волевые реакции даже у не столь уж сильных волей лиц. Вопрос о том, чему следует приписать энергичный волевой поступок: воле или аффекту, в таких случаях остается открытым. По этой причине те примеры силы воли, сильного характера, которые я здесь привожу, могут показаться несколько бледными. Выдвинуть как сильную волевую личность Карла Моора из «Разбойников» или Эдмунда из «Короля Лира» я не решаюсь, хотя оба они — люди безусловно волевые. Аффекты, вызывающие их поступки, несколько смазывают общую картину.

Сильной волевой личностью является Иоахим Цимсен, двоюродный брат Ганса Касторпа. Сильный характер проявляется у него вне состояний аффекта. Все. его мысли во время пребывания в санатории сосредоточены на одной цели — выздороветь как можно скорее. Он с чрезвычайной четкостью выполняет все назначения врачей и не позволяет себе никаких отступлений от предписанного ими режима, тогда как у других больных подобные нарушения наблюдаются сплошь и рядом (т. 3, с. 438):

Иоахим обычно уклонялся от всех местных развлечений. Не ради этого был он здесь, и вообще он здесь не для того, чтобы просто жить и как-то мириться с жизнью, проводя время приятно и разнообразно: нет, его единственная цель — как можно скорее освободиться от ядов болезни, вернуться на равнину и начать службу, настоящую службу, а не лечебную…

Он обуздывает и свои эротические тяготения. Он любит одну девушку, с которой познакомился в санатории, но всячески подавляет попытки сблизиться с ней, хотя ему это нелегко. Он осуждает Ганса Касторпа, ибо из-за его болтовни окружающие начинают поговаривать о влюбленности Иоахима. В целом Иоахим человек весьма заурядный. Чертой, которая отличает его от всех других больных санатория и определяет стойкость его позиции, является сила воли.

Сильной волей обладает и Шарлотта из «Избирательного сродства» Гете. Она подавляет любовь к капитану и стойко переносит ситуацию тяжелого конфликта, в которую попала из-за неверности мужа. Гете, видимо, хотел в образе ее и капитана изобразить людей трезвых, противопоставляя их обоих другим героям, которые плывут по течению своих эмоций. Данная черта отнюдь не означает, что Шарлотта не способна на чувство; но не будь у нее силы воли, выдержки, она была бы не в состоянии подчиниться тому, что подсказывал разум.

Обратимся теперь к людям со слабой волей, в первую очередь к тем, которые оказываются в жизни несостоятельными из-за отсутствия терпения и выдержки. Примером может служить пьяница Мармеладов из романа «Преступление и наказание». Достоевский, правда, описывает его как типичного алкоголика, следовательно, он не совсем укладывается в рамки нормы. Однако не будь он субъектом слабохарактерным, он не стал бы

алкоголиком, да и жене своей не подчинялся бы столь безоговорочно. Если пьяницами становятся люди, подверженные влечениям, то их поведение совсем иное. Мармеладов покорно сносит, когда жена в наказание за то, что он пропил деньги, прибегает к грубому насилию над ним:

— А!—закричала она в исступлении,—воротился! Колодник! Изверг!.. А где деньги? Что у тебя в кармане, показывай! И платье не то! Где твое платье? Где деньги? говори!..

И она бросилась его обыскивать. Мармеладов тотчас же послушно и покорно развел руки в обе стороны, чтобы облегчить карманный обыск. Денег не было ни копейки (с. 29—30):

— Где же деньги? — кричала она,— О господи, неужели же он пропил все! Ведь двенадцать целковых в сундуке оставались!.. — и вдруг, в бешенстве она схватила его за волосы и потащила в комнату. Мармеладов сам облегчал ее усилия, смиренно ползя за нею на коленках.

Если бы Мармеладов не стал алкоголиком, то, вероятно, даже достиг бы кое-чего в жизни. Безволие само по себе не грозит человеку моральной гибелью. Пусть у людей безвольных выдержка в жизненной борьбе и понижена, но необходимая мера стойкости вырабатывается самой жизнью. Бывает и так, что слабохарактерный человек занимает с самого начала пост, который другой завоевал бы не без труда, и положение это как бы охраняет его от дурных последствий бесхарактерности.

Из литературных персонажей в качестве примера человека слабохарактерного, хотя и занимающего весьма высокое место в социальной иерархии, можно назвать герцога Альбанского (Олбени) из трагедии Шекспира «Король Лир». Герцог Альбан-ский спасовал перед жизнью, ибо он не в силах положить конец интригам своей жены, коварной и злобной Гонерильи. Как человек, облеченный властью, герцог Альбанский заслуживает скорее положительной оценки, он вообще никак не склонен потворствовать козням супруги. Но попытки, которые он предпринимает, чтобы противостоять злу, чрезвычайно слабы и не достигают цели. Слабость его чувствуется уже в первом акте, когда Гонерилья возводит на отца ряд обвинений и изгоняет Лира из замка. Хотя поведение жены герцогу чрезвычайно неприятно, однако он не занимает позиции протеста. Он обращается к королю Лиру (с. 387):

Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю, И не повинен…

Позднее он пытается все же заявить о своем возмущении поведением Гонерильи, но та вообще не желает его слушать (с. 389):

Гонерилья:

Ты это слышал? Гер. цог Альбанский:

Слышал, Гонерилья,

Но быть пристрастным из любви к тебе… Гонерилья:

Довольно, позовите мне Освальда!

Герцогиня держит себя так, словно муж ее — пустое место,

она зовет дворецкого Освальда и дает ему дальнейшие распоря-. жения. Наконец, герцог удаляется, но перед этим он и жена обмениваются репликами и герцог бросает знаменательную фразу (с. 390):

Гонерилья:

А ваша бесхарактерная кротость —

Будь сказано вам герцог не во гнев —

Скорее непростительная глупость,

Чем признак настоящей доброты. Герцог Альбански и:

Зато вы бьете в цель неутомимо,

Смотрите лишь, не попадите мимо. Гонерилья:

Однако… Герцог Альбански и:

Будущее нам покажет.

Придя в ужас от неслыханной подлости старших дочерей Лира, герцог Альбанский гневными словами пытается изобличить жену, но и здесь это не более чем вспышка; волевой протест в его словах не чувствуется. Гонерилья и тут не принимает его всерьез, она осыпает его насмешками (с. 439):

Гонерилья:

Жалкий трус

С щеками для пощечин, с головой Для промахов! Ты разницы не видишь Меж честью и бесчестьем. Должен знать: Лишь дураки преступников жалеют, Делам которых помешала казнь.

В споре с Эдмундом, который «тайно помолвлен с его женой», герцог Альбанский также ведет себя достаточно бесхарактерно. Например, герцог не считает Эдмунда равным себе по рожденью, на что Регана иронически заявляет: «Смотря по титулу, какой я Дам ему сейчас». Когда герцог Альбанский хочет арестовать Эдмунда как государственного изменника, Гонерилья называет его поведение фиглярством. Наконец, Гонерилья, как мы знаем, открыто признается в своей любви к Эдмунду. Герцог Альбанский называет такое признание пределом бесстыдства, но после того как Гонерилья гордо удаляется, обеспокоенно обращается к офицеру:

«Смотрите за ней, она от горя вне себя».

Таким образом, в лице герцога Альбанского Шекспир показывает человека, который хотел бы совершать добро, но слишком слаб, чтобы постоять за него. В этом образе Шекспира нашли яркое воплощение такие качества, как бесхарактерность и слабоволие.

На этом позволю себе подвести итог изображению в художественной литературе тех примечательных индивидуальностей, которых отношу к сфере чувств и воли.

Индивидуальные особенности ассоциативно-интеллектуальной сферы

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Функции воли переплетаются с мыслительным процессом. Вследствие этого вырабатываются различные мыслительные типы, однако они лишь побочно связаны со структурой личности.

Тип мышления трудно поддается конкретным наблюдениям, кроме того, интеллект не отражается непосредственно на особенностях личности человека. Реальным можно считать лишь то, что в зависимости от интеллектуального уровня изменяется окраска, колорит структуры личности. Как мы убедились на приведенном материале, проанализированные персонажи обладали и высоко, и слабо развитым интеллектом, что, однако, для характеристики личности не имело решающего значения.

Однако существует область психики, близко стоящая к интеллекту; она может участвовать и в образовании отдельных особенностей личности. Это — сфера ассоциативно-интеллектуальных чувств, в которой берут начало заинтересованность, т. е. потребность человека познать нечто новое, необычное, и любовь к порядку, т. е. противоположная первой склонность придерживаться установленного, привычного.

Привести пример человека, или персонажа, которого отличала бы чистая заинтересованность, как свойство ассоциативно-интеллектуальной сферы, я лишен возможности: это особое свойство очень трудно отграничить от ряда других устремлений,, которые также способны стимулировать различные духовные интересы. Однако мы как в жизни, так и в литературе находим любящих порядок людей, которые при известном утрировании представляются педантами. Имеется в виду не ананкастическое стремление к порядку, которое в чрезмерной степени ведет к навязчивым представлениям. Отсутствие любви к порядку у людей просто педантичных вызывает неудовольствие, но без всякого оттенка навязчивости. Такой человек строго придерживается установленного распорядка, и все же это не связано с постоянной напряженностью психики.

Писатели, описывая любовь к порядку, обычно ставят своих героев в рамки

определенной профессии, которая вменяет в обязанность человеку следить за порядком (полицейские, архивариусы и т. д.). В этих случаях в образе воспринимается не столько индивидуальность, сколько представитель данной профессии. Упорядоченность воспитывается профессией также и в учителе, которому зачастую приходится направлять в нормальное русло темперамент и несдержанность детей. Но вот перед нами магистр, описанный Стриндбергом в рассказе «Так должно было случиться». В данном случае трудно говорить о том, что он стал педантом благодаря педагогической деятельности. Магистр до мелочей формален в еде: для различных трапез у него предусмотрен строжайший ритуал; когда, например, подаются раки, их должно быть обязательно шесть штук, и притом все — самки. Для начала он сам отмеривает себе три четверти рюмки водки и выпивает ее с наслаждением, после чего восклицает «Ух!», Свежая газета должна находиться в это время слева от магистра, на корзинке для хлеба (с. 62):

Так он поступал в течение двенадцати лет и будет поступать до конца дней. Когда на столе появляются раки, то он начинает с исследования их половых признаков, а при положительных результатах осмотра приступает к дальнейшей процедуре. Салфетка уголком закладывается за ворот, рядом с тарелкой кладутся два или три бутерброда с сыром, затем он наливает себе стакан пива и вторую рюмку водки, берет в руки маленький ножик для раков и начинает их разделывать.

Поглощение раков также происходит в строго установленном порядке. После того как съедены три рака, выпивается третья рюмка водки; когда она выпита, разворачивается газета, в которой магистр в первую очередь знакомится с разделом новых назначений должностных лиц. Во всем остальном магистр также является образцом порядка (с. 67):

Он безукоризненно выполнял в школе учительские обязанности, никогда не опаздывал, никогда не болел. В частной жизни его можно было назвать эталоном аккуратности; плату за квартиру он вносит идеально точно, никогда ничего не покупал в магазинах в кредит и один раз в неделю ходил к «женщинам» (он никогда не говорил «к девицам»). Жизнь его была подобна поезду, который мчится по блестящим рельсам и прибывает с точностью до секунды на предусмотренные в дорожном плане станции.

Далее Стриндберг дает понять, что его герой отнюдь не страдает преувеличенной добросовестностью или чрезмерным чувством долга (с. 67):

О будущем он не думал: ибо истинный эгоист не думает о нем, хотя бы уже по той причине, что будущее принадлежит ему не более чем на 20— 30 лет.

Но может быть в основе педантичности магистра лежит некоторая эпилептоидная тяжеловесность, медлительность? Таких признаков мы в рассказе не видим.

Педантичную любовь магистра к порядку иллюстрирует не один пример. Одевается он также, соблюдая заранее намеченный порядок. Например, он неизменно подтягивает вверх нижний край брюк, чтобы они не волочились по земле. Из дому выходит в точно намеченное время. Никогда он не

выезжает за город, боясь, что его могут стиснуть и задушить в городском транспорте, вообще он мечтает о том, чтобы «кончилось наконец это безобразие с праздниками», от которых ничего, кроме беспорядка не приходится ждать. По дороге в пансион, где он питается, он возмущен по выходным дням непорядком в поведении взрослых и детей: например, какой-то мальчик попал ему в грудь мячом, полицейский же смотрел на этот эпизод с улыбкой, потягивая пиво из кружки.

Психологически вполне объяснимо, что 32-летний магистр, который никогда не собирался жениться, чтобы не изменять своего раз и навсегда установленного распорядка дня, все же в конце концов вступает в брак. Дело в том, что любовь к порядку, коренящаяся в ассоциативно-интеллектуальной — сфере, неизменно должна потерпеть поражение, вступая в конфликт с нормальными человеческими чувствами и порывами. Состоя в браке, магистр отказывается от многих своих привычек, даже от привычки употреблять в еду самок раков.

В «Избирательном сродстве» Гете также изображает любящего порядок человека, это — капитан. Но поскольку данный образ не столь утрирован, как образ магистра Стриндберга, то он и впечатляет читателя меньше.

Деятельность капитана в замке начинается с того, что он приводит в порядок рукописи Эдуарда (с. 155):

Во флигеле капитана они устроили хранилище для актуальных рукописей и архив для менее нужных. Сюда были доставлены документы, записи, всевозможные заметки из различных помещений, шкафов, сундуков замка; уже вскоре весь этот хлам был приведен в порядок, разложен по ящичкам и расставлен по рубрикам. Все, что могло потребоваться, удавалось найти куда скорее, чем можно было надеяться.

Подобные усовершенствования капитан вводит и в парке, который планируется разбить по-новому, исходя из соображений целесообразности. Разбивка парка была недостаточно тщательно продумана Шарлоттой, и это очень мешает капитану. Помимо парка, капитан задается целью перестроить и близлежащее село (с. 174):

Помнишь,— обратился он к Шарлотте,— как мы, совершая путешествие по Швейцарии, загорелись желанием создать дополнительную красоту нашего парка, перестроив находящуюся поблизости деревню, но обращаясь не к швейцарской архитектуре, а подражая швейцарской чистоте, к порядку, которые так рационализируют пользование.

Капитану хочется упорядочить еще и многое другое, например, организовать нищих и подачу им милостыни. Он отдает себе отчет в том, что его любовь к порядку рискует перейти в педантизм. Например, объясняя химический опыт, который капитан старается провести с максимальной корректностью, он заявляет: «Если вы не сочтете это за педантизм, то я могу ради краткости перейти на язык формул».

Заметим, что Гете несложно было создать образ любящего порядок человека, так как образец такой любви был у него перед глазами с самого

детства. Аккуратность его родного отца доходила до педантизма, что и описал Гете в романе «Поэзия и правда». Множество моментов подтверждают данную характеристику. Например, произведения римских писателей должны были в его библиотеке быть представлены непременно голландскими изданиями «in quarto» — «из соображений внешнего подобия». Ничто начатое не смеет в его представлении остаться незаконченным:

Что касается реализации намеченного, то в этом смысле мой отец соблюдал особое упорство. Раз намеченное должно было во что бы то ни стало доводиться до конца, будь это даже сопряжено с неудобствами, скукой, досадой, вплоть до осознания бессмыслицы поставленной цели.

Если сын для своих рисунков брал неаккуратно нарезанную бумагу, отец потом подравнивал ее; если же сын помещал несколько рисунков на один лист бумаги, он разрезал лист и просил мастера аккуратно подобрать рисунки и переплести вырезанное. Во время войны в частных особняках расквартировывали офицеров. Отец Гете сильно страдал из-за этого, он не мог «отдать на чей-то произвол то, что с такой любовью организовывал, чем привык сам распоряжаться». Хотя расквартированный в семье Гете офицер вел себя безукоризненно, тем не менее отец вступил с ним в конфликт. В связи с этим он однажды не вышел к завтраку и целый день ничего не ел. Жене очень хотелось отправить еду в его комнату, «но такого непорядка отец никогда бы не потерпел, даже в самых крайних случаях». Сыну своему Гете-отец внушил неприязнь ко всем гостиницам:

Ему казалось ужасным платить за отказ от всего, что привычно и дорого сердцу, платить за то, что пляшешь под дудку хозяина и официантов, да к тому же еще платить большие деньги.

Хотя Гете-отец и имел склонность поучать, но эта склонность была тесно связана с любовью к порядку, ибо поучения сводились в основном к призывам быть аккуратным. Например, когда дети учились рисовать, он начал учиться вместе с ними, для того чтобы просто подавать пример «величайшей опрятности рисунка», а также чтобы тщательнейшим образом следовать тонкостям оригинала. Большинство предметов отец вообще преподавал детям сам, в том числе и танцы, что весьма странно сочеталось с серьезностью этого человека. Когда он убедился в незаурядной одаренности своего сына, он стал с большим упорством настаивать на завершении начатого.

Моя работа над «Эгмонтом» неплохо подвигалась, но надо признаться откровенно, что меня день и ночь подстегивал отец: на эти вещи он смотрел несколько наивно, полагая, что то, что легко было начать писателю, так же легко будет и довести до конца.

Ярко выраженной у отца упорядоченности Гете часто противопоставляет собственную неустойчивость, но в то же время он вынужден признать:

Если искренние старания отца не были в состоянии прибавить мне таланта, то все же эта черта его, любовь к порядку, оказала на меня скрытое влияние,

что позднее во многом сказалось.

И действительно, мы нередко сталкиваемся и с любовью Гете к порядку и с его склонностью к поучениям, чаще всего — в романах «Годы учения Вильгельма Майстера» и «Годы странствий Вильгельма Майстера». Особенно эти черты бросаются в глаза в «Годах странствий» — там, где Ленардо описывает в своем дневнике процесс обработки хлопка, «который доставляется из Македонии и с Кипра через Триест». Здесь подробно описываются некоторые мелкие ручные приемы ремесла, когда Ленардо знакомится с прядильной техникой в тогдашних мануфактурах. Мы узнаем обозначения массы и длины пряжи, ряд специальных выражений типа «обрезок», «скоростная обработка». Читатель узнает, кроме того, чем отличаются друг от друга различные способы прядения. Затем мастер по волокнам сообщает, «т. к. милостивый государь обо всем хочет иметь четкое представление», кое-что и о смежных областях производства, например, о сухом ткацком производстве. Затем речь идет о клеевой обработке пряжи, при этом снова называются некоторые специальные термины: «основная нить», «нити для сетчатой ткани», «пряжа, подлежащая окраске», «провязка нитей», «сновальная рама»., И снова казалось бы, что материал полностью исчерпан, но тут появляется мастер по ремизе, который еще лучше все знает, и от него мы узнаем мельчайшие подробности о наматывании, о накручивании и многое другое.

В этом месте, впрочем, далеко не единственном в наследии великого писателя, Гете без труда убеждает нас в том, что он перенял у своего отца очень многое по части любви к порядку и желания сообщать людям поучительные сведения. Это подтверждается и одной из бесед Гете с Эккерманом. Гете рассказывал ему, что в своем художественном творчестве постоянно стремился к солидным мотивированиям, а однажды дело дошло до того, что он собственноручно вписал Шиллеру в его «Капуцинскую проповедь» две стихотворных строки с тем, чтобы логически обосновать некое побочное обстоятельство.

Стремление к порядку, надо полагать, сыграло свою роль и в том, что Гете был не только поэтом, но и естествоиспытателем: как биолог он всегда пытался систематизировать то, что наблюдал в природе.

В случаях, когда у человека ярко выражены оба ассоциативные чувства, он одновременно и стремится к упорядоченности, и приветствует новое. Людям, обладающим тем и другим, нравятся шутки и комические ситуации: новые, необычные стечения обстоятельств дают удовлетворение там, где под них подводится логическая база, т. е. где обычный порядок снова восстанавливается. У некоторых писателей использование острот, юмористических каламбуров, игры слов в речи персонажей становится излюбленным приемом. Это Жан Поль, Вильгельм Раабе, отчасти Шекспир и Байрон. Бывает и так, что анализируемая черта не имеет прямого отношения к характеру самого персонажа, и мы с полным правом можем приписать ее автору. Так, у Раабе пристрастие к чудаковатым действующим лицам его романов можно поставить в связь с его склонностью к комизму. У Жана Поля в высшей степени своеобразны его сравнения, к ним присоединяется много неологизмов, непереводимая игра слов: например, влюбленный оба свои «спутника» (т. е. оба глаза) устремляет к своему

«Урану» (к возлюбленной Ленетте); «Ева — первая в истории воровка яблок».

Жан Поль приводит в своих произведениях превеликое множество цитат, из которых следует, что этот человек обладал энциклопедическими знаниями. Он с наслаждением использовал их, чтобы обогатить свое творчество животрепещущими сведениями из различных периодов истории, а также из многих других наук. Если не обладать его громадным запасом знаний, то часто трудно установить, являются ли приводимые им факты исторически достоверными, или сам Жан Поль их придумал и лишь в шутку выдает за истину. Например, в его романе «Зибенкэз» мы читаем, что жена Расина не умела отличить лирическое стихотворение от трагедии, но она «тем не менее отлично справлялась с домашним хозяйством». А вот другая иллюстрация того же типа: Монтень якобы предлагал будить себя глубокой ночью, чтобы «ощутить тайну сна». Мы находим у него также сведения о том, что Сократ и Катон ходили по рыночным площадям босыми.

Байрон подобным же образом в совершенно нестандартной остроумной манере связывает друг с другом факты, которые объективно чрезвычайно далеки друг от друга, как, например, греческие мифы и весьма прозаические события сегодняшнего дня. Ирония помогает ему связать высокое, благородное и даже святое с банальным, а нередко и пошлым. Вот как описывает он любовное томление во время путешествия на корабле (с. 73—74):

… Но хуже всех, конечно, тошнота. Как быть любви прекрасному пыланью При болях в нижней части живота? Слабительное, клизмы, растиранья Опасны слову нежному «мечта», А рвота для любви страшней изгнанья! Но мой герой, как ни был он влюблен, Был качкою на рвоту осужден.

А вот описание кораблекрушения (с. 76):

Ничто так не способно утешать, Как добрый ром и пламенная вера: Матросы, собираясь умирать, И пили, и молились свыше меры; А волны продолжали бушевать, Клубились тучи в небе мутно-сером, И, вторя вою океана, ввысь Проклятья, стоны и мольбы неслись.

Складывается впечатление, что склонность к остротам, шуткам характерна для натур холодных, неспособных на глубокое чувство. Но это не так, напротив, и Жан Поль, и Байрон отличаются чрезвычайно сильными эмоциями. Первый благодаря им часто впадает в сентиментальность, а второй стал лириком с мировым именем. Шутка, облеченная в ироническую форму, и глубоко искренние порывы чувств у Байрона часто стоят рядом. Эти, на первый взгляд, несовместимые моменты находят отражение в его творчестве как бы независимо друг от друга.

У Шекспира мы особенно часто встречаемся с каламбурами и с игрой слов. Его словесные шутки свидетельствуют, во-первых, о редчайшем филологическом даровании Шекспира, а, во-вторых, о том, что в жонглировании словами Шекспир находил большую радость. И несомненно, что он имеет в виду собственное пристрастие, когда вкладывает в комедии «Как вам это понравится?» следующую реплику в уста Виолы: «Да, это

правда: тот, кто умеет ловко играть словами, тот вмиг способен придать им двоякий смысл». А вскоре после этого звучит и реплика шута: «Право, я вовсе не шут: я просто путаник, человек, искажающий слова».

Жонглирование словами помогает Шекспиру создать особую характеристику людей; остроумие, колоритность словесных реакций — излюбленный прием для создания комических фигур. В комедии «Много шума из ничего» Бенедикт и Беатриче постоянно очень колко иронизируют друг над другом. В «Комедии ошибок» описанная черта ярко выражена у Дромио Сиракузского, который ошеломляет аудиторию потоком гротескных гипербол, рискованных сравнений, каламбуров, сногсшибательных по неожиданности нагромождений мыслей и слов. В прародительнице этой комедии, в «Менехмах» Плавта, один из персонажей, Столовая Щетка, обнаруживает сходную склонность к шуткам, правда, здесь она менее ярко выражена. В «Виндзорских проказницах», а затем и в «Генрихе IV» Шекспира его Пистоль постоянно употребляет в речи странные сопоставления, делает всевозможные завуалированные намеки, приводит цитаты, все это нередко пересыпается латинскими словечками. Замечание, сделанное Фальстафом о том, что влюбленный взгляд скользнул по его (Фальстафа) животу, Пистоль парирует словами: «Значит луч солнца упал на навозную кучу».

Во многих пьесах Кальдерона Кларин играет роль шутника.

В пьесе «С любовью не шутят» Кларин вместе со своим другом Лепорелло обеспечивает своими шутками и чудачествами смех на протяжении всего действия. Перед тем как Цирцея превращает его в обезьяну, он успевает скороговоркой изложить свою последнюю просьбу:

Если уж суждено мне превратиться в обезьяну, то прошу, окажи мне милость сделай меня симпатичным экземпляром: ловким, резвым, подвижным. Эй, вы, человекоподобные обезьяны, радуйтесь, скоро ваши ряды пополнятся!

В пьесах философских, как например, «Маг-чудотворец» (своеобразный испанский «Фауст») и в «Жизнь — это сон» Кларин своим комическим поведением постоянно оживляет действие.

Особенно впечатляют остроты в иронической форме в пьесе «Лечение на водах» Лопе де Вега. Донья Марчела ревнует своего жениха, который завязал дружбу с набожной дамой преклонного возраста, тетей Беатой. Но вот дружба как будто дала трещину… (с. 227):

Марчела:

Так что же случилось, дорогой мой возлюбленный? Ты нашел, что ей не хватает ума? Или, быть может, она недостаточно опрятна? Погоди, я уже знаю: она потребовала у тебя за любовь слишком много денег, да? Или скажи вот что: нет ли у нее какого тайного телесного порока? Не худа ли она для тебя? he слишком ли миниатюрна? Не чересчур ли холодна она в любви? Не молится ли об отпущении грехов перед каждым поцелуем? Да

говори же, наконец, я горю нетерпением все узнать из твоих уст!

Однако Марчела иронизирует не только тогда, когда она разгневана. После примирения она заявляет жениху: «Но предварительно я попрошу свою святошу-тетеньку, чтобы она хоть на два дня одолжила мне свое платье: надо переснять фасон и заказать себе точь в точь такое же: только при этом условии я смогу быть уверена в твоей любви». В ответной реплике Ризело, жених, корит насмешницу: «Ах, Марчела, ты остаешься всегда верна себе, вечно шутишь».

В «Амфитрионе» Плавта точно так же, как в соответствующих пьесах Мольера и Клейста, есть персонаж Соций, который все обращает в шутку, обнаруживая при этом бездну находчивости. Но с другой стороны он нередко проявляет и свою бестолковость.

Еще ярче сочетаются эти два противоположные качества у Труффальдино из комедии Гольдони «Слуга двух господ». Чтобы получать вознаграждение из двух источников, Труффальдино служит двум господам, скрывая от них, что одновременно находится в услужении и у другого. Благодаря редкостной находчивости, он в сложнейших ситуациях способен выйти сухим из воды, действуя умно и весьма ловко. Однако, с другой стороны, он часто по бестолковости попадает впросак и терпит побои. Так, он по глупости вскрыл важное письмо, хотя читать и не умеет. Труффальдино может быть и отчаянно нерасторопен: он спутал чемоданы обоих господ, и вещи обоих попали не туда, куда положено; из-за этого начинается суматоха и страшная неразбериха. Так он беспрерывно разыгрывает то хитреца, то простофилю, что вызывает комический эффект. Психологически к такому развитию сюжета нельзя, конечно, подходить чересчур строго. Можно быть весьма пронырливым человеком, т. е., несмотря на примитивный в общем интеллект, обладать способностью блюсти свою выгоду. Однако люди никак не могут быть одновременно слишком умными и слишком глупыми. Хозяин, в гостинице которого Труффальдино обслуживает своих господ, говорит о нем: «Никак не могу понять этого субъекта. Иногда он очень сообразительный, а иногда и вовсе дурень». Но так как зрители от души веселятся из-за комизма ситуаций на сцене, то упомянутые психологические противоречия никому не мешают.

Шутов в художественной литературе можно считать истинными профессионалами по части острот, каламбуров, игры слов,— достаточно вспомнить шута в «Короле Лире» Шекспира. Но все эти словесные шутки содержат в себе одновременно намек на неприятные истины, которых люди никогда не рискуют высказать высокопоставленному лицу без обиняков, прямо в глаза.

Акцентуированные личности в художественной литературе

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Писатели нередко изображают в своих произведениях акцентуированных

личностей и делают это талантливо и убедительно, однако это никогда не является для них самоцелью. Прежде всего многие акцентуированные личности являются второстепенными персонажами: хотя в развитии сюжета они и выполняют определенную роль, но сами по себе мало интересуют писателя. Кроме того, писатель преследует множество целей, находящихся за пределами сферы психологии, и просто не имеет возможности тщательно выписать особенности личности разных действующих лиц. Нередко, наконец, сами персонажи служат воплощением идеи, принципа, порой они задуманы скорее символически, так что вообще не могут представлять людей реальных. Вспомним хотя бы образы Кафки: несмотря на то что в изображении писателя они необычайно пластичны и оказывают сильное эмоциональное воздействие, они все же остаются не более чем символами. Да и само понятие личности в художественной литературе не всегда трактуется в плане сугубо психологическом, это явствует хотя бы из неоднократно цитированных в настоящем труде слов Достоевского.

Образы акцентуированных личностей находим в произведениях многих писателей, и особенно у Достоевского. Если у него акцентуированные личности нередко стоят на грани патологии, то это можно считать в известной степени преимуществом, так как это дает возможность подчеркнуть, выделить черты личности. Ведь особо строгой границы между акцентуированными и психопатическими личностями, как мы уже видели, нет. Далее мне хотелось бы особо отметить как создателя образов многих акцентуированных личностей Иеремию Готхельфа. В его творчестве акцентуированность нередко присуща даже некоторым второстепенным персонажам. Кроме того, его персонажи тесно связаны с бытовым окружением, что особенно приближает их к реальной действительности.

Демонстративные личности. Педантические личности.

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ДЕМОНСТРАТИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Весьма часто в художественной литературе мы сталкиваемся с демонстративными личностями. Иногда они лгут и дурачат людей так ловко, что им нельзя отказать в актерских данных, иногда же более резко выражаются истерические симптомы. Живость, подвижность истериков, способность их играть всевозможные роли могут чрезвычайно оживить рассказ, сюжетную канву. Поскольку они склонны к раскованному мышлению, а тем самым наделены особой живостью воображения, то я склонен предположить, что многие авторы воспринимают реакции истериков сочувственно, как близкие им самим: ведь сплошь и рядом у писателей творческий процесс неотделим от реакций такого типа. Косвенное подтверждение этой мысли можно усмотреть в том, что чистый тип ананкаста в художественной литературе почти не встречается: ананкастическое начало подавляет богатство фантазии, отклика на внутренний склад такого типа писатель в своей душе не находит, поэтому ему негде и черпать материал для создания такого образа.

Следует отметить, что демонстративные проявления, нередко описываемые классиками, не всегда идентичны встречающимся в нынешнее время. Так, в эпоху рококо у дам, принадлежащих к аристократическим кругам, считалось

чуть ли не хорошим тоном падать в обморок в связи с малейшими переживаниями. С такими реакциями сталкиваемся у многих героинь Достоевского. Однако параллельно он описывает и типичные припадки истерического крика у так называемых кликуш (т. 9, с. 61—62):

Притянули к нему одну кликушу за обе руки. Та, едва лишь завидела старца, вдруг начала, как-то нелепо взвизгивая, икать и вся затряслась, как в родимце. Наложив ей на голову эпитрахиль, старец прочел над нею краткую молитву, и она тотчас затихла и успокоилась. Не знаю, как теперь, но в детстве моем мне часто случалось в деревнях и по монастырям видеть этих кликуш. Их приводили к обедне, они визжали или лаяли по-собачьи на всю церковь, но когда выносили дары и их подводили к дарам, тотчас «беснование» прекращалось и больные на несколько времени всегда успокаивались…

Меня, ребенка, очень это поражало и удивляло. Но тогда же я услышал от иных помещиков и особенно от городских учителей моих, на мои расспросы, что это все притворство, чтобы не работать, и что это всегда можно искоренить надлежащею строгостью, причем приводились для подтверждения разные анекдоты. Но впоследствии я с удивлением узнал от специалистов-медиков, что тут никакого нет притворства, что это страшная женская болезнь, я кажется, по преимуществу у нас на Руси, свидетельствующая о тяжелой судьбе нашей сельской женщины.

Итак, трудно сказать, болезнь ли то была или притворство и какое из этих определений более соответствовало истинному положению вещей, но у меня создается впечатление, что и сам Достоевский не совсем согласен был с мнением врачей. Впрочем, можно решительным образом утверждать, что социально-бытовые условия, царившие в тогдашней России, бесспорно, способствовали описываемой картине.

Выше мы коснулись только самих реакций. Однако Федор Павлович, отец братьев Карамазовых, истеричен не только в своих реакциях, но и как личность в целом. Нередко окружающие называют его шутником, т. е., что его нельзя принимать всерьез, поскольку он всегда лишь играет некую роль. Достоевский описывает, например, следующую чрезвычайно аффектированную сцену (т. 9, с. 95—96):

— Дмитрий Федорович!— завопил вдруг каким-то не своим голосом Федор Павлович,— если бы только вы не мой сын, то я в ту же минуту вызвал бы вас на дуэль… на пистолетах, на расстоянии трех шагов… через платок! через платок!— кончил он, топая обеими ногами…

Есть у старых лгунов, всю жизнь свою проактерствовавших, минуты, когда они до того зарисуются, что уже воистину дрожат и плачут от волнения, несмотря на то, что даже в это самое мгновение (или секунду только спустя) могли бы сами шепнуть себе: «Ведь ты лжешь, старый бесстыдник, ведь ты актер и теперь, несмотря на весь твой «святой» гнев и «святую» минуту гнева».

Здесь Достоевскому удалось превосходно показать, что истерики могут быть до самозабвения поглощены своей ролью, однако где-то на заднем плане у них вполне сохраняется сознание реальности.

В другом месте Достоевский говорит о Федоре Павловиче (т. 9, с. 59, 116):

Никогда и ничего такого особенного не значил наш монастырь в его жизни, и никаких горьких слез не проливал он из-за него. Но он до того увлекся выделанными слезами своими, что на одно мгновение чуть было сам себе не поверил; даже заплакал было от умиления: но в тот же миг почувствовал, что пора поворачивать оглобли назад…

Федор Павлович патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было уже всем, что он опять представляется. Но Миусов все-таки был больно уязвлен.

Федор Павлович Карамазов представляет собой не только демонстративную личность, более того, он тяжелый истерический психопат, разыгрывающий роли, которые показали бы его с выгодной стороны или, во всяком случае, привлекли бы к нему внимание окружающих. Все его поступки свидетельствуют о такой именно установке. Так, он не проявляет ни малейшего такта в отношениях ни с первой, ни со второй своей женой, постоянно приводит в дом посторонних женщин, но нисколько не чувствует себя виноватым. После смерти первой жены он совершенно не заботится о ребенке, после смерти второй жены — не интересуется и двумя родившимися от нее сыновьями. Карамазов как бы начисто забывает, что он — отец; слуга его, вот кто берет на себя попечение о заброшенных детях. Вытеснение подобной степени предполагает наличие явно истерических предпосылок. Позже все поступки отца направлены на то, чтобы обманным путем лишить сыновей, особенно старшего сына, части наследства. Перед нами истерик, вытесняющий все то, что могло бы препятствовать осуществлению его эгоистических целей.

В этом ему сродни Смердяков, сын Серафимы Смердящей, жалкой слабоумной женщины, и незаконный сын Карамазова. Смердяков — хитрый, лукавый тип домашнего соглядатая, который одновременно доносит и отцу, и сыну, хотя те живут в постоянной вражде между собой. Он пытается втереться в доверие и второго сына, вызвать его симпатии к себе. Не будь он, истериком, ему, конечно, было бы труднее вести столь сложную, игру. Смердяков то прикидывается сердечным и искренним,, то проявляет раболепную покорность. Его приемный отец настолько мало знает его истинную сущность, что во время заседания суда с большой горячностью ручается за его честность. Прокурор характеризует его, правда, в красках несколько патетических, но все же убежденно заявляет следующее (т. 10, с. 253—: 254):

— Будучи высоко честным от природы своей молодым человеком и войдя тем в доверенность своего барина, отличившего в нем эту честность, когда тот возвратил ему потерянные деньги, несчастный Смердяков, надо думать, страшно мучился раскаянием в измене своему барину, которого любил как своего благодетеля.

В действительности Смердяков был убийцей того, кто ему так доверял. Но он сумел подготовить все так, что обвиняемым в убийстве оказался старший сын, который и был осужден за преступление. Истерическая натура Смердякова сказалась и в том, что он, страдая эпилепсией, перед совершением убийства симулировал припадок, который был настолько типичным во всех деталях, что никто не сомневался в его подлинности. Поскольку он, согласно свидетельским показаниям, находился в бессознательном состоянии, то полагали, что о

Смердякове как убийце не может быть и речи. Назойливое истерическое поведение, подобное поведению старика Карамазова, Смердякову также не чуждо. Когда Иван Карамазов, доведенный до бешенства нагло-вызывающим тоном Смердякова, изо всей силы ударил его кулаком в плечо, тот разыграл сильнейшее душевное потрясение (т. 10, с. 134):

В один миг все лицо его облилось слезами, и, проговорив: «Стыдно, сударь, слабого человека бить!», он вдруг закрыл глаза своим бумажным с синими цветочками и совершенно засморканным носовым платком и погрузился в тихий слезный плач.

Образ Смердякова в целом позволяет создать представление и об отдельных компонентах его личности: его отличает не только истеричность, но и в еще большей мере, чем Федора Павловича, недостаток этического начала, т. е. отсутствие чувства долга, чувств сопереживания и сострадания. Он неблагодарен по отношению к приемным родителям, мучает животных, равнодушен к горю других людей. Но не это все заставляет причислить Смердякова к акцентуированным личностям, а его дар скрывать от окружающих свою этическую несостоятельность: он играет роли, не соответствующие его внутреннему состоянию.

Истеричен и Лебедев из романа Достоевского «Идиот». Он способен играть всевозможные роли: может быть лакейски подобострастным, когда считает это для себя полезным, но может и надевать маску исполненного достоинства величия. Лебедев лжет не задумываясь, он интригует, пишет анонимные письма — и все это с невиннейшим видом. Читатель понимает в конце концов, что он просто не осознает непорядочности своих поступков. Лебедев умеет быстро перевоплощаться: например, он может плести интриги против определенного лица, но достаточно ситуации измениться — и он первый протянет этому же человеку руку помощи. Утрированные жесты, гримасы, столь часто упоминаемые при описаниях истериков, торжественные позы, а иногда и слезы подчеркивают театральность манер этого персонажа. Особенно выразительно показано актерское начало Лебедева в том месте, где пьяный генерал Иволгин крадет у него бумажник с 400 рублями. Лебедев с самого начала хорошо знает, кто вор, но он в своих пространных речах обвиняет другого человека, который в силу социального положения скорее мог бы совершить кражу, чем генерал; и не только обвиняет — он разрабатывает подробный план, как уличить этого человека. Смысл его игры заключается в том, что Лебедев не желает затрагивать генеральского достоинства, а поэтому и не собирается прямо изобличать его: он намерен добиться своего, но только хитроумно скрытыми путями.

Ряд истерических личностей мы встречаем у Иеремии Готхельфа. В повести «Крестьянское зеркало, или История Жизни Иеремии Готхельфа» в этом плане можно трактовать только образ матери писателя. Вот что он пишет о ней (с. 3, 14):

Матушка моя была дочерью мелкого лавочника, говорят, что в молодости отличалась красотой, а также и кокетливостью, по хозяйству и в поле никогда ничего не делала, а преимущественно дежурила в лавке или сидела перед ней на скамеечке и делала вид, что шьет или вяжет…

Много воображающие о себе девушки впоследствии нередко отпугивают своей беспорядочностью: комнату свою матушка не проветривала и не при- бирала, в одежде бросалась от одной крайности к другой, — то появлялась на людях безвкусно и крикливо одетая, то в отчаянно неряшливом виде, причем первое случалось все реже, а второе под конец повторялось изо дня., в день…,.:.

Такие характеристики матери в повести- встречаем неоднократно; детьми своими она вообще не занималась, они были предоставлены самим себе.

Пример назойливого истерического бахвальства находим. в двух романах Готхельфа, в «Ули-батраке» и в «Ули-арендаторе». Мы имеем в виду Элизи, дочь богатого крестьянина, которая одно время хочет женить на себе Ули. В самой себе она не видит ничего отрицательного, не замечает слабостей, которых у нее на самом деле множество. Она хвастливо рисуется перед Ули, которого решила завоевать во что бы то ни стало (с. 237):

Да она была самым красивым ребенком во всей округе! Как увидят ее люди, так просто руками всплеснут от восторга, любуются и все приговаривают: «Ну и ребенок! Нет, право, такой красоты мы еще никогда в жизни не встречали!» Все это Элизи отлично помнит. А когда она приехала во французскую Швейцарию, то и в том кантоне более красивой девочки не оказалось. Щечки у нее были словно раскрашенные, а кожа на лице — такая гладкая, что в нее хоть как в зеркало смотрись! Когда она перебрасывала через плечо гитару на черно-красной ленте и так прогуливалась у своего дома, напевая красивые песенки и аккомпанируя себе на гитаре, то вокруг нее толпами стояли молодые парни и наперебой ухаживали за ней; от нее одно только требовалось — сказать «да», ведь она могла их дюжинами водить за собой на веревочке, могла выбрать самого знатного из тех южных швейцарцев; ну, а уж красавца такого заполучить, какой здесь никому и не снился. Люди там вообще совсем другие, чем здесь. Но тут случилось, что она, Элизи, заболела, ей пришлось уехать домой, а дома отнеслись просто так, что хуже не бывает: заставляли ее работать как самую простую крестьянскую девушку, а есть приходилось только такое, что и всем другим людям было положено, поверьте, во французской Швейцарии и собака приличная на такую пищу не посмотрит. Так вот с тех пор и не было у нее ни одной светлой минутки. Но ей, еще повезет, посмотрим, чья возьмет!

Истеричность Элизи проявляется, однако, не только в ее ослеплении самой собой, но и в других поступках. Если что-нибудь происходит вопреки ее желанию, она устраивает дикие скандалы, вся сотрясаясь от конвульсивных рыданий, нередко переходящих в истерический припадок. В романе «Ули-батрак» ее реакции описываются следующим образом (с. 254):

Боже мой, никто не хочет ее порадовать, все только дергают ее и мучают. Нет, лучше всего для нее будет поскорее умереть. По мере того как Элизи говорила все это, рыдания ее становились все более бурными, в конце концов у нее перехватило дыхание; мать вынуждена была расстегнуть ей лиф, чтобы спасти бедняжку, т,, к. серьезно поверила, что Элизи уже кончается, А поскольку добрая матушка никак не желала ее смерти, то немедленно остановила и поток упреков.

Еще более явственно обрисован истерический припадок в следующей сцене (с.

307):

Собственно старик был не прочь отдать ее за Ули; но как только об этом заходила речь, Элизи делалась совсем одержимой; ноги и руки ее начинали подергиваться, на губах выступала пена, так что окружающие боялись припадка падучей.

И такие сцены повторялись нередко. Правда, истерической потери сознания ни разу не было, один только раз после насильственной расправы с собравшимися, учиненной ее братом, «Элизи упала бы в обморок», как пишет сам Готхельф, «если бы знала, как это делается».

Готхельф уже тогда знал лучше, чем врачи его времени, что лучший способ прекращения истерического припадка — не обращать на истерика внимание. В «Ули-арендаторе» есть такие. авторские слова (с. 360):

Зря никакая Элизи не заплачет. Итак, как только наша героиня заметила, что на нее больше не обращают внимания, она прекратила плач и занялась вином и ветчиной, заметив, что если никто не угощает, то надо самой приниматься за дело.

Часто в романах Готхельфа встречаются люди, до такой степени самодовольные и такие пройдохи по натуре, что их впору назвать авантюристами, патологическими лжецами или шарлатанами (обозначения, принятые в психиатрии). Интересно, что этими качествами могут быть наделены и второстепенные персонажи, как, например, знахарь Люрлипетерле из романа «Ули-арендатор». Вот что мы читаем о нем (с. 249):

Тут он начал рассказывать, как он невероятно знаменит и что у него иногда просто отбою нет от желающих получить его указание и совет. Из всех уголков Германии пишут ему самые знаменитые врачи, когда попадут в затруднительное положение. Он уже не одного вызволил из беды, но никто из них об этом, конечно, не пикнет; впрочем, в его, Люрлипетерле, книге все записано. Вот к примеру один написал ему из города под названием Берлин, этот город — столица России. Лицо это — надворный советник по фамилии Шюли, он запросил его, с чего следует начинать, когда станет свирепствовать холера. Холера же есть жестокое заболевание, начинается оно с ног, а под конец волосы на голове делаются раскаленными, так что можно о них зажигать спички; он, Люрлипетерле, подробно объяснил советнику, что надо предпринимать, но негодяй и по сей день его не поблагодарил. Так все они, подлецы, поступают: пользуясь его советами, становятся надворными советниками, но ни один человек не знает, что спасение России было делом рук Люрлипетерле. А посоветовал он следующее: каждому больному за 7 дней до начала болезни давать только пахту (сбитые сливки) и сливочный творог, который готовят так: в мерке молока растирается один фунт творога, и эта порция дается больному каждые два часа, что и предохраняет от заболевания. Теперь в России от холеры ни один человек не умирает, и все это его заслуга. Но русскому царю ничего об этом не скажут, об этом Люрлипетерле специально просил; а не то еще, чего доброго, назначат его надворным советником, что ему совсем-совсем ни к чему.

То же можно сказать об одном второстепенном персонаже в романе «Ули-

батрак». Это — некая Кати, которая всячески пытается женить на себе Ули и тем самым, между прочим, дает возможность герою романа показать свою стойкость и выдержку. Ее патологическое хвастовство по содержанию полностью отвечает кругу представлений крестьянской девушки: Кати похваляется не только тем, что станет наследницей богатой тетушки, но также и тем, что в работе она крепче и выносливее любого мужчины.

Образ авантюриста предстает перед нами в лице героя романа Готхельфа «Странствия Якова-подмастерья по Швейцарии». Прибыв в Базель, Яков сразу начинает с привычного ему вранья и бахвальства, больше всего стараясь скрыть свое весьма скромное происхождение (с. 46):

И далее он сочиняет, что бабушка у него отчаянно богата, у нее огромный крестьянский двор, да к тому же еще полно железнодорожных акций. Но бабка вбила себе в голову, что он должен жениться на богатой деревенской девице, родственнице сельского старосты. Беда в том, что жениться на ней означало бы навсегда остаться ограниченным крестьянином, он же и мысли такой не допускает; поэтому он и отправился на чужбину, к большой досаде старухи. Если только она узнает, где он находится, то она тут же либо пришлет за ним коляску, наполненную до верху талерами и окороками, либо сама за ним приедет и вручит племяннику кошелек, набитый деньгами; быть может, это будет и полный бумажник акций железной дороги, но при всех условиях она будет умолять, чтобы он вернулся домой.

Как и прочие истерические лгуны, Яков свои фантазии преподносит так уверенно, что ему все верят, и всюду он имеет успех (с. 104):

Сочинял он свои небылицы с величайшим мастерством, и все охотно верили каждому его слову. Часто, просясь в дом, на ночлег, он слышал голос, доносившийся из кухни: «Матушка, послушай-ка, он видно не из простых, парень с деньгами, надо будет свежее постельное белье ему дать, а может быть пригласим откушать с нами?» — «Как хочешь, доченька,—• можно и пригласить»,— раздавалось в ответ. И вот Якова угощали как почетного гостя за семейным столом, и ел он как в самом лучшем трактире за большие деньги, и пил отличнейшие вина разных сортов, и спал на роскошной постели, а утром ему подавали чашку шоколада с куском превосходного пирога.

Итак, перед нами образ типичного авантюриста. На девиц Яков всегда производит неотразимое впечатление и постепенно скатывается до роли брачного афериста. Так, он принимает от бедной девушки, которая его любит, и еду, и одежду, и ее последние деньги. Но вот Катри заговаривает о браке, так как ждет ребенка, и Яков немедленно исчезает из городка, не оставляя за собой ничего, кроме долгов.

Из дальнейшего повествования мы узнаем, что Яков, попав в среду святош, становится весьма набожным и переходит на стезю добродетели. Следует отметить, что психологически блестящее описание истерического лгуна, данное в начале романа, производит куда более убедительное впечатление, чем эти последние главы.

Истерическим притворщиком следует признать и мольеровского Тартюфа, который полон сугубо корыстолюбивых целей, разыгрывает из себя смиренно-

набожного человека, а в конце комедии — некоторое время даже преданного слугу короля. Впрочем, безоговорочно верят этому притворщику только хозяин дома и бабушка, все остальные считают его лицемером и плутом. Именно такая ситуация психологически мало правдоподобна. Дело в том, что истерики-авантюристы обычно исключительно удачно приспосабливаются к окружающим и покоряют всех.

Напротив, авантюриста Лузмана, «рыцаря Миракля», из одноименной драмы Лопе де Вега, можно считать характерным истерическим шарлатаном. Если ему всегда удавалось достигнуть намеченной цели, то это объяснялось не чудом, не «мираклем», а его истерическим даром. Он — тоже своего рода брачный аферист, так как разыгрывает перед женщинами безумную любовь, а в действительности интересуется только их богатством и внутренне остается абсолютно холодным. Его слуга Тристан говорит, обращаясь к нему:

— Ты не любишь ни одной из всех этих многочисленных бабочек, увидав любую ты тут же овладеваешь ею и выбрасываешь вон, кощунственно попирая законы природы.

Лузман в то же время — тип авантюриста. Получив от богатой дамы, соблазненной им, много денег, он хочет употребить их на то, чтобы купить частичку «фон» в добавление к своей фамилии, но потом ему приходит в голову, что этого слишком мало и сочиняет себе следующее имя «Дон Лузман фон Толедо и Ман-доза-Гирон-Энрикец-Лара». Когда хозяину гостиницы называют это имя, он уверен, что прибыло несколько постояльцев. Располагая деньгами, Лузман может перебраться из Рима в Испанию и заранее мечтает о том, как он будет рассказывать своим знатным знакомым, посланникам и кардиналам «о своем друге папе».

Лузман покоряет женщин умением демонстративно притворяться. Он говорит сам о себе:

— Меня ни одна не заманила в свои сети; что касается их, то всех, кого я наметил себе опутать, я замечательно водил за их же собственный носик. Я, как знаменитый органист, играю на многих регистрах: я прекрасно подражаю вздохам любовного томления, издаю стоны в момент любовной борьбы, умею изобразить и слезы, и ревность, и упрямство, и гнев, и отчаянье — всюду там, где это нужно; да, я могу притворяться, что испытываю любое чувство. Глупые курицы, женщины, верят в искренность моей игры, они послушно делают все, что я приказываю. Разве ты и сам часто не наблюдал, как они готовы подарить мне все, что у них есть?

Слуга его подтверждает наличие у Лузмана редкого артистического дара:

Как он спекулирует, как рассчитывает! Каким притворяется умником! Как он двуличен и сколь лукавы его речи! Он выпрашивает, умоляет, он требует, приказывает, то смиренно бледнеет, то краснеет от гнева,— и все же всегда находит единственно верное слово в верный момент.

В финале пьесы Лузман полностью разорен: его ограбили слуги, которым он не уплатил жалованья. И в этот момент он еще раз демонстрирует верх лживости, заявляя: «Я благороднейший человек; душа моя правдива, за всю жизнь я ни

разу не солгал».

Характерен до мельчайшей детали и «Авантюрист Феликс Круль» Томаса Манна. Его манеры так естественны и уверены, что ни у кого не возникает сомнения в его правдивости, когда он разыгрывает роль маркиза де Веноста. Он и до этого уже проявлял себя как демонстративная личность, в частности, с помощью истерического припадка добился освобождения от службы в армии. Если бы нам не было известно, что Томас Манн много времени посвятил изучению медицины, то нас могли бы поразить блеск и меткость, с которыми он вылепил законченный образ истерического авантюриста. В связи с этим уместно вспомнить и комедию «Лжец» Корнеля. Ее герой Дорант лжет так, что мы не можем не подумать о pseudologia phantastica. Однако ложь Доранта в комедии представлена как бы изолированно; ибо во всем остальном личность Доранта нисколько не похожа на авантюриста. Таким образом, в этой комедии ложь все же служит не характеристике лживой личности, а созданию комизма ситуаций.

В мировой истории мы можем указать на такого истерического психопата, как император Нерон. В своем романе «Quo vadis?» Сенкевич изображает Нерона как яркий истерический образ. В Нероне-поэте, Нероне-певце, Нероне-возничем у Сенкевича всюду чувствуется аффективность и театральность. Нерон ведет себя так, словно отнюдь не является преступником на римском троне, а властелином, полным благородства и любви к народу. Когда он отказывается от одного из путешествий из-за зловещих предзнаменований, он лицемерно заявляет, что отказался «из любви к своим согражданам, увидев печаль на их лицах; он желает остаться с ними, как отец со своими детьми, чтобы делить с ними радость и горе». Он восклицает: «Не думаешь ли ты, что у меня меньше душевного величия, чем у Брута, который ради блага империи не пощадил собственных сыновей?» Даже подлинные, искренние чувства самого Нерона неизменно оказываются в чем-то театрализованными. Например, когда умирает его дочурка, к которой он был сильно привязан, он держит себя чрезвычайно аффектированно:

Похороны превратились в торжественное траурное шествие, во время которого народ молча созерцал бурные проявления горя, охватившего цезаря…

Нерон прислушивался к словам утешения сенаторов, устремив взгляд в пустоту, с окаменевшим лицом. Да, быть может, он и в самом деле глубоко страдал, но одновременно он думал и о том, какое впечатление производит его страдание на присутствующих. Он изображал Ниобею, он разыгрывал сцену убитого горем отца, и ни один актер на подмостках не мог бы разыграть эту сцену лучше его.

Имелось ли у Нерона, наряду с истерической психопатией, также отсутствие этических принципов, как это представляет Сенкевич? Полагаем, что едва ли. Достаточно вспомнить громадную власть, сосредоточенную в руках Нерона, его совершенно обоснованный страх перед заговором и жестокие нравы этого времени, описываемые самим же писателем, чтобы отбросить фактор ущербности этического начала. Заместители Нерона в его отсутствие ведут себя еще более жестоко, чем он сам. Правда, есть один поступок, который выходит далеко за пределы проявлений истерической жажды самоутверждения: Нерон велит задушить маленького сынишку своей любовницы за то, что малыш не

оценил какого-то патетического рассказа Нерона и в самый волнующий момент заснул. Следует, однако, заметить, что Нерон и без того ненавидел этого мальчика, он искал лишь подходящий повод для совершения злодеяния.

Остановимся еще раз на всех проанализированных тут образах истериков. Может создаться впечатление, что истерические предпосылки психики служат исключительно достижению эгоистических целей. Однако это далеко не всегда так, поэтому в художественной литературе находят отражение и вполне положительные в этическом плане истерические личности. Можно указать на драму Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе». Свой великий дар притворства Фиеско ставит на службу добру. Он борется против тирании в Генуе, в первую очередь против тех бесчинств, которые творит племянник герцога со своими дружками. Фиеско для видимости как бы объединяется с врагами и роль свою играет с таким совершенством, что даже его единомышленники начинают подозревать его в измене. Благодаря блестящему притворству, убаюкивающему подозрения врагов, борьба Фиеско и заговорщиков проходит успешно. Конечно, не только игра, но и энергия героя имела значение в достижении положительного результата. Под конец, однако, выясняется, что Фиеско, подталкиваемый тщеславием, сам хочет занять место свергнутого герцога. Таким образом, истерические черты личности Фиеско в конечном счете служат все же целям эгоистическим, как мы и наблюдали в вышеприведенных примерах.

Можно привести и другой пример — следователя Порфирия из «Преступления и наказания» Достоевского. Порфирий обладает необыкновенными способностями прикидываться, играть роль. Об этом свидетельствуют его разговоры с Раскольниковым — все реплики и вопросы, подхватывание и трактовка им слов Раскольникова, да и само поведение Порфирия Петровича: смеется ли он, хохочет или, напротив, сохраняет серьезность, садится ли рядом с Раскольниковым или ходит взад и вперед по комнате — все это игра. Любопытно и то, как воспринимает следователь различные реакции Раскольникова — испуг, побледнение, внезапно охватывающую Родиона слабость или приступы его гнева. Все это вызывает и у самого Раскольникова, а вслед за ним и у читателя неизменный тревожный вопрос,— каковы же истинные мысли Порфирия, что он намеревается делать, в чем заключаются его скрытые цели? На первый взгляд, и все слова его, и манеры кажутся совершенно безобидными. Раскольников так и склонен их расценивать, но все же за ними неизменно ощущается стремление следователя изобличить убийцу. Двоякий смысл слов, жестов, подхода Порфирия в целом к своему подследственному оказывается ничем иным как хитроумным методическим приемом. Раскольников должен постоянно пребывать в шатком, неустойчивом состоянии, должен быть неуверен, свободен ли он еще или уже может считать себя погибшим; напряжение и беспокойство его должно все время возрастать с тем, чтобы он в конечном итоге, будучи в состоянии крайнего возбуждения, выдал себя. Мысли о подобной «ловушке» высказываются самим Порфирием, и опять Раскольников не в состоянии определить их скрытого смысла: являются ли слова Порфирия лишь безобидным поучением, или это зловещее предупреждение о том, что западня захлопнулась. Приводим слова Порфирия (с. 353):

Да оставь я иного-то господина совсем одного: не бери я его и не беспокой, но чтоб знал он каждый час и каждую минуту, или по крайней мере подозревал,

что я все знаю, всю подноготную, и денно и нощно слежу за ним, неусыпно его сторожу, и будь он у меня сознательно под вечным подозрением и страхом, так ведь, ей-богу, закружится, право-с, сам придет, да, пожалуй, еще и наделает чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет, так сказать, математический вид будет иметь,— оно и приятно-с.

Порфирий достигает цели. К концу допроса Раскольников сознается в совершении преступления, что, правда, проявляется не в конкретных словах, а во всем его поведении. Он кричит (с. 364):

Лжешь, ничего не будет! Зови людей! Ты знал, что я болен, и раздражить меня хотел, до бешенства, чтобы я себя выдал, вот твоя цель! Нет, ты фактов подавай! Я все понял! У тебя фактов нет, у тебя одни только дрянные ничтожные догадки, заметовские!.. Ты знал мой характер, до исступления меня довести хотел, а потом и огорошить вдруг, попами да депутатами… Ты их ждешь? а? Чего ждешь? Где? Подавай!

Итак, Порфирий обладает уникальным даром притворяться. Он и сам признается в этом во время первого же своего разговора с Раскольниковым (с. 267):

— В самом деле вы такой притворщик?—спросил небрежно Раскольников.

— А вы думали нет? Подождите, я и вас проведу — ха, ха, ха!

Только благодаря этому искусству притворяться поведение Порфирия в любой момент соответствует намеченной им цели — изобличению преступника. Произнося двусмысленные слова, Порфирий держит себя при этом совершенно простодушно и бесхитростно, так что если в его словах и сквозит подозрение следователя, то поведение его не заключает в себе чего-либо, внушающего опасения. Поэтому Раскольников никогда не уверен, носят ли пугающие его реплики Порфирия случайный характер или они высказываются преднамеренно. Порой Порфирий кажется даже весьма озабоченным состоянием здоровья Раскольникова (с. 360):

Испуг и самое участие Порфирия Петровича были до того натуральны, что: Раскольников умолк и с диким любопытством стал его рассматривать…—

«Неужели, неужели,— мелькало в нем,— он лжет и теперь? Невозможно, невозможной — отталкивал он от себя эту мысль, чувствуя заранее, до какой степени бешенства и ярости может она довести его, чувствуя, что от бешенства с ума сойти может.

Человек, который умеет до такой степени притворяться, который находит не только нужные слова, но управляет и всем своим поведением, контролирует мимику, жесты, заставляя их передать именно то, что требуется в данный момент,— такой человек, по-видимому, полностью «входит в роль», которую он сам себе наметил. Итак, есть все основания предположить, что следователь Порфирий Петрович — демонстративная личность. С другой стороны, поведение Порфирия Петровича — это не совсем роль, он не играет другое лицо, а просто непрерывно приспосабливает свое поведение к достижению поставленной цели. Он даже и права не имеет выдавать себя за другого

человека, которым он не является, он обязан оставаться следователем, обязан следить за всеми нюансами поведения Раскольникова, чтобы немедленно на них отреагировать. Для этого нужны большая наблюдательность и большое знание людей. Достоевский хотел показать редкую психологическую проницательность Порфирия. Одновременно писатель доказывает и свою собственную великую психологическую проницательность. И все же возникает вопрос: не должен ли подобный Порфирию тип обладать способностью вытеснения, если то, чего психологически требует от него ситуация, подается до такой степени талантливо и в словах, и во всех внешних реакциях.

Выше мы показали, что человек может совершенно сознательно, т. е. без участия вытеснения, притворяться. При этом он уже заранее явственно представляет себе определенную ситуацию, которая может возникнуть, и намечает линию поведения. Если ситуация действительно складывается так, как данное лицо себе представило, то его план оказывается определяющим и поведение четко ориентируется по плану. Но коль скоро намеченное не наступает, то притворство уже не может развиваться по намеченному пути, так как неожиданный поворот обстоятельств не был заранее предусмотрен. Обладая одной лишь психологической проницательностью, невозможно быстро отменить прежний план поведения и моментально выработать новый. У истерической личности подобные быстрые переключения вполне возможны. Истерическое вытеснение действует молниеносно — в одно мгновение оно снимает нежелательные «наметки», и поведение истерика определяется уже новой неожиданно возникшей ситуацией. Исключительная способность приспосабливаться, свойственная демонстративным личностям, и является следствием таких мгновенных переключений. Таким образом, можно утверждать, что Порфирий наряду с большой психологической проницательностью обладает еще и выраженными демонстративными чертами личности.

Образ следователя Порфирия Петровича может служить примером того, что демонстративная личность способна использовать присущие ей данные и в положительных целях, т. е. для достижения этически ценного результата, ибо именно так можно рассматривать ту задачу, которую поставил перед собой следователь Порфирий Петрович.

С притворством как результатом четко осознанной ориентации на определенную ситуацию мы особенно часто сталкиваемся в классической греческой литературе. В трех из дошедших до нас трагедий Софокла именно притворство приводит к решающему повороту сюжета. Аянт, который (в одноименной драме) намерен совершить самоубийство, притворяется столь искусно, что его не задумываясь отпускают одного из дому. В «Филоктете» сын Ахиллеса притворяется по воле Одиссея, хотя это глубоко чуждо его натуре. В «Электре» воспитатель рассказывает вымышленную историю о мнимой смерти Ореста, которой Клитемнестра безоговорочно верит. В «Орестейе» Эсхила ложь исходит из уст самого Ореста. Поскольку в любом случае такое разыгрывание роли является строго запланированным заранее, то нельзя усматривать психологической фальши в том, что притворщиками оказываются здесь персонажи, нисколько не отличающиеся истеричностью.

Немалую роль в развитии событий играет притворство действующих лиц и в трагедиях Еврипида. Особенно сильно впечатляет то место, где Ифигения

(«Ифигения в Тавриде») своей ложью вводит в заблуждение короля Фоаса, с целью обеспечить возможность бегства себе и своему брату Оресту. У Гете Ифигении не удается до конца выдержать характер и заставить поверить в свою ложь.

Обе формы притворства, заранее строго запланированную и истерическую, можно наблюдать параллельно в комедии «Брамарбас» Плавта. Вся интрига построена на ловкой лжи и на шарлатанских выходках раба Палестрио, в них и раскрывается его истерическая сущность. Его господин, победоносный покоритель крепостей, прежде всегда «считал этого детину сущим висельником», но он в корне изменяет свое мнение в тот момент, когда Палестрио начинает демонстрировать по отношению к нему насквозь фальшивую преданность, нагло притворяясь верным слугой. Напротив, другие действующие лица комедии, две молодые женщины — Акротелейтион и Мильфидиппа — притворяются исключительно согласно плану, предписанному им самим Палестрио.

Вообще сцены всякого рода притворства, разыгрывание по заранее разработанному плану охотно включаются в комедии, так как контраст между этими сценами и действительностью дает материал для множества шуток и острот.

Педантические личности

Художественная литература, изобилующая демонстративными личностями, в то же время весьма бедна личностями педантическими. Более того, я, собственно, и не могу привести какой-либо художественный образ, который можно было бы по всем параметрам обозначить как личность педантическую или ананкастическую. Факт этот, на мой взгляд, весьма примечателен. Неужели такого рода люди, которые в жизни встречаются чрезвычайно часто, столь мало подходят для того, чтобы стать персонажами повестей или романов? Мне думается, что это маловероятно. Они могли бы представить известный интерес хотя бы для контраста с людьми изменчивыми, неустойчивыми и легкомысленными. Конечно, в художественной литературе немало образов просто честных людей, но почему мы не находим среди них ни одной педантической личности? Однако, может быть, я попросту не учел, упустил из виду тот или иной подобный образ. Я консультировался с лицами, отлично знакомыми как с художественной литературой, так и с проблемами психологии и психиатрии (отмечу, что в поисках ни одной другой из разновидностей личности мне не пришлось прибегать к таким консультациям), и мне были указаны некоторые персонажи с ананкастическими чертами, однако их трудно с полным правом причислить. к педантическим личностям.

Объяснение того, почему писатели не описывают в своих произведениях ананкастов, следует, очевидно, искать в самих писателях. Вероятно, они в самих себе не находят подобных особенностей, а потому и не могут убедительно их изобразить. Мы уже видели, что педантичность не способствует развитию воображения; человеку, который по структуре личности оказывается педантом, видимо, нелегко стать продуктивным писателем.

С другой стороны, тщательное изображение подробностей указывает именно на ананкастические черты писателя; в качестве примера можно привести хотя бы

Томаса Манна. Его роман «Будденброки» и другие произведения буквально пестрят деталями. Особенно бросаются в глаза детали в рассказе «Хозяин и собака». Однако на самом деле такая особенность творческой манеры писателя ни о чем подобном не свидетельствует, она лишь показывает, что писатель испытывает радость, описывая подмеченное его воображением своеобразие окружающих предметов, и что он стремится описать их как можно более образно и пластично, так как их видит его внутренний взор. Литературный успех Томаса Манна можно считать бесспорным, и это объясняется тем, что вещи, написанные в такой манере, очень живо воспринимаются: конкретное воздействует на чувства человека сильнее, чем абстрактное.

Передачу писателем подробностей можно было бы связать с его ананкастическими чертами лишь в том случае, если писатель в силу гложущего его внутреннего беспокойства не в силах их опустить, если ему приходится выдерживать внутреннюю борьбу по поводу того, упомянуть данные детали или нет, и если он в конечном итоге чувствует себя вынужденным — против своей воли — включить их в повествование. Между тем, анализируемые скрупулезные описания не дают никаких оснований для таких предположений, так как писатели явно находят удовольствие в их приведении. Томас Манн отличается тончайшей наблюдательностью и если он проявляет ее в картинно-подробных описаниях природы и быта, то в этом нет абсолютно ничего навязчивого.

Дагоберт Мюллер полагает, что Чехов в своем рассказе «Смерть чиновника» описывает человека, страдающего неврозом навязчивых состояний. Судебный исполнитель Червяков чихнул в театре, обрызгав при этом лысину сидевшего перед ним высокопоставленного лица, генерала. Он многократно пытается извиниться перед генералом, сначала тут же, в театре, затем в приемной генерала. Однако Червяков нисколько не сомневается в том, что его поведение оправданно и обоснованно, в то время как невротики с навязчивыми состояниями неизменно мучаются такими сомнениями, ведущими к характерной внутренней борьбе.

Ананкастов обычно характеризует такая особенность личности, как робость. Важную роль играет, наряду с робостью, тревожность, боязливость. Какое из этих качеств важнее для характеристики личности ананкаста, сказать трудно. В рассказе Готхельфа «Госпожа попадья» героиня очень робкая по натуре. В нее влюбляется викарий, который так же робок, как она сама. Она говорит о нем: «Мой муж был робок, а я еще больше». Первым поцелуем влюбленные обменялись в день свадьбы. Жену викария постоянно мучают угрызения совести из-за того, что у нее нет детей, хотя она в этом не виновата. После смерти мужа она боится громадного города Берна, а больше всего — управляющего сиротским домом, человека грубоватого, но разумного, которого назначили ее опекуном. Когда он захотел навестить ее во время болезни, она была настолько напугана, что притворилась спящей. Позже она очень сожалеет об этой «игре», и угрызения совести начинают мучить ее снова.

Несомненно, что вдова викария с этими постоянными, кстати совершенно необоснованными, угрызениями совести вырисовывается как ананкастическая личность, однако дальнейшие признаки ананкастичности у этой женщины отсутствуют, в ее жизни не происходит ничего, что могло бы поддержать данную версию. В общем же Готхельф рисует ее скорее тревожной, боязливой,

чем ананкастической.

Чиновника Акакия Акакиевича, героя рассказа «Шинель», мы вначале склонны считать не только педантической личностью, но даже тяжелым ананкастом. Гоголь говорит о нем (с. 502):

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности.

Работа его заключалась в переписывании бумаг. Часто он брал их переписывать и на дом (с. 503):

Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом.

Акакий Акакиевич настолько тяжел на подъем, что не может приспособиться ни к какой другой работе (с. 502):

Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписывание; именно из готового уже дела было велено ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул, да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и, наконец, сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь».

Поскольку Акакий Акакиевич не был дебилен, а порученная ему на пробу работа отнюдь не требовала каких-то исключительных способностей, то препятствием для переключения на новую работу могли служить только его сомнение и боязнь: в состоянии ли он с нею справиться?

Кроме долга для Акакия Акакиевича не существует ничего — ни удовольствий, ни развлечений (с. 504):

Даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере.

Как и следовало ожидать от ананкаста, ему было очень неловко сознавать, что он со своей новой шинелью очутился в центре внимания (с. 513—514):

Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно спрыснуть новую шинель, и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться.

Ему все же приходится отправиться на вечеринку. Стоя в прихожей, окруженный сотрудниками, он снова приходит в замешательство (с. 516):

Акакий Акакиевич, хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель.

Читатель склонен считать, что робость Акакия Акакиевича ананкастического происхождения: ведь тот никогда не знает даже, какого рода поведение окажется уместным в том или ином случае. Ему несомненно присуща и тревожность, боязливость. Когда он обратился к одному высокопоставленному лицу с просьбой посодействовать в нахождении похищенной шинели и тот грубо ответил ему, герой рассказа совсем растерялся от смущения и страха и чуть не упал в обморок (с. 522):

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять; если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения.

Полное физическое изнеможение и истощение на почве страха описывается в медицинской литературе, оно возможно, пусть даже описание Гоголя не лишено некоторого преувеличения. Вечно встревоженной, боязливой натурой Акакия Акакиевича можно объяснить также и то, что он неизменно являлся «мишенью» для сотрудников (с. 501):

Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные на него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук он не сделал ни одной ошибки в письме.

Если вдуматься, то все приведенные цитаты дают основания полагать, что Гоголь в образе своего робкого и исполненного сознания долга героя в самом деле нарисовал колоритного ананкаста. В действительности, однако, такое впечатление лишь внешнее. Цитируя, я опустил продолжение большинства приведенных фрагментов, а тут-то и говорится о причинах, объясняющих необыкновенное рабочее рвение Акакия Акакиевича. Причины эти раскрывают нам ситуацию с внутренней стороны, показывая, что являлось основой образа жизни и поступков Акакия Акакиевича. И когда мы узнаем истинное положение вещей, то убеждаемся, что в личности героя ананкастическое начало почти совсем не представлено. Продолжение первой же из вышеприведенных цитат, где говорится о том, что Акакий Акакиевич «жил в своей должности», звучит так (с. 502):

Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью. Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и посмеивался и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его.

Отсюда можно сделать вывод, что столь большое рвение вызывалось у Акакия Акакиевича ничем иным как радостью труда. Тем самым здесь уже не приходится говорить о старательности, скрупулезности ананкаста, у которого

решающим моментом является не радость труда, а страх перед возможными ошибками в работе.

Цитата, в которой идет речь о том, что Акакий Акакиевич работал для своего департамента и дома, продолжается следующими словами (с. 503):

… и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому важному лицу.

Следовательно, Акакий Акакиевич частенько занимался копированием бумаг просто так, без специальной цели, для собственного удовольствия. Будь он личностью педантической, то он и на требуемое по работе переписывание тратил бы непомерно много времени, так как постоянно проверял и перепроверял бы себя; а все ли сделано согласно правилам? Для чего же такому человеку брать на себя ненужный труд, который, в силу его особой структуры личности, был бы опять таки связан с постоянным трудоемким самоконтролем?

Подчеркнув, что Акакий Акакиевич не позволял себе никаких развлечений, Гоголь замечает далее (с. 504):

Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра.

Писатель старается как можно ярче выделить мысль, что переписывание было для его героя наслаждением, а не простым трудом, и уже тем более не было оно связано с навязчивой идеей. Наконец, против ананкастического толкования этого образа свидетельствует и то, что в быту Акакий Акакиевич менее всего был педантом (с. 502—503):

Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых Котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор.

Таким образом, Акакий Акакиевич характеризуется Гоголем попросту как человек неопрятный, нечистоплотный, а последнее, как мы знаем, ничего общего не имеет с ананкастическими чертами личности.

Большой интерес, на мой взгляд, представляет то, что Гоголь изображает человека, который внешне выполняет свою работу, как ананкаст, но внутренне никаких ананкастических черт не имеет. В этом я усматриваю подтверждение моей мысли, что писателям трудно изображать ананкастов, поскольку они в самих себе никогда не находят соответствующих черт личности. Я полагаю, что Гоголь исходил из фактических наблюдений над каким-то ананкастом, когда

рисовал внешний образ Акакия Акакиевича. Чрезвычайно пластично показан писателем человек робкий, неловкий, беспомощный, у которого вся жизнь сводится к переписыванию бумаг и ни на какие другие впечатления не остается времени. Однако в процессе описания к этой внешней характеристике добавились какие-то привходящие творческие мотивы, которые в психике писателя нашли более действенный, сильный отклик, чем ананкастические мотивы. В конце концов получился парадокс, так как эти вторичные мотивы вообще несовместимы со структурой личности ананкаста.

Сомнительным представляется также и то, страдает ли навязчивым неврозом главный герой повести «Путешествие войскового священника Шмельцле во Флец» Жана Поля. С уверенностью можно утверждать лишь одно: в этом произведении описывается громадное количество поступков, очень близко связанных с навязчивыми состояниями. Они с детства присущи войсковому священнику (с. 11):

Мое воображение уже в детстве часто вгоняло меня в страх. Так, например, когда в храме священник обращался к молча слушающим его верующим с проповедью, меня часто так и подмывала дикая мысль: «А что, если ты сейчас, так вот прямо, сидя в кресле среди прихожан, заорешь во весь голос: «Господин священник, и я тоже тут сижу!» и мысль превращалась в до того зримый жгучий образ, что мне приходилось с ужасом бежать из храма…

Что-то спрашивало внутри меня: можно ли представить себе нечто более дьявольское, чем если начнешь в момент принятия святых даров кощунственно и глумливо хохотать? И тотчас же я начал бороться с этим наваждением, вцепившимся в меня как адская собака; но как я собаку эту не унимал, как ни гнал ее от себя,— она не уходила, а я все больше терял силы; когда я дошел до алтаря и до скамеечки, то уже с точностью знал, что вот-вот расхохочусь, пусть даже внутри меня будет плач и скрежет зубовный.

Для священника навязчивые идеи религиозного содержания, конечно, весьма характерны, но ни психологическому, ни психиатрическому опыту не соответствует переход навязчивых опасений в конкретный поступок; а между тем именно это описывается Жаном Полем. Дело в том, что результат безумных опасений Щмельцле не замедлил сказаться, ибо он действительно стал смеяться в самый ответственный момент (с. 36):

И вот когда мы поклонились второй раз, я начал ухмыляться и корчить рожи как сущая обезьяна. Мой напарник, бургомистр прошептал мне на ухо, когда мы обходили алтарь: «Помилуй бог, я что-то не пойму, кто вы: лицо, принявшее духовный сан, или шут гороховый? В вас точно сатана вселился…» И он был совершенно прав.

Далее в рассказе следует множество поступков, в которых сказывается чрезмерная осторожность Шмельцле. Несомненно, здесь можно усматривать навязчивые действия, тем более если учесть поэтическое преувеличение. Так, войсковой священник всюду возит с собой гипсовые повязки на случай перелома руки или ноги, так как коляска по дороге может опрокинуться, и возможно повреждение конечностей. Когда его бреют, он держит руки наготове для нанесения удара на случай, если заметит подозрительное движение цирюльника. Он сам сконструировал зонтик-молниеотвод, который способен

отвести молнию, если ей вздумается в него ударить.

Степень боязливости и подозрительности войскового священника особенно ярко показана в описании первой ночи, которую он проводит в гостинице (с. 43):

Несмотря на большое количество выпитого вина, осмотрительность не оставила меня: перед тем как лечь спать я удостоверился, что под кроватью никого нет, далее я ввинтил свой ночной шуруп в дверь, а затем взгромоздил перед нею одно над другим несколько кресел; брюки и башмаки я, ложась, не снимал, чтобы в любой момент чувствовать себя наготове подняться. Но это еще не все, т. к. мне необходимо было предпринять некоторые предосторожности по части сомнамбулического хождения во сне. Мне уже издавна казалось непонятным, как это многие люди ложатся спать и засыпают совершенно не думая о том, что они могут оказаться сомнамбулами; в первые же минуты сна они могут взобраться на крутую крышу, а оттуда попасть в такое место, из которого выбраться можно только проломив череп. А что сказать о другом варианте опасности? Предположим, что человек с незапятнанной репутацией, войсковой священник, заснув в собственной постели, просыпается на шелковых простынях в спальне самой знатной дамы в городе, которая могла бы составить счастье его жизни. Может ли он пережить этот позор? Когда я ночую дома, я, впрочем, во сне гораздо меньше рискую. Я крепко перевязываю большой палец правой ноги шнуром в несколько аршин длины, который вторым концом прикреплен к правой кисти руки моей супруги; таким образом супруга представляет собой как бы живую уздечку, которая в нужный момент удержит меня, притянув за шнурок обратно к постели. Но в гостинице я был вынужден, к сожалению, ограничиться тем, что несколько раз для безопасности обмотал шнурок, закрепленный на пальце левой ноги, вокруг ножки кровати; однако это меня никак не могло спасти от возможного вторжения бандитов… А вообще должен сказать, что сон для всякого человека является чрезвычайно опасной штукой, т. к. любой рискует: ведь во сне у него может «уснуть» одна из конечностей, рука или нога. И в медицине известны случаи, когда такую конечность на следующее утро приходилось ампутировать. Я всегда велю, чтобы меня ночью почаще будили,— как бы что-нибудь у меня не «уснуло».

Невротики с навязчивыми представлениями способны испытывать своеобразные страхи, но все же не в такой мере, как это изображает Жан Поль. Вообще гротескная природа идей и поступков этих лиц часто более напоминает шизофреническое поведение, чем навязчивые представления. Даже учитывая неизменную долю поэтического преувеличения, мы все же приходим к выводу, что описываемые факты не связаны с навязчивостью. Шмельцле, как и чеховский чиновник, не видит, что объективно его поступки крайне нелепы. Порой у нас создается впечатление, что Шмельцле искренне убежден в большой ценности своего ума и своих выдумок. Мы не имеем оснований считать его опасения и странные меры предосторожности результатом внутренней борьбы нормы с навязчивой идеей; куда скорее мы склонны увидеть в них поступки человека, начиненного опасениями и до гротескности трусливого. Только при такой трактовке образа войскового священника его можно считать шутником и заправским остряком. Если бы он на самом деле был подвержен страхам, овладевающим ананкастом в те моменты, когда он борется с навязчивой идеей, то все изображаемое писателем оказалось бы

совсем не смешным.

И опять мы приходим к мысли, что и Жан Поль здесь представил бесспорно гиперболизированный образ ананкаста, но представил чисто внешне; внутренне же у его героя ничего общего с ананкастами нет.

В одном из образов художественной литературы я все же усматриваю поступки ананкаста, хотя психологически они, возможно, не совсем типичны. Речь идет о рассказе «Вечерний разговор в Венсене» Альфреда де Виньи. Характерно здесь самое название первой главы: «Солдат редчайшей добросовестности».

О человеке, к которому отнесены эти слова, мы читаем:

Рядом с нами, неподалеку от деревянных ворот крепости, мы увидели старого вахмистра, лицо которого выражало беспокойство и озабоченность; он то отпирал, то запирал дверь небольшой башни, которая служила пороховым складом и арсеналом для крепостной артиллерии и была наполнена пороховыми бочками, оружием и снаряженными боеприпасами.

Озабоченность, описываемая де Виньи, носит явно ананкастический характер:

В руках он держал три длинных списка и внимательно изучая ряды обозначенных на них цифр; мы спросили его, почему он столь поздно еще на месте работы. Он ответил почтительно и спокойно, как подобает старому солдату, что на следующий день, в 5 часов утра, предстоит генеральный осмотр крепости, а он отвечает за запасы пороха, поэтому он и проверяет эти запасы вот уже, вероятно, в 20-й раз, чтобы не получить замечания за халатность. Правда, он хотел использовать для этого хоть скудные остатки дневного света, в связи со строгими предписаниями, запрещающими вход в башню не только с факелом, но даже с потайным фонарем; к несчастью, у него не хватило времени, чтобы охватить проверкой все объекты, еще несколько снарядов остались недосмотренными; хорошо бы, если бы он имел возможность проникнуть в башню после наступления темноты! С некоторым нетерпением он поглядел в сторону гренадера, который стоял на карауле у дверей башни; вон он-то и воспрепятствует замышляемой дополнительной сверке! Сообщив нам все это, вахмистр опустился на колени посмотреть, не забились ли под двери остатки пороха. Он боялся, что порох взорвется при соприкосновении со шпорами или металлическими набойками на сапогах офицеров. «Впрочем, не это меня больше всего беспокоит,— произнес он, вставая,— а мои списки». И он с тревогой скользнул по ним взглядом.

В этих словах превосходно показаны болезненные сомнения ананкаста, который никогда ни в чем не уверен, постоянно проверяет и перепроверяет свои действия и все же никогда не может окончательно успокоиться. Его тревожат опасности, которые объективно вообще не существуют. Вахмистр скорее всего сам знает, что мысль о взрыве остатков пороха под дверью нелепа; но все же он опускается на колени и проверяет. Очевидно, что это сверхдобросовестный по природе человек совершенно выбит из колеи предстоящим генеральным осмотром. Страх, что при осмотре вскроется какая-либо его ошибка, превращается в мучительную навязчивую идею.

Трагизм рассказа заключается в том, что вахмистр именно своими

чрезмерными предосторожностями вызывает катастрофу, которая стоит ему жизни. Навязчивое представление, что он не все еще проверил, не дает ему покоя:

Вы ведь видели, господин лейтенант, что я, как солдат, большое значение придаю добросовестному выполнению долга. Я бы верно умер со стыда, если бы завтра при осмотре обнаружили недостачу хоть одной картуши. И представьте, мне кажется, что во время последних упражнений по стрельбе у меня стащили бочку пороху для пехоты. Меня так и подмывает пойти посмотреть, и я сделал бы это, если бы вход в помещение с источником света в руках не был запрещен.

Запрета входить со светом в пороховую башню добросовестный служака нарушить не может. Но соображения, толкающие его на иной путь, сильнее, так как они уже превратились из-за непрерывно гложущих его сомнений в навязчивую мысль. Через два часа после того, как прозвучали слова вахмистра, пороховой склад с грохотом взлетает на воздух:

По-видимому, несчастный все же не мог воспротивиться неодолимой потребности еще раз посмотреть на свои пороховые бочки и посчитать свои гранаты. И вот что-то, подковка, камешек, просто неосторожное движение — в один миг все воспламенило.

Объективно отнюдь не исключено, что человек из-за навязчивого представления совершает нечто такое, что может повлечь за собой большую опасность. Возможно, вахмистр и убедился перед смертью, что все пороховые бочки находятся в целости и сохранности, но заплатил за это дорогой ценой.

Итак, поведение ананкаста описано здесь весьма убедительно, что же касается личности ананкаста, то ее де Виньи фактически не показал. Между описаниями навязчивых невротических действий в начале и в конце повести представлена вся биография вахмистра. Это история честного служаки, полного сознания долга, но никогда в прошлом не выявлявшего склонностей типичного ананкаста, поэтому нет оснований считать его педантической личностью. Вероятно де Виньи отнюдь и не ставил перед собой цель изобразить акцентуированную личность. Его творческий замысел заключался в том, чтобы показать тип солдата, для которого исполнение армейского долга является важнейшим жизненным принципом.

Навязчивые раздумья героя изображает Толстой в романе «Воскресение». В описании пребывания Нехлюдова в Панове есть такие строки (с. 234):

— Да, да,— думал он.— Дело, которое делается нашей жизнью, все дело, весь смысл этого дела непонятен и не может быть понятен мне: зачем были тетушки, зачем Николенька Иртенев умер? — а я живу? Зачем была Катюша? И мое сумасшествие? Зачем эта война? И вся моя последующая беспутная жизнь? Все это понять, понять все дело Хозяина не в моей власти. Но делать его волю, написанную в моей совести,— это в моей власти, и это я знаю несомненно. И когда делаю, несомненно спокоен.

И в других местах романа мы сталкиваемся с ананкастической самооценкой Нехлюдова, он часто обвиняет себя в неполноценности, подлости, низости,

гнусности, называя себя негодяем и беспринципным человеком. Бывает, что ананкасты, объективно оказавшиеся повинными в тяжелом стечении обстоятельств, доходят, обвиняя себя, до самобичевания. Но как личность и Нехлюдов не ананкаст. После того, как он прошел «стадию очищения» (так она воспринимается Толстым), он идет к своей цели без особых сомнений и раздумий. Фанатизм, с которым Нехлюдов поедается идее покаяния, скорее напоминает параноическое состояние; но опять-таки следует заметить, что идеи, развивающиеся у паранойяльных личностей, абсолютно лишены альтруистического характера.

Можно также привести пример «Мнимого больного» Мольера, ибо среди ипохондриков, к которым относится и герой Мольера, встречается много педантических личностей. Они полны тревоги и опасений по поводу многих событий окружающей жизни. Опасения могут относиться и к их собственному здоровью, даже если причин предполагать у себя наличие заболевания у них нет. Существенно, что в своей комедии Мольер показывает одни только ипохондрические черты, т. е. изображает человека, живущего исключительно заботой с своем здоровье. Отношение его к остальным жизненным событиям и ситуациям остается вне поля зрения читателя. Заметим, что ипохондрическое развитие может проявиться не только у педантических личностей, особенно когда какие-нибудь нелепые мероприятия, предписанные врачами, как это имеет место у Мольера, постоянно сосредоточивают внимание человека на собственном здоровье.

Застревающие личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЗАСТРЕВАЮЩИЕ ЛИЧНОСТИ

Казалось бы, обнаружить паранойяльные личности в художественной литературе совсем нетрудно. Достаточно назвать хотя бы повесть «Михаэль Кольхаас» Генрика фон Клейста. И все же здесь скорее изображено параноическое развитие, чем конституционально-паранойяльная личность. О чертах, от природы присущих Кольхаасу, в повести сказано лишь несколько вводных слов (с. 439):

Необыкновенный этот человек до тридцатого года своей жизни по праву слыл образцом достойного гражданина. Близ деревни, и поныне носящей его имя, у него была мыза и, живя на ней, он кормился своим промыслом. Детей, которых ему подарила жена, он растил в страхе божьем для трудолюбивой и честной жизни. Среди соседей не было ни одного, кто бы не испытал на себе его благодетельной справедливости. Короче, люди бы благословляли его память, если бы он не перегнул палку в одной из своих добродетелей, ибо чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу.

Конечно, не приходится отрицать, что Кольхаас в ходе борьбы боролся не только за свои права, но добивался справедливости и для других людей. Однако присущее ему чувство справедливости нельзя назвать зародышем патологического развития. В борьбе с реальным или воображаемым врагом у Кольхааса раздуваются несомненно эгоистические чувства, он стремится восторжествовать над противником, во что бы то ни стало отомстить

обидчику. Параноики вообще борются за объективную справедливость лишь во вторую очередь, что относится и к Михаэлю Кольхаасу, ибо он действует, побуждаемый больше соображениями мести, чем справедливости. Смерть жены после издевательств, которым она была подвергнута, оказалась решающим толчком к действию. Автор прямо называет вещи своими именами, расценивая поведение Кольхааса именно как месть (с. 458):

Когда могила была засыпана землей и увенчана крестом, когда разошлись гости, съехавшиеся на похороны, он еще раз упал на колени перед ее навеки опустелым ложем и затем приступил к делу возмездия.

И действительно, все, что за этим следует, было в подлинном смысле слова местью, а не борьбой за объективную справедливость (с. 459):

Кольхаас у самых дверей преградил путь попавшемуся ему навстречу юнкеру Гансу фон Тройка, швырнул его в угол, так что мозг брызнул на каменный пол, и спросил, в то время как конюхи расправлялись с другими рыцарями, схватившимися было за оружие, где юнкер Венцель фон Тронка. Обеспамятевшие люди ничего не могли ему ответить; тогда он ударом ноги распахнул двери покоев, ведущих в боковые пристройки замка, обежал все обширное строение, но никого не нашел и, изрыгая проклятия, стремглав бросился во двор, чтобы поставить стражу у всех выходов. Меж тем огонь с дворовых строений перекинулся на замок, дым валил из окон, вздымаясь к небу, и в то время как Штерибальд с тремя растерянными конюхами хватали, что пи попадя и бросали прямо под ноги своим лошадям, Херзе из окон канцелярии с ликующим хохотом выбрасывал трупы управителя, кастеляна, их чад и домочадцев.

Все описанное здесь — следствие ненависти, тем более что смертельные удары поражают людей, не имеющих прямого отношения к смерти жены Кольхааса; они виноваты только в плохом обращении с лошадьми Кольхааса; да и то не все, ведь Кольхаас убивает даже маленьких детей! Итак, едва ли было бы правильным превозносить до небес чувство справедливости, якобы столь мощно представленное в Кольхаасе. Однако описание его паранойи отнюдь не смазывается, напротив, оно приобретает большую психологическую четкость, ибо параноическое развитие часто возникает на почве личной уязвленности и сопровождается склонностью к вражде и ненависти. Если же говорить о герое художественного произведения, обладающем истинным чувством справедливости и не являющимся параноиком, то таковым, на наш взгляд, является Карл Моор из драмы Шиллера «Разбойники».

Правдолюбие как эмоциональное проявление альтруистического типа никак не может сопровождать параноическое развитие. Поэтому «мизантроп», так остроумно изображаемый Мольером в одноименной комедии, содержит в себе внутреннее противоречие. Во всех своих поступках он фанатичен, как могут быть одни лишь параноики, но он борется за альтруистические цели, чего параноики не делают никогда. В первой же сцене драмы Альцест порывает отношения с близким другом из-за чрезмерной «воспитанности» (т. е. неискренности) последнего (с. 62—63):

Ф и л и нт:

Но если кто-нибудь нас встретит так сердечно — Мы тем же заплатить должны ему, конечно, Его радушию, по мере сил, в ответ За ласку — ласку дать и за привет — привет.

Альцест:

Нет, я не выношу презренной той методы,

Которой держатся рабы толпы и моды.

И ненавижу я кривлянья болтунов,

Шутов напыщенных, что не жалеют слов,

Объятий суетных, и пошлостей любезных,

И всяких громких фраз, приятно-бесполезных.

Друг друга превзойти в учтивости спешат;

Где честный человек, не разберу, где фат.

Какая ж польза в том, когда вам «друг сердечный»

Клянется в верности, в любви и в дружбе вечной,

Расхваливает вас, а сам бежит потом,

И так же носится со всяким наглецом,

На торжище несет любовь и уваженье…

Для благородных душ есть в этом униженье!

И даже гордецам — какая ж это честь —•

Со всей вселенною делить по-братски лесть?

Лишь предпочтение в нас чувства усугубит;

И тот, кто любит всех, тот никого не любит.

Но раз вам по душе пороки наших дней,

Вы, черт меня возьми, не из моих людей.

Правдолюбие для Альцеста становится важнейшим жизненным принципом. Наблюдая, как он на протяжении всего действия пьесы ожесточенно придерживается этого принципа, мы склонны назвать Альцеста фанатиком

правды. Однако правдолюбие основано на чувстве общественного долга человека, в силу чего оно и стимулируется ананкастическим, а не параноическим развитием. Мы нередко сталкиваемся у ананкастических личностей с тем, что они большие правдолюбы, но эта черта объясняется их опасением совершить ошибку, основанную на лжи, а отнюдь не их агрессивным требованием правдивости, которое мы наблюдаем у Альцеста. Фанатики всегда являются параноиками, они никогда не бывают ананкастами, в силу чего правдолюбие не встречается во взаимосвязи с фанатизмом.

Зато фанатизм отлично сочетается с тяжелой ревностью Альцеста, на почве которой развивается ненависть-любовь — страстная привязанность и одновременно ожесточенная ненависть к Селимене. Селимена восклицает в ответ Альцесту (с. 81—82):

Альцест:

Непостижима страсть безумная моя!

Никто, сударыня, так не любил, как я. Селимена:

Никто. Вы новую изобрели методу

Сердиться и кричать любви своей в угоду.

Упреки, ссоры, брань — вот пылкий ваш экстаз.

Подобную любовь я вижу в первый раз.

В этом плане мы обнаруживаем у Альцеста типичное параноическое развитие.

Еще более тщательно это развитие выписано у Г. фон Клейста в его «Михаэле Кольхаасе». В первую очередь мы узнаем подробно о деталях; они, конечно, способны вызвать гнев, возмущение человека, но не более. Затем нам показывают, как Кольхаас вновь и вновь, имея юридически веские основания, пытается добиться справедливости, но его отовсюду прогоняют, все время осмеивают. Это именно тот путь, который ведет к параноическим аффектам. Постоянные колебания, те самые «раскачивания маятника» между надеждой, желанием добиться цели и горьким разочарованием способствуют непрерывному взвинчиванию чувств. Может ли такая эскалация произойти у личности по натуре неприметной, каковой являлся Кольхаас, и к тому же достичь таких масштабов? С точки зрения психиатрии мы должны ответить на данный вопрос отрицательно, между тем у Клейста мы нигде на находим подтверждений того, что Михаэль Кольхаас был личностью паранойяльной.

Приблизительно то же можно сказать о шекспировском Отелло с его ревностью. Человек, в котором столь ярко представлено параноическое начало, как в Отелло, должен уже от природы быть чувствительным и подозрительным. Но лишь после того как Отелло убил Дездемону, из самых последних слов его в трагедии мы узнаем, что он «любил без меры и благоразумья, был не легко ревнив, но в буре чувств впал в бешенство». Такие слова наводят даже на мысль о том, что перед нами скорее возбудимая

(эпилептоидная), чем застревающая личность. Впрочем, следует упомянуть, что у Отелло ситуативные предпосылки, т. е. внешние — обстоятельства безусловно способствовали именно параноическому развитию. В этом отношении Шекспир дал не только в художественном, но и в психологическом аспекте блестящий анализ трагических событий. Рафинированной игрой Яго удается подвести Отелло к неустойчивому, шаткому состоянию, к постоянным колебаниям между надеждой и страхом, которые столь опасны при параноическом развитии,— и не только подвести, но и все время поддерживать его в этом состоянии. Сначала Яго только делает намеки, отказывается сказать больше и тем самым вызывает напряжение. Когда Отелло все ближе к тому, чтобы воспылать бешеной ревностью, высказывания Яго могут уже сделаться более определенными, так как он не боится больше встретить резкий отпор. Тонко сообразуя свою тактику с состоянием Отелло, который постепенно созревает для веры в любую ложь, Яго начинает раздувать свои коварные обвинения. А когда Отелло уже окончательно сражен ревностью, то клеветник может пустить в ход тяжелые орудия, т. е. расписать Отелло в подробностях картину интимного сближения Дездемоны и Кассио.

Первый разговор Яго с Отелло начинается так (с. 297—300):

Яго:

Скажите, генерал, знал Кассио о вашем увлеченье

До вашей свадьбы? Отелло:

Знал. Конечно, знал.

А что такое? Яго:

Так. Соображенья.

Хочу сличить их, вот и все.

Отелло:

Во имя неба, говори ясней! Яго:

Хотя б вы сердце мне руками сжали,

Не буду, не могу и не хочу. Отелло:

Так вот как! Яго:

Ревности остерегайтесь,

Зеленоглазой ведьмы, генерал,

Которая смеется над добычей.

Яго:

А главное, не надо углубляться

В вопросы эти дальше, генерал.

Все предоставьте времени. Взысканья

Я с Кассио пока бы не снимал.

Он превосходный офицер, конечно,!

Но я его держал бы в стороне,

Чтоб наблюдать за ним на расстоянье.

Следите, как проявит госпожа

Свое участье в судьбах лейтенанта.

А в заключенье должен повторить:

Я по натуре склонен к ложным страхам.

Наверно, я хватаю через край.

Не думайте о Дездемоне плохо.

Когда ревность Отелло достигает апогея в силу наговоров и козней предателя Яго, происходит диалог (с. 318):

Отелло:

Он вслух о ней болтал? Яго:

Болтал. Отелло:

Что? Что? Яго:

То, от чего всегда он отречется. Отедл о:

Но все-таки. Яго:

Он говорил…

От ел л о:

Итак? Яго:

Что он лежал… О т ел л о:

С кем? С ней? Яго:

Да… Нет. Увольте.

Вероятно, во всей художественной литературе не найдется другого произведения, где с таким мастерством было бы описано течение параноического развития, как у Шекспира в трагедии «Отелло». Яго удается держать Отелло все время в неуверенности, «дозировать» клевету таким образом, что Отелло постоянно колеблется между жестоким подозрением и доверием к Дездемоне. Если бы Яго начал сразу с грубой клеветы, Отелло тут же с возмущением отверг бы наговоры, он ничему бы не поверил. Но Яго шаг за шагом провоцирует все более глубокие аффекты Отелло, пока, наконец, тот не начинает принимать за чистую монету самую вульгарную ложь, что наблюдается у бредовых больных. Между тем, пока дело не дошло до данной стадии, Отелло терзают неописуемые мучения, и вызваны они ничем иным как перманентной неуверенностью (с. 304):

Отелло:

Как! Изменить мне! Яго:

Довольно, генерал.

Оставьте эти мысли. Отелло:

Сгинь! Исчезни!

Ты жизнь мою в застенок обратил.

Пускай меня и больше б обманули,

Да я б не знал…

Вполне возможно, что в личности Отелло не столь уж ярко представлены параноические тенденции сами по себе: нельзя не учитывать того, с каким изощренным коварством его толкали на путь параноического развития. Кроме того, он был мавром, и его терзали опасения, может ли быть прочной любовь к мавру у такой тонкой нежной девушки, как Дездемона.

Подобную трагедию переживает султан Оросман в пьесе «Заира» Вольтера. Подозрения о неверности Заиры все более сгущаются, но султан не дает им бесповоротно овладеть собой,— вновь и вновь любовь и доверие побеждают сомнения. Это приводит к переменной игре эмоций. Оросман ведет отчаянную борьбу с собой. Лишь когда появляется последнее, «истинное» (так он думает) доказательство, Оросман сломлен и решает отомстить изменнице.

Поскольку при ревности, как мы уже знаем, эмоции возрастают на обоих полюсах, а в конечном итоге порождают ненависть-любовь, то и Отелло, и Оросман убивают женщин, которых безумно любят. Отелло целует спящую Дездемону, прежде чем умертвить ее, и жаждет целовать ее еще и еще (с.

347):

Отелло:

О, чистота дыханья! Пред тобою

Готово правосудье онеметь.

Еще, еще раз. Будь такой по смерти.

Я задушу тебя — и от любви

Сойду с ума. Последний раз, последний.

Так мы не целовались никогда.

Я плачу и казню, совсем как небо,

Которое карает, возлюбив.

А смерти Заиры предшествует следующая сцена:

Оросман:

О, ты не знаешь, как пылко я ее любил.

Взгляд ее способен был решить мою судьбу.

Без нее нет и не может быть мне счастья на вемле.

Но и страдать могу я лишь нз-за Заиры.

Скажи же, Корасмин, тебе не жаль меня? Корасмин:

Как, султан, ты плачешь?.. Ты? Оросман:

Так знай же: эти слезы — первые,

Что увлажнили очи мне

На протяжении всей жизни.

О, мой позор! И все ж его страшнее

Слезы эти: за ними будет кровь,

За ними будет смерть… Корасмин:

Душа моя страдает за тебя.,. Оросман:

Не за меня страдай, а за терзанья,

И за любовь! Страдай за месть!.. Ты слышишь?

Если оба, Отелло и Оросман, накладывают на себя руки, то это происходит не только от страшного сознания, что их жертвой стала ни в чем не повинная женщина, но и потому, что без возлюбленной они не хотят жить дальше.

Параноическое развитие мы встречаем уже в античной литературе, в частности, у Электры, героини одноименной трагедии Софокла. Ее боль по поводу смерти отца, несмотря на многие прошедшие с той поры годы, еще свежа, но куда больше ее ненависть к убийцам — матери с ее теперешним мужем. За все эти годы ненависть не смягчилась, напротив, она возросла. Ведь Электра вынуждена была остаться в доме убийц, где ее всячески унижают. Она сама рассказывает брату, Оресту, что с ней обращались как с рабыней, заставляли голодать, избивали. Но можно ли здесь говорить о «маятниковом движении», столь характерном для параноического развития? Да, несомненно, было и оно: Электра защищалась как могла, осыпала мать бранью, грозила, что вот явится законный мститель, сын Орест. Такая сцена обвинения происходит даже перед самым возвращением Ореста. Электра восклицает, что у матери — интимная связь с ее сообщником, в союзе с которым она сгубила отца; что зря она себя называет матерью. Рабовладелица, вот как называет ее Электра,— стоит лишь посмотреть в каких условиях живет ее падчерица, чтобы это всякому стало ясно.

Глубина ненависти, охватившей Электру, свидетельствует о том, что параноическое развитие достигло вершины. После первого удара, нанесенного Орестом матери, Электра кричит ему, чтобы он ударил еще раз, ударил со всею силой. А перед тем, как он убивает Эгиста, сестра требует, чтобы брат не давал ему произнести ни слова, чтобы поскорее, немедленно убил, а тело убитого бросил на съедение шакалам. Параноическое развитие, доходящее до ненависти подобных масштабов, возможно только у параноической личности; впрочем в трагедии Софокла нет прямых данных, чтобы утверждать это. У Эсхила в его «Орестейе» печаль и угнетение Электры сильнее, чем ненависть. Поэтому нет оснований говорить о параноическом развитии у героини Эсхила.

Еще более резко отличается Электра у Еврипида. Диалог между Электрой и Орестом напоминает здесь разговор на бытовые темы, особая глубина чувств Еврипидом также не изображается. На весьма прозаически сформулированный Орестом, только что убившим Эгиста, вопрос: «А с матерью что будем делать? Убьем тоже, что ли?» Электра отвечает утвердительно, рассуждая при этом трезво, деловито: «А чем это тебе, собственно, может повредить? Ведь ты мстишь за отца!»

Чувство ненависти у Медеи в одноименной драме Еврипида еще более глубокое, чем у Электры Софокла. Однако здесь ненависть является не признаком параноического развития, а непосредственным следствием оскорбления, нанесенного Медее Язоном, отвергшим ее. Глубина вырисовывающейся здесь эмоциональной реакции, несмотря на отсутствие параноического развития, тем более заставляет подумать, что перед нами — параноическая личность. Эту мысль подтверждает и сам Еврипид, вкладывая

в уста няни следующие слова, характеризующие Медею: «У нее жесткий нрав, а несправедливости она не выносит».

У Грильпарцера Медее до совершения преступления пришлось перенести еще больше страданий; ее поступки называют варварскими, ее обвиняют в убийстве отца и брата, она подвергается всеобщему презрению. Оценка ее всеми окружающими сконцентрирована в словах, которыми Креза приветствует мужа Медеи: «Бедняжка, они связали тебя супружескими узами с омерзительной женщиной, отравительницей, отцеубийцей». Но даже у Грильпарцера описана не картина параноического развития, а лишь сумма страданий Медеи. Язон уже довольно давно ненавидит жену, а под конец никак своей ненависти не контролирует; Медея не имеет возможности постепенно смириться со своей горестной судьбой, т. к. на нее всякий раз обрушивается новое горе. Она убила своих детей, была изгнана из своей страны и нигде на земле не смогла бы найти пристанища, ибо по всей Греции ее ненавидели. Ситуация у Грильпарцера нам представляется более ясной, чем у Еврипида. У Еврипида Медее также предстоит изгнание, но она знает, где ей обеспечен приют, знает, что выехать туда можно и одной, и вместе с детьми.

Чтобы ее преступление предстало перед нами психологически более убедительным, нам следует допустить, наряду с параноическими чертами, также и эпилептоидные,— к этой комбинации мы еще вернемся. Указание на это имеется и в самой трагедии. Медея Еврипида вообще склонна к безудержным вспышкам аффектов. Так, думая о своих детях, она восклицает: «Проклятое отродье, рожденные ненавидящей матерью! Издохните же вместе со своим отцом, пусть погибнет мерзкий род навеки».

Анализируя ненависть Кримгильды к Хагену и к братьям («Песнь о Нибелунгах»), мы также не склонны усматривать здесь моментов параноического развития. По крайней мере автор об этом ничего не говорит. Геббель (в своем послесловии к этому эпосу) также ничего не упоминает о том, почему ненависть в Кримгильде жила, притаившись, столько лет. По натуре же Кримгильда едва ли может быть отнесена к параноикам или к застревающим личностям.

Ярким примером параноических черт личности в художественной литературе может служить Раскольников Достоевского. Но поскольку к этим чертам присоединяются моменты интровертированности, то о нем речь пойдет позже.

В романе «Преступление и наказание» находим и вторую параноическую личность. Жена Мармеладова представлена нам вначале женщиной, сломленной голодом и болезнью, к тому же ожесточенной, вспыльчивой и черствой из-за пьяницы-мужа. Но дальше мы убеждаемся в том, что перед нами в общем довольно своеобразная личность. Мармеладова на каждом шагу упоминает о своем дворянском происхождении и о титулах и званиях своего отца. Под рукой у нее всегда некое свидетельство, выданное ей за особые заслуги, и в котором, кстати, указаны должность и звание отца. Она высокомерно, в оскорбительном тоне, говорит со своей квартирной хозяйкой, бранит ее, постоянно указывая на ее низкое происхождение. Видимо, из-за присущего ей от рождения высокомерия она особенно тяжело переносит

бедность, нужду. В этом плане понятно и ее поведение у бывшего начальника мужа, к которому она нагло врывается и начинает его беспардонно ругать, а под конец швыряет в него чернильницей, хотя она должна знать, что не начальник виноват в плачевной судьбе семьи, а ее муж-алкоголик. Проявлением душевного заболевания следует считать и эпизод, когда госпожа Мармеладова гонит своих малолетних детей на улицу, заставляя их петь и танцевать. Этим она хочет как бы продемонстрировать перед всеми, как безжалостны к ней и ее семье окружающие, опять забывая, что главный виновник — ее муж, беспробудный пьяница. Такое «сужение горизонта» — в данном случае, сведение всего к издевательствам над «ни в чем неповинной семьей»,— приводит, наряду с тяжелым стечением обстоятельств, к реакциям параноической личности.

Следует добавить, что голод и болезни и у Мармеладовой, и у Раскольникова не только вызывают ожесточение, но оказываются и чисто физически болезнетворным фактором, а это в свою очередь отражается на психике. У обоих мы наблюдаем особую раздражительность, которую нет оснований связывать с параноическими проявлениями. У Раскольникова к тому же развился психоз экзогенного характера. В романе описана сцена нападения нескольких человек на его хозяйку. Он слышит все необыкновенно четко (хотя сам и не присутствует), как это бывает обычно при экзогенных психозах, протекающих с делирием или галлюцинозом. Между тем, это был и не сон, так как позднее Раскольников спрашивает горничную, почему били хозяйку. Весь этот эпизод связан с внезапным изменением настроения Раскольникова. Он вдруг делается неимоверно раздражительным, речь его становится импульсивной и агрессивной. Мы полагаем, что причиной было именно физическое болезненное состояние.

Параноической личностью следует, по-видимому, считать, учитывая его неимоверную подозрительность, и Митридата из одноименной драмы Расина. Митридат чрезмерно ревнив и по этой причине жесток в обращении с женщинами. Его сын говорит о нем:

Сердце у отца жестокое; уже не одну женщину он предал суду за то, что его ревность не допускала вблизи нее никакого другого мужчины…

Не хочется и говорить о том, сколько горя наделала бешеная ревность отца.

Благодаря изощренной подозрительности Митридат вскоре разгадывает, что один из сыновей намеревается предать его римлянам, другой же любит девушку, с которой он сам собирается вступить в брак. О подозрительности свидетельствуют следующие слова:

Я вечно жил под страхом предательства, поэтому я изучал яды и тратил бесконечные часы на поиски противоядия от самого страшного яда.

Чрезмерная осторожность приводит к тому, что тот яд, которым Митридат сам хотел отравиться, не оказывает действия.

Как пишет Расин в предисловии к драме, он опирался на исторически достоверные материалы. Согласно историко-биографическим данным, Митридат, очевидно, был личностью параноической. Упорство, с которым он

на протяжении 40 лет вел борьбу с римлянами, можно объяснить в какой-то мере структурой его личности.

Итак, мы могли убедиться в том, что писатели редко представляют нам параноическую личность в чистом виде, без параноического развития. Впрочем, это легко объяснимо: ведь поведение персонажей при постоянном раскачивании аффектов придает действию большое напряжение, делает произведение особо впечатляющим. Заметим, однако, что о параноическом развитии у Митридата все же трудно высказаться категорически.

Можно назвать один образ художественной литературы, где параноическое развитие следует полностью исключить. Структура типичной застревающей личности выявлена здесь с особой яркостью.

Образ алькальда (судьи) из «Саламеи» у Кальдерона воплощает в себе чистое однозначное застревание личности. В одноименной драме Лопе де Вега, послужившей Кальдерону образцом, герой в общем сходен с кальдероновским, но обрисован куда менее ярко. У Кальдерона же Кресло, будущий алькальд, представляется в самом начале весьма многозначительными словами. Капитан дон Альваро, узнав, что он будет расквартирован у Креспо, заявляет:

Я получаю квартиру в доме крестьянина, который является самым большим богачом во всей этой местности. Но мне говорили, что не существует на свете человека более сурового и гордого, по высокомерному тону не уступающему наследному принцу Леонскому.

Весьма характерна одна сцена, в которой Креспо, пока еще не алькальд, а простой крестьянин, дискутирует с генералом доном Лопе. Креспо садится на стул только после настойчивого приглашения генерала.

Дон Лопе: Однако, не далее как вчера вы уселись сразу, не ожидая приглашения.

Креспо: Я это сделал именно потому, что вы не пригласили меня. Нынче же я просто сам не хочу, хотя вы и пригласили сесть. Я вежлив тогда, когда со мной вежливы.

О большом чувстве собственного достоинства, присущем Креспо, свидетельствует следующая его реплика:

Креспо: Сударь, я всегда отвечаю в том тоне, в котором ко мне обращаются. Вчера вы говорили иначе; для меня нет сомнения в том, что все наши обоюдосторонние вопросы и ответы должны всегда гармонировать друг с другом.

Позднее Креспо с большим упорством (и, между прочим, небезуспешно) борется за то, чтобы тот, кто обесчестил его дочь, понес заслуженное наказание. Не объясняется ли это желанием хоть как-нибудь компенсировать позор, свалившийся на семью. Но содержание пьесы показывает, что такие планы у Креспо были еще до происшествия, т. е. когда плачевная перспектива лишь угрожала дочери. Креспо пока еще совершенно спокоен, говорит не в

состоянии аффекта, но в словах его чувствуется принципиальная позиция:

Дон Лопе: С вами стрясется беда? Из-за чего?

Креспо: Если я убью того, кто, пусть даже издали, угрожает моей чести…

Дон Лопе: Черт возьми! Вы не знаете, что ли, что дон Альваро капитан?

Креспо: Черт возьми, я это знаю. Но даже если б он был генералом и угрожал моей чести, то я бы убил его.

Дон Лопе: Да ты знаешь, ли, что если кто-нибудь дотронется хоть до кусочка ткани на мундире моего солдата, то я немедленно распоряжусь его повесить!

Креспо: А если кто-нибудь похитит хоть один атом моей чести, то — клянусь — я повешу его собственноручно.

Дон Лопе: Ты забыл, что, как крестьянин, ты обязан молча стерпеть причиненный урон?

Кресло: Урон, нанесенный состоянию; но не чести, клянусь всевышним! Мой король властен над моими деньгами и над жизнью, если он потребует их — мой долг молчать. Но он не властен над честью человека! Честь — собственность души, а господин души моей — бог.

Дон Лопе: Черт меня побери, вы, пожалуй, правы, патрон!

К рее по: Черт меня побери, я сам так думаю. Я вообще всегда бываю прав.

Странные слова произносит здесь Кресло; но эти странные слова вложены в уста типичной параноической личности, которая упрямо защищает свои права и честь, даже тогда, когда речь идет о жизни и смерти. При этом Креспо признает, что сословные различия требуют уступок в отношении обращения, вежливости, но он не уступит того, на что имеет право как личность.

Позднее, когда капитану удалось похитить и обесчестить девушку, происходит еще один разговор между доном Лопе и Кресло, сельским алькальдом, но гораздо серьезнее:

Дон Лопе: Арестованного я спасу и отомщу за позор.

Креспо: Именно за позор и я заковал его в цепи.

Дон Лопе: А известно ли вам, что он солдат и отвечает передо мной?

Креспо: А известно ли вам, что он похитил мою дочь?

Дон Лопе: Но я, как генерал, распоряжаюсь всем в городе, вам это известно?

Креспо: Этот наглый негодяй украл честь моего дома,— вам это известно?

Неподатливость, неуступчивость параноической личности проявляется здесь со всей очевидностью. Вряд ли можно говорить об упрямстве Креспо, ведь он прав, да он и сам так считает. Характерен такой штрих: незадолго до этого генерал презрительно отозвался о каком-то «субъекте крестьянского сословия». Кресло отвечает: «Конечно, он крестьянин и есть, но если ему, этому упрямцу, взбредет в голову, что его недруга следует повесить, то клянусь богом, что он не уступит».

Креспо и сам добивается цели: капитан вздернут на виселицу еще до спасительного вмешательства генерала. Он поступает заведомо не по закону, ибо по закону капитана имеет право судить только военный суд. Но тем убедительнее подтверждается мысль, что Кресло является именно застревающей личностью, ибо, как истинный параноик, он устанавливает свои права сам; ему наплевать на то, что требуется официальными постановлениями.

Драма Кальдерона представляется исключительно ценной именно для моей тематики, и вот из каких соображений: здесь мы прежде всего сталкиваемся не с параноическими реакциями, а с самой параноической личностью с характерными реакциями. Кроме образа Креспо мы во всей мировой художественной литературе не нашли ни одного столь яркого, убедительного и однозначного образа параноической личности. Когда мы сталкиваемся с параноическими реакциями людей, то за ними, как правило, стоит параноическое развитие. Тем временем, Саламейский алькальд буквально с первых реплик пьесы занимает твердую позицию, и именно эта позиция определяет все его дальнейшие поступки. Возможно, из-за этого снижается художественная ценность произведения, но для моей проблематики в этом заключается особое преимущество пьесы Кальдерона.

Демонстративно-застревающие личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ДЕМОНСТРАТИВНО-ЗАСТРЕВАЮЩИЕ ЛИЧНОСТИ

При комбинациях истерических и параноических черт развитие может принимать различные направления, иногда совершенно противоположные. С одной стороны, возможно, что характерная для истерика тенденция обходить трудности начинает определять его поведение, а параноическое постоянство как бы фиксирует такое отрицательное направление. Но может создаться и обратная картина: параноическое честолюбие обращает человека к социально положительным целям, преследуемым с упорством, а истерическая способность приспосабливаться благоприятствует этому. Впрочем, конечный результат в этом случае может быть отрицательным, например, при чрезмерном параноическом честолюбии или при попытке обеспечить успех одним лишь истерическим притворством.

Примером комбинированной истерико-параноической личности, решенной в социально-отрицательном плане, можно считать образ Франца Моора из драмы Шиллера «Разбойники».

В самом начале драмы притворно раздутая жалость Франца к отцу и к брату

свидетельствует о фальши, а уверенность и наглость, с которой он клевещет, — об истерических чертах (с. 27):

Дозвольте мне сначала отойти в сторонку и пролить слезу сострадания о моем заблудшем брате, Я бы должен был вечно молчать о нем — ведь он ваш сын; должен был бы навеки скрыть его позор — ведь он мой брат. Но повиноваться вам — мой первый, печальный долг. А потому не взыщите…

Патетическое самовосхваление Франца с экзальтированными заверениями дополняет истерический характер его поведения (с. 30):

Ваш Франц готов пожертвовать своей жизнью, чтобы продлить вашу. Ваша жизнь — для меня оракул, которого я вопрошаю перед любым начинанием; зеркало, в котором я все созерцаю. Для меня нет долга, даже самого священного, которого бы я не нарушил, когда дело идет о вашей бесценной жизни. Верите ли вы мне?

После того как Франц убедил отца в своей искренности, ему уже можно расписывать и мнимую подлость своего брата, но делает он это весьма хитро, подчеркивая собственные «благородные» намерения. Отец должен оттолкнуть Карла не в наказание, а из желания его спасти (с. 31—32):

Франц: Сколько тысяч людей, жадно пивших из чаши наслаждений, искупили свои грехи страданием! И разве телесный недуг, спутник всяких излишеств, не есть перст божий? Вправе ли человек своей жестокой мягкостью отвращать этот перст? Вправе ли отец навеки погубить залог, врученный ему небом? Подумайте, отец: если вы хоть на время отступитесь от Карла, не будет ли он вынужден исправиться и обратиться на путь истины? Если же он и в великой школе несчастья останется негодяем, тогда горе отцу, потворством и мягкосердечием разрушившему предначертания высшей мудрости.— Ну, как, отец?

Старик Моор: Я напишу, что лишаю его отцовской поддержки.

Франц: Вы поступите правильно и разумно.

Хотя высказывания Франца полны, казалось бы, искреннего чувства, все это лишь игра (с. 32):

Франц: (со смехом глядя ему вслед): Утешься, старик! Ты никогда уже не прижмешь его к своей груди! Путь туда ему преграждён, как аду путь к небесам. Он был вырван из твоих объятий, прежде чем ты успел подумать, что сам того пожелаешь. Жалким был бы я игроком, если бы мне не удалось отторгнуть сына от отцовского сердца, будь он прикован к нему даже железными цепями.

Ту же тактику Франц применяет позже в разговоре с Амалией. После тщетных попыток грубо оклеветать Карла в ее глазах, он переходит к новой роли, прикидываясь любящим братом (с. 48):

Франц (закрыв лицо руками): Отпусти меня! Отпусти! Дать волю слезам! Тиран отец! Лучшего из своих сыновей предать во власть нужды, публичного позора!

Пусти меня, Амалия! Я паду к его ногам буду молить его переложить на меня тяжесть отцовского проклятья—лишить меня наследства, меня… Моя кровь… моя жизнь… все…

Амалия (бросается ему на шею): Брат моего Карла! Добрый, милый Франц!

Однако после первого успеха Франц, несмотря на безусловное актерское дарование, совершает ошибку. Его страсть к Амалии заставляет обманщика поступить неосмотрительно, он поторопился прежде времени (с. 49):

Франц: Был тихий ясный вечер, последний перед его отъездом в Лейпциг, когда он привел меня в беседку, где вы так часто предавались любовным грезам. Мы долго сидели молча. Потом он схватил мою руку и тихо, со слезами в голосе, сказал: «Я покидаю Амалию… Не знаю почему, но мне чудится, что это навеки. Не оставляй ее, брат! Будь ее другом, ее Карлом, если Карлу не суждено возвратиться» (бросается перед ней на колени и с жаром целует ей руки). Никогда, никогда, никогда не возвратится он, а я дал ему священную клятву!

Амалия (отпрянув от него): Предатель, вот когда я уличила тебя!

И вторая черта личности, параноическое начало, наблюдается у Франца уже в самом начале драмы. Все мошеннические действия Франца могут быть правильно оценены лишь в том случае, если мы узнаем, каким он всегда чувствовал себя униженным и жалким по сравнению со своим братом. Франца природа действительно обидела, но та страстность, с которой он против этого восстает, указывает на обиду истинно параноического характера (с. 33):

Франц: У меня все права быть недовольным природой — и, клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачем не я первый вышел из материнского чрева? Зачем, не единственный? Зачем природа навалила на меня это бремя уродства? Именно на меня? Словно она обанкротилась перед моим рождением. Почему именно мне достался этот лапландский нос? Этот рост, как у негра? Эти готтентотские глаза? В самом деле, мне кажется, что она у всех людских пород взяла самое мерзкое, смешала в кучу и испекла меня из такого теста. Ад, и смерть! Кто дал ей право одарить его всем, все отняв у меня?

Стремление достичь власти явственно звучит в этом же монологе, заканчивающемся словами (с. 34):

Франц: Я выкорчую все, что преграждает мне дорогу к власти. Я буду властелином и силой добьюсь того, чего мне не добиться располагающей внешностью.

Эти черты определяют поведение Франца на протяжении всей драмы. Его лицемерные выпады продиктованы непомерным честолюбием и вечной обидой на брата: ведь он навсегда обречен быть хуже его! В момент, когда он думает, что отец уже мертв, параноические аффекты еще раз проявляют себя со всей силой. Вот теперь настала долгожданная минута, и он выпьет чашу своего торжества до дна (с. 62):

— Кто же теперь осмелится прийти и потянуть меня к ответу или сказать мне в глаза: «Ты подлец?!» Теперь долой тягостную личину кротости и добродетели!

Смотрите на подлинного Франца и ужасайтесь! Мой отец не в меру подслащал свою власть. Подданных он превратил в домочадцев; ласково улыбаясь, он сидел у ворот и приветствовал их, как братьев и детей. Мои брови нависнут над вами, подобно грозовым тучам; имя господина, как зловещая комета, вознесется над этими холмами; мое чело станет вашим барометром. Он гладил и ласкал строптивую выю. Гладить и ласкать не в моих обычаях. Я вонжу в ваше тело зубчатые шпоры и заставлю отведать кнута.

Можно полагать, что натуру Франца Моора определяет отсутствие этических норм. Его легко поставить в ряд с теми злодеями, образы которых проанализированы выше. Но поскольку он к тому же и истерик, то трудно доказать полное пренебрежение им требованиями этики: торможения злодейских замыслов могли не иметь места из-за часто встречающегося у истериков вытеснения.

Возбудимые личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ВОЗБУДИМЫЕ ЛИЧНОСТИ

Грубые, импульсивные личности, которыми руководят влечения и инстинкты (они часто обладают атлетическим сложением), также представлены в художественной литературе.

В «Братьях Карамазовых» Достоевский наделяет одного из центральных персонажей чертами эпилептоидного психопата. Мы имеем в виду Дмитрия, старшего из братьев Карамазовых. Хотя и не он убил отца, но заподозрить его IB отцеубийстве нетрудно, потому что он однажды избил Федора Павловича настолько жестоко, что тот вполне мог умереть от побоев. После этого Дмитрий несколько раз грозил, что он все равно не оставит его в живых. Причиной была страстная любовь обоих к Грушеньке. У Мити аффект усугублялся тем, что отец был богат, но прятал от сына оставленные ему в наследство матерью деньги, более того — именно с помощью этих денег пытался завоевать расположение Грушеньки. Митя весьма похож на отца в сексуальном плане, в остальном же не имел ничего общего с Федором Павловичем, которого мы выше охарактеризовали как истерическую личность. Отец называет Митю «легкомысленным, буйным, со страстями, нетерпеливым и кутилой». Достоевский так характеризует Митю (т. 9, с. 88):

Впрочем, некоторая болезненность его лица в настоящую минуту могла быть понятна: все знали или слышали о чрезвычайно тревожной и «кутящей» жизни, которой он именно в последнее время у нас предавался, равно как всем известно было и то необычное раздражение, до которого он достиг в ссорах со своим отцом из-за спорных денег. По городу ходило уже об этом несколько анекдотов. Правда, что он и от природы был раздражителен, «ума отрывистого и неправильного», как характерно выразился о нем у нас наш мировой судья Семен Иванович Качальников в одном собрании.

Митя нередко пускает в ход грубую силу. Например, он издевается над штабс-капитаном Снегиревым — тащит его за бороду на улицу и избивает лишь за то, что считает его доверенным лицом своего отца. На вопрос, что он станет

делать, если Грушенька пойдет жить к отцу, Митя прямо говорит, что совершит убийство, и уточняет, что убьет «старика». Однажды, полный подозрений и страха, что Грушенька находится у отца, он обежал все комнаты в доме и, не найдя ее, все же ринулся на отца, когда тот обвинил Митю в краже денег (т. 9, с. 177):

Но Митя поднял обе руки и вдруг схватил старика за обе последние космы волос его, уцелевшие на висках, дернул его и с грохотом ударил об пол. Он успел еще два или три раза ударить лежащего каблуком по лицу. Старик пронзительно застонал…

Сумашедший, ведь ты убил его! — крикнул Иван.— Так ему и надо! — задыхаясь воскликнул Дмитрий.— А не убил, так еще приду убить, не устережете!

Однажды, стоя под домом отца, снова объятый подозрениями, что Грушенька находится здесь, Митя был обнаружен слугой в момент, когда собирался лезть через забор. Митя ударом свалил слугу с ног, тот упал без сознания. Поскольку эпилептоидные личности не бесчувственны, а лишь крайне импульсивны и возбудимы, то нам понятно горячее раскаяние Мити. Он вытер своим платком кровь с лица слуги и старался привести его в чувство.

Можно назвать множество случаев, когда поступки Мити диктуются не разумом, а настроениями, влечениями и даже капризами. Любовь его также носит импульсивный характер. Впервые появляется он у Грушеньки с намерением побить ее, так как ходят слухи, что она и Федор Павлович совместно обделывают разные нечистые денежные делишки. Но все вышло по-иному (т. 9, с. 151):

— Пошел я бить ее, да у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и заражен доселе, и знаю, что уж все кончено, что ничего другого и никогда не будет. Цикл времен совершен. Вот мое дело.

Охваченный страстью к Грушеньке, Митя устраивает для нее сумасбродную пирушку, которую сам описывает следующим образом (т. 9, с. 151):

— А тогда вдруг как нарочно у меня в кармане, у нищего очутились три тысячи. Мы отсюда с ней в Мокрое, это двадцать пять отсюда верст, цыган туда добыл, цыганок, шампанского, всех мужиков там шампанским перепоил, всех баб и девок, двинул тысячами. Через три дня гол, но сокол. Ты думал, достиг чего сокол-то? Даже издали не показала.

Подобную пирушку Митя позже устраивает еще раз, когда приходит к выводу, что потерял Грушеньку навсегда и что убил слугу. По окончании пирушки он решил застрелиться, но до этого не доходит: его арестовывают.

Таков Дмитрий Карамазов, запальчивый, необузданный, отчаянный человек, раб минутных настроений, иными словами, это возбудимая личность, доходящая до степени эпилептоидной психопатии. Для Мити и для таких типов вообще характерно, что его выходки могут быть результатом не только патологической раздражительности, но также и других аффектов; находясь в состоянии аффекта, он не чужд патетики. Например, во время исступленных

попыток раздобыть не принадлежавшие ему три тысячи рублей, которые он прокутил, он молится богу. Он охвачен безумным страхом, но все же в нем еще тлеет надежда, к тому же он переполнен безумной любовью к Грушеньке, н все это изливается в таких словах (т. 9, с. 137):

— И вот в самом этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облекается бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все ж таки и твой сын, господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть.

Атлетическое телосложение Мити подтверждает его эпилептоидную конституцию: был он мускулист, и в нем можно было угадать значительную физическую силу. Позднее прямо говорится о его «громадной физической силе».

Вне аффектов у Мити проявляются и благородные реакции. В состоянии аффекта он способен пустить на ветер чужие 3000 рублей, но IB нормальном состоянии его ужасает мысль, что он — вор. Он всячески старается смыть с себя позорное пятно. Он обладает умом, логикой. Но достаточно высокий уровень личности не смягчает патологической подверженности Мити влечениям.

Достоевский, сам страдавший эпилептическими припадками, наделил ими многих персонажей своих произведений, в частности, Мышкина («Идиот»), Смердякова («Братья Карамазовы»), Мурина («Хозяйка»), Нелли («Униженные и оскорбленные»). Однако он не наделял их чертами эпилептических или эпилептоидных личностей. Мурин, правда, человек грубый и жестокий, но, судя по деталям, для него эпилептоидность не характерна. Его волевые проявления устойчивы. Даже Кириллова в «Бесах», у которого нет «припадков падучей», но который отличается упадочническими настроениями экстатического типа, нельзя охарактеризовать как эпилептическую личность.

У Готхельфа впечатляет эпилептоидный психопат из повести «Курт фон Коппиген». Мать Курта разорилась в своем средневековом поместье (сюжет повести исторический), однако он мог бы снова стать зажиточным, так как женился на весьма обеспеченной девушке. Беда заключалась в том, что он был не способен к организованному, систематическому труду; он слонялся по лесам и лугам, все более скатывался вниз по наклонной плоскости, а в конечном итоге превратился в разбойника, занимающегося грабежами и убийствами. Он обладал примитивной связью (на почве влечений) с природой и животными, однако элементарные проявления человечности ему чужды. Когда его жена Агнесса после свадьбы переступила порог своего нового дома, она содрогнулась, увидев вопиющую нищету, в которой очутилась. Но Курт даже не замечает ее реакций (с. 86):

Если кто-либо из читателей подумает, что Курт был опечален, т, к. его молодая жена испытывает серьезные опасения в отношении будущего семьи, то этот читатель ошибется: Курт ничего не видел. Вообще-то, он обладал превосходным зрением, так что замечал и ужа в прибрежном иле, и рябчика в густой траве, и вальдшнепа в сухой листве, и кабана в лесной чаще, но в

сердце человека он не видел ровно ничего. Конечно, он не умел читать книги, но так же точно не умел он читать и мысли людей, отражающиеся на лицах, а еще того менее те, что сквозят во взгляде или коварно таятся в уголках рта; шрифт этот всегда оставался для него неразборчивым, и даже надев очки, он ничего бы не увидел.

Нередко у эпилептоидов устанавливается гораздо лучший контакт с животными, чем с людьми. Сердечного отношения к матери у Курта нет и IB помине, хотя в этом, возможно, виновата была и она сама, женщина весьма сухая. Но и другие его реакции свидетельствуют о недостатке тонких человеческих эмоций (с. 102):

Данное событие Курт тоже воспринял равнодушно; он вообще не проявлял интереса ни к чему, что происходило у него в доме, ни к кончине своей матери, ни к рождению ребенка; впечатление создавалось такое, что эти вещи его вообще не касаются.

Курт все чаще надолго уходил из дому (с. 98):

Он слонялся со своими дружками по разным подозрительным постоялым дворам, иногда они отправлялись и в дом одного из них, если там было чем поживиться. Нередко они исчезали на некоторое время бесследно, точно земля их поглотила, и никто не мог бы сказать, живы ли они, а тем более — где находятся.

Курт со своей «тяжелой походкой» был самым диким, отчаянным из них. Когда его охватывал припадок гнева, он становился невменяемым. Вот как он ведет себя с одним из членов своей же банды (с. 118):

Гнев охватил Курта в один миг, как пламя пожирает соломенную крышу, он схватил каменный кувшин, стоявший рядом с ним, и с силой швырнул его в ухмыляющуюся физиономию… Курт напал на бандита, как разъяренный лев, хотел задушить мощными руками, но тут другие бросились их разнимать.

Психика Курта отмечена типичной для эпилептоидов тяжеловесностью, поэтому он часто оказывается в проигрыше (с. 110): F F

Среди участников банды никто не мог сравниться физической силой с Куртом, но несмотря на это над ним постоянно подсмеивались; он делал больше других, а получал меньше всех,— сущий великан, которого дразнили карлики. Во время разбойничьих нападений он первый шел напролом, и ему одному доставались все ответные удары; зато при дележе награбленного ему не доставалось почти ничего.

Если эпилептоидов никто не задевает, они часто проявляют добродушие. Это относится и к Курту; хотя его и обманывали при дележе, он все еще готов был поделиться своей скудной долей с нуждающимися людьми.

Курта фон Коппигена можно считать эпилептоидным психопатом в чистом виде. Но и здесь конец повести психологически неубедителен, вернее, он как бы рассчитан не на психологическую, а на дидактическую убедительность: после одного ужасного бредового сна, в котором за ним устраивает бешеную

погоню сам черт, Курт просыпается совершенно обновленным человеком и вскоре он из асоциального субъекта становится хорошим семьянином. В этом можно усмотреть сугубо воспитательную устремленность творчества Готхельфа. Однако, к сожалению, он тем самым перечеркивает психологическую ценность своих образов. Порой его поучительная манера, сдобренная морализирующей религиозностью, (врывается в психологический рисунок как грубая помеха, что особенно заметно в романе «Деньги и душа».

Шекспир трактует Кориолана в одноименной драме как «спасителя народа». Кориолан является возбудимой личностью. Импульсивная сила поднимает его до уровня героизма. Отличаясь неустрашимостью, отвагой и огромной физической силой, он сражается всегда в первых рядах, уничтожает любого противника, а в решающей битве почти исключительно своими усилиями добивается покорения вражеского города — он собственноручно штурмует городские ворота. Кориолан в полной мере осознает, что победы добился он один; он презирает народ и народных трибунов. Когда последние, возмущенные его насмешками, «забирают» свои голоса, без которых Кориолан не может быть избран консулом, он, исполненный гнева, начинает осыпать грубой бранью народ и его вождей. За это его собираются покарать как изменника, ему грозит смерть. Друзья Кориолана оттесняют его в сторону, и Менений отечески восклицает (с. 337):

Но вспомните… что выбирать слова он не приучен, А потому их сыплет без разбора, Как отруби с мукою вперемежку. Позвольте мне пойти за ним…

Кориолан, разгневанный, кричит (с. 338):

Пусть мне они грозят колесованьем

Иль смертью под копытами коней;

Пусть друг на друга десять скал Тарпейских

Нагромоздят, чтоб я не видел дня

Пред тем, как буду сброшен,— все таким же

Останусь с ними я…

Наконец, успокоенный друзьями, Кориолан обещает последовать их совету и попросить прощения. Но как только народный трибун начинает зачитывать поступившую на него жалобу, как только он в речи прибегает к обозначению «изменник народа», гнев Кориолана вновь вскипает:

Кориолан:

Испепели народ, о пламя ада! Изменник? Я? Трибун, ты клеветник! Когда б гнездилось целых двадцать тысяч Смертей в твоих глазах, когда б зажал Ты двадцать миллионов их в руках И столько же на лживом языке Таилось у тебя, то и тогда бы Сказал я: «Лжешь!»…

Кориолана изгоняют из Рима; тогда он объединяется со своим главным врагом, с которым сам же до этого сражался не на жизнь, а на смерть. Этот шаг следует расценивать как крайне необдуманный, ибо совместно с бывшим врагом он замышляет уничтожить город Рим, в котором находятся его друзья, его мать, жена и ребенок. Заклинаемый матерью, Кориолан заключает все же мир с Римом, но после этого он так же необдуманно сам идет навстречу смерти: он отправляется в город врагов, твердо веря, что и враги сразу же заключат мирный договор с Римом. Не будем дискутировать с Шекспиром: видимо, в древние времена одной импульсивной силы было достаточно, чтобы породить героев.

По необыкновенной физической силе, по непоседливому образу жизни и множеству подвигов можно было бы и легендарного Геракла расценивать как эпилептоида. И образ, создаваемый Софоклом в «Трахинянках», в самом деле многим напоминает нам эпилептоидного психопата. Деянира, жена Геракла, жалуется в начале драмы:

— Соединившись с Гераклом, я оказалась счастливой избранницей, но знает ли кто-нибудь о том, что меня без конца преследует страх за мужа? Если лишь вчера вечером какое-нибудь событие казалось свежим горем, то ныне оно вытеснено уже новым, более свежим и более тягостным. На детей на плод нашего брака, он смотрит как крестьянин на отдаленнейшие участки своей земли: только в период посева и жатвы он кидает на них взор и то лишь раз. Жизнь моего мужа вечная гонка — стоит ему войти в дверь своего дома как он уже выходит из нее, отправляясь оказывать кому-то очередную услугу. И, наконец, сейчас, когда срок опасных испытаний закончен, мое беспокойство возрастает еще во много раз. Ибо коль он убил Ифита, то мы можем считать себя изгнанными отсюда…

Вслед за опасениями Деяниры приходит и трагическая развязка. Геракл влюбился в Иолу, дочь короля Эврита. Король отказывает ему в руке дочери, и Геракл разрушает его город, убивает самого Эврита и увозит Иолу, лишившуюся от печали дара речи, с собой, чтобы поселить ее в доме в качестве второй жены. Деянира, желая сохранить любовь мужа, посылает ему одежду, обладающую якобы даром любовных чар, на самом же деле человек, тела которого эта одежда коснется, сгорает (Деянира не знает об этом). Почувствовав страшное действие ткани на своем теле, Геракл хватает за ногу доставившего наряд гонца (кстати ни в чем не повинного) и швыряет его в море, размозжив его череп о скальные рифы. Умирающий Геракл повелевает своему сыну жениться на Иоле, хотя сын и противится этому (из уважения к матери). Между тем Деянира, в отчаянии, что одежда оказалась орудием смерти, кончает жизнь самоубийством.

Итак, в софокловском Геракле эпилептоидное беспокойство, тревога связываются с эпилептоидной бесчувственностью и жестокостью.

В драме Еврипида «Геракл» автор идет еще дальше. Мы узнаем, что Геракл, вернувшись домой, в припадке безумия убивает жену и детей. Геракл погружается в сон, проснувшись же, ничего не помнит о совершенном злодеянии. Он с ужасом узнает о том, что им совершено. Припадок безумия Геракла очень напоминает эпилептическое сумеречное состояние сознания. Психиатров такой поворот должен склонить к мысли, что Геракла можно

охарактеризовать не только как эпилептоидного психопата, но и как эпилептика. Однако следует учесть, что сам Еврипид трактует его поступок иначе: безумие было ниспослано Гераклу богиней Герой, которая ненавидела Геракла как незаконнорожденного сына своего супруга Зевса.

Как мы уже знаем, эпилептоидные личности в детстве склонны к побегам из дому, которые чаще всего представляются немотивированными. Розеггер описывает в повести «Якоб последний» мальчика, который, несмотря на все воспитательные меры, систематически убегал из дому. «Ну, что ж, — читаем мы, — ведь Якелю всего 12 лет. Когда же и убегать, как ни в этом возрасте? А если он уже в таком возрасте не убежит, то когда же?» Однако следует отметить справедливости ради, что Якель, это дитя с характером бродяги, убегал не только в 12 лет, но и раньше (с. 87):

Своими особыми путями мальчик шел уже с раннего детства, неоднократно уходил с чужими людьми, а будучи пяти лет от роду, присоединился в городке С. к группе кочующих цыган.

Когда отец возвращал его домой и запирал, то он гневно, упрямо протестовал и возмущался, что, как нам известно, типично и для эпилептоидов-детей, и для эпилептоидов-взрослых. Впрочем, упорствование Якеля продолжалось несколько дольше, чем у эпилептоидов.

Застревающе-возбудимые личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЗАСТРЕВАЮЩЕ-ВОЗБУДИМЫЕ ЛИЧНОСТИ

Особую опасность таит в себе, как уже указывалось, комбинация возбудимости и застревания.

С психологической точки зрения весьма примечателен убийца, объединяющий в себе эти черты личности, описанный у Достоевского. Мы имеем в виду Рогожина из романа «Идиот». Сначала читатель узнает о неумении Рогожина владеть собой. Отсутствие контроля над своими поступками иногда достигает у Рогожина таких масштабов, что можно смело говорить об эпилептоидной психопатии. Он присваивает деньги отца, чтобы купить серьги для Настасьи Филипповны, в которую влюбился. Избитый отцом до полусмерти, он бежит из дому и проматывает находящуюся у него сумму. Преследуя одну цель — покорить Настасью Филипповну, добиться ее взаимности, он сколачивает вокруг себя шайку отчаянных молодчиков, проникает в квартиру соперника и здесь устраивает дебош. В состоянии дикого возбуждения он обещает дать Настасье Филипповне 100 000 рублей. Позднее он в самом деле приносит эту сумму, в сцене же, которая при этом разыгрывается, особенно ярко проявляется его несдержанность, полное отсутствие самообладания. Шайка его буйствует, а сам он швыряет в лицо молодой женщине 100 000 рублей, точно покупая ее за эти деньги. Когда, после длительных колебаний, она как-будто решает соединиться с ним, он вне себя от радости (с. 196):

— Едем!—заревел Рогожин, чуть не в исступлении от радости.— Эй, вы…

кругом… вина! Ух!..

— Припасай вина, я пить буду! А музыка будет?

— Будет, будет! Не подходи! — завопил Рогожин в исступлении, увидя, что Дарья Алексеевна подходит к Настасье Филипповне.— Моя! Все мое! Королева! Конец!

Он от радости задыхался.

Вскоре, однако, мы убеждаемся, что объяснить поведение Рогожина одной лишь эпилептоидной возбудимостью невозможно. Крайняя настойчивость, упорство, с которым он домогается Настасьи Филипповны, свидетельствуют о параноических чертах личности. Здесь нужно оговориться, что Достоевский предлагает в романе такое развитие сюжета, которое у самого нормального и незаметного человека может вызвать глубочайшие аффективные потрясения. Настасья Филипповна не любит Рогожина, но на протяжении романа неоднократно делает шаги навстречу его домоганиям. Она заявляет, что в ближайшее время готова выйти за него замуж, но снова и снова отступает, иногда спасаясь бегством от него к князю Мышкину. Рогожина постоянно шатает от надежды к неверию, он испытывает тягостную ревность, вместе с ревностью растет и его любовь. Достоевский, таким образом, изобразил развитие ненависти-любви в психологическом плане. Но если бы для Рогожина не были характерны параноические реакции, то эти аффекты не приобрели бы столь рокового, пагубного характера. У самого Достоевского находим указания на то, что натура Рогожина заключала в себе параноическое начало, что было характерно и для его отца. Князь Мышкин однажды даже сравнивает отца с сыном (с. 242):

— А мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, так ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени. Засел бы молча один в этом доме с женой, послушною и бессловесною, с редким и строгим словом, ни одному человеку не веря, да и не нуждаясь в этом совсем, и только деньги молча и сумрачно наживая. Да много-много, что старые бы книги когда похвалил, да двуперстным сложением заинтересовался, да и то разве к старости…

А вскоре после этого следуют слова, которые наводят на мысль, что параноическим чертам Рогожина князь придает еще большее значение, чем эпилептоидным (с. 243):

— Ты все это баловство теперешнее скоро бы и бросил. А так как ты совсем необразованный человек, то и стал бы деньги копить, и сел бы, как отец, в этом доме со своими скопцами; пожалуй бы и сам в их веру под конец перешел, и уже так бы ты свои деньги полюбил, что и не два миллиона, а пожалуй бы десять скопил, да и на мешках своих с голоду бы и помер, потому у тебя во всем страсть, все ты до страсти доводишь.

В этой характеристике раскрыта параноическая застреваемость эгоистических устремлений.

Очень глубока ненависть Рогожина к Мышкину; добросердечное отношение

князя способно лишь временно приглушить эту ненависть. Рогожин преследует его, внезапно появляясь перед ним и угрожающе устремляя на него взгляд своих черных глаз. Он объят мыслями об убийстве и постоянно держит наготове нож, предназначенный для расправы не то с князем, не то с Настасьей Филипповной. Однажды он даже заносит нож над Мышкиным. Ненависть к Настасье Филипповне достигает подобной же силы, хотя здесь она сочетается с огромной любовью. В конечном итоге он убивает любимую женщину. Одна лишь эпилептоидная возбудимость, как и сам по себе параноический аффект, едва ли привела бы к убийству. Только комбинация этих особенностей личности психологически последовательно приводит к совершению преступления. Параноический аффект в этом случае нашел разрешение в эпилептоидной зверской жестокости.

Тревожные (боязливые) личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ТРЕВОЖНЫЕ (БОЯЗЛИВЫЕ) ЛИЧНОСТИ

Среди индивидуальностей, характеризующихся тревожностью, я описал господина Парана из новеллы Мопассана. Когда встречаем постоянную в значительной степени тревожность, которую нельзя целиком объяснить способствующими обстоятельствами, то она может рассматриваться как акцентуация личности. Это качество часто мешает человеку найти свое место в жизни.

Таков мастер Щука из одноименной новеллы Геббеля. Несмотря на свое атлетическое телосложение, он боится не только своей властной жены, но и множества людей, с которыми его сталкивает жизнь. Он позволяет издеваться над собой лицам, куда более слабым физически, чем он сам, а если не может спастись от них бегством, то терпит и истязания. От наглого подмастерья он ищет защиты… у своей жены. Когда община ему поручает подвергнуть критике неудачную проповедь священнослужителя, он весь дрожит и не может произнести ни слова, в итоге все считают его — пьяным. Он страшно боится смотреть на кормление диких зверей в цирке. Когда брат насильно вталкивает его в узкий проход между клетками, он не знает, что ему делать: закрыть ли глаза, чтобы не видеть ужасных морд, или внимательно следить за клетками и держаться от зверей подальше. Брат вообще постоянно над ним подсмеивается, и однажды Щука, будучи пьяным, дает ему пощечину. Испугавшись своей смелости, он удирает от брата, физически слабого человека, попадает не в ту дверь, его сбивают с ног:

— Хозяин и арендатор Нирнхейтль хотели меня поднять, но я сопротивлялся, как бешеный, и не из упрямства, а только потому, что Финкель (брат) считал меня мертвым, так что если бы я встал, он мог бы совсем выйти из себя.

Тревожность Щуки безусловно накладывает отпечаток на всю его жизнь, в результате возникает акцентуация личности.

Как мы уже видели (из описаний, приведенных в I части), люди-«мишени» часто от природы тревожны, боязливы, что усугубляется из-за преследования окружающих. В художественной литературе описано немало «мишеней», но

обычно писатели ничего не говорят о том, как развивалась такая постоянная, болезненная пугливость.

Готфрид Келлер описывает IB «Зеленом Генрихе» одного учителя, которого до такой степени мучили ученики, что он вынужден был покинуть школу, чтобы не погибнуть окончательно. Описывается его поведение с учениками — крайне педагогически неумелое, но и подробности о личности этого учителя читателю не сообщаются.

Томас Манн также описывает типичную «мишень» в лице Тобиаса Миндерникеля (из одноименной новеллы). У читателя создается впечатление, что именно пугливость не дает этому персонажу обороняться от детей, которые, улюлюкая, бегут вслед за ним по улице. Поскольку Тобиас очень жалостлив, то можно было бы предполагать в нем и эмотивную личность. Впрочем, картина в данной новелле вообще неясна: так, Тобиас сам ранит свою собаку, для того чтобы иметь возможность за нею ухаживать. В этом мы сталкиваемся с новой психологической чертой, не имеющей ничего общего ни с боязливостью, ни с эмотивностью.

У Достоевского в «Идиоте» также выведена подобная «мишень». Князь Мышкин рассказывает о чахоточной девушке, которую соблазнил торговый служащий из французов и вскоре бросил. После этого над нею стали издеваться все окружающие — не только взрослые, но и дети, которые, преследовали ее, выкрикивая злые насмешливые слова. Лишь после того как Мышкин сумел войти в доверие к детям, и доказать им, как гадко подобное поведение, мучения девушки кончились. Но об истории формирования этой личности и здесь ничего не сказано.

Тревожно-застревающие личности

Акцентуированные личности

Карл Леонгард

ТРЕВОЖНО-ЗАСТРЕВАЮЩИЕ ЛИЧНОСТИ

Интересна комбинация личности с преобладанием тревожности и личности застревающей, жаждущей самоутверждения. При этом неизбежно возникает дисгармония личности.

С такой комбинацией мы встречаемся у Йогана из повести «Сын служанки» Стриндберга. В соответствии с подзаголовком этого произведения «История развития одной души», здесь много сообщается о душевных переживаниях некоего человека, который во многом напоминает самого Стриндберга, так как перед нами фактически его автобиография.

Начиная с детского возраста Йоган все время объят страхом:

На третьем этаже доходного дома формировалось как самосознание, так и сознание обязанностей у сына продавца и служанки. Первыми его ощущениями, как „он вспоминает позднее, были страх и голод. Он боялся темноты, побоев, боялся сделать что-нибудь не так. Он боялся упасть, задеть за что-нибудь и стоять кому-нибудь на пути. Он боялся кулаков братьев, наказаний горничных, брани бабушки, розги матери и палки отца. Он дрожал перед денщиком

генерала, стоявшим в островерхой каске и с саблей на боку в воротах, и перед дворником, играя у мусорного ящика. Он боялся и советника юстиции, т. к. это был домохозяин. Над ним находились более сильные люди, с привилегиями, начиная от возрастных привилегий братьев, власти отца, как всемогущего судьи, но все же еще выше этого судьи стоял дворник, трясший его за чуб и грозивший хозяином.

Из-за постоянного страха школа стала для Йогана постоянным мучением.

Он считал первые годы ученья в школе не школой жизни, а школой ада. Учителя, казалось, только для того и существовали, чтобы терзать учеников, а не воспитывать их; вообще вся жизнь, казалось, давила на человека, как тягостный страшный кошмар, ибо учи не учи уроки, результат все равно был один… Иногда жизнь казалась ему местом заключения, где люди отбывали срок наказания за преступления, совершенные еще до их рождения. Вот почему он всегда чувствовал, что совесть у него нечиста.

Прочитав, что онанизм ведет — такие представления господствовали в то время — к полному физическому и духовному разрушению, мальчик испытывал неописуемый страх.

Однажды ночью он проснулся. Старшие братья еще не спали и говорили о той самой теме. Он спрятал голову под одеяло, зажал пальцами уши, однако слышал все. Братья рассказывали о каких-то пансионатах в Париже, где мальчиков привязывают веревками к кровати, но эти меры не помогают. Йогана подмывало вскочить и во всем признаться, моля о помощи. Но он боялся услышать подтверждение собственного смертного приговора и смолчал. Теперь оставалось только молиться не богу, а Иисусу Христу. Страшное слово он видел везде, написанное черными печатными буквами: на стенах домов, на обоях своей комнаты. А в ящике письменного стола, в котором лежала книга, находилась гильотина. Как только брат открывал ящик, Йогана охватывала дрожь, он выбегал из комнаты; часами он простаивал перед зеркалом, изучая себя- ввалились ли уже глаза, выпали ли волосы.

Описания этих страхов часто наводят на мысль о другой стороне личности героя, о стороне параноической; ибо Йоган — Стриндберг придерживается мнения, что преобладание тревожности в психике мальчика являлось следствием неправильного воспитания, жестокости учителей, злобы окружающих людей.

Он подтверждает это мнение иллюстрированием жестокостей, которым сам подвергался, однако примерно тому же подвергались и другие дети, в том числе его собственные братья, но подобного следа в их душе это не оставило. Следует полагать, что предпосылки страхов были заложены в данной личности.

Черты застревающей личности, чувствительность к обидам, болезненное самолюбие характерны для Йогана:

Если при плаванья никто за ним не наблюдал, он с большой опаской входил в воду. Но стоило кому-нибудь быть поблизости, как он взбирался на крышу купальни и сломя голову прыгал оттуда в озеро. Он, конечно, знал свои вечные

опасения и пробовал таким путем их затушевать.

Таким образом раздутое самолюбие помогало мальчику преодолевать страх. Далее читаем:

Однажды проветривали церковь. Дети вбежали туда и стали шалить; они полезли «штурмовать» алтарь. Однако Иоган, подстрекаемый товарищами на «большие дела», пошел дальше: он взошел на церковную кафедру и начал читать проповеди и цитировать библию.

Чувствительность к обидам и унижениям выливалась иногда в бунтарское поведение в школе:

Протест Йогана против учения в школе становился все сильнее. Дома он читал всевозможные книги, но уроков совсем не делал. Постепенно возрастало и его упрямство: бывало учитель вызывает его отвечать, а он упорно молчит, точно не знает урока, хотя и был подготовлен.

Примерно IB это же время Йоган восстает против отца:

Его отношение к отцу становится все холоднее. Теперь он ищет, в чем проявляется угнетение сыновей отцом, и постоянно пытается устраивать «мятеж», несмотря на свою слабость.

Он восстает и против семейных традиций:

Все уходят в церковь, но Иоган остается дома. Еще до возвращения отца он объявляет пришедшим уже домой братьям и теткам, что никто не смеет насиловать чью бы то ни было совесть, вот почему он не пойдет больше в церковь!

Школьные замашки Йогана позже повторяются в университете, где он также все время плывет против течения. Например, экзамены он сдает на свой манер, вопреки принятым здесь правилам:

В мае должен был состояться экзамен по эстетике. Вопреки правилам, Иоган отослал курсовое сочинение почтой в Упсалу, прося в письме назначить ему срок устного экзамена. Подобно этому он ведет себя и на другом экзамене, заявляя, что это вопрос принципа и чести.

В его протесте против окружающих проявляется, наряду с болезненной обидчивостью, также и другая черта параноической личности — больное самолюбие, раздутое чувство собственного достоинства. Когда он жалуется братьям, что его умышленно обвинили в бедности, желая унизить, те отвечают: «А ты не будь таким высокомерным…».

Йоган где только можно восставал против высших классов, ибо при виде дворян он чувствовал, как «в нем закипает кровь раба», однако в то же время он постоянно, даже когда был еще совсем ребенком, заигрывал с людьми, стоящими выше его по положению:

Был ли он высокомерен? Видимо, да. Правда, в школе он старался вступить в дружбу с учениками аристократического происхождения, но ему было приятнее смотреть на них, чем на детей из мещанского сословия; первые импонировали его эстетическому чувству тонкими чертами лица и брильянтовыми булавками.

Позднее Йоган никак не мог разобраться в том, бороться ли ему против представителей дворянства или, наоборот, сделать все возможное, чтобы попасть в их среду. Во всяком случае он испытывал большое удовлетворение, когда кто-нибудь из представителей знати искал его общества. В целом честолюбивые мысли Йогана меньше останавливают внимание автора, чем его болезненная чувствительность, да это и понятно: жил он в весьма стесненных условиях, поэтому поводов протестовать у Йогана было куда больше, чем поводов к заносчивости.

Описанные две стороны личности Йогана, противоречие между его страхом перед окружающими и склонностью к агрессивному отношению к ним, и являются основой постоянных колебаний Йогана между двумя крайностями. Вероятно, то же может быть отнесено и к самому Стриндбергу, который в зрелом возрасте страдал бредом преследования. Постоянно мы находим в его произведениях тревожно-боязливых и в то же время застревающих персонажей, хотя, быть может, и не так ярко обрисованных. В романе «Красная комната» Фальк почти фанатически борется за справедливость и против угнетения бедняков, однако в решающий момент он всегда боязливо отступает.

Эмотивные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЭМОТИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Живое сочувствие, которое мы наблюдали у Вани из «Униженных и оскорбленных», не указывает само по себе на эмотивный характер личности. Однако следует отметить, что при эмотивности глубина реакций обусловлена, как правило, также и состраданием.

В «Преступлении и наказании» Достоевский выводит одну явно эмотивную личность — это Соня Мармеладова. именно ее влиянию следует приписать тот завершающий роман поворот к добру, который происходит в душе Раскольникова. Исполненная чувства долга, а еще больше сострадания к отцу, мачехе и ее детям, она жертвует своей девичьей честью, чтобы помочь родным в ужасающей нужде, чтобы спасти их от голодной смерти. Для нее это связано с жестокими муками, ибо те страдания, которые она берет на себя, кажутся ей невыносимыми. Когда позднее Раскольников намекает, что ее младшей сестре, вероятно, предстоит судьба, сходная с Сониной, она ужасается (с. 333):

— Нет! Нет! Не может быть, нет! — как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили.— Бог, бог такого ужаса не допустит!..

Соня остается все той же тонкой, эмоциональной девушкой, какой была и до «падения», вынужденная перемена образа жизни не отразилась на ней.

Частично Сонина сильная эмоциональная возбудимость предстает перед нами

как тревожность, боязливость. Однажды ей пришлось сесть за стол рядом с матерью и сестрой Раскольникова, и уже одним этим фактом она была потрясена (с. 245):

Соня села, чуть не дрожа от страху и робко взглянула на обеих дам. Видно было, что она и сама не понимала, как могла она сесть с ними рядом. Сообразив это, она до того испугалась, что вдруг опять встала и в совершенном смущении обратилась к Раскольникову.

Во время визита, о котором идет речь, Соня увидела, как бедно живет Раскольников, который незадолго до этого дал ее мачехе денег. Осознав всю тяжесть нужды, царящей в семье Раскольниковых, Соня очень страдает (с. 247—248):

— Вы нам все вчера отдали! — проговорила вдруг в ответ Сонечка, каким-то сильным и скорым шепотом, вдруг опять сильно потупившись. Губы и подбородок ее опять запрыгали. Она давно уже поражена была бедной обстановкой Раскольникова, и теперь слова эти вдруг вырвались сами собой.

Тревожность, боязливость Сони зависят в какой-то мере от ее молодости, ведь сама она почти дитя. Но еще сильнее, чем боязливость, проявляется у Сони — с самого начала романа — сострадание. Так, она с величайшей готовностью берет под защиту мачеху, хотя та относится к ней без особой симпатии и даже в известной степени виновна в том унизительном положении, в котором оказалась Соня (с. 330):

Видно было, что в ней (Соне) ужасно много затронули, что ей ужасно хотелось что-то выразить, сказать, заступиться. Какое-то ненасытимое сострадание, если можно так выразиться, изобразилось вдруг на всех чертах лица ее.

— Била! Да что вы это! Господи, била! А хоть бы и била, так что ж! Ну, так что ж? Вы ничего, ничего не знаете… Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная…

Более того, Соня после смерти отца обвиняет даже себя, чтобы защитить мачеху (с. 331):

А сколько, сколько раз я ее в слезы вводила! Да на прошлой еще неделе! Ох, я! Всего за неделю до его смерти. Я жестоко поступила! И сколько раз я это делала. Ах, как теперь, целый день вспоминать было больно!

Соня даже руки ломала, говоря, от боли воспоминаний.

Автор рассказывает читателю и о том, в чем заключалось мнимое бессердечие Сони. Соня отказалась отдать мачехе новый воротничок и нарукавнички, которые той были действительно совсем ни к чему (с. 332):

— На что вам, говорю, Катерина Ивановна? Так и сказала «на что». Уж этого-то не надо было бы ей говорить! Она так на меня посмотрела, и так ей тяжело-тяжело стало, что я отказала, и так это было жалко смотреть…

Поскольку Соня одновременно обладает чувством долга, исполнена

сострадания и боязлива, то можно предполагать, что это личность, отличающаяся общей возбудимостью эмоций с преобладанием альтруистических чувств. Подтверждением могут служить многие эпизоды романа. Соню так болезненно волнует презрительное замечание о боге, срывающееся с уст Раскольникова, что она тут же выходит из себя (с. 334):

Лицо Сони вдруг страшно изменилось: по нем пробежали судороги. С невыразимым укором взглянула она на него, хотела было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только вдруг горько-горько зарыдала, закрыв руками лицо.

Она приходит в ужас, узнав, что ее обвиняют в краже ста рублей. Ужас этот можно считать в общем обоснованным, но и здесь мы убеждаемся в том, как легко может она потерять самообладание под наплывом чувств:

— Нет, это не я! Я не брала! Я не знаю! — закричала она разрывающим сердце воплем и бросилась к Катерине Ивановне.

Но и после того как ее невиновность доказана, душевная боль не прекращается (с. 422):

Но в первую минуту уж слишком тяжело стало. Несмотря на свое торжество и на свое оправдание,— когда прошел первый испуг, первый столбняк, когда она поняла и сообразила все ясно,— чувство беспомощности и обиды мучительно стеснило ей сердце. С ней началась истерика.

В связи с подобными сценами автор дает четкие, почти прямые формулировки, характеризуя Сонину личность (с. 422):

Соня, робкая от природы, и прежде знала, что ее легче погубить, чем кого бы то ни было, а уж обидеть ее всякий мог почти безнаказанно. Но все-таки, до самой этой минуты, ей казалось, что можно как-нибудь избегнуть беды— осторожностью, кротостию, покорностию перед всем и каждым.

Линия поведения Сони IВ отношении Раскольникова выдает не только ее растущую любовь к нему, но также и сильную эмоциональную возбудимость. То, что она приходит в ужас, услышав из уст Раскольникова признание в совершении преступления, вряд ли может кого-нибудь удивить, интереснее то, что в ее реакции снова звучит то самое «ненасытимое» сострадание (с. 249):

Как бы себя не помня, она вскочила, и, ломая руки, дошла до середины комнаты; но быстро воротилась и села опять подле него, почти прикасаясь к нему плечом к плечу. Вдруг, точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, перед ним на колени.

Сострадание свое в отношении убитой Соня уже выражала по другому поводу, теперь же ею без остатка овладевает сострадание к несчастному убийце (с. 430):

— Нет, нет тебя несчастнее никого теперь с целом свете! — воскликнула она, как в исступлении, не слыхав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в

истерике.

Позднее Соня следует за Раскольниковым на каторгу; конечно, это есть свидетельство ее «закалившейся» за это время любви, но без заложенной в ее личности эмотивности она оказалась бы неспособной на столь самоотверженную любовь. Она остается с ним в горе навсегда (с. 430):

— Так не оставишь меня, Соня? — говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее.

— Нет, нет, никогда и нигде! — вскрикнула Соня,— за тобой пойду, всюду пойду! О, господи! Ох, я несчастная!.. И зачем, зачем я тебя прежде не знала! Зачем ты прежде не приходил? О, господи!

— Вот я и пришел.

— Теперь-то! О, что теперь делать!.. Вместе, вместе! — повторяла она как. бы в забытье и вновь обнимала его,— в каторгу с тобой вместе пойду!

Глубина эмоциональных переживаний у Сони столь велика, что их нельзя считать вариантом психики среднего человека. Бесспорно, Соня — акцентуированная личность. Ее готовность рыдать даже по незначительному поводу, что свидетельствует о мягкосердечии Сони, еще раз доказывает правильность такой квалификации. Акцентуированность Сони у Достоевского воспринимается еще рельефнее, если мы вспомним другую Соню, изображенную Толстым в «Войне и мире». Эта другая Соня — добрая девушка, способная на сочувствие, обладающая даже даром искренне сочувствовать людям. Однако глубочайшая эмоциональная возбудимость у нее отсутствует, отсюда и параллель между нею и Соней Достоевского возникнуть не может.

Дистимические личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ДИСТИМИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Понятие характер мы в принципе отличаем от понятия темперамент. Эмотивность должна быть отнесена прежде всего к темпераменту в широком плане. Ряд других свойств личности, связанных также с темпераментом, касаются его проявлений в более узком смысле слава.

В одном из своих произведений Готхельф описывает дистимическую или, по степени соответствующих проявлений, скорее субдепрессивную личность. В «Воскресном дне дедушки» тяжело больной старик собирает свою семью вокруг себя для последних наставлений. Невестка старика-—натура жизненная и практичная. Что же до сына, то он чрезвычайно тяжел на подъем и постоянно нуждается в опеке отца. Медлительность, по всей вероятности, есть следствие депрессивного темперамента Никлауса; автор вводит его в повествование следующими словами (с. 336):

Одним из последних пришел поздороваться с дедушкой сын, нынешний хозяин дома. Это был человек средних лет, с несколько мрачным лицом и

чрезвычайно медлительный.

Отец дает ему поручение сходить к пастору, но озабоченный тем, будет ли все своевременно выполнено, тут же начинает проверять Никлауса.

В свое время дедушка присмотрел ему жену, которая была бы способна «взбодрить» его. Теперь он обращается к ней с такими словами (с. 342):

— Я хорошо знал нашего Никлауса, нерешительного, все в жизни усложняющего человека. И подумал, что лучше всего помогу ему, подобрав подходящую жену. Ты, Кетели, нравилась мне еще тогда, когда была совсем девчонкой, и я думал: она веселая, быстро соображает, обладает находчивостью, которая у него отсутствует. Если он женится на девушке, похожей на него самого, плохо будет дело, они ни с чем, даже вдвоем, не смогут справиться; допустим, они и ссориться не будут, но ведь ни одного светлого часа им не увидеть; а когда дети появятся, то будут они самые несчастные дети на свете, а жизнь их будет протекать словно в особой стране, где солнце не сияет ни зимой, ни летом.

Однако надежды дедушки сбылись лишь частично (с. 345):

Дедушка надеялся, что славный, открытый и живой нрав Кетели сможет поглотить угрюмость сына, что жизнь их озарится радостью, но его мечтания не сбылись, хотя и жилось супружеской чете не так уж плохо.

Мысль о том, что отец может умереть, глубоко потрясла Никлауса (с. 350):

Кетели быстро пробежала по всему дому, но никого не нашла; Никлауса она обнаружила в стойле, он сидел на скамеечке и душераздирающе рыдал. «Господи, да что с тобой?» — спросила Кетели испуганно, и, когда он ничего не ответил, присела около него, обняла его за плечи и спросила более нежно, чем когда-либо: «Никлаус, что с тобой происходит? Ну, поделись со мной…» «Отец умрет, а что мы тогда будем делать?» — произнес он сквозь слезы.

Серьезность и медлительность мешают Никлаусу вступать в живой контакт с окружающими. Люди ему не симпатизируют. Он из-за этого страдает, все больше замыкается в себе и кажется всем неприветливым, нелюдимым человеком (с. 344):

Добрый Никлаус принадлежал к тем редким людям, которые по натуре приветливы, но не умеют этого показать, а поэтому они никому и не нравятся; сами же они решают, что люди с ними не хотят иметь ничего общего, терзаются тем, что их никто не любит, и именно поэтому создается видимость, что они сами ко всем нетерпимо относятся.

Никлаус любит своих детей, но постоянно боится, что они будут нищенствовать, если состояние придется делить на несколько частей, а у детей создается впечатление, что он жалеет им денег.

Неприветливые манеры Никлауса объясняются, таким образом, не его «вредным нравом», а скорее постоянной озабоченностью, подавленностью. Никлаус — личность несомненно депрессивная, именно это обусловливает и

его медлительность, и нерешительность. Готхельф сумел удивительно тонко подметить все эти черты и связать их воедино, описывая данный темперамент.

Дистимически-застревающие личности

ДИСТИМИЧЕСКИ-ЗАСТРЕВАЮЩИЕ ЛИЧНОСТИ

Надо полагать, что Готхельф испытывал особое пристрастие к изображению дистимических или субдепрессивных личностей, ибо этот темперамент представлен еще у двух персонажей его произведений, правда, на этот раз не без примеси параноических черт. Речь идет, прежде всего, о главном герое рассказа «Бартли-корзинщик». В первой половине произведения депрессивное начало Бартли показано более ярко, чем параноическое. После того, как по местности прошел сильный ураган, Готхельф так характеризует Бартли и его реакции на это бедствие (с. 439):

Бартли относился к тем нытикам, которые всегда находят причину поскулить и никогда ничему не радуются: вечно они жалуются на свои потери, ни к кому не испытывают благодарности, когда появляется повод порадоваться; они постепенно призывают провидение к ответу за ущерб, который оно им нанесло. Когда соседи поздравляют его с исключительным везением (его дочь, а также домик волны во время урагана пощадили), он ничего и слушать не хочет, отвечая потоком жалоб: погибли все его козы.

Когда Бартли, ко всеобщему удивлению, находит коз здоровыми и невредимыми, он, казалось бы, имеет основание хоть здесь испытать радость. Ничуть не бывало! Он вновь мрачен и озабочен, так как разбушевавшиеся воды разрушили сарай, в котором содержались козы (с. 441):

— Гм, да, конечно, вроде бы есть и причина успокоиться, повеселеть. Но вы мне одно скажите: что мне с козами-то делать, куда я их теперь дену? Сарай-то держится на честном слове! Ума не приложу, куда их запереть.

Ему еще раз указывают на то, что ураган пощадил его и что он должен не сетовать, а быть благодарным богу и судьбе. На это Бартли замечает (с. 453):

А за что, собственно, их благодарить? За то, что у меня не отняли моей кровной собственности? Что же, тогда я должен был бы благодарить каждую собаку, которая меня не покусала. А что прикажете делать, когда частично ураган меня все-таки разорил, а люди только и делают, что подсмеиваются, когда я вот-вот лопну от злости.

Здесь уже четко намечаются параноические черты личности: Бартли обвиняет бога и судьбу за то, что они послали на землю ураган, но одновременно он жалуется и на людей, подтрунивающих над ним из-за непрекращающихся воплей.

Более резко проявляются его параноические черты в тех эпизодах, где он упорно отказывает будущему зятю — славному малому—в руке дочери. Под конец юноша даже спасает Бартли вместе с дочерью от смерти в

разбушевавшихся волнах, но Бартли не собирается благодарить его, а вместо этого восклицает (с. 543):

— Не нужен мне зять, который бы меня объедал. Одно несчастье у меня уже есть, ну, допустим, тут никуда не денешься, это — родная дочь. Но нужно ли мне из одного несчастья делать два?

Отказ жениху мотивируется двумя моментами: скупостью и ревнивой подозрительностью. В основах обеих черт лежит параноическое начало, определяющим фактором является подозрительность. С ревнивой подозрительностью он следит за каждым шагом дочери, он постоянно озабочен тем, что кто-то обнаружит спрятанные им деньги, лишив его бесценных сбережений. Не желая расставаться с накопленными денежками, он напропалую ругает и тех мастеров-каменщиков, которые ремонтируют его дом после бедствия (с. 467):

— Эй, ты, только у тебя безделью и учиться! Не нравится здесь, так убирайся на все четыре стороны, каменщиков у нас, слава богу, хватает.

Бартли, вероятно, всех каменщиков разогнал бы с удовольствием, так как затраты на ремонт дома с каждым днем все больше выводят его из себя. После каменщика наступает черед плотника (с. 467):

Бартли спросил беднягу-плотника, что он, собственно, себе думает? Он, верно, считает, что с хозяина можно семь шкур драть? Но хозяин не дурак и не душевно больной, он не позволит себя грабить среди бела дня.

Друг юности Бартли вступает в спор со старым скрягой — ради его же блага. Под конец Бартли разрешает другу управлять своим состоянием, объясняя это тем, что у него «сердце кровью обливается», когда он видит, как «разбазариваются его деньги», как «эти негодяи-рабочие» обогащаются за его счет. Итак, мы явственно различаем у Бартли обе черты: субдепрессивную и параноическую; однако они не отделены друг от друга, а органически взаимосвязаны в данной личности. Враждебная позиция Бартли по отношению к окружающим питается его озабоченностью, связанной с воображаемым близким разорением. Депрессивная черта, являющаяся прямой противоположностью активному, агрессивному поведению, объясняет отсутствие у Бартли параноической активности. С одной стороны, депрессивный темперамент связан с большими трудностями в принятии решения, с другой — люди депрессивного типа всегда опасаются возможных последствий проявленной агрессии. Правда, Бартли можно кое в чем считать агрессивным, но это только на словах: на деле он никогда не доходит до враждебных акций. Когда соседи над ним подтрунивают, а друг детства, возмущенный, пытается его урезонить, то, хотя Бартли и продолжает вопить и жаловаться, но он ни на кого не нападает. Под конец он дает даже согласие на брак дочери с ненавистным ему зятем, которого ему навязывают как бы насильственным путем.

Резко подчеркивает автор подозрительность также и у второй субдепрессивно-параноической личности из дилогии «Ули-батрак» и «Ули-арендатор». Это — крестьянин Йоггели, в имении KOTOiporo Ули вначале служит батраком, а затем становится арендатором этого имения. Йоггели постоянно носится с

мыслью о том, что его хотят надуть, хотят что-то отнять у него. Ему недостаточно того, что Ули был рекомендован ему весьма солидным и уважаемым человеком, и он тайком решает собрать дополнительно сведения о порядочности батрака. Уже значительно позднее, когда Йоггели смог воочию убедиться, что Ули безусловно честный человек, он все еще проводит оскорбительные эксперименты с целью установить, можно ли абсолютно доверять Ули. Жена Йоггели заявляет (с. 69):

— Поверьте, Йоггели не так уж зол, как кажется, он только чрезмерно подозрителен. Но он же сам больше всего от этого страдает; хотя он и меня довел до того, что я очень злая стала, но все равно моя ноша легче, чем его. У него самое тяжелое заболевание, у самого Йоггели: он всегда неудовлетворен; за что господь его так покарал, об этом я уже думала не раз,— и все же не могу постичь. Мучает меня то, что помочь ему я не в состоянии. Я уже как-то пыталась ему все это втолковать: но он только посмеялся надо мной.

Итак, мы констатируем, что Иоггели — параноическая личность, но у него нет открытой агрессивности; ему также не хватает активности. Наталкиваясь на какое-либо сопротивление, он отступает. И — в этом случае виной здесь его депрессивность, ведь Иоггели никогда не бывает весел, раскован, всегда он производит впечатление недовольного, безрадостного, брюзги. Лишь там, где ему нечего опасаться отпора, параноические черты прорываются наружу. Со своей женой, например, он постоянно ссорится, осыпая ее грубой бранью.

Гипертимические личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ГИПЕРТИМИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Выше речь шла о том, что Толстой в «Анне Карениной» описывает двух представителей высшего петербургского света, являющихся гипоманиакальными личностями. В особенности это касается Васеньки Веселовского.

Достоевский в «Братьях Карамазовых» изображает Катерину Осиповну Хохлакову как типично гипертимическую и даже, можно сказать, гипоманиакальную личность. Это веселая, деловитая и чрезвычайно многословная женщина. Последнее качество изображается писателем очень колоритно. Алешу, пришедшего к ее дочери, госпожа Хохлакова приглашает к себе «на одну только минутку», но поток ее абсурдной нескончаемой болтовни не дает гостю возможности вырваться (т. 10, с. 80—81):

— Века, века, целые века не видала вас! Целую неделю, помилуйте, ах, впрочем, вы были всего четыре дня назад, в среду. Вы к Lise, я уверена, что вы хотели пройти к ней прямо на цыпочках, чтоб я не слыхала. Милый, милый Алексей Федорович, если бы знали как она меня беспокоит! Но это потом. Это хоть и самое главное, но это потом. Милый Алексей Федорович, я вам доверяю мою Лизу вполне. После смерти старца Зосимы — упокой господи его душу! (она перекрестилась) —после него я смотрю на вас как на схимника, хотя вы и премило носите ваш новый костюм. Где это вы достали здесь такого портного? Но нет, нет, это не главное, это потом. Простите, что я

вас называю иногда Алешей, я старуха, мне все позволено,— кокетливо улыбнулась она,— но это тоже потом. Главное, мне бы не забыть про главное. Пожалуйста, напомните мне сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: «А главное?» Ах, почему я знаю, что теперь главное! С тех пор, как Lise взяла у вас назад свое обещание — свое детское обещание, Алексей Федорович,— выйти за вас замуж, то вы, конечно, поняли, что все это была лишь детская игривая фантазия больной девочки, долго просидевшей в креслах,— слава богу, она теперь уже ходит. Этот новый доктор, которого Катя выписала из Москвы для этого несчастного вашего брата, которого завтра… Ну, что об завтрашнем! Я умираю от одной мысли об завтрашнем! Главное же, от любопытства!.. Одним словом, этот доктор вчера был у нас и видел Lise… Я ему пятьдесят рублей за визит заплатила. Но это не то, опять не то… Видите, я уж совсем теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Для меня все смешалось в какой-то комок.

В таком духе разговор продолжается еще долго. Время от времени Катерина Осиповна перебивает себя, замечая, что она сбивается на никому не интересные второстепенные детали: «Только, Алеша, ужас я что говорю, а вовсе не говорю об чем надо? Ах, само говорится!» Под конец она уж и не знает вовсе, зачем попросила к себе Алешу: «Я столько хочу сказать вам, я для этого и попросила вас, но кажется так ничего и не скажу».

Так госпожа Хохлакова задерживает у себя Алешу часа на два. В другой раз она точно так же не отпускает Перхотина. Хотя тот отчаянно спешит —в связи с делом об убийстве Федора Павловича,— он вынужден выслушать много чепухи, прежде чем ему удается вырваться. Даже когда он покидает гостиную Хохлакозой, вслед ему несутся возгласы хозяйки.

Хохлакова не только разговорчива, это особа вообще чрезвычайно живая и энергичная. Когда с визитом к ней приходит Митя Карамазов, она буквально врывается в гостиную, крича, что заждалась его.

Образ Хохлаковой у Достоевского характеризуется прежде всего скачкообразными отклонениями в мыслях и в речи, типичными для гипо маниакальных, личностей. Однако у Хохлаковой к этому присоединяются живость и веселый нрав. Темпераменту ее вполне соответствуют фантастические затеи. Например, Хохлакова носится с мыслью послать Дмитрия Карамазова на «золотые прииски в Сибири», с тем чтобы он там разбогател и начал новую жизнь.

Типично гипоманиакальной личностью является и шекспировский Фальстаф из «Виндзорских насмешниц». Он весел, поверхностен, деловит, болтлив, склонен к шуткам, изобретателен. Плотный и грузный, толстяк Фальстаф даже внешне олицетворяет приверженность гипоманиаков к чревоугодию и к иным радостям жизни.

Фальстаф не слишком заботится о соблюдении моральных норм, относясь к ним поверхностно. Ему до зарезу нужны деньги, и он начинает заигрывать с двумя женщинами, у которых богатые мужья (с. 230):

Фальстаф: Я написал миссис Форд вот это письмо. А другое такое же письмо написал жене мистера Пейджа, которая также строит мне глазки. Еще сегодня

она пристально изучала каждую подробность моей фигуры. Лучи ее сияющих глаз то скользили по моей могучей ноге, то золотили мое сияющее брюхо.

Фальстаф: Я буду их казначеем, а они моими казначействами. Одна будет для меня Ост-Индией, другая — Вест-Индией, и с обеими я заведу выгодные дела. Ступай, Ним, отнеси это письмо миссис Пейдж. А ты, Пистоль, отнеси это письмо миссис Форд. Мы еще поживем, ребята, мы еще поживем!

Простоты ради он посылает обеим дамам совершенно идентичные письма (с. 237):

Миссис Пейдж: Слово в слово, буква в букву. Только в одном письме сказано «прекрасная миссис Пейдж», а в другом — «прелестная миссис Форд». Вот и вся разница. Но чтобы вас не очень огорчала эта обидная и загадочная история, позвольте вам показать кое-что. Это — близнец вашего письма. Но мы дадим ход вашему, а мое останется при мне.

Когда женщины подготовили уже все, чтобы должным образом наказать Фальстафа, Фальстаф все еще подсмеивается над ревнивым супругом, которого считает обманутым (с. 248):

Фальстаф: А ну его ко всем дьяволам, этого жалкого, бедного рогоносца. Я с ним незнаком. Впрочем, я ошибся, назвав его бедным: у этого ревнивого рогатого подлеца, говорят, уйма денег. Потому-то его жена мне так и понравилась. Он будет тем ключом, который откроет передо мной сундук этого подлого ревнивца. Поверьте, мистер Брук, меня ждет богатая жатва.

Хотя вскоре над Фальстафом зло посмеялись, однако он не теряет чувства юмора. Конечно, он разгневан, но умудряется иронизировать над самим собой (с. 266—267):

Фальстаф: Неужели я дожил до этих лет только для того, чтобы меня погрузили в корзину, как отбросы из мясной лавки, и вывалили в Темзу? Ну, хорошо же! Если я позволю еще раз сыграть над собою такую шутку, пусть выбьют из моей головы мозги, поджарят на масле и скормят собакам под Новый год!.. Эти мошенники безо всякой жалости бросили меня в реку, точно одного из пятнадцати слепых щенят, которых принесла сука. А ведь я погружаюсь в воду, как это и полагается мне по моему весу, с необыкновенной быстротой. Даже если бы дно было глубоко как преисподняя, я бы и то сразу бы там очутился. Но к счастью, река в этом месте мелка и берега пологи. А то бы я непременно потонул… Противная смерть: от воды человек разбухает, а чем бы я стал, если бы еще разбух! Меня бы раздуло горой!

Когда Фальстаф, наконец, немного приходит в себя, на него обрушивается второй удар. Он вынужден переодеться в женское платье, чтобы не быть узнанным одним из супругов, но, несмотря на это, его жестоко избивают. И снова к его гневу примешиваются шутливые нотки, на этот раз он даже больше доволен собой (с. 283):

Фальстаф: Что ты там толкуешь о синяках! Посмотрела бы, как расписали меня — с ног до головы — во все цвета радуги. Да мало того! Чуть не

обвинили меня в том, что я — бренфордская ведьма! Если бы я не был так умен и находчив и не сумел бы сыграть роль честной, невинной старухи, я бы уже сидел в колодках — в обыкновенных тюремных колодках, как настоящая ведьма!

Фальстаф болтлив не менее чем Хохлакова, однако мысли его менее скачкообразны. Здесь уместно отметить, что женщины, пожалуй, более склонны к скачкообразному ходу мыслей, чем мужчины. Различие между мужчиной и женщиной сказывается и в том, что в эротических вопросах мужчины явно легковеснее женщин, примером чего может также служить Фальстаф. Впрочем и Хохлакова представляется не такой уж высоконравственной особой, как это следовало бы ожидать от вдовы и матери взрослой дочери. Некая газета сообщает о ней даже, что «одна дама из «скучающих вдовиц», молодящаяся, хотя уже имеющая взрослую дочь, до того им, т. е. обвиняемым Митей, прельстилась, что всего только за 2 часа до преступления предлагала ему три тысячи рублей, лишь бы он тотчас же бежал с нею на золотые прииски».

Все же особое легкомыслие Фальстафа объясняется не столько его полом, сколько еще более веселым, чем у Хохлаковой, нравом, и неизменно хорошим настроением, которое ничем невозможно омрачить. Фальстаф является гипо маниакальной личностью в плане настроения, а госпожа Хохлакова — по характеру мышления. Таким образом, отдельные черты темперамента у разных людей часто оказываются выраженными не в одинаковой мере.

Мальчика с гипоманиакальным темпераментом рисует Виктор Гюго в своем романе «Отверженные». Это Гаврош, паренек 11—12 лет, типичный парижский уличный мальчишка. Хотя Гаврош выглядит болезненным ребенком, он весьма шутлив, всегда на ногах, поет, играет, он не прочь при случае стянуть что-нибудь, но незлобив, как кошка или воробей. У Гавроша нет ни дома, ни хлеба, ни тепла, ни любви, и все же веселье так и брызжет из него, потому что он — свободен. В романе мальчик всегда оживлен, склонен к шуткам и к шалостям, остроумен, находчив и неизменно жизнерадостен — даже в минуты большой опасности распевает песни. Поведение Гавроша характерно— в несколько разбавленном виде — для того, что можно было бы назвать «веселой, беспечной» манией. Он никогда не раздражается и даже тогда, когда подсмеивается над взрослыми людьми, он незлобив. Более того, он всегда готов доставить радость другим. Несомненно, окружение, в котором проходит жизнь Гавроша, сообщает его гипоманиакальному темпераменту особую окраску. Вынужденный постоянно бороться с нуждой, он становится нахальным. Неспокойная жизнь бездомного подростка многому научила его, мальчик не по летам развит, опытен, говорит, как взрослый, может нередко дать хороший совет и взрослому.

Гипертимически-демонстративные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ГИПЕРТИМИЧЕСКИ-ДЕМОНСТРАТИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

С Фальстафом мы встречаемся в нескольких драмах Шекспира, по он не во

всех этих драмах одинаков. В 1-й части «Генриха IV» он во многом напоминает Фальстафа из «Виндзорских насмешниц», но к этому добавляется еще одно качество личности, которое в уже анализированной пьесе лишь намечалось. Мы имеем в виду склонность к обману и мошенничеству. Здесь Фальстаф в полной мере демонстрирует нам свойственное истерикам искусство притворяться. К истерическим чертам можно отнести и его чрезмерное самовосхваление, и умение с помощью хитростей уйти от угрожающей опасности. Таким путем гипо-маниак превращается в трусливого хвастуна.

Однажды принц Генрих подстраивает ему ловушку. Он позволяет Фальстафу с друзьями напасть на группу мирных путешественников и ограбить их. Затем Генрих со своими приближенными, переодевшись и замаскировавшись, отнимают у Фальстафа добычу, а Фальстаф спасается бегством. При обсуждении этого случая Фальстаф заявляет, что его и друзей сломили превосходящие силы противника: их было до сотни человек «против нашей жалкой четверки». Далее Фальстаф восклицает (ч. l. с.47):

Фальстаф: Будь я подлец, если я не сражался добрых два часа носом к носу с целой дюжиной грабителей. Я спасся чудом. Куртка у меня проколота в восьми местах, штаны — в четырех; щит мой пробит, меч иззубрен, как ручная пила,— esse signum! [вот знак! (лат.) —примеч. переводчика]. Никогда я не дрался так яростно с тех пор, как стал мужчиной, но что я мог поделать? Чума на всех трусов! Пусть вот они вам расскажут, и если они что-нибудь прибавят или убавят, то после этого они мерзавцы и исчадия тьмы.

После ряда других небылиц Фальстаф узнает от принца, что нападающими были никто иной как сам принц Генрих вместе с сопровождающим его Пойнсом. Однако Фальстафа это разоблачение нисколько не смущает. С находчивостью, достойной гипоманиака и истерика в одном лице, Фальстаф ловко выкручивается, объявляя, что все его враки были лишь шуткой, что смешно принимать их всерьез. Пафос, чувствующийся в его словах, также свидетельствует об истерическом характере этих высказываний (ч. 1, с. 51):

Фальстаф: Клянусь богом, я сразу тебя распознал, как узнал бы родной отец. Но послушайте, господа, как мог я посягнуть на жизнь наследника престола? Разве у меня поднялась бы рука на принца крови? Ты ведь знаешь, что я храбр, как Геркулес, но вспомни про инстинкт: лев, и тот не тронет принца крови. Инстинкт — великое дело, и я инстинктивно стал трусом. Отныне я всю жизнь буду высокого мнения о себе, да и о тебе тоже: я показал себя львом, а ты показал себя чистокровным принцем.

Изображая для увеселения своих друзей короля, который предлагает своему сыну объяснить причины его столь неподобающего поведения, Фальстаф и сюда умудряется вплести несколько слов для восхваления своей собственной персоны (ч. 1, с. 56—57):

Фальстаф: Но все же около тебя, сын мой, есть один достойный человек; я часто видел его с тобой, но только позабыл, как его зовут.

Принц Генрих: Не соблаговолите ли вы, ваше величество, сказать, каков он из

себя?

Фальстаф: Симпатичный, представительный мужчина, уверяю тебя, хотя и несколько дородный: взгляд у него веселый, глаза приятные и весьма благородная осанка. На вид ему лет пятьдесят, или, вернее уже под шестьдесят. Теперь я припоминаю — его зовут Фальстаф. Если это человек распутного поведения, значит, его наружность обманчива, ибо в глазах у него, Гарри, видна добродетель. Если дерево узнают по плодам, а плоды — по дереву, то я решительно заявляю: Фальстаф наполнен добродетели. Оставь его при себе, а остальных прогони. Теперь скажи мне, бездельник, скажи, где ты пропадал весь этот месяц?

Когда впоследствии Фальстафу приходится принять участие в войне, он при первом же столкновении с всадником из вражеского войска падает и притворяется мертвым. Но только он «пришел в себя», как в нем снова заговорил веселый гипоманиак, а также и жуликоватый истерик (ч. 1, с. 114):

Фальстаф: Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я разрешаю посолить меня и съесть. Черт подери, вовремя я прикинулся мертвым, иначе этот неистовый шотландец мигом вышиб бы из меня дух. Притворился? Ну, это я соврал: и не думал я притворяться. Умереть — вот это значит притвориться, потому что тот, в ком нет жизни,— лишь подобие человека. Но притвориться мертвым, в то время как ты жив, значит вовсе даже и не притворяться, а быть подлинным воплощением жизни. Главное достоинство храбрости — благоразумие, и именно оно спасло мне жизнь.

Во 2-й части пьесы «Генрих IV» Фальстаф в целом остается тем же, но этически и социально он все больше деградирует. Себя самого он представляет следующими словами (с. 131— 132).

— Я купил его (слугу Бардольфа) в соборе святого Павла, а он купил мне коня в Смитфилде. Если я еще добуду жену в публичном доме, у меня будет славный слуга, славный конь и славная жена.

Вслед за этим он обращается к верховному судье, который хочет арестовать его за неуплату долгов (ч. 2, с. 134—135):

Фальстаф: Я беден, как Иов, милорд, но не так терпелив, как он. Ваша милость может ввиду моей бедности прописать мне порцию тюремного заключения, но хватит ли у меня терпения выполнить ваши предписания — в этом мудрец может усомниться не на грош, а на добрый червонец.

Он вечно ссорится со своей хозяйкой, с которой находится в интимной связи. Различными обещаниями он постепенно выманивает у нее «в долг» все ее состояние — деньги, имущество. Весьма метко характеризует Фальстафа верховный судья (ч. 2, с. 147):

Верховный судья: Сэр Джон, сэр Джон, я отлично знаю вашу способность извращать истину. Ни ваш самоуверенный вид, ни поток слов, который вы извергаете с наглым бесстыдством, не заставят меня отступить от справедливости. Вы, как мне представляется, злоупотребили доверием этой; податливой женщины, заставив ее служить вам и кошельком, и собственной

особой.

Рассматривая гипоманиакально-истерические черты Фальстафа, можно вспомнить другой образ художественной литературы, внешне как будто не имеющий ничего общего с Фальстафом, но по самой структуре личности обладающий несомненным сходством с ним. Я имею в виду Люциану, дочь Шарлотты, из романа Гете «Избирательное сродство». В развертывании фабулы Люциана существенной роли не играет, автор мог бы без особых потерь исключить этот персонаж. Люциана появляется в романе всего один раз. Возможно Гете хотел в ее лице создать особо резкий контраст с Оттилией, однако нельзя отрицать, что он относился к своей Люциане, безусловно, с интересом. Он посвящает описанию ее много страниц, в результате она обрисована четко и ясно.

По прибытии в материнский дом Люциана сразу же показывает свой деятельный и весьма напористый нрав (с. 242):

Все охотно хоть самую малость отдохнули бы после столь утомительного путешествия; жениху хотелось поскорее побеседовать с будущей тещей, заверить ее в искренности своих чувств: однако Люциана была неутомима и неумолима. Она, наконец, дорвалась до счастливого мгновенья,— здесь были лошади, и значит нужно было всласть наездиться верхом. Ветер, непогода, дождь, буря — ничто не принималось во внимание. Казалось, что все люди в замке только и живут для того, чтобы сначала промокнуть до костей, а потом обсыхать. Иногда ей вдруг приходило в голову устроить прогулку пешком; в таких случаях Люциану меньше всего занимало, как она одета, какая на ней обувь; ведь необходимо было познакомиться с окрестностями, о которых она так много слышала! Если бывало так, что во время прогулки верхом всаднику где-то не проехать, все осваивали эту территорию пешком. Так Люциана вскоре все осмотрела, обо всем составила мнение. Спорить с ней — из-за живости ее темперамента было нелегко, и общество, конечно, многое вынуждено было сносить молча. Но больше всего страдали камеристки, которые света божьего не видели из-за постоянной стирки и глажки, из-за бесконечного распарывания и пришивания.

Во время своего пребывания IB замке Люциана всех окружающих держит в постоянном напряжении и не дает им перевести дух: она вовлекает всех в этот водоворот одурманивающей суеты. Между прочим, Люциана не очень-то стеснялась в выражениях и говорила порой резко, «однако никто за это на нее не обижался. Так уж повелось, что люди со многим мирились благодаря ее обаянию, а под конец стали мириться и с ее озорством».

Приведенные цитаты убедительно свидетельствуют о ярко гипертимическом темпераменте Люцианы. Но по мере чтения романа мы убеждаемся, что ее слова не всегда диктуются одной лишь непосредственностью, импульсивностью. Она не прочь покритиковать других, отрицательно о них отозваться (с. 282):

С одной стороны, она пыталась расположить к себе людей, но обычно все портил ее злой язычок, который никого не щадил. Сколько бы визитов она ни наносила соседям по имению, какой бы ни устраивался в честь ее и сопровождающих ее лиц радушный прием,— всегда она, по возвращении

домой, необузданно злословила и любые взаимоотношения людей умела изобразить в смешном виде.

Здесь наряду с гипоманиакальностью сказываются истерические черты личности Люцианы, ее развлекают насмешки над знакомыми. Вскоре мы замечаем, что в обществе она находится в центре внимания не столько благодаря живости темперамента, сколько в силу назойливого поведения. Если она оказывает кому-либо услугу, то делает это не по доброте сердечной, а потому, что хочет произвести хорошее впечатление. Одного молодого человека, избегавшего бывать в обществе, так как на войне ему искалечило руку, она пытается к себе «приручить» (с. 281):

Люциане было известно о замкнутом образе жизни этого молодого человека. Она стала приглашать его к себе, сначала собирая совсем маленькое общество, затем несколько большее, наконец устраивая весьма многолюдные праздники. Она была с ним особенно мила и приветлива: но главное — вела себя по отношению к нему навязчиво-услужливо, все время давая понять окружающим, какая это беда — потерять руку, и показывая, как она старается быть ее «эрзацем». За столом она садилась рядом с ним и нарезывала мясо на его тарелке, облегчая ему возможность пользоваться только вилкой. Если ей приходилось сидеть около какого-нибудь знатного сановника, то она свою жалость направляла на другой конец стола (где сидел инвалид), приказывая слугам заменить свою «сердобольную» руку. Под конец она стала обучать его письму левой рукой, причем все свои попытки он был обязан представлять на ее суд, так что между ними постоянно поддерживало контакт.

Подобным же образом Люциана разыгрывает из себя спасительницу одной несчастной девушки. Вмешательство Люцианы делает ту еще более несчастной, поскольку вся ее помощь сводилась к тому, чтобы вызвать восхищение ею, Люцианой, причем действовала она в высшей степени бестактно.

В другой раз Люциана, стремясь выставить себя в роли обольстительницы, вызывает всеобщий смех (с. 286):

Едва Люциана услышала, что граф большой любитель музыки, как она тотчас же организовала домашний концерт, на котором сама решила выступить с пением песенок под аккомпанемент гитары. День настал. Надо сказать, что вообще-то Люциана довольно неплохо играла на нескольких инструментах и обладала приятным голосом; но увы!—слов песен в ее исполнении никто не мог разобрать; впрочем, это не такая уж редкость там, где наши немецкие представительницы прекрасного пола берутся петь под гитару. По окончании выступлений все присутствующие заверяли ее, что она пела очень выразительно, так что Люциана вполне могла удовлетвориться таким успехом. И все же именно в связи с исполнением песен ее постигла своеобразная неудача. Среди других приглашенных в обществе находился известный поэт, которому Люциане особенно хотелось польстить, в надежде, что он посвятит ей стихи; по этой причине она исполняла под гитару множество куплетов, написанных этим поэтом. После концерта он сказал ей несколько вежливых слов, но Люциана ожидала большего. Она подослала к нему кого-то из своей «свиты» и просила выпытать у поэта, не восхищен ли он тем, что услышал сегодня свои прекрасные стихи в столь прекрасном исполнении. «Мои стихи?»

— спросил он с крайним удивлением. «Простите, сударь,— добавил он,— но право, я ничего не слышал, кроме гласных звуков, да и гласные воспринял далеко не все… Впрочем, за милое намерение я пользуюсь случаем передать благодарность исполнительнице».

Недостаточно внимания уделял Люциане и архитектор, реставрировавший замок. В связи с этим она специально продумала и подготовила эффектную сцену, которая могла бы приблизить ее к этому человеку. Между прочим, она вообще любила участвовать в любительских театральных представлениях, в которых неизменно играла главную роль, при этом целью ее было главным образом продемонстрировать свои актерские способности.

Таким образом, у Люцианы наблюдается сочетание гипоманиакального темперамента и истерических черт характера. Она постоянно разыгрывает ту или иную роль, что и служит удовлетворению ее самомнения, тщеславия. Однако все это происходит не от врожденной напористости, живости, а как бы «в рамках» последней и параллельно ей.

У читателя может вызвать некоторое удивление тот факт, что и Фальстафа, и Люциану мы относим к категории гипоманиакально-истерических акцентуированных личностей, тогда как при поверхностном наблюдении это совершенно различные люди. Однако несходство их связано с различным общественным положением обоих: избалованная барышня, воспитывавшаяся в пансионе, и грубый немолодой вояка Фальстаф принадлежат к совершенно разным мирам. При анализе структуры личности приходится полностью отвлечься от всего внешнего. И в этом случае Фальстаф, пожалуй, окажется не грубее Люцианы. Поведение Люцианы бывает в высшей степени нечутким, бестактным, как мы убедились на примере молодого человека с искалеченной рукой или несчастной девушки, которую Люциана решила «спасать»; и в том и в другом случае единственная цель — это удовлетворение тщеславия их «благодетельницы».

Впрочем, здесь есть и еще одна существенная разница: в самом способе показа персонажей Гете и Шекспиром. Гипоманиакально-истерическая акцентуация Люцианы может быть выведена в произведении Гете преимущественно из ее поступков, однако речь ее представлена весьма скупо. Фальстаф же проявляет себя главным образом в словах, обманывая окружающих, постоянно плетя различные небылицы. Следует оговориться, что в нужный момент и он способен на типично истерические поступки — вспомним хотя бы сцену, где он притворяется мертвым, а принц даже подумывает заказывать гроб.

У Достоевского мы также встречаемся с типичной гипертимически-демонстративной личностью. Речь идет о повести «Дядюшкин сон», один из главных героев которой, Марья Александровна, исполнен гипоманиакальной подвижности и изворотливости. Она умеет выпутаться из сложнейших ситуаций, о чем автор замечает в самом начале повести. В своих стараниях выдать дочь за богатого старика-князя она извергает целые потоки красноречия. Дочери, противящейся плану мамаши, она ловко приводит все новые аргументы, которые должны убедить Зину в разумности этого замысла.

В момент, когда недоброжелательно настроенные гости Марьи Александровны готовы вот-вот припереть ее к стенке, она проявляет величайшую ловкость и

маневренность (с. 374):

Марья Александровна удесятерилась в эту минуту, видела все, что происходило в каждом углу комнаты, слышала, что говорилось каждою из посетительниц, хотя их было до десяти, и немедленно отвечала на все вопросы, разумеется, не ходя за словом в карман.

Поскольку гипоманиакальные личности в состоянии гнева склонны к бестактности, доходящей до бесцеремонности и грубости, «светской» натуре Марьи Александровны нисколько не противоречит факт, что в такие минуты она осыпает своего слабоумного мужа отборнейшей бранью.

Однако все эти качества характеризуют Марью Александровну лишь наполовину. Она может притвориться сущим ангелом доброты. Несмотря на переполняющую ее ненависть, она может расточать улыбки и быть воплощением любезности. Обманутого ею молоденького возлюбленного своей дочери, который со злобой высказывает свое возмущение, она умеет вкрадчиво обвести вокруг пальца, так что он в конце концов расстается с ней полный благодарности. Лишь позднее на Мозглякова находит прозрение (с. 364—365):

Тут он, кстати, припомнил, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, как ни достойна всеобщего уважения, но все-таки сплетничает и лжет с утра до вечера.

Марья Александровна добивается того, чтобы князь сделал Зиночке предложение. Князь, надо сказать, страдает старческим маразмом и непрерывно мелет отчаянный вздор: тем не менее Марья Александровна восклицает (с. 245):

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько в вас остроумия князь!

Какая драгоценная способность подметить самую тонкую, самую смешную черту!.. И исчезнуть из общества, запереться на целых пять лет! С таким талантом! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить Фонвизина, Грибоедова, Гоголя!..

Аффективно-лабильные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

АФФЕКТИВНО-ЛАБИЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Некоторые люди обладают особым психологическим складом, который характеризуется изменчивостью настроения без внешнего повода. Такие люди то весьма деятельны и болтливы, то медлительны и скупы на слова. Изменчивость (лабильность) подобного типа объясняется сугубо биологическими причинами, а поэтому мало располагает к созданию художественного образа. Найти такой образ в художественной литературе нелегко.

Единственный однозначный пример циклотимической личности находим в

романе Отто Людвига «Мария». Окружной голова Брайтунг, немолодой сухощавый мужчина, веселый и бойкий, в обществе, которое собирается у священника, считается общепризнанным остряком. Он занимает всех посетителей, смеется, шутит, устраивает веселые игры. Он постоянно стремится быть с молодежью, заявляя, что пусть, мол, старики держатся вместе, а молодые, любящие шутки и поцелуи, будут развлекаться по-своему (причем, к молодым он причисляет и себя). В этом плане Брайтунг — типичная гипоманиакальная фигура. Однако веселым шутником, остряком Брайтунг бывает только тогда, когда находится не в своем поместье; там же, среди своих, он «страшный брюзга и ипохондрик». И действительно, первое впечатление о хозяине, сложившееся у Айзенера во время его визита к Брайтунгу, сводится ко вздохам, которые тот испускает, и к ироническим усмешкам. Брайтунг мрачнеет, узнав о случае, который его жене кажется только забавным. Лишь за рюмкой вина и оживленной беседой Айзенер начинает узнавать весельчака Брайтунга. Его жена в ответ на удивленный вопрос гостя объясняет, что муж попросту недостаточно владеет собой. Айзенер возражает, считая, что глубина мрачного настроения Брайтунга говорит о чем-то более серьезном, чем обыкновенная невыдержанность, разве нет таких ситуаций, когда человек попросту не в силах совладеть с самим собой, как бы он ни старался.

Фабула романа не дает возможности определить, характерны ли для Брайтунга повороты в настроении, независимые от событий, происходящих с близкими ему людьми. Но следует заметить, что циклотимия может быть установлена и в тех случаях, когда сугубо маниакальное состояние и глубокая депрессия сменяют друг друга у человека под влиянием только внешне видоизменяющихся ситуаций.

Пожалуй, и Разумихина — друга Раскольникова—можно считать циклотимиком («Преступление и наказание» Достоевского). Это — живой, общительный деловитый молодой человек, о таких людях говорят: «Наш пострел — везде поспел». Язык у него подвешен хорошо, он любит говорить и много говорит о себе (с. 207):

Разумихин имел свойство мигом весь высказываться, в каком бы он ни был настроении, так что все очень скоро узнавали, с кем имеют дело.

Особенно разговорчивым он становится под влиянием алкоголя и тогда сообщает такие вещи, которых вообще не следовало бы оглашать.

В живости и непосредственности Разумихина проявляются гипоманиакальные черты; отсюда как будто напрашивается вывод об известной поверхностности Разумихина. Однако дальнейшее развертывание сюжета не подтверждает этого. Напротив, он скорее отличается глубокими эмоциями. Любовь к Дуне захватывает его с такой силой, что он в ее присутствии или даже когда лишь заходит о ней речь краснеет и теряет самообладание. Его искренняя забота о друге, Раскольникове, также указывает на глубину его чувств. Судя по этим моментам, можно бы полагать, что Разумихину наряду с гипоманиакальными чертами присущи и эмотивные реакции. Однако мы не наблюдаем у Разумихина ни повышенной жалостливости, ни тревожности. Зато можно констатировать, что Разумихин с одинаковой легкостью и интенсивностью ощущает и восторг, и горе. После того как он — под влиянием алкоголя —

чересчур порывисто проявил свою любовь к Дуне, его на следующий день охватывает глубокая депрессия: он гневно осуждает самого себя и без всяких оснований отказывается от надежд, связанных с этой девушкой (с. 218):

— Фу, как это все низко! И что за оправдание, что он был пьян? Глупая отговорка еще более его унижающая! В вине — правда, и правда-то вот вся и высказалась, то есть вся-то грязь его завистливого грубого сердца высказалась. И разве позволительна хоть сколько-нибудь такая мечта ему, Разумихину? Кто он сравнительно с такой девушкой,— он, пьяный буян и вчерашний хвастун?

Подобное самоуничижение невозможно объяснить одной лишь тяжелой с похмелья головой, оно безусловно связано со склонностью к депрессии. Поэтому мы считаем, что речь здесь идет не о гипоманиаке с ровным настроением, а о циклотимике, склоняющемся и к другой крайности, к депрессии. Склонностью к депрессии можно объяснить глубину эмоций, присущую Разумихину. Когда в жизни этого человека происходит нечто важное, он реагирует уже не со свойственной гипертимику поверхностностью, а с серьезностью дистимической личности. Обе стороны его личности раскрываются в следующем отрывке (с. 56):

С Разумихиным же он (Раскольников) почему-то сошелся, т. е. не то что сошелся, а был с ним сообщительнее, откровеннее. Впрочем, с Разумихиным невозможно было и быть в других отношениях. Это был необыкновенно веселый и сообщительный парень, добрый до простоты. Впрочем, под этою простотою таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это, все любили его.

Экзальтированные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЭКЗАЛЬТИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ

Героев с экзальтированным темпераментом мы находим в литературе великое множество. Задаваясь вопросом о причинах пристрастия писателей к данной структуре личности, вспомним то, что говорилось уже об истерических личностях. Экзальтированные личности могут придать развитию сюжета большую живость, глубокие чувства героев способны увлечь читателя, захватить, потрясти его. Кроме того, писатели сами часто обладают в известной мере порывистой, лабильной психикой, поэтому человека данного типа им легко описать, так как его; внутренний мир им близок.

Нередко чрезмерная напряженность и страстность художественного произведения коренится не в своеобразии структуры личности его героев, а в том, что писатель показывает любовь, сексуальное влечение. В подобных случаях даже личности ничем не выделяющиеся легко доходят до высшей степени блаженства и отчаяния. Так, — например, может быть истолкована экзальтация героев в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Вот жалоба Ромео, когда он узнает о своем изгнании из города, в котором живет Джульетта (с. 82):

Ромео:

Какая это милость! Это месть.

Небесный свод есть только над Джульеттой.

Собака, мышь, любая мелюзга

Живут под ним и вправе с ней водиться,

Но не Ромео. У навозных мух

Гораздо больше веса и значенья,

Чем у Ромео: им разрешено

Соприкасаться с белоснежным чудом

Джульеттиной руки и воровать

Благословенье губ ее стыдливых,

Но не Ромео. Этому нельзя.

Он в высылке, а мухи полноправны.

И ты сказал, что высылка — не смерть?

Экстазом охвачен Ромео и в знаменитой сцене прощания, разделяет экстаз также Джульетта. Вот эта необыкновенная по романтичности и лиризму сцена (с. 87—88):

Джульетта:

Уходишь ты? Еще не рассвело,

Нас оглушил не жаворонка голос,

А пенье соловья: он по ночам

Поет вот там, на дереве граната.

Поверь, мой милый, это соловей! Ромео:

Нет, это были жаворонка клики

Глашатая зари. Ее лучи

Румянят облака. Светильник ночи

Сгорел дотла. В горах родился день

И тянется на цыпочках к вершинам.

Мне надо удалиться, чтобы жить,

Или остаться и проститься с жизнью. Джульетта:

Та полоса совсем не свет зари,

А зарево какого-то светила,

Взошедшего, чтоб осветить твой путь

До Мантуи огнем факелоносца.

Побудь еще. Куда тебе спешить? Ромео:

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна

Я и подавно остаюсь с тобой.

Пусть будет так. Та мгла •— не мгла рассвета,

А блеск луны. Не жаворонка песнь

Над нами оглашает своды неба.

Мне легче оставаться, чем уйти.

Что ж, смерть так смерть! Так хочется Джульетте.

Поговорим, еще не рассвело. Джульетта:

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,

Светает! Жаворонок-горлодер

Своей нескладицей нам режет уши,

А мастер трели будто разводить!

Не трели он, а любящих разводит,

И жабьи будто у него глаза.

Нет, против жаворонка жабы — прелесть!

Он пеньем нам напомнил, что светло

И что расстаться время нам пришло.

Теперь беги: блеск утра все румяней. Ромео:

Румяней день и все черней прощанье.

Экзальтированность как черта акцентуированной личности наблюдается не только в любви. Особенно ярко это проявляется в образе принца Гомбургского в одноименной драме Клейста.

Характерно, что принц появляется на сцене в виде лунатика, автор явно хочет подчеркнуть этим нервность, возбудимость данного персонажа. Позже мы узнаем его в моменты, когда он целиком отдается как восторгу, так и отчаянию, т. е. когда проявляются обе стороны его экзальтированной личности. Когда после победы его переполняет счастье, это естественно и понятно. Но когда принц узнает, что он приговорен военным судом к смерти из-за нарушения порядка битвы, приравниваемого к измене, и в этот момент начинает восторженно бредить любовью к нему курфюрста, который все равно, мол, не допустит его, принца, казни, то это уже граничит с безрассудством экстаза. Своими собственными словами он как бы все больше разжигает в себе обожание принца, он убежден в отмене смертного приговора и не прислушивается к строгим предупреждениям друга. Тот в конце концов восклицает: «Безумный человек! На чем же беспечность зиждется твоя?» Но даже этот окрик не охлаждает избытка чувств принца (с. 395):

Принц:

Но прежде чем он даст исполнить кару

И это сердце, верное ему,

Отдаст на казнь, платку на мановенье,

Он сам себе скорее вскроет грудь

И кровь свою разбрызжет в прах по капле.

И вот вскоре эта беспечность исчезает; переполняющее принца счастье победы рушится по мере того, как угрожающая ему опасность становится все более грозной, зловещей. Теперь принцем овладевает безумное отчаяние. Он умоляет курфюрстину и Наталию о помощи (с. 100):

Принц:

Ах, матушка, ты б так не говорила,

Когда б тебе грозила смерть, как мне.

Мне кажется: ты, весь твой двор, принцесса

Одарены всесильностью небес.

Ведь я на шею броситься готов

К последнему из слуг твоей конюшни

С одной мольбой: спаси меня, спаси!

Отчаяние полностью лишает принца чувства собственного достоинства. Когда курфюрстина пытается его образумить, единственным ответом ей служит новый взрыв отчаяния (с. 401):

Принц:

Но божий мир, родная, так хорош! Не приобщай меня до срока в мыслях К семье страшилищ черных под землей! Он должен наказать меня? Есть кары, К чему же обязательно расстрел? Он может отрешить меня от званья, Понизить в чине, раз таков закон — Разжаловать, уволить. Боже праведный! С тех пор как я увидел близко гроб, Что ждет меня, я жить хочу, и только, А с честью, нет ли — больше не вопрос.

Однако когда курфюрст, пораженный поведением принца, призывает его самого стать судьей в этом конфликте, принять верное решение, с которым курфюрст непременно посчитается, то к принцу возвращается и гордость, и отвага, впрочем, не без экзальтированного преувеличения. Принц готов встретить смерть, но это решение не свидетельствует о большой силе воли, которая подчиняет себе чувства человека, напротив: именно чувства помогают ему принять новое решение. Принца теперь воодушевляет уже величие результата его казни (с. 430):

Принц:

Мое решенье непреклонно. Я желаю

Увековечить смертью тот святой

Закон войны, который я нарушил

Перед лицом солдат. Друзья мои,

Что значит скромный выигрыш сраженья

Пред одоленьем страшного врага:

Пред торжеством над спесью и упрямством,

Которые я завтра поборю?

Это воодушевление, смешавшееся с горечью, принц ощущает даже и тогда, когда его ведут с закрытыми глазами и он абсолютно уверен, что его ведут на

казнь (с. 434):

Принц:

Теперь, бессмертье, ты в моих руках И, сквозь повязку на глаза, сверкаешь Снопом из многих тысяч жарких солнц. На крыльях за обоими плечами, За взмахом взмах, пространствами плыву. И как из кругозора корабля Под вздохом ветра исчезает гавань, Так постепенно вдаль уходит жизнь. Вот все еще я различаю краски, Но вот их нет, и вот сплошной туман.

Вполне соответствует такой эмоциональной сверхвозбудимости тот факт, что узнав о помиловании, принц падает в обморок.

В этом произведении Клейст чрезвычайно выразительно показал, что собой представляет экзальтированная личность. Сначала принц абсолютно уверен в отмене вынесенного ему смертного приговора, в помиловании. Осознав, что смерть совсем близко, он впадает в бурное отчаяние. Следует заметить, что не обладай принц сверхмощной эмоциональной возбудимостью, он в эти моменты скорее всего не потерял бы чувства собственного достоинства. Под конец мы снова сталкиваемся с его способностью к воодушевлению. При любом повороте ситуации принц не воспринял бы свой предстоящий расстрел так радостно, даже с экстазом, если бы его реакции не определялись все той же резкой эмоциональной возбудимостью, которая в данный момент представляет его воображению желанным то, что еще недавно приводило его в ужас. Характерна и быстрая смена эмоций. Следует учитывать также элемент поэтического преувеличения. Ведь описываемую степень экзальтации мы наблюдаем только у тревожно-экстатических душевнобольных. Нередко в подобных ситуациях они готовы к любому, самому тяжелому покаянию, готовы и пожертвовать жизнью ради другого человека.

Любопытно сравнить принца Гомбургского с Перси, персонажем трагедии Шекспира «Генрих IV». Перси носит прозвище «горячая шпора» (оно, кстати, вполне подходит и к принцу Гомбургскому). В силу горячности темперамента он нарушил приказ о ходе битвы и этим навлек на себя смертный приговор. Различие между принцем и Перси заключается в том, что первого захлестывают несдержанные порывы чувств, которые подчиняют себе волю; у Перси же первичным стимулом оказывается сильная волевая возбудимость, в то время как эмоциональная возбудимость его выражена слабо.

Точно так же, как и принц Гомбургский, способна на восторг, быстро переходящий в отчаяние, Катерина Ивановна из «Братьев Карамазовых». Катерина Ивановна, собственно, никогда не любила своего жениха, гораздо больше ее увлекала другая мысль — спасти его. В основном из этих соображений она и стала его невестой. Снова мы сталкиваемся здесь с эндогенным психозом, имеющим некоторое отношение к экзальтированному темпераменту, или с «психозом счастья», как иногда его называют: такие больные, впадая в экстатическое состояние, чувствуют себя призванными к тому, чтобы принести счастье и освобождение другим людям. Катерина Ивановна восклицает (с. 187):

— А коли так, то он еще не погиб! Он только в отчаянии, но я еще могу спасти его… Я хочу его спасти навеки! Пусть он забудет меня как свою невесту! И вот он боится предо мной за честь свою!? Ведь вам же, Алексей Федорович, он не побоялся открыться? Отчего я до сих пор не заслужила того же? — Последние слова она произнесла в слезах; слезы брызнули из ее глаз.

Полный страсти темперамент этой женщины заставляет ее позвать к себе домой Грушеньку, свою соперницу в отношениях с Митей. В силу легкой возбудимости она одержима мыслью, что сделает Грушеньку своей союзницей в деле спасения Мити. Она в восторге от Грушеньки (с. 101):

— Грушенька, ангел, дайте мне вашу ручку, посмотрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку, Алексей Федорович; видите ли вы ее, она мне счастье принесла и воскресила меня, и я вот целовать ее сейчас буду, и сверху, и в ладошку, вот, вот и вот!.. И она три раза как бы в упоении поцеловала действительно прелестную, слишком, может быть, пухлую ручку Грушеньки.

Но Катерине Ивановне пришлось пережить жесточайшее разочарование. Отрезвление началось уже с того момента, когда Грушенька не соглашается ни на какие дальнейшие предложения, направленные на спасение Мити. И вот Грушенька окончательно срывает с себя маску (с. 193):

— Так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я-то у вас совсем нет. Так я и Мите сейчас перескажу, как вы мне поцеловали ручку, а я-то у вас совсем нет. А уж как он будет смеяться!

В этот момент эмоциональное состояние Катерины Ивановны делает резкий «поворот» в другую сторону: она начинает бранить эту «беспутную женщину», это «создание, всегда готовое к услугам». Под конец «с Катериной Ивановной сделался припадок. Она рыдала, спазмы душили ее. Все около нее суетились».

Во время суда чрезмерная эмоциональная возбудимость Катерины Ивановны проявляется особенно резко. Вначале она Митю защищает, доходя до самоунижения. В своих свидетельских показаниях она рассказывает, как однажды, спасая отца, пришла просить у Мити денег (с. 219):

Тут было что-то беспримерное, так что даже и от такой самовластной и презрительно-гордой девушки, как она, почти невозможно было ожидать такого высокооткровенного показания, такой жертвы, такого самозаклания. И для чего, для кого? Чтобы спасти своего изменника и обидчика, чтобы послужить хоть чем-нибудь, хоть малым, к спасению его, произведя в его пользу хорошее впечатление.

Однако спустя немного времени свидетельские показания дает брат Мити, Иван, которого она любит больше, чем своего жениха. Иван предстает перед нами во время суда человеком психически больным, он обвиняет себя в подстрекательстве к отцеубийству. И вот тут-то разбушевавшиеся чувства заставляют Катерину Ивановну занять абсолютно противоположную позицию. Потрясенная жалостью к Ивану, а может быть, и объятая страхом, что его признания будут приняты всерьез, она почувствовала жестокую

ненависть к Мите, считая его ответственным за душевное заболевание брата. Она кричит (с. 230):

Я пробовала победить его (Митю) моей любовью, любовью без конца, даже измену его хотела снести, но он ничего, ничего не понял. Да разве он может что-нибудь понять! Это изверг!

Незадолго до этого она уже называла его «зверем». Достоевский продолжает (с. 232):

О, разумеется, так говорить и так признаваться можно только какой-нибудь раз в жизни — в предсмертную минуту, например всходя на эшафот. Но Катя именно была в своем характере и в своей минуте. Это была та же самая стремительная Катя, которая кинулась тогда к молодому развратнику, чтобы спасти отца; та же самая Катя, которая давеча, перед всею этою публикою, гордая и целомудренная, принесла себя и девичий стыд свой в жертву, рассказав про «благородный поступок Мити», чтобы только лишь сколько-нибудь смягчить ожидавшую его участь. И вот теперь точно так же она тоже принесла себя в жертву, но уже за другого, и может быть только лишь теперь, только в эту минуту, впервые почувствовав и осмыслив вполне, как дорог ей этот другой человек.

Дойдя до предела эмоционального возбуждения после своего свидетельского показания против Мити, Катерина Ивановна впадает в истерический припадок (с. 232—233):

Минута же мщения слетела неожиданно, и все так долго и больно скоплявшееся в груди обиженной женщины разом, и опять таки неожиданно, вырвалось наружу. Она предала Митю, но предала и себя! И разумеется, только что успела высказаться, напряжение порвалось, и стыд подавил ее. Опять началась истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее увели.

Припадок не свидетельствует о наличии патологического истерического начала в психике; он указывает лишь на то, что внутреннее напряжение сделалось невыносимым, а нормальный путь разрядки не представлялся возможным.

В тех случаях, когда экзальтированность чувств остается ведущим фактором, но к ней присоединяется и самостоятельная возбудимость в сфере воли, возникает такое качество личности как страстность. Восторг и отчаяние находят в этом случае выражение в самих поступках, в то время как при отсутствии волевой возбудимости чрезмерная экзальтированность чувств больше выражается в идеях и душевных переживаниях. У Катерины Ивановны активность появилась лишь тогда, когда эмоциональное возбуждение достигло апогея, обычно же оно проявлялось больше в экзальтированности идей.

В художественной литературе есть и другие примеры сочетания в страстном порыве чрезмерности чувств и максимума активности. Вспомним о взрыве чувств Мортимера, который так убедительно изображен Шиллером в «Марии Стюарт». Мортимер пылает страстью к Марии (с. 528): Мортимер:

О, нет! Клянусь, не я, безумец — тот,

Кто не удержит клад, ему однажды

Дарованный по изволенью бога!

Хотя б на казнь вела меня дорога,

Спасу тебя! Спасу! Но… видит бог,

Спасу затем, чтоб завладеть тобою!

Охваченный бешеной страстью, он сжимает Марию в объятиях. Мария в ужасе кричит: «Так сжалься же, всевышний,

надо мною!» Шиллер ничего не сообщает о том, вел ли себя подобным образом Мортимер и в других жизненных ситуациях. Но можно сказать, что человек, становящийся рабом своих аффектов в такой мере, должен быть по природе своей натурой необычайно страстной.

Кстати, в «Орлеанской деве», где, казалось бы, страстные проявления подсказаны самим сюжетом, Шиллер изображает несравненно меньше «страстей». Вероятно, это объясняется тем, что Иоанна с радостью подчиняется воле матери божьей, что делает ее поведение скромным, сдержанным.

У Достоевского страстность натуры Настасьи Филипповны в романе «Идиот» проявляется во многих эпизодах. Если она, наряду с этим, представляется нам и подчеркнуто гордой, то эту черту можно считать проявлением психологического развития: ее еще ребенком вынудили стать любовницей развращенного сластолюбца, из-за чего она постоянно подвергалась унижениям, о которых уже никогда не могла забыть. Можно было бы рассматривать ее гордость как психологическую реакцию на все перенесенные унижения.

Страстность же этой женщины никак нельзя объяснить обстоятельствами ее биографии. Хотя Настасья Филипповна постоянно старается наладить спокойный размеренный ход жизни, тем не менее она постоянно сбивается с пути, и это связано с ее легкой эмоциональной возбудимостью. Она все время колеблется между князем Мышкиным и Рогожиным, и колебания эти не контролируются разумом — ее чувства непрерывно толкают ее то к одному, то к другому. То она решает выйти замуж за одного, то за другого, но всякий раз именно аффекты уводят ее в сторону от принятого решения. Наконец, князь ждет Настасью Филипповну в церкви, где должно состояться венчание. Невесте остается только сесть в экипаж, чтобы доехать до церкви. В это мгновение она увидела Рогожина — и вот уже бросается к нему и бежит с ним. Особенно ярко проявляется страстность героини в одной сцене: в результате всевозрастающего возбуждения она, вырвав кнут во внезапном порыве из рук одного из присутствующих гостей, хлещет своего оскорбителя этим кнутом по лицу.

Между импульсивностью Настасьи Филипповны и грубыми эксцессами

Рогожина, о которых говорилось выше, нет никакого сходства. Поступки Настасьи Филипповны отнюдь не бесконтрольны, она отлично отдает себе отчет в том, что нужно, что она хочет сделать. Со своим «сластолюбцем» она расстается, как только достигает совершеннолетия; после этого она не ищет сексуальных похождений. Она начитана, образована, обладает большой чуткостью. Последнее проявляется в том, что она не хочет выйти за князя Мышкина, которого глубоко любит, ибо не верит, что сможет дать ему счастье. Таким образом именно аффекты, а не грубая несдержанность вызывают бурные взрывы чувств Настасьи Филипповны.

Экзальтированность в сочетании со взрывами страстей еще более ярко выражены у Матильды де ля Моль в романе «Красное и черное» Стендаля. Ее чувства к Жюльену все время колеблются между страстной любовью и ожесточенной враждебностью. Когда Жюльен равнодушен к ней, она льнет к нему со всей пылкостью; когда она уверена в его любви, она холодно отворачивается, бросает на него взгляды, полные ненависти и презрения. Стендаль изображает здесь как раз то психологическое развитие, которое им подробнее описано в произведении «Любовь»: самая сильная любовь возникает в тех случаях, когда любящий не встречает взаимности. Правда, Стендаль, стремясь доказать эту мысль, изображает эти противоположные чувства с максималистских позиций.

После того как мадемуазель де ля Моль сама пригласила Жюльена, который на данном этапе развития их отношений едва ли ее любил, ночью в свою спальню и отдалась ему, утром наступает первый резкий поворот в ее поведении (с. 437):

— Сударь, вы изволили, по-видимому, вообразить,— сказала она с еле сдерживаемым гневом,— что вы приобрели надо мной какие-то особенные права, если, вопреки моему желанию, выраженному как нельзя более ясно, вы пытаетесь заговорить со мной?.. Известно ли вам, что никто в мире не осмеливался на подобную дерзость?

Через два дня происходит следующая сцена (с. 439):

Растерявшись от неожиданности, Жюльен в порыве горя не удержался и сказал ей кротким голосом, идущим из глубины души:

— Так, значит, вы меня больше не любите?

— Я в себя не могу прийти от ужаса, что отдалась первому встречному,— сказала Матильда и от злости на себя залилась слезами.

В последующие дни Матильде доставляет радость наблюдать терзания Жюльена; она глубоко презирает его. Но вскоре, под влиянием разлуки, ход ее чувств и мыслей снова изменяется, она уже начинает тосковать по возлюбленному, к ней возвращается пламенная любовь. Во время этой мучительной внутренней борьбы Матильды в спальне ее появляется Жюльен, на этот раз проникший сюда без приглашения. Она вновь охвачена страстью и проклинает себя за холодность, предшествовавшую их встрече (с. 453—454):

Кто мог бы описать безумную радость Жюльена? Матильда была счастлива, пожалуй, не меньше его. Она кляла себя, жаловалась на себя.

— Накажи меня за мою чудовищную гордость,— говорила она, обнимая его так крепко, словно хотела задушить в своих объятиях.—Ты мой повелитель, я твоя раба, я должна на коленях молить у тебя прощения за то, что я взбунтовалась.— И, разомкнув объятия, она упала к его ногам.— Да, ты мой повелитель! — говорила она, упоенная счастьем и любовью.— Властвуй надо мной всегда, карай без пощады свою рабыню, если она вздумает бунтовать.

Через несколько мгновений, вырвавшись из его объятий, она зажигает свечу, и Жюльену едва удается удержать ее: она непременно хочет отрезать огромную прядь, чуть ли не половину своих волос.

— Я хочу всегда помнить о том, что я твоя служанка, и если когда-нибудь моя омерзительная гордость снова ослепит меня, покажи мне эти волосы и скажи: «Дело не в любви и не в том, какое чувство владеет сейчас вашей душой; вы поклялись мне повиноваться,— извольте же держать слово!

На следующее утро страсть еще владеет ею с той же силой (с. 456):

За завтраком все поведение Матильды вполне соответствовало ее опрометчивой выходке. Можно было подумать, что ей не терпелось объявить всему свету, какую безумную страсть питает она к Жюльену.

Но уже на следующий день она впадает в противоположную крайность (с. 461):

Ее подавляло невыносимое сознание, что она дала какие-то права над собой этому попику, сыну деревенского мужика. «Это вроде того, если бы мне пришлось сознаться самой себе, что я влюбилась в лакея»,— говорила она себе в отчаянии, раздувая свое несчастье.

Даже когда Матильде кажется, что она держит себя с величайшим достоинством, ее поведение полно экспансивных крайностей (с. 463):

Сердце Матильды ликовало, упиваясь гордостью: вот она и порвала все, раз и навсегда! Она была необыкновенно счастлива, что ей удалось одержать блестящую победу над этой, так сильно одолевшей ее слабостью. «Теперь этот мальчишка поймет, наконец, что он не имеет и никогда не будет иметь надо мной никакой власти». Она была до того счастлива, что в эту минуту действительно не испытывала никакой любви.

Но следующего поворота в чувствах не приходится долго ждать, холодность, с которой Жюльен теперь демонстративно относится к Матильде, снова вызывает IB ней пылкие чувства.

Не подлежит сомнению, что как во всех приведенных, так и во многих других эмоциональных проявлениях Матильды де ля Моль заключено немало пафоса; слова и поступки ее, конечно, не всегда искренни. И все же перед нами типичная страстная натура, изображенная с некоторым поэтическим

преувеличением.

В корне отличается от Матильды мадам де Реналь, которая также искренне любит Жюльена. Чувства ее, хотя не так сильны, не так жгучи, как чувства Матильды, но не менее глубоки. Можно полагать, что мадам де Реналь — личность эмотивная. К сожалению, психология этой героини в романе описана исключительно в любовном аспекте, а следовательно, сама глубина ее чувств может быть обусловлена сокрушительной силой любви, которою она охвачена. Большая материнская любовь мадам де Реналь, упоминаемая в романе, описана здесь недостаточно, но все же и она заставляет лишний раз подумать о том, что перед нами личность эмотивная.

Крайности в поведении в романе «Идиот» мы наблюдаем не только у Настасьи Филипповны, но также и у ее соперницы Аглаи. Она тоже склонна к импульсивным поступкам. Но здесь речь идет о проявлении общей неуравновешенности в юном возрасте. Аглая еще почти ребенок, она склонна к тем крайностям, которые свойственны людям в период отрочества и в ранней юности. У этой молоденькой девушки, кроме того, нет никакого жизненного опыта. Она не способна справиться с чувством внезапно охватившей ее любви к князю, она то отталкивает, то снова приближает его к себе, причем чаще отталкивает, что характерно для натур импульсивных. Чисто юношескую склонность к крайностям обнаруживает в романе и шестнадцатилетний Ипполит. Преобладание враждебных и человеконенавистнических аффектов у Ипполита указывает на патологическое развитие. Причиной этого явилось его заболевание туберкулезом (Ипполит рано умирает от туберкулеза) —чахоточный юноша озлоблен, ожесточен против всех…

Юношеская чрезмерность чувств, которая в периоде «бури и натиска» проявляется у героев в страстности реакций, весьма ярко представлена у одного из главных персонажей «Войны и мира» — Николая Ростова. Он с воодушевлением идет на войну, думая только о славе, но, столкнувшись с реальными опасностями битвы, впадает в другую крайность (т. 1, с. 360):

И разгоряченная, чужая физиономия этого человека, который со штыком на перевес, сдерживая дыхание, легко подбегал к нему, испугала Ростова. Он схватил пистолет и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам, что было силы. Не с тем чувством сомнения и борьбы, с которым он ходил на Энский мост, бежал он, а с чувством зайца, убегающего от собак. Одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом.

Проходит немного времени, и Николай уже снова оправился, он начисто забыл о своем недостойном поведении во время боя и искренне гордится тем, что принимал в нем участие. Он охвачен воодушевлением, когда царь появляется на фронте, и мечтает о блаженстве умереть за своего царя.

Он совершенно забыл о недавней реальной возможности отдать жизнь за этого царя, когда, гонимый страхом и отчаянием, удирал, как заяц. Юный возраст Николая подчеркивается несколько ниже, когда автор говорит о его «добром, молодом сердце».

С годами эти юношеские гиперболизированные чувства уходят. Николай Ростов в дальнейшем не отличается избытком: эмоций. Свой долг в отношении родины он рассматривает теперь весьма трезво (т. 2, с 364):

Николай Ростов без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества и потому без отчаяния и мрачных умозаключений смотрел на то, что совершалось только в России. Если бы у него спросили, что он думает о теперешнем положении России, то он бы сказал, что ему думать нечего, что на то есть Кутузов, и другие…

Таким образом, в зрелом возрасте Николай Ростов стал совсем другим человеком.

Все повышенные реакции Наташи, сестры Николая, также относятся к раннему девичьему возрасту. Совсем незадолго до того как она влюбилась в Анатоля, мы еще читаем о том живом, импульсивном детском складе Наташи, который способствует включению ее без остатка в события, происходящие в данный момент. Именно с этим, пожалуй, связано то восхищенное обожание, которым окружают этот образ читатели.

Экзальтированно-демонстративные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЭКЗАЛЬТИРОВАННО-ДЕМОНСТРАТИВНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Отличить взрывы аффекта у личностей экзальтированных от истерической театральности поможет анализ личности, обладающей одновременно экзальтированным темпераментом и демонстративным характером.

Штабс-капитан Снегирев («Братья Карамазовы» Достоевского) неописуемо страдает в связи с болезнью, а затем и смертью сынишки. Он надеется услышать от врача хоть одно-два утешительных слова (с. 64—68):

Штабс-капитан стремительно выскочил вслед за доктором и, согнувшись, почти извиваясь перед ним, остановил его для последнего слова. Лицо бедняка было убитое, взгляд испуганный: — Ваше превосходительство, ваше превосходительство… Неужели?..— начал было он и не договорил, а лишь всплеснул руками в отчаянии, хотя все еще с последнею мольбой смотря на доктора, то;1-но в самом деле от теперешнего слова доктора мог измениться приговор над бедным мальчиком… Он не договорил, как бы захлебнувшись, и опустился в бессилии перед деревянною лавкою на колени. Стиснув обоими кулаками свою голову, он начал рыдать, как-то нелепо взвизгивая, изо всей силы крепясь, однако, чтобы не услышали его взвизгов в избе.

Снегирев исполнен искренней и глубокой боли, мы чувствуем его неподдельное отчаяние. И все же к глубокой боли, возможно, примешивается некоторая доля театральности. Например, когда Снегирев узнает, что его сын укусил Алешу за палец, он разражается следующей тирадой (с. 251—252):

— Жалею, сударь, о вашем пальчике, но не хотите ли я, прежде чем Илюшечку

сечь, свои четыре пальца, сейчас же на ваших глазах, для вашего справедливого удовлетворения, вот этим самым ножом оттяпаю. Четырех-то пальцев, я думаю, вам будет довольно-с для утоления жажды мщения-с, пятого не потребуете?

Он еще некоторое время продолжает подобные патетические речи, разглагольствования, пока его не прерывает дочь, крича из соседней комнаты, чтобы он перестал, наконец, валять дурака.

Когда Алеша вручает Снегиреву 200 рублей, переданных штабс-капитану Катериной Ивановной, мы сначала наблюдаем неумеренную экзальтацию, в форме которой проявляется на этот раз восторг. «Бедняк», как называет его Достоевский, постепенно приходит «в какой-то беспорядочный, почти дикий восторг». Его живая фантазия рисует ему картины того, на что он сможет потратить эти деньги. Счастье захватывает его — наконец-то тяжелая жизнь его и его семьи кончится! Но тут же настроение Снегирева снова изменяется. У него мелькает мысль, что его сын сочтет унизительным, если отец примет деньги. Это сознание причиняет ему невыносимую боль, и тут снова его страдания приобретают налет театральности (с. 297):

— Видели-с, видели-с! — взвизгнул он Алеше, бледный и исступленный, и вдруг подняв вверх кулак, со всего размаху бросил обе смятые кредитки на песок,— видели-с? — взвизгнул он опять, показывая на них пальцем,— ну, как вот же-с!..— И вдруг, подняв правую ногу, он с дикою злобой бросился их топтать каблуком, восклицая и задыхаясь с каждым ударом ноги.— Вот ваши деньги-с! Вот ваши деньги-с!— Вдруг он отскочил назад и выпрямился перед Алешей. Весь вид его изобразил собой неизъяснимую гордость.

Однако после этой (вспышки театральность исчезает, в его поведении, в его словах чувствуется подлинная боль (с. 297):

Но и опять, не пробежав пяти шагов, он в последний уже раз обернулся,, на этот раз без искривленного смеха в лице, а напротив, все оно сотрясалось слезами. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой прокричал он: «А что же бы я моему мальчику-то сказал, если б у вас деньги за позор наш взял?»

Интересно, что в образе Снегирева Достоевский изобразил истерика с глубокими душевными переживаниями, с экзальтированными, легко возбудимыми чувствами. Как уже говорилось, не только актеры, но и писатели, и художники часто сочетают в себе черты истерической и экзальтированной личности.

Интровертированные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНТРОВЕРТИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ

От внимания писателей не ускользнуло, что чрезмерная степень интровертированности в сочетании с далекими от жизни идеями, которые обычно сопутствуют ей, нередко бывает сопряжена с серьезными

психическими отклонениями. Однако сначала я приведу пример интровертированной личности вполне жизненной, не заключающей в себе ничего патологического. Недаром в своем анализе я останавливаю внимание на образе простого крестьянина. Дело в том, что склонность к размышлениям и формированию личных оценок разных событий у людей мало образованных со всей определенностью указывает на интровертированный склад личности.

«Ганс Иоггели — богатый дядюшка», которого описывает Готхельф, — холостяк. Уже одно это свидетельствует о том, что он никогда не испытывал особой потребности вступить в близкий контакт с окружающими. Правда, в деревенский кабачок он заходит, как и другие, но в разговорах участвует мало. У себя дома он также ведет довольно замкнутый образ жизни, общаясь лишь с молодыми батраками и батрачками, но и от них держится на расстоянии. По селу ходит обычно один. И тем не менее он способен умело, ловко обращаться с людьми, когда появляется потребность или вынуждают к тому обстоятельства; он ведет долгие обстоятельные беседы, во время которых отлично приспосабливается к внутреннему миру собеседника. Он успешно справляется со своими назойливыми родственниками, многие из которых пытаются втереться к нему в доверие, чтобы он не забыл упомянуть их в своем завещании. Каждый льстит Иоггели, стараясь очернить соперников. Иоггели спокойно всех выслушивает, делая любезные замечания, и ни словом не намекает на то, что думает о них в глубине души. Вот как описывает Готхельф раздражение одной из родственниц Иоггели (с. 302):

Возвращаясь домой, она ворчала себе под нос: у этого чудака никогда ничего понять нельзя. Разве по нему разберешь, как он к тебе относится? Да и крепкий он дяденька, кто его переживет? Он еще чего доброго будет нашими-то костями орехи сбивать с деревьев. Скупые люди — они все такие, они просто не могут умереть, их, верно, уже после страшного суда добивать будут; а более отчаянного скрягу, чем Йоггели, свет не видал. Дура я круглая, что все думаю об этом наследстве. Как бишь он сейчас сказал? Какова у человека судьба да сколько у него добра — все в руках божьих. Ах, старый плут! Чует мое сердце, что все это зря и что останемся мы все ни с чем…

У претендентов на наследство в мыслях одно, а у Ганса Иоггеля совсем другое. Он насквозь видит игру, которую они ведут в надежде отхватить кусочек его добра, но не питает к ним злобы. Отсюда можно заключить, что его сдержанность и замкнутость лишены аффективной базы,
т. е. интровертированность Иоггели не связана с аффективными стимулами со стороны окружающих. Когда посещения родственников уж слишком тяготят его, он проявляет некоторое неудовольствие или старается сбежать на свое поле, но не более.

Спокоен он и тогда, когда его импульсивная двоюродная сестрица выдает свое раздражение по поводу того, что старик Иоггели еще так бодро держится (с. 307):

Ганс Иоггели спокойно поджидал ее прихода в помещении. «Доброго вам здоровья, братец церковный староста!» — сказала она, входя и протягивая ему руку. «Вы все такой же,— бодрый, совсем еще молодой, это меня

искренне радует».— «Да, да, слава господу, чувствую себя неплохо, а если на та будет божья воля, то собираюсь и еще немного попользоваться жизнью. Бабушка моя дожила до девяноста семи лет, а мне много раз говорили, что я очень похож на деда и бабку.— «О, да, разумеется,— сказала женщина,— прекрасный возраст, я бы желала вам до него дожить. Правда, я бы, пожалуй, так долго не выдержала, пропала бы с тоски. А что, дед ваш, он кажется, умер совсем молодым?»—«Да,— сказал староста,— он упал с дерева, но люди, знавшие его, всегда говорили, что если б не это несчастье, то он жил бы до ста лет».

Уже из этой беседы мы можем сделать вывод, что Ганс Иоггели большой шутник, он признает это и сам (с. 357):

Кто одной ногой стоит в могиле, тому нельзя уже ни лгать, ни дурачить людей. Я не один раз участвовал в разных шутках, многих людей водил за нос, а сейчас, я, право, не люблю об этом вспоминать.

Подсмеиваясь над людьми, Иоггели никогда не высказывается прямо, а ограничивается намеками. Так, он обращается к одному из двоюродных братьев, который тоже жаждет получить наследство, рассказывая о другом родственнике (с. 318):

— Я его крестный и, кроме того,— так утверждают,— двоюродный браг. Сам я этого точно не знаю, моя голова слишком мала, чтобы вместить такую громадную родню; иногда мне вообще кажется, что каждый год словно из земли вылезают какие-то мои новые двоюродные братья и сестры, ну прямо так» как натуральный клевер на хорошо возделанном участке.

Намеки вместо открытого высказывания о вещах и явлениях характерны для интровертированности. Склонность строить отношения в полушутливом плане свойственна преимущественно интровертированным личностям, ибо в основе таких отношений лежит скрытая, внутренняя игра ума.

Принято считать, что комические рассказчики, вызывающие дружный хохот всего зала, — личности экстравертированные. Если это действительно так, то они воздействуют на публику живостью манер, блестящим исполнением заранее подготовленных анекдотов и шуток. Однако те рассказчики, которые импровизируют свои оригинальные остроты, как например мюнхенский комик Валентин, по своему психическому складу являются интровертированными личностями. Сведения о частной жизни карикатуриста Вильгельма Буша заставляют нас предположить о нем то же самое.

Ганс Иоггели живет своей внутренней жизнью, но он не удаляется от действительности, напротив, оценивает ее трезво и лучше всех окружающих. Это нисколько не противоречит интровертированности. Во-первых, интровертированность лишь в значительной степени приводит к появлению оторванных от жизни идей; во-вторых, Ганс Иоггели-—простой крестьянин, у которого в жизни не было стимулов к выработке абстрактного мышления. Естественно, что интровертированность Иоггели лишь расширяет его суждения о данных фактах, но не влечет за собой опасности полного отрыва от действительности.

Более ярко выраженную интровертированность наблюдаем у Ордынова из повести Достоевского «Хозяйка». В этом случае такая особенность личности граничит с психическим заболеванием. С детства Ордынов почти не вступает в контакт с окружающими, возможно, не только из-за интровертированности, но также из-за своей слабой общительности. Он живет в своем внутреннем мире (с. 425):

Еще в детских летах он прослыл чудаком и был непохож на товарищей. Родителей он не знал; от товарищей за свой странный, нелюдимый характер терпел он бесчеловечность и грубость, от чего сделался действительно нелюдим и угрюм и мало-помалу ударился в исключительность. Но в уединенных занятиях его никогда, даже и теперь, не было порядка и определенной системы; теперь был один только первый восторг, первый жар, первая горячка художника. Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его мало-помалу восставал еще темный, неясный, но какой-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло.

Долгое время Ордынов совсем не сталкивался с людьми. Но он вынужден вступать с ними в контакт из-за необходимости подыскать себе новую квартиру. Во время этих поисков он сам себе кажется «отчужденным» (с. 426):

Теперь он ходил по улицам, как отчужденный, как отшельник, внезапно вышедший из своей немой пустыни в шумный и гремящий город. Все ему казалось ново и странно. Но он до того был чужд тому миру, который кипел и грохотал кругом него, что даже не подумал удивиться своему странному ощущению.

Ордынова никогда еще никто не любил, он сам также еще не испытывал этого чувства. Поэтому вспыхнувшая любовь поглощает его всецело, а последующее разочарование, вероятнее всего, погубит его, ибо в конце повести Достоевский пишет (с. 499):

Мало-помалу Ордынов одичал еще более прежнего, в чем, нужно отдать справедливость, его немцы нисколько ему не мешали. Он часто любил бродить по улицам, долго, без цели. Он выбирал преимущественно сумеречный час, а место прогулки — места глухие, отдаленные, редко посещаемые народом.

Для психиатра эта картина ясна: перед нами аутистический психопат столь высокой степени, что его можно назвать шизоидом, который под влиянием сильнейших душевных потрясений превращается в аутистического шизофреника.

Еще один персонаж Достоевского, Иван, средний из братьев Карамазовых, также весьма близок к душевному заболеванию. Он постоянно занят различными философскими и религиозными вопросами и вынашивает собственные оригинальные идеи, противоречащие, как правило, идеям и взглядам большинства окружающих людей. С тезисом «все дозволено», к

которому он пришел путем философских выкладок, Иван знакомит и Смердякова, а тот, возможно, и исходил из этого тезиса, когда решился на убийство Федора Павловича Карамазова. Вставную новеллу религиозно-философского содержания «Великий инквизитор» Достоевский также вкладывает в уста Ивана. Становится ли этот персонаж под конец на самом деле психически больным или дело ограничивается лишь «нервной горячкой» — остается неясным.

Наконец, явной душевной болезнью страдает Дон Кихот. Может показаться неуместным анализ этого образа в рамках акцентуации личности. Однако в этом заболевании в аспекте медицинском, психиатрическом — слишком уж много несоответствий. Душевное заболевание Дон Кихота представляет собой скорее вершину порожденных интровертированностью идей, которую Сервантес изображает, конечно, не без поэтического преувеличения. «Рыцарь печального образа» так глубоко погружен в свои отвлеченные представления, что он не только забывает о действительности, но попросту ее игнорирует. Когда воображение рисует ему великанов, замки, прекрасную даму Дульцинею, он не способен понять, что речь идет всего-навсего о ветряных мельницах, деревенской таверне и крестьянской девушке. Там же, где его фантазия приводит к слишком резким столкновениям с действительностью, он готов предположить колдовство — лишь бы остаться в мире своих полубредовых идей. В образе Дон Кихота весьма четко — несмотря на заметное поэтическое преувеличение —показана основная тенденция интровертированности. Особенно она бросается в глаза благодаря тому, что постоянно поддерживается наглядным контрастом экстравертированности Санчо Пансы, партнера и антипода рыцаря. Когда ниже речь пойдет о Санчо Пансе, мы убедимся, что он фактически от Дон Кихота неотделим.

Описывая акцентуацию интровертированных личностей, а также ее комбинации, мы задавались вопросом, способствует ли интровертированность параноическому развитию. Наши наблюдения над сутягами (кверулянтами) свидетельствовали скорее об обратном, так как последние большей частью гипоманиакальны. Однако вопрос о том, развивается ли гипоманиакальность параллельно с экстравертированностью, остался открытым. С уверенностью можно сказать лишь одно: параноическое развитие, направленное не в сторону бреда преследования, а в сторону бреда величия, безусловно стимулируется интровертированностью. Ибо именно в этом случае частая «игра колебаний», которая все более усиливает аффекты, меньше зависит от конфликтов с окружением человека; она обусловлена появлением мыслей, идей, которые постепенно наполняются аффективным сознанием своей значительности и исключительности. Такое развитие изображено Достоевским в «Преступлении и наказании». Мы имеем в виду Раскольникова.

Долгое время читатель не знает, что же именно побудило Раскольникова к совершению убийства. А дело в том, что он «уперся» в идею о существовании двух видов людей. Высшие люди обладают правом шагать по другим, низшим, ни с чем не считаясь, они имеют право и убить низшего человека, если высшая цель того требует. Раскольникову мерещится Наполеон, который, сообразно со своей великой целью, шагал по крови и трупам. Раскольников пишет даже научное исследование на эту тему. По

этому случаю Порфирий говорит (с. 268):

— Все дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные. Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

По этому ходу мыслей мы узнаем параноическое развитие, которое получает направление в сторону бреда величия, а не, как в вышеописанных случаях, в сторону бреда преследования. По-видимому, Раскольников долго боролся со своей идеей, а тем самым — что, впрочем, типично для таких больных — запутался в ней и сам оказался у нее в плену. В какой-то степени поняв это, он говорит Соне (с. 437):

— И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю себе вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет… Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон, или нет? так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон… Всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал…

Учитывая это глубоко зашедшее параноическое развитие, которое извне ничем особенным не провоцировалось, можно сказать, что Раскольников является личностью застревающей. О личности Раскольникова в романе есть несколько замечаний. Его друг Разумихин говорит о нем однажды, что Родион Раскольников «угрюм, мрачен, надменен и горд». Свидригайлов, который Раскольникова не любит, говорит безусловно правду, описывая его следующим образом, причем родная сестра Родиона Дуня ничего ему не может возразить (с. 513—514):

— Оно, тоже, конечно, обидно для молодого человека с достоинствами и с самолюбием непомерным знать, что были бы, например, всего только тысячи три, и вся карьера, все будущее в его жизненной цели формируется иначе, а между тем нет этих трех тысяч. Прибавьте к этому раздражение от голода, от тесной квартиры, от рубища, от яркого сознания плачевности своего социального положения, а отсюда и положения сестры и матери. Пуще всего тщеславие, гордость и тщеславие, а впрочем, бог его знает, может и при хороших наклонностях… Я ведь его не виню, не думайте, пожалуйста; да и не мое дело. Тут была тоже одна собственная теорийка,— так себе теория,— по которой люди разделяются, видите ли, на материал и на особенных людей, т. е. на таких людей, для которых, по их высокому положению, закон не писан, а, напротив, которые сами сочиняют законы остальным людям, материалу-то, сору-то…

Эти слова и много других указывают на чрезмерную самонадеянность Раскольникова. Если же второй компонент параноической личности, чувствительность, в нем менее заметен, то это находится в соответствии с экспансивным направлением его параноического развития. И все же нельзя

сказать, что чувствительность у Раскольникова полностью отсутствует. Он тяжело переносит возражения; при любом возражении в нем поднимается протест, он упорствует в принятом решении (с. 224):

— Вы думаете,— с жаром продолжает Пульхерия Александровна,— его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болезнь, моя смерть, может быть с тоски, наша нищета? Преспокойно бы перешагнул через все препятствия.

Эти слова матери относятся к прошлому намерению Раскольникова жениться на девушке, которая не подошла бы к семье Раскольниковых.

Однако у Раскольникова в то же время ярко выражена интровертированность. Своей внутренней жизнью он ни с кем не делится. Его лучшему другу Разумихину ничего не известно о его идеях. Разумихин был крайне удивлен, когда услышал о статье, написанной Раскольниковым. Замкнутость Раскольникова вообще постоянно подчеркивается в романе. Разумихин говорит о нем (с. 222):

— Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце.

Интровертированность несомненно способствовала и тому, что Раскольников в авоем параноическом развитии терялся в ходе собственных мыслей, удалялся от действительности.

Интровертированность способствует, наконец, и эротическому развитию. Постоянная смена надежд и тревожных опасений, часто возникающая при любовных переживаниях, у интровертированных личностей усугубляется, так как «внутренняя переработка» активизирует такие колебания. Интровертированную личность с эротическим развитием изображает Мопассан в «Нашем сердце». Мариоль человек чрезвычайно чувствительный. Качеств его личности, которые в первую очередь имеют тенденцию к развитию, т. е. параноических и ананкастических черт у него нет.

Интровертированность Мариоля проявляется в том, что он вечно анализирует свои переживания, пытаясь их объяснить. Он сам говорит о себе, что слишком много размышляет обо всем и при этом расчленяет разные чувства. Один раз он упоминает даже о своих навязчивых идеях.

Ясно видна и его чувствительность, впечатлительность, легкая возбудимость. Мадам де Бюрн, которой хочется завоевать привязанность Мариоля, разгадывает его характер и находит ключ к его сердцу. Она проникает в эту робкую, нежную и тоскующую душу постепенно, своим вниманием и участием преодолевает сдержанность Мариоля и окончательно его покоряет.

Аффективное развитие Мариоля сопряжено с тем, что он попадает в руки женщины, неспособной на глубокую любовь, которая постоянно дает и снова отнимает то, что она дала. Она как бы швыряет его чувства то в одну, то в другую сторону; сам же он еще усугубляет такую «раздерганность чувств» — благодаря включению «мысленной переработки». В то же время

чувствительность Мариоля повышает его возбудимость.

Колебания между Мариолем и мадам де Бюрн возникают уже в самом начале. Мишель окружена поклонниками, кокетничает с ними, тем не менее держит их на — расстоянии. В данный момент ей хочется завоевать Мариоля, поэтому ему отдается предпочтение перед всеми остальными. Однако проявления благосклонности Мишель не могут его удовлетворить, так как она по-прежнему идет навстречу и другим, увлеченным ею молодым людям. Мадам де Бюрн сама раскрывает свои карты (с. 24):

— Не бойтесь слова «кокетка». Да, я действительно кокетничаю с людьми, которые мне нравятся. Все это знают, да я и сама не скрываю. Но присмотритесь и вы увидите, что я никому не оказываю особого предпочтения, именно это мне и позволяет сохранять всех своих друзей,… держать их при себе.

Мариоль сразу чует опасность, он настороже, но в конце концов и он сражен ее кокетливой игрой, разница лишь в том, что в нем пробуждается более глубокое чувство, чем в других. С этого момента начинаются его страдания. Они перемежаются с моментами экстаза, причем смены не заставляют себя долго ждать. Мадам де Бюрн постепенно все больше приближает Мариоля к себе и наконец отдается ему. За этим следуют 20 дней безоблачного восторга, когда Мишель де Бюрн ежедневно приходит в домик в саду, снятый для них обоих Мариолем. Но он уже тогда чувствует, что женщина, ставшая его возлюбленной, не принадлежит ему до конца. Вскоре появляется и подтверждение, которое его ошеломляет: в течение этих двадцати дней — дней расцвета любви, когда, как он полагал, каждая их минута была наполнена для нее новым и живым чувством, жизнь Мишель текла в старом русле. Она по-прежнему наносила визиты и планировала вечеринки, продолжала начатые флирты, побеждала соперниц, с удовольствием выслушивала льстивые речи и расточала ласковые слова вовсе не ему одному, а многим другим. В лице появившегося в светском кругу графа Бернгауза она увидела достойный для покорения объект. Правда, она все еще предпочитает Мариоля, по-авоему внимательна к нему, изредка бывает даже в домике в саду, но все это носит внешний характер, души в этом нет. Когда Мариоль пытался найти душу, он словно заглядывал «в «черную дыру». А мадам де Бюрн заверяла, что любит его и как будто и доказывала это милым приветливым отношением. Однажды он не выдержал и высказался (с. 149):

— Как странно вы смотрите на любовь. Я для вас всего-навсего один из тех, кого вы не прочь увидеть в гостиной рядом с собой! Для меня же вы означаете целый мир: я ничего не знаю, не чувствую, кроме вас, да мне ничего больше и не нужно.

Вначале счастье близости с возлюбленной и боль от ее отказа побыть вместе как бы компенсируют друг друга. Однако проявления нежности Мишель становятся все более скупыми, Мариоль вынужден дать себе отчет в том, что его любовный пыл тяготит Мишель. Он «почувствовал конец», и его страдания, вызванные бесплодной борьбой и неизменными разочарованиями из-за несбывшихся надежд, стали чрезвычайно болезненными: «Она распяла его на кресте, он истекал кровью, она видела его агонию, — но неспособна

была понять эти страдания и даже оставалась довольна собой».

Ревность, мысль, что мадам де Бюрн, возможно, позволяет другим мужчинам, в особенности графу Бернгаузу больше, чем ему, доводит его до последней грани отчаяния. В этом состоянии, а то и раньше, к такой дисгармонической любви примешивается ненависть, впрочем, у Мариоля это чувство проявляется очень слабо. Он со своей чувствительной натурой, не обладающей боевыми качествами, едва ли способен на страстную ненависть. Но все же ненависть вспыхивает и в Мариоле. Это происходит тогда, когда Мишель де Бюрн, здороваясь с подругой, бурно обнимает и целует ее. Мариоль трепещет от страданий. Ни разу она не приветствовала его так сердечно, не целовала, не душила так в объятиях. И охваченный гневом он произносит: «Эти женщины, разве можно их любить?»

Уже и прежде ненависть прорывалась, когда мадам де Бюрн однажды при встрече любовалась красотой сада, а Мариоля почти не замечала (с. 166):

Он смотрел на нее и думал: так вот она, ее пылкая любовь. Впервые он •ощутил ненависть к ней — ненависть обманутого мужчины — к ее лицу, к этой неуловимой душе, к этому телу, которого он так желал и которое всегда ускользало от него.

В конце концов Мариоль бежит из Парижа. Но любовь не покидает его, дни наполнены мыслями о Мишель. Думая о счастье, которое она подарила ему, о графе Бернгаузе, который, вероятно, теперь занял его место, он продолжает и после разлуки «раскачивать» свои чувства, никак не может найти покоя. На некоторое время страдания облегчает простая милая девушка, которая в него влюбляется. Но потом он все же не в силах совладать с собой и пишет Мишель письмо; та зовет его вернуться. Правда, он увозит с собой, возвращаясь, и милую девушку, с ее искренними чувствами, поэтому можно надеяться, что она в будущем вытеснит из его души мадам де Бюрн с ее половинчатой натурой.

В описанном случае кокетливая игра мадам де Бюрн явно стимулировала эротическое развитие, но лишь наличие интровертированности и чувствительности могло привести к развитию в таких масштабах.

Психологически картину эротического развития в «Нашем сердце» можно понять еще лучше, если сравнить его с психологической ситуацией в романе Генриха Манна «Охота за любовью». Его герой Клод точно так же глубоко и, собственно, без взаимности, как и Мариоль, привязан к женщине. Разлука с возлюбленной приводит даже к постепенному физическому угасанию Клода, вплоть до смертельного исхода. И все же здесь нет чрезмерной любви, психологические предпосылки для нее отсутствуют. Клод не колеблется между экстазами любви и тяжким разочарованием, так как любимая всегда отвечает ему отказом. Ута всецело посвятила жизнь погоне за славой, которой она, будучи актрисой, хочет добиться во что бы то ни стало. Ради карьеры она даже отдается двум старым, авторитетным в театральном мире, мужчинам; в то же время отвергает все попытки Клода к эротическому сближению. При таком категорическом отказе любовь исчерпывает себя: когда любви нечем питаться, она исчезает. Сестринская привязанность, которую Ута испытывает к Клоду, не может заменить любовь, стать ее

эрзацем. К этому следует добавить, что Клод не обладает четко выраженной акцентуацией личности, да и, собственно говоря, не страдает от недостатка любви: он любит других женщин, подчас даже пылко, а они отвечают ему взаимностью. Таким образом, в романе Г. Манна отсутствует та психологическая последовательность действия, которая впечатляет в «Нашем сердце».

Интровертированно-гипертимические личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ИНТРОВЕРТИРОВАННО-ГИПЕРТИМИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Особый интерес представляет собой сочетание интровертированности и гипертимичности. Личность гипертимическая направлена «наружу», она характеризуется деловитостью, отвлекаемостью и большой словоохотливостью. Напрашивается мысль, что интровертированность в таких случаях исключается. Однако это не так, что было уже показано выше: обе эти особенности находятся в различных плоскостях психической структуры, и каждая из них распознается отдельно. Превосходный пример интровертированно-гипертимической личности дает Томас Манн в «Волшебной горе». Итальянец Сеттембрини всегда оживлен, разговорчив, даже болтлив, он все обо всех знает, постоянно острит и весело заигрывает с проходящими мимо девушками. У него, несомненно, гипертимический темперамент. При первой же встрече с Гансом Касторпом и его двоюродным братом он обнаруживает свой живой веселый нрав, а также несколько скачкообразный ход мыслей. Именем «Радамант» в приводимом фрагменте он шутливо называет доктора Беренса, ведущего врача санатория (с. 87):

— Да что вы? — воскликнул Сеттембрини.— Превосходно! — бросил он в пространство и, смеясь, откинулся назад.— Как это поется в опере вашего композитора? «Я птицелов, всегда я весел и здоров». Словом, все это весьма занятно. И вы решили последовать его совету? Без сомнения? Да и почему не последовать? Чертов приспешник этот Радамант! И потом всегда «весел», хотя иной раз и через силу. У него же склонность к меланхолии. Его порок ему идет во вред — впрочем, что это был бы иначе за порок?.. Табак вызывает в нем меланхолию — почему наша достойная всякого уважения старшая сестра и взялась хранить его запасы курева и выдает ему на день весьма скромный рацион. Говорят, что иногда, будучи не в силах противиться соблазну, он крадет у нее табак, а затем впадает в хандру. Короче говоря—смятенная душа. Вы, надеюсь, уже познакомились с нашей старшей сестрой? Нет? А следовало! Как же вы не домогались знакомства с ней? Это ошибка! Она ведь из рода фон Милендонков, сударь мой. А от Венеры Медицейской отличается тем, что там, где у богини перси, у нее крест…

Несмотря на исключительную гибкость и подвижность своего ума, Сеттембрини обладает собственными весьма твердыми взглядами, он всецело независим от высказываний окружающих. Он часто ведет философские беседы с Гансом Касторпом и непрерывно спорит с господином Нафта, своим научным противником. Больше всего его занимает некая идея, которую он хочет детально развить в задуманной книге. В центре идеи стоит вопрос о том, как можно наилучшим образом обеспечить прогресс человечества? В связи со

сказанным напрашивается вывод, что Сеттембрини — личность интровертированная.

Обе эти стороны, гипоманикальность и интровертированность, проявляются в следующем обращении к Гансу Касторпу (с. 247—248):

— Что я слышу, инженер? Знаете, какие до меня доходят вести? Ваша Беатриче возвращается? Ваша водительница по всем девяти кругам рая? Что ж, хочу надеяться, вы и тогда не отвергнете окончательно направляющую дружескую руку своего Вергилия? Наш сидящий здесь Экклезиаст подтвердит вам, что картина medio evo окажется неполной, если францисканской мистике не будет противостоять, как полюс, идея познания, созданная томизмом.

Этими веселыми и шутливыми словами Сеттембрини намекает Гансу Касторпу на предстоящее возвращение его любимой, Клавдии Шоша, но делает он это в форме, свидетельствующей о его большой начитанности в таких областях, которые весьма отдалены от актуальных проблем сегодняшнего дня. Обе черты темперамента представлены и в следующем отрывке (с. 46—47):

Сеттембрини тотчас с удивительной непринужденностью преодолел недовольство или замешательство, которое обнаружил при виде молодых людей.

Он казался в отличном настроении и, знакомя их, весело подшучивал — так, например, он представил им Нафту в качестве «princips scholasticorum».

— Радость,— возгласил он,— «царит в чертогах моей груди» — по выражению Аретино, и это заслуга весны, весны, которую он особенно ценит.

Сначала нам кажется странным, что ученый человек увеселяет всех своей находчивостью и остротами, но впоследствии оказывается, что это психологически вполне объяснимо. Томас Манн представил нам впечатляющую комбинацию двух типов темперамента. Правда, некоторое поэтическое преувеличение и здесь налицо: такой ярко выраженный гипоманиак, как Сеттем-брини, не может обладать столь же ярко выраженной интровертированностью. Но подобное преувеличение не искажает картины, напротив, оно делает ее более четкой.

Экстравертированные личности

Акцентуированные личности
Карл Леонгард

ЭКСТРАВЕРТИРОВАННЫЕ ЛИЧНОСТИ

Подобно тому как Дон Кихот представляет собой тип интровертированной личности, Санчо Панса — личность типично экстравертированная. Он во всем является противоположностью своему господину, видит перед собой одну лишь объективную действительность. Именно поэтому Санчо олицетворяет практический подход к вещам, здравый рассудок, противостоящий оторванности от жизни Дон Кихота.

Перед первым приключением Дон Кихота, борьбой с ветряными мельницами, Сервантес изображает следующую сцену:

С этими словами Дон Кихот вонзил шпоры в бока Россинанта, не обращая внимания на крики Санчо, который уверял его, что, вне всякого сомнения, он нападает не на великанов, а на ветряные мельницы.

Дон Кихот и Санчо вступают в ожесточенный спор и перед трактиром, здание которого пока еще неясно перед ними вырисовывается. Когда они подъезжают ближе, Санчо вообще не обращает внимание на слова Дон Кихота:

Не прошел он и мили, как судьба, которая от добра к добру вела его, направила его на дорогу, где вскоре завидели они постоялый двор, который Дон Кихоту (но отнюдь не Санчо) показался замком. Санчо уверял, что это постоялый двор, а его господин — что это замок. И так затянулся их спор, что они, не закончив его, прибыли на место, и Санчо, не спрашивая, куда попал, проследовал во двор со всем своим обозом.

В дальнейшем еще одна комическая сцена разыгрывается перед двумя овечьими стадами, которых Дон Кихот принял за два рыцарских войска:

Внимательно слушал его Санчо, не решаясь проронить ни слова, и только время от времени поворачивал голову в надежде увидеть рыцарей и великанов, которых перечислял его господин; но так как ни одного из них ему не удалось обнаружить, то в конце концов он сказал: — Куда к черту запропастились, сеньор, все эти рыцари и великаны, о которых говорит ваша милость? Я, по крайней мере, ни одного из них не вижу. Или все они так зачарованы, как призраки, являвшиеся к нам прошлой ночью?

Когда Дон Кихот тотчас же после этого бросается в атаку, Санчо кричит ему вслед:

— Господин мой, сеньор Дон Кихот, вернитесь. Клянусь моей душой, вы нападаете на овец и баранов! Вернитесь, заклинаю вас именем отца небесного! Ну, что это за безумие! Верьте мне, здесь нет ни великанов, ни рыцарей, ни кошек, ни доспехов, ни щитов цельных или четырехпольных, ни небесной лазури, ни всей этой вашей чертовщины. Да что же он делает, грехи мои тяжкие!

Все же многое из того, что говорит Дон Кихот, Санчо принимает за чистую монету. Например, он твердо верит в то, что окончательной его наградой в случае победы будет титул наместника некоего острова. Впрочем, экстравертированности Санчо это ни в коей мере не противоречит, ибо, как уже отмечалось выше, понятие экстравертированности и реализм отнюдь не являются синонимами и отождествлять их нельзя.

Экстравертированная личность достаточно бездумно принимает все, что ей предлагается объективной действительностью. Но в силу отсутствия критического мышления она безоговорочно и наивно верит и слову — рассказам, обещаниям окружающих. Чаще всего в ирреальности, сумасбродстве идей своего господина Санчо убеждается собственными

глазами; обещания же — совсем другое дело, тем более, если они соответствуют желанию человека, выношенной им мечте. Особенно ярко эта легковерность Санчо однажды проявляется, когда его самого, не без оснований считающего своего господина «глупцом», принимают за круглого дурака. Например, когда герцог, при дворе которого гостят Дон Кихот и Санчо, назначает (конечно, шутки ради) церемонию введения Санчо в сан наместника острова, всю эту злую каверзу Санчо Панса принимает за чистую монету. Несомненно, в этом эпизоде немало художественного преувеличения со стороны Сервантеса — чего только он не нагромождает, заставляя нас поверить в нелепую доверчивость Санчо. И все же это хорошо вписывается в — рассказ о личности в высокой степени экстравертированной, которая все, о чем ей рассказывают, принимает как неопровержимый факт — словно ребенок, слушающий волшебную сказку.

К экстравертированности относится также стремление и готовность чувств человека выражаться во внешних проявлениях. У Санчо Пансы это особенно заметно тогда, когда им овладевает чувство страха. А испытывает он это чувство на каждом шагу, в чем также, между прочим, является полной противоположностью своему господину.

В целом нельзя отрицать, что в образе Санчо Пансы Сервантес чрезвычайно удачно показал тип экстравертированной личности. Благодаря художественному преувеличению все характерное и здесь выступает необыкновенно ярко.

Интровертированной личности противопоставляет экстравертированную и Аристофан в комедии «Облака», в диалоге между Сократом и Стрепсиадом. Исторически Сократ со своим миром идей был личностью несомненно интровертированной. У Аристофана его идеи абсурдны, так, например, облака являются у него богами. Он приветствует Стрепсиада словами: «Хочешь ли ты проникнуть в глубину сущности богов? И сам вести беседу с облаками, которые и есть наши боги?» Свои идеи Сократ разрабатывает IB «мастерской глубоко ученых мыслителей». Для Стрепсиада же с его экстравертированной натурой критерием истинности любого учения является проверка нашими ощущениями. Сократ воспринимает облака как «божественные силы, внушающие нам мысли, идеи, понятия, дающие нам диалектику и логику». Стрепсиад в ответ удивленно восклицает: «Да неужели? Право же я всю жизнь видел в облаках только влагу, туман и испарения».

В этой комедии Сократ выведен как представитель софистов, способных всегда исказить истину с помощью искусных поворотов красноречия. Стрепсиад не прочь подучиться у Сократа, чтобы с помощью ловкого искажения права избавиться от собственных долгов. Когда Стрепсиад видит, что обманулся в своих ожиданиях, он взбирается на кровлю дома Сократа, чтобы разрушить строение сверху. Глядя вверх, Сократ спрашивает о цели пребывания Стрепсиада на чужой кровле. Гримасничая, как обезьяна, и подражая патетическому тону Сократа в прошлом, Стрепсиад изрекает: «Я парю в воздухе, но Ге-лиоса не замечаю».

Эта фраза полностью повторяет слава Сократа, сказанные им когда-то в пылу философского спора. Но Стрепсиад вкладывает в нее совсем иной,

насмешливый смысл. Отсюда — вывод о том, насколько различный смысл может вкладываться интровертированной и экстравертированной личностью в одни и те же слова.

Санчо Панса и Стрепсиад люди примитивные, необразованные, интеллект их весьма скуден. Им чужд собственный взгляд на вещи, именно поэтому их экстравертированность проявляется особенно резко.

В связи с этим целесообразно показать и такую экстравертированную личность в художественной литературе, которая выделяется как своим авторитетным положением в обществе, так и своими выдающимися достижениями. Я имею в виду Вильгельма Телля в драме Шиллера.

По индивидуальному складу, да и по занимаемому положению Вильгельм Телль представляет собой прямую противоположность Санчо Пансе. Он умен, достаточно образован, он — свободный человек среди своих владений, а поэтому весьма уверен в себе. В таких условиях экстравертированность его не так резко бросается в глаза. Особенно подчеркивается несходство между ним и Санчо Пансой тем, что Вильгельм Телль не знает страха, в то время как у Санчо Пансы трусость является особенно характерной отрицательной чертой.

Вильгельм Телль — человек на редкость мужественный. В сочетании с экстравертированностью мужество может превратиться в отчаянную смелость (в удальство), относящуюся к сфере стремлений и склонностей.

Вильгельм Телль непосредственно реагирует на ситуации, с которыми сталкивает его жизнь, долго он не раздумывает. Уже такая непосредственность носит экстравертированный характер. Он постоянно находится как бы в поисках новых переживаний. Это хорошо показано в одном из его разговоров с женой (с. 654):

Г е д в и г а:

Прощай семья, покой… Телль:

Покой мне чужд.

Я не рожден быть пастухом. Я должен

За целью ускользающею гнаться;

И лишь тогда жизнь для меня отрада,

Когда в борьбе проходит каждый день.

Г е д в и г а:

А я одна, с детьми оставшись дома,

Тебя в тоскливом страхе поджидаю.

И с ужасом я слушаю рассказы. О ваших дерзких подвигах в горах.

Боюсь, тебя я больше не увижу.

Мне чудится, меж диких вечных льдов

Ты, оступившись, падаешь с утеса.

Иль вижу я, ты серну сшиб — ив пропасть

Она тебя с собою увлекает.

Иль вдруг тебя засыпало лавиной,

Вдруг под тобой коварный треснул лед…

И ты летишь в ужасную могилу,

Чтоб заживо быть в ней похороненным.

Ах, сотни раз меняя облик свой,. Смерть мчится за охотником в горах!

Какой злосчастный промысел — он вас

На край бездонной пропасти приводит.

Телль:

Кто ловок, осмотрителен, силен,

На бога уповает, тот легко

Беду любую побороть сумеет.

Природным горцам горы не страшны.

Теллю чуждо чувство страха. Как личность экстравертированная он не видит грозящей ему опасности. Если бы он ясно представлял себе все то, что пугает его жену, то он не действовал бы сломя голову.

Характерно для, Телля и его поведение у озера, перед лицом разбушевавшейся стихии. Он решается плыть, чтобы спасти Баумгартена, которому угрожают преследователи. Рыбак-хозяин челна отказывается Плыть с ним (с. 600—601):

Руоди:

И мне придется жизнь свою сгубить, И у меня в дому жена и дети… Бушуют волны, яростен прибой, Водоворот до дна взбурлил пучину… Он

честен, смел, я рад его спасти; Судите сами — это невозможно.

Сначала Телль пытается уговорить Руоди все же сделать попытку спасти Баумгартена. После окончательного отказа Руоди Телль решается сам броситься на челне в пучину волн (с. 602):

Руоди:

Будь он мне брат, мое дитя родное —

Иуды день и Симона сегодня,—

Пучина алчет жертв — я не дерзну! Телль:

Пустою речью делу не помочь.

Поторопись, ждет помощи бедняга…

Что ж, лодочник, возмешься? Руоди:

Ни за что! Телль:

Так с нами бог! Ты лодку мне доверь.

Попробую, коль сил моих достанет.

Рыбак Руоди отнюдь не трус, в чем мы убеждаемся в ряде других эпизодов драмы, однако взвесив обстоятельства, он имел все основания отказаться от намерения броситься на борьбу с бурными волнами. Поступок же самого Телля представляется нам не столько отважным, сколько безрассудным. Прежде чем занять место в челне, он поручает пастуху утешить жену и детей в случае его гибели, однако экстравертированность мешает ему думать о семье серьезно. Отвага может позволить ему не бояться за себя, но следовало бы посчитаться с семьей, которую он оставлял без кормильца.

Особенно сильное впечатление производит экстравертированность Телля в сцене, где друзья обращаются к нему с просьбой принять участие в общей борьбе против владетельного тирана. В начале беседы Телля с Штауффахером нам кажется, что он хочет устраниться от этой борьбы, но вскоре мы убеждаемся, что Телль не боится борьбы, ему просто неприятны пустые разговоры на эту тему (с. 615):

Штауффахер:

Что ж, родине на вас надежды нет, Когда придет нужда к самозащите?

Телль:

Телль вытащит из пропасти ягненка, Так разве он друзей в беде покинет?;

Но вы не ждите от меня совета:

Я не умею помогать словами.

А делом захотите вы ответа, Звоните Телля — он пойдет за вами.

Склонность действовать без предварительных размышлений, которая свойственна экстравертированным личностям, приводит к тому, что Телль попадает в руки своего смертельного врага Геслера. Всем известно, что в Альтдорфе на шесте установлена шляпа, являющаяся символом власти имперского наместника. Каждый, кто проходит мимо шляпы, обязан ее приветствовать. Друзья Телля стараются не появляться поблизости от шляпы, и только Телль, забыв о ней, мирно беседует со своим сынишкой, проходя мимо шеста. Шляпу он, естественно, не приветствует, и его задерживают. Допрашивает Телля сам Геслер, проходящий мимо, и Телль чистосердечно признает, что «не подумал» о приказе (с. 671):

Телль:

Простите, сударь! Я не из презренья — По безрассудству ваш приказ нарушил. Будь я другой, меня б не звали Телль, Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Таким образом, Телль сам квалифицирует свой поступок как безрассудный. А затем, чуть избавившись от страшной опасности — попасть в голову собственного сына из лука,— он снова совершает необдуманный поступок, который грозит тяжелым бедствием. На вопрос Геслера, кому предназначалась вторая стрела, Телль отвечает (с. 680):

Телль:

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь, Я вам скажу всю правду без утайки, Стрелою этой я пронзил бы… вас, Когда бы я попал в родного сына,— И тут уж я не промахнулся б, нет!

Геслер сдержит свое обещание не убивать Телля, но он хочет «упрятать» знаменитого стрелка понадежнее. Всем ясно, что ничего доброго это не сулит. Друзья Телля приходят в ужас, Штауффахер, обращаясь к нему, восклицает: «И надо ж было изверга дразнить» (с. 621).

Когда Телль совершает свой подвиг — посылает стрелу в сердце тирана, и тут сказываются особенности его личности. Решение Телль принимает непосредственно под влиянием событий. С небывалой отвагой покинув корабль Геслера, который нес его к тюрьме, к гибели, он осознает необходимость уничтожения наместника. Он ни с кем не советуется, не колеблется, что было бы вполне естественно, если учесть цель героя пьесы. Поджидая Геслера, который должен проехать у подножия горы, где находится Телль, он, спокойно и приветливо разговаривая с горцами, пронзает стрелой сердце ландфохта. Впрочем, Телль не мог бы действовать успешнее даже при самой тщательной подготовке. Мы видим, как его поступки активизируются благодаря ситуации, которая благоприятствует

немедленному принятию решения.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет тот факт, что тирана у Шиллера уничтожает экстравертированная личность. Шиллер как бы хотел подчеркнуть этим невинность, непосредственность поступков убивающего. К решению убить тирана Телля толкают только те злодеяния, которые совершены Геслером непосредственно в отношении самого Телля и его земляков; кровавая расправа вызвана издевательствами и тяжкими преступлениями наместника.

Какие-либо скрытые желания добиться положения, почестей Теллю абсолютно чужды. Вообще открытые, общительные натуры в гораздо большей мере заслуживают доверия, чем интровертированные: они на самом деле таковы, какими мы их воспринимаем. Недобрый замысел таких людей сразу можно разгадать. Такие личности напоминают детей, неспособных что-либо скрыть. Телль невинен именно как ребенок. Противоположность между ним и жестоким коварным убийцей здесь как бы подчеркнута.

Вообще экстравертированность имеет много общего с детским складом психики, часто экстравертированные люди оказываются умственно несколько незрелыми. Это положение также нашло отражение в художественной литературе.

Экстравертированной личностью именно по незрелому складу психики является Алеша из «Униженных и оскорбленных» Достоевского. Ума у него действительно не больше, чем у ребенка. Наташу за дружбу с ним прозвали «подругой мальчика», и любит она его почти как мать. Его вторая подруга, Катя, быстро берет над ним верх, хотя сама она еще ребенок (с. 113):

Если он не мог сам мыслить и рассуждать, то любил именно тех, которые за него мыслили и даже желали,— а Катя уже взяла его под опеку… Алеша мог привязаться только к тому, кто мог им властвовать и даже повелевать… Вот как говорит о нем его отец: Алеша без характера, легкомыслен, чрезвычайно нерассудителен, в двадцать два года еще совершенно ребенок и разве только с одним достоинством, с добрым сердцем,— качество даже опасное при других недостатках.

Всем приведенным характеристикам соответствует поведение Алеши. Он убеждает Наташу покинуть родительский дом с тем, чтобы немедленно выйти за него замуж. Однако он ничего не подготовил Для венчания, не знает, где, когда и кем этот обряд будет совершаться. Венчание так и не состоялось, а Наташа не очень на нем настаивает и не проявляет никакой активности. Алеша безумно увлечен своей возлюбленной, когда он находится рядом с нею, но полностью попадает под влияние отца, когда он рядом с ним. Подобно ребенку, он поддается влиянию любого человека. Князь (его отец) настаивает на его дружбе с Катей, и теперь Алеша больше любит ту из двух девушек, с которой он чаще и дольше видится. Алеша обладает и типичной доверчивостью детей: от людей, которые к нему хорошо относятся, он не способен ничего скрывать. Например, Наташе он откровенно признается в своей возрастающей любви к Кате, рассказывает

о своих встречах с нею. Он всегда счастлив, когда Наташа прощает его.

Читатель видит, что Алеша постоянно обращен к внешним впечатлениям, он неспособен самостоятельно что-то продумать, что-то спланировать. К этому можно добавить, что это хороший ребенок, несмотря на то, что он часто причиняет боль близким людям. Например, его всегда охватывает глубокое раскаяние, когда он по необдуманности или под влиянием дурного человека заставляет страдать Наташу. Описанные ситуации да-356

ют достаточно четкую картину экстравертированности этого юноши.

Детские реакции на события мы наблюдаем и у Фабрицио дель Донго, героя романа «Пармский монастырь» Стендаля. В 16 лет, когда он, собственно говоря, и по возрасту еще ребенок, он бежит, чтобы присоединиться к армии Наполеона, за которого мечтает сражаться. Он совершает множество необдуманных поступков, наполеоновские солдаты принимают его за шпиона и едва не расстреливают. Он участвует в битве при Ватерлоо, он сталкивается с поистине ужасающими сценами, но они задевают его хоть и сильно, однако поверхностно, что типично для детей. Он возмущен французами, бегущими с равнины Ватерлоо, доверчив и неосторожен с людьми, на устах которых играет приветливая улыбка. Однако точно так же необдуманно и наивно он ведет себя и в 23 года. Хотя из-за былой приверженности Наполеону его все еще считают изменником родины, однако в один прекрасный день, следуя импульсивному желанию навестить своего старого учителя, аббата Бланеса, он отправляется на территорию, принадлежащую Австрии, где ему грозит арест. Встреча с аббатом состоялась и не повлекла за собой никаких осложнений, но вот на обратном пути он задумал во что бы то ни стало поглядеть на «свое дерево», т. е. на старый каштан, к которому еще в детстве питал особую любовь. Чтобы удовлетворить эту прихоть, он вынужден совершить большой объезд; кроме того, он целый час задерживается у дерева, ему хочется и подрезать сухие ветви, и разрыхлить землю у корней, хотя он отчаянно рискует: каждую минуту может появиться полицейский патруль и потребовать у него предъявить паспорт. Но и тут ему везет. Благополучно перейдя границу, он весело рассказывает о своих опасных приключениях. Позднее ему грозит арест уже в двух странах, и все же он беззаботно пребывает в одной из них, лишь бы в данный момент на горизонте не сгущались тучи преследования. Он беспечно совершает со своей подругой Мариеттой прогулки по Болонье. О герцогине Сансеверине, которая питает к нему такое сильное чувство, Фабрицио и не думает (с. 225):

Фабрицио зажил в Болонье в глубокой и безмятежной радости. Простодушная склонность весело довольствоваться тем, что наполняло его жизнь, сквозила в его письмах к герцогине, так что она даже была раздосадована. Фабрицио едва заметил это.

Ребяческим складом натуры объясняется и то, что в этот период Фабрицио дель Донго еще не способен на глубокую любовь (с. 227):

— Называть меня мечтателем? Странный упрек! Я ведь даже влюбиться неспособен!.. Но как, право, странно: я совсем неспособен на то

всепоглощающее и страстное волнение, которое зовут любовью! Среди всех связей, которые по воле случая были у меня, разве мне встретилась хоть одна женщина, свидание с которой было бы мне приятнее прогулки верхом на породистой лошади? Неужто то, что зовут любовью, опять-таки ложь?

И еще когда только зарождается любовь, которая захватывает его потом без остатка, Стендаль пишет: «Короче говоря, у Фабрицио не было никакого опыта в истинной любви, он никогда, даже в самой слабой степени, не знал ее волнений». Даже в наружности Фабрицио сохранилось нечто детское. Стендаль упоминает и о «тонких нежных чертах его лица», и о его «невыразимом обаянии». В это время Фабрицио было 25 лет.

Поскольку именно в этом возрасте он глубоко и до конца жизни полюбил, то возможно, что замыслом Стендаля было показать несколько запоздавшее эмоциональное созревание. Но в таком случае следовало бы ожидать, что и безрассудные реакции Фабрицио теперь должны прекратиться. В романе, однако, дело обстоит иначе.

В момент заключения в тюрьму, в которую он в конечном счете все же угодил из-за своего легкомыслия, он влюбляется в дочь коменданта тюрьмы. Поскольку он может общаться с нею через окно своей камеры, он забывает о грозящей ему опасности, отныне все его существование сосредоточивается на Клелии Конти. Клелия, обеспокоенная тем, что враги могут отравить Фабрицио, делится с ним своими опасениями, на что Фабрицио отвечает: «Да еще никогда в жизни я не был так счастлив… Не правда ли, странно, что счастье ждало меня в тюрьме?» После освобождения из тюрьмы он должен будет для проформы отправиться на некоторое время в другое место заключения, до окончательной отмены приговора суда. Однако к ужасу своих друзей он вновь возвращается в цитадель, где господствуют его враги. Для Фабрицио же в данный момент важно лишь одно: быть вблизи Клелии. Лишь срочное вмешательство Клелии спасает Фабрицио от смертельного отравления. Граф Моска, всемогущий покровитель Фабрицио, в отчаянии восклицает: «О великий боже, мне поистине не везет с этим ребенком!»

До конца жизни у Фабрицио сохранились особенности экстравертированной личности с ее импульсивными реакциями на постоянно меняющиеся жизненные ситуации. Но любовь его к Клелии оказалась глубокой и постоянной. Мы не решимся настаивать здесь на психологической совместимости таких проявлений, поскольку детская экстравертированность характеризуется той беглостью, «летучестью» чувств, которая не уживается с их постоянством. А ведь в романе показано, что психология Фабрицио отличалась типичной переменчивостью экстравертированного ребенка.

Детские черты характеризуют и Тони Будденброк (в замужестве Грюнлих, во втором браке Перманедер) из романа «Будденброки» Томаса Манна. Такой ее, несомненно, задумал и сам автор, так как брат Тони по ходу действия романа неоднократно повторяет, что она «остается ребенком». Когда Тони исполнилось сорок лет, тот же брат лаконично заявляет: «А Тони все равно ребенок». В сорок лет и даже гораздо позднее,, став уже

бабушкой, Тони сохраняет свою непосредственную и трогательную манеру плакать. Она и сама себя всегда чувствует немного ребенком и нередко сама себя называет «дурочкой» или даже «глупой гусыней».

Тони вся отдается чувствам, порождаемым мгновениями, какое-либо новое впечатление может вызвать у нее быстрый переход от радости к печали. Тот факт, что ей придется вступить в брак с нелюбимым ею господином Грюнлихом, полностью выветривается у нее из памяти во время каникул, проводимых у моря. Она безмятежно радуется свободе, влюбляется в студента-медика и соглашается вступить с ним в брак, хотя отлично знает, что на данный брак родители согласия не дадут. Лишь по дороге домой ею овладевают печальные мысли. Вскоре происходит и ее обручение с Грюнлихом, и это как нельзя лучше показывает, что Тони неспособна на длительное сопротивление, на упорное отстаивание своих решений. Впрочем, здесь играет роль и другое, тоже детское чувство: она по-детски гордится тем, что поступает в интересах знаменитого рода Будденброков, который имеет право рассчитывать на солидного уважаемого зятя. Если жизнь сталкивает Тони с событиями грустными или даже мрачными, она реагирует на это несдержанными излияниями горя, лишая тем самым подобное переживание глубины. Первый муж ее оказывается мошенником и обманщиком. Второго она покидает под влиянием внезапного импульса. Добиться у родных согласия на развод с Перманедером ей, правда, удается, но тут играют роль особые обстоятельства: Тони воспитана в сугубо светском духе и вряд ли сможет выдержать до конца дней жизнь с грубовато-добродушным мюнхенцем, интересы которого не выходят за пределы ежедневной кружки пива в городской пивной.

Но госпожа Перманедер обладает и такими чертами, которые выходят за рамки детской экстравертированности. Например, ее гордость носить, с одной стороны, ребяческий характер, она коренится в благоговении перед семьей, к которой Тони принадлежит; судьбы семьи и всего рода Будденброков записаны в особой почетной книге, хранящейся у старшего в роду. Но зато величественная надменность, проявляемая иногда Тони, не может считаться «детской» чертой. В такой надменности чувствуется даже некоторый пафос, которого Тони вообще не лишена. Если она не встречает сопротивления, то умеет действовать по заранее разработанному плану и добиваться своего с завидной энергией.

Обычно инфантильные личности не способны ни рассуждать, ни действовать самостоятельно. Во время приема у врача такие личности легче всего определяются по характерной для них пассивности: они не имеют собственного мнения о причинах, вызывающих неприятные болезненные явления, а доверчиво ждут, что скажет им врач. С такой доверчивостью, не сопровождаемой оценкой своих поступков, сталкиваемся у Алеши в романе «Униженные и оскорбленные».

Я заканчиваю свой труд упоминанием персонажа Достоевского. Именно произведения Достоевского больше всего и лучше всего снабжают специалистов информацией о том, что собой представляют акцентуированные личности. И все же этот автор — не единственный, а один из многих художников слова, которые дают богатый материал для изучения личности в психологическом плане.

Список художественных произведений, анализируемых и цитируемых в книге

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИИ, АНАЛИЗИРУЕМЫХ И ЦИТИРУЕМЫХ В КНИГЕ

1. Аристофан. Облака//Комедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1954.— Т. 1.— 452 с.

2. Байрон Дою. Г. Дон Жуан // Собр. соч.: В 3 т.: Пер. с англ.—М., 1974.— Т. 3.— 576 с.

3. Байрон Дж. Г. Сарданапал//Собр. соч.: В 3 т.: Пер. с англ.— М., 1974.— Т. 2.— 544 с.

4. Бальзак Опоре. Тридцатилетняя женщина//Собр. соч.: Пер. с фр.— М., 1952 —Т. 2 —636с.

5. Де Виньи Альфред. Неволя и величие солдата: Пер. с фр.— Л.: Наука, 1968.— 187 с.

6. Геббель Фрид. Агнесса Бернауэр//Избр. произведения: В 2 т.: Пер. с нем.—М., 1978.—Т. 1.—639с.

7. Геббель Фрид. Ирод и Мариамна//Избр. произведения: В 2 т.: Пер. с нем.—М., 1978.—Т. 1.—639с.

8. Геббель Фрид. Нибелунги//Избр. соч.: В 2 т.: Пер. с нем.—М., 1978.— Т. 2.— 672 с.

9. Гельдерлин Фр. Гиперион//Собр. соч.— М., 1969.—546 с.

10. Гете И. В. Избирательное сродство//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М,, 1975.—Т. 6.—478с.

И. Гете И. В. Годы ученья Вильгельма Мейстера//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1978.— Т. 7.— 527 с.

12. Гете И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера//Собр. соч.: В 10 т/ Пер. с нем.— М., 1979.— Т. 8.— 462 с.

13. Гете И. В. Поэзия и правда//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1977.— Т. 3.—718с.

14. Гете И. В. Ифигения в Тавриде//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1977.—Т. 5.—622с.

15. Гоголь Н. В. Женитьба//Собр. соч.: В 7 т.—М., 1976—1977.—Т. 4.— 446 с.

16. Гоголь Н. В, Шинель // Повести — М., 1951.— 544 с.

17. Гольдони Карло. Веер//Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.— Т. 2.— 710 с.

18. Гольдони Карло. Ворчун-благодетель//Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.—Т. 2.—710с.

19. Гольдони Карло. Самодуры//Комедии: В 2 т.: Пер с ит.— М.; Л., 1959.— Т. 2.— 710 с.

20. Гольдони Карло. Слуга двух господ//Комедии: В 2 т.: Пер. с ит.— М.; Л., 1959.—Т. 2.—710с.

21. Грилыгарцер Фр. Медея//Пьесы: Пер. с нем.—М.; Л., 1961.— 767 с.

22. Гюго Виктор. Отверженные//Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1953—1956.—Т. 6—8.—672, 688, 348 с.

23. Достоевский Ф. М. Бесы//Собр. соч.: В 10 т.—М., 1957.—Т. 7.—760 с.

24. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы//Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.— Т. 9, 10.—636с.

25. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон//Собр. соч.: В 10 т.— М,. 1957.— Х 2__664 с.

26. Достоевский Ф. М. Идиот//Собр. соч.: В 10 т.—М., 1957.—Т. 6.—736с.

27. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание//Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.—Т. 5 —624с.

28. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные//Собр. соч.: В 10 т.— М., 1957.—Т. 3.—724с.

29. Достоевский Ф. М. Хозяйка//Собр. соч.: В 10 т.—М., 1957.—Т. 1.— 684с.

30. Дюма Ал. Три мушкетера: Пер. с фр.— Иркутск, 1980.—703 с.

31. Еврипид. Геракл//Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.—М., 1969.—Т. 1,— 638 с.

32. Еврипид. Ипполит//Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.—Т 1 — 638 с.

33. Еврипид. Ифигения в Авлиде//Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 2.— 720 с.

34. Еврипид. Ифигения в Тавриде//Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.—Т. 1.—638 с.

35. Еврипид. Орест//Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.—М., 1969.—Т. 2.—720 с.

36. Еврипид. Электра//Трагедии: В 2 т.: Пер. с греч.— М., 1969.— Т. 2.— 720 с.

37. Золя Эмиль. Нана//Собр. соч.: Пер. с фр.—М., 1957.—Т. 7.—607 с.

38. Ибсен Генрик. Бранд//Собр. соч.: Пер. с норв.— М., 1958.— Т. 2.—774с.

39. Ибсен Генрик. Кукольный дом//Собр. соч.: Пер. с норв.—М., 1958.— Т. 3.— 856 с.

40. Кальдерон де ла Барка. Жизнь — это сон//Пьесы: В 2 т.: Пер. с исп.— М., 1961.—Т. 1.—702с.

41. Кальдерон де ла Барка. Саламейский алкальд//Пьесы: В 2 т.: Пер. с исп.—М., 1961.—Т. 1.—702с. /

42. Кальдерон де ла Барка. С любовью не шутят//Пер. с исп.— М.; Л., 1949.— 188 с.

43. Келлер Готфр. Зеленый Генрих: Пер. с нем.— М., 1958.— 626 с.

44. Клейст Г. фон. Амфитрион//Избр. произведения.: Пер. с нем.— М., 1977.— 542 с.

45. Клейст Г. фон. Кетхен из Гейльброна: Пер. с нем.— М., 1969.— 624 с.

46. Клейст Г. фон. Михаэль Кольхаас: Пер. с нем.— М., 1969.— 624 с.

47. Клейст Г. фон. Принц Фридрих Гомбургский//Драмы. Новеллы: Пер. с нем.—М., 1969.—624 с.

48. Корнель Пьер. Гораций // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.— 608 с.

49. Корнель Пьер. Лжец // Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.—608с.

–50. Корнель Пьер. Родогуна//Избр. трагедии: Пер. с фр.— М., 1956,—352 с.
51. Корнель Пьер. Сид//Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.—608с.

.52. Лессинг Г. Э. Минна фон Барнхельм // Избр. произведения: Пер. с нем.— М., 1953.— 640 с.

.53. Лессинг Г. Э. Натан Мудрый//Избр. соч.: Пер. с нем.— М., 1953.— 640 с..54. Лопе де Бега. Изобретательная влюбленная//Собр. соч.: В 6 т.: Пер. с исп.—М., 1962.—Т. 2.—800 с.

.55. Лопе де Вага. Мадридские воды//Собр. соч.: В 6 т.: Пер. с исп.—М.,

1962.—Т. 3 —803с.

56. Лопе де Вега. Чудеса преображения//Собр. соч.: В 6 т.: Пер. с исп.— Ж, 1962.—Т. 4 —792с.

.57. Манн Томас. Будденброки//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1959.— Т. 1.—820с.

58. Манн Томас. Волшебная гора//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., 1959.— Т. 3—4 — 500, 543 с.

-59. Манн Томас. Признания авантюриста Феликса Крулля//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.—М., I960.—Т. 6.—672 с.

60. Манн Томас. Тобиас Миндерникель//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., I960.—Т. 7—8.—551, 471 с.

431. Манн Томас. Хозяин и собака//Собр. соч.: В 10 т.: Пер. с нем.— М., I960.—Т. 7—8.—551, 471 с.

62. Манн Генрих. Погоня за любовью//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с нем.— М., Л 958.— Т. 1.—624с.

63. Мольер Ж. — Б. Жорж Данден//Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.—М., 1957.— Т. 2.— 704 с.

64. Мольер Ж—Б. Мизантроп//Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.—М., 1957,— Т. 2.— 704 с.

65. Мольер Ж. — Б. Мнимый больной//Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957.—Т. 2,—704с.

66. Мольер Ж. — Б. Скупой//Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.—М., 1957.—Т. 2,— 704 с.

67. Мольер Ж. — Б. Тартюф//Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.—М., 1957.—Т. 1.— 676 с.

68. Мольер Ж. — Б. Ученые женщины//Собр. соч.: В 2 т.: Пер. с фр.— М., 1957 —Т. 2.—704с.

69. Ги де Мопассан. Дьявол//Избр. соч.: Пер. с фр.— М., 1946. — —427 с.

70. Ги де Мопассан. Господин Паран//Избр. соч.: Пер. с фр.— М., 1946.— 427 с.

71. Ги де Мопассан. Милый друг: Пер. с фр.— Ташкент, 1956.— 304 с.

72. Ги де Мопассан. Наше сердце//Собр. соч.: В 12 т.: Пер. с фр.— М., 1958.—Т. 9.—511 с.

73. Плавт. Амфитрион//Избр. комедии: Пер. с лат.— М., 1967.— 664 с.

74. Плавт. Два Менехма//Избр. комедии: Пер. с лат.— М., 1967.— 664 с.

75. Раабе Вильгельм- Летопись Птичьей слободы//Повести и новеллы: Пер. с нем.—М., 1959.—487 с.

76. Расин Жан. Британик//Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.—608с.

77. Расин Жан. Федра//Театр французского классицизма: Пер. с фр.— М., 1970.—608с.

78. Расин Жан. Ифигения: Пер. с фр.—Л., 1977,—431 с.

79. Расин Жан. Береника: Пер. с фр.—Л., 1977.—431 с.

80. Рихтер Жан Поль. Зибенкэз: Пер. с нем.— Л., 1937.—574 с.

81. Сенкевич Г. Камо грядеши? (Quo vadis)//Собр. соч.: Пер. с польск.— М., 1910.

82. Скотт Вальтер. Ламмермурская невеста//Собр. соч.: В 20 т.: Пер. с англ.—М.; Л., 1962.—Т. 7 — 658 с.

83. Скотт Вальтер. Эдинбургская темница//Собр. соч.: В 20 т.: Пер. с англ.— М.; Л., 1962.—Т. 6.—623с.

84. Сервантес Мигуэль. Дон Кихот: Пер. с исп.— М., 1970.— Т. 1—2.— 560, 624 с.

85. Сервантес Мигуэль. Ревнивый эстрамадурец//Назидательные новеллы: Пер. с исп.— М., 1966.— 576 с.

86. Софокл- Аянт//Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.— 464 с.

87. Софокл. Трахинянки//Трагедии: Пер. с греч.—М., 1958.— 464 с.

88. Софокл. Филоктет//Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.—464 с,

89. Софокл. Электра//Трагедии: Пер. с греч.— М., 1958.— 464 с.

90. Стендаль Ф. Красное и черное//Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1959.—Т. 1.—640с.

91. Стендаль Ф. Пармский монастырь//Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.— М., 1959.—532 с.

92. Стендаль Ф. О любви//Собр. соч.: В 15 т.: Пер. с фр.—М., 1959.— Т. 4.— 608 с.

93. Стриндберг. Красная комната//Собр. соч.: В 12 т.: Пер. с норв.— М., 1910—1911.—Т. 4.

94. Стриндберг. История одного супружества//Собр. соч. В 12 т.: Пер. с норв.—М., 1910—1911.—Т. 5.

95. Толстой Л. Н. Война и мир.—М., 1948.—Т. 1—2.—672 с.

96. Толстой Л. Н. Анна Каренина.—К., 1953.—708с.

97. Толстой Л. Н. Воскресение.— Петрозаводск, 1951.— 464с.

98. Тургенев И. С. Отцы и дети.—М., 1951.— 192 с.

99. Флобер Гюстав. Госпожа Бовари//Собр. соч.: В 5 т.: Пер. с фр.— М., 1956.—Т. 5.—356с.

100. Чехов А. П. Смерть чиновника//Собр. соч.: В 12 т.—М., 1957.—Т. 2.— 504 с.

101. Шекспир В. Король Лир//Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792 с.

102. Шекспир В. Ромео и Джульетта//Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.—792 с.

103. Шекспир В. Отелло//Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792с.

104. Шекспир В. Макбет//Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792с.

105. Шекспир В. Гамлет//Трагедии. Сонеты: Пер. с англ.— М., 1968.— 792с.

106. Шекспир В. Кориолан//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.—М., I960.—Т. 7.— 824 с.

107. Шекспир В. Тимон Афинский//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., I960.— Т. 7.— 824 с.

108. Шекспир В. Венецианский купец//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., I960,—Т. 3.—568с.

109. Шекспир В. Генрих IV//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., I960.— Т. 4.— 652 с.

ПО. Шекспир В. Ричард III//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.—М., I960,— Т. 1.—616с.

111. Шекспир В. Юлий Цезарь//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., 1960.— Т. 5.— 640 с.

112. Шекспир В. Виндзорские насмешницы//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с

англ.— М., I960.— Т. 4.— 652 с.

113. Шекспир В. Комедия ошибок//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., I960.—Т. 2.—548с.

114. Шекспир В. Много шума из ничего//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., I960.—Т. 4.—652с.

115. Шекспир В. Как вам это понравится//Собр. соч.: В 8 т.: Пер. с англ.— М., I960.—Т. 5,—640с.

116. Шиллер Фр. Разбойники//Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.—864с.

117. Шиллер Фр. Коварство и любовь//Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.—864 с.

118. Шиллер Фр. Лагерь Валленштейна//Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.—864с.

119. Шиллер Фр. Мария Стюарт//Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.—864с.

120. Шиллер Фр. Вильгельм Телль//Драмы. Стихотворения: Пер. с нем.— М., 1975.—864с.

121. Шиллер Фр. Дон Карлос//Собр. соч.: В 7 т.: Пер. с нем.— М., 1955.— Т. 2.— 848 с.

122. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни.— М.; Л., Academia, 1934.—967 с.

123. Эсхил. Орестея: Пер. с древнегреч.— М., 1970.— 384 с.

124. Gotthelf, Jeremias. Zeitgeist und Bernergeist. Samtl. Werke in 24 Banden. 13 Band. — Zurich, 1926.

125. Gotthelf, Jeremias. Jakobs des Handwerksgesellen Wanderungen durch die Schweiz. — Zurich: E. Rentsch-Verlag, 1937.

126. Gotthelf, Jeremias. Geld und Geist. — Zurich und Stuttgart: E. Rentsch-Verlag, 1964.

127. Gotthelf, Jeremias. Uli der Knecht. — Berlin: Union-Verlag, 1959.

128. Gotthelf, Jeremias. Uli und Pachter. — Berlin: Union-Verlag, 1959.

129. Gotthelf, Jeremias. Hans Joggeli der Erbvetter. Erzahlung. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung. — Leipzig, 1965.

130. Gotthelf, Jeremias. Bartl, der Korber. Erzahlung. Dieterichsche

Verlagsbuchhandlung.— Leipzig, 1965.

131. Gotthelf, Jeremias. Kurt von Koppingen. Erzahlung.— Berlin: Union-Verlag, 1965,

132. Gotthelf, Jeremias. Elsi, die seltsame Magd. Erzahlung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.

133. Gotthelf, Jeremias. Der Sonntag des GroBvaters. Erzahlung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.

134. Gotthelf, Jeremias. Die Frau Pfarrerin. Erzahlung. — Berlin: Union-Verlag, 1965.

135 Hebbel, Friedrich. Schnock. Werke in drei Banden. 3. Band.— Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1966.

136. Lope de Vega. Die drei Diamanten. Schauspiele. Ubers. aus d. Spani-schen. — Leipzig: Barth-Verlag, 1820.

137. Lope de Vega. Der Tribut der 100 Jungfrauen. Ubers. aus dem Spani-schen. — Wien u. Leipzig: Verlag H. Epstein, 1929.

138. Ludwig, Otto. Maria. Novellen.— Leipzig. Fr. Wilh. Grunow, 1895.

139. Musil Robert. Der Mann ohne Eigenschaften. — Hamburg: Rowohlt Verlag, 1952.

140. Raabe, Wilhelm. Der Hungerpastor. Werke in zwei Banden. 1. Band. Verl. Th. Knaur Nachf. Mflnchen — Zurich o. J.

141. Raabe, Wilhelm. Schiidderump. Werke in Zwei Banden. 2. Band. Verl. Th. Knaur Nachf., Munchen — Zurich o. J.

142. Raabe, Wilhelm. Meister Autor. Werke in zwei Banden. 2. Band. Verl. Th. Knaur Nachf., Munchen — Zurich o. J.

143. Raabe, Wilhelm. Frau Solome, Werke in zwei Banden. 2. Band. Verl, Th. Knaur Nachf., Munchen — Zurich o. J.

144. Paul, Jean (Richter). Dr. Katzenbergers Badereise. Werke, 24—26. Teil. Gustav Hempel. Berlin o. J.

145. Paul, Jean (Richter). Des Feldpredigers Schmelzle Reise nash Flatz. Werke, 31, Teil. Gustav Hempel, Berlin, o. J.

146. Rosegger, Peter. Jakob der Letzte. — Berlin: Union-Verlag, 1959.

147. Strindberg, August. Der Sohn einer Magd (Dei Entwicklungsgeschichte einer Seele), fibers, von H. J. Hube. — Rostock: VEB Hinstorff-Verlag, 1964.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Alexander, F.: The neurotic character. Int. J. Psychoanal. 11 (1930), 292—31L Alsen, V.: Entstehungsbedingungen des phobisch — anankastishen Syndroms. Arch. Psychiat. u. Nervenkr. 213 (1970), 215—227.

Asperger, H.: Die «autistischen Psychopathen» im Kindesalter. Arch. Psychiat. Nervenkr, 117 (1944), I.

Battegay, R.: Der Mensch in der Gruppe. Sozialpsychologische und dynamische Aspekte. H. Huber, Bern. Stuttgart, Wien 1970.

Benedetti, G.: Neurose und Gesellschaft in Lichte der neueren Kriegspsychiatrie. Schweiz. Arch. Neurol. Neurochir. Psychiat. 95 (1965), 337—344. Bergmann, B.: Kombiniert abnorme Wesenszuge im neurotischen Reaktionen. G. Fischer, Jena 1961.

Binder, ff.: Psychopathische Dauerzustande und abnorme seelische Reaktionen. In: Psyhiatrie der Gegenwart, II. Springer, Berlin — Gottingen — Heidelberg 1960.

Birnbaum, C.: Uber psychopathische Personlichkeiten. Bergmann, Wiesbaden 1909.

—: Die kriminalistische Bedeutung der Hysterie. Kriminalist, Monatsh. l (1927), 79—81.

—: Die psychoreaktiven (psychogenen) Symptombildungen. In: Hb. d. Geisteskrankheiten (O. Bumke), II, 1. J. Springer, Berlin 1928.

Bohm, V.: Karl May und das Geheimnis seines Erfolges. Osterr. Bundesverlag, Wien 1955.

Boor de, C.: Hysterie: Konversionsneurotisches Symptom oder Charakterstruktur? Psyche (Stuttgart) 8 (1866), 588.

Borgatta, E. F.: The coincidence of subtests in four personality inventories. J. Soc. Psychol. 56 (1962), 227.

Bosch, G.: Der fruhkindliche Autismus. Springer, Berlin — Gottingen — Heidelberg 1962.

Boss, M.: Sturmzeichen in der Psychologie und Psychotherapie. Psychother. u. Psychosomat. 20 (1972), 1—116.

Brautigam, W.: Reaktionen, Neurosen, Psychopathien. Ein Grundri? der kleinen Psychiatrie. Thieme, Stuttgart 1968.

Cattell, R. B., I. H. Scheier: The meaning and measurement of neuroticisrn and anxiety. Donald Press, New York 1961.

Cremerius, J.: Die Prognose funktioneller Syndrome. Ein Beitrag zu ihrer

Naturgeschichte. Enke, Stuttgart 1968.

Czernik, A., E. Steinmeyer: Zur Frage des Einsamkeitserlebens Gesunder und Neurotiker. Arch. Psychiat. Nervenkr. 218 (1974), 93—194.

Delane, J. G.: Separation anxiety as a cause of early emotional problems in children. Mayo Glin. Proc. 39 (1964) 743—749.

Delay, J., O. Pichot: Medizinische Psychologie, Thieme, Stuttgart 1966. Dixon, J. J., C. de Montohaux, J. Sandier: Patterns of anxiety: an analysis of social anxiety. Brit. J. Med. Psychol. 30 (1957 b), 107.

Ehlers, T.: Zur diagnostischen Bedeutung von Geschlechtsunterschieden in der Beantwortung eines Fragebogens zur Erfassung der Leistungsmotiviertheit. Z. exper. u. angew. Psychol. 16 (1969), 519—537.

Erbsloh. J.: Buddhistische Meditationsubungen aus arztlicher Sicht. Z. Psychother. u. med. Psychol. l (1970), 20.

Ernst, K u. C.: Familie, Pubertat und Generationsvorgange in der Anamnese neurotischer Klinikpatientinnen. Arch. Psychiat, Nervenkr. 212 (1969), 339—356. Ewald, G.: Temperament und Character. Springer-Verlag, Berlin 1924. Eysenck, H. J.: The scientific study of personality. London, Routedge & Kegan Paul 1952.

—: Phobias as Conditioned Responses. Internat. J. Psychiatry 6 (1968), 468—470.

Foulds, G. A.: Symptom clusters and personality types among psychoneurotic men compared with women. J. Ment. Sei. 105 (1959), 469.

—: Personality and personal illness. London; Tavistook 1965.

Franki, V. E.: Der Mensch auf der Suche nach Sinn. Universitas 25 (1970), 369.

Greenbaum, M.: The displaced child syndrom. J. Child Psychol. 2 (1962), 93—100.

Gruhle, H. W.: Verstehende Psychologie. 2. Aufl., Theime, Stuttgart 1956. Gurlitt, L.: Gerechtigkeit fur Karl May, Karl-May-Verlag. Radebeul 1919. Hansen, J.: Hypochondrie und Antrieb. Enke. Stuttgart 1969. Harbauer, H.: Zur Klinik der Zwangsphanomene beim Kind und Jugendlichen. Jahrbuch fur Jugendpsychiatrie und ihre Grenzgebiete 7 (1969), 181. Horney, K-: Der neurotische Mensch unserer Zeit. Kilper. Stuttgart 1951. Huber, G.: Der Psychisch Abnorme upd die Gesellschaft. Universitas 21 (1966), 487.

Jonsson, G: Deliquent boys, their parents and grandparents. Acta psychiat. scand. 43 Suppl. (1967), 159.

Jung, C. G.: Psychologische Typen. Dreizehntes bis funfzehntes Tausend. Rasche-Verlag, Zurich 1950.

Kallwass, W.: Der Psychopath, Springer, Berlin — Heidelberg — New-York 1969.

Karson, S., K. B. Pool: Second order factors in personality measurement. J. Consult. Psychol. 22 (1958), 299.

Kisker, K. P.: Psychopathologie in den Vereinigten Staaten und England. Fortschr. Neurol. 27 (1959), 187.

Kluges, W.: Der menschliche Antrieb. Thieme, Stuttgart 1967. Kleinberg, A.: Karl May. Der Kunstwart 31 (1918), 141.

Kline, P.: The validity of the dynamic personality inventory. Brit. J. Med. Psychol. 41 (1967), 307.

Kluge, E.: Das Problem der chronischen Schadigung durch Extrembelastungen in der heutigen Psychiatrie. Fortscher. Neurol. Psychiat. 40 (1972), 1. Koch, /. L. A.: Die psychopathischen Minderwertigkeiten. Ravensburg 1891— 1893.

Kretschmer, E.: Hysterie, Reflex und Instinkt. 6. Aufl., Thieme, Stuttgart 1958.

— Medizinische Psychologie. 12 Aufl., Thieme, Stuttgart 1963.

— Korperbau und Charakter. Springer. Verlag. Berlin, 22. Aufl. 1965.

— Der sensitive Beziehungswahn. 4. Auf. Springer, Berlin — Heidelberg — New-York 1966.

Krevelen, A. van: uber den Begriff der Psychopathie in der Kinderpsychiatrie. Acta paedopsychiat. 37 (1970), 67—84.

Kringlen, E.: Obsessional Neurotics. A Long-term Follow-up. Brit. J. Psychiatry. Vol. Ill, 477 (1965), 709.

Kulawik, H., D. Decke: Letzte Aufzeichnungen — eine Analyse von 223 nach vollendeten Suizideu hinterlassenen Briefen und Mitteilungen. Psychiat, clin., Vol. 6, 4 (1973), 193—210.

Lader, M. H.: Studies of anxiety. Ashford, Headley 1969. Lange, W.: Holderlin. Enke-Verlag, Stuttgart 1908.

Leonhard, K. und Mitarb.: Normale und abnormale Personlichkeiten. Volk u. Ges., Berlin 1964.

—: Biologische Psychologie. J. A. Barth-Verlag, Leipzig, 4. Aufl. 1966; 5 Aufl. Frankfurt / M. 1972.

—: Die prapsychotischen Temperamente bei den monopolaren und bipolaren phasischen Psychosen. Psychiat. Neurol., Basel 146 (1963), 105—115.

—: Die genauere Form von Schizophrenie bei Holderlich in Beziehung zu seinem

Sprachgenie. Psychiat. Neurol. med. Psychol. 16 (1964), 41.

—: Kinderneurosen und Kinderpersonlichkeiten. Volk u. Ges., Berlin, 3. Aufl., 1967.

—: Mord aus Ha?liebe. Mschr f. Kriminologie 49. Jg. (1966), 9—17.

—: Der menschliche Ausdruck. J. A. Barth-Verlag, Leipzig, 1968.

Lersch, Ph.: Aufbau der Person. 7. Aufl. Joh. Ambrosius Barth, Munchen 1956.

Lidz, Th.: Psychoanalytic theories of development and maldevelopment: some recapitulations. Amer. J. Psychoanal. 27 (1967), 115—126.

Meili, R.: Deskriptive und erklarende Personlichkeitseigenschaften. Z. exper. u. angew. Psychol. 18 (1971), 621.

Mentzos, St.: Die Veranderung der Selbstreprasentanz in der Hysterie: Eine spezifische Form der regressiven De-Symbolisierung. Psyche. 25 (1971), 667. Messick, S., J. Ross: Measurement in personality and cognition. Wiley, New-York—London, 1962.

Meyer, J. — E.: Depersonalisation. Wege der Forschung. Bd. 72. Wissensch. Buchges. Darmstsadt, 1968.

Moor, P.: Heilpadagogik. 2 Aufl. Huber, Bern — Stuttgart 1969. Muhlen, H. v. der: Streitgesprach eines Lebensmuden. Z. f. klin. Psychol. Psychother. 21 (1973), 46.

Muller, D.: Ober die Schilderung einer anankastischen Konstitution mit Befurchtungsideen und abdominaler Komplikation in A. P. Tschechows «Der Tod des Beamten». Psychiat. Neurol. med. Psychol. 12 (I960), 193. Muller, 1.: Wie weit ist bei Zwangsneurosen eine Personlichkeitsdiagnostik mit Fragebogen moglich? Psychiat. Neurol. med. Psychol. 10 (1970), 381. Muller-Kuppers, M.: Psychodynamische Konzepte der Zwangsneurose unter besonderer Berucksichtigung psychoanalytischer Aspekte. Jahrb. Jugendpsychiat. 7 (1969), 193.

Panse, F.: Angst und Schrecken in klinisch-psychologischer und sozialmedizinischer Sicht. Arbeit u. Gesundheit. H. 47. Thieme, Stuttgart 1952. Pawllk, K.: Dimensionen des Verhaltens. Huber, Bern — Stuttgart 1968. Petrilowitsch, N.: Abnorme Personlichkeiten. S. Karger, Basel — New-York, 2. Aufl. 1964.

—: Charakterstudien. Karger, Basel — New-York 1969.

Petrilowitsch, N., R. Baer: Die Anlage-Umwelt-Problematik und der entwicklungspsychiatrische Aspekt. Fortschr. Neurol. Psychiat. H. 11, November (1967).

Petrilowitsch, N., R. Baer: Psychopathie 1945—1966 (Teil 2). Fortschr. Keiirol. Psychiat. 35 (1967), 627.

Rapaport, D.: Emotions and memory. Int. Univ. Press, New-York, 1950. Rasper, H. I.: Kriminalitat und Perversion als Manifestation von Uber-Ich-Isolierung und Liebesunfahigkeit. Untersuchung der Selbsbekenntnisse im Prosawerk Jean Genets.

Z. Psycother. u. med. Psychol. 20 (1970), 223. Sandler, J.: Studies in psychopathology using a self-assessment inventory. I. The development and construction of the inventory. Brit. J. med. Psychol. 27 (1974), 142.

Schipkowensky, N.: Pathologische Reaktionen der Personlichkeit; Neurosen und psychogene Psychosen. Maudrich, Wien 1960/61.

—: latrogenie oder befreiende Psychotherapie. Hirzel, Leipzig, 1965. Schirmer, S.: Motiviertes und unmotiviertes Weglaufen der Jugendlichen. Psychiat. Neurol. Med. Psychol. 18 (1966), 145.

Schmieschek, H.: Fragebogen zur Ermittlung akzentuierter Personlichkeiten.

Psychiat. Neurol. med. Psychol. 10 (1970), 378.

Schneider, K.: Die psychopathischen Personlichkeiten. Deuticke, Wien, 7. Aufl.

1944.

Seitz, W., G. Loser: Uber die Beziehung von Personlichkeitsmerkmalen zu

Schul- und Intelligenztest leistungen bei Gymnasial-Schulern. Z. exper, u.

angew. Psychol. 16 (1969), 651—679.

Spiel, W.: Therapie in der Kinder- und Jugendpsychiatrie. Thieme, Stutygart

1967.:

Spitz, R. A.: Vom Saugling zum Kleinkind. Klett, Stuttgart 1967. Stalte, H.: Der Volksschriftsteller Karl May, Karl-May-Verlag, Radebeul 1936.

Storring, H. E.: Besinnung und Bewu?tsein. Personlichkeitsaufbau und Personlichkeitszerfall aus psychologisch-padagogischer, soziologischer und psychiatrischer Sicht. Thieme, Stuttgart 1953.

Sullwold, L.: Forschungsziele und neuere Aspekte in der Psychotherapie. Nervenarzt 41 (1970), 21.

Tolle, R.: Katamnestische Untersuchungen zur zur Biographie abnormer Personlichkeiten. Springer, Berlin — Heidelberg — New-York, 1966. Trostorff, S. v.: Prapsychotische Temperamente bei den cycloiden Psychosen. Arch. Psychiatr. 208 (1966), 61—90.

—: Extraversion und Introversion sowie Kontaktfreudigkeit und Kontaktarmut bei normalen und prapsychotischen Personlichkeiten. Fischer, Jena 1970. Tuschy, G.: Depressive Struktur und Herzneurose. Z. Psychosomat. Med. n. Psychoanal. 18 (1972), 101.

Vetter, A.: Das menschliche Selbstverstandnis bei Philipp Lersch. Z. f. klin. Psychol.

Psychother. 20 (1972), 193—288.

Walton, H. J., G. A. Foulds, S. K. Littmann, A. S. Presly: Abnormal personality. Brit. J. Psychiat. 116 (1970), 497.

Whitlock, F. A.: The aetiology of hysteria. Acta psychiat. scand. 43 (1967), 144—162.

Willi, J.: Zur Psychopathologie der hysterichen Ehe. Nervenarzt 41 (1970), 157. —: Die angstneurotische Ehe. Nervenarzt 43 (1972), 399.

Wunderli, J.: 11. Medikation im Yoga. Schweizer Arch. Neurol. u. Psychiat. 110 f972), 189—380.

Zellinger E.: Psychologie nach behavioristisch-reflexologischer Fasson. Z. f. klin. Psychol. Psychother. 20 (1972), 193—288.

Zepf, S.: Funktionelle Syndrome und arztliches Gesprach. Z. psycho-somat. Med. u. Psychoanal. 18 (1972), 145.

Zubin, J.: Classification on behaviour disordes. Amer. Rev. Psychol. 18 (1967), 373.